

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

(ФГБОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Никонов Вадим Вадимович

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ В МОСКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ
В 1918–1958 гг.**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук,
доцент А.А. Киличенков

Москва - 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
ГЛАВА 1. Государственное администрирование жизнедеятельности церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.....	
1.1. Цель, задачи и периодизация администрирования жизнедеятельности приходов.....	86
1.2. Административные принуждение и контроль в государственной политике в отношении церковных приходов в Московской губернии/области.....	104
1.3. Административное манипулирование приходской жизнедеятельности в 1918–1958 гг.	150
1.4. Административное репрессирование как проявление радикализации антицерковной политики	187
ГЛАВА 2. Реализация на приходском уровне антирелигиозных и антицерковных идеологических и пропагандистских задач советской власти в 1918–1941 гг.....	
2.1. Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в 1918–1941 гг.: цель, формы и содержание.....	269
2.2. Деятельность Союза воинствующих безбожников на церковно-приходском уровне.....	330
2.3. Обновленческий раскол на приходском уровне как инструмент государственной антицерковной политики.....	364

ГЛАВА 3. Политические преследования приходского духовенства и мирян на территории Московской губернии/области в 1918–1958-х гг.....422

3.1. Репрессии по церковно-религиозному признаку на приходском уровне: периодизация, динамика, критерии 423

3.2. Реализация репрессивной политики в отношении приходского духовенства и мирян органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ (1918–1934 гг.).....451

3.3. Репрессии органов НКВД СССР в отношении приходского духовенства и мирян (1934–1946 гг.).....523

3.4. Репрессивная политика в отношении приходского духовенства и мирян и органы МГБ СССР-КГБ при СМ СССР (1946–1958 гг.).....572

ГЛАВА 4. Экономическая составляющая политики советского государства в отношении церковных приходов в 1918–1958 гг.....600

4.1. Национализация церковного имущества и ее последствия в 1918–1920-е гг.....603

4.1.1. Меры, предпринимавшиеся церковноначалием для сохранения прихода как системообразующего элемента церковного организма в 1918–1919 гг. в условиях лишения Церкви имущества.....603

4.1.2. Изъятие церковных ценностей в храмах Московской губернии.....619

4.2. Налогообложение церковных приходов как форма экономического воздействия на их деятельность 635

4.2.1. Налогообложение храмовых зданий и религиозных объединений.....641

4.2.2. Налогообложение служителей культа и членов церковных советов.....651

4.3. Инвентаризация имущества церковных приходов Московской области в конце 1950-х гг.: экономический аспект.....676

Заключение.....	693
Список сокращений.....	703
Список использованных источников и литературы.....	705

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В сегодняшнем российском обществе периодически возникает дискуссия относительно места Церкви¹ в государстве. С одной стороны, высказываются мнения о недостаточности влияния Церкви и проповедуемых ею в обществе религиозных идеалов на общественное сознание, с другой стороны, раздаются упреки в излишней клерикализации различных социальных институтов, в том числе школы, учреждений здравоохранения, СМИ. Такое разномыслие не случайно, так как десятилетия, прошедшие со времени радикального изменения государственно-церковных отношений на рубеже 1980–1990-х гг., оказались недостаточным сроком для формирования представлений о месте Церкви в светском государстве в условиях отсутствия гонений на веру и религию.

Одной из причин такого положения дел, как представляется, является то, что, несмотря на отсутствие гонений на Церковь, смысловое наполнение основного, базового элемента ее устройства – прихода остается неопределенным и по-прежнему трактуется, в том числе и законодательно, в категориях периодов, сначала воинствующего безбожия, а затем научного атеизма. Выразительной иллюстрацией к сказанному является отсутствие понятия прихода в главном законе, по которому Церковь существует в современной Российской Федерации, – ФЗ № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г. с последующими редакциями, вплоть до последней, принятой в июле 2023 г.). Между тем церковный приход является сообществом, часто единственным, через участие в жизни которого (церковной, молитвенной, хозяйственной, социальной, просветительской и пр.) православный верующий ощущает единение с Церковью Христовой и одновременно через призму которого наблюдает и оценивает положение Церкви и ее институтов в общественном устройстве.

---

¹ В контексте настоящего исследования речь идет о Русской православной церкви (РПЦ).

В научном плане эта проблематика остается недостаточно разработанной. При этом значение церковного прихода как одной из главных точек фокусировки для понимания процессов, происходящих в Церкви, а значит, и в обществе в целом, научным сообществом осознается. Об этом свидетельствует появление новейших, созданных в течение последних 10–15 лет, исследований диссертационного и монографического уровня², посвященных этой теме. При этом за более ранний (и значительно более длительный) период работ, обобщающих накопленный материал, мы не встречаем. Исключения составляют отдельные статьи, число которых в последние десятилетия неуклонно росло.

Таким образом, дальнейшее развитие научного знания требует продолжения исследования вопросов государственно-церковных отношений на уровне прихода, так как более общий взгляд на процессы, происходившие и происходящие в Церкви, не всегда позволяет составить адекватное о них представление. Между тем «приходская оптика», с нашей точки зрения, позволяет увидеть внутрицерковные процессы на глубинном, базовом уровне, от состояния которого напрямую зависит осознание верующими своего положения в обществе и государстве.

Актуальность работы в социальном плане, прежде всего, определяется тем, что Церковь, рассматриваемая как общественный институт, во все времена играла и играет большую роль в развитии общества и государства. В периоды кризисов, социальных трансформаций, поисков новых путей развития Церковь может и должна выступать опорным гражданским институтом, который способствует сохранению национальной и религиозной идентичности. Таким образом, государственная политика в отношении Церкви как прежде, так и в обозримом будущем приобретает выраженную актуальность.

Следует отметить, что Церковь – единственная институция, сохранившая свою структуру с дореволюционных времен, когда она не была отделена от

---

² Прежде всего следует упомянуть диссертационные исследования А.Л. Беглова и А.Ю. Гераськина, коллективную монографию под редакцией А.С. Агаджаняна и К. Русселе и тематический сборник «Приход Русской Православной Церкви. Материалы к изучению приходской жизни», вышедший в издательстве ПСТГУ в 2011 г.

государства, – выстояла после десятилетий гонений в значительной степени благодаря продолжавшейся все эти годы молитвенной жизни в приходах, которые, уменьшаясь количественно, продолжали объединять верующих, в том числе и в катакомбной форме. Постепенная подмена понятия «приход» понятием «религиозное объединение» в сознании самих верующих происходит на рубеже 1950–1960-х гг., чему вполне способствовала начавшаяся в то время хрущевская антирелигиозная кампания³. С этого времени церковный приход постепенно превращается в общественную организацию внутри Церкви, в свою очередь находившуюся в полном подчинении советского государства еще с 1943 г.

Необходимость построения взаимоотношений Церкви и общества с учетом исторического, главным образом советского, опыта через возвращение приходу утраченного содержания представляется актуальной проблемой всего церковного устройства. Решение этой проблемы станет важным шагом к оздоровлению Церкви и, как неизбежное следствие, гармонизации государственно-церковных отношений.

В указанном историко-политическом контексте сформулирована и *научная проблема* данного диссертационного исследования, заключающаяся в выявлении роли и места православного церковного прихода в антирелигиозной государственной политике в 1918–1958 гг.

Попыткой решения указанной проблемы является настоящее исследование положения православного прихода как базового элемента церковного организма, ставшего одной из главных точек приложения сил антирелигиозной и антицерковной государственной политики в период наиболее острого противостояния советского государства и Церкви.

Степень изученности темы

Говоря о степени изученности темы положения церковного прихода в первые четыре десятилетия советской власти, можно констатировать, что в таком узком

---

³ Раздававшиеся в 1960–1970-х гг. голоса «церковных диссидентов» были в том числе своеобразным откликом и на этот процесс.

аспекте она рассматривалась нечасто и главным образом в новейших диссертационных исследованиях, но даже в них не всегда становилась основной. Ниже будут отмечены работы, в которых приход является самостоятельным предметом исследования, однако для охвата проблемы в целом необходимо рассмотреть обширную историографию государственно-церковных отношений в 1918–1950-х гг. Представляется уместным разбить этот значительный по объему корпус сочинений на три основные группы: работы советского периода (до нач. 1990-х гг.), изданные в СССР, работы, изданные за тот же период за рубежом, и работы, увидевшие свет после радикальной смены государственного внутриполитического курса на рубеже 1980–1990-х гг. Внутри этих основных групп возможно более подробное деление по различным признакам (написанные отечественными или зарубежными исследователями, светскими или относящимися к духовенству и пр.), но наиболее заметные особенности, присущие тем или иным исследованиям, позволяют разделить их все на три указанные группы.

Работы советского периода (до 1991 г.), изданные в СССР

Литература советского периода, касающаяся вопросов взаимоотношений государства и Церкви, издававшаяся в СССР, рассматривала эту тему односторонне. Церковь как институт, по мнению советских авторов, была обречена самим ходом исторического развития социалистического общества. При этом, конкретных прогнозов, когда и как именно это произойдет, не давалось (популистские заявления некоторых партийных функционеров, таких как, например, В.Д. Бонч-Бруевич и Н.С. Хрущев, не в счет).

Попытки представить Церковь как структуру, находившуюся на службе царизма, предпринимались уже с 1918 г., когда, почти сразу после выхода Декрета СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»⁴ (далее: Декрет «Об отделении церкви от государства»), стали публиковаться агитационные брошюры, для написания которых большевики старались привлечь

---

⁴ Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 20 января (2 февраля) 1918 г. / Декреты Советской власти. Т. 1. – Москва, 1957. – С. 373, 374.

профессиональных историков, поддержавших революцию. Таким, в частности, стал Н.М. Лукин, оперативно подготовивший к печати статью «Церковь и государство»⁵. Как пример первых опытов аналитического осмысления положения Церкви в советском государстве можно привести работы одного из главных деятелей обновленческого раскола А.И. Введенского, написанные им в начале 1920-х гг.: «Церковь и голод»⁶; «Церковь Патриарха Тихона»⁷ и «Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства»⁸, в которых он с якобы православных позиций пытается донести до читателя мысль о необходимости обновления церковной жизни и церковного устройства, об отсутствии внутренних противоречий обновленчества с идеями революции, о реакционной и антинародной сущности «староцерковников», о том, что «церковь патриарха Тихона умерла естественной смертью: она изжила себя». В текстах А.И. Введенского, пропагандистских по своей сути, обнаруживаются и элементы аналитики, правда, тенденциозные и часто нелогичные.

Говоря о двух последних работах А.И. Введенского, следует отметить, что обе они имеют выраженный агитационный характер и нацелены на формирование у читателя определенных пробольшевистских и прообновленческих представлений. И если их заказчиком – прямым или опосредованным – являлась действующая власть, то адресатом – в первую очередь верующие и являвшиеся прихожанами по формальной принадлежности к Церкви, а также приходское духовенство, а во-вторую – епископат.

В своих работах А.И. Введенский употребляет термины, которые прочно войдут в советский новояз на ближайшие десятилетия. Прежде всего, к ним относится термин «церковник» как собирательный образ для верующих и духовенства, относившихся, с точки зрения автора, к отсталой, консервативной части христиан, и в силу своей отсталости являвшихся противниками всего

---

⁵ Лукин Н.М. (И. Антонов) Церковь и государство. М., Пг., 1918.

⁶ Введенский А.И. Церковь и голод. М., 1922.

⁷ Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923.

⁸ Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства. М., 1923.

прогрессивного как в церковном организме, так и в новом мироустройстве. Термин «церковники» будет активно использоваться сотрудниками органов ОГПУ-НКВД-МГБ и постоянно встречаться на страницах следственных дел. Еще одним термином, вошедшим в оборот, благодаря сочинениям А.И. Введенского, стало понятие «тихоновская церковь». Приверженцами «тихоновской церкви» стали называть всех, кто фактически остался верен Православной российской церкви и не уклонился в обновленческий и иные расколы.

Работы Введенского примечательны тем, что в них в самом начале 1920-х гг. обозначены социальные группы и сформулированы некоторые мотивы, по которым будут организовываться репрессии против духовенства и мирян Православной российской церкви. Прежде всего, это интеллигенция. «Интеллигенция, – пишет Введенский, – в этот период наносит особенный вред церкви. Именно она, лживо ко Христу подошедшая, является виновницей всех тех многочисленных бед, которые обрушились на церковь в 1922 году. Эта новая церковная интеллигенция ... занимается организацией церковных сил, понуждает робких и нерешительных батюшек братья за... несвойственное им политиканство, подготавливает народ к открытому выступлению против Советской власти при первом удобном случае»⁹. Примечательно, что, по мнению автора, интеллигенция наносит вред не властям, народу или республике, а Церкви, вовлекая батюшек и прихожан в антисоветские выступления.

Также за несколько лет до начала массовых репрессий против кулаков А.И. Введенский безошибочно указывает на кулачество как на социальную группу, враждебную советской власти, но действующую через проникновение в церковно-приходские советы: «кулачество проникает в церковно-приходские советы, которые являются в этот период опорными пунктами для проведения тихоновской политики. Здесь именно, согласно тихоновскому замыслу, концентрируются все наиболее активные консервативные цели»¹⁰. Здесь фактически обрисована схема,

---

⁹ Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства. М., 1923. С. 240.

¹⁰ Там же.

по которой будут проводиться атаки на православные приходы на протяжении всех 1920-х гг. Автор прямо указывает на то, что приходские советы являются враждебными советской власти группами.

Таким образом, в работах А.И. Введенского Церковь представляется непримиримым врагом советской власти и определяются социальные группы, якобы подготавливающие открытые антисоветские выступления, действуя через церковные советы, то есть на низовом приходском уровне. Работы Введенского написаны ярко, содержат запоминающиеся образы и выразительные умозаключения, многие из которых уязвимы для критики, а некоторые содержат недостоверную информацию. Однако, несмотря на это, их можно считать первым советским опытом создания новой церковной истории и формирования просоветского взгляда на государственно-церковные отношения.

Примечательным представляется тот факт, что в начале 1960-х гг., то есть на гребне новой волны гонений на Церковь, работы обновленческого митрополита А.И. Введенского были признаны подлежащими изъятию из библиотек и из книготорговой сети¹¹.

В текстах других советских авторов того же и чуть более позднего периода пропаганда вытесняет аналитику практически полностью, и наиболее выразительным примером в этом смысле являются работы председателя Союза воинствующих безбожников СССР Ем. Ярославского¹².

Значительное число текстов первой половины 1920-х гг. посвящено теме голода, помощи голодающим и изъятию церковных ценностей. К таким работам, помимо брошюр А.И. Введенского, можно отнести: «Голод»¹³ и «Церковные

---

¹¹ Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. Ч. II. М., 1961. С. 49

¹² Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 1925. 36 с. Ярославский Ем. Как рождаются живут и умирают боги и богини. М., 1923. 48 с.; Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. М., 1925. 388 с.; Ярославский Ем. Агитационно-пропагандистская работа Р. К. П. (между XI-м и XII-м съездами). М., 1923.

¹³ Горев М.В. Голод. Ново-Николаевск., 1922. 24 с.

богатства и голод в России» М. Горева¹⁴, «Князья церкви и голод. Революция и церковь» Д. Зорина¹⁵.

Характерным представляется то, что к теме контрреволюционной политики Церкви во время Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в СССР периодически возвращались, причем именно в те периоды, когда требовалось в очередной раз продемонстрировать хищническую и реакционную сущность «церковников». Так, в начале 1930-х гг., в преддверии очередного голода и одновременно времени пробуксовывания политики колхозного строительства, появляются почти одновременно несколько брошюр Б.П. Кандидова¹⁶ с «говорящими» названиями: «Вредительство, интервенция и церковь»; «Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция»; «Голод 1921 года и церковь»; «Церковь и гражданская война на юге»; «Церковь и контрразведка», автора плодovitого и востребованного властями. Он прямо указывает на приходы как на эффективные в борьбе с советской властью и потому опасные низовые очаги контрреволюции: «Внутри страны церковь сумела создать подлинный фронт, фронт необычайно живучий и яростно наносивший удары с тыла. Каждая церковь – крепость контрреволюции, каждый церковник – ее агент и шпион!»¹⁷

На рубеже 1920–1930-х гг. выходят в свет тексты Е.Ф. Грекулова, сотрудника Московского отдела народного образования и члена редколлегии журнала «Атеист», «Московские церковники в годы реакции»¹⁸ и «Нравы русского духовенства»¹⁹, где с вульгарно-атеистических позиций представлена деятельность Церкви и приходского духовенства. Примечательной является оценка Грекулова, данная им широко распространившимся после 1905 г. на приходах Обществам

---

¹⁴ Горев М.В. Церковные богатства и голод в России. М., 1922. 8 с.

¹⁵ Зорин Д. Князья церкви и голод. Революция и церковь. Ростов н/Д., 1922. 68 с.

¹⁶ Кандидов Б.П. Вредительство, интервенция и церковь. М., 1931. 72 с.; Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция. М., 1930. 148 с.; Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М., 1932. 96 с.; Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931. 298 с.; Кандидов Б.П. Церковь и контрразведка. М., 1930. 96 с.

¹⁷ Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М., 1932. С. 18.

¹⁸ Грекулов Е.Ф. Московские церковники в годы реакции. М., 1932. 48 с.

¹⁹ Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. СПб., 2011. 98 с.

хоругвеносцев, которые он называет «проводниками контрреволюционного движения, сыгравшими весьма видную роль в деле подавления революционного движения в Москве»²⁰. Не меньшей опасностью для революционного движения считает Е.Ф. Грекулов многочисленные братства, открывавшиеся во многих приходах в «годы реакции, которые совершенно открыто ставили своей задачей борьбу с социализмом»²¹. В числе прочих церковных групп, организуемых на приходах, автор упоминает «церковно-певческие хоры», «кружки ревнителей православия» и «группы народного чтения». Говоря об участии Церкви в деле народного образования, Е.Ф. Грекулов отмечает, что через школу Церковь проводила воспитание учащихся в духе преданности власти и вела решительную борьбу с материалистическим мировоззрением и проникновением в школу революционной пропаганды. Приходские школы Московской губернии, по мнению автора, служили тем же целям реакции и распространения монархических взглядов, как и весь церковно-политический аппарат»²². И наконец, отдельную главу брошюры автор посвятил «доходам и нравам» московского духовенства. Здесь говорилось о жадности духовенства и его экзистенциальной враждебности прихожанам, так как интересы тех и других зачастую прямо противоположны. Приводились цифры по числу храмов Московской епархии и служащего в них духовенства, при этом главной деятельностью приходского духовенства Грекулов назвал «полицейскую опеку населения для оглупления масс»²³. Автором приведено несколько примеров недостойного поведения настоятелей сельских храмов, из чего он делает вывод о системности существующей проблемы.

Говоря о доходах Церкви и духовенства, следует отметить, что, помимо выражено пропагандистских сочинений, в 1920-х гг. издаются работы, свидетельствующие о понимании властями предрержащими важности подлинной статистической информации об экономическом положении деревни, и в том числе

---

²⁰ Грекулов Е.Ф. Московские церковники в годы реакции. М., 1932. С. 13.

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 46.

об экономике прихода. К таким работам, изданным одна за другой, можно отнести книги А.Л. Вайнштейна «Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время»²⁴, А.М. Большакова «Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период»²⁵ и пр.²⁶

Обращает на себя внимание, что в единственной в своем роде научной работе «История русской церкви» Н.М. Никольского, впервые увидевшей свет в 1930 г. и сразу же переизданной в 1931 г., автор не только не касается советского периода, но даже предреволюционный период описывает довольно робко, если не сказать скомканно. Примечательна концовка книги, где, чуткий к общественному курсу Никольский, выражает свои представления о будущем Церкви вполне осторожно: «... созданное революцией общество уже не нуждается в религии. Сумерки богов наступили, дело идет к их вечной ночи»²⁷.

Начало и первая половина 1930-х гг. ознаменовались оперативным выходом ряда книг и брошюр по актуальным темам (например, брошюра «Киров. Вождь, учитель и друг» была издана через несколько дней после его убийства)²⁸. Прежде всего, это работы, направленные на поддержку колхозного строительства, в которых находят отражение выпады против всех, кто этому строительству якобы препятствует, то есть в первую очередь против кулаков и во вторую – против «церковников». Необходимо добавить, что именно кулаки, как стали называть большую часть зажиточных крестьян, составляли значительную часть церковных приходских советов. Прежде всего следует отметить брошюры И. Князева «Как

---

²⁴ Вайнштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования). М., 1924. 172 с.

²⁵ Большаков А.М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л., 1925. 114 с.

²⁶ Азарин М., Двинятин В., Тарасенко А. Сельхозналог 1932 года в вопросах и ответах. М., Л., 1932. 84 с.

²⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1995. С. 435.

²⁸ Киров. Вождь, учитель, друг. Л., 1934. 72 с.

попы и кулаки боролись с колхозом»²⁹, А.К. Азизяна «Крепить колхозы. Ответы на вопросы колхозницы»³⁰, Ф. Путинцева «Кулацкое светопредставление»³¹ и пр.³².

В 1932 г. тиражом 15 тыс. экземпляров в свет вышел сборник статей «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932»³³. Книга была издана Государственным антирелигиозным издательством, а подготовлена Центральным советом воинствующих безбожников и Институтом философии Коммунистической академии. Обращает на себя внимание несоответствие названия сборника фактическому положению дел, так как Союз воинствующих безбожников формально был организован в 1929 г. на II съезде Общества друзей газеты «Безбожник», а само движение, как следует из его названия, сформировавшееся вокруг указанной газеты, начало свою деятельность не ранее 1922 гг. Таким образом, в 1932 г. воинствующие безбожники могли отмечать лишь свое десятилетие, и то с оговорками. Однако, указав в качестве начала своей работы 1917 г., издатели и авторы сборника стремились соотнести антирелигиозное движение с победой большевистской революции, что в целом представляется оправданным, так как вполне определяет отношение советского государства к Церкви и религии. Принципиальной, с нашей точки зрения, является дата выхода указанного сборника – 1932 г., ставшая началом очередной волны гонений на духовенство и верующих, так как лейтмотивом сборника явилось формулирование актуальных идеологических установок в отношении Церкви на ближайшие годы.

Содержание статей, составивших сборник, помимо малоинформативных и демагогических, типа «Ленинизм против религии» Ем. Ярославского³⁴, можно

²⁹ Князев И. Как попы и кулаки боролись с колхозом. М., Л., 1930. 32 с.

³⁰ Азизян А.К. Крепить колхозы. Ответы на вопросы колхозницы. М., 1932. 72 с.

³¹ Путинцев Ф. Кулацкое светопредставление. М., 1930. 82 с.

³² Алексеев И., Шишаков В. Кулацкие окопы (Религия и водка в деревенском быту). М., 1930.; Милютин В.П. Кондратьевщина. Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве. М., 1930. 128 с.

³³ Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. 528 с.

³⁴ Ярославский Е. Ленинизм против религии. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 4–14.

разделить на две основные темы: историческую и современную. К первой можно отнести статьи, в которых авторы описывали развитие государственно-церковных отношений в рассматриваемый период, а ко второй – официальную точку зрения на положение Церкви в СССР в начале 1930-х гг. И то и другое определяло актуальность выхода сборника.

Как пример трансформации ряда прежних представлений можно привести новую трактовку обновленческого движения, которое к началу 1930-х гг. утратило свою значимость для властей и постепенно уходило на задний план при новых инструментах борьбы с Церковью: «На смену упорствующей тихоновской («мертвой») церкви, – писал о событиях начала 1920-х гг. один из авторов сборника, – быстро выдвигается обновленческая («живая») церковь во главе с митрополитом Введенским... Расцветшее было в первые года раскола живоцерковное движение начинает затем постепенно сворачиваться. В наши дни, к 1932 г., оно не играет заметной роли в церковной жизни». Таким образом, читателю дается прямая установка: обновленцы государство более не интересуют. Такая же судьба ожидает и иные расколы, инспирированные советскими спецслужбами, – «иосифлянский» и «григорианский»: «григорьевская» и «иосифлянская» церкви, после ряда беспринципных стычек и драк, просто разложились и влились обратно в «лоно» тихоновской своей «праматери»³⁵.

Одновременно с этим в грозных тонах описывается антисоветская деятельность Церкви, причем формулировки, встречающиеся на страницах сборника, часто текстуально совпадают одновременно с текстами газетных публикаций и обвинительных заключений следственных дел: «Церковь, православная церковь в особенности, в борьбе за восстановление утраченного политического и экономического положения, в борьбе за сохранение непрерывно падающего влияния на широкие трудящиеся массы, выступает агентом, застрельщиком и активнейшим участником антисоветских выступлений,

---

³⁵ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 125.

гражданской борьбы, интервенции, контрреволюции, вредительства и т.д.»³⁶. Более того, автор цитируемой статьи утверждает, что после потрясений 1920-х гг. «единый фронт тихоновской (мертвой) старой церкви восстановился... и поповство заключает тесный союз с вредителями». Читателю, с одной стороны, дается понять, что Церковь до сих пор не побеждена, а с другой что подобное положение дел недопустимо и требует активного противодействия, то есть очередного витка репрессий.

Антицерковную работу в начале 1930-х гг. стараются поставить на «научные» рельсы. Для этого налаживается выпуск научно-популярной антирелигиозной литературы³⁷ и всевозможных антирелигиозных учебников³⁸, адресованных публике вообще, а также отдельным ее представителям. Так, в печати появляются антирелигиозные учебники для колхозников, красноармейцев и пр., а также песенники³⁹ и сборники пословиц и поговорок. Одновременно с этим в печати разрабатывается тема сектантства, причем в самых радикальных проявлениях⁴⁰.

Рассматривая корпус работ по проблеме взаимоотношений государства и Церкви в 1920–1950-х гг., следует упомянуть о книге, вышедшей в издательстве Московской патриархии в 1942 г., – «Правда о религии в России»⁴¹. Издание

---

³⁶ Там же. С. 124.

³⁷ Мальвер А. Наука и религия. Москва, Петроград., 1923. 176 с.; Гидулянов П.В. Загробная жизнь как предмет спекуляции, или индульгенции в римско-католической и греко-православной церкви (фактические материалы). М., 1930. 178 с.; Никольский Н.М. Еврейские и христианские праздники, их происхождение и история. М., 1931. 136 с.; Бобров Ник. Красный петух. М., 1929. 52 с.; Ранович А.Б. Еврейские осенние праздники. М., 1931. 32 с.; Ранович А.Б. Как создавались жития святых. М., 1960. 72 с.; Ранович А.Б. Происхождение христианских таинств. М., 1931. 216 с.

³⁸ Лукачевский А. Учебник для антирелигиозных кружков. М., 1929. 338 с.; Родинов Ф. Красноармейский антирелигиозный учебник. М., 1931. 248 с.; Шейман М.М. Антирелигиозный учебник. Для кружков и самообраз. Горький., 1938. 432 с.; Николин А. Блок-нот антирелигиозника № 6. Религия и молодежь. М., Л., 1931. 48 с.

³⁹ Градов Гр. Безбожный песенник. М., 1930. 48 с.

⁴⁰ Горский Евг. Изуверы в рясах (Ленинградская секта скопцов). М., 1930. 40 с.; Путинцев Ф. Духоборье (Очерк из современной жизни сектантов-духоборов) М., 1928. 49 с.

⁴¹ Правда о религии в России / Ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Г.П. Георгиевский, прот. Александр Смирнов. М., 1942. 456 с.

представляло собой сборник статей, речей и воззваний ряда авторов, большинство из которых были священнослужителями, а четверо – архиереями. Книга была ориентирована главным образом на зарубежного читателя и уже самим фактом своего выхода должна была символизировать возобновление церковно-издательской деятельности, хотя печаталась она в типографии Союза воинствующих безбожников. Сборник имел, разумеется, патриотическую направленность и демонстрировал единение Церкви и верующих со всем советским народом в борьбе против фашизма. В круг нашего рассмотрения он попал по двум причинам. Во-первых, важен сам факт его издания, ибо он знаменовал грядущие перемены в положении Церкви в СССР. Во-вторых, в нем, содержались два очерка, описывавших систему государственно-церковных отношений так, как советское руководство считало необходимым представлять их за пределами СССР. Первый очерк был редакционным, второй принадлежал перу Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), в скором будущем – Патриарха. Лейтмотивом обоих стало не просто декларирование свободы вероисповедания в СССР, но и утверждение ложности насаждаемого из-за рубежа посыла о том, что немецкая армия, неся освобождение народам от большевиков, также даст подлинную свободу верующим. В книге неоднократно отмечалась гуманная и демократичная суть Декрета «Об отделении церкви от государства» и утверждалось, что советская Конституция дает равные права верующим и неверующим и никакого гонения на первых не существует. Деликатная тема преследований по политическим мотивам в одном из очерков все же присутствует, но в такой форме, что характеризует положение Церкви в СССР выразительнее любого самого жесткого критика: «За годы после Октябрьской революции в России бывали неоднократные процессы против церковников. За что судили этих церковных деятелей? Исключительно за то, что они, прикрываясь рясой и церковным знаменем, вели антисоветскую работу. Это были политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с церковной жизнью религиозных организаций». Таким образом, позиция органов ОГПУ-НКВД – не давать процессам над священно- и церковнослужителями антицерковной окраски – в 1942

г. стала официальной позицией Православной российской церкви: «Православная Церковь, – читаем далее, – сама громко и решительно осуждала таких своих отщепенцев, изменяющих ее открытой линии честной лояльности по отношению к советской власти»⁴².

Проект издания книги «Правда о религии в России» в 1942 г. был признан удачным, и в 1943 г. свет увидело новое подобное издание – «Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов»⁴³.

Активизация издания антицерковной литературы в СССР продолжилась в период антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., достигла своеобразного пика к празднованиям 50-летия революции в 1967 г., после чего пошла на спад. Этот период ознаменован значительным числом работ, тиражирующих ставшие штампами представления о роли Церкви в обществе и ее борьбе против установления советской власти. Всего, по подсчетам С.Л. Фирсова, только за 1961–1962 гг. вышло 667 наименований атеистических книг и брошюр общим тиражом 11 млн экземпляров, а также было защищено три докторских и несколько десятков кандидатских диссертаций⁴⁴. Информационно литература такого плана была полностью лишена не только новых фактов, но и попыток их осмысления, поэтому может представлять интерес лишь как образчик существовавшей в СССР практики отмечать советские юбилеи выходом литературы на соответствующие темы. Характерным примером сказанному может служить работа Р.Ю. Плаксина «Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг.»⁴⁵, вышедшая в издательстве «Наука» в 1967 г. тиражом 20 тыс. экз.

Завершая рассмотрение советской литературы по вопросам государственно-церковных отношений, следует отметить вышедший в 1989 г. значительным, даже по советским меркам, тиражом в 200 тыс. экз. сборник «Русское православие: Вехи

---

⁴² Там же, с. 26.

⁴³ Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943.

⁴⁴ Фирсов С.Л. Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004. С. 49.

⁴⁵ Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1967. 193 с.

истории»⁴⁶, содержащий ряд очерков по истории Церкви с периода Древней Руси до конца 1980-х гг. Коллективная монография, ориентированная на массового читателя, стала заметным событием среди интересующихся историей Церкви. Заключительная статья сборника «Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции» принадлежит перу Н.С. Гордиенко⁴⁷, который, несмотря на очевидные перемены в отношениях государства и Церкви, стоит на выраженной антицерковной позиции, тиражируя многочисленные агитационные материалы советского образца, уже во время выхода книги в свет, воспринимавшиеся как анахронизм. Указывая на реакционный характер деятельности церковного руководства в первые послереволюционные годы, автор одновременно отмечает положительные последствия обновленческого раскола, который «ускорил разрыв основной массы священнослужителей с внутренней и внешней контрреволюцией, стимулировал переход всей русской православной церкви на позицию лояльности к Советской власти»⁴⁸. Воспитанный в советских представлениях об истории Церкви в СССР, Н.С. Гордиенко придерживается вплоть до начала 1980-х гг. взгляда, что обновленчество, слившись с «тихоновщиной», не проиграло, а победило последнюю⁴⁹. Подробно описывая события 1920–1930-х гг., связанные с полемикой вокруг Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г.⁵⁰, деятельностью Союза воинствующих безбожников, внутрицерковными процессами и т.д., Н.С. Гордиенко полностью обходит вниманием вопросы репрессий против духовенства, мирян и отдельных приходов, продолжавшихся все эти годы. Такая позиция вполне соответствовала существовавшей практике не

---

⁴⁶ Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. 719 с.

⁴⁷ Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции. / Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 616–691.

⁴⁸ Там же. С. 634.

⁴⁹ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. 366 с.

⁵⁰ Полное название документа: «Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви» от 16/29.07.1927. В дальнейшем: «Декларация».

указывать в обвинительных заключениях истинные причины гонений, заменяя их общими формулировками «антисоветская пропаганда», «контрреволюционная агитация», «сопротивление колхозному строительству и пр.», о чем будет подробно сказано в III главе настоящего исследования. Опубликованная большим тиражом статья Н.С. Гордиенко свидетельствует об актуальности такого рода представлений на рубеже 1980–1990-х гг.

Подводя итог советской историографии истории РПЦ, можно сделать вывод о том, что рассмотрение вопросов взаимоотношений государства и Церкви в советской историографии было тенденциозным и развивалось в соответствии с господствовавшей идеологией. Роль Церкви в общественной жизни искусственно принижалась, а сопротивление верующих и духовенства утверждению советской власти, напротив, представлялось значительно более ожесточенным, нежели об этом можно судить, опираясь на сохранившиеся документы. При этом об антицерковных репрессиях в официальной литературе либо не упоминалось вовсе, либо, как, например, в агитационном издании «Правда о религии в России» 1942 г., декларировалось признанное официально утверждение о том, что если даже кто-то из духовенства и верующих и был осужден, то исключительно за преступления уголовного характера, но не по причинам исповедным. Таким образом, работы, изданные в СССР в период с 1918 до конца 1980-х гг., решали главным образом идеологические, но не научные задачи и могут рассматриваться лишь в этом контексте.

Целью работ по вопросам взаимоотношений государства и Церкви в СССР, созданных и издававшихся до рубежа 1980–1990-х гг., была исключительно антицерковная и антирелигиозная пропаганда, хотя ее формы претерпевали некоторые изменения. Однако содержательно работы рассматриваемого периода принципиальных различий не имели. Не менялась со временем и «исследовательская оптика», что наглядно продемонстрировали исследования, опубликованные в середине 1960-х гг., изданные к 50-летию советской власти.

Говоря об авторах работ рассмотренного периода, следует отметить, что исследователей-аналитиков среди них практически не было. В основном ими

становились ангажированные властями пропагандисты, чьи тексты представляли собой набор лозунгов, либо подкрепленных тенденциозно подобранными и интерпретированными фактами, либо не подкрепленных фактами вовсе и ориентированных на самый примитивный уровень восприятия. Исключение составляли отдельные авторы, такие как, например, А.И. Введенский или Н.С. Гордиенко, сочинения которых претендовали на своеобразную аналитичность, однако по сути преследовали те же пропагандистские цели, но с ориентацией на более взыскательную аудиторию.

Таким образом, тексты советского периода, изданные в СССР, содержат исключительно мало фактической информации о положении Церкви в советском государстве, а та, что имеется в указанных сочинениях, не может рассматриваться как достоверная и должна рассматриваться в качестве иллюстрации представлений, транслируемых государством обществу.

Работы, посвященные вопросам взаимоотношений государства и Церкви в СССР, созданные в период 1920–1980-х гг. за рубежом.

Эти исследования, опубликованные как за рубежом, так и в СССР и РФ, делятся на созданные отечественными и зарубежными авторами.

Особая ценность работ, написанных в указанный период и изданных за рубежом, заключается в том, что их создатели, как правило, были современниками описываемых событий, а часто – непосредственными участниками. В обоих случаях они имели возможность общения с эмигрантами и знакомства с вывезенными ими документами, что позволяет предполагать в их работах точность и обоснованность выводов.

Одной из первых работ, вышедших уже в первой половине 1920-х гг., стал сборник, составленный А.А. Валентиновым (в издании он указан именно как составитель, но не как автор), «Черная книга. Штурм небес»⁵¹. Это яркое,

---

⁵¹ Черная книга: («Штурм небес»): Сб. документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А.А. Валентинов; введ. ст. П.Б. Струве. Париж, 1925. 295 с.

эмоционально окрашенное повествование о начальном этапе антицерковного террора, часто сопровождавшегося бессудными расправами над священниками. Кроме того, в книге содержится краткое описание наиболее известных процессов начала 1920-х гг.: дела патриарха Тихона, митрополита Вениамина (Казанского), процесса, связанного с изъятием церковных ценностей и некоторых других. В работе предпринята попытка анализа происходивших событий. Показано, что бездумная атака на Церковь приводит к разрушению семьи, разращению подрастающего поколения, расколу в среде духовенства, который неизбежно ведет к потере ориентиров не только верующими, но и гражданами вообще. Автор четко формулирует цели большевиков по уничтожению религии и Церкви, прослеживает направления их действий. Работа – и это редкость для подобных текстов в 1920-х гг. – содержит обширные приложения и справочный аппарат, представляющий сегодня исключительную ценность. В приложениях, например, перечислены иерархи Православной российской церкви, находившиеся на момент написания работы в ссылке или в заключении. Имеется список вскрытых раков со святыми мощами с указанием дат произведения кощунственных действий, а также сведения о ценностях, изъятых из ряда храмов и монастырей в период кампании 1922 г.

К числу наиболее ранних работ, посвященных теме первой волны большевистского террора, относится книга С.П. Мельгунова «Красный террор в России»⁵². Впервые книга вышла в 1923 г., но через год было выпущено второе издание. Работа, как и сборник А.А. Валентиновна, достаточно эмоциональная, что, впрочем, представляется вполне естественным, ибо создавалась она вскоре после эмиграции историка. Работа не относится к церковно-историческим – ее предмет шире. Но для понимания происходившего представляет несомненный интерес.

Важные свидетельства о жизни гонимой Церкви в первые послереволюционные годы содержатся в работе В.Ф. Марцинковского «Записки верующего. Из истории религиозного движения в советской России (1917–1923)»⁵³,

---

⁵² Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. Берлин, 1924. 312 с.

⁵³ Марцинковский, В.Ф. Записки верующего: Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923). Прага, 1929. 224 с.

вышедшей в Праге в 1929 г., куда вынужден был эмигрировать автор. В книге собраны свидетельства о восприятии перемен в церковной жизни и гонений на нее простыми верующими, прихожанами московских храмов.

Следует отметить работы по истории Церкви в СССР протоиерея Димитрия Константинова, оказавшегося в вынужденной эмиграции во время Великой Отечественной войны и ставшего, таким образом, свидетелем гонений на Церковь в довоенное время⁵⁴.

Глубокая аналитика положения Церкви в СССР содержится в сборнике «Судьба и грехи России» Г.П. Федотова. В разделе «К вопросу о положении Русской Церкви» он отмечает: «не будет преувеличением, а точным выражением действительности назвать тот режим, в котором живет русская Церковь, режимом гонений»⁵⁵. И далее: «Прежде всего гонение на веру в России носит скрытый или наполовину скрытый характер. Людей никогда не убивают и не ссылают «за имя Христово», а чаще всего под прикрытием мнимых политических преступлений»⁵⁶.

В 1968 г. в Мюнхене была издана книга Т.К. Чугунова «Деревня на голгофе», где автор описывает события, очевидцем которых являлся сам. В частности, в книге содержится описание типичной схемы организации репрессий против духовенства: «на «враждебные элементы» были наложены непосильные налоги. За невыполнением налога следовала конфискация всего имущества, тюрьма или ссылка «неплательщика-саботажника». Тот же метод был применен и по отношению к духовенству. На священника был возложен непосильный «налог на доход»⁵⁷. Священник, не дожидаясь лагеря, уехал куда-то, бесследно скрылся».

---

⁵⁴ Константинов Д.В., прот. Гонимая церковь: (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967. 383 с.; Константинов Д.В., прот. Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР. Мюнхен, 1956. 78 с.; Константинов Д.В., прот. Советская молодежь в борьбе за церковь (1920–1930). Мюнхен, 1955. 12 с.; Константинов Д.В., прот. Русская православная церковь в СССР: сб. Мюнхен, 1962. 244 с.

⁵⁵ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. С. 185.

⁵⁶ Там же, с. 187.

⁵⁷ Чугунов Т.К. Деревня на голгофе. Летопись коммунистической эпохи от 1917 до 1967 гг. Мюнхен. С. 293

Описывая разрушения храмов большевиками, автор утверждает, что об этом даже была сочинена поговорка: «Добыча кирпича по методу Ильича»⁵⁸.

Здесь же укажем на обширный пласт подобных публикаций, составивших 12-й и 14-й тома Всероссийской мемуарной библиотеки, основанной А.И. Солженицыным: «Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции»⁵⁹ и «Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельства очевидца»⁶⁰, а также сборник «Поживши в ГУЛАГе»⁶¹.

К числу работ, написанных отечественными авторами, но вышедших за рубежом, следует отнести книгу Л.Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг.»⁶². Эта книга по праву может считаться первым исследованием, претендующим на полноту охвата заявленной темы. Не имея привычных для сегодняшних ученых возможностей по сбору, обработке и, главное, верификации информации, автор создал комплексное исследование, на полтора десятилетия, ставшее почти единственным источником сведений о положении Церкви в СССР. Работа сопровождается обширными приложениями, содержащими сведения о епископате за несколько десятилетий с разделением на «сергианцев» и «непоминающих». Имена некоторых сопровождаются довольно подробными биографиями, а иногда – библиографический список их трудов. Книга неоднократно переиздавалась.

Говоря об исследованиях середины XX в. зарубежных авторов, следует в первую очередь отметить Р. Конквеста и его работу «Большой террор: Сталинские чистки 30-х»⁶³, вышедшую в 1968 г. и представляющую собой первый опыт анализа периода «ежовщины». Книга основана на значительном объеме информации,

---

⁵⁸ Там же, с 292.

⁵⁹ Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции. М., 2009. 488 с.

⁶⁰ Гойченко Д.Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельства очевидца. М., 2009. 376 с.

⁶¹ Поживши в ГУЛАГе. Сборник воспоминаний. Всероссийская мемуарная библиотека. / Под ред. Н.Д. Солженицыной. М., 2001. 408 с.

⁶² Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг. Париж, 1977. 625 с.

⁶³ Конквест Роберт. Большой террор: Сталинские чистки 30-х. В 2-х томах. Рига, 1991. 416 + 432 с.

обнародованной в период хрущевской «оттепели», а также на свидетельствах бывших узников лагерей, попавших в поле зрения автора. Кроме того, использовались различные официальные советские документы (сведения о переписи населения, правительственные акты и пр.). Конквест занимал выраженную антикоммунистическую позицию (известно даже, что он подверг критике ряд общественных деятелей за поддержку – активную и молчаливую – сталинской политики), что не могло не сказаться на оценках, высказанных в работе, которая, тем не менее, и по сей день является не только источником сведений, но и выразительным историографическим фактом сама по себе. Говоря о Р. Конквесте, следует упомянуть еще одну его более позднюю работу – «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом»⁶⁴, посвященную репрессиям и голоду начала 1930-х гг., спровоцированным сталинским планом коллективизации сельского хозяйства. Несмотря на то что в работах рассмотрен общий спектр объектов репрессивной политики СССР, гонения на Церковь занимают в нем свое место.

В 1974 г. в парижском издательстве ИМКА-Пресс вышел сборник статей русской интеллигенции «Из-под глыб», в котором сделана попытка рефлексии положения Церкви в СССР. В сборник вошли статьи писателей, общественных деятелей и ученых, а также редактора и составителя сборника – А.И. Солженицына⁶⁵.

В конце 1980-х гг. в германском издательстве Посев вышла небольшая брошюра «Крестный путь церкви в России, 1917–1987», содержащая хронологический список основных дат, связанных с гонениями на Церковь в СССР⁶⁶.

Различные аспекты взаимоотношений государства и Церкви в СССР отражены в следующих работах, изданных за рубежом: «Русская церковная смута»

---

⁶⁴ Конквест Роберт. Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом. London, 1988. 620 с.

⁶⁵ Из-под глыб: сб. статей. Paris, 1974. 281 с.

⁶⁶ Крестный путь церкви в России, 1917–1987. Франкфурт-на-Майне, 1988. 14 л.

И. Стратонова⁶⁷, «Церковь под властью коммунизма» А.А. Боголепова⁶⁸, две работы И.М. Андреева: «Заметки о катакомбной Церкви в СССР»⁶⁹ и «Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней»⁷⁰, труд профессора протопресвитера Василия Виноградова «О некоторых важнейших моментах последнего периода в жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.). По личным воспоминаниям»⁷¹ и работа епископа Григория (Граббе) «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом»⁷².

Отдельного упоминания заслуживают работы прот. Михаила Польского, ставшего свидетелем и участником драматичных событий в истории Церкви, происходивших в 1920-х гг. Отец Михаил, неоднократно арестовывавшийся органами ОГПУ, был лично знаком с патриархом Тихоном и представителями епископата, разделившегося по линии отношения к деятельности митрополита Сергия (Страгородского). В своих работах прот. Михаил Польский последовательно доказывает нелегитимность церковного руководства митрополита Сергия⁷³ и недопустимость проводившейся им политики (перемещение епископов на кафедры по согласованию с ОГПУ, удаление с приходов неугодных властям священников и пр.)⁷⁴. В работе «Новые мученики Российские»⁷⁵ содержатся жизнеописания пострадавших в эпоху гонений на Церковь в СССР епископата, приходского духовенства и мирян, в том числе и

---

⁶⁷ Стратонов И. Русская церковная смута. 1921–1931. Берлин, 1932. 205 с.

⁶⁸ Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. 204 с.

⁶⁹ Андреев И.М. Заметки о катакомбной Церкви в СССР. Джорданвиль, 1947. 180 с.

⁷⁰ Андреев И.М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней. Джорданвиль. 1951.

⁷¹ Василий Виноградов, протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода в жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.). По личным воспоминаниям. Мюнхен, 1959.

⁷² Григорий (Ю.П. Граббе) еп. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961. 216 с.

⁷³ Польский М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвиль. 1948. 196 с.

⁷⁴ Польский, М. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. – Иерусалим, 1931. 126 с.

⁷⁵ Польский М. Новые мученики Российские. Джорданвиль, 1957.

подвизавшихся на территории Московской области (епископ Серпуховской Максим)⁷⁶.

Ценность работ по теме государственно-церковных отношений, изданных за рубежом, заключается прежде всего в том, что они создавались без какого-либо идеологического прессинга и их авторы имели возможность свободного выражения своей позиции, самостоятельного поиска источников, их выбора и интерпретации. Кроме того, многие работы создавались, когда еще были живы участники и свидетели событий, что давало возможность более точно их описывать. Это обстоятельство является существенным по сравнению с новейшей отечественной историографией, берущей начало в 1990-х гг., когда большинства свидетелей уже не было в живых, а оставшиеся находились в преклонном возрасте, когда уже не могли, а часто и не хотели сообщать какие-либо сведения. К числу положительных свойств рассматриваемых работ относится также и то, что в распоряжении их авторов имелись различного рода документы, вывезенные из РСФСР и СССР, часто представлявшие собой исключительную ценность и существующие в единственном экземпляре.

Имеется, однако, и ряд отрицательных качеств, проявившихся в разной степени во многих работах, изданных за рубежом, причем качества эти зачастую являются оборотными сторонами их положительных свойств. Прежде всего, это излишняя эмоциональность и политизированность, что в значительной степени объясняется неизбежной внутренней вовлеченностью авторов и одновременно является следствием отсутствия идеологического прессинга. Кроме того, авторы, работавшие за границей, несмотря на возможность использования вывезенных материалов, были лишены доступа к большому массиву документов, свидетельств и информантов, остававшихся в СССР.

Что касается новейших работ по истории Церкви в СССР, созданных зарубежными авторами (Д. Шелтон⁷⁷, Г. Штрикер, П. Хауптманн и пр.), то они носят в основном общий характер и ориентированы на западного читателя, хотя и

---

⁷⁶ Там же. С. 19–34.

⁷⁷ Шелтон Дж. Русская церковь и Советское государство 1917–1950. Бостон, 1958.

представляют определенный интерес. Более полными представляются исследования русских эмигрантов, иногда уже во втором поколении (В. Мосс⁷⁸, Г. Рар⁷⁹, А. Краснов-Левитин⁸⁰, Д. Поспеловский⁸¹ и пр.). Они имели возможность доступа не только к документам, вывезенным в свое время за пределы СССР, но и к материалам отечественных архивов, а также пользовались новейшими российскими публикациями, что делает их труды более полными и взвешенными.

На протяжении всего советского периода церковно-исторические работы, изданные за рубежом, являлись практически единственным источником информации для отечественного читателя. Сегодня они представляют интерес как с содержательной, так и с историографической точки зрения.

Работы, созданные в постсоветский период (после 1991 г.)

Эти работы могут быть разделены как по происхождению авторов, так и по отношению и принадлежности их авторов к Церкви (светские исследователи и духовенство, исповедующие православие и не исповедующие).

Работы, посвященные темам политических репрессий и гонениям на Церковь, опубликованные с начала 1990-х гг., весьма многочисленны. К ним относятся фундаментальные исследования, отдельные статьи и материалы конференций. К ним можно отнести также тематические выставки с материалами, созданными к их открытию.

Прежде чем упомянуть конкретных исследователей и их работы, следует отметить, что, предлагая указанное выше деление, автор говорит не о существовании нескольких направлений исследований по истории взаимоотношений Церкви и государства в советский период, а об условном

---

⁷⁸ Мосс В.Э. Православная церковь на перепутье 1917–1999. СПб., 2001. 405 с.

⁷⁹ Рар Г.А. Плененная церковь. Франкфурт, 1954. 113 с.

⁸⁰ Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. 674 с.

⁸¹ Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. 412 с.; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь и XX веке. М., 1995. 410 с.

разделении их авторов на группы по их происхождению или по принадлежности к Церкви. Более того, говоря о постсоветском периоде историографии истории РПЦ, можно наблюдать тенденцию к сближению позиций светских и церковных историков в вопросах освещения советского периода церковной истории и появлению все более взвешенных оценок ряда дискуссионных тем, вызывавших в недавнем прошлом острую полемику. Что же касается отдельных направлений в историографии рассматриваемого вопроса, то, в отличие от советского периода, когда имели место два выраженных направления – «антицерковное» и «процерковное», в настоящее время самостоятельные направления еще не сформировались. Можно говорить лишь о группах исследователей.

Говоря об исследованиях, созданных историками, принадлежащими к духовенству, начать следует с работ архим. Дамаскина (Орловского), который первым, еще с 1970-х гг., начал систематический сбор материалов по теме. Благодаря этой работе к началу 1980-х гг. путем только устных опросов ему удалось получить сведения о 1661 пострадавшем священно- и церковнослужителе и миряnine в 24 областях Советского Союза. Ценность полученных сведений представляется тем более значительной, что с началом «эпохи гласности», когда такая работа перестала быть полулегальной, многих информантов Владимира Александровича Орловского – мирское имя исследователя – уже не было в живых. С появлением возможности работы в архивах исследование было продолжено уже на новом уровне. Первые работы отца Дамаскина – он принял монашеский постриг в конце 1980-х гг. – были опубликованы в ряде журналов в виде отдельных статей, в процессе работы над которыми автором была выработана специальная методология⁸². В первой половине 1990-х гг. автор принимает активное участие в издании многотомной истории Русской православной церкви, вышедшей в издательстве Валаамского монастыря⁸³.

---

⁸² Дамаскин (Орловский), игум. Методология и практические особенности исследования подвига новомучеников и исповедников Российских // XVII Международные Рождественские образовательные чтения / Прославление и почитание святых (Москва, 17 февраля 2009 г.): материалы конференции. М., 2009. С. 12-25.

⁸³ История Русской церкви. В 10 т. М., 1994–1997 гг.

Первой работой отца Дамаскина, вышедшей отдельной книгой, стала брошюра «Святитель Василий Кинешемский», изданная в Монреале в 1988 г. анонимно⁸⁴. А уже 1992 год ознаменовался выходом 100-тысячным тиражом первого тома его многотомного исследования «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним»⁸⁵. Последующие тома выходили через неравные промежутки времени до начала 2000-х гг. С этого периода продолжается издание житий новомучеников и исповедников Церкви Русской, с разбивкой по месяцам для удобства поминовения. Продолжается также издание житийной литературы, объединенной по географическому признаку: новомученки и исповедники Балашихинские, Вере́йские и Наро-Фоминские, Воскресенские, Новосибирские и пр. Продолжаются исследования по изучению подвигов отдельных новомучеников. Делая попытку кратко резюмировать вклад арх. Дамаскина в церковно-историческую науку, необходимо отметить его исследовательскую аккуратность (все факты выверены, выводы обоснованы, библиография исчерпывающая). Его работы уже более двадцати лет являются одним из основных источников сведений о гонениях на Церковь, хотя в главной своей части ориентированы на жизнеописания прославленных мучеников и исповедников.

На протяжении ряда лет сотрудником арх. Дамаскина (Орловского) был прот. Максим Максимов, член Синодальной комиссии по канонизации святых, участник проекта «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии» и автор ряда исследований по теме репрессий в отношении Церкви. В настоящее время (с 2020 г.) под его руководством осуществляется многотомное издание житий и трудов священномучеников Церкви Русской под общим названием «Церковность». На сегодняшний день увидело свет 7 книг серии.

---

⁸⁴ Святитель Василий Кинешемский. 2. изд., испр. и доп. Монреаль, 1988. 31 с.

⁸⁵ Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. Книга 1. Тверь., 1992. 238 с.

Ценность этого проекта заключается в идее совместить под одной обложкой житие святого и его произведения, что дает комплексное представление и об обстоятельствах жизни подвижника, и о направлении его интеллектуального и духовного поиска.

К наиболее значительным работам 1990-х гг. по теме истории Церкви XX в., содержащим церковный взгляд на историю Церкви в СССР, относится исследование прот. Владислава Цыпина «История Русской Церкви (1917–1997)», вышедшее в 10-томнике церковной истории в издательстве Валаамского монастыря в 1997 г.⁸⁶ Первые восемь томов содержат церковную историю митрополита Макария (Булгакова), доведенную им до конца XVII в. История Синодального периода представлена работой зарубежного историка российского происхождения И.К. Смолича, а завершает издание работа прот. Владислава Цыпина. Это первое в постперестроечной России исследование такого масштаба, содержащее важнейшие сведения, собранные в одной книге, и выражающее официальную позицию Церкви по отношению к событиям в ней описанным. Последнее обстоятельство необходимо отметить, так как даже в церковной среде существуют различные мнения по ряду вопросов, например, такому, как оценка Декларации 1927 г. Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского).

В качестве примера автора, имеющего альтернативный взгляд на этот важнейший документ, можно указать известного церковного историка прот. Георгия Митрофанова⁸⁷. В своих работах отец Георгий стоит на выраженных антикоммунистических позициях, что в ряде случаев приводит к довольно категоричным оценкам различных исторических фактов, делающих его труды мишенью для критики, часто необоснованной.

---

⁸⁶ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. 832 с.

⁸⁷ Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. М., 2021. 528 с.

Говоря о работах авторов из числа духовенства, следует упомянуть исследования игум. Андроника (Трубачева), иер. Александра Мазырина, прот. Александра Козырева и др.

Главной темой работ игум. Андроника (Трубачева) († 2021), доцента Московской духовной академии, стало исследование жизненного пути, творческого наследия и мученической кончины его деда отца Павла Флоренского. Помимо 6-томного труда «Путь к Богу»⁸⁸, отец Андроник стал автором нескольких книг по истории гонений на Церковь, например, такой, как «Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг.»⁸⁹, в которой опубликованы уникальные материалы о репрессиях против Церкви в первые годы советской власти. Необходимо отметить, что работы игум. Андроника отличает исключительная исследовательская добросовестность, что, несомненно, является следствием принадлежности его к научной школе Историко-архивного института, выпускником которого он являлся.

Заслуживают рассмотрения исследования игумении Сергии (Ежиковой). В работе «Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец» автор обращается к знаковой фигуре церковной оппозиции – епископу Ковровскому Афанасию (Сахарову), яркому представителю катакомбной церкви. Преследования катакомбников были характерной чертой советской антицерковной политики 1930–1940-х гг., и игумения Сергия подробно описывает обстоятельства гонений. Также заслуживает внимание монография, посвященная архиепископу Брянскому и Севскому Даниилу (Троицкому), родному брату архиепископа Верейского Илариона (Троицкого). Обе работы, являясь подробными биографиями подвижников православия, причисленных Церковью к лику святых, являются примером удачного сочетания научного исторического исследования со всеми атрибутами богословского сочинения.

---

⁸⁸ Андроник (Трубачев), игум. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. в 6 т. М., 2012–2017 гг.

⁸⁹ Андроник (Трубачев), игум. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918—1946 гг. М., 2008. 432 с.

Среди работ светских историков прежде всего следует отметить работы, посвященные теме гонений на Церковь. К ним относятся исследования М.В. Шкаровского, такие как: «Русская православная церковь и Советское государство в 1943—1964 годах: От «перемирия» к новой войне»⁹⁰; «Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917—1945.»⁹¹; «Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита, за Христа пострадавшие»⁹²; «Страдальцы за Веру Христову Санкт-Петербургской земли»⁹³. Большинство работ историка описывают события, происходившие в Ленинграде и окрестностях, что неудивительно, так как автор работает в Санкт-Петербурге. Главной темой исследований М.В. Шкаровского является история Церкви в советский период. Его работы отличает академический подход, предполагающий максимально отстраненный взгляд на рассматриваемые события, что не исключает его процерковную позицию.

Работы историка, религиоведа, профессора СПбГУ С.Л. Фирсова посвящены истории взаимоотношений государства и Церкви: «Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века»⁹⁴; «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 — нач. 1940-х гг.: очерки истории»⁹⁵; «День прошлый, день грядущий»⁹⁶. Ему же принадлежит уникальный в своем роде очерк «Церковно-

---

⁹⁰ Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. 216 с.

⁹¹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995. 207 с.

⁹² Шкаровский М.В. Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита за Христа пострадавшие. Рыбинск, 2020. 239 с.

⁹³ Шкаровский М.В. Страдальцы за Веру Христову Санкт-Петербургской земли. СПб., 2021. 431 с.

⁹⁴ Фирсов С.Л. «Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе „сергианства“ в русской церковной традиции XX века». СПб., 1999.

⁹⁵ Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014. 474 с.

⁹⁶ Фирсов С.Л. День прошлый, день грядущий. Состояние и развитие Русской Православной Церкви и новейший период. Очерки социально-политической истории. М., 2020. 424 с.

историческая наука в 1990–2010-е гг.», где дана авторская оценка основным работам по заявленной теме.

Большой интерес представляют работы главного специалиста РГАСПИ, доктора исторических наук, профессора М.И. Одинцова, такие как: «Патриарх Сергей»⁹⁷, «Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁹⁸; «Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг.»⁹⁹, и некоторые другие. Вклад М.И. Одинцова в изучение истории Церкви советского периода не исчерпывается его научными исследованиями, но в значительной степени дополняется вводимыми им в научный оборот многочисленными архивными документами, впервые увидевшими свет благодаря его изысканиям. Следует отметить, однако, что некоторые оценки М.И. Одинцова тех или иных аспектов государственно-церковных отношений (изъятие церковных ценностей в 1922 г., закрытие храмов в 1930-х гг., работа Совета по делам РПЦ при СМ СССР и др.) вызывают неоднозначную реакцию у церковных историков.

Говоря о светских авторах, разрабатывающих тему положения Церкви в СССР, необходимо отметить работы профессора ПСТГУ А.А. Кострюкова, такие как «Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008 гг.)» и «Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.»¹⁰⁰ и некоторые другие¹⁰¹.

Нельзя не отметить важнейшие для настоящего исследования работы Л.А. Головковой, посвященные теме преследований священнослужителей и мирян, среди которых главными являются: «Бутовский полигон»; «Спецобъект НКВД

⁹⁷ Одинцов М.И. Патриарх Сергей. М., 2013. 395 с.

⁹⁸ Одинцов М.И. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014. 316 с.

⁹⁹ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М., 2014. 421 с.

¹⁰⁰ Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008). М., 2018. 368 с.; Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. М., 2015. 488 с.

¹⁰¹ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. 398 с.; Кострюков А.А. Пламень огненный. Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева). М., 2015.

«Коммунарка»; «Крестный путь Русской Церкви в XX веке», а также многочисленные доклады, сделанные ею на церковно-исторических конференциях, например «Московские расстрелы». Л.А. Головкова стояла у истоков исследований мест массовых захоронений погибших в годы политических репрессий, и ее работы, не утратившие актуальности до сегодняшнего дня, являются основой лекций, читаемых автором и ее последователями в ряде светских и духовных учебных заведений.

На протяжении ряда лет с Л.А. Головковой сотрудничает О.И. Хайлова, автор ряда статей по теме антицерковной политики в СССР. Ее перу принадлежит монография, посвященная жизни, подвигу и мученической кончине архимандрита Неофита (Осипова).¹⁰²

В числе работ, посвященных репрессиям в отношении всего общества и Церкви, в частности, можно отметить работы А.Л. Беглова «Русская православная Церковь. XX в.»¹⁰³ и «В поисках безгрешных катакомб»¹⁰⁴, посвященную тайным монашеским общинам в СССР; А.Ю. Ватлина «Террор районного масштаба: Массовые операции НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг.»; О.В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы»¹⁰⁵, «Сталин и утверждение сталинской диктатуры»¹⁰⁶; И.А. Курляндского «Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки»¹⁰⁷.

Отдельного упоминания заслуживает начавшая издаваться в 2000 г. многотомная Православная энциклопедия, работа над которой продолжается и поныне. Над энциклопедией работали и работают выдающиеся церковные

---

¹⁰²Хайлова О.И. Авво мой родной. Жизнеописание, избранные труды и переписка преподобномученика Неофита (Осипова). М., 2019. 752 с.

¹⁰³Беглов А.Л. Русская православная церковь. XX век. М., 2015. 792 с.

¹⁰⁴ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.

¹⁰⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

¹⁰⁶ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 478 с.

¹⁰⁷ Курляндский И.А. «Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки» / Институт российской истории РАН. СПб., 2019. 376 с.

историки, среди которых прот. Владислав Цыпин, архим. Дамаскин (Орловский); игум. Андроник (Трубачев), прот. Владимир Воробьев, А.А. Бовкало, А.Л. Беглов, М.В. Шкаровский и другие авторы. В энциклопедии содержатся разнообразные очерки по вопросам государственно-церковных отношений в советское время, составленные с церковных позиций, что неизбежно влечет за собой определенную ангажированность, не умаляющую, однако, важность и последовательность приводимых фактов. К числу несомненных достоинств Православной энциклопедии следует отнести обширные библиографические списки, сопровождающие все ее статьи.

С 2015 г. в издательстве ГГУ начато многотомное издание «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Московской области», автором и научным руководителем которого является В.В. Никонов. Издание представляет собой жизнеописания духовенства и мирян, пострадавших в эпоху гонений на Церковь, объединенные по территориальному признаку. Русской православной церковью работа признана «беспрецедентной по широте охвата и оригинальности исследовательской концепции»¹⁰⁸.

Рассматриваемый период на волне возросшего интереса к советской истории стал временем публикаций большого числа сочинений, созданных иностранными авторами. Между тем церковный приход и его положение в первые десятилетия советской власти самостоятельным предметом исследования в их работах не становились. Исключение составляют некоторые работы Г.Л. Фриза¹⁰⁹, но и его исследования по большей части обращены к дореволюционному периоду, хотя в ряде статей он рассматривает церковные приходы в первые годы советской

---

¹⁰⁸ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на годовом собрании духовенства и мирян 28 декабря 2018 г. // Московские епархиальные ведомости. 2018. № 12. С. 27.

¹⁰⁹ Фриз Г.Л. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей / Пер. с англ. А.В. Глебовской, М.Д. Долбилова; под ред. П.Г. Рогозного. СПб., 2019. 352 с.

власти¹¹⁰. Таким образом, говоря о зарубежной историографии по заявленной теме, мы будем иметь в виду работы, прямо или косвенно затрагивающие темы внутренней политики СССР в отношении Церкви.

Прежде всего следует отметить работу швейцарского историка Г. Штриккера «История Русской православной Церкви в документах»¹¹¹, созданную в 1988 г. и вышедшую на русском языке в двух книгах в 1995 г. Работа представляет собой сборник документов из ряда отечественных и зарубежных архивов и опубликованных источников, самые ранние из которых датированы концом 1917 г., и предваряется содержательной обзорной статьей о взаимоотношениях государства и Церкви в РСФСР и СССР. Эта статья в целом не утратила актуальности и сегодня, и акценты, расставленные в ней, вполне соответствуют современному взгляду на заявленную тему.

Ш. Фицпатрик, австралийский и американский советолог, рассматривая вопросы внутренней политики советского государства, обращается к вопросам положения Церкви и верующих в СССР¹¹². Необходимо отметить работы таких авторов, как С. Коэн¹¹³, Н. Верт¹¹⁴, К. Шлегель¹¹⁵, а также А. Гетти¹¹⁶, взгляды которого отличаются от традиционных представлений о сталинизме.

---

¹¹⁰ Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). 86–105.; Freeze, G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // Social Identities in revolutionary Russia / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. P. 174–208.

¹¹¹ Штриккер Г, Хауптманн П., История Русской православной Церкви в документах. Геттинген, 1988.; М., 1995. 481+400 с.

¹¹² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. 336 с.; Фицпатрик Ш. Русская революция. М., 2008. 336 с.; Фицпатрик Ш. Срывайте маски. Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. 375 с.; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. М., 2018. 320 с.

¹¹³ Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа: Возвращение сталинских жертв / Перевод с англ. Ирины Давидян. М., 2011.

¹¹⁴ Верт Николая Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. 444 с.

¹¹⁵ Шлегель Карл. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. 742 с.

¹¹⁶ Гетти А. Практика сталинизма. М., 2016. 374 с.

В заключение историографического обзора по заявленной теме необходимо отметить работы, имеющие прямое отношение к вопросам положения церковного прихода в советской России.

Прежде всего, следует указать на диссертационное исследование А.Л. Беглова «Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы»¹¹⁷, посвященное главным образом дореволюционному периоду церковной истории, но затрагивающему и советский период. Краткий очерк о положении церковных приходов в СССР содержится в 4-й главе работы. Следует отметить и иные работы этого автора, касающиеся приходской жизни в советский период¹¹⁸. А.Л. Беглов в своих работах неоднократно обращал внимание на дискуссионность определения церковного прихода и на то, что первые попытки сформулировать такое определение были предприняты фактически только Поместным Собором 1917–1918 гг.

Вопросы церковных преобразований 1917–1918 гг. стали темой диссертационного исследования А.В. Соколова, в котором он дает развернутую характеристику изменения государственно-церковных отношений в России с февраля 1917 по январь 1918 гг. в условиях революционных потрясений и трансформации государства¹¹⁹.

В диссертации Ю.В. Гераськина «Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России)»¹²⁰ уделяется внимание приходским вопросам. Автор долгое

---

¹¹⁷ Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. док. ист. наук. 07.00.02. М., 2019. 1057 с.

¹¹⁸ Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е годы: причины возникновения, типология и направления развития. // Российская история. 2012. № 3. С. 92–104.; Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.

¹¹⁹ Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России. Февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. док. ист. наук. 07.00.02. СПб., 2014. 810 с.

¹²⁰ Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): дис. док. ист. наук. 07.00.02. М., 2009. 561 с.

время работал над исследованиями приходской жизни Рязанской области¹²¹, а в докторской работе обобщил накопленный материал, расширив его до нескольких областей центральной России. Исследования Ю.В. Гераськина отличает продуктивное сочетание регионального компонента с обстоятельным анализом положения Церкви в СССР в целом, однако церковный приход не являлся самостоятельным предметом его исследований.

Как отмечалось выше, православный приход в советской России нечасто становился самостоятельным предметом диссертационного или монографического исследования. Этот тезис поддерживается в диссертации А.А. Федотова¹²², посвященной государственно-церковным отношениям в Центральной России: «На сегодняшний день отсутствуют исследования в которых история Русской Православной Церкви в 1943–2000 годах: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом по материалам Центральной

---

¹²¹ Гераськин Ю.В. Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948–1970 гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 148–152.; Гераськин Ю.В. "Выбирать вашу власть мы не будем". Протестные настроения верующих в Рязанской области. 1937 г. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 214–217.; Гераськин Ю.В. Из истории ходатайств верующих Ряжского района об открытии православных храмов // Материалы вторых краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского. 28 февраля – 1 марта 2006 г. Рязань, 2006. С. 81–83.; Гераськин Ю.В. Православная церковь и рязанская власть в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 г. Рязань, 2008. С. 610–617.; Гераськин Ю.В. Становление советской парламентской модели и реакция русской православной провинции: анализ настроений (на материалах Рязанской области) // Научное наследие акад. Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном процессе // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня основания и 75-летию со дня воссоздания Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина, 17–19 ноября 2005. Рязань, 2006. С. 226–230.; Гераськин Ю.В. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви: исторический портрет // Власть и общество в России: традиции и современность (к 35-летию кафедры философии и истории. Материалы IV Всероссийской научной конференции 12–13 апр. 2008 г. в Академии ФСИН России. Рязань, 2008. Т. I. С. 169–177.

¹²² Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. док. ист. наук. 07.00.02. Иваново, 2009. 465 с.

России целиком бы рассматривалась в качестве предмета специального изучения как в теоретическом, так и в конкретно историческом аспекте»¹²³.

Как редкое исключение можно упомянуть диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Н.В. Саввотеевой, в которой она рассматривает положение сельского прихода губерний Центральной России в первые послереволюционные годы¹²⁴. В результате проведенного исследования автор приходит к дискуссионному выводу, что «уже к концу 1922 г. достаточно явно проявился новый этап в сельской приходской жизни, характеризуемый стагнацией во всех областях его деятельности».

В последние десятилетия были созданы диссертационные исследования, посвященные теме государственно-церковных отношений на материалах ряда областей СССР за исключением Московской¹²⁵. В этих работах, с одной стороны,

---

¹²³ Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. док. ист. наук. 07.00.02. Иваново, 2009. 465 с.

¹²⁴ Саввотеева Н.В. Сельский приход Русской Православной Церкви в 1917–1922 годах: по материалам губерний Центральной России: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Коломна, 2009. 178 с.

¹²⁵ Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.): дис. док. ист. наук. 07.00.02. – Кемерово, 2009. 437 с.; Дружинкина Н.Г. Православные приходы Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. док. ист. наук. 07.00.02. СПб., 2010. 783 с.; Марченко А.Н. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона (1958–1964 гг.): дис. док. ист. наук. 09.00.13. М., 2008. 392 с.; Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. док. ист. наук. 07.00.02. Улан-Удэ, 2009. 491 с.; Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах.: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Петрозаводск, 2006. 269 с.; Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир.: дис. канд. ист. наук. 07.00.00, 07.00.02. Москва, 2006. 203 с.; Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.; Зин Н.В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Москва, 2010. 234 с.; Матющенко В.С. Старообрядчество в Приамурье в XIX – начале XXI вв.: философско-религиоведческий анализ: дис. канд. философ. наук. 09.00.13. Благовещенск, 2009. 225 с.; Молодов О.Б. Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Архангельск, 2006. 303 с.; Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Челябинск, 2006. 237 с.; Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае: 1917–1953 гг.: дис. канд. ист. наук. 07.00.02 – Орел, 2009. 236 с.; Спасенкова С.В.

отмечается идентичность антицерковных мероприятий, проводимых властями в регионах, что объясняется единой антирелигиозной политикой, осуществлявшейся в СССР, а с другой, имеет место, возможно, избыточное погружение в обстоятельства функционирования местных церковных структур.

Подводя итоги рассмотрению новейших исследований, посвященных анализу положения церковных приходов в России, необходимо отметить два издания, вышедшие в свет одновременно – в 2011 г., в которых сделана попытка рефлексии современных представлений о том, какое место должен занимать приход во всем церковном устройстве.

Прежде всего, следует отметить уже упоминавшийся сборник «Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности» под редакцией А.С. Агаджаняна и К. Русселе¹²⁶, содержащий статьи различных авторов, посвященные главным образом эволюции церковного прихода за два десятилетия, прошедшие со времени «религиозного возрождения» 1990-х гг. Однако в сборнике имеется статья, содержащая ретроспективный взгляд на существование прихода в условиях советской религиозной несвободы, где автор – один из редакторов сборника А.С. Агаджанян – обращает внимание читателя на проблемы положения приходов в СССР, такие как: зависимость церковных институтов от государства и духовенства от священноначалия; переосмысление прихода в плане структурного напряжения между понятиями «приход» и «община»; «насыщение» чисто административно-территориального понятия социальным и мистическим содержанием через совместное участие в религиозных

Этноконфессиональные ценности русского населения в многонациональном российском регионе (На примере Оренбургской области): дис. канд. социол. наук. 22.00.06. Уфа. 2003. 192 с.; Струполева Н.С. Православные приходы Ставрополя и Кубани в 40-е гг. XIX – начале XX вв.: социальные функции и духовная жизнь: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Ставрополь, 2007. 231 с.; Филиппов С.А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков: По материалам Самарской епархии.: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2002. 254 с.

¹²⁶ Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М., 2011. 368 с.

практиках и общинной жизни¹²⁷. Принципиально важным в контексте настоящего исследования представляется определение в рассматриваемом сборнике церковного прихода как корневого элемента российской религиозности и даже вынесение этого определения в заглавие.

Также необходимо отметить сборник «Приход Русской Православной Церкви. Материалы к изучению приходской жизни»¹²⁸, вышедший в издательстве ПСТГУ, где отмечены проблемы приходской жизни, имевшие место в начале 2010-х гг., но берущие свое начало в первых послереволюционных десятилетиях: отчужденность приходского храма от собственно прихода, зависимость от государства, невозможность самостоятельного принятия решения по ряду важных внутриприходских вопросов, земельные отношения и пр. Однако главной проблемой можно считать отсутствие осознания прихожанами прихода как духовной общности христиан, объединенных для совместной молитвы и общего церковного делания, что, возможно, является наследием советского богоборческого периода.

Делая попытку комплексного анализа результатов, достигнутых исследователями истории Православной российской церкви в первые десятилетия советской власти, можно констатировать, что этап ввода в научный оборот документов, имеющих в относительно свободном доступе для историков, развивается, хотя и не так активно, как это было в 1990-х гг. При этом процесс накопления и систематизации материалов продолжается одновременно с написанием новых работ, которые уже сегодня дают довольно полную картину развития государственно-церковных отношений в рассматриваемый период.

Выработана методология исторического исследования государственно-церковных отношений, представляющая собой совокупность описательного

---

¹²⁷ Жукова Л. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30).

¹²⁸ Приход Русской Православной Церкви. Материалы к изучению приходской жизни. М., 2011. 156 с.

(нарративного), историко-генетического, историко-сравнительного, статистического, семиотического методов, а также метода исторической периодизации и контент-анализа.

Следует отметить, что многие идеологические стереотипы до сегодняшнего дня не преодолены, тем более что исследование прошлого часто увязывается с настоящим, деформируя реконструируемую историческую картину. Так, далеко не все акценты, расставляемые церковными исследователями, воспринимаются в качестве важных и принципиальных светскими историками Церкви (например, Декрет «Об отделении церкви от государства», который ряд историков готов считать политически корректным, а также и некоторые другие церковно-государственные установления). Если факт политических репрессий, как таковых, большинством историков в целом признается, то единодушие при оценке репрессий в отношении духовенства и верующих по церковно-религиозному признаку отсутствует. Довольно полно исследованы механизмы репрессий в разные периоды с 1918 г. до конца 1950-х гг., установлены многочисленные связи усиления или временного ослабления антицерковных гонений с внешне- и внутреннеполитической ситуацией, а также выявлена их зависимость от постановки и актуальности тех или иных государственных задач. Эти механизмы до известной степени позволяют определить адресность репрессий как в отношении групп (социальных, профессиональных, национальных, конфессиональных, территориальных и пр.), так и в отношении отдельных граждан. Однако проблема определения причины, почему одни священнослужители и миряне подвергались арестам, а другие – нет, с нашей точки зрения остается до конца нерешенной. Также недоисследованной остается проблематика государственной политики в отношении Церкви на приходском уровне в целом, включая ее цели, направления, механизмы, содержание и последствия. Достигнутый уровень научного знания объясняется в том числе ограниченностью источниковой базы, что в значительной степени повлияло на отсутствие обобщающей работы диссертационного или монографического уровня по заявленной теме.

Объектом исследования является политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1918–1958 гг.

Предмет исследования – совокупность ключевых характеристик политики советского государства в отношении приходов Московской области в 1918–1958 гг., включающая цели, направления, содержание, реализацию и последствия в отношении приходского духовенства и мирян.

Цель работы: на основе комплексного анализа широкого круга источников раскрыть в их динамике основные характеристики политики советского государства в отношении церковных приходов в Московской области в 1918–1958 гг.

Цель работы может быть достигнута решением следующих **исследовательских задач:**

– Проанализировать администрирование приходской жизни как направление политики советского государства в отношении церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.

– Исследовать практики и динамику закрытий приходских храмов в 1920–1940-х гг.

– Выявить идеологическую и пропагандистскую составляющие государственной антирелигиозной политики

– Изучить специфику политических преследований в отношении приходского духовенства, членов церковных советов и сотрудников приходов в Московской области в 1920–1950-х гг.

– Определить меры экономического характера, предпринимавшиеся государством для воздействия на церковные приходы в Московской области

– Провести анализ результатов государственной политики СССР в отношении церковных приходов в Московской области в 1918–1958 гг.

Хронологические и территориальные рамки

Хронологически исследование охватывает период с 1918 г. по 1958 г. Нижняя граница определяется принятием в январе 1918 г. Декрета СНК «Об отделении церкви от государства», ставшего основополагающим документом для всей

последующей государственной политики в отношении всех религиозных конфессий и организаций, существовавших на территории СССР, и в том числе для Православной российской церкви. Верхняя граница выбрана как момент начала нового периода антицерковной политики, ознаменовавшегося очередной антирелигиозной кампанией¹²⁹, вошедшей в историографию под названием «хрущевской», характеризовавшейся сменой воинствующего атеизма на научный и репрессий в отношении духовенства и верующих на их «перевоспитание»¹³⁰.

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Московской области, до 14 января 1929 г.¹³¹ – Московской губернии, а с 14.01.1929 г. по 03.06.1929¹³² – Центрально-промышленной области. В течение избранного временного промежутка границы Московской губернии/области неоднократно менялись, а территория г. Москвы, прежде входившая в состав Московской губернии и области, была выделена в самостоятельное административное образование 23 февраля 1931 г.¹³³ Таким образом, территориальные рамки исследования определяются границами Московской губернии/области, соответствующими тому периоду, который оказывается в фокусе внимания. Сказанное относится и к епархиальному делению. В 1918 г. была образована Московская епархия с центром в г. Москве, включавшая в свой состав территорию Москвы и Московской губернии. С 1934 г. Московская епархия

¹²⁹ Принятие 4 октября 1958 г. ЦК КПСС секретного постановления «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 5–13.

¹³⁰ Программа Коммунистической Партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. – М: Политиздат, 1964. – С. 121–122

¹³¹ Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 января 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 1–23. Отдел первый. – М. – С. 139.

¹³² Постановление Президиума ВЦИК «Об изменении наименования вновь образуемой Центрально-промышленной области» от 3 июня 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 41. Отдел первый. – М. – С. 582.

¹³³ Постановление 2-го съезда Советов Московской области и пленума Моссовета «О предоставлении Москве статуса самостоятельной административно-хозяйственной единицы». 23 февраля 1931 г. // «Вечерняя Москва». 25 февраля 1931 г. № 47 (2166).

переименовывается в Московскую и Коломенскую, а с 1943 г. становится вновь «Московской» и охватывает территорию г. Москвы и Московской области¹³⁴.

Выбор Московской области, понимаемой как административное образование с изменявшимися в течение рассматриваемого периода границами, определяется:

– во-первых, особым положением этого региона по отношению ко всем прочим, входившим в состав РСФСР и СССР, как столичного, то есть наиболее близкого к центру принятия решений по всем направлениям государственной политики в церковных вопросах. В определенном смысле это позволяет рассматривать его в качестве «образцовой», «экспериментальной» площадки для новаций в области развития антирелигиозного законодательства;

– во-вторых, тем, что Московская область традиционно являлась одним из наиболее плотно населенных административных образований в РСФСР и СССР с наибольшей плотностью церковных приходов и в 1930-х гг., и в послевоенное время. Кроме того, именно здесь оставалось наибольшее число незакрытых приходов накануне Великой Отечественной войны. Все перечисленное позволяет говорить о ее уникальности в этом смысле;

– в-третьих, тем, что Московская область никогда не была предметом самостоятельного исследования церковно-приходской жизни в первые десятилетия советской власти.

Научная новизна работы состоит в том, что в научной литературе церковный приход Московской губернии/области в контексте государственно-церковных отношений в 1918–1958 гг. никогда прежде не являлся предметом исследования. Впервые церковный приход рассматривается как базовый структурный элемент церковного устройства, что обусловило его положение в качестве точки приложения усилий по борьбе с Церковью и религией со стороны государства в период господства официально насаждавшихся атеистических воззрений.

---

¹³⁴ Московская епархия. Православная энциклопедия. Т. 47 / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2000 – по н.в. С. 187–307.

Диссертация вводит в научный оборот значительный объем архивных материалов федеральных, региональных и ведомственных архивов, отражающих деятельность властных структур в сфере государственно-церковных отношений. Прежде всего следует отметить архивные материалы ГА РФ и ЦГАМО. Кроме того, в работе обобщен многолетний опыт «полевой» работы автора с потомками священно- и церковнослужителей, а также приходских работников рассматриваемого периода.

В исследовании впервые выявлены критерии для различных групп лиц, подвергавшихся преследованиям по церковно-религиозному признаку в 1918–1950-х гг. К ним относились не только представители духовенства и верующие, не скрывавшие свое отношение к Церкви, но также сотрудники приходов, члены церковных советов и бывшие члены православных объединений. В группу сотрудников приходов входили все, получавшие заработную плату от приходских сумм. Это были просвирни, уборщицы, регенты, сторожа, истопники, дворники и пр. Многие перечисленные обязанности, особенно в небольших сельских приходах, выполняли один или два человека. Формально их репрессировали не за приходскую деятельность, но именно работа на приходе была главной причиной преследований. На селе работу в приходах крестьяне, как правило, совмещали с основной деятельностью. Начальство за этим следило, и, пока работник выполнял свои обязанности исправно, на его работу в церкви смотрели «сквозь пальцы». Но стоило допустить какую-либо оплошность или просто войти в конфликт с руководством, дело моментально приобретало политический контекст и нередко заканчивалось уголовным сроком. Члены приходских церковных советов также составляли группу лиц, находившихся под пристальным вниманием со стороны советских органов. Часто ими были потомственные фабриканты, торговцы, промышленники, чей капитал сформировался еще до революции. Их членство в приходских советах часто также было потомственным. Иногда сразу несколько представителей одной фамилии оказывалось в церковном совете храма, иногда – двух или трех соседних. Их участие в жизни прихода выражалось не только в прямой экономической поддержке. Востребована была и их хозяйственная хватка,

и связи в деловых кругах, и обширные знакомства на уровне уездной и губернской администрации. В исследовании впервые рассматривается методика выявления перечисленных групп лиц через ежегодно составлявшиеся списки, являвшиеся неотъемлемой частью комплекта документов для перерегистрации религиозного общества/группы.

Кроме этих категорий граждан, в работе впервые выявлена еще одна группа лиц, в отношении которых существовал риск преследований по церковно-религиозному признаку. Ими были бывшие члены различных церковных объединений, существовавших до революции 1917 г., – Обществ хоругвеносцев, различных православных братств, сект и пр.

Также в исследовании рассматриваются обстоятельства преследований членов катакомбных религиозных объединений и «церковников», помогавших возвращавшимся из ссылки осужденным по церковно-религиозному признаку представителям духовенства и монашествующим, не имевшим возможности поселиться в местах своего прежнего проживания.

Практическая значимость исследования определяется перспективой использования его результатов и материалов на следующих направлениях: во-первых, в курсах лекций по истории Церкви в СССР и региональной истории Московской области; во-вторых, в подготовке и проведении научных конференций, тематически связанных с положением Церкви в СССР; в-третьих, результаты работы, ее методология и введенные в научный оборот источники расширяют направления последующих исследований по теме церковной истории XX в., что позволяет говорить об их возможном масштабировании на другие административные образования Российской Федерации; в-четвертых, материалы исследования дают практический фундамент для дальнейшей работы по восстановлению исторической памяти подмосковных приходов в XX в.

Теоретические и методологические основания

В теоретическом отношении данная работа опирается на сочетание нескольких классических и современных подходов, что позволило существенно расширить спектр исследуемых проблем. Базисом, своего рода «несущей

конструкцией» в понимании и трактовке исследуемого явления – советской государственной политики в отношении церковных приходов, – стала интеграция элементов цивилизационного и институционального подходов.

Представление о цивилизации как обособленном, культурно-гомогенном социальном образовании, лежащее в основании концепции А. Дж. Тойнби¹³⁵, позволило рассматривать советскую модель общественного устройства как цивилизационное образование, с самых первых своих шагов столкнувшееся с необходимостью взаимодействия с прежними цивилизационными основаниями, главным из которых, а, по сути, единственным, оставалась Церковь. Согласно А. Дж. Тойнби, «вселенская церковь», понимаемая как религиозная институция, присущая определенной цивилизации, а также религиозные воззрения населения являются важнейшим критерием, по которому можно классифицировать цивилизационный генезис по форме преемственности¹³⁶. Это положение в полной мере применимо к выраженному стремлению советских идеологов заменить «старую» религию «новой», типологически сохраняя формы религиозного почитания и ритуалы, свойственные церковным.

Доминирующее влияние религиозных воззрений на формирование цивилизаций (культурно-исторических типов) отмечал также и Н.Я. Данилевский, утверждавший при этом, что «цивилизация – есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, и цивилизация все это в себе заключает»¹³⁷. Однако, если религия, являясь фактором, влияющим на цивилизацию, находится одновременно в подчиненном ей положении, то для отдельного верующего человека «религия имеет несравненно большую важность, нежели все остальное, что мы разумеем

---

¹³⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М., 1991. 736 с.

¹³⁶ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 77.

¹³⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. С. 156.

под именем цивилизации, и не объемлется цивилизацией, потому что по самой сущности своей выходит за пределы земного»¹³⁸.

Из весьма близкого понимания сути и содержания цивилизации исходил и С. Хантингтон. «Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, – утверждает он, – наиболее важным, однако, является религия... Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира»¹³⁹. Подчеркивая взаимосвязь этих явлений, американский социолог одновременно видел в ней основу будущего конфликта и столкновения цивилизаций.

В известном смысле, если применить формулу С. Хантингтона не в проспекции, как это делал сам ее автор, а в ретроспекции, то вполне очевидной представляется возможность понимания сути советской государственной политики в отношении Церкви как строящейся новой цивилизационной системы, оказывавшейся в состоянии конкурентного конфликта с уцелевшим институтом прежней цивилизации. Изначально идеологически предопределенный атеистический характер советской цивилизации неминуемо входил в «столкновение» с ключевым институтом предшествующей цивилизации¹⁴⁰.

Изначальная неизбежность конфликтного характера взаимодействия советского государства с Церковью предопределила институализацию этого конфликта, как процесса установления формальных, а, зачастую, неформальных норм и правил деятельности властных организаций в рамках реализации советской антирелигиозной политики на уровне церковных приходов. Исследование этой важнейшей составляющей государственной политики в отношении Церкви в нашем случае представляется

---

¹³⁸ Там же. С. 157.

¹³⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 49.

¹⁴⁰ В этой связи весьма примечательно, что на охранительный характер религиозной деятельности для цивилизации указывал еще Н.Я. Данилевский. (См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. С. 577, 578.)

целесообразным на основе «исторического институционализма» Дугласа С. Норта, предложившего рассматривать институты как «правила игры... которые организуют взаимоотношения между людьми»¹⁴¹. Несмотря на то, что Д. Норт разделяет понятия «институт» и «организация», относя церковь, в числе прочих, к последним, и уточняя, что «организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели», он же утверждает, что «решающее влияние на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются» оказывают именно институциональные рамки¹⁴². Обращение к данной концепции позволяет исследовать процесс взаимодействия институтов как организаций внутри советского государства, проводившего антирелигиозную политику с Церковью, рассматриваемой не столько с эклисиологической точки зрения, сколько в качестве социального института, характеризующегося своей структурой, системой управления, материальной базой, воспроизводством кадров, нормами морали и пр.

Выбор указанного сочетания методологических подходов позволил сформировать набор примененного методического инструментария. Для достижения заявленной цели и решения поставленных задач в работе использована совокупность общенаучных и собственно исторических методов научного исследования.

Историко-генетический метод позволил выявить последовательный ряд причин, оказавших влияние на имевшие место события. С этих позиций в работе рассматриваются, например: дискуссия о причинах и корнях возникновения обновленческого движения весной 1922 г.; Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г.; Постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» 1929 г., создание Совета по делам РПЦ в 1943 г. и многие другие.

Для объективного и комплексного анализа политики советской власти в отношении церковных приходов в работе используется историко-системный

---

¹⁴¹ Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

¹⁴² Там же. С. 21.

метод, предполагающий анализ отдельных исторических фактов с точки зрения раскрытия их внутренних связей и с учетом конкретно-исторических обстоятельств и условий, включая такие, на первый взгляд, неочевидные, как, например, географическое положение Московской области, размер ее территории, климат и пр. Метод историко-системного анализа применялся при рассмотрении самых разных процессов: введение пяти- и шестидневной недели и его разрушительные последствия для церковного календаря; лишение избирательных прав членов церковных советов; возвращение в лоно Церкви духовенства и прихожан, уклонившихся в обновленческий раскол; принятие советским руководством решений о судьбе открывавшихся самовольно приходских храмов в самом конце и сразу после Великой Отечественной войны и пр.

Сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении исторических объектов в пространстве и времени, использовался в работе для сравнения положения церковных приходов, как внутри рассматриваемого временного промежутка – 1918–1958 гг., так и вне его пределов. Главным образом это относится к сравнительному анализу функционирования церковного прихода до революции 1917 г., а также к дискуссии, которую вызвал приходской вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг., выработавшем приходский устав, положения которого, оставшись в значительной своей части на бумаге, определяли место прихода в Церкви и обществе в представлениях церковного законодателя того времени.

Одним из ключевых методов, использовавшихся в работе, является синхронный метод, предполагающий изучение исторических событий, происходивших в одно и то же время с целью установления связей между ними. Этот метод был особенно эффективным при анализе периодов усиления и ослабления давления на Церковь и церковные приходы на протяжении всего рассматриваемого временного промежутка. Наряду с очевидными причинами (голод 1920–1921 гг., неудачи в колхозном строительстве, результаты переписи 1937 г.), сравнительный метод позволил выделить неочевидные причины ужесточения гонений (Бернский процесс 1935 г.).

Нарративный метод использовался для комплексного анализа содержания источников (прошений, заявлений, отчетов, объяснений) и представлений их авторов о событиях, происходивших в церковных приходах, свидетелями или современниками которых они были.

Для анализа процессов, происходивших в сфере государственно-церковных взаимоотношений, использовался метод периодизации, нашедший отражение в структуре каждой главы диссертационного исследования.

Метод структурно-функционального анализа, используемый в работе, позволил эффективно рассматривать отдельные аспекты взаимодействия советских органов с Церковью и элементами ее устройства, как целостную систему, обладающую определенной структурой, каждый элемент которой имеет свое назначение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение потребностей всей системы. С этих же позиций рассматривается и встречная деятельность Церкви и ее структурных элементов в ответ на вызовы советской политики.

Кроме того, для анализа взаимодействия советских политических институтов с Церковью используется институциональный метод, с помощью которого в работе рассматривается деятельность членов государственных и негосударственных институтов.

Для комплексного объективного анализа большого объема однотипной информации (анкеты, комплекты документации для перерегистрации церковных общин) применялся метод формализации. С его помощью удавалось глубже интерпретировать тексты и выявлять скрытые слои информации. Также в работе был использован метод контент-анализа.

Количественный метод широко использовался в работе для оценки процессов взаимодействия советских органов с церковными приходами и Церковью в целом. С его помощью удалось провести сравнительный анализ числа храмов, закрываемых и продолжавших действовать в различные периоды, выявить количественный состав лиц, лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку, с разбивкой по уездам и волостям Московской губернии.

Кроме того, количественный метод в сочетании со статистическим анализом позволил исследовать ходатайства верующих, с которыми они обращались в профильные государственные структуры (Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, Совет по делам РПЦ) по комплексу вопросов, связанных с функционированием приходов.

Для удобства восприятия в работе использован метод наглядного представления в виде таблиц, диаграмм и графиков.

Разработка теоретических оснований исследования потребовала уточнения некоторых формулировок ключевых понятий, используемых в работе.

В работе используются ряд понятий в следующих смыслах.

Базовое понятие, используемое в исследовании, – «церковь». Оно используется в двух смыслах – каноническом¹⁴³ и организационном. В каноническом под Церковью Христовой понимается собрание Сил Небесных, праведников и верующих, возглавляемое Господом Иисусом Христом, имеющее свою иерархическую и организационную структуру¹⁴⁴. В смысле организационном под Церковью в настоящем исследовании понимается Православная российская церковь, высшим органом управления которой до 1917 г. являлся Святейший Правительствующий Синод, а после восстановления на Поместном Соборе 1917–1918 гг. патриаршества – патриарх или его местоблюстители¹⁴⁵ (после 1945 г. РПЦ возглавляется патриархом и управляется им совместно со Священным Синодом). Таким образом, никакие иные формы объединения верующих, именующие себя «церквами», как то: обновленческая, истинно-православная, древлеапостольская и

¹⁴³ То есть основанном на канонах – правилах, основополагающих церковных законах, относящихся к церковному устройству // Каноны. Православная энциклопедия. Т. 30 / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2000 – по н.в. С. 422–425. Термин «каноничный», «канонический» и пр. в дальнейшем будут использоваться именно в этом смысле.

¹⁴⁴ Церковь. Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/cerkov> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁴⁵ Полномочия Священного Синода и Высшего церковного совета, избранных на Поместном соборе, истекли в 1921 г., а в 1924 г. указом патриарха Тихона оба эти органа были распущены. Учрежденный в 1927 г. митрополитом Сергием (Страгородским) Временный патриарший синод являлся исключительно совещательным органом при заместителе местоблюстителя патриаршего престола // Цыпин, В.А., прот. Церковное право: Курс лекций. М., 1994.

иные, в контексте настоящего исследования таковыми не считаются, а их самопровозглашенное духовенство и собрания употребляются с приставкой «лже»: «лжемитрополит», «лжесобор» и т.д. Исключение, каждый раз оговариваемое, делается лишь для последователей древлеправославия (старообрядчества), понимаемых как собрание православных христиан, отвергших церковные реформы XVII в. и разделившихся впоследствии на два основных течения – поповцев и беспоповцев.

Для обозначения Церкви в Российской империи и в СССР в исследовании используются названия, присущие ей в каждый рассматриваемый период. Так, до 1943 г. Православная Церковь в разных источниках называлась Православной российской, Русской, Греческой, Греко-кафолической и пр. После 1943 г. Церковь получила официальное именование Русской православной (РПЦ), используемое поныне. В ряде случаев в исследовании употребляется термин Патриаршая или «тихоновская» Церковь. Такие именованья используются при описании событий 1920–1930-х гг., во-первых, при цитировании документов и, во-вторых, когда требуется противопоставить Патриаршую церковь, например, обновленческой или истинно-православной.

Ключевым понятием настоящего исследования является понятие *церковного прихода*. Общепринятым является определение прихода, зафиксированное в Приходском уставе, принятом Поместным Собором 1917–1918 гг.: «Приходом в Православной Церкви называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального Архиерея, под руководством поставленного последним священника-настоятеля»¹⁴⁶.

Следующее определение прихода было сформулировано лишь в Уставе РПЦ в 1988 г., а до этого времени в РСФСР и СССР прихода формально не

---

¹⁴⁶ Приходской устав, принятый Поместным собором Русской Церкви 20 апреля 1918 года // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. М., 1918. – Вып. 3. Определение 2. Статья 1. С. 13.

существовало. В Декрете «Об отделении церкви от государства» и в Постановлении НКЮ о порядке проведения его в жизнь (Инструкции) 1918 г., а также в Постановлении ВЦИК «О религиозных объединениях» 1929 г. понятие «приход» отсутствует. Для обозначения коллектива верующих, объединенных вокруг конкретного храма, в официальных документах в разное время использовались понятия: «религиозная община»; «религиозная группа»; «религиозное общество» и «религиозное объединение».

Исключение из оборота понятия церковного прихода и замена его понятием религиозного объединения как наиболее общим и охватывающим все перечисленные (религиозные общину, общество и группу) следует считать не просто попыткой лексической замены «устаревшего» термина на современный, но и прямым выхолащиванием смысла. Как справедливо заметил О.В. Шведов, «по Постановлению 1929 г. за некими двадцатью гражданами признается право объединиться для удовлетворения своих религиозных потребностей. Но ни один российский приход православной Церкви не возникал по желанию частных лиц, хотя они и могли ходатайствовать перед епископом о постройке храма и о присылке священника»¹⁴⁷, что являлось необходимыми условиями организации прихода.

Следует заметить, что попытки советского законодателя сущностно исказить понятие «приход» и низвести его до положения рядовой общественной организации успехом не увенчались и несуществующий формально церковный приход на протяжении десятилетий антицерковной государственной политики продолжал сохранять черты базового структурного элемента церковного устройства, каким его видели составители Приходского устава в 1918 г.

На протяжении десятилетий приход рассматривался советской властью как мишень в общей антицерковной политике. И первым шагом к поражению приходами можно считать целенаправленную подмену в общественном сознании его экзистенциальной сути как собрания верующих в церковно-каноническом смысле

---

¹⁴⁷ Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. М., 2003. С. 136.

пониманием прихода как одного из многих общественных объединений, сформированных по общим интересам, в данном случае – по желанию удовлетворения религиозных потребностей. Проведенный в исследовании анализ позволяет утверждать, что в полной мере такого смещения в восприятии церковного прихода властям достичь не удалось и, несмотря на все усилия – пропагандистские, репрессивные и экономические, приход, по крайней мере до конца 1950-х гг., сохранил свои внутренние структуру и содержание, зафиксированные в определении Поместного Собора. Однако полагать, что предпринимавшиеся властями усилия не возымели никакого действия, было бы ошибкой, подтверждением чему является законодательно утвержденное именование церковного прихода эвфемистическим понятием «религиозная организация» сегодня.

Следует отметить, что положение церковного прихода в светском государстве не может быть определено иначе, нежели в категориях, применимых к прочим общественным организациям. В Уставе РПЦ приход определяется как «община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме»¹⁴⁸.

В настоящем исследовании понятие «приход» используется как термин, обозначающий сообщество верующих, объединенных вокруг конкретного храма, возглавляемое священнослужителем, канонически подчиненное правящему епархиальному архиерею и осуществляющее хозяйственную деятельность в рамках, определяемых действующим законодательством. В этом же смысле используется и образованные от него понятия, такие как: «приходской (приходский) совет», «приходское имущество», «прихожане», «приходской священник» и пр. Этим понятием в настоящем исследовании охватываются все формы религиозных объединений (общины, общества, группы).

---

¹⁴⁸ Устав Русской православной Церкви. // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133141.html?ysclid=ln04czdmzn272216582> (дата обращения: 26.09.2023).

В процессе исследования государственной политики в отношении церковного прихода, учитывая его ключевое положение и системообразующую роль в церковном организме, для обозначения его функционирования вполне обоснованным представляется использование термина «жизнедеятельность».

Встречающееся в исследовании понятие «*религиозная община*» используется как обобщающее для обозначения религиозных обществ, групп и объединений. Это понятие часто употреблялось в документах, связанных с перерегистрацией в 1920-х гг., что дает основания для его использования в этом смысле.

Под *государственно-церковными отношениями* понимается совокупность сложившихся и развивающихся отношений между государством в лице должностных лиц и органов государственного управления и Церковью в лице ее учреждений, епископата, духовенства и верующих, причисляющих себя к ней. В качестве субъекта государственно-церковных правоотношений от лица государства выступают уполномоченные на то органы¹⁴⁹. Формальное выражение государственно-церковные отношения получают в виде законодательных норм различного уровня. К этому понятию вплотную примыкает понятие *государственно-церковного законодательства*, под которым следует понимать систему законодательных актов, инструкций, положений и пр., регулирующих государственно-церковные отношения, принимаемых и действующих в рассматриваемый период.

Под *преследованиями (репрессиями) по церковно-религиозному признаку* понимаются такие экономические, административные и уголовные преследования, причиной которых явились принадлежность преследуемых лиц к разного рода церковным структурам, их сотрудничество с ними или участие в деятельности подобных структур, публичное или непубличное религиозное исповедание, материальное содействие или словесно выраженное сочувствие подвергшимся репрессиям «церковникам». Необходимость введения понятия преследований по церковно-религиозному признаку обусловлена сложившейся практикой советских

---

¹⁴⁹ Петюкова О.Н. Правовая природа государственно-церковных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 7–13.

силовых и судебных органов не указывать в материалах следственных и судебных дел главные причины преследований «церковников», что объясняется задекларированным в советском законодательстве принципом свободы совести. Между тем подробное изучение материалов дел позволяет определить истинные мотивы преследований, что в ряде случаев позволяет выявить «церковно-религиозную» составляющую. Это дает основания квалифицировать репрессии конкретного гражданина или группы граждан не по зафиксированному в материалах следственного дела составу преступления, а по причинам, связанным с его/их деятельностью в церковных структурах или исповедничеством.

Гонениями на Церковь в работе называется совокупность действий властей, направленных на ее подавление, понимаемая в агитационно-пропагандистском, манипулятивном, экономическом и репрессивном смысле. Сказанное означает, что гонения на Церковь в рассматриваемый в работе период имели место постоянно, однако их активность величиной постоянной не была и варьировалась в зависимости от актуальной внутривластной повестки.

«Церковники». Термин «церковники», употребляемый также в единственном числе – «церковник», часто встречается в дореволюционной литературе в значении «церковнослужитель» или в качестве определения сторонника усиления влияния Церкви. Встречаются мнения, что до революции так называлось все белое духовенство¹⁵⁰. Использовался термин как нейтральный, не имеющий отрицательных или положительных коннотаций. После революции приобрел негативно-насмешливый оттенок. В новейшем словаре определяется как «лицо, подозреваемое или уличенное в религиозной вере и религиозной активности; лицо, репрессированное за это»¹⁵¹. Американский историк-русист Г.Л. Фриз считает, что изменение содержания этого понятия произошло позже – после 1929 г., причем

---

¹⁵⁰ Фриз Г.Л. Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). Фрагмент 25.

¹⁵¹ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 651.

тогда этим термином стали обозначать «активистов-мирян»¹⁵². В документах советского периода (законодательных актах, делопроизводственной переписке, материалах следственных дел) термин «церковники» использовался для обозначения лиц, в той или иной степени связанных с Церковью: служители культа, члены церковных советов, сотрудники приходов, верующие вообще. Именно в этом смысле термин «церковники» (всегда в кавычках) используется в настоящем исследовании как собирательный для обозначения перечисленных групп граждан, однако, в отличие от употребления его в лексике 1920–1950-х гг., не несет отрицательных коннотаций.

Московский регион – обобщенное название г. Москвы и территории, административно к ней относящейся в виде Московской губернии (до 1929 г.) и Московской области (после 1929 г.). В зависимости от того, о каком времени идет речь (до Административной реформы 1929 г. или после), в исследовании употребляются понятия «губерния» или «область» с соответствующим внутренним делением на уезды и волости в первом случае и на районы – во втором. Если формулировка по контексту охватывает период одновременно до и после 1929 г., то используется такая форма: «Московская губерния/область». После 1929 г. административные границы Московской области менялись, и весьма значительно. Так, ряд сопредельных областей в 1920–1950-х гг. целиком или частично входили в состав Московской: современной Тверской – в 1929–1935 гг.; Тульской – в 1929–1957 гг.; Рязанской – в 1929–1946 гг.; Калужской – в 1929–1944 гг. и Владимирской – в 1929–1944 гг.¹⁵³ Если говорить о событиях, происходивших на территории Московской области в границах 1929–1957 гг., то в исследовании всегда дополнительно оговаривается, к какой области данная территория относится сегодня.

---

¹⁵² Фриз Г.Л. Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). Фрагмент 25.

¹⁵³ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011. С. 5.

Сокращенное указание некоторых имен и фамилий. Автор утверждает, что на момент создания настоящего исследования его работа в архивах (2010–2023 гг.) проводилась в полном соответствии с действующим законодательством, и все материалы, с которыми ему приходилось знакомиться, получены им с соблюдением всех условий и ограничений, имевших и имеющих место при работе с архивно-следственными делами (срок давности, обязательность реабилитации осужденных, недопустимость причинения вреда третьим лицам и пр.). Таким образом, имея формальное право полностью публиковать имена лиц, участвовавших в следственных действиях 1918–1950-х гг., в том числе в качестве свидетелей, своими показаниям зачастую усугублявших судьбу арестованных по церковно-религиозному признаку, автор, тем не менее, указывает их в сокращенном виде, так как исходит из принципа, что его работа направлена на объединение, а не разобщение общества по линии отношения к проблеме политических преследований, имевших место в 1920–1950-х гг.

Источниковую базу исследования составляют законодательные акты, определявшие государственную политику СССР в отношении Церкви, делопроизводственная документация, статистические материалы и отчеты различных ведомств и учреждений по вопросам реализации государственной политики в отношении Церкви и верующих, а также источники личного происхождения (письма, дневниковые записи, мемуарная литература). Часть использованных источников опубликована в различных изданиях. Значительный объем материалов в процессе работы над настоящим исследованием введен автором в научный оборот впервые.

Опубликованные источники, использованные автором работе, в большинстве своем сосредоточены в сборниках документов¹⁵⁴ и базах данных в сети Интернет.

---

¹⁵⁴ В течение последних трех десятков лет выпускались многочисленные сборники документов, связанные с темой антицерковной политики в СССР. Помимо важности содержания публикуемых документов, следует отметить, что даже сам факт включения или не включения того или иного документа в собрание, его полнота и группирование по тем или иным критериям является выразительным свидетельством позиции автора или коллектива авторов такого рода

Говоря о документах, опубликованных в специализированных сборниках, прежде всего следует упомянуть о многотомном издании «Россия XX век. Документы» Международного фонда А.Н. Яковлева «Демократия», структурированном по отдельным темам и содержащем не только значительное число документов, но также и тематические аналитические статьи. В серии вышло около 100 томов, после чего в 2018 г. проект был закрыт. В настоящее время в сети интернет имеется сайт проекта, на котором все документы выложены в свободном доступе и, что немаловажно, с очень удобно организованным поиском. Отметим и другие сборники документов по теме церковной истории, вышедшие в разные годы¹⁵⁵.

Кроме того, в издательстве «Спасское дело» под руководством А.И. Мраморнова продолжается работа над многотомным проектом, посвященным деяниям Поместного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. В 2022 г. увидел свет очередной, тринадцатый том проекта. Документы и мнения участников Собора, публикуемые в издании, имеют большое значение для осмысления дальнейшего развития церковной истории.

Перечисленные сборники содержат различные виды документов: законодательные акты, нормативные, делопроизводственные документы, внутриведомственную переписку и пр. Эти материалы использованы в работе в целях формирования исторического контекста, в рамках которого развивались государственно-церковные отношения на приходском уровне. В некоторых сборниках («Православная Москва в 1917–1921 гг.», «Изъятие церковных

сборников. Зная эту позицию, можно с определенной степенью достоверности оценивать качество и репрезентативность собранных материалов, их полноту и тенденциозность подбора.

¹⁵⁵ Православная Москва в 1917–1921 гг. – М.: Главархив, 2004; Отделение Церкви от государства в советской России. – М.: ПСТГУ, 2016; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. – М.: ПСТГУ, 2006; Остракизм по-большевистски. Сборник документов. – М.: Русский путь, 2010; Ради мира церковного. Сборник документов. – М.: ПСТГУ, 2006, «Политбюро и органы государственной безопасности. Сборник документов. – М.: Кучково поле, 2017; Культура в нормативных актах советской власти. в 10 т. – М.: Юстицинформ, 2009–2012; Политбюро и вредители. Сборник документов. – М.: Кучково поле, 2018; Высылка вместо расстрела. Сборник документов. – М.: Русский путь, 2005 и др.

ценностей в Москве в 1922 г.») имеются материалы, связанные с деятельностью отдельных приходов, что позволяет расширить имеющуюся источниковую базу.

Говоря о сборниках документов, необходимо отметить подготовленные в издательстве «Булат» две работы коллектива авторов под руководством игум. Дамаскина (Орловского) – «Священнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия» (2013) и «Насельники монастырей Московской епархии первой четверти XX столетия» (2014), в которых приводится обширный, но, к сожалению, не полный список священно-, церковнослужителей и монашествующих с краткими сведениями о каждом, из московских архивов (главным образом – ЦГА г. Москвы и ЦГАМО). Также с сожалением вынуждены отметить ряд досадных ошибок, присутствующих в сборниках, что, в целом, не умаляет их значения.

Отдельно следует сказать о некоторых базах данных, используемых в работе. Прежде всего, это «Открытый список жертв политических репрессий», позиционирующий себя как самая полная база данных жертв политических репрессий в СССР и, насколько можно судить, оправдывающий эту самооценку. Также отметим базу данных «За Христа пострадавшие» ПСТГУ, начавшую формироваться еще в 1990-х гг. и содержащую на сегодняшний день уникальные сведения, которая, однако, является одним из наименее удобных для работы интернет-ресурсов, интерфейс которой не обновлялся с начала 2000 г. В настоящее время формируются новые базы данных, среди которых выделим ресурс «Православное духовенство», интернет-портал «Азбука веры» и «Древо».

Использованные в исследовании документы отложились более чем в ста фондах 20 федеральных, муниципальных и ведомственных архивов. Рассмотрим фонды, документы из которых использованы в наибольшей степени.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Говоря о фондах ГА РФ, прежде всего следует отметить Ф. 10035 «Управление комитета Государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области». Фонд, состоящий из двух описей, содержит следственные дела УКГБ по г. Москве и Московской области за период с 1917 по 1991 г. Большинство архивно-

следственных дел реабилитированных священнослужителей и мирян, репрессированных по церковно-религиозному признаку в Московском регионе, содержится в этом фонде.

Фонд «Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР. 1929–1938 гг.» (Ф. Р-5263) состоит из двух описей и содержит протоколы заседаний Комиссии по вопросам культов, переписку ее сотрудников с наркоматами, республиканскими исполкомами и прочими ведомствами о закрытии церквей, заключении и расторжении договоров с религиозными организациями, о налогообложении служителей культа, возможности и порядке проведения богослужений. В материалах фонда отложились статистические сведения о количестве закрытых и открытых храмов, о том, кем и каким образом они использовались, о числе церквей, занятых обновленцами, о характере и объеме поступающей корреспонденции, о количестве и номенклатуре прошений, о числе ходоков по церковным вопросам пр. Значительный интерес представляют периодические отчеты Московской областной Комиссии по вопросам культов перед центральной и отчеты центральной комиссии перед ВЦИК, в которых содержится оперативная информация о положении Церкви, священнослужителей и верующих.

В фонде Ф. Р-5404 «Межведомственная комиссия при Президиуме Всероссийского ЦИКа по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах гражданства» содержатся материалы, связанные с попытками лиц, лишенных избирательных прав, эти права восстановить. Помимо протоколов заседаний комиссии, большую часть материалов фонда составляют личные дела лишенцев, среди которых статистически заметную долю занимают лишенные избирательных прав по церковно-религиозному признаку (Оп.8. Личные дела 1929–1930 гг.).

Материалы, связанные с деятельностью Союза воинствующих безбожников, отложились в фонде Р-5407 ГА РФ. Фонд состоит из двух описей. В первой содержатся материалы конференций СВБ, протоколы и стенограммы заседаний центрального и областных советов, директивные письма, информационные сводки,

мандаты, списки делегатов съездов и поименные списки членов советов СВБ разных уровней за 1925–1938 гг. Вторая опись фонда содержит документы, связанные с работой редакции газеты «Безбожник» за 1922–1931 гг. В ней отложились опубликованные и неопубликованные статьи, заметки, корреспонденция о работе ячеек СВБ на местах, материалы съездов СВБ, программы антирелигиозных кружков, схемы передвижных выставок, инструкции Центрального Совета СВБ об организации ячеек на местах, программы и учебные планы антирелигиозного цикла, образцы агитационных материалов – диаграммы, лозунги, экспозиции и пр. Кроме того, фонд содержит корреспонденцию, присланную в газету из других центральных периодических изданий на антирелигиозную тему, таких как «Правда», «Рабочая газета», «Московский рабочий», «Труд», «Гудок», «Крестьянская газета».

В фонде «Военно-продовольственное бюро ВЦСПС (ВОЕНПРОДБЮРО). 1918–1921 гг.» (Ф. Р-5556) содержатся документы, связанные с формированием и деятельностью продотрядов, создававшихся для обеспечения продовольствием Красной армии в годы Гражданской войны.

В фонде Прокуратуры СССР (Ф. Р-8131) отложились дела, связанные с реабилитацией священнослужителей и мирян, репрессированных по церковно-религиозному признаку «первой волны реабилитации» 1950-х гг. В фонде имеются прошения о пересмотрах дела и о реабилитации с официальными ответами на них. Примечательным является то, что, рассматривая дела о реабилитации одновременно с архивно-следственными делами, в ряде случаев удается восполнить некоторые фактические и смысловые лакуны, имеющие место в следственных делах. В качестве примера можно привести дела, связанные с двумя арестами и последующей реабилитацией настоятеля Успенского храма в Гжели и Михаило-Архангельского в Загорнове Московской области священника Николая Александровича Харьюзова¹⁵⁶.

---

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 10035 Оп. 1. Д. П-22897 (1937 г.); ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.); ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 2892.

В фонде «Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР» (Ф. Р-8418) в описях 1, 4, 5, 9, 11, 12 отложились материалы, связанные со строительством ЦАГИ на территории Раменского района Московской области. Среди них имеются сведения о закрытии и сломе Иоанно-Предтеченского храма в селе Новорождествене и о переселении самого села на новое место. Оба события стали следствием секретного строительства объектов авиационного назначения, в том числе гидроавиационного.

«Коллекция листовок советского периода» (ф. Р-9550). В фонде собрана обширная коллекция листовок различных ведомств – от листовок центральных партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов до листовок Православной российской церкви и отдельных авторов. Здесь содержатся типографские оттиски большинства воззваний патриарха Тихона и ряда епархиальных архиереев, включая Декларацию заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия Страгородского 1927 г.

В *Российском государственном историческом архиве (РГИА)* работа проводилась в фонде «Канцелярия Патриарха Тихона и Священного синода» (Ф. 831). Здесь хранятся клировые ведомости ряда храмов Московской губернии, последние из которых датированы 1922 и 1923 гг. Кроме того, фонд содержит документы, связанные с рукоположением священнослужителей в первые годы советской власти (прошения о рукоположении, ходатайства прихожан, ставленные грамоты и пр.). В этом же фонде хранится обширный корпус документов второй половины 1923–1924 г., представляющий собой прошения священно- и церковнослужителей, а также членов причта подмосковных и московских храмов совместно с прихожанами на имя викария Московской епархии епископа (затем – архиепископа) Илариона (Троицкого) и патриарха Тихона о принятии их в каноническое общение¹⁵⁷ после отпадения в обновленческий раскол, составившиеся сразу после освобождения последнего летом 1923 г. Ценность этих прошений состоит в том, что в них подробно указаны причины уклонения в

---

¹⁵⁷ Каноническое – молитвенно-литургическое общение.

обновленчество и методы ОГПУ, применявшиеся для давления на приходы и духовенство.

Также в РГИА использованы документы из Ф. 833. «Священный собор Православной Российской Церкви».

Среди государственных архивов регионального уровня основная работа проводилась в двух: *Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО)* и *Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы)*.

В ЦГАМО в фонде «Административный отдел Моссовета 1918–1929 гг.» (Ф. 19) содержатся документы, связанные с взаимоотношениями между советскими органами и Церковью: Переписка с ОГПУ о закрытии, об имуществе, договоры о регистрации (Д. 106); Работа с объединениями верующих (Д. 157); Работа с Церковью 1922–1924 гг. (Д. 45); Регистрация уставов добровольных обществ (Д. 219) и пр. В Ф. 65 «Административный отдел Московского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва. 1918–1929 гг.» отложились дела, связанные с процедурой перерегистрации религиозных общин отдельных храмов г. Москвы и Московской губернии. Фонд содержит дела, связанные с жизнью приходских храмов уездов Московской губернии: закрытия и ходатайства об открытии; передача храмов и имущества советским учреждениями, передача храмов обновленцам; отчеты уездных исполкомов о работе с церковными приходами; снос церковных построек и пр. Сходные по темам документы хранятся в Ф. 261. «Московский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва. 1929–1930 гг.».

В Ф. 66. «Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва. 1917–1936 гг.», помимо некоторых дел, связанных с приходской деятельностью подмосковных храмов (Преображенского в Коренева, Владимирского в Краскове, Петропавловского в Малаховке, Троицкого в Люберцах и пр.), использовались материалы по изъятию церковных ценностей весной 1922 г. В фонде сосредоточены акты изъятия по всем храмам Московской губернии, сводные таблицы изъятых и добровольно пожертвованного имущества

по всем уездам. Кроме того, в фонде имеются таблицы по всем имевшим регистрацию храмам губернии, составленные в порядке подготовки к изъятию. Эти таблицы содержат разбивку всех храмов Московской губернии, разделенных не только по уездам, но и по волостям_внутри каждого уезда, по точности информации, насколько может судить автор, не имеют себе равных среди аналогичных документов.

В работе использованы фонды уездных и волостных исполкомов¹⁵⁸ (Бронницкого, Вере́йского, Волоколамского, Воскресенского, Звенигородского, Клинского, Коломенского, Ленинского, Можайского, Московского, Наро-Фоминского, Орехово-Зуевского, Сергиевского, Серпуховского). Также следует

---

¹⁵⁸ Ф. 660. Исполнительный комитет Воскресенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Воскресенск Московской губернии. 1917–1929 гг. Ф. 663. Исполнительный комитет Сергиевского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Сергиев Московской губернии. 1919–1929 гг.; Ф. 665. Исполнительный комитет Коломенского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Коломна Московской губернии. 1917–1929 гг.; Ф. 667. Исполнительный комитет Орехово-Зуевского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Орехово-Зуево Московской губернии. 1918–1929 гг.; Ф. 678. Исполнительный комитет Волоколамского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Московской губернии г. Волоколамск Московской губернии. 25.01.1918 – июль 1929 г.; Ф. 689. Исполнительный комитет Наро-Фоминского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Наро-Фоминск Московской губернии. Январь 1917 г. июль 1929 г.; Ф. 718. Исполнительный комитет Звенигородского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Звенигород Московской губернии. 1917–1929 гг.; Ф. 721. Исполнительный комитет Клинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Клин Московской губернии. 1917–1927 гг.; Ф. 744. Исполнительный комитет Московского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Московской губернии г. Москвы. 1917–1929 гг.; Ф. 2134. Можайский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет г. Можайск Московской губернии. 1918–1929 гг.; Ф. 2139. Исполнительный комитет Серпуховского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Московской губернии г. Серпухов Московской губернии. 1918–1929 гг.; Ф. 2146. Исполнительный комитет Ленинского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Московской губернии г. Ленинск Московской губернии. 1918–1929 гг.; Ф. 2504. Исполнительный комитет Вере́йского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Верея Московской губернии. 1918–1922 гг.

отметить Ф. 2157. «Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. г. Москва. 01.10.1929–15.12. 1993». Этот фонд важен для исследования, так как в нем содержатся официальные постановления о закрытии подмосковных и московских храмов, наличие которых является формальным признаком того, что храм был закрыт. Также в фонде имеется переписка Московского Облсовета о церковных приходах.

В Ф. 966. «Отдел народного образования Моссовета. г. Москва. 08.1920–1929 гг.» отложились: Доклады и отчеты экспертов о церквях Москвы и губернии (Д. 1480); Переписка с Главнаукой о церквях г. Москвы (Д. 1484); Переписка с Главнаукой о ремонте церквей (Д. 1485); Переписка с музейным отделом Наркомпроса о церковном имуществе (Д. 1486); Переписка с церковными Советами о ремонте церквей Москвы (Д. 1487), а также Доклады Мосгубмузея о храмовых памятниках губернии (Д. 1481).

Тематически к фонду народного образования примыкает Ф. 4341 «Министерство образования Московской области Правительства Московской области», где отложились дела, связанные с ликвидацией церквей и молитвенных зданий (Инструкция по ликвидации церковных зданий и имуществ. 1930 г.).

Ф. 4570. «Комиссия по вопросам культа при Московском областном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва. 1929–1935 гг.» содержит документы, описывающие положение дел в еще не расформированных приходах Московской области, а также связанные со вступлением в силу законодательства о колокольном звоне (сбор лома колоколов (Д. 30), прекращение колокольного звона в Павловском Посаде (Д. 258), в Ерахтуре (Д. 214), в Шатуре (Д. 288) и пр.). В делах фонда имеется переписка с районными советами о закрытии храмов г. Москвы и Московской области, о разрешении крестных ходов. В числе документов фонда имеются справки о действующих приходах («Сведения о религиозных объединениях») и жалобы служителей культа и верующих на действия властей на местах (Д. 115, 127, 143 и др.) и на необоснованное налогообложение (Д. 186, 245, 254 и др.). Географически документы фонда охватывают территорию Московской области по состоянию на начало 1930-х гг.,

когда в нее входили отдельные районы близлежащих областей – Тульской, Рязанской, Калужской и др.

Дела, возбужденные против «церковников», отложились в трех фондах ЦГАМО: Ф. 4612. «Московский губернский революционный трибунал. г. Москва. 1918–1921 гг.»; Ф. 4613. «Московский революционный трибунал. г. Москва 1918–1923 гг.»; Ф. 5062. «Московский губернский суд. 01.02.1923–1929 г.». Здесь хранятся наиболее заметные дела, связанные с сопротивлением изъятию церковных ценностей в Москве и Московской губернии, с неподчинением Декрету «Об отделении церкви от государства» и сопротивлением проведению его в жизнь, самовольными венчаниями и отказом от таковых, беспорядками в Савино-Сторожевском монастыре и пр.

Важным источником исследования является Ф. 7383. «Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области». Он содержит делопроизводственную переписку, статистические сведения, отчеты о состоянии приходов и религиозности населения, материалы о ходатайствах об открытии храмов на территории Москвы и Московской области начиная с даты образования Совета по делам РПЦ – 1943 г.

В Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы) имеется несколько отделов хранения документов (ОХД). В настоящем исследовании использованы документы из ОХД до 1917 г., ОХД после 1917 г. и ОХД общественно-политической истории Москвы (ОХДОПИМ).

В Ф. 203. «Московская духовная консистория. 1744–1920 гг.» отложились документы, связанные с функционированием храмов, относящихся к Московской епархии. Здесь содержатся документы, описывающие строительство церквей, их содержание, обстоятельства жизни приходов. В Ф. 203 хранятся все регулярные документы церковного документооборота: клировые ведомости, исповедные росписи, метрические книги, ревизские сказки, дающие информацию о прихожанах и священнослужителях, которые после 1917 г. приняли на себя прессинг богоборческих властей. Материалы фонда дают возможность оценить степень благосостояния приходов и механизм его формирования.

Ряд фондов ЦГА Москвы комплектовались документами различных церковных структур, оказавших влияние и на послереволюционную приходскую жизнь (Ф. 1371. «Канцелярия епископа Серпуховского, викария Московского»; Ф. 2375. «Бронницкое уездное отделение Московского епархиального училищного Совета Кирилло-Мефодиевского православного братства» и др.

В ЦГА Москвы в ОХД после 1917 г. имеется Ф. 1215. «Административный отдел Московского Совета РК и КД. 1918–1920; 1923–1927». По характеру хранящихся в нем документов он аналогичен Ф. 19 ЦГАМО, а некоторые документы в них пересекаются. Так, например, дела о перерегистрации церковных общин Московской губернии, имеющие исключительную ценность в контексте настоящего исследования, хранятся в обоих фондах этих двух архивов, часть из них являются копиями. В ряде случаев это позволяет восполнить лакуны, имеющиеся в одном из архивов.

В ОХДОПИМ ЦГА г. Москвы использованы документы фондов уездных и районных исполнительных комитетов городов Московской губернии/области. В этих фондах содержится делопроизводственная переписка по ряду общественно-политических вопросов, и в том числе о взаимоотношениях с религиозными обществами/группами, действовавшими на соответствующих территориях¹⁵⁹.

---

¹⁵⁹ Ф. П-97. Егорьевский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1940.; Ф. 110. Коломенский РК ВКП(б), Коломенский ГК ВКП(б). 1936–1952. Оп. 1. 1929–1936; 1936–1952.; Ф. 111. Коломенский РК ВКП(б). Оп. 1. 1939–1941.; Ф. 113. Кунцевский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1940.; Ф. 116. Клинский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1942.; Ф. 117. Ленинский РК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1941.; Ф. 118. Люблинский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1939–1941.; Ф. 119. Луховицкий РК ВКП(б). Оп. 1. 1931–1940.; Ф. 120. Лопасненский РК ВКП(б). Оп. 2. 1940–1942.; Ф. 122. Можайский ГК КПСС. Оп. 1. 1929–1991.; Ф. 121. Лотошинский РК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1940.; Ф. 123. Михневский РК ВКП(б). Оп. 1. 1926–1940.; Ф. 124. Мытищинский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1930–1991.; Ф. 125. Малинский РК ВКП(б). Оп. 1. 1930–1942.; Ф. 127. Ногинский РК ВКП(б). Оп. 1. 1939–1942.; Ф. 129. Наро-Фоминский РК ВКП(б), Наро-Фоминский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1920–1939; 1939–1991.; Ф. 132. Озерский РК ВКП(б). Озерский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1927–1939; 1939–1952.; Ф. 133. Осташевский РК ВКП(б). Оп. 1. 1939–1947.; Ф. 135. Орехово-Зуевский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1929–1941.; Ф. 137. Пушкинский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1928–1940.; Ф. 138. Перовский ГК ВКП(б). Оп. 1. 1940–1942.; Ф. 140. Павлово-Посадский ГК ВКП(б). 1919–1942.; Ф. 145. Раменский УИК и РК ВКП(б); Ф. П-152. Ухтомский УИК и РК ВКП(б); Ф. 1581. Бронницкий УИК и РК ВКП(б).

Говоря о государственных архивах регионального уровня, с материалами которых проводилась работа, следует отметить государственные архивы областей, соседних с Московской: государственные архивы Владимирской (ГА ВО), Рязанской (ГА РО), Калужской (ГА КО), Смоленской (ГА СО) и Тверской (ГА ТО) областей.

В числе ведомственных архивов, материалы из которых нашли отражение в исследовании, прежде всего необходимо отметить два церковных архива. Это Архив Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви (Архив митрополии РПСЦ), где содержатся документы, связанные с жизнью старообрядческих общин Подмосковья, и Текущий архив Синодальной комиссии РПЦ по канонизации святых, хранящий церковные документы 1920–1930-х гг. В их числе – имеющиеся в единственных экземплярах послужные списки приходских священников, служивших в довоенное время.

Ряд материалов, опубликованных в настоящем исследовании, содержится в фондах архивов ФСБ: Центрального архива ФСБ, Архивов ФСБ по Смоленской области и по Владимирской области. Кроме того, благодаря сотрудничеству с Казахстанской митрополией РПЦ МП в распоряжении автора оказались документы Архива департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы и Акмолинской области и Специального государственного архива Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области, где сосредоточены дела сосланных в Казахстан в 1930-х гг. репрессированных по церковно-религиозному признаку священнослужителей и мирян.

В работе использованы материалы из муниципальных архивов городов Московской области: Архивного отдела администрации г. Бронницы (БГА); Архивного отдела администрации Воскресенского района МО и Раменского архивного управления.

Заметную часть источниковой базы представляют *дневниковые записи и мемуары*¹⁶⁰, а также переписка и другие документы из домашних архивов участников

---

¹⁶⁰ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! – СПб., 2010. 383 с.; Василий Виноградов, протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода в жизни и деятельности Св. Патриарха

событий 1920–1950-х гг., связанных с гонениями на Церковь, и их потомков. Среди мемуарной литературы необходимо выделить дневниковые записи свидетелей послереволюционных событий, происходивших в Москве и в других городах РСФСР и СССР, в той их части, которая касалась положения Церкви и «церковников» в советской России. В некоторых случаях это воспоминания непосредственных жертв репрессий по церковно-религиозному признаку (прот. Михаил Чельцов), в ряде случаев – сторонних наблюдателей (Н.П. Окунев, З.Н. Гиппиус), а также арестованных и осужденных по делам, не связанным непосредственно с Церковью, но ставших свидетелями гонений на духовенство (Д.Н. Альшиц, А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов)

В работе использованы *материалы периодической печати*, основную массу которых составляют статьи и заметки уездных и районных газет Московской губернии/области 1920–1930-х гг. Во всех уездных (и тем более районных) городах в советское время издавалась своя газета, а в некоторых случаях – не одна («Авангард». Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета; «Волоколамский колхозник». Газета колхозов Волоколамского района; «Набат». Орган Оргбюро Серпуховского Горрайкома ВКП(б); «Подольский рабочий». Орган Подольского РК ВКП(б), РИКа, Горсовета и РСПС; «Серп и молот». Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл.; «Коммунист». Орган

Тихона (1923–1925 гг.). По личным воспоминаниям. Мюнхен, 1959.; Георгий Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.; Гиппиус З.Н. Дневники. М., 2002. 368 с.; Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. Берлин, 1924. 312 с.; Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914–1920. М., 2014. 320 с.; Чельцов М.П., прот. Воспоминания «смертника» о пережитом. М., 1995.; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / сост., предисл., комментарий д.и.н. С.В. Волков. М., 2013. 496 с.; Красный террор глазами очевидцев / сост., предисл., комментарий д.и.н. С.В. Волков. М., 2014. 448 с.; Окунев Н.П. В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924. М., 2020.; Поживши в ГУЛАГе. Сборник воспоминаний. Всероссийская мемуарная библиотека. / Под ред. Н.Д. Солженицыной. М., 2001. 408 с.; Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. / Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М., 1998. 493 с.; Шульгин В.В. 1919 год: в 2 т. М., 2018. 496 + 464 с.; Шульгин В.В. 1921 год: в 2 т. М., 2018. 608 с.

Серпуховского Горкома ВКП(б) и Райисполкома; «Известия Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда»; «Новый пахарь» Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро и др.). Самые ранние уездные листки, материалы из которых использованы в исследовании, датируются уже 1918 г. В начале 1920-х гг. антицерковные и антирелигиозные материалы местной прессы носят относительно спонтанный характер, что делает их особенно выразительными. Позже, примерно с середины 1920-х гг., порядок публикаций претерпевает изменения, выразившиеся в том, что все чаще в местную прессу попадают перепечатки из центральной или же написанные сотрудниками Союза воинствующих безбожников и разосланные в редакции. С начала 1930-х гг. такая практика становится повсеместной, и антирелигиозные статьи попадают на полосы газет в определенное время – прежде всего за несколько дней до и в течение нескольких дней после главных христианских праздников: Пасхи, Троицы и Рождества Христова. Реже их появление соотносится с праздниками «менее значительными», такими как Покров, Благовещение, Успение Богородицы, связанными с почитанием Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи. Если в 1920-х гг. местные газеты публикуют материалы, дискредитирующие «церковников» и Церковь в целом (недостойное поведение священнослужителей, сопротивление закрытию храмов, беспорядки на церковных праздниках и пр.), то позже – в 1930-х гг. – сообщения о закрытии храмов и репрессиях в отношении духовенства и верующих на страницы местной прессы не попадают вовсе¹⁶¹.

Церковная пресса попадает в круг рассмотрения настоящего исследования уже только в послевоенный период, когда в возобновившемся Журнале Московской Патриархии начинают публиковаться материалы, направленные на утверждение нового курса государственно-церковных отношений.

Справочная литература. Важными источниками исследования стали *статистические и административные справочники*. К ним прежде всего

---

¹⁶¹ Полный перечень периодических изданий, использованных в работе, приведен в библиографическом списке.

относятся справочники, издававшиеся Московскими губернскими статистическими органами¹⁶². В этих справочниках имеется актуальная на момент их издания информация по числу жителей с разбивкой по уездам и волостям Московской губернии, по роду их занятий, возрастному составу, грамотности, абсолютным и удельным показателям о правонарушениях и пр. Имеются сведения о средней заработной плате занятых в различных отраслях народного хозяйства, о стоимости продуктовой корзины и качестве питания жителей Московской губернии. Эти официальные сведения, не всегда и не во всем соответствующие реальному положению дел, имеют большое значение при рассмотрении вопросов налогообложения духовенства и верующих мирян, сотрудничавших с приходами или являвшихся членами церковных советов.

Кроме того, значительные объемы справочно-статистической информации почерпнуты в разного рода справках, составлявшихся в различных ведомствах по специальным требованиям. В качестве образцов таких справок можно указать, например, на «Справку о молитвенных зданиях в СССР и служителях культа по данным комиссии по вопросам культов ЦИК СССР на 1/IV-1936 года»¹⁶³, «Справку ЦСУ о численности верующих в СССР и их распределении по религиям по переписи 1937 г.»¹⁶⁴, «Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г.»¹⁶⁵, «Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову «О положении и деятельности русской

---

¹⁶² Справочник по населенным местам Московской губернии. По материалам Всесоюзной переписи 1926 года. М., 1929. 616 с.; Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник. 1923/24–1927/28. М., 1929. 568 с.

¹⁶³ Справка о молитвенных зданиях в СССР и служителях культа по данным комиссии по вопросам культов ЦИК СССР на 1/IV-1936 года // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 32.

¹⁶⁴ Справка ЦСУ о численности верующих в СССР и их распределении по религиям по переписи 1937 г. 20 декабря 1955 г. // РГАЭ Ф.1562, Оп.33, Д.2990, Л.71-74. // Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/39592> (дата обращения: 19.01.2023).

¹⁶⁵ Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 106–118.

православной церкви на территории гор. Москвы и Московской обл. за 1 квартал 1948 г.»¹⁶⁶ и им подобные. Данные, содержащиеся в таких документах, с нашей точки зрения, являются наиболее достоверными, так как составлялись для служебного пользования.

Московская губерния/область в рассматриваемый период претерпевала ряд административно-территориальных изменений. Они отражены в справочниках советующей тематики. Хронологически наиболее ранний такой справочник был издан в 1980 г. и описывал состояние административного деления Московской губернии с 1917 по 1929 г.¹⁶⁷ В 2011 г. Главным архивным управлением Московской области эта работа была продолжена, и свет увидел справочник, содержательно продолживший прежний и охвативший значительно больший временной промежуток – от 1929 до 2004 г.¹⁶⁸

В числе справочников, использованных в настоящем исследовании, необходимо отметить некоторые базы данных, размещенные в сети интернет. Прежде всего следует указать на базу данных «Открытый список жертв политических репрессий»¹⁶⁹. Это наиболее полное и постоянно пополняемое и актуализируемое собрание имен и кратких биографий пострадавших в период политических репрессией. К достоинствам этой базы данных, выгодно отличающим ее от подобных, необходимо отнести, во-первых, наличие шифров архивно-следственных дел репрессированных, а в случае отсутствия таковых – ссылок на источники информации и, во-вторых, возможность расширенного

---

¹⁶⁶ Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову «О положении и деятельности русской православной церкви на территории гор. Москвы и Московской обл. за 1 квартал 1948 г.». 27 апреля 1948 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.

¹⁶⁷ Справочник по административно-территориальному делению Московской губернии (1917–1929 гг.). М., 1980. 556 с.

¹⁶⁸ Справочник по административно-территориальному делению Московской области (1929–2004 гг.). М., 2011. 896 с.

¹⁶⁹ Открытый список жертв политических репрессий. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.openlist.wiki/Открытый_список:Заглавная_страница (дата обращения: 04.10.2023).

поиска по месту жительства и месту ареста, по социальному положению, по профессии и пр.

В интернет-ресурсе ПСТГУ «За Христа пострадавшие» сосредоточены имена репрессированных по церковно-религиозному признаку, и он, таким образом, тематически является наиболее близким к настоящему исследованию.

Говоря о базах данных, посвященных репрессированным по церковно-религиозному признаку, следует упомянуть «Региональный общественный фонд «Память новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви»¹⁷⁰. Эта база данных, как и следует из ее названия, состоит из имен прославленных Церковью мучеников и исповедников, что неизбежно сокращает широту охвата. К достоинствам этой базы можно отнести наличие в ней житий большинства из включенных в нее пострадавших в эпоху гонений на Церковь. Поиск в базе реализован как по фамилии мученика, так и по дню его памяти.

В контексте настоящего исследования важным представляется справочник «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939»¹⁷¹, основной целью которого, по свидетельству создателей, было «представить сведения обо всех лицах, кому в период с декабря 1935 года по июнь 1939 года были присвоены специальные звания в системе государственной безопасности». Одновременно авторы справочника отмечают, что «включение персоналий в справочник определялось сугубо формальными биографическими критериями, поэтому не следует считать, что все организаторы и участники политических репрессий представлены в настоящем справочнике или что все представленные здесь люди непременно являются участниками политических репрессий»¹⁷².

---

¹⁷⁰ Региональный общественный фонд «Память новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви». [Электронный ресурс]. URL: [https:// fond.ru](https://fond.ru) (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁷¹ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. [Электронный ресурс]. URL: https://nkvd.memo.ru/index.php/НКВД:Главная_страница (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁷² Там же.

Отдельной группой источников, использованных в работе, являются многочисленные *агитационные антицерковные и антирелигиозные издания* (книги, брошюры, справочники, атеистические учебники, песенники и пр.), издававшиеся в 1920-х и главным образом в 1930-х гг. массовыми тиражами¹⁷³. Среди этой печатной продукции особо необходимо выделить издания Союза воинствующих безбожников, так как они создавались относительно подготовленными авторами с последующей редактурой, что в целом придавало им более «научный» вид¹⁷⁴.

Положения, выносимые на защиту

В результате изучения ключевых характеристик политики советской власти в отношении церковных приходов удалось выявить и исследовать ее цели, направления, содержание и последствия, что нашло отражение в следующих положениях, выносимых на защиту.

1. Церковный приход в течение столетий являлся и является по сей день базовым, основополагающим¹⁷⁵ элементом церковного устройства и в течение всего рассматриваемого периода (1918–1958 гг.) воспринимался в таком качестве как светскими, так и духовными властями. Положение прихода в церковном и государственном устройстве подробно обсуждалось в период работы

---

¹⁷³ Безбожный песенник. Сост. Гр. Градов. М., 1930. 60 с.; Блок-нот антирелигиозника. Антипасхальный выпуск. М., 1931.; Краткий справочник продработника Московской губ. М., 1921. 86 с.; О ликвидации последствий подрывной работы врагов народа в комсомоле. Новгород, 1937. 12 с.; О работе врагов народа внутри комсомола. Хабаровск, 1937. 40 с.; Программа по курсу «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры». М., 1939. 16 с.; Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. Центральный комитет РЛКСМ. Статистический подотдел. М., 1926. 116 с.

¹⁷⁴ Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. Сборник. / Под редакцией Енишерлова М., Лукачевского А., Митина М. М., 1932. 528 с.; Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. М., 1925. 388 с.; Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 1925. 36 с.; Ярославский Ем. Как рождаются живут и умирают боги и богини. М., 1923. 48 с.

¹⁷⁵ «Корневым» по определению современных авторов. // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под редакцией А.С. Агаджаняна, К. Русселе. М., 2011. 368 с.

предсоборных присутствия и совещания в начале XX в. в рамках подготовки к Поместному Собору Русской Церкви. После 1917 г. роль церковного прихода как важнейшего элемента церковного организма осознавалась на государственном уровне, что подтверждается значительным корпусом декретов и постановлений, регулирующих его положение в советском государстве. Полное подчинение прихода и контроль над приходом и приходской жизнью, таким образом, следует рассматривать как ключевую составляющую антирелигиозной и антицерковной политики советского государства. Эта деятельность в период 1918–1958 гг. проводилась одновременно по четырем направлениям: административному, пропагандистско-идеологическому, репрессивному и экономическому.

2. Подавление жизнедеятельности церковных приходов административными методами обеспечивалось решением двух основных задач – регулирования церковной жизни и установления постоянного контроля за всеми ее проявлениями. Методы решения этих задач варьировались и видоизменялись. В отдельные временные промежутки степень вмешательства в деятельность Церкви менялась, но неизменным оставалось выраженное желание властей устанавливать жесткие правила существования Церкви и ее структурных элементов в соответствии с государственными представлениями о целесообразности таковых, а также с внутри- и внешнеполитической ситуацией. Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода, каждый из которых определяется работой трех государственных структур, создававшихся для решения актуальных задач в сфере государственно-церковных отношений: Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК и Совета по делам Русской православной церкви. Этим периодам соответствовали задачи принуждения, подавления и полного подчинения Церкви советскому государству, которые в целом можно считать решенными.

3. Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР, имевшая своей целью создать идеологические основы для борьбы с Церковью, развивалась по ряду направлений: распространение антирелигиозной идеологии, снижение авторитета Церкви и священнослужителей, формирование представлений о духовенстве как о

тунеядцах и эксплуататорах, создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви. На приходском уровне антирелигиозные и антицерковные пропагандистские задачи решались посредством организации митингов, лекций, диспутов соответствующей направленности, устройства и распространения ячеек Союза воинствующих безбожников, а также инспирирования раскольнических движений, наиболее разрушительным из которых стало обновленчество. В целом, можно констатировать, что антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР в рассматриваемый период, меняя формы и направления удара, но никогда не прекращаясь полностью, своей главной цели не достигла, о чем свидетельствуют результаты переписи 1937 г.

4. Прямые репрессии по церковно-религиозному признаку на приходском уровне проводились в отношении лиц, соответствовавших определенным критериям. Ими становились представители духовенства, члены церковных советов, сотрудники приходов, активные прихожане, а также бывшие члены православных объединений. Периодизация политических преследований приходского духовенства и мирян соответствует периодам работы силовых советских органов (ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ), в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников».

5. Разрушение церковного прихода путем подрыва его экономики являлось эффективным методом, использовавшимся властями для борьбы с Церковью. Церковь в советском государстве лишалась практически всех средств к существованию и одновременно своего имущества, которое не могло быть использовано в качестве инструмента для какой-либо хозяйственной деятельности. Налоговая политика советской власти по отношению к церковным приходам была дискриминационной. Трудности, с которыми сталкивался приход при выплате налогов, создавались властями с очевидной целью ослабить приход, а в случае длительной просрочки – прекращения его деятельности путем расторжения договора на пользование храмом. В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, что уже в послевоенный период

привело к постепенному налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако в 1958 г., на пороге антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.¹⁷⁶, церковно-экономическая политика пересматривается.

6. К началу нового витка гонений на Церковь в конце 1950-х гг. приходская богослужebная и хозяйственная деятельность на территории г. Москвы и Московской области полностью контролировалась Советом по делам РПЦ при СМ СССР. Любые попытки выйти из-под контроля и проявления какой-либо самостоятельности незамедлительно становились известными курирующим Церковь органам благодаря постоянному мониторингу ситуации на приходах и ежеквартальной системе отчетности, принятой в Совете по делам РПЦ. Председатель Совета и уполномоченный по Москве и Московской области – выходцы из спецслужб – работали в тесном контакте с органами МГБ, МВД и местными исполкомами. Церковь с 1943 г. находилась в фактическом подчинении у советского государства.

Апробация результатов исследования. Основные результаты работы были отражены в 18 статьях в журналах, рецензируемых ВАК. По теме диссертационного исследования было издано 14 монографий, среди которых следует выделить многотомное продолжающееся издание «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области». В настоящее время в свет вышли первые семь томов, восьмой том находится в работе. Автор регулярно принимает участие в различных международных и российских научных форумах, конференциях, круглых столах, где знакомит научную общественность со своей работой. Также апробация результатов исследования проводилась в рамках его обсуждения на кафедре Истории России новейшего времени РГГУ.

Материалы настоящего исследования нашли применение в лекционных курсах по теме истории, историографии и архивоведения Русской православной церкви, а также региональной истории Москвы и Московской области, которые

---

¹⁷⁶ Антирелигиозная кампания 1958–1964 гг. вошла в историографию под названием «хрущевских гонений» на Церковь.

автор читал и читает в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) и Коломенской духовной семинарии (КДС).

Общий объем опубликованных автором материалов по теме исследования составляет более 550 п.л.

Структурно исследование построено по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, четырех глав и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ В 1918–1958 гг.

Необходимость государственного подчинения церковной приходской жизни и получения возможности ее регулирования не была характерной чертой новой власти после 1917 г. Любые правители во всех государствах стремились иметь возможность влияния на церковные институты, и положение Православной российской церкви в Российской империи в Синодальный период является тому одним из наиболее ярких подтверждений. Однако попытки сравнительной оценки степени подчиненности Церкви государству в императорской и советской России представляются некорректными в силу главного различия положения Церкви до и после революции: вектор государственно-церковных отношений после 1917 г. сменил свое направление с процерковного на антицерковное.

Между тем внешние сходства имели место, и ряд обязательных отчетных документов, которые в течение Синодального периода каждый приход был обязан ежегодно отправлять в местную Духовную консисторию, имел советские аналоги. Так, например, клировые ведомости, регулярно составлявшиеся до революции, в значительной своей части соответствуют документам, требовавшимся, согласно нормам советского законодательства, для регистрации религиозных обществ. Поименные списки прихожан, которые было необходимо представлять в советские органы после 1918 г., стали своего рода аналогом исповедных росписей и т.д. Даже описи церковного имущества в 1920-е гг. составлялись по образцу дореволюционных, с той разницей, что в первом случае они должны были быть ежегодными, а в прежние времена их составляли в соответствии со специальными постановлениями раз в несколько десятилетий¹⁷⁷. При этом если в Синодальный

---

¹⁷⁷ Отметим, что в ряде случаев (строительство, ремонт, разорение неприятелем) описи составлялись ситуативно.

период все перечисленные документы составлялись с целью укрепить Церковь и народную религиозность, то после победы большевиков – с целью Церковь разрушить, а религиозность свести к минимуму.

Еще до вступления в силу в январе 1918 г. Декрета «Об отделении церкви от государства» большевики определили свое отношение к Церкви и религии в целом. Об этом свидетельствуют не только факты бессудных расправ над духовенством, начавшихся уже в первые послереволюционные дни (убийство царскосельского священника прот. Иоанна Кочурова¹⁷⁸), но и публикация проекта текста самого Декрета, ставшего достоянием общественности еще в декабре 1917 г., то есть за месяц до его вступления в силу. Опасность, которую представляли нормы Декрета для существования Церкви, ясно осознавалась церковноначалием. Об этом свидетельствует письмо митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) в Совнарком, в котором он просил воздержаться от принятия Декрета. Но на антицерковную политику большевиков это никак не повлияло, и 23 января 1918 г. закон вступил в силу.

Декрет обнаружил явное намерение властей поставить церковную жизнь в жесткие рамки и регламентировать все ее проявления, однако ряд его положений, таких как, например, указанные в пп. 4, 5, 6, 8, 9, 11, допускал возможность неоднозначного толкования, что повлекло за собой необходимость составления специальной инструкции, которая бы регламентировала, как именно следует претворять положения Декрета в жизнь. Эта инструкция в форме постановления НКЮ была утверждена в августе 1918 г.¹⁷⁹ и помимо задачи, заявленной в названии, стала главным документом, регламентирующим церковную и, следовательно, приходскую жизнедеятельность в течение следующего десятилетия, а также основой для развития советского законодательства в отношении Церкви.

---

¹⁷⁸ Иоанн Александрович Кочуров // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2008. С. 281–284.

¹⁷⁹ Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

В настоящем исследовании под администрированием функционирования церковных приходов будем понимать вмешательство во внутрприходскую жизнь с целью контроля, установления форм взаимодействия с государственными органами, а также создания препятствий для ее нормального функционирования, вплоть до закрытия храмов и уничтожения православного прихода как основного структурного элемента церковного механизма.

Целью настоящей главы является анализ форм, методов и результатов государственного администрирования приходской жизни.

Для достижения этой цели необходимо определить задачи и предложить периодизацию администрирования приходской жизни, а также рассмотреть, какими методами осуществлялось это администрирование в формах принуждения, манипулирования и репрессирования.

1.1. Цель, задачи и периодизация администрирования жизнедеятельности приходов

Политика советского государства в отношении Церкви и церковных приходов реализовывалась по нескольким крупным направлениям. Одним из них следует считать жесткое администрирование функционирования Церкви на всех уровнях от епархий до прихода. Рассматривая такую государственную политику как самостоятельное направление, можно определить в качестве ее цели обеспечение полного подчинения жизнедеятельности Церкви государству. Достижение указанной цели обеспечивалось решением двух основных задач – регулирования церковной жизни и установления постоянного контроля за всеми ее проявлениями. И то и другое было невозможным без активного вмешательства во внутрцерковные дела. Методы решения этих задач варьировались и

видоизменялись в течение рассматриваемого периода. В отдельные временные промежутки степень вмешательства в деятельность Церкви снижалась, но неизменным оставалось выраженное желание властей устанавливать жесткие правила существования Церкви и ее структурных элементов в соответствии с государственными представлениями о целесообразности таковых, а также с внутри- и внешнеполитической ситуацией. «Отделив церковь от государства, – утверждал председатель Совета по делам религиозных культов А.А. Пузин, – советское государство сохранило за собой право надзора и регламентации ее деятельности»¹⁸⁰.

Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода. Каждый из них характеризовался определенными особенностями и интенсивностью администрирования церковной жизни, следовавшими в русле общецерковной государственной политики. Каждому из них соответствовала деятельность конкретного государственного органа, в задачи которого входило взаимодействие с Церковью и контроль за ее существованием.

Первый период охватывает временной промежуток от 1918 г., когда вступил в действие Декрет «Об отделении церкви от государства», до выхода в апреле 1929 г. Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Большую часть этого времени вопросы государственного администрирования церковной деятельности были возложены на Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б). Вторым периодом, связанным с деятельностью Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, продолжался до осени 1943 г., когда в государственно-церковных отношениях произошли существенные изменения. Третий период начался с образования Совета по делам Русской православной церкви (1943 г.) и завершился в 1958 г. с началом нового витка антицерковной политики.

Такая периодизация обусловлена следующими основными задачами администрирования приходской жизни:

---

¹⁸⁰ Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1(20). С. 310–322.

Задача первого периода (1918–1929 гг.) – выработка стратегии воздействия на приходы и Церковь в целом.

Задача второго периода (1929–1943 гг.) – подавление приходской жизни и Церкви в целом.

Задача третьего периода (1943–1958 гг.) – полное подчинение жизнедеятельности церковных приходов государству.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей администрирования приходской жизнедеятельности в каждый период, следует отметить, что практически все формы и методы администрирования, о которых говорится ниже, имели место во все периоды, но степень их влияния на церковные приходы в разное время была разной и обуславливалась актуальными задачами. Это обстоятельство является определяющим для приводимой ниже классификации форм и методов администрирования.

Первым периодом следует считать десятилетие, прошедшее с момента вступления в силу Декрета «Об отделении церкви от государства» в январе 1918 г. до апреля 1929 г., когда было принято Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях». Этот период соответствует деятельности Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б)¹⁸¹, формально образованной в 1922 г., но имевшей предшественником Комиссию по учету и сосредоточению ценностей. Согласно современным исследованиям, в сентябре–октябре 1922 г. произошла централизация всего антирелигиозного дела в стране, когда вместо нескольких периодически работавших и слабых антирелигиозных комиссий была создана сильная и единая Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)¹⁸². Комиссия имела еще одно официальное и более длинное название: «Комиссия по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)».

В форме принуждения и контроля в первый период имели место такие методы администрирования церковной и приходской жизнедеятельности, как

---

¹⁸¹ До конца 1922 г. – РКП(б).

¹⁸² Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 168–169.

ежегодная регистрация религиозных обществ и обязательное согласование поставлений епископата на кафедры с органами ОГПУ.

Наиболее широко используемой формой администрирования функционирования приходов в первый период было манипулирование различными ограничениями и запретами.

В рамках этой формы использовались следующие методы:

- манипулирование угрозами лишения избирательных прав и раскулачивания;
- манипулирование возможностью организации традиционных религиозных манифестаций (крестные ходы, паломничества, почитание святых источников и пр.) и участия в них верующих;
- манипулирование угрозами закрытия храмов;
- создание условий для раскола внутри Церкви и поддержка обновленческого движения;

Нельзя не отметить факты закрытия храмов, имевшие место в 1920-х гг., что говорит о начавшемся администрировании в форме репрессий, но мы не выделяем его в предлагаемой классификации в качестве характерного метода административного влияния на приходскую жизнь, так как в первый период этот процесс носил спонтанный характер и, как следствие, не имел такого масштаба, какой он примет во второй, когда процедура закрытия храмов будет структурно оформлена.

Характерной особенностью этого периода является использование такого метода администрирования приходской жизни, как установление ежегодной перерегистрации «церковных и религиозных обществ»¹⁸³. Обязательная регистрация «всех обществ, союзов, и объединений (научных религиозных, академических и прочих)» вводилась в 1922 г. декретом ВЦИК¹⁸⁴, после чего

¹⁸³ О трансформации этой формулировки будет сказано ниже.

¹⁸⁴ Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 12 июня 1922 г. //Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1343.htm (дата обращения: 07.07.2023).

незарегистрированное религиозное общество не могло осуществлять свою деятельность и, следовательно, получать в безвозмездное пользование молитвенное здание и церковное имущество. С этого момента комплект документов, ежегодно составлявшихся с этой целью, стал называться «делом о регистрации (перерегистрации) религиозного общества (общины)»¹⁸⁵.

Типовая форма договора на пользование церковным имуществом, который должен был ежегодно заключаться между всеми приходами и местными советскими органами, была составлена еще в 1918 г. На практике это выполнялось не всегда, и в ряде приходов договоры заключались один раз в два года. Случаев, когда на территории Московской губернии/области такие договоры заключались бы реже, чем раз в два года, автору встречать не приходилось. До 1922 г. заключение такого договора давало религиозной общине возможность безвозмездного пользования церковным зданием и имуществом.

К необходимости ежегодного заключения указанных договоров имеет непосредственное отношение такой метод администрирования приходской церковной жизни, как манипулирование перманентной угрозой закрытия храма. Следует разделять состоявшийся факт закрытия храма – меру, очевидно, репрессивную – и манипулирование возможностью такового. В течение 1920–1930-х гг. такое манипулирование практиковалось повсеместно и было характерной особенностью государственного регулирования церковной жизни.

Между тем, даже наличие договора отнюдь не являлось гарантией того, что храм не будет закрыт, ведь повод для этого найти было несложно. Тем более что существовала специально выстроенная правовая база. Так, циркуляр Наркомюста от 3 января 1919 г.¹⁸⁶ предписывал изымать у верующих храмы, если в данной местности испытывался острый недостаток в зданиях и помещениях для жилья, размещения культурных или медицинских учреждений, а также учебных

---

¹⁸⁵ Например: ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д.Д. 1–78.

¹⁸⁶ Циркуляр Наркомюста РСФСР по вопросу об отделении церкви от государства. 3 января 1919 г. // Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. М., 1926. С. 654–658.

заведений. Это был очень удобный предлог, и многие церкви в стране были переоборудованы под общежития, казармы, клубы, столовые и пр., а монастыри – под тюрьмы, лагеря и прочие спецучреждения. Еще одним поводом для аннулирования договора с общиной верующих могло стать пожелание самих трудящихся масс. Достаточно было подать коллективное заявление о том, например, что колокольный звон мешает отдыху трудящихся или религиозные праздники нарушают рабочий график, и власти почти всегда вставали на защиту интересов противников Церкви¹⁸⁷.

К методам администрирования приходской жизни в первый период следует отнести метод манипулирования угрозами лишения избирательных прав членов церковных советов, приходских работников и активных прихожан¹⁸⁸. Лишение избирательных прав, его репрессивная сущность и последствия для лишенцев и их семей будут рассмотрены в главе 3, здесь же отметим, что поражение в правах членов приходских советов и активных мирян имело целью повлиять на устойчивость прихода как основной церковной структурной единицы путем создания препятствий для участия в его функционировании наиболее уважаемых и эффективно работающих верующих. Следующей за лишением избирательных прав, а в ряде случаев и независимо от него мерой воздействия на членов церковных советов в 1920-х гг. стало раскулачивание. Раскулаченные и пораженные в правах граждане стремились избавиться от этого положения, что в ряде случаев им удавалось сделать. Некоторые члены церковных советов, доказав однажды незаконность раскулачивания, были восстановлены в правах, но позже раскулачены по два и даже три раза, при этом опасность очередных репрессий продолжала сохраняться. Эта угроза также являлась предметом манипулирования властей с целью влияния на приходскую жизнь.

---

¹⁸⁷ Никонов В.В. Церковь в 1920-е годы: ежегодная перерегистрация и ежедневный героизм. // Приходы [Электронный ресурс]. URL: <https://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/38029/> (дата обращения: 02.12.2023).

¹⁸⁸ Не духовенства, ибо лишение избирательных прав духовенства преследовало главным образом репрессивные, но не регулирующие приходскую жизнь цели.

Следующим методом администрирования церковной приходской жизни с использованием расплывчатости формулировок Декрета 1918 г. стали грубые вмешательства в ряд местных церковных традиций, таких как, например, крестные ходы, приуроченные к определенным датам и событиям, проводившиеся на протяжении многих десятилетий, а также почитание некоторых исторических мест, источников и пр. Попытки регулирования сложившихся приходских практик – иногда их прямой запрет, а чаще – уже упомянутое манипулирование возможностью их осуществления, стали характерной чертой государственной антицерковной и антирелигиозной политики в 1920-х гг.

Инспирирование обновленческого раскола и его последующую поддержку можно рассматривать с точки зрения административного воздействия на церковно-приходскую жизнь. Ниже будет показано, как, используя административный ресурс, власти стремились вовлечь в обновленчество приходы, сохранявшие верность Патриаршей церкви, манипулируя возможностью отказа в их регистрации.

Несмотря на то что вопросы поставления епископов на кафедры в СССР выходят за рамки нашего исследования, ориентированного на обстоятельства жизнедеятельности приходов, следует отметить, что именно в выделенный нами первый период администрирования начался процесс обязательного согласования таких поставлений с органами ОГПУ. «Перемещения архиереев начались уже с весны 1927 г. и стали особенно активны в конце лета и в начале осени. Это касалось прежде всего епископов, которые из-за противодействия власти не могли находиться в своих епархиях. Они получали назначение туда, где власть готова была смириться с их присутствием»¹⁸⁹. Таким образом, государственное администрирование уже с середины 1920-х гг. охватывало все стороны церковной жизни от приходов до епископата.

---

¹⁸⁹ Беглов А.Л. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или почему митрополит Сергей (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и Омега. 2007. № 49.

Задача выработки стратегии воздействия на приходы и Церковь в целом к концу первого периода могла считаться решенной отчасти. С одной стороны, обязательная регистрация религиозных обществ и групп, ограничения в проведении крестных ходов и манипулирование возможностью лишения избирательных прав членов церковных советов и активных прихожан делали приходскую жизнь подконтрольной властям. С другой стороны, не все используемые методы администрирования давали требуемые результаты. Так, например, несмотря на угрозы лишения избирательных прав и раскулачивания, многие члены церковных советов продолжали принимать участие в жизни прихода, а поддержка обновленческого движения практически не повлияла на отношение верующих к «красной церкви», как называли обновленческий раскол в народе. Постепенно формировалось мнение о необходимости внесения коррективов в антицерковную политику в сторону ее ужесточения, что вызвало к жизни ряд государственных постановлений, ознаменовавших собой в том числе переход к новым формам и методам администрирования приходской жизнедеятельности.

Второй период охватывает временной промежуток от 1929 г. до 1943 г. Временные рамки этого периода можно обозначить с точностью до дня. Его нижней границей является дата утверждения Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях»¹⁹⁰ – 8 апреля 1929 г., а верхней – дата учреждения Совета по делам Русской православной церкви, официально состоявшегося 14 сентября 1943 г., когда вышло соответствующее постановление Совнаркома СССР¹⁹¹. В течение большей части этого периода функции регулирования государственно-церковных отношений были возложены на созданную в 1929 г. Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.

---

¹⁹⁰ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

¹⁹¹ Гераськин Ю.В. Уполномоченный по делам Русской православной церкви: исторический портрет // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011. С. 48–59.

Все методы администрирования, имевшие место в первый период, ужесточаются, а к таким формам административного воздействия на церковные приходы, как манипулирование и принуждение, в этот период добавляется форма репрессирования.

В форме административного принуждения и контроля, причем в значительно более радикальной форме, продолжал использоваться метод обязательной регистрации приходского духовенства и членов органов приходского управления. Форма принуждения и контроля в этот период дополняется такими новыми методами, как разрешительный характер общих собраний религиозных обществ и групп, запрещение религиозным обществам¹⁹² и группам¹⁹³ некоторых форм хозяйственной деятельности, введение пяти- и шестидневной рабочей недели, а также дискриминационным налогообложением.

В форме административного манипулирования используются методы влияния на состав приходского духовенства и членов церковных советов, а также продолжается протекционистская политика в отношении обновленческого движения, хотя и несколько видоизменившаяся в сравнении с прошлым десятилетием.

И наконец, в 1930-х гг. становится востребованным наиболее радикальный из всех методов администрирования приходской жизнедеятельности, направленный на прямое уничтожение прихода, – закрытие храмов. Этот метод реализовывался в форме административных репрессий.

В этот временной промежуток значительное влияние на формы и методы администрирования церковной приходской деятельности оказали репрессии 1930-х гг., пик которых пришелся на 1937–1938 гг. В современной историографии 1929 год принято считать временем завершения так называемого «религиозного

---

¹⁹² Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. – М., 1926. – С. 654–658.

¹⁹³ Законодательство о религиозных культах. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». – New York, 1981. – С. 55.

нэпа»¹⁹⁴ – периода относительно мягкой антирелигиозной политики советского государства, начавшегося в 1923 г. «Религиозный нэп», собственно, завершился еще до принятия апрельского Постановления – в январе 1929 г., когда по местам было разослано циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», требовавшее от партийных и советских органов усиления давления на Церковь и религиозные организации¹⁹⁵, прямо названные «единственно легально действующими контрреволюционными организациями, имеющими влияние на массы»¹⁹⁶.

Постановление «О религиозных объединениях», принятое 8 апреля 1929 г., существенным образом изменило порядок взаимоотношений между властью и церковными приходами главным образом тем, что сферы правового регулирования религиозной деятельности значительно расширились¹⁹⁷, а самостоятельность религиозных объединений, напротив, сокращалась. Так, например, отныне религиозные общества или группы (Постановление эти понятия определяло) не имели возможности осуществлять свою деятельность за пределами района, ограничивающегося местом жительства членов общества и местонахождением молитвенного помещения. Запрещалось оказывать материальную поддержку населению, проводить просветительские мероприятия, заниматься благотворительностью и вообще любым видом деятельности, кроме религиозно-обрядовой¹⁹⁸.

---

¹⁹⁴ Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 203–226.

¹⁹⁵ Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е годы XX века. Орел, 2015. 224 с.

¹⁹⁶ «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б). 24 января 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–11. Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/59437> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁹⁷ Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Формирование законодательства о религиозных организациях в советский период // Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. 2022. № 9. С. 17–19.

¹⁹⁸ Гаряева Д.А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) // Известия Калмыцкого гуманитарного института РАН. 2016. № 2. С. 19–24.

Практически весь текст Постановления (оно было весьма обширным – 68 статей) содержал правила, по которым должны были существовать церковные приходы. Постановлением определялось, что религиозное общество или группа могли приступить к своей деятельности лишь после регистрации в местном исполкоме¹⁹⁹, для чего требовалось представить необходимый перечень документов. Религиозные общины отныне могли осуществлять отправление культа в стенах молитвенных домов, а просветительская и благотворительная деятельность воспрещалась. «Духовенство устранилось от участия в хозяйственных и финансовых делах так называемых двадцаток. Частное обучение религии, разрешенное Декретом 1918 г. «Об отделении церкви от государства», теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей»²⁰⁰.

Вмешательство властей во внутрицерковную жизнь проявилось и в других нормах Постановления. Например, при проведении общих собраний религиозных обществ или групп требовалось каждый раз получать разрешение: в сельской местности – волостных исполкомов, а в городах – административного отдела²⁰¹ горсовета²⁰². Важным рычагом воздействия на жизнедеятельность приходов стало предоставление регистрирующим советским органам права отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц. Эта норма фактически позволяла властям формировать приходские советы по своему усмотрению, делегируя туда удобных им людей и удаляя неугодных.

На том же заседании, на котором утверждалось Постановление «О религиозных объединениях», президиум ВЦИК образовал Постоянную комиссию

---

¹⁹⁹ Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е годы XX века. Орел., 2015. 224 с.

²⁰⁰ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 187.

²⁰¹ Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законодательстве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3–4 (47–48). С. 305–331.

²⁰² Эта норма относилась только к общим собраниям. Исполнительный орган мог собираться без уведомления местных органов власти.

по вопросам культов под председательством П.Г. Смидовича для административного надзора за религиозными общинами²⁰³. В состав комиссии были введены представители таких народно-воспитательных учреждений, как Наркомпрос, ВЦСПС, НКВД и Наркомюст²⁰⁴. Комиссия по вопросам культов сменила действовавшую в 1920-х гг. Антирелигиозную комиссию.

В предвоенное десятилетие метод манипулирования угрозами закрытия храмов постепенно радикализуется, и уже к середине 1930-х гг. число закрытых храмов резко возрастает. Власти осознанно транслируют противоречивую информацию по этому болезненному для верующих вопросу, часто не соответствующую положению дел на местах. Аналитические записки Комиссии по вопросам культов первой половины 1930-х гг. содержат множество фактов самоуправства в этой области и требований его прекратить, но на деле храмы закрывают по самым ничтожным поводам. Кроме того, помимо закрытия храмов, в 1930-х гг. в Московской области продолжается передача церквей обновленцам. В «зоне риска» оказываются центральные соборные храмы, расположенные в крупных подмосковных городах, таких как Мытищи, Можайск, Коломна. Часто передача происходит под надуманным предлогом содержания «тихоновцами» церковного здания в аварийном виде, иногда – путем прямого захвата. И в том и в другом случае поддержка властями обновленческого движения и отстранение прежней общины от пользования храмом и имуществом предполагали вмешательство в нормальную приходскую жизнь.

Характерным для начала 1930-х гг. методом администрирования приходской жизни следует считать эксперименты с введением пяти- и шестидневной рабочей недели, начавшиеся в самом начале второго периода. Введение нового табельного календаря определилось выходом 26 августа 1929 г. «Постановления о переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях Союза ССР»²⁰⁵ (через

---

²⁰³ Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е годы XX века. Орел., 2015. 224 с.

²⁰⁴ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 187.

²⁰⁵ Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями. //Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 62–75.

несколько месяцев после апрельского 1929 г. Постановления «О религиозных объединениях»). Переход на непрерывное производство был обусловлен потребностями экономического развития, но в дальнейшем в рамках антирелигиозной и антицерковной политики переход на пяти-, а затем и на шестидневную рабочую неделю будет использоваться властями как инструмент репрессивный и экономический, что делает обоснованным отнесение его к методам административного регулирования приходской жизни с целью ее дестабилизации.

Методы администрирования церковной и приходской жизни, характерные для второго периода, были разнообразными. Помимо отмеченных выше, в их числе следует выделить дискриминационное налогообложение церковных приходов и строений, а также духовенства. Подробно о том, что собой представляло налоговое законодательство в этой его части, будет сказано в IV главе, здесь же необходимо отметить, что налоговый прессинг, избирательно направленный на подавление экономической деятельности церковных приходов с целью их уничтожения, выступал одновременно способом ее регулирования.

Анализ форм и методов администрирования приходской жизни второго периода приводит к заключению, что главной задачей в те годы было ее подавление, означавшее либо уничтожение прихода полностью, либо создание таких условий, при которых молитвенная и хозяйственная жизнь в немногих действовавших приходах проходила бы в постоянном ожидании их закрытия и страхе перед арестами духовенства, церковного актива и прихожан. Такая задача в полной мере соотносилась с магистральным направлением государственной антицерковной и антирелигиозной политики. Практически все формы и методы администрирования в этот период радикализуются. Местные органы власти получают возможность влияния на состав органов приходского руководства путем отвода неудобных лиц. Поддержка обновленческого движения приобретает новые формы, направленные на прямой захват «тихоновских» храмов, без согласия прихода. Еще более сокращаются возможности хозяйственной деятельности. В массовом порядке закрываются храмы, причем если в начале 1930-х гг. это происходит с храмами «тихоновской» ориентации, то в конце 1930-х гг. эта участь

ожидает и храмы обновленческие. Система налогообложения духовенства и храмов меняется и приобретает откровенно дискриминационный характер, при котором целью становится не сбор налогов, а репрессии в отношении служителей культа и приходов по причине физической невозможности их выплатить.

Третий период, начавшийся в середине Великой Отечественной войны, завершился в 1958 г. началом хрущевской антирелигиозной кампании, повлекшей за собой активное вмешательство государства во внутрицерковные дела, что неизбежно приводило к изменениям в формах и методах администрирования приходской жизни. Он ознаменовался созданием и деятельностью Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, который должен был осуществлять связь между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения Правительства СССР²⁰⁶. Этот государственный орган, в значительной степени структурировав и упорядочив государственно-церковные отношения, фактически перевел их на новый уровень.

В этот период использовались следующие формы и методы администрирования. В форме административного принуждения и контроля продолжалась обязательная регистрация священнослужителей. Наряду с этим еще более ужесточился контроль за хозяйственной, богослужебной и внебогослужебной деятельностью церковных приходов.

Вмешательство во внутрицерковную и приходскую жизнь с целью создания положительного имиджа государственно-церковных отношений в СССР следует рассматривать как метод, используемый в форме административного манипулирования.

В форме административных репрессий использовался метод снятия с регистрации священнослужителей по различным основаниям. Как будет показано

---

²⁰⁶ Гераськин Ю.В. Уполномоченный по делам Русской православной церкви: исторический портрет // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А. И. Филимонова. М., 2011. С. 48.

ниже, основанием чаще всего становилась политическая неблагонадежность того или иного священника.

Совет по делам РПЦ осуществлял свою деятельность через аппарат уполномоченных по всем областям, краям, союзным и автономным республикам СССР, которые действовали согласно общей схеме и в соответствии с общими директивами. Ежеквартально региональные уполномоченные составляли подробные отчеты о положении Церкви на подведомственных им территориях, оформленные по единому образцу, что позволяло оперативно оценивать положение дел в церковных вопросах. И председатель Совета по делам РПЦ, и большинство уполномоченных были кадровыми офицерами НКВД. Примечателен тот факт, что подчинялись уполномоченные председателям областных (краевых) исполкомов, но снять или перевести их на другую должность было возможно только с согласия председателя Совета.

Функции уполномоченных были весьма широки. В их ведении находилась регистрация религиозных общин, снятие и назначение священнослужителей, рассмотрение ходатайств об открытии храмов и ремонте храмов, рассмотрение приходских хозяйственных вопросов, участие в различных конфликтных ситуациях, составление статистических отчетов, а также общее постоянное наблюдение за жизнью Церкви и верующих. Уполномоченные Совета по делам РПЦ, таким образом, практически полностью контролировали церковную приходскую жизнь и имели возможность влияния на все ее аспекты от наиболее существенных до самых мелких. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушин на протяжении нескольких десятилетий был практически единственным звеном, через которое осуществлялась связь подмосковных приходов с государственной властью.

К методам администрирования приходской жизни на территории Московской области 1950-х гг. следует отнести также проект присоединения (в

документах Совета по делам РПЦ употреблено выражение «проект сноса»²⁰⁷) 26 сел Московской области, в которых имелись действующие храмы, к ближайшим деревням, где храмов не было, что неминуемо привело бы к уничтожению приходов.

Характерная особенность третьего периода государственного администрирования церковной приходской жизни связана с актуализацией в послевоенное время вопросов, связанных с созданием положительного имиджа государственно-церковных отношений в глазах зарубежного сообщества. С этой целью издавались различные книги и статьи, Церковь обязывали принимать участие во всевозможных мероприятиях в защиту мира, на разных уровнях подчеркивалось свободное положение Церкви и отсутствие гонений на верующих. Однако на приходском уровне любые возможные контакты с иностранцами жестко контролировались. Среди священнослужителей отбирались такие, кому это было позволено. После тщательного отбора они проходили необходимый инструктаж. В случае, если в храме, где теоретически могли оказаться представители зарубежных делегаций или просто иностранные туристы, священника, отвечавшего требованиям, не оказывалось, это могло стать причиной перемещения духовенства. Под особым контролем оказывались храмы, расположенные вблизи автомагистралей. Сохранились специальные директивы по этому вопросу с указанием конкретных адресов. Положение еще более усугубилось в преддверии Фестиваля молодежи и студентов 1957 г. Главным образом сказанное относится к приходам Московской области.

После 1943 г. формы и методы администрирования приходской жизни определяются задачей полного подчинения Церкви интересам государства. Это приводит к тотальному контролю за приходской жизнью и одновременно использованию авторитета Церкви для создания представлений о ее независимом и свободном положении в СССР.

---

²⁰⁷ Никонов В.В. Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 546–556.

Эволюция форм администрирования приходской жизни полностью соответствует задачам, характерным для выделенных трех периодов.

Задачей первого периода был поиск стратегии воздействия на приходы и Церковь в целом. Для ее решения вводилась обязательная регистрация религиозных обществ, при которой ежегодно оформлялось Дело о регистрации. В состав Дела входил набор документов, подробно описывавших состояние прихода с указанием состава духовенства, членов церковных советов и всех прихожан. Тогда же проводилась политика поддержки обновленческого движения, лояльного к власти, и манипулирования угрозами лишения избирательных прав, возможностью проведения крестных ходов, закрытия храмов. Однако эти меры не давали ожидаемого результата, и приходская жизнь не прекращалась, а в некоторых случаях, по свидетельствам очевидцев, даже активизировалась. Неэффективность ряда методов администрирования приходской жизнедеятельности, используемых в течение первого периода, вызвала к жизни необходимость их ужесточения, и в этом смысле задача выработки дальнейшей стратегии была достигнута.

Задачей второго периода администрирования приходской жизни, продолжавшегося с 1929 по 1943 г., было подавление Церкви, для чего ужесточался порядок регистрации религиозных объединений, а внутриприходская деятельность ограничивалась, местные органы власти получали возможность влияния на состав выборных органов приходского управления, а протекционистская политика по отношению к обновленческому движению имела целью отъем храмовых зданий у «староцерковников» для передачи их обновленцам. Кроме того, в этот период используется репрессивный метод закрытия храмов, как наиболее радикальный способ уничтожения приходов. Следует отметить, что закрытия храмов имели место и в 1920-х гг., но тогда этот процесс не носил такого массового характера. На специфику администрирования приходской жизнедеятельности второго периода определяющее влияние оказал рост политических репрессий, имевший место в 1930-х гг. и достигший своего максимума в период Большого террора. Именно в это время властями предпринимаются беспрецедентные по своим масштабам

гонения на Церковь и обсуждаются вопросы, связанные с ее уничтожением, причем в качестве механизма предлагается ликвидация законодательства о культурах, в частности, Постановления «О религиозных объединениях» 1929 г.²⁰⁸ Таким образом, все правовые основы существования церковных приходов могли быть аннулированы, а в отношении Церкви выдвигались требования «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией»²⁰⁹. По ряду причин²¹⁰ этим планам не суждено было сбыться, но их наличие свидетельствует о том, что в конце 1930-х гг. административная задача подавления находилась в решающей стадии.

Встреча И.В. Сталина с тремя митрополитами Православной российской церкви в 1943 г. ознаменовала новый подход к воздействию на нее со стороны государства. Отныне отношения власти с Церковью определялись исключительно соображениями целесообразности, соответствовавшими тому высокому положению, которое СССР должен был занять в послевоенном мире среди стран-победителей. Церкви в этой системе была уготована роль своеобразной витрины, призванной демонстрировать *urbi et orbi* демократичность советского мироустройства и отсутствие гонений на верующих. Для этого она должна была выглядеть свободной и одновременно находиться в полном и беспрекословном административном подчинении. Для решения этой главной задачи третьего периода посредством сотрудников Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР был организован тотальный контроль, проводившийся на постоянной основе в виде непрерывного мониторинга, за хозяйственной, богослужебной и внебогослужебной деятельностью церковных приходов, что практически

---

²⁰⁸ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 214.

²⁰⁹ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 248

²¹⁰ Мазырин А.В., иер. Ленинские, сталинские и хрущевские гонения на Церковь. Церковный ответ на гонения. Азбука. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/leninskie-stalinskie-i-hrushevskie-gonenija-na-tserkov-tserkovnyj-otvet-na-gonenija/ (дата обращения: 08.08.2023).

исключало возможность какой-либо деятельности духовенства и прихожан, которая бы не соответствовала действовавшему законодательству.

1.2. Административные принуждение и контроль в государственной политике в отношении церковных приходов в Московской губернии/области

Введение обязательности *регистрации религиозных общин*²¹¹ было одним из основных методов администрирования приходской жизнедеятельности в форме принуждения и контроля, практиковавшимся на протяжении всех трех выделенных периодов. Регистрация в ее первоначальной форме была учреждена в 1922 г.²¹², но и до этого церковный приход не мог существовать, не вступив с государством в определенные отношения.

Согласно нормам Декрета «Об отделении церкви от государства», Церковь лишалась всей своей собственности: земли, строений, имущества, капиталов. Все это в течение двух месяцев передавалось государству, которое приобретало право передавать бывшее церковное имущество в безвозмездное пользование религиозным общинам. При этом, хотя национализированное имущество формально принадлежало государству, его даже в официальных документах зачастую именовали церковным. В материалах дел о перерегистрации религиозных обществ/групп обязательным документом являлась опись имущества, которое

---

²¹¹ В настоящем параграфе используется обобщающее понятие «религиозная община» как наиболее часто встречающееся в документах 1920-х гг., несмотря на то что законодательство в разные годы помимо него оперировало также понятиями «религиозная группа» и «религиозное общество».

²¹² Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 12 июня 1922 г. //Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1343.htm (дата обращения: 07.07.2023).

назвалось «церковным»²¹³, а в некоторых случаях – «храмовым»²¹⁴. Используя в дальнейшем термин «церковное имущество», мы будем употреблять его с учетом сказанного.

Представители властей на местах (чаще всего это были уездные отделы милиции) периодически проводили проверки и осмотр имущества, и ни верующие, ни священники не должны были этому препятствовать. Основным документом, регламентировавшим арендные отношения государства и прихода, стал договор, типовой вариант которого впервые был составлен в 1918 г.²¹⁵ и затем долгое время тиражировался. В последующем правовые отношения между советскими органами и Церковью периодически корректировались, но основной текст договора оставался почти неизменным в течение последующих лет. Договор должен был перезаключаться ежегодно, хотя на практике эти сроки выдерживались не всегда. Фактически необходимость заключения таких договоров стала еще одной из форм давления на Церковь.

Типовой текст договора был прописан в Инструкции НКЮ 1918 г. «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»²¹⁶. Инструкция подробно регламентировала имущественные отношения между государством и религиозными обществами, не определяя, правда, что именно следует понимать под религиозным обществом. По тексту Инструкции можно предположить, что религиозное общество – это некое собрание верующих одного вероисповедания, числом не менее 20 человек, которые, проживая в непосредственной близости от храмового здания, оказывают поддержку какому-либо культу²¹⁷. Однако точного определения религиозного

---

²¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 42. Л. 6.; ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 46. Л. 14.; ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 47. Л. 36.; ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 113. Л. 657.

²¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 113. Л. 690.

²¹⁵ Православная Москва в 1917–1921 гг.: сборник документов и материалов. М., 2004. С. 167–168.

²¹⁶ Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

²¹⁷ Там же. п. 1.

общества в Инструкции не имеется. Примечательно, что, помимо понятия «религиозное», в документе используется понятие церковного общества, чаще всего в такой форме: «церковные и религиозные общества». При этом ни определения церковного общества, ни объяснения, чем оно отличается от религиозного, в документе также нет.

До середины 1922 г. для того, чтобы религиозная община могла пользоваться храмовым имуществом, было достаточно иметь оформленный типовой договор, к которому прилагалась опись имущества²¹⁸. 12 июня 1922 г. ВЦИК утвердил Декрет «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»²¹⁹. После его вступления в силу число необходимых для этого документов увеличивалось.

Показательным стало название комплекта документов, необходимых для заключения договора: «Дело о перерегистрации православной христианской общины»²²⁰. Сам арендный договор среди документов, составлявших Дело, был лишь частью, хотя и основной. Кроме договора, в Дело входили протоколы собрания членов общины, опись церковного имущества, список членов исполнительного органа, список церковнослужителей и некоторые другие документы. И только после оформления всех перечисленных бумаг, последним, оформлялся договор. В ряде случаев в Московской губернии, помимо перечисленных документов, было необходимо представлять копию договоров 1918–1919 гг.²²¹

С 1922 г. регистрация религиозных общин стала обязательной, так как несанкционированное пользование церковным имуществом влекло за собой уголовную ответственность. Необходимо отметить также, что религиозная община

²¹⁸ БГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 28, 28 об; БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 38. Л. 35, 36.; 66, 67.; 284–285.

²¹⁹ Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 12 июня 1922 г. //Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1343.htm (дата обращения: 07.07.2023).

²²⁰ Название «Дела» в разных уездах и даже волостях формулировалось по-разному, но именно такое название вполне соответствовало его содержанию.

²²¹ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 16.

могла получить государственную регистрацию только при условии, что в ее составе будут числиться не менее двадцати человек (в 1923 г., помимо обычного религиозного общества, существовала форма «религиозного общества с уставом», для регистрации которого требовалось не менее 50 человек²²²). Подписавшиеся брали на себя серьезные обязательства: хранить и беречь церковное имущество; производить необходимый ремонт и нести все текущие расходы на отопление, страхование, охрану, уплату налогов и долгов; в случае порчи или пропажи вверенного им имущества возмещать убытки.

Государство неоднократно возвращалось к вопросу о регистрации религиозных обществ, с каждым разом усложняя этот процесс. Так, начиная с 1922 г. выходит ряд постановлений, определивших порядок регистрации всех приходов страны с обязательной постановкой их на учет в органах НКВД. В противном случае храмы подлежали закрытию. Позже обсуждался проект изменения минимальной численности общины, необходимой для регистрации, в сторону увеличения ее членов до 50 человек, но в 1929 г. вернулись к первоначальной норме.

Регистрацию религиозных общин производили местные органы власти – Исполкомы советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Документы составлялись в трех экземплярах. После проверки один экземпляр возвращался представителям религиозной общины и должен был храниться в храме, второй оставался в местном Совдепе, а третий отправлялся в Народный комиссариат просвещения.

Типовой набор документов Дела о перерегистрации религиозной общины включал в себя: заявление в местный орган власти (чаще – уездное отделение милиции), договор, список членов приходского совета, список служителей культа, список членов религиозной общины, опись церковного имущества, «Сведение о состоянии имущества культа» и акт о соответствии наличного имущества тому, которое было указано в описи. Кроме этого, Дело часто содержало различные

---

²²² Там же.

дополнительные справки и донесения, главным образом касавшиеся вопросов изменений в состоянии «имущества культа» (произведенный ремонт, кражи, приобретенная утварь и пр.). Собственно договор оформлялся последним.

Рассмотрение материалов дел о перерегистрации религиозных общин следует начать со списка членов приходского совета. Как правило, в совете состояло не менее пяти членов – самых уважаемых прихожан. В небольших приходах в приходских советах значилось три члена, в крупных – десять и более человек, а в некоторых населенных пунктах приходской совет насчитывал несколько десятков членов²²³. В списке указывались полностью имена, фамилии и отчества, возраст, место жительства, а также род занятий до революции и после нее. Иными словами, практически все анкетные данные. Таким образом, члены приходских советов всегда находились под пристальным наблюдением со стороны действующей власти и, следовательно, в «зоне риска» в смысле возможных репрессий. Многие из них лишались избирательных прав, причем год, когда тот или иной прихожанин входил в приходской совет, часто совпадает с моментом поражения в правах.

Список служителей культа включал тех, кто по роду своей деятельности получал средства к существованию от приходских сумм. Ими были: священник (всегда); псаломщик²²⁴ (почти всегда); диакон (не часто, как правило, в крупных сельских или городских приходах); иногда – просвирня, казначей, звонарь и пр. Согласно Конституции РСФСР 1918 г., священнослужители всегда, а прочие часто, становились лишенцами²²⁵.

Отдельно следует остановиться на таких важнейших документах, как списки членов общины. В каждом деле таких списков было не менее двух. Прежде всего, это список прихожан, подписавших Договор об аренде церковного здания и

---

²²³ Список членов приходского Совета Преображенского православного религиозного общества села Люберец. 1923 г. // ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 194. Л. 10–14 об.

²²⁴ Наиболее употребительное название в нач. XX в. В разных приходах мог называться пономарем или дьячком.

²²⁵ Конституция РСФСР 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 10.01.2023).

имущества. Ими были наиболее активные члены общины, составлявшие «двадцатку», без наличия которой община не могла была быть зарегистрирована. Надо сказать, что только в чрезвычайно редких, единичных случаях автору доводилось видеть подписи под договорами именно двадцати человек²²⁶. Почти всегда их число было значительно большим.

Кроме того, в Деле всегда имелся полный список членов общины. Количество фамилий в нем зависело от размера прихода. Иногда, если приход был небольшим, оба списка почти совпадали. Но, как правило, второй список значительно превышал первый. Во втором списке значились десятки, а часто сотни человек²²⁷. Отметим, что всего в приходе могло быть (и наверняка было) еще больше верующих, но не все решались открыто заявить о своих убеждениях. Очевидно, что в те годы поставить подпись в защиту храма от закрытия, а именно для этого община и проходила процедуру перерегистрации, означало смело и во всеуслышание заявить о своем вероисповедании и процерковной позиции.

Следует отметить, что правила оформления списка членов религиозной общины предписывали указывать не только имя, фамилию и отчество, но, как и в списке членов церковного совета, возраст и место жительства. Это было формой принуждения, тем более что необходимость указать столь подробные сведения о себе могла бы отпугнуть сомневавшихся и наверняка кого-то отпугнула. Однако многие часто подписывали документ всей семьей, что позволяет сегодня проследить и родственные связи, причем не только в рамках одного прихода, но и между соседними²²⁸.

---

²²⁶ Речь идет о списках в делах о перерегистрации религиозных обществ Московской губернии.

²²⁷ Список членов религиозной общины Преображенского храма в Люберцах. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 30–38.; Список верующих Михаило-Архангельской единоверческой общины. 1926 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 113. Л. 428 об. – 449 об.; Список членов группы верующих Мячковского культа, находящегося в селе Верхнем Мячкове Бронницкого уезда. 1926 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 53. Л. 19–35 об.

²²⁸ Список верующих прихода погоста св. Георгия по дер. Галушино Бронницкого района Московской обл. 1926 г. // БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 39. Л. 17.

Большой интерес представляют описи церковного имущества, имеющиеся в каждом Деле о перерегистрации религиозной общины²²⁹. Помимо того, что каждая из них содержит важную информацию о храме, следует иметь в виду, что в 1920-х гг. описи должны были составляться каждый год. И по тому, как они менялись год от года, можно сделать целый ряд выводов о жизни прихода.

Описи церковного имущества, как отмечалось выше, составлялись и до революции, главным образом с целью выяснения достаточности или недостаточности приходов. После победы большевиков ежегодные описи требовались исключительно с целью контроля и для того, чтобы любые изменения в них использовать против прихода. Так как, согласно нормам Декрета 1918 г., церковный приход не мог обладать собственностью, все принадлежало государству, а религиозная община арендовала утварь и храмовое здание, неся за них материальную ответственность. Следовательно, если чего-то из арендованного имущества на момент инвентаризации на месте не оказывалось, прихожане обязаны были объяснить пропажу и выплатить в Гохран ее стоимость. Вероятность того, что кто-то из прихожан намеренно скрыл что-либо из утвари, конечно, была, но автору сталкиваться с такими эксцессами не приходилось, а кражи из храмов случались, к сожалению, весьма часто²³⁰.

Следует отметить также и то, что если в течение отчетного периода имущество храма пополнялось каким-либо предметом утвари, иконой или облачением, пожертвованным, а часто – сохраненным из закрытого поблизости храма, то этот предмет должен был быть непременно внесен в новую опись с указанием, каким образом он сюда попал. Будучи инвентаризированным, он сразу же становился собственностью государства, и при проверке церковного имущества в следующем году его следовало представить в исправном виде представителю местной администрации. В противном случае его стоимость должна была быть

---

²²⁹ Опись церковного имущества, составленная для оформления договора о перерегистрации общины Михаило-Архангельского храма села Константинова Бронницкого уезда. 1926 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 58. Л. 12.

²³⁰ Сведения о хищении церковной утвари в Покровском храме села Осеченки Бронницкого уезда. 1926 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 45. Л. 15.

выплачиваема приходом в Гохран. Разумеется, пожертвованные (или спасенные) вещи старались в опись имущества не вносить. Их прятали от проверяющих, но если такие факты обнаруживались, формально это могло стать основанием для расторжения договора²³¹.

Говоря об описях церковного имущества 1920-х гг., следует обратить внимание также и на то, как описываются храмовые здания и технические постройки. В описях часто указывалось, как были отделаны стены храма, чем крыта крыша и главки, имелись ли колокола и сколько их было, какой была ограда, из чего были выстроены дома причта и здания школы, если таковые имелись.

Следующим документом в Деле было обязательное «Сведение о состоянии имущества культа». Оно содержало ряд ценных фактов: количественный состав общины, состояние, в каком находилось «имущество культа», информацию о том, производился ли ремонт, были ли случаи хищения и пр. В графе о ремонте требовалось указать, на какую сумму был произведен ремонт и в чем он выражался. Если же ремонта в отчетный период не было, то следовало объяснить, почему. Несмотря на то, что заботу о национализированном имуществе должен был бы взять на себя его собственник, то есть государство, этого требовали от приходов. Необходимый ремонт мог быть косметическим, но мог быть и капитальным²³².

В графе о хищениях «Сведения о состоянии имущества культа» было необходимо подробно изложить, когда и при каких обстоятельства хищение произошло, что именно было украдено и каким образом приход возместил государству стоимость похищенного. Имея в своем распоряжении несколько таких документов за несколько лет, можно существенно дополнить картину жизни прихода. В ряде случаев после «Сведения» в Дело подшивались документы, связанные с ремонтами, произведенными в храме, финансовые отчеты, переписка с местными органами власти и т. п.

---

²³¹ Случаи сокрытия отдельных предметов церковного обихода автору известны, однако фактов расторжения договоров о перерегистрации религиозных общин по этим основаниям встречать не приходилось.

²³² БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

И наконец, последним документом в Деле, составлявшимся непосредственно перед подписанием договора, был акт проверки наличного имущества храма. Акт подписывался кем-либо из членов приходского совета и представителями власти, чаще всего – председателем местного сельсовета и начальником уездной милиции. И только после подписания акта оформлялся договор, который в Деле подшивался в самом начале, сразу после заявления в уездную милицию.

Текст договора выдержан в форме принуждения и контроля, что полностью отражает суть выделенной нами формы администрирования приходской жизнедеятельности. Согласно первым двум пунктам, от прихожан требовалось «беречь переданное... народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целостность и сохранность врученного имущества».

Третий пункт договора требовал безусловного исполнения первых двух: «Мы (прихожане, подписывающие договор. – *В.Н.*) обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст. 1 и 2 настоящего договора».

Далее договор предписывал не допускать в арендуемом здании политических собраний и распространения контрреволюционных книг и брошюр, преподавания религиозных вероучений, а также «перенесения каких-бы то ни было предметов культа для каких-бы то ни было целей без особого всякий раз на то письменного разрешения Уездного Управления Милиции».

Любой из вышеперечисленных запретов при желании мог быть использован для того, чтобы обвинить верующих в нарушении условий договора, а некоторые формулировались так, что не нарушить их зачастую было невозможно в силу установленной богослужебной практики²³³.

Договор требовал от общины иметь актуальную инвентарную опись имущества, в которую следовало вносить все вновь поступающие (путем

---

²³³ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. I. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 43.

пожертвований, передачи из других храмов и т. п.) предметы культа. При этом в любое время, исключая часы богослужения, предписывалось беспрепятственно допускать к проверке наличия церковного имущества уполномоченных уездным исполкомом. Пропажа или порча церковной утвари предполагала солидарную ответственность всех членов общины. По букве договора, любые изменения в описи имущества должны были сразу фиксироваться и оформляться соответствующими документами, в противном случае первая же проверка могла стать основанием для расторжения договора с общиной, нарушившей его положения.

В случае нарушения любого пункта договора лица, виновные в этом, несли уголовную ответственность, а храм закрывался.

Некоторые из документов дел о перерегистрации религиозной общины требовалось оформлять не только в рамках ежегодной отчетности, но и по требованию советских органов. В ряде случаев местные исполкомы требовали не материалы отдельных общин, а сводные таблицы. Например, в марте 1922 г. Бронницкий уездный исполком затребовал такую сводную таблицу «О причтах церкви Вохринской волости», куда были занесены данные о пятнадцати священнослужителях шести храмов²³⁴. Вероятнее всего, эти сведения понадобились для составления списков на лишение избирательных прав, а возможно, и для выяснения благонадежности того или иного священника.

В течение *второго периода* администрирования деятельности церковных приходов в форме принуждения и контроля использовались методы:

- обязательной регистрации религиозных обществ/групп
- ограничения общих приходских собраний
- ограничения хозяйственной деятельности
- введение пяти- и шестидневной рабочей недели

Постановление «О религиозных объединениях» 1929 г. не изменило рассматриваемого метода администрирования приходской жизнедеятельности,

---

²³⁴ БГА. Ф. 64. Оп.1. Д. 32. Л. 18.

однако теперь *регистрация религиозных обществ/групп* стала производиться несколько иначе. Прежде всего, следует отметить введенную Постановлением норму об обязательной регистрации религиозного общества или группы по определенным правилам, согласно которым религиозное общество могло создаваться группой верующих одного вероисповедания числом не менее 20 человек исключительно по месту жительства. Сама регистрация производилась советским органами в срок не более одного месяца, по истечении которого общество/группа должна была быть зарегистрированной или же заявителям вручался официальный отказ. Причины отказа могли не указываться. Формальное «упрощение» регистрации религиозного общества/группы на деле в ряде случаев становилось причиной «конфликта интересов» между «староцерковниками» и поддерживаемыми властями обновленцами²³⁵. По мнению некоторых исследователей, именно эта правовая коллизия повлияла на то, что живоцерковники и обновленцы «быстро захватили почти все храмы г. Москвы»²³⁶. Здесь, однако, мы говорим не о фактах захвата храмов обновленцами²³⁷, а о широких возможностях администрирования приходской жизни, появившихся у сотрудников регистрирующих органов.

После выхода в апреле 1929 г. Постановления «О религиозных объединениях» изменился по форме и номенклатуре типовой набор документов для перерегистрации религиозных общин. Теперь такой комплект стал называться «Делом о регистрации религиозного общества или группы верующих», а каждый документ заполнялся на специальном бланке, именуемом «формой». Порядок документов, составлявших Дело, почти не изменился, но теперь они были пронумерованы заранее типографским способом: форма № 1; форма № 2 и т.д.

Первым, как и прежде, в Дело подшивалось заявление о регистрации религиозного общества или группы, составленное по «форме № 1». В заявлении

---

²³⁵ Подробнее об этом будет сказано в § 2.3.

²³⁶ Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003. С. 154.

²³⁷ Подробнее об этом будет сказано в § 2.3.

отмечалась численность общества или группы, район религиозной деятельности и вероисповедание. За заявлением следовал список членов религиозного общества с указанием имени, возраста, места службы и рода занятий с 1914 г., наличия судимостей и адреса проживания. Отметим, что в 1920-х гг. информация о том, чем занимался каждый член религиозной общины с 1914 г., не требовалась. Под № 3 находилось удостоверение о регистрации религиозного общества или группы, то есть самый главный документ Дела, для оформления которого составлялись все прочие документы. Затем в Дело подшивалась справка, в которой указывались имена членов исполнительного органа и ревизионной комиссии, избранных общим собранием прихожан. До 1929 г. такого документа в делах о перерегистрации религиозных общин не было, так как эти органы приходского управления стали учреждаться в соответствии с Постановлением «О религиозных объединениях». Новацией стала и «Анкета для служителей культа» (№ 5), в которой должны были содержаться довольно подробные сведения о священно- и церковнослужителях. Отдельным документом (№ 6) была «Справка о служителе культа», свидетельствующая о том, что «Анкета» (№ 5) административным отделом местного Совета депутатов получена²³⁸.

Как видно из перечня документов, которые отныне требовалось составить для регистрации религиозного общества или группы верующих, власти теперь интересовали более подробные личные сведения как о духовенстве и приходских сотрудниках, так и о самих прихожанах. При этом информация о составе храмового имущества и его состоянии перестала быть актуальной. В целом такие изменения вполне отвечают периоду нарастающих репрессий в отношении духовенства и верующих.

Зарегистрированное религиозное общество/группа, согласно нормам Постановления, должно было избрать исполнительный орган для самоуправления и ревизионную комиссию, при этом право утверждения членов этих органов

---

²³⁸ БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 50. Л. 26–36.

оставалось в юрисдикции государственных органов, так как местные исполкомы имели право отводить отдельных лиц из состава выборных церковных органов²³⁹.

Общие собрания религиозных обществ/групп могли собираться исключительно с разрешения: в сельских поселениях – волостного исполнительного комитета или районного административного отделения, а в городских поселениях – административного отдела²⁴⁰. Описывая эту правовую коллизию в своем докладе Комитету прав человека в начале 1970-х гг., И.Р. Шафаревич резонно добавлял, что ее «очень трудно согласовать с идеей отделения церкви от государства»²⁴¹. Иными словами, вновь вводимые нормы, направленные на возможность контроля за приходской деятельностью и влияния на нее, прямо противоречили положениям Декрета «Об отделении церкви от государства».

Следует отметить, что порядок организации общего приходского собрания и прежде регламентировался государством, но до 1929 г. он носил уведомительный характер. Не менее чем за неделю до собрания религиозная община должна была поставить в известность об этом местные органы власти, указав точную дату, место и повестку дня собрания. (Заметим в скобках, что, хотя формально разрешения на проведение собраний до 1929 г. приходы могли не получать, они и до введения новых норм старались ими заручиться²⁴².) Безусловными препятствиями для проведения собраний могли стать всего два обстоятельства: наличие «политических банд, которые оперируют в данной местности» и контрреволюционная деятельность членов религиозного общества, которые «могут использовать собрание для политических целей»²⁴³. С введением обязательного

---

²³⁹ Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1(20). С. 310–322.

²⁴⁰ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

²⁴¹ Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР. Доклад Комитету прав человека. Paris, 1973. С. 11.

²⁴² БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.; Там же. Л. 27.; Там же. Л. 29; Там же. Л. 31.; Там же. Л. 34. Там же. Л. 37.

²⁴³ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 17.

получения разрешения на проведение собраний эти нормы, очевидно, становились избыточными, так как отказ мог быть получен верующими по множеству иных причин.

После 1929 г. для религиозных обществ/групп вводился ряд ограничений в их хозяйственной деятельности. Им отныне запрещалось создавать кассы взаимопомощи, устраивать молитвенные собрания, организовывать различные кружки, в том числе рукодельческие и трудовые²⁴⁴. Помимо того, что некоторые из перечисленных запретов деятельности религиозных обществ/групп были практически трудно выполнимы (например, запрет на оказание материальной поддержки своим членам), такая норма, как запрет на хранение в молитвенных зданиях книг, не относящихся к отправлению культа, позволяла считать нарушением наличие любой книги, случайно принесенной прихожанином в храм.

При этом религиозным обществам/группам разрешалось нанимать сторожей, покупать дрова и производить ремонт, однако оговаривалось, что такая деятельность, как, например, аренда свечных заводов и типографий, однозначно воспрещалась. Разумеется, в 1929 г. аренда свечных заводов была невозможна, а религиозная литература не издавалась²⁴⁵, но эта, казалось бы, разрешительная норма могла трактоваться по-разному и, следовательно, потенциально могла быть использована для давления на приход. Таким образом, создавались дополнительные возможности для государственного регулирования его деятельности.

Постановление «О религиозных объединениях» никак не описывает основания и процедуру ликвидации религиозного общества/группы. Не будет преувеличением утверждение, что администрирование приходской деятельности имело своей целью ее прекращение, однако по состоянию на апрель 1929 г., когда

---

²⁴⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

²⁴⁵ Даже церковный календарь отдельным изданием выпустить было невозможно, и он публиковался в Журнале Московской патриархии, выходившем нерегулярно (выходил в промежутки с 1931 по 1935 г.).

Постановление вступило в силу, основанием для этого считалось решение членов общества/группы о самороспуске.

В 1931 г. утверждается специальная инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах»²⁴⁶, в которой теме ликвидации религиозных объединений посвящен отдельный раздел. В п. 34 говорится, что в случае обнаружения нарушений законодательства их необходимо в определенный срок устранить. В противном случае местными властями ставится вопрос о ликвидации религиозного общества.

Иными словами, Инструкция 1931 г. законодательно закрепила за местными регистрирующими органами и исполкомами возможность принимать решения о снятии с регистрации религиозного общества/группы на основании трактовки их сотрудниками нарушения или соблюдения норм Постановления 1929 г. Очевидно, что такая трактовка могла быть произвольной. И.Р. Шафаревич справедливо обращает внимание на то, что процедура судебного разбирательства фактически заменялась процедурой снятия с регистрации²⁴⁷. Следовательно, ряд формулировок не только Постановления 1929 г., но и Инструкции 1931 г., созданной для уточнения его норм, не определяли однозначно новые правовые отношения между Церковью и советским государством.

К характерным методам администрирования жизнедеятельности церковных приходов в форме принуждения и контроля во второй период следует отнести *эксперименты с введением пятидневной и шестидневной рабочей недели*. Введение нового табельного календаря определилось выходом 26 августа 1929 г. «Постановления о переходе на непрерывное производство в предприятиях и

---

²⁴⁶ Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах». 30 января 1931 г. // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27349#p7HtWjTwW3Jkr3R7> (дата обращения: 09.07.2023).

²⁴⁷ Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР. Доклад Комитету прав человека. Paris, 1973. С. 19.

учреждениях Союза ССР»²⁴⁸ (через несколько месяцев после апрельского 1929 г. Постановления «О религиозных объединениях»). Переход на непрерывное производство был обусловлен потребностями экономического развития, но в дальнейшем в рамках антирелигиозной и антицерковной политики переход на пяти-, а затем и на шестидневную рабочую неделю использовался властями как инструмент репрессивный и экономический, что делает обоснованным отнесение его к методам административного регулирования приходской жизни с целью ее дестабилизации.

Желание верующих оставаться в русле традиционного церковного годового цикла, в ряде случаев вступавшего в противоречие с новым советским графиком труда и отдыха, стало одним из направлений антицерковной пропаганды первой половины 1930-х гг. Логическая связка была простой: религиозные праздники в течение года распределяются неравномерно, некоторые из них выпадают на будни, а некоторые вообще делятся несколько дней. В праздники Церковь запрещает работать. Вывод: Церковь мешает нормальному трудовому графику.

Такая постановка вопроса предполагала необходимость коренной ломки церковного календаря, от которой в первую очередь должны были пострадать приходы как низовые структурные элементы всего церковного здания. Создание условий, при которых коллективное участие прихожан в богослужениях становилось невозможным, преследовало ряд целей. На уровне прихода этими целями было, во-первых, снижение общего уровня религиозности населения, а во-вторых, подрыв экономики прихода. На общем антицерковном уровне цели были более широкими. Во-первых, это давало возможность представить Церковь, ее служителей и верующих противниками коллективного созидательного труда, а во-вторых, использовать это сознательно организованное противоречие как повод для прямых репрессий.

Праздничными днями в церковном календаре являются все воскресные дни, а также наиболее важные праздники, не всегда выпадающие на воскресенья,

---

²⁴⁸ Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями. //Актуальный проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 62–75.

например: Рождество, Богоявление, Сретение, Благовещение и некоторые другие. Кроме того, в церковном календаре есть период, когда сразу несколько дней подряд считаются праздничными (Пасхальная седмица (неделя)). В дореволюционной России такие дни были неприсутственными (выходными). Менее значимые праздники, если они выпадали на будни, официальными выходными не были. Между тем в отдельных приходах и целых районах часто имелась традиция особенного почитания какого-либо праздника или святого, день памяти которого именно в данной местности были принято отмечать особенным образом, в том числе невыходом на работу. Но это не регламентировалось и тем более не поощрялось церковноначалием, что в полной мере снимает с него любую ответственность.

Традиция почитания воскресных и праздничных дней церковного календаря сохранилась и после 1917 г. В табель-календарях, выпускавшихся в СССР до 1929 г., перечень праздничных дней выглядит пестро. Календарь на 1926 г. делил выходные дни на «неприсутственные» и «дни отдыха», причем к первым относились советские памятные даты, а ко вторым – церковные праздники. Неприсутственные дни: Январь: 1 – Новый год. 22 – День памяти В.И. Ленина и расстрел рабочих в Ленинграде в 1905 г. Март: 12 – Низверж. самодерж., 18 – День Парижск. Коммуны. Май: 1 – День Интернационала. Июль: 6 – День Конституции СССР. Ноябрь: 7 и 8 – День Пролетарской Революции. Дни отдыха: Май: 1 – суббота, 2 и 3 – Пасха. Июнь: 10 Вознесение, 21 – Духов день. Август: 6 – Преображение, 15 – Успение. Декабрь: 25 и 26 – Рождество²⁴⁹.

В табель-календаре на 1920 г. все праздники указывались вперемешку. Выглядело это, например, так: «Праздничные дни: Январь: 1 – Новый год. 6 – Канун Рождества. 7 и 8 – Рождество Христово. 19 – Крещение Господне. 22 – Воспоминание о рабочих (9 янв. 1905 г.)»²⁵⁰ и т.д.

²⁴⁹ Советский табель-календарь на 1926 год с религиозными и официальными праздниками. Л., 1925.

²⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-8749. Оп. 3. Д. 234. Л. 1–2, 13 об. 14. // Цит. по: Архивы Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall186066941_3112 (дата обращения: 20.01.2023).

В календаре на 1923 г. праздничные дни разделяются на «исторические и общественные праздники» и «местные дни отдыха»²⁵¹. И хотя к первым относятся праздники советские, а ко вторым – церковные, все они отмечены в календарной сетке как выходные.

Подобная картина наблюдается в 1928 г. Изменения начинаются с 1929 г., когда из перечня праздничных дней церковного календаря исчезают названия праздников, причем не сразу, а постепенно. Так, в табель-календарях на 1929 г., выпущенных, очевидно, в конце 1928 г., церковные праздники поименованы, а в календаре «на 1929–1930 г.» (прежде не встречавшаяся форма) все религиозные праздники именуются просто «днями отдыха». При этом в календарной сетке все они выделены как выходные. Начиная с 1930 г. все церковные праздники из календарей исчезают.

Примечательно, что календарь на 1929–1930 г. начинается не с 1 января 1929 г., как все прежние календари, но с 1 июля 1929 г., а заканчивается 30 июня 1930 г. Это объясняется выходом 26 августа 1929 г. «Постановления о переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях Союза ССР», которым был введен новый табельный календарь²⁵², предусматривавший переход на непрерывную пятидневную рабочую неделю с четырьмя рабочими днями и одним днем отдыха. Вскоре последовало еще одно Постановление СНК СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю»²⁵³. Оно более детально разъясняло, как именно будет происходить переход на непрерывную пятидневную неделю.

При новой организации труда все работники разделялись на пять групп, каждой из которых присваивался порядковый номер (в табель-календарях этому

---

²⁵¹ Почтовая карточка - табель календарь на 1923 год. – М., 1922.

²⁵² Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями. //Актуальный проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 62–75.

²⁵³ Постановление СНК СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю». 24 сентября 1929 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3594.htm (дата обращения: 20.01.2023).

номеру для удобства соответствовал определенный цвет). Единый выходной день упразднился, так как для каждой группы он был своим, причем совпадения исключались. Общими выходными были несколько дней в году, связанные с именем В.И. Ленина и революционными событиями.

Таким образом, воскресенье – день, который в Церкви именуется «Малой Пасхой», отныне переставал быть днем соборной молитвы, ибо только у одной из пяти групп трудящихся он мог быть выходным. Иными словами, лишение 4/5 верующих возможности соборной молитвы может рассматриваться не только как следствие, но и как причина принятия Постановления СНК СССР от 24 сентября 1929 г. Следует отметить, что в 1920-х гг. традиция невыхода на работу в дни религиозных праздников была настолько прочной, что сохранялась даже среди заключенных лагерей, например, Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОУ), что приводило к конфликтам с лагерной администрацией²⁵⁴.

Через два года СНК СССР утверждает «Постановление о непрерывной производственной неделе в учреждениях»²⁵⁵. С выходом этого постановления связывают переход от пятидневной рабочей недели к шестидневной. Но если введение пятидневной недели было обязательным практически для всех отраслей народного хозяйства, то переход к шестидневной был выборочным. Пятидневная неделя оставалась обязательной для учреждений, где было необходимо обеспечить круглосуточный режим работы. Прочим учреждениям и предприятиям не предписывалось, а *«разрешалось временно переходить на шестидневную прерывную неделю (курсив мой. – В.Н.)»*²⁵⁶.

Ключевыми словами здесь являются «прерывную» и «временно». Рабочая неделя вновь становилась прерывной, так как теперь у трудящихся появлялись единые выходные дни. Ими назначались 6-й, 12-й, 18-й, 24-й и 30-й дни каждого

²⁵⁴ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / [отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк]. – М., 2008. – С. 190.

²⁵⁵ Постановление СНК СССР о непрерывной производственной неделе в учреждениях. 21.11.1931 г. // Музей истории Российских реформ им. П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13988> (дата обращения: 20.01.2023).

²⁵⁶ Там же.

месяца с некоторыми оговорками и исключениями. Но это означало, что традиционная церковная неделя с воскресеньем, выпадавшим всегда на 7-й день, вновь оказывалась разрушенной. Теперь, только если какой-то из пяти выходных совпадал с воскресным днем, это давало возможность посетить храм, но такое случалось, как нетрудно посчитать, через каждые 42 дня, то есть один раз в полтора месяца ($6 \times 7 = 42$). Табель-календари (в отличие от обычных календарей) теперь выпускались вообще без обозначения дня недели. Отныне в них значилось: 1-й день, 2-й день и так далее до шестого. Какой из выходных попадал на воскресенье понять было совершенно невозможно. Что же касается того, что вводимая шестидневная неделя называлась «временной», то это, надо полагать, говорило о том, что вопрос экономической эффективности изменений в рабочих неделях был открытым.

С нашей точки зрения, и во введении шестидневной прерывной рабочей недели просматривается цель нарушения традиционного недельного церковного цикла. Следует обратить внимание на то, что подобные проблемы с богослужением возникали не только у православных, но и, например, у католиков. Однако у них был выход, который заключался в том, чтобы служить мессе по вечерам²⁵⁷.

Лишь 27 июня 1940 г. вступил в силу указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе на 8-часовой рабочий день с рабочей неделей по григорианскому календарю (6 рабочих дней, воскресенье – выходной)²⁵⁸.

Относительно того, был ли выраженный экономический эффект от введения пятидневной непрерывной и шестидневной прерывной недель, в настоящее время сформировавшегося мнения не существует. Несомненным является лишь факт того, что с 1929 г. (года, когда был принят целый ряд законодательных актов, направленных на борьбу с Церковью и религией) по 1940 г. в СССР действовал рабочий график, грубо нарушавший церковный богослужебный цикл. Даже его

---

²⁵⁷ Беглов А., Токарева Е., Фадеев И. Литургические практики католиков Советской России в 1920–1930-х гг.: нормы и аномалии. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 4 (38). С. 265–293.

²⁵⁸ Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями. // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 62–75.

(рабочего графика) коррекция в 1931 г. путем введения прерывной шестидневной недели не дает Церкви возможности налаживания полноценной молитвенной жизни.

Время, когда было принято постановление о переходе на непрерывную неделю (август 1929 г.), совпадает с тем, что именно в этом году впервые формулируется лозунг о необходимости проведения «антирелигиозной пятилетки», когда в ЦК ВКП(б) было подготовлено подписанное Л.М. Кагановичем специальное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Тогда же, на XIV Всероссийском съезде Советов (10–18 мая 1929 г.) в ряде выступлений содержались призывы «принять меры к массовому выходу трудящихся из религиозных общин» и объявить «безбожную пятилетку», как этого потребовал в статье «Чего мы ждем от II Съезда»²⁵⁹ ленинградский активист Союза безбожников И. Я. Элиашевич²⁶⁰. Но и момент перехода на прерывную шестидневную неделю (ноябрь 1931 г.) вполне соотносится с моментом объявления безбожной пятилетки (март 1932 г.). Таким образом, вполне можно заключить, что перечисленные факты находятся в прямой связи друг с другом. Что же касается 1940 г., когда все рассмотренные нововведения были отменены, то, во-первых, это было временем «первой бериевской реабилитации» – процесса, связанного с назначением на пост наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии и ознаменовавшегося окончанием периода Большого террора, освобождением и реабилитацией части осужденных в прежние годы заключенных, а также некоторого потепления внутривластного партийного курса. Во-вторых, к началу 1940-х гг. Церкви был нанесен такой огромный экономический, политический и репутационный ущерб, что она в глазах руководителей советского государства уже не представляла такой опасности, какая виделась многим партийным функционерам в конце 1920-х гг.

---

²⁵⁹ Элиашевич И.Я. Чего мы ждем от II Съезда? // Антирелигиозник. 1929. № 6. С. 59.

²⁶⁰ Безбожная пятилетка // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/77796.html> (дата обращения: 20.01.2023).

Сказанное позволяет заключить, что введение пяти- и шестидневной рабочей недели было нацелено в первую очередь на ослабление Церкви как института путем разрушения традиционного уклада приходской жизни. Кроме того, это работало на оправдание в глазах общественности антирелигиозных кампаний и репрессивных практик в отношении Церкви как структуры, деятельность которой направлена на подрыв народного хозяйства.

В середине Великой Отечественной войны И.В. Сталин лично принял решение о создании Совета по делам РПЦ²⁶¹. Отныне администрирование приходской церковной жизнедеятельности становилось функцией вновь созданного органа. В форме принуждения и контроля Советом использовались следующие административные методы:

– контроль за хозяйственной и внебогослужебной деятельностью церковных приходов

– обязательная регистрация священнослужителей

Совет по делам РПЦ состоял из небольшого по численности центрального аппарата и сети уполномоченных по всем областям, краям, а также союзным и автономным республикам. Такая структура позволяла оперативно собирать информацию о положении дел на местах и передавать ее в центр, где производился ее анализ. Все распоряжения Совета в виде циркулярных писем и инструкций доводились до сведения уполномоченных. Уполномоченные ежеквартально составляли и отправляли в Совет подробные отчеты о деятельности Церкви на подведомственных территориях. Отчетность была типовой, что делало работу более эффективной.

Большинство уполномоченных Совета по делам РПЦ, как и его председатель Г.Г. Карпов, были штатными сотрудниками НКВД. Составляя обобщающий портрет уполномоченного Совета в первые годы после его создания, современный исследователь, доктор исторических наук Ю.В. Гераськин пишет, что «это был, как правило, выходец из рабоче-крестьянской среды, член ВКП(б)-КПСС, в основном

---

²⁶¹ Гераськин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР // Известия АлтГУ. 2008. № 4. С. 45–51.

с невысоким образовательным уровнем... Словом, это был «солдат партии»²⁶². (Следует отметить, что такая характеристика соответствовала абсолютному большинству лиц, курирующих государственно-церковные отношения в период 1918–1958 гг.. Исключения были редкими, и в качестве примера можно указать на М.Г. Смидовича, дворянина по происхождению, с 1922 г. члена Антирелигиозной комиссии при ЦК КВП(б), а с 1929 г. – председателя Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, который никогда не был сотрудником ОГПУ и НКВД. Следует отметить, что М.Г. Смидович отличался от большинства своих коллег по антирелигиозной и антицерковной работе еще и тем, что до революции получил среднее образования и даже некоторое время учился в Московской университете, откуда был исключен за участие в нелегальной революционной деятельности. Большинство офицеров ОГПУ-НКВД-МГБ, работавших по церковной линии, имели образование не выше начального (Е.А. Тучков, Г.Г. Карпов) или неоконченное среднее, как уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушин

В обязанности уполномоченных Совета по делам РПЦ входил прежде всего контроль за жизнедеятельностью Церкви. Кроме того, уполномоченный был первой инстанцией, куда обращались верующие с ходатайствами об открытии храмов. Этот процесс, начавшись уже в 1943 г., продолжался до 1946 г. Аппарат уполномоченного рассматривал заявления, готовил необходимые справки и заключения, проводил согласования с местными исполнительными комитетами. Разбор конфликтных ситуаций, нередко возникавших вокруг церковных приходов, также находился в ведении уполномоченного. Также в обязанности уполномоченного входило информирование руководства Совета обо всех «незаконных фактах администрирования в сфере государственно-церковных отношений»²⁶³.

---

²⁶² Гераськин Ю.В. Уполномоченный по делам Русской православной церкви: исторический портрет // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011. С. 51.

²⁶³ Там же. С. 50.

Уполномоченным Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области с момента его образования в течение нескольких десятилетий был старший лейтенант госбезопасности²⁶⁴ А.А. Трушин. В послевоенной церковной истории Подмосковья Трушин оставил заметный след, а его биография вполне соответствует усредненному портрету уполномоченного Совета по делам РПЦ, составленному Ю.В. Гераськиным²⁶⁵.

А.А. Трушин был аккуратным аппаратчиком. Его содержательные отчеты позволяют довольно подробно представить не только систему администрирования церковно-приходской жизни в послевоенных Москве и Подмосковье, но и положение дел в Русской православной церкви в целом. В апреле 1944 г. он отправил Г.Г. Карпову свой первый отчет о положении Церкви и приходов на подведомственной ему территории²⁶⁶. Согласно документу, в Москве на тот момент было всего 30 действовавших православных храмов и один, остававшийся у обновленцев. Всего же в Москве и Московской области в 1944 г. действовало 177 храмов, то есть в области с населением, традиционно меньшим, чем в столице, оставались незакрытыми 147 церквей.

Еще одним заслуживающим внимания документом является таблица, содержащая сведения о духовенстве по г. Москве и Московской области, отправленная А.А. Трушиным в Совет по делам РПЦ как часть докладной записки. В ней отмечается, что в Москве и Московской области было четыре епископа, трое из которых относилось к Русской православной (патриаршей) церкви, а один – обновленческий, 218 священников, трое из которых были обновленцами, 41 диакон (двое обновленцев) и шесть псаломщиков, включая одного обновленческого²⁶⁷. Эти

---

²⁶⁴ Звание, соответствовавшее званию майора в Красной Армии.

²⁶⁵ Гераськин Ю.В. Уполномоченный по делам Русской православной церкви: исторический портрет // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М., 2011. С. 51.

²⁶⁶ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области. 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 13.

²⁶⁷ Сведения о духовенстве по г. Москве и Московской области на 1 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

цифры вполне выразительно говорят, во-первых, об огромной нехватке священно- и церковнослужителей в Церкви в рассматриваемый период и, во-вторых, о полном развале организованного властями в первые послереволюционные годы обновленческого раскола²⁶⁸.

Используя институт уполномоченных Совета по делам РПЦ, власть внимательно следила за всем, что происходит за церковной оградой. Широкая сеть осведомителей и штатных сотрудников ежедневно собирала и передавала в специальные ведомства все новые и новые данные о жизни храмов, о числе прихожан в обычные дни и в праздники, о совершавшихся требах. Все сведения группировались и оформлялись в секретные отчеты, которые уполномоченные каждый квартал готовили для своего Председателя Совета.

Приводимая ниже таблица 1 содержит «выборочные данные» о посещаемости храмов Москвы и Подмосковья на Пасху 1944 г. Они свидетельствуют о том, насколько подробными были ежеквартально представлявшиеся сведения. Кроме того, по таблице можно косвенно определить число сотрудников, обеспечивавших их получение. Документ содержит данные о посещаемости пятнадцати храмов, но в самом его названии содержится отсылка к тому, что в действительности проинспектированных храмов было больше: данные названы «выборочными». При этом, как следует из того же названия, цифры получены в течение одной Пасхальной службы, проходившей в 1944 г. в ночь с 15 на 16 апреля. Таким образом, мы можем предположить, что число сотрудников, собиравших сведения, было значительным и, во всяком случае, превышавшим штат уполномоченного Совета по Москве и Московской области, в котором штатно числилось пять человек.

---

²⁶⁸ Подробно об обновленческом движении на территории Московской губернии/области говорится во второй главе.

ВЫБОРОЧНЫЕ ДАННЫЕ

о посещаемости в церквях г. Москвы и Московской обл., в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 15 на 16 апреля с/г.²⁶⁹

Название церкви и ее адрес	Количество присутствующих					
	Всего	Из них женщ. в %%	Из них мужч. в %%	Молодежи в %% к общему числу	Военно/служ.	Нищих
1. «Иоанна Воина» /Б. Якиманка, д. 46/	5500	70	30	25	40 ч.	60 ч.
2. «Богоявление» /Елохово, Спартаков. ул., 15/	6000	65	35	20	15 ч.	16 ч.
3. «Святая Троица» /Пятницкое кладб./	3000	85	15	30	10 ч.	25 ч.
4. «Ризоположение» /Донская ул., д. 54/	3000	80	20	30	12 ч.	20 ч.
5. «Петра и Павла» /Солдатская ул. 4/	4000	75	25	20	15 ч.	10 ч.
6. «Петра и Павла» /Яузские ворота/	2500	75	25	15	10 ч.	25 ч.
7. «Воскресение» /Брюсовский пер./	2500	75	25	20	15 ч.	14 ч.
8. «Единоверческая» /Рогожский пос./	5000	75	25	20	20 ч.	30 ч.
9. «Воскресение» /Филипповский пер./	2000	70	30	30	5 ч.	10 ч.
10. «Знамение» /2 Крестовский пер./	3500	70	30	40	20 ч.	60 ч.
11. «СвятоДуховская» /Данилов. кладб./	8000	80	20	10	10 ч.	30 ч.
12. «Иоанна Предтечи» /Красная Пресня/	6000	75	25	15	200 ч.	15 ч.
13. «Богородицкая» /с.Черкизово, Мытищ. р-на/	7000	90	10	30	10 ч.	50 ч.
14. «Казанская» /с. Коломенское, Лениногорск. р-на/	3000	65	35	20	10 ч.	12 ч.
15. «Никольская» /с. Никольское, Балахнинского р-на ²⁷⁰ /	2500	70	30	30	5 ч.	13 ч.

²⁶⁹ Выборочные данные о посещаемости в церквях г. Москвы и Московской обл., в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 15 на 16 апреля с/г. 17 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 7 об.

²⁷⁰ Очевидно, ошибка. Нужно: «Балашихинского».

Таблица показывает, что инспекция 1944 г. производилась в наиболее известных храмах Москвы и некоторых подмосковных, но располагавшихся в непосредственной близости от столицы. В дальнейшем география инспекций будет постоянно расширяться. Обращает на себя внимание наличие в таблице столбцов, где указывалось число нищих и военных, присутствовавших на службе. Напомним, что подсчеты делались во время войны и число людей в военной форме на улицах было велико. Однако для посещения храмов некоторые (не все) военнослужащие могли переодеваться в штатское, но даже тех, кто пришел на Пасхальное богослужение в форме, как видно из таблицы, было в каждом храме от десяти до сорока человек. Из этого ряда выбивается число присутствовавших на службе военнослужащих в Предтеченском храме на Пресне – 200 чел. Возможно, это опечатка, но в экземпляре, с которым работал автор, это число читается однозначно и никаких следов исправления не имеется. Что касается пропорции прихожан по гендерному признаку, то это соотношение во всех храмах было примерно одинаковым и составляло около 70% женщин к 30% мужчин. Такая пропорция будет сохраняться и в последующие годы. А вот процент молящейся молодежи – 20% в 1944 г. – будет варьироваться не только с течением времени, но и от храма к храму. В целом документ позволяет сделать вывод о том, что действовавшие храмы в Москве и области на Пасху 1944 г. были заполнены до отказа.

Следующая таблица 2 была составлена через год и отражает посещаемость храмов на Пасху 1945 г.

ВЫБОРОЧНЫЕ ДАННЫЕ

о посещаемости в церквях г. Москвы и области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 5 на 6 мая с/г.²⁷¹

Название церкви и ее адрес	Количество присутствующих					
	Всего	женщ. в %%	мужч. в %%	Молод. в %% к общ. числу	В/служ.	Нищих
1. «Богоявление» Елохово, Спартаков. ул., 15	12000	75	25	40	29 ч.	11 ч.
2. «Иоанна Воина» Б. Якиманка, д. 46	6000	80	20	30	17 ч.	27 ч.
3. «Святая Троица» Пятницкое кладб	4500	80	20	30	9 ч.	30 ч.
4. «Ризоположение» /Донская ул., д. 54/	8000	75	25	40	21 ч.	16 ч.
5. «Воскресенье» Брюсовский пер.	2500	75	25	40	11 ч.	7 ч.
6. «Воскресение» Филипповский пер	2000	80	20	40	5 ч.	4 ч.
7. «Пимена» Воротниковский пер.	8000	75	25	40	10 ч.	15 ч.
8. «Иоанна Предтечи» Красная Пресня	10000	80	20	40	18 ч.	14 ч.
9. «СвятоДуховская» Данилов. кладб	11000	80	20	40	17 ч.	31 ч.
10. «Петра и Павла» Яузские ворота	3000	80	20	30	4 ч.	7 ч.
11. «Богородицкая» с. Черкизово, Мытищ. р-на	11000	80	20	40	11 ч.	40 ч.
12. «Казанская» с. Коломенское, Лениногорск. р-на	4500	80	20	31	10 ч.	8 ч.
13. «Никольская» с. Никольское, Балашихинского р-на	4000	75	25	30	3 ч.	10 ч.

²⁷¹ Выборочные данные о посещаемости в церквях г. Москвы и области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 5 на 6 мая с/г. 7 мая 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 15 об.

Приведенная таблица фиксирует резкий рост числа молящихся на Пасху 1945 г. Несомненно, это в значительной степени было связано с грядущим объявлением победы в войне. Кроме того, в процентном отношении, а значит и в абсолютном выражении, выросло число присутствовавшей на службах молодежи – почти во всех храмах до 40% от всех прихожан. Например, в Богоявленском храме в Елохове молодежи было почти 5000 чел. Число военнослужащих сохранилось примерно на уровне 1944 г., при этом обращает на себя внимание, с какой тщательностью они были сосчитаны: если в отчете за 1944 г. все числа круглые, то в отчете за 1945 г. почти во всех случаях указывается точное число людей в военной форме.

В 1945 г. в отчетах уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области впервые появляются данные о посещаемости Пасхальных богослужений в некоторых районах Подмосковья. Здесь нет упоминаний о военнослужащих и нищих, но появляется столбец «Сведения о происшествиях», каковых на Пасху 1945 г., согласно документу, зафиксировано не было. Приведем сведения о тех районах, где побывали сотрудники Совета. Так, в храмах Виноградовского и Воскресенского районов (ныне единый Воскресенский район Московской области) на службе присутствовало 5700 чел., из которых 15% составляли мужчины, 85% – женщины и 30% – молодежь. В храмах Загорского – 4000 чел., Звенигородского – 4500 чел., Каширского – 3000 чел., Клинского – 5600 чел., Коломенского – 6300 чел., Красно-Полянского (ныне – Алтуфьево и Чашниково) – 5250 чел., Кунцевского (ныне – территория г. Москвы) – 2100 чел., Мытищинского – 9500 чел., Наро-Фоминского – 3200 чел., Ногинского (ныне – Богородский район) 5500 чел., Орехово-Зуевского – 6300 чел., Пушкинского – 5700 чел., Талдомского – 4200 чел., Щелковского – 15 987 чел.²⁷²

Число верующих, посетивших храмы Щелковского района, не только существенно превосходит аналогичные показатели по другим районам

---

²⁷² Сведения о посещаемости в церквях Московской области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 5-го на 6 мая 1945 года. 7 мая 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 16–26.

Подмосковья, но и удивляет своей точностью. В общей таблице именно этому району уделено больше всего места, и данные приводятся по каждому храму с точностью до одного человека. С чем был связан такой пристальный интерес сотрудников А.А. Трушина именно к Щелковскому району, сказать трудно, но такая педантичность позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, точные подсчеты верующих сразу дают показатели, отличающиеся от усредненных как по г. Москве, так и по области. Главным образом это относится к соотношению мужчин и женщин, посетивших храмы. Как было показано выше, при приблизительных подсчетах указанная пропорция сохраняется примерно на уровне 25–30% мужчин к 70–75% женщин. И такие цифры мы видим по некоторым храмам Щелковского района. Однако в некоторых случаях, когда появлялась возможность более точных вычислений, оказывалось, что мужчин в процентном отношении становилось существенно больше и их доля оказывалась близкой к сорока и более процентам. А в двух храмах Щелковского района – в селах Образцове и Петровском – число мужчин и женщин указано практически равным. Во-вторых, данные таблицы показывают, что, чем точнее производились вычисления, тем большим оказывалось число прихожан. Эта тенденция прослеживается и в последующих отчетах. В-третьих, при более точных подсчетах, какие были произведены в Щелковском районе в Пасхальную ночь, виден большой разброс численности пришедшей в храмы молодежи. Так, если в храме села Жегалово на службе было всего 18 молодых людей, то, например, в храме села Гребнева – 365.

Рассмотрим сводный отчет о посещении верующими Пасхальных богослужений в первый мирный 1946 год²⁷³. Эти данные фиксируют продолжившийся рост верующих, пришедших в храм. При этом, как следует из документов, в 1946 г. для сотрудников Совета интерес представлял уже не рост числа прихожан как таковой, а его динамика и ряд характеристик, из этого роста вытекающих. Например, соотношение вместимости храмов с фактическим их наполнением, увеличение числа людей, стоявших в очередях на освящение

---

²⁷³ Выборочные данные о посещаемости в церквях гор. Москвы и области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 20-го на 21 апреля 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–18.

куличей, изменения валовой доходности от продажи свечей и пр. Следовательно, здесь мы наблюдаем попытки оценки и анализа народной религиозности, переживавшей существенные внутренние изменения.

Упомянутые сведения содержатся в докладной записке на имя председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова, составленной уполномоченным по Москве и Московской области А.А. Трушиным, в которой говорится, что действующие церкви как в Москве, так и в области были сильно переполнены присутствующими, в подавляющем большинстве народ находился в пределах ограды и на прилегающих к церкви улицах и в переулках, а во всех церквях Москвы ориентировочно присутствовало 190 000–200 000 человек²⁷⁴. Последняя цифра выглядит особенно внушительной, так как показывает, что если население Москвы в середине 1940-х гг. принять за 4,4 млн чел. (а для такой оценки есть основания²⁷⁵), то в храмах города в Пасхальную ночь было 4,5% всех проживавших в городе, с учетом младенцев, немощных, находящихся на круглосуточном производстве и пр.

В Московской области в ту же ночь, согласно данным Совета по делам РПЦ, на службе присутствовало 425 000 человек, что составляет около 10% всего населения. Распределение по храмам Подмоскovie в зависимости от их вместимости выглядело, как показано в таблице 3²⁷⁶:

Таблица 3

В каком количестве церквей	С примерной вместимостью	Присутствовало
В 55-ти	300–500 чел.	800–1000 чел.
В 45-ти	800–1000 чел.	1800–2000 чел.
В 39-ти	1200–1500 чел.	2800–3000 чел.
В 12-ти	1600–1800 чел.	3800–4000 чел.
В 11-ти	2000–2500 чел.	4800–5000 чел.
В 5-ти	5000–6000 чел.	11 800–12 000 чел.

²⁷⁴ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области А.А. Трушина на имя председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова. 6 мая 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–16 об.

²⁷⁵ Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.

²⁷⁶ Посещаемость церквей Московской области в ночь с 20 на 21 апреля 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

Таким образом, данные по Московской области фиксируют примерно двукратное превышение вместимости храмов на Пасхальных богослужениях, а по г. Москве в некоторых случаях наблюдалось даже трехкратное превышение. Не случайно в докладной записке указывается, что верующими были заполнены не только сами храмы и храмовые территории, но также и ближайшие улицы и переулки. (Заметим в скобках, что формально это нарушало нормы Декрета «Об отделении церкви от государства», но, разумеется, в 1946 г. стать основанием для каких-либо запретов или санкций со стороны властей это не могло.)

Чтобы представить себе, что означало двух- или трехкратное превышение вместимости храма, необходимо иметь в виду, что в советское время вместимость храма, официально считавшаяся нормальной, рассчитывалась по формуле: общая площадь храма, деленная на 4. То есть предполагалось, что на одном квадратном метре свои «религиозные потребности» могут удовлетворять одновременно 4 человека. При этом, в расчет не брался очевидный факт, что от четверти до половины от общей площади любого храма занимает алтарь, церковные лавки, мебель, подсвечники и пр., что делает такую систему расчета бессмысленной²⁷⁷.

Надо ли говорить, что такая ситуация могла негативно сказываться на здоровье, особенно если учитывать средний возраст прихожан. Сведения о том, что в послевоенное время в храмах нередкими были случаи обмороков, имеются в избытке. Попадали они и в отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ А.А. Трушина, который отмечает, что происшествий в церквях города Москвы и области не было, но в некоторых, в связи с переполнением, были случаи обморочного состояния²⁷⁸.

Сотрудники Совета по делам РПЦ в 1946 г., имея в своем распоряжении сведения о посещаемости храмов на Пасху в 1944 и в 1945 гг., предпринимают

---

²⁷⁷ Подробнее об этом будет сказано в § 1.3.

²⁷⁸ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области А.А. Трушина на имя председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова. 6 мая 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 16 об.

первые попытки аналитического осмысления процессов, которые в них отражены. Меняется даже привычная форма «Выборочных данных». Теперь они представляют собой таблицу (таблица 4), в которой фиксируется лишь общее число прихожан, но в сравнении с предыдущим годом.

Таблица 4

ВЫБОРОЧНЫЕ ДАННЫЕ

о посещаемости в церквях г. Москвы и области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 20 на 21/IV-1946 г.²⁷⁹

№№ пп	Название церкви и ее адрес	Количество присутствующих	
		На Пасху 1945 г. в ночь с 5 на 6 мая	На Пасху 1946 г. в ночь с 20 на 21-е апреля
1	Богоявление в Елохове	12 000	18 000
2	Иоанна Воина на Якиманке	6000	8 000
3	Троицкая на Пятн. кладб.	4500	6000
4	Ризоположение на Донской ул.	8000	10 000
5	Воскресение в Брюсовском пер.	2500	3500
6	Воскресение в Филипповском пер.	2000	3000
7	Пимена Воротников. пер.	8000	12 000
8	Иоанна-Предтечи на Красной Пресне	10 000	11 500
9	Свято-Духовская на Даниловском кладб.	11 000	11 500
10	Петра и Павла у Яузских ворот	3000	4500
11	Богородицкая в Черкизове Мытищ. р-на	11 000	12 500
12	Казанская в Коломенском Ленин. р-на	4500	5500
13	Никольская в Никольском Балаших. р-на	4000	5000
14	Ванилово Виноградов. р-на	2000	3500
15	Карпово Воскресенского р-на	550	1000
16	Ильинская г. Загорск	4000	5000
17	Перхушково Звенигородского р-на	2500	3800
18	Бесово Каширского р-на	1000	1500
19	г. Клин	2000	2800
20	г. Коломна	3500	4600
21	Шеметово Константиновского р-на	2000	3200
22	Былово Красно-Полянского р-на	700	1500

²⁷⁹ Выборочные данные о посещаемости в церквях г. Москвы и области в связи с религиозным праздником Пасхи в ночь с 20 на 21/IV-1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 17, 17 об.

23	Акулово Кунцевского р-на	1000	1400
24	Долгомостьево Луховицкого р-на	1105	1500
25	Голочелово Малинского р-на	520	800
26	Петровское Наро-Фоминского р-на	1000	1750
27	Иванисово Ногинского р-на	3500	3000
28	Нестерово Орехово-Зуевского р-на	1800	1500
29	г. Павлово-Посад	3000	4000
30	г. Скопин	4500	5000
31	Зятьково Талдомского р-на	2000	2300
32	Образцово Щелковского р-на	1650	2000
33	Гребнево Щелковского р-на	3650	4000

Наиболее наглядно приведенные цифры выглядят в виде диаграммы 1.

Диаграмма 1

Данные 1946 г. фиксируют существенный, в среднем не менее, чем пятидесятипроцентный, рост числа пришедших на Пасхальные богослужения в храмы по сравнению даже с победным 1945 г. Лишь в двух храмах из тридцати трех

обследованных молящихся по сравнению с 1945 г. стало меньше – в селах Иванисово Ногинского района и Нестерове Орехово-Зуевского, но и здесь уменьшение оказалось незначительным – в общей сложности на 800 человек. Обращает на себя внимание значительное расширение географии мониторинга. Теперь в число обследуемых попали храмы, расположенные в таких отдаленных районах, как Талдомский и Луховицкий, и даже в г. Скопине.

Выразительным дополнением к сказанному являются отчеты сотрудников Совета по делам РПЦ о том, как происходило освящение куличей и пасх в 1946 г.²⁸⁰ И снова мы сталкиваемся не с «голыми» цифрами, а с данными, приведенными в сравнении с аналогичными показателями прошлого, 1945 г. (таблица 5).

Таблица 5

Сведения об освящении куличей в 1945 г. и 1946 г.

№№ пп	Религиозное название церкви и ее адрес	Количество верующих, стоявших в очереди на освящение куличей	
		В 1945 г.	В 1946 г.
1	Иоанна Воина на Якиманке	900–1000	1700–1800
2	Николо-Кузнецы, Вишняков пер.	500–600	1100–1200
3	Покрова, Лыщиков пер.	600–700	1000–1100

Следует отметить, что даже для послевоенной Москвы, где очереди давно стали привычной реальностью, «хвост» (широко распространенное название очередей в СССР) из почти 2000 человек, несомненно, был явлением незаурядным. Тем более что очередь на освящение куличей была, очевидно, «живой», и, кроме того, следует учесть, что в иных случаях для обеспечения порядка в длинных очередях организовывалась переписка и они не становились такими заметными.

Помимо общих сведений по храмам г. Москвы и Московской области, начиная с 1946 г. отчеты А.А. Трушина дополняются сведениями по отдельным районам Подмосковья. Эти сведения носят более подробный характер и содержат

²⁸⁰ Количество верующих, стоявших в очереди на освящение куличей в 1945 и 1946 гг. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 15 об.

информацию не только о посещаемости храмов, но также о числе треб и даже о церковных доходах.

Так, осенью 1946 г. А.А. Трушин направляет на имя Г.Г. Карпова докладную записку, в которой сообщает о результатах своих выездов в Раменский, Пушкинский, Щелковский и Мытищинский районы Московской области. Со временем такие выезды для инспекции нескольких районов, часто расположенных неподалеку друг от друга, станут регулярными. Для поездок по подведомственной ему территории в распоряжении А.А. Трушина имелся трофейный автомобиль марки БМВ²⁸¹. Цель выездов, по словам самого А.А. Трушина, состояла в ознакомлении с положением дел и «деятельностью отдельных приходов по изучению движения религиозности»²⁸², что становится главной целью выездов уполномоченного (таблица 6).

Таблица 6

Исполнение религиозных обрядов в первом полугодии 1945 г. и 1946 г. по Раменскому, Щелковскому, Пушкинскому и Мытищинскому районам Московской области²⁸³.

Адрес прихода	Крещения 1 полугодие 1945 г.	Венчания 1 полугодие 1945 г.	Отпевания 1 полугодие 1945 г.	Крещения 1 полугодие 1946 г.	Венчания 1 полугодие 1946 г.	Отпевания 1 полугодие 1946 г.
<i>Раменский</i>						
с. Удельное	300	15	150	400	50	176
с. Петровское	150	1	48	160	5	56
с. Малахово	72	3	15	110	7	17
с. Жилино	200	18	52	241	34	56
<i>Щелковский</i>						
с. Жегалово	50	1	36	70	11	20
с. Хомутово	100	3	40	120	9	50
с. Гребнево	45	3	47	57	7	31
<i>Пушкинский</i>						
Нов. деревня	72	2	90	102	4	74
с. Новоселки	52	4	29	56	7	13
<i>Мытищинский</i>						
С. Болшево	117	7	111	146	18	145

²⁸¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 12. Л. 31.

²⁸² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 8. Л. 56.

²⁸³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 8. Л. 56 об.

Почти во всех обследованных приходах Трушиным были отмечены факты крещения не только взрослых, но и детей дошкольного и школьного возраста (от 3 до 15 лет). При этом крещение новорожденных и отпевание умерших во всех приходах оказалось 100-процентным²⁸⁴. Замечание, представляющееся чрезвычайно важным, так как фактически впервые мы имеем возможность получить количественные, а не качественные, как прежде, сведения о «народной религиозности», ибо если под религиозностью понимать желание всех жителей (не только верующих!) определенного региона покрестить младенцев и отпеть покойников, то, согласно собственному утверждению чиновника Совета по делам РПЦ, ее (религиозность) в Московском регионе можно считать 100-процентной.

Затем А.А. Трушин отмечает сокращение в 1946 г. по сравнению с 1945 г. повседневной посещаемости церквей за исключением некоторых приходов и подкрепляет свое заключение статистическими данными, приведенными нами в таблице 7.

Таблица 7

Ежедневная посещаемость церквей по Раменскому, Щелковскому, Пушкинскому и Мытищинскому районам Московской области²⁸⁵

Адрес прихода	1 п-дие 1945 г. В будни	1 п-дие 1945 г. В воскресенье	1 п-дие 1945 г. В будни	1 п-дие 1946 г. В воскресенье
<i>Раменский</i>				
с. Удельное	До 50	До 400	До 20	До 300
с. Петровское	До 20	До 80	До 10	До 45
с. Малахово	До 10	До 90	До 7	До 40
с. Жилино	До 15	До 100	До 10	До 150
<i>Щелковский</i>				
с. Жегалово	До 25	До 100	До 5	До 60
с. Хомутово	До 15	До 150	До 10	До 100
с. Гребнево	До 5	До 60	До 3	До 40
<i>Пушкинский</i>				
Нов. деревня	До 15	До 300	До 10	До 200
с. Новоселки	–	До 20	–	До 40
<i>Мытищинский</i>				
С. Болшево	До 30	До 700	До 50	До 900

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 8. Л. 56 об.

А.А. Трушин добавляет, что в такие праздники, как Пасха, Рождество, Троицын день или престольные, посещаемость продолжает оставаться большой, а в некоторых приходах иногда народу бывает гораздо больше, чем это было во время войны²⁸⁶. Как видим, тенденция увеличения числа участвовавших в праздничных богослужениях в 1946 г. по сравнению с победным 1945 г. была характерной не только для городских, но и для сельских храмов Подмосковья.

С 1946 г. в отчетах А.А. Трушина все чаще встречаются попытки оценки доходности тех или иных храмов г. Москвы и Подмосковья. Эти цифры носят приблизительный характер, так как основываются на косвенных сведениях. Они представляют интерес не числовым выражением, а, скорее, самим фактом своего появления, свидетельствующим о том, насколько важными эти сведения были для чиновников Совета по делам РПЦ и властей в целом. Приводя сведения о доходности храмов, А.А. Трушин не указывает систему расчета, которой он пользовался, поэтому невозможно ничего сказать об их достоверности. Он лишь фиксирует тот факт, что доходность церквей по сравнению с прошлыми годами резко снизилась. Это иллюстрирует таблица 8²⁸⁷.

Таблица 8

Доходность в рублях некоторых церквей. Раменский, Щелковский, Пушкинский и Мытищинский районы Московской области

Адрес прихода	1 полугодие 1945 г.	1 полугодие 1946 г.
<i>Раменский</i>		
с. Удельное	250 000	120 000
с. Петровское	20 000	15 000
с. Малахово	100 000	70 000
с. Жилино	150 000	100 000
<i>Щелковский</i>		
с. Жегалово	150 000	96 000
с. Хомутово	200 000	100 000
с. Гребнево	106 000	75 000
<i>Пушкинский</i>		
Нов. деревня	177 000	149 000
с. Новоселки	50 000	36 000
<i>Мытищинский</i>		

²⁸⁶ Там же. Л. 57.

²⁸⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 8. Л. 57 об.

С. Болшево	256 000	218 000
------------	---------	---------

Сведения о наметившемся понижении доходов почти во всех приходах А.А. Трушин дополняет своими соображениями о том, что это повлекло за собой обеспокоенность многих священнослужителей, которые, не желая якобы понижения своих личных доходов, стали активно подыскивать себе более выгодные в материальном отношении приходы, добиваясь в Московской патриархии переводов. Наиболее приближенные к священноначалию священники получали такие переводы в первую очередь. Этот процесс стал массовым, и, по словам уполномоченного, только по этим мотивам в течение II квартала 1946 г. было перерегистрировано 66 священнослужителей. Очевидно, что перемещение священников стало одной из важных составляющих администрирования приходской жизни со стороны Совета по делам РПЦ, чем и объясняется особое внимание к этим фактам.

В следующем, декабрьском 1946 г., отчете на имя Г.Г. Карпова А.А. Трушин отмечает, что доходность храма значительно зависит от места расположения. Если для сельской местности его доход варьируется от 60 тысяч рублей до 280 тысяч рублей в год, то в районных центрах Московской области эти цифры составляют от 250 тысяч рублей до одного миллиона рублей соответственно. Доходы московских храмов уполномоченный оценивал от полумиллиона до трех миллионов рублей в год²⁸⁸. А.А. Трушин проявлял обеспокоенность тем, что строгой отчетности в храмах не существует, и цифры, которые ему удалось установить (источник или систему расчета он по-прежнему не приводит), вероятно, занижены. Таким образом, по его мнению, создается почва для воровства церковных сумм духовенством и членами исполнительного органа. Ревизионные комиссии якобы существуют формально и могут быть подкуплены нечистыми на руку сотрудниками прихода. Трушин констатирует, что при такой круговой поруке доказать факт хищения и возбудить уголовное дело не представляется возможным. При этом ни одного случая вскрывшегося хищения церковных сумм

²⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 12. Л. 1.

уполномоченный по г. Москве и Московской области в своем докладе не приводит. Сетует А.А. Трушин и на то, что, по его мнению, большинство, если не все работники приходов не выплачивают в полной мере подоходный налог²⁸⁹.

Представляется показательным анализ результатов поездки А.А. Трушина по приходам четырех районов Московской области, который он дает, основываясь на полученных цифрах и личных беседах с верующими, благодаря которым ему удалось установить, что изменений в сторону уменьшения религиозности в этих приходах не наблюдается, а если взять исполнение треб, то и вовсе наблюдается значительное повышение их количества по сравнению с периодом войны²⁹⁰. Документ имел гриф «секретно», и в том числе поэтому сегодня нет никаких оснований усомниться в достоверности этого заключения.

Таким образом, благодаря образованию Совета по делам Русской православной церкви и организации в его составе института региональных уполномоченных сведения о религиозной жизни в СССР стали более упорядоченными и статистически наполненными. Несомненно, что и до 1943 г. власть пристально следила за всем, что происходит за церковной оградой, но теперь данные стали поступать в значительно больших объемах, что потребовало их структуризации. Новый подход позволял получать объективную информацию по всей территории СССР в унифицированном виде, что давало дополнительные возможности для быстрого и точного анализа. Для современного историка важным следствием введенных новаций становится возможность оперировать вполне достоверными и четко структурированными сведениями, получение которых за более ранний период связано с большими трудностями, не говоря уже о несопоставимых объемах последних.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о неуклонном росте народной религиозности в период 1944–1946 гг., выразившемся в значительном увеличении числа посетивших Пасхальные богослужения в эти три года, а также числе

---

²⁸⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 12. Л. 2 об.

²⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 8. Л. 56 об.

исполненных треб. Несомненно, что этот рост был связан с рядом факторов, главными из которых были победа в Великой Отечественной войне, а также надежды на реальное изменение государственного курса по отношению к верующим и Церкви. Важным обстоятельством представляется то, что эта тенденция оказалась характерна не только для Москвы, но и для небольших приходов, разбросанных далеко за ее пределами, что свидетельствует о ее объективном характере. Постепенное расширение географии инспекции приходской жизни является тому подтверждением.

Метод контроля за хозяйственной и внебогослужебной приходской деятельностью использовался Советом по делам РПЦ зачастую в сотрудничестве с МВД. Такое сотрудничество практиковалось не только с целью обеспечения условий для снятия с регистрации неугодных священнослужителей, но и для организации давления на них иного рода. Сохранились письма уполномоченного по г. Москве и Московской области А.А. Трушина милицейским руководителям, где он сообщает сведения личного характера о духовенстве²⁹¹. Эти письма свидетельствуют о хорошей осведомленности уполномоченного о внутренних делах приходов, что позволяет предполагать наличие источников информации, как минимум, среди прихожан, но скорее всего, среди членов церковных советов.

Особое внимание уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области привлекали к себе священнослужители, совмещавшие талант проповедников с хозяйственными и организаторскими способностями. Этот тип приходского духовенства стал формироваться в начале 1950-х гг., в том числе и вследствие возобновления работы Московской духовной семинарии в 1946 г. (Заметим в скобках, что контроль за работой семинарии, а также активное противодействие абитуриентам, желавших туда поступить, на протяжении многих лет был одним из приоритетных направлений работы Совета по делам РПЦ.) Этот «новый» тип священнослужителей выразительно отличался от прежнего духовенства. Они были относительно молоды, хорошо образованны, имея за

---

²⁹¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 1. Л. 28.

плечами не только семинарию, но, как правило, и светское учебное заведение. В отличие от своих старших коллег, они не испытали на себе всю тяжесть политического террора, хотя, несомненно, имели о нем самую подробную информацию. Формирование такой генерации молодых батюшек воспринималось Советом по делам РПЦ как серьезное препятствие в выполнении возложенных на него задач, поэтому и реакция часто становилась суровой.

В своей докладной записке секретарю МК КПСС А.С. Панкратову А.А. Трушин указывал на активизацию церковной деятельности в тех местах, где служили молодые священники, которые недавно окончили современные духовные учебные заведения. Помимо духовного образования, некоторые из них имели среднее и даже высшее светское образование. В большинстве своем им было не больше 35 лет, и они составляли наиболее активную часть духовенства, принимающую всяческие меры к укреплению и расширению влияния Церкви²⁹². Далее Трушин приводит примеры деятельности таких молодых священников и, главное, упоминает меры, которые принимались к ним его ведомством. Так, он упоминает некоего молодого, 1925 года рождения, священника Василия Решетина, служившего в селе Новоселки Мытищинского района²⁹³. Этот священник после окончания средней школы с 1943 по 1949 г. служил в Советской армии, следовательно, был фронтовиком. Затем поступил в Московскую духовную семинарию, по окончании которой в 1953 г. принял сан.

До отца Василия в Новоселках служило несколько священников, которые быстро сменяли один другого, так как прихожан было мало и, следовательно, доходы были невелики. Священник Решетин сразу стал активно привлекать верующих в храм. Он ввел дополнительные службы, организовал хороший хор, «позаимствовал деньги у наиболее фанатичных верующих» и приступил к благоустройству храма, причем многие работы производил самостоятельно, подавая пример окружающим. С первых дней настоятельства он отменил обязательные пожертвования на требы. Уже с начала 1957 г. обстановка в приходе

---

²⁹² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 28. Л. 122.

²⁹³ Ныне Георгиевский храм г. Ивантеевки.

изменилась. Число прихожан резко возросло, увеличилось количество исполняемых треб, что привело к улучшению благосостояния прихода. Когда была сделана попытка убрать оттуда Решетина, то на защиту его встала большая масса верующих, от которой посыпался поток заявлений в партийные органы²⁹⁴. Трушин не говорит, чем закончилась эта история, но можно предположить, что приход отстоял своего священника²⁹⁵.

Случай весьма показательный, так как выразительно демонстрирует, с одной стороны, методы администрирования внутрицерковной деятельности, использовавшиеся Советом по делам РПЦ, а с другой свидетельствует о возможности сплоченного прихода им противостоять. Попытка «убрать» священника из прихода наглядно показывает, что декларируемые Советом принципы соблюдения советского законодательства в области государственно-церковных отношений и невмешательства во внутренние приходские дела на деле, когда молодой настоятель в короткий срок добился активизации приходской жизни, оборачивались попыткой грубого пресечения его работы. Чиновников Совета можно понять: пример новоселковского прихода, расположенного в густонаселенном районе ближнего Подмосковья, мог оказаться заразительным.

Упоминает А.А. Трушин и другие приходы, где молодые и деятельные священники добились успеха, такие как в селе Мамонтове Ногинского и селе Турбичево Дмитровского района, а также в городе Кашире. Здесь активный священник добился существенных изменений в приходской жизни, вследствие чего был снят с регистрации.

Попытки влияния уполномоченного на приходскую жизнь Москвы и области не могли не вызывать недовольства среди приходского духовенства и членов приходских советов. Разумеется, что высказывать это недовольство было одновременно опасно и неразумно, однако не всегда работникам приходов удавалось руководствоваться соображениями безопасности. Зимой 1948/49 г. произошло событие неординарное: члены исполнительного органа

---

²⁹⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 28. Л. 123.

²⁹⁵ Дальнейшую судьбу священника Василия Решетина проследить не удалось.

Преображенского храма с. Лукина Кунцевского района Московской области написали на А.А. Трушина несколько анонимных писем председателю Совета (и, возможно, в прокуратуру), в которых обвиняли уполномоченного по Москве и области в том, что он якобы брал взятки за регистрацию и снятие с регистрации старост церковных советов. Авторов анонимок, разумеется, обнаружили очень быстро. Ими оказались староста и казначея лакинской церкви, которые полностью сознались в содеянном, мотивировали свой поступок тем, что надеялись таким путем «прийти к церковному ящику». Дело было отправлено в суд, и обвиняемым грозило серьезное наказание за доказанную клевету на чиновника довольно высокого уровня. Однако пострадавший А.А. Трушин обратился с официальным письмом к прокурору Московской области с просьбой прекратить уголовное преследование, объяснив свое решение тем, что в случае судебного разбирательства будут вызваны не только подсудимые, но и другие церковники, а ему, как должностному лицу и члену партии, неудобно и нежелательно «судиться с этим отребьем»²⁹⁶. Исходя из имеющихся документов, невозможно выяснить, чем закончилось дело, однако сам факт его возбуждения говорит о напряженных отношениях аппарата уполномоченного с церковными приходами. Отметим также, что желание «пробраться к церковному ящику» как основной мотив действий (в том числе и противоправных) приходского духовенства и членов органов приходского управления встречается в документах Совета по делам РПЦ 1940–1950-х гг. очень часто²⁹⁷.

Отметим еще одну контролирующую функцию уполномоченных Совета по делам РПЦ, заключавшуюся в периодическом (по требованиям) составлении характеристик на отдельных представителей духовенства. Как правило, такие запросы делались в связи с предполагаемыми перемещениями или снятием с регистрации священнослужителей, а иногда характеристики составлялись, когда священнослужитель, освободившись из мест заключения, вынужден был искать себе места за пределами Московской области, где служил прежде.

---

²⁹⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 2. Л. 34.

²⁹⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 7. Л. 59.;

Так, в январе 1956 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Владимирской области И.И. Мирский запросил²⁹⁸ у А.А. Трушина сведения о протоиерее Николае Харьюзове, освободившемся в 1955 г. и пожелавшем получить регистрацию в г. Александрове. А.А. Трушин ответил, что Н.А. Харьюзов служил в Московской области до ноября 1949 г., когда был арестован²⁹⁹, а поскольку карточек на духовенство тогда еще не заводилось, то сведения о нем будут представлены в виде характеристики. Сообщив о двух судимостях отца Николая в 1937 и 1949 гг., Трушин дал ему такую характеристику, очевидно, почерпнутую из материалов следственного дела³⁰⁰, где говорилось, что Харьюзов очень хитрый человек, который, будучи настоятелем церкви села Загорнова, старался всеми мерами активизировать религиозные предрассудки, а также распространял религиозную пропаганду³⁰¹. Следует отметить, что на момент написания Трушиным характеристики прот. Николая Харьюзова последний был досрочно освобожден, проведя в местах заключения шесть лет вместо назначенных ему приговором суда в 1949 г. десяти. Несомненно, такая характеристика вполне могла стать основанием для отказа в регистрации священнослужителя³⁰².

Добавим, что не только на приходских священников приходилось составлять характеристики А.А. Трушину. Сохранились его характеристики и на московский епископат. В них Трушин оценивает личностные особенности архиереев в лучшем случае нейтрально. Так, в характеристике архиепископа Можайского и vicария Московской епархии Макария (Даева) он пишет, что архиепископ Макарий очень скромный и замкнутый человек, самостоятельных распоряжений не делает,

---

²⁹⁸ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 45.

²⁹⁹ Обстоятельства политического преследования прот. Николая Харьюзова будут подробно рассмотрены в третьей главе.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897.

³⁰¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 45.

³⁰² Что и произошло. Протоиерей Николай Харьюзов смог приступить к служению вторым священником в Воздвиженском храме села Аббакумово Петушинского района Владимирской области 10 февраля 1956 г., т.е. уже после XX съезда КПСС. См.: Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель: ГГУ, 2018. С. 553.

авторитетом у верующих не пользуется, политическими вопросами интересуется мало, к рекомендациям Совета по делам РПЦ прислушивается³⁰³. И совсем иной образ рисует А.А. Трушин, описывая качества непосредственного начальника архиепископа Макария – митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича), которого характеризует как хорошо эрудированного, хитрого, самолюбивого и обидчивого человека, который любит деньги и активно интересуется политическими вопросами³⁰⁴. Следует отметить, что речь идет об одном из самых лояльных к власти архиереев, участнике встречи с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г., члене Всемирного Совета Мира, члене Советского Комитета защиты мира etc.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что методы администрирования в форме принуждения и контроля в основном сводились к требованию обязательной регистрации и контролю за соблюдением религиозными обществами/группами действующего законодательства. Наибольшая активность администрирования в этой форме наблюдается во второй период (с 1929 по 1943 г.), когда ее задачей было подавление приходской жизнедеятельности. Именно в этот период положение приходов ужесточается, устанавливаются дополнительные ограничения на некоторые формы хозяйственной деятельности, а введение пяти- и шестидневной рабочей недели ломает богослужебный цикл, что приводит к оттоку прихожан из храмов, но не изменяет уровня народной религиозности, о чем выразительно свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи 1937 г. В третий период, когда задачей администрирования церковной приходской жизнедеятельности стало подчинение Церкви государственным интересам, основным методом стал контроль за исполнением государственных установлений.

Каждый из методов администрирования, таких как принуждение и контроль, характеризовался большей или меньшей силой разрушительного воздействия на организацию приходской жизни и был направлен на различные ее стороны – от состава духовенства и церковного актива до богослужебного календаря. Все сферы

---

³⁰³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 44.

³⁰⁴ Там же. Л. 42, 43.

деятельности прихода жестко регламентировались, а любые отклонения от установленных норм предполагали систему репрессивных мер, главной из которых было возможное закрытие храма и уничтожение прихода.

1.3. Административное манипулирование приходской жизнедеятельности в 1918–1958 гг.

Под административным манипулированием в настоящем исследовании понимается система способов и приемов воздействия на отдельного человека или группу людей, когда манипулятор, ссылаясь на норму законодательства, либо искажает ее до нужного ему смысла, либо применяет ее избирательно, а манипулируемый, не будучи в состоянии в текущих условиях перепроверить ее правильность,³⁰⁵ вынужден совершать действия, в которых заинтересован манипулятор. Администрирование жизнедеятельности церковных приходов в форме манипулирования, таким образом, представляло собой совокупность методов воздействия на приходское духовенство, членов церковных советов, сотрудников приходов и активных прихожан, направленную на формирование у указанных граждан представлений о том, что приходская деятельность возможна постольку, поскольку это представляется допустимым действующей властью. Нормы законодательства при этом могли трактоваться довольно широко, а их правоприменение находилось в компетенции местных советских органов.

Так, например, лишение избирательных прав, являвшееся в своей основе репрессивной мерой, применявшейся, в соответствии с Конституцией 1918 г., в обязательном порядке в отношении духовенства, становилось предметом манипуляций в отношении членов приходских советов. Угрозы закрытия храма в

---

³⁰⁵ Страдаченков А.С. Законодательство и манипуляция. // Наука и современность. 2010. №. 1–3. С. 46–50.

форме манипулирования часто становились аргументом в пользу того, чтобы приход неукоснительно выполнял все распоряжения советской власти в сфере отчетности и налогообложения. Административное манипулирование приходской жизнедеятельности представляло собой своеобразную схему, при которой находящиеся внутри церковной ограды граждане являлись искусственно маргинализируемым сообществом, в отношении которого законодательство могло быть применено, а могло и не применяться. Столь неустойчивое положение предполагало желание от него избавиться, и это было вполне возможным. Для этого следовало для священников – снять с себя сан, для членов церковных советов – выйти из их состава, для сотрудников прихода – найти для себя иную работу, а для верующих – перестать поддерживать существование прихода. Следует отметить, что все перечисленное имело место, но не в таких масштабах, которые были бы желательны властям, о чем прямо свидетельствуют, например, результаты переписи 1937 г.³⁰⁶

В настоящем параграфе рассмотрены следующие методы администрирования приходской жизнедеятельности в форме манипулирования:

– манипулирование угрозами лишения избирательных прав и раскулачивания

– манипулирование возможностью организации традиционных религиозных манифестациях (крестные ходы, паломничества, почитание святых источников и пр.) и участия верующих в них

– влияние на состав приходских советов и органов управления приходами

– поддержка обновленческого движения и манипулирование угрозами закрытия храмов

– вмешательство во внутрицерковную и приходскую жизнь с целью создания положительного имиджа о церковно-государственных отношениях в СССР

---

³⁰⁶ Чумакова Т.В. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4(30). С. 106–133.

Наиболее выразительным примером манипулирования, характерным для первого периода государственного администрирования приходской жизнедеятельности, была *опасность лишения избирательных прав и раскулачивания*. Если представители духовенства являлись лишенцами в полном составе, то на членов приходского совета эта законодательная норма распространялась выборочно. Логику в том, кто именно из этих лиц становился лишенцем, а кто нет и по каким именно причинам, установить невозможно. Более того, если лишение избирательных прав духовенства определялось уже Конституцией РСФСР 1918 г., где в статье 65 говорилось о том, что «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» не могут избирать и быть избранными, то и прочие категории граждан могли оказаться лишенными избирательных прав – для этого достаточно было попасть в одну из категорий, описанных в законе. Согласно нормам Конституции 1918 года, избирательных прав также лишались лица, использовавшие наемный труд, жившие на нетрудовой доход, частные торговцы и коммерческие посредники. Формулировки, как видим, не вполне конкретные, но еще более расплывчатым представляется последний пункт статьи 65, где говорится о лишении избирательных прав лиц, осужденных за корыстные и порочащие преступления³⁰⁷, при этом понятие «порочащие преступления» в тексте не определяется.

Конституция 1925 г. ясности в формулировки не внесла и лишала избирательных прав те же категории граждан. Единственным уточнением стало то, что пункт «е» соответствующей статьи, где говорилось о монахах и служителях религиозных культов, был дополнен указанием: «для которых это занятие является профессией»³⁰⁸. Для причин, по которым могли лишаться избирательных прав прочие граждане, оставались, как и прежде, возможности различных трактовок.

---

³⁰⁷ Конституция (Основной закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. / Цит. по: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 257.

³⁰⁸ Конституция (Основной закон) РСФСР. Утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов 11 мая 1925 г. М., 1925. С. 28.

Необходимость конкретизации осознавалась законодателем³⁰⁹, и в том же 1925 г. ВЦИК издает Декрет Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и созыве Съездов Советов³¹⁰. Инструкция прописывала порядок учета лиц, лишенных избирательных прав, предполагая, что эта процедура является не единовременной, а постоянной. Инструкцией устанавливалось, что члены семей лишенных избирательных прав, если они материально не зависят от лишенцев, избирательных прав не лишаются, а также прописывались условия восстановления в правах и в том числе порядок рассмотрения жалоб. Однако в контексте настоящего исследования представляется важным не то, как именно это делалось, а то, что такая возможность предусматривалась и можно было как получить статус лишенца, так и избавиться от него. Это давало советским органам широкие возможности для оказания давления на неугодных членов церковных советов и сотрудников приходов.

Но не только члены приходских советов и сотрудники прихода (звонари, просвирни, сторожа и пр.) могли стать объектом манипуляций. В § 1.2 был рассмотрен порядок перерегистрации религиозных общин в период с 1918 по 1929 г. Для ежегодного заключения договора на право пользования церковным имуществом требовалось представление пакета документов, среди которых были списки «двадцатки» – тех, кто подписывал договор, и список всех прихожан, которые как бы подписывались под заявлением о передаче им храма с имуществом еще на один год.

Что касается членов приходских советов, то они были обязаны (и это соблюдалось неукоснительно), помимо сведений о возрасте, способах заработка и адресе, сообщать о себе, кем они были до революции, кем стали после, имели ли

---

³⁰⁹ Мавлютова З.Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 52–57.

³¹⁰ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и созыве Съездов Советов». 13 октября 1925 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2697.htm (дата обращения: 06.07.2023).

судимость и по какой статье. Специальным циркуляром Административного отдела Моссовета от 6 ноября 1925 г., разосланным всем уездным отделениям милиции³¹¹, предписывалось, что если в представленных списках членов приходских советов или служителей культа обнаружится указание на судимость «за к-р», то такие лица должны были отводиться, а решение вопроса следовало передавать в местные органы ОГПУ³¹².

Все перечисленное ставило подписантов в уязвимое положение. С одной стороны, они открыто манифестировали свое желание оставаться верующими и иметь возможность молиться в своем храме, а с другой – сообщали о себе все анкетные данные. Следует иметь в виду также и то, что, ставя свою подпись под заявлением, фактически они публично выражали свое несогласие с антицерковной и антирелигиозной политикой большевиков. Это не могло оставаться незамеченным местными властями, и в ряде приходов лишенцами становилось более половины членов церковных советов, да и среди прихожан такие случаи также были нередкими. Причины, по которым их лишали избирательных прав, практически никогда не были связаны с их отношением к приходу. Чаще всего «церковников» лишали избирательных прав из-за использования наемной рабочей силы, занятия торговлей и посредничеством. При этом в том же селе могли проживать и заниматься всем перечисленным другие граждане, которых власть «не замечала». Особенно часто избирательность лишения прав имела место в период завершения НЭПа, когда временные послабления постепенно сворачивались, а предпринимательская деятельность продолжалась.

Получив такой статус, лишенцы, как правило, стремились от него избавиться. Закон предполагал такую возможность. Первой инстанцией, куда следовало обращаться, была местная избирательная комиссия. Здесь выясняли обстоятельства дела и, если лишенец документально доказывал, что прекратил

---

³¹¹ В середине 1920-х гг. в сельских районах Московской губернии договоры на пользование церковными зданиями и имуществом со стороны государства заключались уездными отделениями милиции.

³¹² ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 8.

использовать наемную рабочую силу или вообще заниматься, например, торговлей, принимали решение о восстановлении в правах. В случае отказа дело шло в волостную комиссию, оттуда – в уездную и окружную. Чаще всего «за правдой» подмосковным лишенцам приходилось ездить в Москву³¹³. Случаев, когда лишенца восстанавливали в правах, а затем вновь их лишали, множество. Таким образом, угроза лишения избирательных прав висела над «церковниками» постоянно.

Во второй половине 1920-х гг. вслед за лишением избирательных прав возникал риск быть раскулаченным. Это было значительно более суровой репрессивной мерой, но здесь мы говорим не о раскулачивании как таковом, а об избирательности в его применении. Члены церковных советов, лишённые избирательных прав, раскулачивались очень часто³¹⁴. Как и в случае с поражением в правах, незаконность раскулачивания можно было доказать. Если это удавалось, то имущество возвращалось, хотя и не все.

Манипулирование возможностью лишения избирательных прав и раскулачивания как метод администрирования приходской жизни преследовал не только репрессивные цели. Благодаря подобным методам из приходских советов «вымывались» наиболее активные, состоятельные и предприимчивые члены, деловые качества которых позволяли приходам сохранять жизнеспособность в условиях жесткого государственного прессинга. Напротив, членство в приходском совете представителей беднейшего крестьянства властями могло только приветствоваться, так как это были люди хотя и искренне верующие, но, как правило, менее взыскательные, лишённые организаторских качеств и, как следствие, не способные в той же мере, как их более предприимчивые односельчане, содействовать сохранению прихода.

---

³¹³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45847. Л. 8.

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49375. Л. 13–14.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1561. Л. 19–20.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 168–170.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75392. Л. 46–47 об.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75839. Л. 149.

Еще одним методом влияния на внутрприходскую жизнь стало манипулирование возможностью проведения *традиционных религиозных манифестаций*, к которым относились крестные ходы, паломничества к святым местам, почитание святых источников и пр. Практически во всех приходах Московской губернии с течением времени сформировались свои традиции, выходящие за рамки обязательного годового круга богослужений и привычных треб. Зачастую такие традиции представляли собой религиозные практики, предполагавшие выход за пределы церковной ограды. В большинстве случаев это были краткие выходы к местным святыням, расположенным неподалеку, где служился водосвятный молебен, иногда с акафистом. Подобное мероприятие вместе с дорогой занимало не более двух-трех часов, и в нем принимали участие прихожане одного храма. В некоторых случаях, особенно если традиция была исторически связана с несколькими селами в округе, в ней участвовали прихожане двух и более приходов, что делало мероприятие более многолюдным, заметным, а главное – объединяющим верующих событием. Такие религиозные практики занимали несколько часов и, как правило, проходили по воскресным дням, после литургии, когда верующих в храмах было особенно много. И, наконец, в Московской губернии традиционно проводились многодневные религиозные манифестации, связанные с памятными днями российской и местной истории, прославлением и помощью святых и чудотворных икон. Среди таких мероприятий можно назвать традиционные крестные ходы из г. Волоколамска в Иосифо-Волоцкий монастырь с образом Николая Чудотворца, Сергиево-Посадский крестный ход с образом Сергия Радонежского, крестный ход из Саввино-Сторожевского монастыря в г. Звенигород и обратно, крестный ход с образом Божией Матери Косинским на Святое озеро в Косине³¹⁵ и ряд других. Но наиболее известным был крестный ход с чтимым «бронницким» списком Иерусалимской иконы Божией Матери по восточным уездам Московской губернии.

---

³¹⁵ Козырев А.И., прот. Летопись Николо-Архангельской церкви. М., 2008. С. 218.

Строго говоря, любые религиозные манифестации, проводящиеся за пределами церковной ограды, начиная с января 1918 г. регламентировались нормами Декрета «Об отделении церкви от государства». В Декрете весьма расплывчато говорилось о том, что свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка, но не оговаривалось, что именно следует понимать под «общественным порядком». Инструкция «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» также это понятие не расшифровывала, однако содержала разъяснение о том, что религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях допускаются лишь с письменного разрешения местной советской власти³¹⁶. Таким образом, право решения о возможности или о невозможности проведения религиозных мероприятий за пределами церковной ограды делегировалось местным советским властям. Это давало в их руки серьезный рычаг влияния на церковно-приходскую жизнь.

Традиционные крестные ходы, помимо религиозной составляющей, имели (и имеют) выраженное объединяющее значение. Большие крестные ходы, в которых участвовали верующие двух и более приходов, наглядно демонстрировали единение в вере сотен людей. Крестные ходы, проходившие по нескольким уездам, свидетельствовали о подлинно народном православии, так как в них принимали участие тысячи верующих, и увидеть такое скопление людей, объединенных Церковью, в другое время местным жителям было невозможно. Небезосновательным представляется допущение, что для сельского жителя Московской губернии, атакованного агрессивной антирелигиозной пропагандой, участие в большом крестном ходе хотя бы один раз в году являлось своего рода религиозным противоядием от разрушительного воздействия советского государственного богоборчества. Видя вокруг себя таких же, как он сам,

---

³¹⁶ Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

растерянных, плохо понимавших происходившие перемены, человек воочию наблюдал, что единственным, остававшимся неизменным, была Церковь – Ecclesia, в ее первоначальном, раннехристианском значении. Перед такой многолюдной манифестацией, тем более берущей начало в дореволюционных временах, не могли устоять бесконечные и одновременно бессодержательные лозунги, которые ему приходилось видеть ежедневно.

О том, какое значение имеют крестные ходы для православного человека, большевики, конечно, знали. Однако одномоментно запретить их пока не решались. Вопросы, связанные с согласованием больших крестных ходов, решались на губернском уровне. История запрета самого значительного крестного хода Московской губернии – с Иерусалимской иконой Божией Матери является выразительным примером администрирования церковно-приходской деятельности в первой половине 1920-х гг.

Иерусалимский образ Божией Матери на протяжении столетий был особенно почитаем в восточной части Подмосковья³¹⁷. К началу XX в. сформировалась традиция последовательного шествия Иерусалимской иконы из Бронниц по нескольким направлениям. Образ носили в села Островцы и Быково, в Подольск, в Коломну, в Павловский Посад и Богородск, в Раменское и Гжель. После посещения самых отдаленных селений одного направления икона возвращалась в Бронницы, чтобы через некоторое время отправиться в другом направлении. Общую протяженность крестного хода подсчитать затруднительно, но его длительность установить вполне возможно: первый раз икона износилась из Бронниц сразу после Пасхи, а окончательно возвращалась в Бронницы перед днем празднования в честь нее – 25 октября. Таким образом, общая продолжительность самого большого крестного хода Подмосковья составляла около полугода.

Живое свидетельство того, как происходили встречи чудотворной иконы по одному, самому первому направлению, содержится в дневниках священника единоверческого Михаило-Архангельского храма села Михайловская слобода отца

---

³¹⁷ Чистяков П.Г. Почитание местных святынь в российской православии XIX-XXI вв.: На примере почитания чудотворных икон в Московской Епархии: дис. канд. ист. наук. М., 2005.

Стефана Смирнова. Он вел свой дневник с 1905 по 1933 г., ежегодно отмечая обстоятельства крестных ходов с Иерусалимской иконой. Его записи рисуют выразительную картину трепетного отношения местного населения к святыне и фиксируют историю того, как большевики насильственно прервали благочестивую традицию. В Михайловскую слободу и далее в села Новорождествено и Быково икону носили всегда на Фоминой неделе³¹⁸.

1918 год оказался последним, когда традиционный крестный ход не был отмечен пристальным вниманием властей. Уже в следующем, 1919 г. его запретили. Власти не просто нарушили древнюю традицию крестного хода с иконой из Бронниц, но запретили ходить с крестным ходом даже по селу. Таким образом, выдвинутая официально версия о том, что крестные ходы могут неблагоприятно повлиять на эпидемиологическую обстановку в губернии, по сути являлась лишь ширмой, плохо прикрывавшей истинный замысел большевиков: полностью прекратить церковную жизнь. Властям не пришло в голову, насколько неудачно была выбрана причина запрета. Ведь Иерусалимская икона как раз и прославилась тем, что в течение столетий защищала благочестивых христиан от распространения заразных болезней, следовательно, в период эпидемии крестный ход надо было не запрещать, а, наоборот, организовывать.

Между тем решение о судьбе крестного хода с Иерусалимской иконой принималось новой властью на самом высоком уровне. Неожиданно в защиту традиции выступил известный адвокат и церковный правозащитник Н.Д. Кузнецов³¹⁹. В апреле 1919 г. он отправил в VIII отдел Наркомата юстиции прошение об отмене решения Бронницкого Совдепа о запрете крестного хода. Прошение было отклонено, и крестный ход не состоялся, что соответствовало общему вектору принятия решений VIII отделом. Через месяц, 28 мая 1919 г., в ведомство Красикова было отправлено отношение управляющего делами СНК

---

³¹⁸ Неделя, следующая за Пасхальной. Именуется по имени апостола Фомы. Также Фоминым называется первое воскресенье после Пасхи.

³¹⁹ Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–1936) – российский юрист, адвокат, специалист в области канонического права, член Поместного Собора 1917–1918 гг.

В.Д. Бонч-Бруевича, в котором говорилось о прошении Н.Д. Кузнецова по поводу крестного хода в Бронницком уезде, поданном также и в Управление делами СНК. Оказалось, что В.Д. Бонч-Бруевич доложил об этом деле лично В.И. Ленину, который пожелал выяснить мнение по этому вопросу П.А. Красикова³²⁰. Мнение Красикова, если учесть решение, которое он принял всего месяц назад, в общем, было понятно. Куда любопытнее выглядит позиция представителя «московского» клана большевистского руководства, которую и выразил В.Д. Бонч-Бруевич, отметив, что, с его точки зрения, запрет крестного хода в Бронницком уезде только волнует население, так как, если говорить об эпидемии сыпного тифа, то всем ясно, что с наступлением тепла и солнца сыпной тиф исчезает, что мы видим в Москве, а тем более в деревне. Иными словами, Бонч-Бруевич явно занял позицию сторонников отмены запрета и предложил Красикову изменить свое решение. Далее В.Д. Бонч-Бруевич высказывается еще более выразительно, утверждая, что советская власть якобы не собирается закрывать церкви и запрещать один крестный ход, «в то время как 1000 других крестных ходов в Москве и окрестностях существовали, существуют и будут существовать, наверное, не менее чем 200 лет»³²¹. Из слов Бонч-Бруевича, таким образом, следовало, что большевики не собирались уничтожать Церковь в ближайшем будущем, более того: они «отпускали» ей не менее 200 лет жизни. Ответ из Наркомюста последовал в тот же день. В нем сообщалось, что оснований для отмены решения Бронницкого Совдепа VIII отдел не усматривает³²².

Такая неопределенность тянулась до конца лета, когда в Московский исполком губернского Совета поступило письмо от православной общины города Бронниц, содержащее просьбу о разъяснении ситуации и отмене запрещения крестного хода с Иерусалимской иконой. Просители указывали, что это запрещение вызывает разного рода нежелательные нарекания, тем более что в

---

³²⁰ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 737. Л. 235.

³²¹ Там же.

³²² Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 63.

других уездах свободно совершаются хождения с чтимыми иконами, как, например, в Волоколамском, Московском, Подольском и др.³²³. Содержание письма бронницких верующих наглядно демонстрирует наличие фактов манипуляции уездными совдепами запретами и разрешениями на проведение религиозных шествий в разных частях Московской губернии. Отсутствие единой политики, на которую сетуют члены Бронницкой православной общины, не было недоработкой властей. Напротив, это было частью государственной антицерковной политики, направленной на подчинение себе жизнедеятельности приходов.

Московский исполком отреагировал довольно быстро. Правда, ответил он не непосредственно адресату, то есть Бронницкой православной общине, а своему уездному отделению. Письмо прихожан датируется 3 августа 1919 г., а уже 14 августа Бронницким Уисполкомом был получен ответ, из которого следовало, что с его стороны препятствий к проведению крестного хода не имеется, но только при условии, что никаких проповедей на политические темы на нем не будет³²⁴. Такая неопределенная формулировка, вполне созвучная стилю Декрета «Об отделении церкви от государства», не запрещая крестного хода формально, фактически ставила его организаторов под удар, так как не давала точных критериев для определения понятия «политические темы».

В последующие пять лет Иерусалимскую икону не выносили за пределы города Бронниц, хотя и не запрещали сельским приходам совершать крестные ходы со «своей» иконой. Правда, однажды, в 1923 г., большевики неожиданно сняли запрет. Народ обрадовался, начал готовиться к праздничному событию, но в последний момент выяснилось, что крестный ход решением местного Совета отменяется³²⁵. Дневниковая запись отца Стефана Смирнова свидетельствует, что народ, не имея никакой официальной информации, по сути правильно определял Бронницкий Совдеп как основного виновника запретов.

³²³ ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 468. Л. 14–14 об.

³²⁴ ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 468. Л. 16.

³²⁵ Записки сельского священника: Дневниковые записи настоятеля единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская слобода протоиерея Стефана Смирнова. М., 2008. С. 155.

Некоторое послабление произошло в 1925 г., когда икону разрешили пронести по старому маршруту, но без былой торжественности³²⁶. Еще два раза власти разрешали крестные ходы, но с 1928 г. благочестивый обычай был запрещен окончательно. Отец Стефан вплоть до 1933 г. коротко отмечал, что на Фоминой неделе верующие молились перед своим образом.

Возможность совершения крестных ходов с Иерусалимской иконой после 1925 г. свидетельствует о понимании губернскими властями значения этой религиозной манифестации для жителя Московской губернии. Дело в том, что 12 февраля 1925 г. был разослан циркуляр НКВД³²⁷, согласно которому ужесточался порядок совершения крестных ходов с церковным имуществом, переданным по договорам безвозмездного пользования религиозным общинам.

До 1925 г. перенесение икон и прочих предметов, национализированных государством, также требовало получения разрешений местных властей, но получить его было проще. Верующие могли обращаться за такими разрешениями для передачи икон не только между приходами, но и для молитвы в частных домах, кроме того, допускались крестные ходы по главным праздникам (Рождества, Пасхи, Троицы) и в храмовые праздники³²⁸. Безусловно запрещались хождения с иконами лишь в двух случаях: когда перенесение могло бы «помешать общественной жизни, уличному движению и спокойствию» и когда перенесение икон может послужить очагом распространения эпидемических болезней³²⁹.

Циркуляром НКВД от 12 февраля 1925 г. исключался существовавший до того времени порядок, при котором имущество культа, в частности чудотворные иконы, передавалось лицами, возглавлявшими одну религиозную общину, для временного использования другой религиозной общине. В Циркуляре отмечалось, что имели место случаи перевозки имущества культа без ведома и разрешения волисполкомов или горсоветов в другую местность, а иногда даже в другую

---

³²⁶ Там же. С. 162–163.

³²⁷ Бюллетень НКВД, 1925. № 8.

³²⁸ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 17.

³²⁹ Там же.

губернию. Отныне такая практика прекращалась, и никакие передачи и перевозки религиозных предметов без разрешения «органа, передавшего в бесплатное пользование культымущества», были невозможны. Признавая нежелательным поддержание практики «хождения чудотворных икон», укрепляющего в массах трудящихся религиозные предрассудки и суеверия, а кроме того, учитывая неизжитые традиционные религиозно-суеверные обычаи этих «хождений», Циркуляр предписывал получение отдельного разрешения по каждому конкретному случаю подобных ходатайств³³⁰. Следовательно, если и после февраля 1925 г. крестные ходы с Иерусалимской иконой пусть и нерегулярно, но продолжались, то такие разрешения были получаемы, что позволяет говорить о том, что, несмотря на их укрепляющее воздействие на «религиозно-суеверные» традиции, власти считали возможным с ними еще некоторое время мириться.

История с запрещением крестного хода с Иерусалимской иконой Божией Матери стала знаковой для всего Подмосковья. Крестный ход имел огромное значение для Московской губернии на протяжении полутора столетий, и его запрет повлек за собой ряд последствий. Это и прекращение публичной демонстрации своего вероисповедания, и отдаление инертной части населения от Церкви, и страх ослушаться начальство. Одной из важнейших задач большевиков было разобщить народ, лишить его главной опоры – православной веры, которая так живо проявлялась у участников ежегодного многодневного крестного хода с Иерусалимским образом. Его объединяющая роль для многочисленных деревень и приходов была очевидна³³¹.

Однако представляется важным не столько запрет крестного хода (после 1929 г. он в любом случае был бы запрещен), сколько то, как на первый взгляд непоследовательно это делалось. Между тем, если рассматривать приведенные факты, абстрагируясь он неизбежной в такого рода предприятиях нерешительности

³³⁰ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 45, 45 об.

³³¹ Никонов В.В. Крестный ход с Иерусалимской иконой Божией Матери в восточных уездах Московской губернии. Вековая традиция и запрет в 1920-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 58–63.

местной власти, можно увидеть в ее действиях вполне продуманное разрушительное влияние на привычный религиозный обиход большого числа приходов, расположенных на территории пяти уездов Московской губернии.

Во второй период администрирования приходской жизнедеятельности крестные ходы, предполагавшие выход за пределы церковной ограды, в Московской области практически прекращаются³³², но возобновляются сразу после Великой Отечественной войны. Возвращается и практика администрирования паломничеств и крестных ходов. Теперь этими вопросами ведал Совет по делам РПЦ в лице своего уполномоченного по г. Москве и Московской области. Формально занимая нейтральную позицию в отношении проявления народной религиозности, сотрудники Совета всеми силами стремились такого рода религиозные традиции прервать либо, если это было сделать невозможно, сделать их менее массовыми. В некоторых случаях применялась «выжидательная» тактика, когда, имея заблаговременно информацию о паломничестве, сотрудники Совета по делам РПЦ выезжали на место и сопровождали мероприятие, не вмешиваясь в его проведение³³³.

Иногда, как, например, в случае с народным почитанием нескольких колодцев в районе села Гридино-Шувое Егорьевского района Московской области, считавшихся среди местных жителей святыми, применяли более жесткие методы. В рассматриваемой ситуации речь идет о разрушении часовни, «незаконно» построенной на источниках, и об «усилении научно-атеистической пропаганды»³³⁴. Паломников это, однако, не остановило, и они, поставив на месте разрушенной часовни крест, «повесили на него лампаду с большим количеством масла и расставили иконки». По свидетельству А.А. Трушина, специально выезжавшего на

---

³³² Исключения, тем не менее, были, хотя и в большинстве своем жестко пресекались местной администрацией. Например, арест духовенства и верующих в деревне Тиликтино Новопетровского района Московской области (ныне Рузский). См.: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-20297.

³³³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 22. С. 31–34.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 29. С. 58, 59.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 44. С. 93, 94.

³³⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 28. Л. 97, 98.

место, около колодца собирались люди в количестве 50–100 человек, разного возраста, среди которых была молодежь и дети. После его обращения в Егорьевский ГК КПСС было принято решение засыпать колодцы.

Если проявления народной религиозности представлялись чиновникам Совета по делам РПЦ выходящими за пределы, поддающиеся контролю, высказывались предложения о применении более суровых мер. Так, например, в начале 1950-х гг. при массовом паломничестве к озерам в районе подмосковного Косина в дни почитания Косинской иконы Божией Матери здесь появлялся некий «юродивый Витя», слывший за прозорливца, являвшийся при этом мужчиной 1925 года рождения, имевший все необходимые документы и прописанный в г. Москве. По сведениям сотрудников аппарата уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области, «за Витей постоянно ходила толпа в 100–150 человек, которая не покидала его до самого отъезда». Что именно говорил своим почитателям Витя, в материалах дела не указывалось, но предложение по его «нейтрализации» имелось³³⁵.

Иногда традиционная для православного верующего практика поклонения святыням, насильственно прерванная советской властью, принимала своеобразные и даже курьезные формы, такие, как, например, сформировавшаяся уже в 1930-х гг. традиция паломничества к скульптурному изображению Спасителя, установленному на могиле барона Кнопа на Немецком кладбище в Москве, являвшаяся, впрочем, совершенно маргинальной с церковной точки зрения. Скульптура, несмотря на это, неожиданно прослыла «чудотворной», что увеличило поток богомольцев. Со временем здесь стали служить молебны, возглавлявшиеся заштатным духовенством, почти ежедневно собирались верующие, горели лампы, а слухи об исцелениях распространились далеко за пределы Москвы. Официальная Церковь, разумеется, такие практики не поддерживала и не одобряла. По настоянию Совета по делам РПЦ «чудотворную скульптуру изолировали», заколотив досками, после чего ее почитатели стали писать письма на имя патриарха

---

³³⁵ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 29. С. 81–84.

Алексия с просьбой скульптуру открыть. Таких заявлений было немало, и патриарх передал их на рассмотрение одновременно в Совет по делам РПЦ и местному благочинному. Удивления достойна реакция А.А. Трушина, который в своей докладной записке «По вопросу «чудотворной» иконы на бывшем Немецком кладбище» на имя Г.Г. Карпова писал, что изоляция скульптуры «спасителя» путем «забития ее тесом» не привела к желаемому результату и вызвала недовольство со стороны верующих, поэтому полагал бы целесообразным передать эту скульптуру в церковь «Петра и Павла» (в Солдатской слободе, где и находился благочинный. – В.Н.)³³⁶. Этот эпизод свидетельствует о том, что потребность в поклонении святым местам (источникам, обителям, иконам и пр.), воспитанная столетиями, стала сущностной особенностью народной религиозности, которая в условиях запрета могла реализоваться в таких причудливых формах. Кроме того, примечательной здесь является фактически соглашательская политика властей, которые, вместо того чтобы просто изъять скульптуру, или закрыть доступ к могиле барона физически, как это могло быть в довоенный период, позволили передать ее в храм, где со всей очевидностью масштаб ее почитания мог лишь возрасти.

Метод манипулирования составами приходского духовенства и церковных советов, а также органов приходского управления являлся одним из эффективных способов влияния на приходскую жизнедеятельность.

Начиная с 1920-х гг. администрированию подвергались любые изменения в составе служившего на приходах духовенства, включая случаи, когда по каким-либо причинам в приходской храм приглашались посторонние священники. Между тем такая практика была (и остается поныне) весьма распространенной. Особенно часто совместные службы проводились в дни храмовых праздников, когда послужить соборно приглашались клирики соседних храмов. Если же представлялась возможность пригласить в храм епископа, то это становилось большим событием, особенно для сельских приходов, где архиерейские

---

³³⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 14. С. 149–150.

богослужения были (и остаются сегодня) редкостью. Такие службы требовалось согласовывать, как правило, с двумя инстанциями: с местным Административным отделом совдепа и Управлением уездной милиции. Анализ заявлений на разрешение совместных служб в 1920-х гг. позволяет говорить, что в абсолютном большинстве случаев они разрешались³³⁷.

Изменения в составе членов церковного совета и выбор церковного старосты в течении первого периода утверждались в уездной милиции, хотя действующее законодательство этого напрямую не требовало, так как формально до 1929 г. эти изменения носили уведомительный характер³³⁸.

К административным формам воздействия на приходскую жизнедеятельность следует отнести рассмотрение вопроса, поставленного в 1926 г. Административным отделом Моссовета перед ЦАУ НКВД, о возможности приходского духовенства являться одновременно и членами двадцаток со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами, такими как, например, право подписывать документы, связанные с перерегистрациями религиозных общин. Собственно, сама постановка такого вопроса свидетельствует о неослабном интересе, проявляемом органами власти к порядку управления приходами. 25 ноября 1926 г. ЦАУ НКВД дало специальное разъяснение, в котором говорилось, что поскольку в законе нет определенного указания на воспрещение служителям культа быть членами двадцаток и подписывать договор наравне с прочими гражданами на пользование церковным имуществом, следует считать, что формально указанным правом пользуются и служители культа. Однако, исходя из соображений политической целесообразности, ЦАУ НКВД «полагало бы необходимым» не допускать служителей культа к подписанию договоров, а следовательно, и к управлению церковным имуществом³³⁹. Таким образом, тенденция отстранения духовенства от возможности управления церковным

---

³³⁷ БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 36. Л. 101, 102.; БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.

³³⁸ БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.

³³⁹ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 4.

имуществом наметилась в середине 1920-х гг., постепенно приобретая все более и более зримые формы, вылившиеся в конечном итоге в полную изоляцию.

Не только состав церковных советов, служащего духовенства и их права являлись объектом администрирования приходской жизни. Даже наем работников прихода – дворников, сторожей, уборщиц, просвирен, звонарей – требовалось согласовывать с уездным начальством. Оформлялось согласование по-разному, но чаще – в виде специальных удостоверений³⁴⁰.

После 1929 г., т.е. во второй период, вводится особая система регистрации священнослужителей и церковных советов, что дает местным властям широкие возможности влияния на состав причта и органов управления приходами. Так, например, Постановлением «О религиозных объединениях» устанавливалась норма, согласно которой регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц³⁴¹, что подразумевало возможность для местных органов власти не просто контролировать, но и полностью формировать состав приходских советов. Это неизбежно приводило к конфликтам и, как следствие, к дестабилизации деятельности приходов.

Примечательно, что свидетельства о конфликтах духовенства и церковных советов во второй период государственного администрирования приходской жизни в архивных документах, весьма скупо, кстати, сохранившихся, почти не встречаются. Зато их отголоски часто можно обнаружить в документах из домашних архивов. А иногда, как, например, в домашнем архиве потомков архим. Николая (Румянцева), настоятеля Николо-Архангельского храма села Архангельское-Никольское Балашихинского района Московской области, можно даже обнаружить указания на «борьбу двух церковных советов – старого и нового», имевшую место в Богоявленском соборе г. Ногинска в 1937 г., которая возникла из-

---

³⁴⁰ БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.

³⁴¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 22.07.2023).

за реализации местными органами власти возможности влиять на формирование приходских исполнительных органов³⁴². Как видим., на этом примере, ситуация дошла до абсурда, когда в храме образовалось сразу два церковных совета.

Во второй половине 1930-х гг. значительное место в административном регулировании состава духовенства и членов выборных приходских органов заняли репрессивные меры, направленные против священнослужителей и активных прихожан, что будет рассмотрено в главе 3.

Следующим будет рассмотрен такой метод администрирования жизнедеятельности церковных приходов, реализовывавшейся в форме манипулирования, как *создание обновленческого раскола и его поддержка*. К нему примыкает манипулирование угрозами закрытия храмов.

Рассмотрев в § 1.2 механизм регистрации и перерегистрации религиозных общин в том виде, в котором он был определен Декретом ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»³⁴³ и в котором он действовал до середины 1929 г., следует сказать об одной из его целей, достичь которой в конечном итоге не удалось. Речь идет о планах использования положений Декрета от 12 июня 1922 г. для поддержки обновленческого движения и постепенного вытеснения обновленцами сторонников патриарха Тихона из приходских храмов. Приводимые ниже сведения содержатся в докладе инструктора 4-го отделения административного отделения Моссовета В.В. Фортунатова³⁴⁴.

В.В. Фортунатов сообщает, что, согласно Декрету ВЦИК и местным постановлениям Моссовета о регистрации религиозных обществ, каждая группа верующих, ранее заключившая договор с юридическим отделом Моссовета на

---

³⁴² Козырев А.И., прот. Летопись Николо-Архангельской церкви. М., 2008. С. 197.

³⁴³ Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 12 июня 1922 г. //Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1343.htm (дата обращения: 07.07.2023).

³⁴⁴ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 30–35.

пользование зданием культа, была обязана перерегистрировать свое право пользования или, если она того пожелает, зарегистрироваться как религиозное общество. И далее автор доклада прямо сообщает о планах, преследовавшихся властями, зарегистрировать наибольшее число зданий культа за обновленческими группами и о причине, по которой этим планам не суждено было сбыться, «в результате чего обновленчество пошло, что называется, на убыль», каковой стало освобождение патриарха Тихона из-под ареста³⁴⁵. Таким образом, вступление в силу Декрета «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» летом 1922 г. и организацию обновленческого раскола следует рассматривать как события, не просто совпавшие по времени, а имевшие прямую связь.

В.В. Фортунатов в своем докладе сетует на то, что после освобождения патриарха духовенство и верующие «почти все перешли на его сторону, не веря в его чистосердечное раскаяние перед властью и видя в нем безусловно политического вождя в рясе», несмотря на то что «диспуты Введенского эту политическую окраску оттенили и зафиксировали так, что в ней сомневаться не приходится». При этом, по словам автора доклада, «обновленческих служителей культа осталось незначительное количество», многие из них «контрреволюционными верующими» были выгнаны из храмов³⁴⁶.

Такое положение дел озадачило Административный отдел Моссовета. Согласно действовавшему законодательству, следовало проводить регистрацию религиозных общин, но регистрировать и, таким образом, «объединять в общества людей, политически вражески настроенных, было нецелесообразно», а потому регистрации не производились³⁴⁷. За шесть месяцев 1923 г. Административный отдел зарегистрировал лишь 16 обществ, из которых 13 в Москве и Московской области были обновленческими и одну греческую общину. При этом, как отмечает Фортунатов, регистрация обновленческих групп проходит крайне затруднительно,

---

³⁴⁵ Там же. Л. 31, 31 об.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. Л. 32.

так как Административному отделу приходится расторгать для этого договор с прежней группой верующих, ведь обновленческие группы первоначально своего храма не имели. «Для расторжения же договора, – указывает чиновник, – бывают нужны мотивы, а их иногда недостает. Регистрация обновленческих группировок проходила всегда со скандалом, так как приходилось передавать храмы, отбирая таковые от тихоновских группировок», которые после этого обращались с жалобой в центральные органы власти и вели агитацию среди населения по поводу этих актов³⁴⁸.

Казалось бы, власти сами себя загнали в тупик, для выхода из которого требовались дополнительные изменения в законодательстве. И Фортунатов сообщает о том, что такие изменения в виде специальной инструкции НКЮ готовились, но так и остались на бумаге. При этом, по его словам, Административный отдел «ждал с нетерпением» такую инструкцию, более того, якобы ее проект уже имелся, но «по политическим соображениям» (? – В.Н.) не был принят. Однако было известно содержание инструкции. Ее суть сводилась к тому, что группа верующих, регистрируясь без устава, должна была бы представлять справки о своих служителях культа от официально зарегистрированных губернских церковных управлений в виде удостоверений. Тем же группам, которые этого выполнить не смогут, в регистрации будет отказано.

В случае утверждения этой инструкции Административный отдел, требуя от верующих представления таких справок на служителей культа от епархиального управления обновленческих групп как единственного официально зарегистрированного церковного органа, мог бы по непредставлении этих справок, их не регистрировать на законном юридическом основании и регистрировал бы только те группы, которые приносили бы требуемые инструкцией удостоверения. А поскольку выдача таких удостоверений была бы признана властями только за обновленческим епархиальным управлением, то справки оттуда давались бы только обновленческим группировкам, а не тихоновским.

---

³⁴⁸ Там же.

Предполагалось, что в случае утверждения таких норм верующие сделают попытку их бойкотировать и за требуемыми справками-удостоверениями в обновленческое епархиальное управление обращаться не будут, но в этом случае «пойти туда их можно заставить угрозой закрытия здания культа»³⁴⁹.

По мнению Фортунатова, издание такой инструкции было бы полезно тем, что вся вина за отказ регистрации той или иной группы ложилась бы на епархиальное управление, которое отказало в выдаче справки, и это произвело бы серьезное расслоение среди духовенства и верующих³⁵⁰. Это замечание показывает, насколько изощренным было администрирование приходской жизни со стороны советских органов власти. Как бы ни развивались события, они следовали бы в русле общего направления антицерковной политики. Однако в декабре 1923 г. инструкция не была издана, и Административному отделу Моссовета приходилось в ее ожидании постоянно подыскивать мотивы для расторжения договоров с тихоновцами и регистрировать договоры с обновленческими группами, число которых не увеличивалось, а сокращалось. «Адм. отдел, – пишет Фортунатов, – еще может быть с 10 зданий культа передаст в руки обновленческих групп, а остальные все равно придется передавать тихоновцам. Тем, что будет зарегистрировано 25–30 обновленческих церквей, обновленчество не поднимется на ноги и естественно будет раздавлено тихоновщиной, а его смерть не выгодна». Кроме того, в Моссовете, как свидетельствует чиновник, прекрасно отдавали себе отчет в том, что регистрация, которую проводил Административный отдел, оказывая поддержку обновленческим группировкам, безусловно, вредно отражалась на настроении населения. Этой поддержкой якобы «вызываются возмущения, и она дает повод к зловерной агитации разного рода темных дельцов среди населения». Что же касается обновленчества, то его, несмотря на его скорый провал, в деле расслоения Церкви следует некоторое время продолжать использовать как вспомогательное орудие.

---

³⁴⁹ Там же. Л. 33.

³⁵⁰ Там же.

Инструкция НКЮ в том виде, в каком она планировалась к утверждению, издана не была, но ее проект свидетельствует о том, какое напряженное внимание обращали власти на вопросы администрирования приходской жизни.

Государственная поддержка обновленческого движения сохранялась в течение второго периода администрирования приходской жизнедеятельности, что выражалось главным образом в попытках передачи храмов обновленцам. Подробно эти процессы рассматриваются в § 2.3.

Первые попытки *формирования экспортируемых представлений об отсутствии гонений на Церковь в советском государстве* и в целом о благожелательном отношении к ней новой власти предпринимались еще в 1920-х и нач. 1930-х гг. К ним можно отнести вынужденное осуждение и упразднение в 1922 г. Высшего церковного управления за границей (ВЦУЗ) патриархом Тихоном, выход Декларации митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 г.³⁵¹ и его же интервью корреспондентам иностранной печати в Москве в 1930 г.³⁵² (подлинность которого, ставится, некоторыми исследователями под сомнение)³⁵³.

То, что советские чиновники заботились о том, как положение Церкви будет восприниматься за границей, подтверждает, например, предложение чиновника Административного отдела Моссовета В.В. Форнунатова, которое он делает в своем докладе помощнику начальника Административного отдела Моссовета Левитину 23 декабря 1923 г.: «Нам не мешало бы также с политической точки зрения срочно утвердить и зарегистрировать не только по Москве, но и по всему

---

³⁵¹ Послание (Декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия [Страгородского] и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти. // Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 509–513.

³⁵² Там же. С. 686–689.

³⁵³ Как Сталин, Ярославский и Молотов в 1930 году написали «интервью» митрополита Сергия // Правмир. [Электронный ресурс]. URL://www.pravmir.ru/kak-stalin-yaroslavskij-i-molotov-v-1930-godu-napisali-intervyu-mitropolita-sergiya/ (дата обращения 17.04.2023).

СССР, польские костелы и другие инославные культы», чтобы таким образом заявить через НКВД всему миру о полной свободе совести в СССР³⁵⁴.

Желание властей отрицать факты гонений на Церковь в СССР сохранялось и в довоенные годы, и даже во время Великой Отечественной войны, что выразилось, в частности, в издании книги «Правда о религии в России» (1942 г.)³⁵⁵, ориентированной исключительно на иностранного потребителя. Создание в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви, сотрудники которого в числе прочих функций должны были обеспечивать просоветскую направленность любых контактов духовенства и верующих с иностранцами, в известном смысле также преследовало эту же цель.

Такие контакты планировались и организовывались заранее. С духовенством проводился инструктаж с целью исключить возможность самостоятельных ответов на предполагаемые вопросы. В случае, если способность священников общаться с иностранцами в строго обозначенных рамках, с точки зрения чиновников Совета по делам РПЦ, вызывала сомнение, им это запрещалось. Любое нарушение запретов приводило к удалению священнослужителя из прихода. Действия властей по формированию положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в глазах иностранцев зачастую являлись, таким образом, грубым вмешательством во внутрицерковные отношения.

Противоречие между стремлением государства влиять на церковную жизнь и диктовать свои условия дальнейшего существования Церкви и желанием в глазах иностранцев создать впечатление того, что положение Церкви в СССР вполне соответствует свободам, формально закрепленным законодательно, но в действительности в значительной своей части нарушавшимся, нашло отражение в

---

³⁵⁴ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 35.

³⁵⁵ Правда о религии в России / Ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Г.П. Георгиевский, прот. Александр Смирнов. М., 1942. 456 с.

документах Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР³⁵⁶.

В конце войны и в первые послевоенные годы руководство СССР старалось продемонстрировать благожелательное отношение к Русской православной Церкви. Например, пятеро ее представителей получили приглашение присутствовать на июньском параде Победы 1945 г., причем их разместили вблизи иностранных дипломатов, чтобы, как отмечал председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов, обеспечить «благоприятное впечатление на заграницу»³⁵⁷.

Одним из характерных примеров деятельности Совета по делам РПЦ в направлении создания положительного впечатления о положении Церкви в СССР в послевоенное время можно считать эпизод с попыткой давления на игумена Павла (Голышева)³⁵⁸, будущего архиерея, позже возглавлявшего последовательно несколько епархий, чтобы заставить его написать статью для западной прессы. В 1947 г. он вернулся из Франции, куда его семья эмигрировала вскоре после революции, получил советское гражданство и был принят в число братии недавно переданной Церкви Троице-Сергиевой Лавры³⁵⁹. Разумеется, такое событие не прошло незамеченным для аппарата уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина.

8 сентября 1948 г. Совет вызвал к себе игумена Павла и провел с ним «беседу на тему о его пребывании во Франции»³⁶⁰. После беседы Трушин задал священнику вопрос, «не сможет ли он написать статью для помещения в иностранной печати на тему его пребывания в эмиграции». В статье должны были быть отражены такие

---

³⁵⁶ Сосковец Л.И. Совета по делам религий как проводники государственной политики в отношении Церкви. // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 162–167.

³⁵⁷ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. с. 340.

³⁵⁸ Павел (Голышев Евгений Павлович, 1914–1979) – епископ Русской Православной Церкви, епископ Молотовский и Соликамский (1957–1960), Астраханский и Енотаевский (1960–1964), архиепископ Новосибирский и Барнаульский (1964–1972), Вологодский и Великоустюжский (1972).

³⁵⁹ Черверяков. Е.Н. Новосибирский архипастырь архиепископ Павел (Голышев) – участник Сопrotивления. Исторический курьер. 2021. № 3(17). С. 110–116.

³⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

моменты, как «обработка его, игумена Павла, антисоветскими элементами, запугивание различными небылицами и др.» лицами, «распространяющими антисоветскую пропаганду среди советских людей, находящихся в лагерях Западной Европы и США». Необходимо иметь в виду, что в описываемое время за пределами СССР находилось значительное число советских граждан. Очевидно, что такая статья, опубликованная в западной печати от имени вернувшегося на Родину священника, могла стать убедительным аргументом в пользу возвращения в СССР тех, кто по тем или иным причинам не торопился этого делать.

По словам А.А. Трушина, игумен Павел написать такую статью согласился, о чем 9 сентября 1948 г. московский уполномоченный доложил заместителю председателя Совета С.К. Бельшеву³⁶¹. Однако уже через несколько дней в очередном письме он вынужден был констатировать, что надежды на легкую победу над священником не оправдались. Статью отец Павел написал, но совсем не такую, какую от него требовал Трушин. «Несмотря на мой инструктаж, какой должна быть написана статья, – отчитывался чиновник перед руководством, – последняя получилась не совсем удовлетворительной: во-первых, очень большая, во-вторых, мало в статье указано в отношении его «обработки» антисоветскими элементами, запугивания различными небылицами и т.д. Кроме этого, в статье совершенно нет фамилии и должностного положения проводивших «обработку» и угрозы. Очень бледно отражена встреча автора на Родине, условия жизни в СССР». Также Трушин сетовал на то, что в статье не оказалось призыва не верить различным клеветническим измышлениям и возвращаться на Родину³⁶². Следует отметить, что отказ игумена Павла следовать указаниям чиновника Совета по делам РПЦ следует отнести к нечасто встречавшимся случаям сопротивления такого рода давлению.

---

³⁶¹ Там же.

³⁶² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

Первая половина 1950-х гг. ознаменовалась активными выступлениями высших иерархов Русской православной церкви на международных форумах³⁶³, посвященных защите мира и ослаблению напряженности в международных отношениях³⁶⁴. Это, с одной стороны, укрепляло позиции Церкви как соратника государственной власти в деле борьбы за мир, а с другой – давало основания представителям западной общественности для формирования представлений о том, что Церковь в СССР перестает быть гонимой. С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах, что позволяло церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства³⁶⁵.

Однако активно демонстрировавшиеся внешние проявления самостоятельности высшего духовенства в общении с иностранцами отнюдь не означали либерализации такого общения на приходском уровне. Напротив, контактов священников и вообще верующих с иностранными туристами или сотрудниками зарубежных представительств власти старались не допускать, а в случае, когда это сделать было невозможно, предпринимались значительные усилия, чтобы такое общение как можно более полно контролировать. К сожалению, попытки такого контроля не только становились прямым вмешательством во внутрицерковную жизнь, но в ряде случаев приводили к катастрофическим последствиям, когда уничтожались церковные здания исключительно по причине того, что на их неприглядный разрушающийся вид могли обратить внимание иностранцы. Таким образом, вероятность возвращения храмов верующим и восстановления приходской жизни еще более уменьшалась.

---

³⁶³ Николай (Ярушевич), митрополит. На Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 8. С. 27–33.

³⁶⁴ Николай (Ярушевич), митрополит. Речь на Международной конференции по ослаблению напряженности в международных отношениях // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 7. С. 29–33.

³⁶⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. с. 355.

В мае 1955 г. все уполномоченные Совета по делам РПЦ получили письмо³⁶⁶ от его председателя Г.Г. Карпова, в котором отмечалось, что ряд представителей иностранных посольств и миссий, а также и простые зарубежные туристы, «разъезжая по автомагистралям, проявляют интерес к встречающимся по пути церквам (осматривают, фотографируют, беседуют с духовенством)». В связи с этим уполномоченным предлагалось составить список храмов, расположенных на автомагистралях, проверить, какой они имеют внешний вид, и, главное, уточнить, способны ли их настоятели «с точки зрения политической» давать соответствующие ответы на вопросы иностранцев. В случае же неспособности кого-либо из настоятелей к таким беседам уполномоченным вменялось в обязанность «переговорить тактично с епископом о их замене». Таким образом, негласное право сотрудников Совета по делам РПЦ прямо влиять на назначение и снятие священнослужителей реализовывалось фактически, не говоря уже о том, что уполномоченным предлагалось самостоятельно определять способность или неспособность духовенства к общению с иностранцами, хотя никаких конкретных критериев на этот счет, за исключением общих рекомендаций, не существовало. В письме также предписывалось в случае, если внешний вид того или иного храма выглядит запущенно, произвести срочный ремонт.

Действующие храмы, расположенные на основных автомагистралях Московской области, пересчитали³⁶⁷, после чего уполномоченный Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области А.А. Трушин в июле 1955 г. составил и отправил заместителю председателя Совета С.К. Бельшеву обширную 15-страничную справку о настоятелях всех указанных в вышеупомянутом списке 42 храмов³⁶⁸, сопроводив ее запиской с перечислением 9 настоятелей, которых, по его, Трушина, мнению, следует заменить. Документ выразительно характеризует механизм назначения и снятия священников с должности настоятеля в период действия Совета по делам РПЦ. Здесь мы сталкиваемся с прямым вмешательством

---

³⁶⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

³⁶⁷ Там же. Л. 19–21.

³⁶⁸ Там же. Л. 24–38.

в приходскую жизнь, ибо «замена священнослужителя», особенно такого, к которому прихожане привыкли и для которых он стал духовным отцом, весьма болезненно воспринималась верующими.

14 июля 1955 г. в Совете по делам РПЦ при Совете министров СССР состоялось специальное совещание, посвященное вопросам обслуживания иностранных делегаций³⁶⁹. Оно было весьма представительным: помимо членов и инспекторов Совета, а также уполномоченного по г. Москве и Московской области, на нем присутствовало 28 представителей духовенства, включая троих епископов. Перед собравшимися выступил председатель Совета Г.Г. Карпов, который сообщил цель совещания, состоявшую в устранении недостатков, встречающихся в работе по обслуживанию членов иностранных делегаций, посещающих церковные объекты. Карпов прямо заявил, что основные вопросы, которые предстоит осветить на совещании, – это вопросы о свободе совести в СССР и о взаимоотношениях между Церковью и государством, т. к. они являются основными, с которыми обращаются иностранцы при встречах с духовенством. Иными словами, совещание имело целью инструктаж по вопросам представления положения Церкви в СССР перед иностранцами, причем, по словам Г.Г. Карпова, инициатива встречи принадлежала «церковным руководителям».

В сентябре 1955 г. был подписан документ, имевший целью сформировать список лиц духовного звания и сотрудников храмов, которым Совет мог доверить общение с иностранцами. В него вошли 38 человек, представлявших 29 «церковных объектов», расположенных в г. Москве и Московской области³⁷⁰. Выглядел список довольно пестро. Наряду с известными церковными деятелями, например, будущим Патриархом Пименом, а тогда – архимандритом и наместником Троице-Сергиевой Лавры, ректором Московской духовной академии протоиереем Константином Ружицким, настоятелем Никольского храма в Кузнецях протоиереем Всеволодом Шпиллером, настоятелем Троицкого храма в Удельной протоиереем Иоанном Соболевым, в список лиц, допущенных к

---

³⁶⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–21.

³⁷⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 59–64.

общению с иностранцами, вошли служащие миряне: староста Свято-Духовского храма на Даниловском кладбище А. Ф. Подрезова, казначей Тихвинского храма в Алексеевском К. А. Марсова. Кроме того, согласно документу, к общению с иностранными делегациями могли быть допущены и бывшие обновленцы, в недавнем прошлом воссоединившиеся с Церковью: настоятель Воскресенского храма в Сокольниках Андрей Иванович Расторгуев и диакон того же храма Александр Александрович Введенский, сын лжемитрополита Александра Введенского.

Выше отмечалось, что вопросами внешнего вида храмовых зданий советская власть через чиновников Совета по делам РПЦ интересовалась, как правило, только в связи с тем, какое впечатление и в какой степени их состояние может произвести на иностранцев. Исключение составляли отдельные памятники истории и культуры, не находившиеся в ведении Церкви, заботу о состоянии которых государство брало на себя. Все остальные храмы Церковь должна была ремонтировать за свой счет, что и делалось по мере возможности. Однако проблема, заключавшаяся в том, как выглядели церковные строения в глазах иностранцев, приводила в некоторых случаях к катастрофическим последствиям.

Известно, что в советское время значительное число закрытых храмов занималось под различные государственные учреждения, которые не всегда в должной степени следили за их техническим состоянием. Часто, благодаря многочисленным перестроениям, внешний вид церковных строений обезобразивался настолько, что их прежнее назначение переставало угадываться. Это вызывало справедливое возмущение у неравнодушных людей, но (хотя это может показаться парадоксальным) именно такое положение дел спасало храмы от полного уничтожения. И напротив, если вид церковного здания был изменен так, что его внешний облик продолжал указывать на первоначальное назначение постройки, оно оказывалось в зоне риска. В качестве примера можно привести документ, свидетельствующий о том, как в Москве разрушались церковные здания

только потому, что их внешний вид мог сформировать у иностранных гостей не устраивавшее власти мнение о положении Церкви в СССР³⁷¹.

1 января 1956 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области составил очередное письмо с перечнем бывших церковных зданий, нуждавшихся в ремонте. В них давно располагались советские учреждения: Московская справочно-информационная контора, тресты «Городоремонт» и «Электропровод», общежитие Метростроя, Главснаб, различные склады и т. д. Здания, по свидетельству А.А. Трушина, находились в аварийном состоянии: купола «раскрыты», крыша течет, металлические конструкции грозят обрушением, на карнизах растут деревья. Однако не это, по мнению чиновника, являлось главной проблемой, а то, что такие недействующие церковные здания своим внешним видом производят неблагоприятное впечатление на иностранцев. Причем если бы в облике здания не угадывалась бывшая церковь, то это, очевидно, не стало бы предметом заботы сотрудника Совета по делам РПЦ. Какое же решение предлагает А.А. Трушин? Разумеется, самое простое: некоторые храмы переоборудовать «с нарушением церковного вида», а другие разобрать³⁷². В письме имеется список храмов и колоколен, подлежащих, по мнению Трушина, сносу. Таким образом, желание выглядеть в глазах иностранцев государством, в котором нет места гонениям на Церковь, в результате приводило к разрушению и дальнейшему обезображиванию памятников церковной архитектуры.

В 1950-х гг. произошло еще одно важное событие, повлиявшее на усиление прессинга со стороны Совета по делам РПЦ на Церковь для представления ее якобы благополучного положения в глазах мировой общественности. В 1957 г. в СССР проходил ставший впоследствии знаменитым Фестиваль молодежи и студентов.

8 января 1957 г. в адрес уполномоченного по Москве и Московской области А. А. Трушина было отправлено секретное письмо Г. Г. Карпова, в котором

---

³⁷¹ Никонов В.В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2023. – № 1. – С. 55–66.

³⁷² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–4.

содержались конкретные указания по подготовке к предстоящему фестивалю³⁷³. Надо отметить, что такое же письмо было разослано тем уполномоченным Совета, в зоне ответственности которых располагались города и поселки, где могли оказаться гости фестиваля, но очевидно, что «главным» адресатом являлся, конечно, московский уполномоченный, так как именно на подведомственной ему территории планировались официальные мероприятия. В письме отмечалось, что иностранцы, несомненно, будут интересоваться церквями, монастырями и духовными учебными заведениями, а также искать встреч по вопросам положения и деятельности церкви, ее отношений с государством³⁷⁴. В этой связи уполномоченным высылались директивы, которым они должны были следовать в рамках подготовки к их приезду.

Прежде всего, уполномоченные должны были установить контакт с местными властями, что неудивительно. Формально подчиненные председателю Совета по делам РПЦ, уполномоченные фактически должны были согласовывать все свои решения с руководством области, края или республики, на территории которых они осуществляли свою деятельность³⁷⁵. Результатом совместной работы должен был стать план, который требовалось представить в Совет не позднее 1 марта 1957 г. На выработку плана, таким образом, отводилось менее 2 месяцев, а между тем в нем значилось 6 пунктов, выполнение каждого из которых требовало серьезной работы.

Первым пунктом уполномоченным предписывался выбор конкретных храмов и монастырей, куда можно было бы приглашать иностранцев, для чего они должны были быть приведены «в надлежащий вид». Иными словами, чтобы они не выглядели разрушенными или разрушающимися и у гостей фестиваля не возникло оснований упрекнуть советскую власть в действительном ее отношении к Церкви.

---

³⁷³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 4, 5.

³⁷⁴ Там же. Л. 4.

³⁷⁵ Потапова А.Н. Правовое регулирование деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1948 гг. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 6. С. 244–247.

Второй пункт предполагал необходимость отбора и подготовки лиц из числа духовенства и церковного актива для встречи и сопровождения иностранцев при посещении ими храмов и монастырей. Это являлось одной из самых важных и сложных задач, так как, помимо того, что для ее выполнения требовалось оценить способность и готовность местного духовенства к общению с зарубежными гостями, следовало также исключить с их стороны малейшую возможность отклонения от заранее составленных и утвержденных специальным документом ответов на различные вопросы, которые могли возникать в процессе бесед.

Третий пункт предписывал обеспечить порядок и безопасность на церковных объектах при посещении их иностранцами. Отдельно оговаривалось «недопущение наличия нищих в храмах и внутри оград». Думается, что выполнение этого указания не встретило никаких трудностей, ибо решалось силами местной милиции.

В четвертом пункте речь шла о духовных учебных заведениях, и, хотя адресовалась очередная задача «уполномоченным тех областей, краев и республик, где имеются духовные учебные заведения», очевидно, что в документе имелась в виду Московская область с расположенными в городе Загорске духовными семинарией и академией. Для их посещения иностранцами требовалось также выбрать «лиц, которые могут ознакомить с постановкой учебы».

Согласно пятому пункту, необходимо было организовать своевременное информирование сотрудников Совета по делам РПЦ, руководящий состав которого в основном состоял из сотрудников НКВД–МГБ, о посещении иностранцами храмов и монастырей. Причем обязанность такого информирования следовало возложить на принимавшее иностранцев духовенство.

И наконец, последний пункт плана предписывал местным органам власти привести здания недействующих церквей, находящихся «в безобразном виде», на которых установлены леса и производится ремонт, в порядок³⁷⁶. Это указание перекликается с требованием приведения в порядок храмов, куда предполагалось

---

³⁷⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

приглашать иностранцев. Примечательно, что «безобразным видом» в документе названо наличие на церковных зданиях лесов и вообще процесс ремонта, что на самом деле являлось свидетельством восстановления, но не разрухи, в которой уцелевшие храмы оказались из-за репрессивной политики властей. Прямым следствием этой политики стал и упомянутый в числе характеристик безобразного вида недействующих церквей «слом».

В мае 1957 г. был утвержден список учреждений Московской области, куда, разумеется, с рядом ограничений и в присутствии ответственных лиц, доступ иностранцам был разрешен. В числе таковых оказалось: 42 колхоза, 4 машинно-тракторные станции, 10 совхозов, 11 предприятий министерства речного флота (шлюзы, насосные станции и пр.), двое яслей, 2 дома отдыха, 5 отделений милиции, 3 детских дома, 1 училище и 3 школы, 22 дома культуры и музея, 7 мест массовых купаний и 7 «Русско-православных» (так в тексте – *В.Н.*) церквей³⁷⁷. В список попали:

1. Монастырь, духовная семинария и академия, Троице-Сергиева лавра (так в документе. – *В.Н.*), трапезная, покои патриарха, г. Загорск;
2. Адриана и Наталии в г. Бабушкине;
3. Никольская, с. Пушкино, Пушкинского района;
4. Благовещенская, с. Братовщина, Пушкинского района;
5. Троицкая, пос. Удельная, Раменского района;
6. Преображенская, с. Юдино, Звенигородского района;
7. Казанская, с. Коломенское, Ленинского района³⁷⁸.

Почему каждая из поименованных в списке приходских церквей в него попала, в общем, понятно: все эти храмы должны были не только быть действующими, но и представлять собой по возможности широкую палитру православного зодчества. Что же касается Лавры, то ее открытие в 1946 г. должно было восприниматься иностранцами как знаковое событие, касавшееся вопроса новых отношений между государством и Церковью. Этим объясняется, что в

³⁷⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.1. Д. 40. Л. 23–27.

³⁷⁸ Там же. Л. 27.

перечень «Русско-православных церквей» вошли семинария с академией, а также покои патриарха. Надо ли говорить, что все перечисленные храмы были в списке, составлявшемся еще в 1955 г., когда в Совете по делам РПЦ решили выяснить, какие действующие церкви находятся на основных автомагистралях Московской области³⁷⁹.

Предположения властей о том, что многие гости Фестиваля, а всего приехало 34 000 человек из 131 страны мира, проявят значительный интерес к церковной жизни в СССР, подтвердилось в полной мере. Проведенная подготовительная работа среди иерархов и приходского духовенства дала свои плоды, и результатами прошедшего Фестиваля чиновники Совета по делам РПЦ остались довольны. Это нашло отражение в содержательной записке, составленной Г.Г. Карповым 21 августа 1957 г. по итогам Фестиваля для представления в ЦК КПСС³⁸⁰. По подсчетам Совета, в дни Фестиваля московские храмы посетило более 6 000 человек. Значительное место в записке Карпова отводилось высказываниям иностранных гостей о том, как они были приятно удивлены положением Церкви в СССР, что, несомненно, являлось свидетельством успешной работы возглавлявшегося им ведомства. Заканчивалась записка Г.Г. Карпова выразительным утверждением, что все «церковники», принимавшие участие во встречах и беседах с участниками фестиваля, «вели себя достойно и давали правильные и исчерпывающие ответы» на все задаваемые им вопросы.

Таким образом, в течение первого послевоенного десятилетия, чрезвычайно важного для СССР в смысле демонстрации преимуществ социалистической модели развития перед капиталистической, власти прилагали значительные усилия для создания привлекательного образа церковно-государственных взаимоотношений. Несмотря на то что действительное положение дел значительно отличалось от того, как его представляли западному наблюдателю, Церковь, будучи институционально зависимой от государства, вынуждена была поддерживать советское руководство в этой работе, включавшей в себя как вполне отвечавшие церковным

---

³⁷⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.

³⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 134–141.

установлениям действия (например, участие в форумах в защиту мира и за снятие международной напряженности), так и противоречащие им, такие как искажение, иногда существенное, по требованию чиновников Совета по делам РПЦ истинного положения Церкви в СССР в ответах на вопросы иностранцев. При этом желание произвести благоприятное впечатление на иностранцев зачастую приводило к прямым вмешательствам и в церковную жизнь в целом, и в жизнь отдельных приходов, а также к разрушению церковных зданий, находившихся в аварийном состоянии³⁸¹.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что многие из числа методов администрирования жизнедеятельности церковных приходов применялись в форме манипуляции и использовались в течение всех трех периодов. В сравнении с методами в форме принуждения и тем более в форме репрессирования, манипуляции были наиболее мягкими способами воздействия на действия приходского духовенства, членов церковных советов, и прихожан в целом. Используя эти методы, власть как бы предлагала «церковникам» самим решать, насколько значимым для них является существование прихода и возможность молиться в «своем» храме. Отсутствие конкретики в законодательстве о культе давало широкие возможности для трактовки ряда его норм, что и становилось полем для манипуляций. Зажиточный крестьянин, член приходского совета мог лишиться избирательных прав, а его односельчанин, имевший такое же хозяйство, в правах не поражался. Один и тот же крестный ход могли разрешить, а могли и запретить. При этом причины выдвигались подчеркнута неубедительные. Храм по формальным признакам могли передать обновленческой общине, а могли оставить в пользовании прихода. В духовенстве и прихожанах формировали желание предупредить возможные требования центральной и местной власти, доказывая

---

³⁸¹ Никонов В.В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2023. – № 1. – С. 55–66.

свою лояльность. Это было характерно в 1920-х гг., это сохранилось в 1950-х, когда перед некоторыми подмосковными приходами была поставлена задача подготовки к возможным посещениям иностранцев.

Однако, несмотря на кажущуюся мягкость манипуляционных методов, все они в разные периоды были направлены на решение основных задач администрирования приходской жизни, и вслед за ними приходила очередь более суровых методов. Манипуляционные методы в большинстве своем сменились методами принуждения, а угрозы закрытия храмов перешли в форму планомерного и масштабного их отъема.

1.4. Административное репрессирование как проявление радикализации антицерковной политики³⁸²

Основным методом администрирования приходской жизнедеятельности, используемым в форме репрессирования, было закрытие храмов с последующим распадом и уничтожением приходов. Кроме этого, в форме административного репрессирования следует выделить метод снятия по различным основаниям с регистрации священнослужителей, применявшийся в послевоенные годы. От методов в формах принуждения, контроля и манипуляции административные методы в форме репрессирования отличала их радикализация и выраженная направленность на уничтожение прихода. Закрытия храмов достигли своего

---

³⁸² Под административным репрессированием понимается процесс корректировки поведения или образа жизни отдельных групп населения методами административного воздействия. В контексте настоящего исследования административное репрессирование (от лат. *repressio* – подавление, обуздание) представляет собой целенаправленную совокупность действий советского государства, направленных на ограничение, подавление или прекращение деятельности церковных приходов, но исключавших прямое силовое воздействие на духовенство и прихожан.

максимума во второй период администрирования приходской жизнедеятельности, главной задачей которого было ее подавление, когда дальнейшее положение Церкви, по мнению некоторых исследователей, было вопросом дискутируемым³⁸³.

Закрытие приходских храмов как радикальный способ разрушения приходов можно считать пороговым методом административного воздействия на приходскую жизнь, за которым непосредственно следовали прямые репрессии против духовенства, членов церковных советов и верующих вообще. В § 1.3 говорилось о манипулировании угрозой закрытия храмов, однако далеко не всегда фактическое закрытие за ним следовало, как может показаться исходя из соображений простой логики, согласно которой запугивание предшествует атаке, но не наоборот. В ряде случаев, которые будут рассмотрены ниже, храмы закрывались без предварительного манипулирования перспективой закрытия, а иногда угрозы закрытия так и оставались угрозами и богослужения в храме не прекращались в течение всего богоборческого периода отечественной истории, несмотря на ряд попыток его закрыть.

Закрытие храма нами будет рассматриваться в первую очередь как метод административного воздействия, с помощью которого власти стремились уничтожить ключевую форму религиозного объединения верующих – приход. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению механизма и особенностей закрытия храмов, необходимо отметить, что эти два события – закрытие храма и разрушение прихода – далеко не всегда происходили одновременно. Более того, далеко не во всех случаях официальное закрытие храма приводило к прекращению существования прихода. Верно и обратное: распад прихода в ряде случаев предшествовал закрытию храма, которое формально производилось через некоторое время и лишь фиксировало прекращение молитвенной жизни.

---

³⁸³ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 214.; Мазырин А.В., иер. Ленинские, сталинские и хрущевские гонения на Церковь. Церковный ответ на гонения. Азбука. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/leninskie-stalinskie-i-hrushevskie-gonenija-na-tserkovnyj-otvet-na-gonenija/ (дата обращения: 08.08.2023).

Закрывтия храмов в Московском регионе хронологически разбиваются на три периода, характеризующихся, во-первых, своими объемами, а во-вторых – спецификой. Мы предлагаем такое деление: первый период – до 1929 г.; второй в 1929–1936 гг.; третий – в 1937–1942 гг. После 1942 г. и до 1960-х гг. закрытия храмов не производились, за исключением единичных эксцессов³⁸⁴. В 1943 г. наступает следующий этап радикального администрирования приходской жизни, связанный с обратным по отношению к закрытию храмов процессом – их открытием. Он продолжался до 1948 г. Мы не называем его четвертым, а просто выделяем в отдельный промежуток в силу его принципиального отличия от первых трех.

Самый первый документально зафиксированный способ официального изъятия у Церкви и верующих храма вместе с имуществом и, как следствие, закрытия такового был определен еще в августе 1918 г. Инструкцией НКЮ, определявшей порядок проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства»³⁸⁵. В документе были прописаны условия, на которых религиозное общество (определения, что именно означает это понятие, в Инструкции 1918 г. не имелось) могло взять в безвозмездное пользование церковное имущество, включая само храмовое здание. Одновременно Инструкция описывала также и порядок изъятия храма, если религиозное общество не пожелает взять в пользование церковное здание с имуществом на указанных условиях. В этом случае местный Совет депутатов должен был троекратно опубликовать информацию об этом в местной прессе и вывесить на дверях храма соответствующее объявление. Если через неделю после публикации желающие взять имущество в пользование не найдутся, Совет депутатов должен был выйти с обращением в Наркомпрос, в котором следовало указать время постройки молитвенного дома, его ценность в

---

³⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 120.

³⁸⁵ Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 849–858.

хозяйственном, историческом и художественном отношении, цели, для которых предполагается использовать здание, и «иные свои соображения» по этому поводу³⁸⁶. Дальнейшая судьба храма вместе с имуществом определялась, в случае если оно представляло историческую и художественную ценность, Наркомпросом или же, если с точки зрения Наркомпроса, ценность храма и имущества была невелика, местным Советом депутатов. Что касается утвари и «так называемых священных» предметов, то они могли быть переданы или группе лиц соответствующего вероисповедания (определения такой группы в Инструкции не имеется) или «в соответствующие хранилища»³⁸⁷.

Случаев, когда храмы в Московской губернии в первые годы советской власти закрывались на этом основании, автору встречать не приходилось. Наиболее часто в качестве причины закрытия того или иного храма в 1920-х гг. встречается якобы существовавшая необходимость в его здании для нужд общества: под складские помещения, под производства, для устройства водонапорных башен, для занятия их школами и больницами³⁸⁸.

После массового возвращения приходов в Церковь из обновленческого движения, начавшегося сразу после выхода на свободу патриарха Тихона летом 1923 г., власти в спешном порядке стали предпринимать экстренные меры для поддержки раскола³⁸⁹. Одной из таких мер было создание так называемого «высшего церковного управления» с сетью епархиальных отделений. В конце 1923 г. в Административном отделе Моссовета, ведавшем вопросами взаимоотношений государства и Церкви в Москве и губернии, по свидетельству его сотрудника Фортунатова, ожидали принятия Наркоматом юстиции специальной инструкции, согласно которой для регистрации священника, что являлось необходимым для оформления договора на регистрацию и перерегистрацию религиозной общины, предполагалось требовать специальную

---

³⁸⁶ Там же. П. 12.

³⁸⁷ Там же. П. 14.

³⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 4066. Л. 1, 1 об.

³⁸⁹ Подробнее об этом будет сказано в § 2.3.

справку-удостоверение³⁹⁰. Без такой справки общине в регистрации отказывалось. Чтобы исключить возможность регистрации «тихоновских» общин, предполагалось, что Административный отдел будет признавать такие справки только в том случае, если они были выданы обновленческим ВЦУ. Таким образом, угроза закрытия храмов становилась предметом манипуляции с целью принуждения религиозных общин «тихоновской» ориентации к переходу в обновленчество, что в конце 1923 г., когда наблюдалось массовое возвращение в патриаршую Церковь, было для советских идеологов весьма актуальным³⁹¹.

Следует отметить, что на фоне выраженной антицерковной политики и таких идеологических и экономических атак на Церковь, как, например, вскрытие мощей, изъятие церковных ценностей, организация обновленческого раскола и даже прямых репрессий против духовенства и верующих, советское государство в первые годы своего существования не шло на массовые закрытия приходских храмов. (В скобках отметим, что сказанное относится лишь к приходским церквям, так как соборные и монастырские храмы начинают закрываться уже в первые послереволюционные годы³⁹²; кроме того, в 1919 г. массово закрываются домовые церкви³⁹³, но эти типы храмов не входят в сферу нашего рассмотрения.) Многие исследователи связывают такую «нерешительность» властей с высоким уровнем народной религиозности, что в условиях Гражданской войны и в течение некоторого времени после ее окончания представляло определенную опасность, хотя юридическая база для ликвидации храмов в любом объеме была создана уже в 1918 г.³⁹⁴.

Выразительным примером отсутствия выработанной государственной позиции в середине 1920-х гг. в отношении судьбы того или иного храма можно

---

³⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 32 об.

³⁹¹ Подробно процесс выхода из обновленчества в 1923 г. приходов Московской губернии рассмотрен в § 2.3.

³⁹² Там же.

³⁹³ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 11.

³⁹⁴ Борисюк А.А. Православные храмы Москвы в 1918–1921 годы. Условия существования и масштабы ликвидации // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 4. С.187–197.

считать первую попытку закрытия Борисоглебского храма в городе Раменском (всего попыток было три). Самые ранние свидетельства о намерении властей в отношении «Белой церкви»³⁹⁵ обнаружены в протоколах заседаний пленума Раменского горсовета за 1926 г. В марте этого года село Раменское стало городом, и ему были переданы многие административные функции. 5 ноября 1926 г. на городском пленуме обсуждались вопросы благоустройства города и необходимых ремонтно-строительных работ. В числе наиболее значимых дел (планировка города, расширение водопроводной сети, строительство общественной уборной и пр.) предполагалось использование «Белой церкви» под водонапорную башню, для чего указывалось на необходимость обсуждения этого вопроса с церковной общиной³⁹⁶. Текст протокола позволяет сделать ряд выводов, касающихся механизма закрытия храмов в первый выделенный нами период – до 1929 г. Прежде всего, закрытие храма связывается не с антицерковной деятельностью, а с потребностью города иметь высокое строение для устройства водонапорной башни. Кроме того, пленум высказывает необходимость *обсудить это с церковной общиной* (курсив мой. – В.Н.). И наконец, приведенная цитата позволяет говорить о том, что раменские чиновники вообще плохо владели вопросом. Дело в том, что Борисоглебский храм в начале XX в. приходским не был, так как с середины XIX в. являлся домовым храмом княжеского семейства Прозоровских-Голицыных. Вообще говоря, формально Борисоглебский храм подпадал под действие Постановления о закрытии домовых церквей 1918 г., но в силу отдаленности от Москвы до него, судя по всему, «руки не дошли». Иными словами, его могли закрыть, не подкрепляя решение о целесообразности такого шага необходимостью использования его под водонапорную башню.

Огласив свои намерения, Раменский горсовет столкнулся с негативной реакцией верующих, которые в закрытии «Белой церкви» усмотрели нападки на религию вообще. В государственно-церковных отношениях продолжался, хотя и близился к закату, период «религиозного НЭПа», и о Борисоглебском храме забыли

³⁹⁵ Местное название Борисоглебского храма, связанное с цветом стен.

³⁹⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 4066. Л. 1 об.

до 18 июня 1928 г., когда на заседании Бронницкого бюро УКОМа выступил некто Кубарев с кратким сообщением «о целесообразности изъятия Белой церкви для организации музея»³⁹⁷. Это стало второй попыткой храм закрыть, но и тогда успехом она не увенчалась, хотя службы в нем проводились редко, а вся молитвенная жизнь крупного подмосковного города была сосредоточена в Троицком соборе, о возможном закрытии которого никто не помышлял. Храм был трехкомплектным с ежедневными богослужениями и активной приходской жизнью. Таким образом, на примере попыток закрыть Борисоглебский храм в Раменском становится очевидным непроработанность механизма такого рода администрирования в 1920-х гг.³⁹⁸.

Наряду с постоянной угрозой закрытия храмов и гонениями на Церковь, имеются свидетельства того, что 1920-х гг. в ряде религиозных общин в Москве и Московской губернии приходская жизнь, вопреки создавшимся условиям, напротив, развивалась³⁹⁹. Современные исследователи также отмечают двойственное положение приходов в первые послереволюционные годы: «Во многих храмах приходская жизнь процветала... Приходские Советы заботились о благолепии храмов и торжественности совершения богослужений, которые, безусловно, являлись важным средством проповеди среди прихожан»⁴⁰⁰.

Такая неопределенность, наряду с необходимостью ежегодно перезаключать договоры на пользование церковным зданием и храмовым имуществом, при наличии у властей возможностей закрытия любого храма по надуманному поводу заставляла приходское духовенство и прихожан находиться в постоянном напряжении и ожидании изъятия храма. Между тем говорить о массовом закрытии приходских городских и особенно сельских храмов до 1929 г. не приходится, тем

³⁹⁷ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 156. Л. 15.

³⁹⁸ Никонов В.В. Первые закрытия храмов в Раменском районе московской области в 1920-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61).

³⁹⁹ Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 136

⁴⁰⁰ Соловьев Илия, свящ. Церковно-приходская жизнь Москвы в начале 1920-х годов. По донесениям московских благочинных архиепископу Крутицкому Никандру (Феноменову) // Церковь и время. 2010. № 50.

более учитывая отсутствие достоверных статистических сведений. Имеющиеся в современных исследованиях сведения о закрытии церквей до 1929 г. строгими в научно-статистическом смысле считать нельзя⁴⁰¹.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»⁴⁰², принятое 8 апреля 1929 г., внесло коррективы в сложившийся порядок использования национализированного церковного имущества религиозными общинами. Постановлением утверждался широкий список оснований, по которым договор с религиозным обществом/группой мог быть расторгнут, а храм закрыт. Справедливости ради необходимо отметить, что в Постановлении была прописана процедура, согласно которой верующие в двухнедельный срок имели право выразить свой протест на незаконное решение о закрытии храма, однако на практике такие протесты даже в первое время после утверждения Постановления удовлетворялись редко, а вскоре перестали удовлетворяться совсем.

Выход Постановления «О религиозных объединениях» ознаменовал новый этап в государственно-церковных отношениях, что повлекло за собой структурные изменения в советских органах, отвечавших за взаимодействие с Церковью и контроль над ней. Тогда же, в апреле 1929 г., место Антирелигиозной комиссии, работавшей в 1920-х гг., заняла вновь образованная Постоянная комиссия по вопросам культов при ВЦИКе, которую возглавил бывший член Антирелигиозной комиссии П.Г. Смидович. Одним из первых направлений работы Комиссии по вопросам культов стала разработка новых правил закрытия храмов.

Собственно, началом нового этапа антицерковной государственной политики со всеми основаниями можно считать не апрель, а январь 1929 г., когда по местам было разослано циркулярное письмо Политбюро ЦК КВП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы», требовавшее от партийных и советских органов усиления давления на Церковь и религиозные организации, прямо названные «единственно легально действующими контрреволюционными

---

⁴⁰¹ Цыпин В.А., прот. История русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 188.

⁴⁰² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

организациями, имеющими влияние на массы»⁴⁰³, что было воспринято как отмашка к очередной атаке на Церковь.

Так, еще до утверждения апрельского Постановления, в феврале 1929 г., раменские власти предприняли третью попытку закрыть Борисоглебский храм, на этот раз успешную⁴⁰⁴. Примечательным является то, что действовали они фактически по еще не утвержденным формально правилам, которые, как будет показано, существенным образом изменились.

Если раньше вопрос о закрытии «Белой церкви» был инициирован потребностями города в высоком здании, то теперь стало необходимым найти кого-то, кто должен был выступить инициатором закрытия храма по совершенно иным основаниям. На эту роль выдвинули коллектив прядильного цеха фабрики «Красное Знамя», в котором состоялось собрание работников, где было принято решение передать Горсовету пустующую маленькую церковь под культурное учреждение⁴⁰⁵. Горсовет, получив в свое распоряжение старейший храм города, поспешил выйти с ходатайством перед областными властями о его закрытии. Это случилось в мае–июне 1929 г., то есть уже после принятия апрельского Постановления. Ходатайство было удовлетворено, и с 1929 г. Борисоглебский храм города Раменского был официально закрыт. Формулировка решения Мособлсовета о закрытии «Белой церкви» – одного из первых, принятых в соответствии с апрельским 1929 г. Постановлением в Московской области, – стала на последующие десятилетия типовой в таких делах⁴⁰⁶.

---

⁴⁰³ «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Циркулярное письмо Политбюро ЦК ВКП(б). 24 января 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–11. Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/59437> (дата обращения: 27.06.2023).

⁴⁰⁴ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 140–143.

⁴⁰⁵ Протоколы заседаний Президиума Мособлсполкома и Моссовета и материалы к ним. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 35. Л. 140.

⁴⁰⁶ Протоколы заседаний Президиума Мосгорисполкома и Моссовета РК и КД и материалы к ним. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 39.

Как для Борисоглебского храма, 1929 год стал последним, когда богослужения проводились в таких храмах Московской области, как, например, Троицкий в селе Озеры Коломенского округа, Георгиевский в селе Новохаритонове Раменского района, Христорождественской собор города Александрова, Троицкий храм села Карабанова, Преображенская церковь в поселке Струнино, Покровская церковь в селе Слободине⁴⁰⁷ и многие другие, что позволяет говорить о лавинообразном росте закрываемых храмов после принятия апрельского Постановления 1929 г.

Однако не во всех случаях способов закрыть храм в соответствии с Постановлением «О религиозных объединениях» было достаточно. Иногда прихожане отказывались смириться с неизбежной потерей храма. И тогда власти использовали более жесткие методы, как, например, единовременный арест всего духовенства вместе с приходским советом, чтобы затем иметь формальную возможность закрыть храм по причине того, что там не проводятся богослужения и, следовательно, верующим он не нужен. Эта схема будет повсеместно использоваться в период Большого террора, но впервые опробована она была уже в 1929 г.

В качестве примера рассмотрим обстоятельства закрытия главного храма Бронницкого уезда Московской губернии – Михаило-Архангельского собора города Бронницы. Судя по имеющимся в распоряжении автора документам, планы закрыть собор у местных властей начали формироваться до 1929 г., так как еще в 1927–1928 гг. на храм наложили такой непомерный налог, что прихожане едва смогли его выплатить. Следует отметить, что в Бронницах, в непосредственной близости с кафедральным Михаило-Архангельским собором, располагался еще один храм, освященный в честь Иерусалимской иконы Божией Матери и составлявший с собором единый ансамбль. Священнослужители обоих храмов собрали церковный совет, на котором решили собирать деньги по домам. В ответ

---

⁴⁰⁷ ЦГАМО. Ф. 2157, Оп.1. Д. 36. Л. 27.

власти через городской финотдел оштрафовали церковного старосту Тарасова за то, что тот якобы не платил три года налоги от зарплаты певчих. Не будучи в состоянии выплатить штраф, Тарасов снял с себя полномочия старосты. Как показывал один из очевидцев, староста сам собирался отнести ключи от храма в горсовет, так как нечем было заплатить налог, а доход церкви стремительно падал⁴⁰⁸. Духовенство обсуждало даже возможность передачи городским властям теплого Иерусалимского храма, оставив приход в холодном Архангельском соборе.

Вскоре было начато следствие по делу «об антисоветской группировке гор. Бронницы из церковников, торгашей и т.п. лиц»⁴⁰⁹. Формально суть дела сводилась к тому, что «церковники, торгаши» и им подобные лица стали систематически проводить злостную антисоветскую агитацию против налоговой политики, займов, коллективизации, пятилетки и кооперации⁴¹⁰. О том, что одной из главных причин возбуждения дела было сопротивление духовенства и прихожан планам властей о закрытии храма, в справках на арест и обвинительном заключении старались не упоминать⁴¹¹.

Храм, в котором богослужения прекратились, формально оставался незакрытым, в каковом положении он пребывал в течение почти полутора лет – с ноября 1929 г. по март 1931 г. Думается, что вполне оправданным будет предположение, что причиной столь долгого «простоя» стала публикация статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и выход Постановления «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»⁴¹², о чем будет сказано ниже. То есть, «не успев» закрыть храм в конце 1929 г. и в первые месяцы 1930 г., власти вынуждены были дожидаться очередного изменения курса партии.

---

⁴⁰⁸ Вайнтрауб Л.Р. Собор Архангела Михаила в Бронницах. Бронницы, 2004. С. 162–163.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 1.

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 3.

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 4-5.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 81.

⁴¹² Постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении. 10 марта 1930 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/31052> (дата обращения: 07.08.2023).

Активное противостояние встретило решение властей закрыть Преображенский храм села Верхний Белоомут Зарайского уезда. Постановление о «необходимости в две недели очистить церковь», направленное в адрес прихода в мае 1929 г., было, очевидно, формой решения закрытия храма, которое, согласно Постановлению от 8 апреля 1929 г., предполагало возможность обжалования его во ВЦИКе. Прихожане между тем «очищать» церковь не спешили, а, напротив, собрали сход, на котором приняли решение о недопустимости закрытия храма. На сход собралось более тысячи человек, и власти не рискнули разогнать его силой.

На некоторое время храм был отвоеван, но вскоре было возбуждено дело, одно из самых больших в Московской области по числу арестованных. Всего по нему проходило 120 человек, более половины из которых осудили к различным срокам заключения. В числе осужденных оказался весь причт и приходской совет храма. После произошедших арестов богослужения в храме прекратились, а окончательно Преображенский храм села Белоомут был закрыт лишь в 1933 г.⁴¹³

Примером того, какие еще действия предпринимали местные власти, когда законные методы закрытия храмов не приводили к желаемому результату, являются обстоятельства уничтожения Петропавловского храма у платформы Ильинская Московско-Рязанской железной дороги.

Петропавловский храм был построен в 1913 г. на средства местных жителей. В начале XX в. поселок Ильинский был заселен дачниками, и именно они решили выстроить рядом с железнодорожной платформой храм, где можно было бы молиться в летний период⁴¹⁴.

В 1920-х гг. постепенно меняется состав жителей поселка. Интеллигенция, составлявшая прежде существенную часть населения, постепенно вымывается представителями социальных слоев, более близких советской власти. В 1927 г. по инициативе из Москвы начинается процесс «пролетаризации» поселка, когда часть

---

⁴¹³ Верхне-Белоомутский Преображенский храм. // Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/7364.html> (дата обращения: 04.03.2023).

⁴¹⁴ Шевченко В.А. Знакомьтесь: город Жуковский. М., 1995. С. 32

работников раменской текстильной фабрики расселяется в Ильинке⁴¹⁵. Это и не удивительно: с ростом промышленного производства обнаружился резкий приток рабочей силы с окраин в центр. Общежития, построенные при раменской фабрике бывшими хозяевами, перестали вмещать новых работников, а новые бараки строились медленнее, чем это было необходимо. Тогда и решили селить рабочих на многочисленных дачах, которые широкой полосой тянулись вдоль железной дороги от Томила до Ильинки⁴¹⁶. Процесс заселения дач работниками фабрики и иных промышленных предприятий растянулся на несколько лет. Это нашло отражение в документах Раменского райкома. Так, в 1930 г. местные коммунисты сетовали, что переселение идет медленно, и требовали ускорить решение вопроса о муниципализации дач, принадлежащих нетрудовому элементу, обязав РИК и исполкомы советов дачных поселков в ближайшие 6 мес. разместить на дачах не менее 500 рабочих семей (т.е. не менее 1,5–2 тысяч человек. – В.Н.)⁴¹⁷.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда рабочих раменской мануфактуры в поселке Ильинском стало проживать больше, чем в самом Раменском, где, помимо фабричных, жили и те, кто не имел непосредственного отношения к фабрике. Наличие церкви в Ильинском, в самом центре локального расселения пролетариата, местным властям представлялось нежелательным. В 1929 г. в Раменском горсовете якобы по инициативе рабочих фабрики «Красное Знамя» рассматривался вопрос о закрытии Петропавловского храма. Решение приняли положительное, после чего в конце 1929 г. Мособлсовет это решение утвердил, и богослужения в храме прекратились.

А дальше произошло неожиданное. Местное население в отпущенный законом двухнедельный срок выразило свой протест, и дело повисло в воздухе. С протестом пришлось считаться, так его подписало более 200 человек.

---

⁴¹⁵ Там же. С. 33.

⁴¹⁶ То есть дачи в поселке Ильинском были ближайшими к Раменскому. От Ильинки до Раменского дач в те годы почти не было. Первый дачный поселок, организованный при советской власти для большевиков-подпольщиков рядом со станцией «Отдых», начал строиться в том же 1927 г.

⁴¹⁷ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

Петропавловский приход, изначально небольшой, стал многолюдным именно вследствие расселения здесь работников Раменской мануфактуры. Не следует забывать, что многие из них приехали из далеких деревень, где вера оставалась традиционной формой мироощущения. Так или иначе, но решение о закрытии храма в Ильинке встретило решительный протест жителей поселка.

Проблема для раменских коммунистов заключалась в том, что ситуация с Петропавловской церковью становилась в случае отмены решения о закрытии храма опасным прецедентом победы «церковников» над советскими органами.

Каким образом власти планировали решать эту проблему, неизвестно. Документов, отвечающих на этот вопрос, в процессе работы над настоящим исследованием обнаружено не было. Известно лишь, что Петропавловский храм в поселке Ильинском вскоре после описанных событий неожиданно сгорел. Автор не утверждает, что пожар случился по инициативе раменских коммунистов, однако отрицать, что такое развитие событий было на руку именно им, невозможно. Несомненным является лишь то, что произошло это в 1930 г.⁴¹⁸

События, связанные с уничтожением Петропавловского храма в поселке Ильинском, показывают, какие радикальные средства могли использоваться для решения вопроса существования приходского храма в случае активного сопротивления верующих против его закрытия. Следует оговориться, что уничтожение храма в подобных обстоятельствах в Московской губернии/области было явлением относительно редким, однако и случаи, когда прихожане консолидированно отстаивали законную возможность пользования храмом, нельзя назвать частыми, а с течением времени и они имели место все реже и реже, пока окончательно не прекратились к 1937 г.

Процедура закрытия церквей значительно упростилась после того, как 26 января 1930 г. Комиссия по вопросам культов постановила окончательное решение

---

⁴¹⁸ Эту же дату указывает в своей работе В.А. Шевченко [Указ. соч. С. 33]. Приведенные выше документы, выявленные уже после его кончины, полностью подтверждают его выводы. Тиражируемая в Интернете дата уничтожения Петропавловского храма – 1928 г. – является, таким образом, ошибочной.

о ликвидации молитвенных зданий предоставить Крайисполкомам и Облисполкомам⁴¹⁹. Теперь, если речь шла о храмах, расположенных за пределами Московской области, такие решения не требовалось согласовывать с Москвой, а можно было принимать на местах. Наступил короткий, но очень драматичный период, характеризующийся активизацией властей в направлении закрытия храмов и возбуждения уголовных дел, связанных с попытками сопротивления закрытиям.

Однако вскоре была опубликована известная статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов»⁴²⁰, которая, несмотря на то что направлена она была на временное смягчение проведения коллективизации, заставила на время пересмотреть формы и напряженность в деле борьбы с религией и придать ей форму законности. Следом вышло в свет Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором среди прочего говорилось о необходимости решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, но допускать закрытия лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян⁴²¹.

Высказывается мнение⁴²², что определенную роль в приостановке закрытия храмов, имевшей место в первой половине 1930-х гг., сыграло обращение 19 февраля 1930 г. заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) по вопросу тяжелого положения церковных, главным образом сельских, приходов⁴²³.

В первой половине 1930-х гг. было не только приостановлено дальнейшее закрытие храмов, но часть закрытых ранее были возвращены верующим. Так,

---

⁴¹⁹ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁴²⁰ Сталин И.В. Головокружение от успехов. // Правда. Орган ЦК ВКП(б). 1930. № 60.

⁴²¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». 10 марта 1930 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/31052> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴²² Комиссия по вопросам культов. // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴²³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 689–691.

согласно некоторым оценкам, только в Московской области по решению Комиссии по вопросам культов было возвращено 545 культовых зданий⁴²⁴.

Несколько иные цифры приводит в своей работе по истории Российской Церкви в XX в. прот. Владислав Цыпин. По его сведениям, «в 1928 году закрыто было 534 церкви, в 1929 – уже 1119 храмов. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 года оставалось 224, а через два года — только 87 церквей, находившихся в юрисдикции Патриархии»⁴²⁵. Таким образом, хотя тенденции закрытия храмов, отмеченные в работе прот. Владислава Цыпина, входят в противоречие с приведенными выше, можно констатировать, что результирующий вектор этого процесса отражал рост числа закрываемых церквей.

Сведения, по которым косвенно можно оценить активизацию процесса закрытий храмов непосредственно после выхода Постановления «О религиозных объединениях», содержатся в журнале «Антирелигиозник» за 1929 г., где отмечалось, что всего по СССР закрыто за первую половину 1929 г. 423 культовых здания, из них городских 243, сельских 180. Если сравнить имеющиеся сведения за 1929 г. с аналогичными сведениями за первую половину 1928 г., когда «по данным информационного подотдела было закрыто 219 культовых зданий... можно отметить значительный рост движения за ликвидацию очагов дурмана в текущем году»⁴²⁶. Разумеется, данные, приводимые в журнале «Антирелигиозник», не могут претендовать на точность, но тенденцию они показывают вполне определенно.

Попытка установления числа храмов Московской области, закрытых в период 1929–1933 г., неизбежно сталкивается с практически непреодолимыми трудностями, во-первых, по причине отсутствия полноценных статистических данных и, во-вторых, по причине неоднозначности определения критерия закрытого храма. Как было показано выше, в храме могли быть прекращены богослужения, но формально он продолжал оставаться действовавшим, так как

⁴²⁴ Комиссия по вопросам культов. // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (дата обращения: 06.02.2023).

⁴²⁵ Цыпин В.А., прот. История русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 188.

⁴²⁶ Закрытие культовых зданий // Антирелигиозник. 1929. № 9. С. 106–107.

официального постановления о его закрытии подписано не было⁴²⁷. Даже в тех случаях, когда в фондах местных исполкомов обнаруживаются конкретные цифры по числу действующих и закрытых храмов в форме: «было – стало», они, с учетом сказанного, не всегда могут быть адекватно интерпретированы.

В 1933 г. Комиссия по вопросам культов подвела своеобразный итог своей деятельности. В докладной записке на имя секретаря ВЦИК А.С. Киселева содержится анализ работы Московской областной Культурной комиссии с момента ее образования 24 июля 1931 г. Этот анализ в значительной степени объясняет имевшую место неразбериху с порядком закрытия храмов. Несмотря на то что действовавшее законодательство предполагало различные трактовки своих норм в антирелигиозной работе, многие решения, касавшиеся функционирования храмов и существования приходов, оказывались в прямом с ним противоречии. Это влекло за собой возраставший поток жалоб, что и стало причиной появления Записки⁴²⁸.

«Московская областная Культурная комиссия, – говорилось в документе, – обратила на себя внимание ввиду значительного количества отмены Культурной комиссией ВЦИК постановлений ОблИсполкома (так в документе. – *В.Н.*) о ликвидации молитвенных зданий, вследствие их необоснованности». Головная комиссия произвела проверку, благодаря которой выяснились некоторые причины создавшейся ситуации. Прежде всего, за 2 года своей работы областная комиссия собиралась всего 3 раза, причем в двух случаях из трех – по предложению Комиссии ВЦИК. При этом, несмотря на то что в штате областной комиссии состояло по штату 8 человек, вся работа проводилась одним секретарем совместно с членом Президиума Мособлисполкома. Что же касается дел о ликвидации молитвенных зданий, то они на комиссии фактически не обсуждались, а сразу передавались в Мособлисполком, где и решались, часто единолично тем самым членом Президиума, который и сотрудничал с областной комиссией.

---

⁴²⁷ К этому замечанию мы вернемся, когда будет представлен авторский опыт подсчета закрытых храмов Московской области в период с 1929 по 1943 г.

⁴²⁸ Докладная записка ответственного секретаря Культурной комиссии ВЦИК Воробьева секретарю ВЦИК А.С. Киселеву. 3 марта 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–4.

Совершенно неудивительно, что такой порядок принятия решений о закрытии храмов не предполагал взвешенного рассмотрения каждого отдельного случая и приводил к частому нарушению законодательства о культурах. В результате 48% постановлений Мособлисполкома о закрытии молитвенных зданий были отменены, и «помимо этого из общего количества поступивших в Комиссию ВЦИК дел о ликвидации – 64% таковых были возвращены ОблИсполкому для дополнительной проработки»⁴²⁹. Именно это, как можно предположить, и стало причиной характерной для рассматриваемого периода неопределенности судьбы большого числа храмов, где богослужения были прекращены, но сами они не были закрыты. В отдельных, но весьма редких случаях храмы возвращались верующим, но чаще всего закрывались по прошествии нескольких месяцев, а иногда и лет.

Имели место также и факты разрушения формально не закрытых или закрытых незаконно церковных зданий. Это факт нашел отражение в Записке: «Вследствие отсутствия инструктажа и руководства со стороны областной Комиссии, а также вследствие аппаратного порядка ликвидации молитвенных зданий, были не редки случаи ликвидации и разрушения последних, в то время как они имели особо-историческое или архитектурно-художественное значение и состояли на особом учете Наркомпроса».

В Записке приводятся статистические данные о числе жалоб на нарушение законодательства при закрытии храмов. Так, в 1931 г. из 740 жалоб на решения местных РИКов и Мособлисполкома, поступивших в Комиссию по вопросам культов при ВЦИК, было удовлетворено 567. В 1932 г. жалоб было еще больше, из которых удовлетворено было «более 60%».

Следующий, возможно, самый важный пункт Записки гласил, что благодаря «формальному отношению РИКов и ОблИсполкома к рассмотрению жалоб, значительное количество жалобщиков в явное нарушение действующего законодательства» были осуждены на разные сроки той или иной меры социальной защиты. Так, официально подтверждается тот факт, что сопротивление закрытию

---

⁴²⁹ Там же.

храмов, выраженное даже в форме жалобы, уже в самом начале 1930-х гг. становилось поводом для уголовного преследования. В зоне риска оказывалось, во-первых, духовенство, во-вторых, сотрудники приходов, в-третьих, члены церковных советов⁴³⁰. Констатируя наличие репрессий в отношении этих лиц в Записке, адресованной секретарю ВЦИК, ответственный секретарь «Комиссии по культурам» фактически отчитывается о проведении работы по уничтожению прихода.

Заканчивалась Записка констатацией факта отсутствия релевантной статистики по храмам Московской области: «Несмотря на распоряжение Комиссии ВЦИК, Комиссия Облисполкома не вела учета молитвенных зданий, религиозных объединений и служителей культа, вследствие чего для составления республиканской сводки этот материал от областной Комиссии не получен»⁴³¹. В том числе и этим объясняется невозможность точной оценки числа закрытых храмов в рассматриваемый период.

В 1936 г. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК подготовила «Справку о молитвенных зданиях в СССР и служителях культа по данным комиссии по вопросам культов ЦИК СССР на 1/IV-1936 года», согласно которой на территории РСФСР в середине 1936 г. действовало 19 212 храмов всех исповеданий⁴³². При этом, из общего числа незакрытых храмов «функционирующими» считалось 14 090, а 5 122 числилось «не функционирующими». Иными словами, примерно в 25% от всех формально действовавших храмов богослужения по каким-либо причинам не проводились. Допуская вероятность того, что в отдельных храмах богослужения прекратились по причине распада прихода и удаления священнослужителя, явившегося, в свою

---

⁴³⁰ Рассмотрению репрессивной политики в отношении приходского духовенства, членов церковных советов, сотрудников приходов и прихожан посвящена глава III.

⁴³¹ Докладная записка ответственного секретаря Культурной комиссии ВЦИК Воробьева секретарю ВЦИК А.С. Киселеву. 3 марта 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–4.

⁴³² Справка о молитвенных зданиях в СССР и служителях культа по данным комиссии по вопросам культов ЦИК СССР на 1/IV-1936 года. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 32.

очередь, следствием такого положения дел, предположим, что долю таких храмов можно считать ничтожно малой в числе «нефункционирующих» по иным причинам. Значительно более вероятной представляется противоположная последовательность событий, когда сначала власти волевым решением удаляли из прихода священно- и церковнослужителей, а уже затем распадался приход. Храм при этом формально не считался закрытым – он «не функционировал». Но сделать какие-либо выводы только на основании «Справки о молитвенных зданиях» 1936 г. невозможно. Для этого необходимо рассматривать ее в общем контексте развития церковно-государственных отношений. С другой стороны, не доверять такого рода статистическим материалам вовсе означало бы лишиться себя значительного объема информации. На этом примере наглядно видно, насколько трудно, даже при наличии статистических данных, делать выводы о числе закрытых храмов в тот или иной период. В этой связи возрастает ценность изучения механизмов закрытия, а также принятия решений о закрытии храмов по тем или иным основаниям в различных социально-политических ситуациях 1930-х гг.

Таким образом, если определение точного числа закрытых (формально или фактически) храмов сопряжено с отмеченными трудностями и, несмотря на сохранившуюся в фонде Комиссии по вопросам культов статистику по этой теме, возможно лишь с известными допущениями, то статистические сведения о работе самой Комиссии в части числа обращений верующих, числа ходоков, распределения заявлений по темам и пр. представляются вполне достоверными и показательными.

В середине 1936 г. председателем Комиссии по вопросам культов П.А. Красиковым была подписана очередная Записка во ВЦИК, представлявшая собой отчет о работе Комиссии⁴³³. В ней содержатся сведения об обращениях граждан по различным вопросам, связанным с положением Церкви, начиная с 1934 г.: «За прошлый 1935 год приток письменных обращений в Комиссию культов

---

⁴³³ Полностью представлена в приложениях.

ЦИКС⁴³⁴, по сравнению с 1934 годом увеличился на 1000 шт. /в 1934 г. поступило всей переписки 8229, в 1935 г. – 9221 жалоба/, увеличилось и посещение Комиссии ходоками на 1000 человек /в 1934 г. было ходоков – 1094, в 1935 г. – 2090 чел./»⁴³⁵.

В 1936 г. рост числа обращений – письменных и личных – продолжился, и, поскольку записка была составлена ориентировочно летом 1936 г., сравнивались данные за I квартал 1935 и такой же период 1936 г. Так, в I квартале 1935 г. «было принято ходоков 410 чел.», а в I квартале 1936 г. – 599. Письменных жалоб в I квартале 1935 г. поступило 2218, а в 1936 г. – 2682, что свидетельствовало о значительном – более, чем на 20%, – росте их числа. Приведенным цифрам можно доверять, в том числе и потому, что все заявления, поступавшие в Комиссию, фиксировались в канцелярии.

Следует отметить, что не таким важным представляется само по себе число обращений в Комиссию и даже не постоянный – год от года – его рост, но то, как распределялись эти обращения по темам. То есть то, что более всего волновало духовенство и верующих в данный период.

Прежде всего, автор Записки или сам П.А. Красиков, если он лично ее составлял, делает такое заявление: «Из общего количества всей переписки, поступившей в I-м квартале с.г., поступило дел о закрытии молитвенных зданий – 148, жалоб религиозных обществ и служителей культа по разным запросам – 2044 и ответов на запросы Комиссии – 490». Если сложить три указанных числа, то получится 2682. Именно столько заявлений поступило в Комиссию в I квартале 1936 г. Из общего числа автор Записки вычел 490 – число «ответов на запросы Комиссии» и 148 – число дел о закрытии молитвенных зданий⁴³⁶.

Темы оставшихся 2044 обращений распределялись следующим образом (таблица 9):

⁴³⁴ ЦИКС – Центральный исполнительный комитет Союза <ССР>. В некоторых случаях замена аббревиатуре ВЦИК.

⁴³⁵ Докладная записка председателя Комиссии по вопросам культов П.А. Красикова во ВЦИК. 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 85–89.

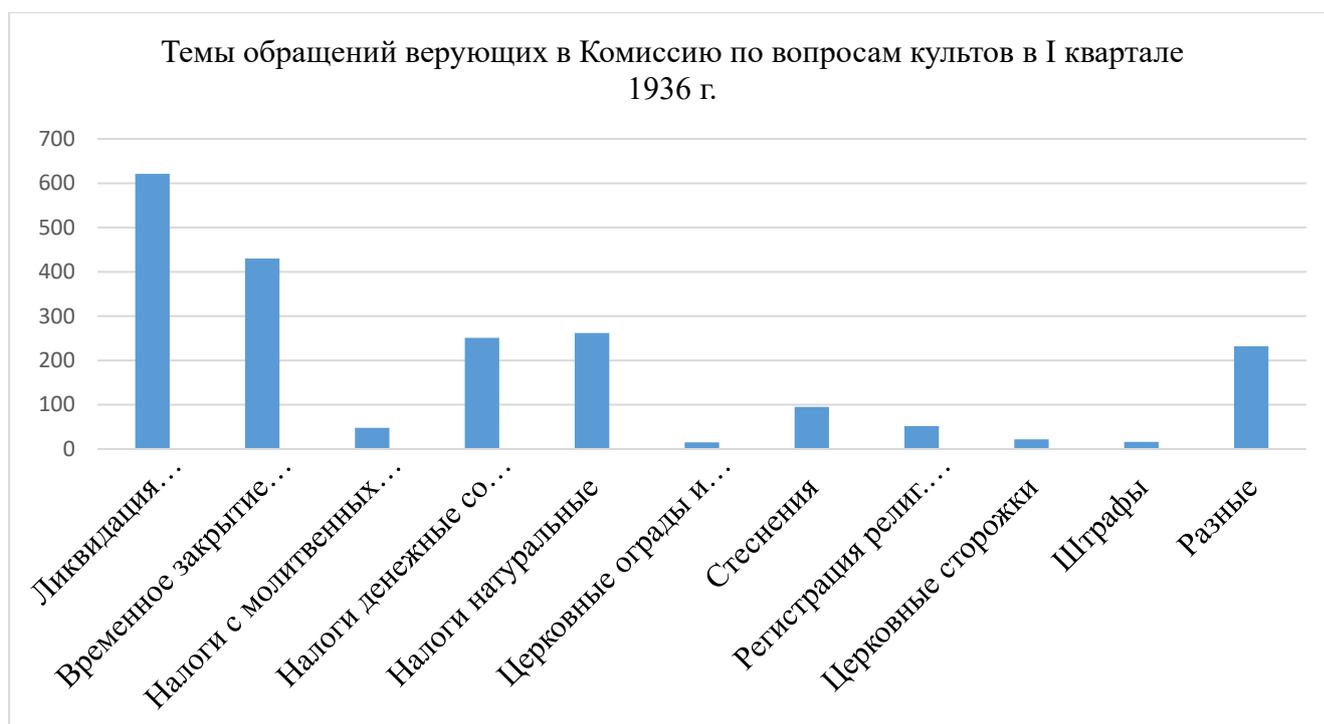
⁴³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 87.

Таблица 9

Ликвидация молитвенных зданий	621
Временное закрытие молитвенных зданий	430
Налоги с молитвенных зданий	48
Налоги денежные со служителей культа	251
Налоги натуральные	262
Церковные ограды и кладбища	15
Стеснения	95
Регистрация религ. обществ и служителей культа	52
Церковные сторожки	22
Штрафы	16
Разные	232

Эти же данные наглядно представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2

Приведенные цифры показывают, что главной темой заявлений стали вопросы, связанные с закрытием храмов: из 2044 заявлений 1051 (51,4%) касалось этой темы. Мы вполне обоснованно объединяем 621 запрос «о ликвидации

молитвенных зданий» с 430 запросами, полное название которых звучит так: «Временное закрытие молитвенных зданий /ремонт, засыпка хлебом, задолженность по налогам, эпидемические заболевания и друг./», так как по сути речь в них идет об одном и том же: о закрытии храма, просто, во втором случае это закрытие лукаво называют «временным». Об этом лукавстве будет сказано ниже.

На втором месте, со значительным отрывом, следует группа вопросов, связанных с налогообложением храмов и служителей культа. Совокупно по этой теме в рассматриваемый период было подано 561 (48+251+262) заявление, то есть 27% от общего числа. На третьем месте оказалась группа вопросов, вошедших в категорию «разное»: «Разные /колокола и колокольный звон, молебны, кража церковных ценностей и друг. /»⁴³⁷.

Сведения, приведенные в Докладной записке председателя Комиссии по вопросам культов, выразительно свидетельствуют о том, что в начале 1936 г. волновало верующих более всего: свершившийся факт закрытия храма и перспектива этого закрытия.

Кроме того, уместно будет сделать предположение, что фактическое число заявлений по вопросам закрытия храмов можно еще увеличить за счет 148 дел, поступивших в Комиссию в начале 1936 г., которые автором записки не были включены в число рассматриваемых по темам. Дело в том, что такие дела, как правило, содержали многочисленные ходатайства прихожан в защиту своих предполагаемых к закрытию храмов. Ниже будут подробно описаны обстоятельства закрытия трех приходских храмов Ухтомского района Московской области – Преображенского в Люберцах, Владимирского в Краскове и Преображенского в Коренева, и во всех трех делах сохранились упомянутые ходатайства. Эти храмы были закрыты в 1934 и 1935 гг., но структура дел, поступавших на рассмотрение Комиссии по вопросам культов в I квартале 1936 г., была аналогичной, и дела о закрытии храмов поступали вместе с этими ходатайствами. В рассматриваемой Докладной записке они не учитывались, мы не

---

⁴³⁷ Докладная записка председателя Комиссии по вопросам культов П.А. Красикова во ВЦИК. 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 85–89.

знаем, сколько таких ходатайств-заявлений в них было. Но то, что они там были – несомненно.

В приведенной Записке была упомянута практика «временного» закрытия храмов по следующим причинам: ремонт, засыпка хлебом, задолженность по налогам, эпидемические заболевания и друг.⁴³⁸ Такая форма разрушения приходов имела место в начале 1930-х гг., что, с одной стороны, делало невозможным проведение в храме богослужений, а с другой – «не портило статистику», так как формально храм считался действовавшим, но лишь временно занятым под общественно-полезные нужды. Именно поэтому «временно закрытые» храмы и не учитывались в списках закрытых, что является еще одной существенной причиной недостоверности целого ряда статистических сводок.

В 1936 г. сотрудниками Комиссии по вопросам культов была проведена работа по определению соответствия законодательства о культе реальному положению дел в вопросах взаимодействия церковных приходов с местными администрациями. Результатом этой работы стала обширная аналитическая записка, составленная в конце 1936 г. и представленная в ЦИК СССР. Расшифруем все формы «временного закрытия» храмов на основании этого документа.

Первым в числе причин временного закрытия храма в Докладной записке П.А. Красикова во ВЦИК фигурирует ремонт. Механизм закрытия храма на этом основании выглядел следующим образом. Церковь признавалась «угрожающей обвалом», религиозному обществу предлагалось сделать ремонт в сроки, рассчитанные на невыполнение. Одновременно запрещалось производить сбор средств, а потом, после истечения срока, церковь закрывалась по причинам невыполнения ремонта⁴³⁹. Так сотрудники Комиссии по вопросам культа сами объясняют, очевидно, недобросовестную форму закрытия храма.

---

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Состояние религиозных организаций в СССР, их деятельность, отношение к проекту новой конституции, работа комиссии культов ЦИК СССР и практика проведения в жизнь законодательства о культах (составлено по материалам Комиссии культов ЦИК СССР на 1/IX 1936 года) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 39–83.

О том, как и в каких масштабах применялась эта схема в Московской области, свидетельствует Докладная записка ответственного секретаря местной Комиссии по вопросам культов при Президиуме Мособлисполкома к секретарю Московского обкома ВКП(б) Н.С. Хрущеву с отчетом о проделанной работе по закрытию храмов по причине несделанного ремонта. В ней говорилось, что за последние годы закрытие значительного количества церквей оформлялось на основании того, что общины верующих не выполняли взятых обязательств по ремонту здания церквей. Так, за 1936 г. из закрытых 150 церквей по Московской области до 25% закрыто ввиду невыполнения ремонта и отказа группы верующих от ремонта церквей. Сюда относятся районы: Старожиловский – с. Богданово, Загорский – с. Хотьково, Зарайский – г. Зарайск, Белевский – г. Белев, Пронский – с. Березово и т.д.⁴⁴⁰. При этом автор докладной записки сетует на то, что закрытие церквей по указанным выше мотивам в настоящее время в большинстве случаев активизирует церковников, которые организуют сборы денежных средств среди верующих, как в молитвенных зданиях, так и вне их⁴⁴¹.

Следующая причина «временного закрытия» храмов, указанная в Записке председателя Комиссии по вопросам культов, состоит в необходимости использования церковного здания для хранения зерна. Такой процесс назван «временной засыпкой хлеба». Этот вид временного, а на самом деле окончательного закрытия храмов использовался повсеместно. При этом сотрудники Комиссии подтверждают, что церкви часто засыпаются хлебом без необходимости в этом, только для того, чтобы «ликвидировать религию». Во многих местах засыпаются последние церкви в районах, а сроки, на которые берется церковь под хлеб, обыкновенно не выполняются. При этом за пользование храмом с религиозных обществ аккуратно взыскиваются все платежи, и, наконец,

---

⁴⁴⁰ Докладная записка от Комиссии по вопросам культов при Президиуме Мособлисполкома в Московский комитет ВКП(б) тов. Хрущеву Н.С. и в Мособлисполком тов. Хохлову И.С. б/д. 1936 г. // ГА РФ Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 32–34.

⁴⁴¹ Там же.

после засыпки церковь возвращается верующим в испорченном виде, культовое имущество обычно ломается и расхищается⁴⁴².

Закрытия храмов по причине переобложения налогами рассмотрены нами в IV главе. Здесь же отметим, что временные закрытия храмов на этом основании в ряде случаев становились причиной их окончательного закрытия, так как приход не был в состоянии собрать необходимые средства в отпущенный срок.

И наконец, последней причиной временного закрытия храма назывались эпидемиологические заболевания. На эту тему в Комиссию по вопросам культов поступало большое число жалоб, в которых верующие сетовали «на запрещение религиозных обрядов». При этом, как отмечалось в Докладной записке П.А. Красикова во ВЦИК, «когда запрещение действительно вызвано необходимостью, когда на все село, на все места общественного пользования наложен карантин, жалоб не бывает. Жалобы поступают тогда, когда закрывается только церковь, и обычно перед религиозными праздниками /общими и местными/»⁴⁴³.

В отличие от периода 1929–1933 гг., для которого сведения о закрытых и действующих храмах разнятся и численно оценить эти показатели можно лишь со значительными допущениями, по состоянию на 1 апреля 1936 г. такие данные по г. Москве и Московской области имеются (таблица 10).

---

⁴⁴² Там же. Л. 68.

⁴⁴³ Состояние религиозных организаций в СССР, их деятельность, отношение к проекту новой конституции, работа комиссии культов ЦИК СССР и практика проведения в жизнь законодательства о культах (составлено по материалам Комиссии культов ЦИК СССР на 1/IX 1936 года) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 71.

Таблица 10

О количестве молитвенных зданий и служителей культа по СССР на 1 апреля 1936 г.⁴⁴⁴

	Московская область (без г. Москвы)	г. Москва
Всего районов	132	
Было до революции:		
Церквей	3490	502
Старообрядческих моленных	192	35
Прочих молитвенных зданий	49	13
Всего	3731	551
Закрыто		
Под культ. цели	606	
Под склады	675	
Снесено		
Не используется	137	
Всего	1418	476
Не закрыты		
Функционируют	1993	75
Не функционируют	320	
Всего	2313	75
Количество служ. культа	2557	220

В таблице есть незаполненные поля. В оригинальном документе этот факт никак не объясняется, и можно предположить, что по этим позициям просто нет данных. Несмотря на то, что данные, приведенные в таблице, могут быть подвергнуты ревизии, так как вступают в противоречие с некоторыми другими сведениями, в целом на них следует ориентироваться, так как они представляют официальные сведения Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.

Данные таблицы свидетельствуют, что отношение действовавших храмов в Московской области в 1936 г. к числу храмов, существовавших здесь до революции, превышало норму, негласно определенную для этого показателя. Нормальным считалось, если в области действовало не более 33% храмов от

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 84–85.

общего числа дореволюционных⁴⁴⁵. В среднем по СССР в 1936 г. этот показатель равнялся 27%. В Москве действовавшими оставалось всего 13,6% храмов. Вероятно, это был один из «лучших» показателей, с точки зрения идеологов антирелигиозной политики, по СССР. Худшим, по признанию самих владимирцев, считался результат 61,6%, зафиксированный в тот же период во Владимирской области⁴⁴⁶. Это признание выглядит неожиданным, так как аналогичный показатель по Московской области, если высчитывать его как отношение незакрытых храмов к действовавшим до революции, будет еще «хуже»: 61,99%. Если же за основу брать не общее число незакрытых храмов, а лишь те, в которых продолжались богослужения (функционирующие), то результат будет чуть «лучше» – 53,4%, но по-прежнему весьма далеким от «нормы».

Приведенные подсчеты дают основания предполагать, что главный удар в направлении закрытия храмов в ближайшие годы должен был быть нанесен по тем регионам, где указанное соотношение не вписывалось в установленные показатели. Московская область оказывалась в этом смысле в первых рядах.

Стандартную процедуру закрытия храмов в Московской области в 1929–1936 гг. проиллюстрируем на примере трех приходов – Преображенского в Люберцах, Владимирского в Краскове и Преображенского в Кореневе, – расположенных в Ухтомском районе. Конечной целью закрытия перечисленных храмов являлось уничтожение приходской жизни не на отдельных участках, относившихся к приходам каждой церкви, а сразу на обширной территории, что может рассматриваться как своеобразная «зачистка» от «очагов религиозного дурмана» значительной части Ухтомского района Московской области. Все три храма закрывались по одному сценарию с интервалом в один год, причем документы свидетельствуют, что решение об их закрытии принималось заранее и, скорее всего, одновременно.

---

⁴⁴⁵ Докладная записка ответственного секретаря комиссии по вопросам культов Владимирской области Анисимова в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК СССР. 20 сентября 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 105.

⁴⁴⁶ Там же.

*Закрытие храма во имя Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. 1934 г.*⁴⁴⁷

Решение о закрытии Владимирского храма в Краскове было принято не позднее лета 1933 г. Именно тогда, согласно сохранившимся документам, началась кампания по обработке общественного мнения в направлении прекращения богослужений в Краскове. Одним из таких документов является протокол заседания Объединенного Пленума красковского сельского совета с общественными и административными организациями, состоявшегося 21 июля 1933 г. В повестке дня было всего два вопроса: «закрытие церкви» и «разное», что само по себе определяло основную цель организации всего заседания.

Постановление, принятое собранием, гласило, что ввиду неоднократных просьб со стороны рабочих, общественных, политических организаций о закрытии церкви и «нарушений внутреннего распорядка совхоза празднующейся публикой» церковь следует закрыть и просить Ухтомский Райисполком об утверждении принятого решения⁴⁴⁸.

Закрытие храма местные коммунисты решили приурочить к 16-й годовщине революции. Для этого 20 сентября 1933 г. была собрана инициативная «группа по закрытию Церкви⁴⁴⁹ села Красково» в составе 80 человек, которая постановила просить Ухтомский РИК и Мособлисполком «приурочить закрытие церкви к Октябрьским торжествам» с таким расчетом, чтобы обеспечить соответствующим переоборудованием церкви для открытия ее под клуб⁴⁵⁰.

Уже в 1933 г. основные направления перестройки храмового здания под клуб были определены, и разборка колокольни с замазыванием внутренней росписи предполагалась с самого начала. В самом храме предполагалось наличие курительной комнаты, а сцена должна была размещаться в алтаре главного

⁴⁴⁷ Никонов В.В., Семенов И.А., иер. Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренево и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. М., 2017. – С. 417–439.

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 17.

⁴⁴⁹ Так в документе.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 15.

придела. В первых числах октября 1933 г. Ухтомский РИК ходатайство о закрытии храма утвердил и направил дело в Мособлисполком.

Окончательная точка в судьбе храма была поставлена 10 мая 1934 г., когда Президиум ВЦИК утвердил постановление Мособлисполкома от 27 января о ликвидации Владимирской церкви в селе Красково Ухтомского района⁴⁵¹.

После закрытия храма в Краскове верующим предлагалось удовлетворять свои религиозные потребности в расположенном неподалеку Преображенском храме села Коренева, но, как будет показано ниже, уже тогда власти точно знали, что и Преображенский храм совсем скоро постигнет участь Владимирского.

Закрытие храма во имя Преображения Господня в Коренева. 1935 г.

Закрытие Преображенского храма в селе Коренева происходило по той же схеме, как и в соседнем Краскове⁴⁵². Сходство даже в мелочах свидетельствует о заранее спланированной и отработанной методе, с использованием которой прекратить богослужение в любом храме можно было в течение четырех – шести месяцев.

Как и в истории с Владимирским храмом, для борьбы с Преображенским был необходим «таран», при помощи которого храм мог быть закрыт по формальному признаку. Если в Краскове таким «тараном» был выбран незадолго до этого образованный местный совхоз, то в Коренева, где располагался известный научно-исследовательский институт картофелеводства – учреждение союзного значения, ничего лучше и искать было не надо. Оставалось лишь придумать причину, по которой храм и институт не могли бы сосуществовать в одном селе.

Подобно тому как в Краскове проблема была создана вокруг церковной земли, которая неожиданно оказалась собственностью совхоза, в Коренева конфликт интересов начался с того, что земля, принадлежавшая в течение нескольких веков Преображенскому храму, вместе с церковным зданием,

⁴⁵¹ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 284. Л. 26.

⁴⁵² Никонов В.В., Семенов И.А., иер. Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренева и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. М., 2017. – С. 440–482.

расположенным на ней, была передана Институту картофельного хозяйства (ИКХ), после чего все официальные бумаги, где на одной странице встречались бы храм и институт, стали содержать упоминание о том, что храм находится на территории института.

После того как выяснилось, что обе организации претендуют на одну и ту же землю, причины, по которым Преображенский храм должен был закрыться, стали возникать одна за другой. Первой проблемой стал колокольный звон, который, по мнению властей, а затем и сотрудников ИКХ (именно в такой последовательности), явился фактором, делавшим невозможной работу научных сотрудников. 23 августа 1934 г. состоялось общее собрание инженерно-технических работников ИКХ. На повестке дня (как и на аналогичном собрании в Краскове) значилось всего два вопроса: «о закрытии церкви» и «разное». Своим решением собрание потребовало от Ухтомского РИКа закрытия Преображенской церкви и устройства в ее здании клуба, так как в ИКХ нет надлежащего культурного очага⁴⁵³.

26 марта 1935 г. в Институте картофельного хозяйства состоялось совещание «треугольника»⁴⁵⁴, на котором обсуждался единственный вопрос: «О приносимом вреде научно-исследовательским опытам церковью, находящейся на территории Института Картофельного Хозяйства». Постановление, вынесенное «треугольником», содержало требование храм закрыть, а здание передать ИКХ для переоборудования под клуб. Мотивировка была прежней: храм и верующие мешают работе⁴⁵⁵. На этих основаниях Мособлисполком вынес постановление о закрытии Преображенского храма. Это произошло 11 июня 1935 г.⁴⁵⁶

Подобно тому как красковским прихожанам после закрытия Владимирской церкви было предложено пользоваться для удовлетворения своих религиозных потребностей ближайшей к ним Преображенской церковью в Коренева, теперь уже

---

⁴⁵³ ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 284. Л. 11.

⁴⁵⁴ Треугольник в советских учреждениях – совет, состоявший из трех человек: директора, парторга и профорга, или их заместителей.

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1404. Л. 11.

⁴⁵⁶ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1296. Л. 67.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1404. Л. 10.

кореневскому приходу предлагалось посещать для молитвы Петропавловский храм в Малаховке и Никольский в селе Милет. Но и это продолжалось недолго, ибо первый был закрыт в 1938 г., второй – в 1940 г.

Закрытие храма во имя Преображения Господня в Люберцах. 1936 г.

Преображенский храм в Люберцах был закрыт 31 июля 1936 г.⁴⁵⁷ В первых числах января 1936 г. по инициативе властей были организованы многочисленные собрания рабочих и служащих наиболее значимых люберецких предприятий, на которых принимались «единодушные» решения с требованием немедленно закрыть Преображенскую церковь.

В деле о закрытии люберецкого храма сохранилось множество протоколов собраний с выразительными резолюциями: «Просить Люберецкий Горсовет закрыть церковь, находящуюся на территории сада ГЛЗ и передать это здание н/заводу для использования его под дом физкультуры»⁴⁵⁸; «Ходатайствовать перед вышестоящими организациями о закрытии церкви и передаче Райсовету»⁴⁵⁹; Просить Горсиполком закрыть Люберецкую церковь, как ненужную, стоящую на культурной нашей площадке и использовать помещение на более культурные цели⁴⁶⁰; «Закрыть церковь и просить Горсовет помещение церкви предоставить для физкультурной работы коллективу рабочих, ИТР и служащих I комбината и всего завода»⁴⁶¹; «Обсудив вопрос, постановили предложить Парткому ходатайствовать перед Люберецким Горсоветом о закрытии церкви для культурных нужд рабочих

---

⁴⁵⁷ Постановление Президиума Облисполкома № 2200 от 31 июля 1936 г. о закрытии Преображенской церкви в г. Люберцах Московской области // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 42.

⁴⁵⁸ Протокол общего собрания служащих ППО от 4 января 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 59.

⁴⁵⁹ Протокол собрания пофгруппы расчетного отдела от 5/1-1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 59.

⁴⁶⁰ Протокол собрания рабочих коллектива 48 отд. смены Данилина от 5/1-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 60.

⁴⁶¹ Протокол общего собрания рабочих, ИТР и служащих 1 комб. ГЛЗ от 5/1-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 60.

нашего завода»⁴⁶²; «Немедленно закрыть и передать под ясли нашему заводу»⁴⁶³ и т.д. За закрытие храма высказалось подавляющее большинство трудовых коллективов. Предложений о том, как именно использовать освободившееся здание, было несколько, но чаще всего высказывались пожелания о передаче церковного здания под физкультурный зал, хотя были и иные предложения.

Однако в некоторых случаях полного единения в решении вопроса о закрытии люберецкого храма властям добиться не удалось, и в ряде подразделений не все голосовали единодушно. А такое подразделение завода, как Бюро учета, почти в полном составе высказалось против закрытия храма – ситуация, немислимая в те годы⁴⁶⁴.

В феврале 1936 г. в Президиуме Люберецкого горсовета состоялось заседание, на котором слушался вопрос о закрытии церкви по требованию рабочих и служащих, работающих на предприятиях и в учреждениях, и жителей города. Результатом стало постановление, в котором говорилось, что по требованию рабочих и служащих и жителей города, согласно представленным протоколам собраний, а также и подписям о закрытии церкви, а также при наличии в городе второй церкви предлагается церковь закрыть, «предназначив ее под культурное учреждение»⁴⁶⁵. В этом постановлении впервые озвучена мысль о том, что в Люберцах имеется еще одна действующая церковь и, следовательно, права верующих не будут ущемлены. Речь шла о Троицкой церкви, называемой еще Наташинской, в поселке им. Михельсона, незадолго до этого вошедшем в черту города. Этот храм был деревянным и небольшим по размеру, во всяком случае, не

---

⁴⁶² Протокол общего собрания рабочих I смены 38 отдела от 5/І-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 51.

⁴⁶³ Протокол общего собрания рабочих 34 цеха I смены от 5/І-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 48.

⁴⁶⁴ Протокол общего собрания ремонтного филиала группы Пегшина от 5/І-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 52.; Протокол общего собрания ТНВ от 6/І-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 57.; Протокол общего собрания сотрудников Бюро учета от 8/І-36 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 57.

⁴⁶⁵ Протокол заседания Президиума Люберецкого горсовета от 27 февраля 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 44.

сравнимым с Преображенским. И именно в нем власти предлагали молиться сотням, если не тысячам люберецких прихожан. Однако вскоре обнаружилась причина, по которой это оказалось невыполнимым. Предлагавшемуся объединению мешало то, что Преображенский храм в Люберцах был обновленческой ориентации, а Троицкий в Наташине – «тихоновской»⁴⁶⁶. Примечательным является тот факт, что «троицкие» прихожане были готовы «приютить» у себя «люберецких», но именно последние указывали на невозможность молиться в одних стенах со «староцерковниками».

31 июля 1936 г. вышло постановление Президиума Мособлисполкома, которым Преображенский храм в Люберцах официально признавался закрытым⁴⁶⁷. Вскоре он был уничтожен, а на его месте со временем выстроили стадион.

Таким образом, в течение 1934–1936 гг. на обширной территории, занимаемой городом Люберцы, селами Красково, Коренево и поселком Михельсон (Наташино), а также рядом деревень, было закрыто три храма из четырех. Троицкий храм в Наташине, несмотря на ряд попыток закрытия, избежал этой участи и в течение всего советского периода оставался единственным действовавшим на всю округу. Ближайшими к нему храмами, где продолжались богослужения, были Успенский в Вешняках и Троицкий в Удельной. Без действующих храмов осталась вся восточная часть района.

Третий период закрытия храмов в Московской области, согласно предлагаемому нами делению, начался одновременно с началом периода Большого террора, то есть с июля 1937 г. Проблема оценки числа закрытых храмов в этот период продолжает оставаться актуальной, так как официальных статистических сведений по этому вопросу, судя по всему, не существует, что и подтверждается различием приводимых ниже данных, полученных, как указывают сами исследователи, путем авторского подсчета.

---

⁴⁶⁶ Подробнее об этом см. § 2.3.

⁴⁶⁷ Постановление Президиума Московского областного исполнительного комитета Советов РК и КД от 31 июля 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 42.

Так, Д.В. Поспеловский вычислил, что в 1937–1939 гг. в СССР было закрыто 20 500 храмов⁴⁶⁸. М.В. Шкаровский в работе «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве» со ссылкой на работу прот. Владислава Цыпина⁴⁶⁹ утверждает, что в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей⁴⁷⁰. Далее М.В. Шкаровский указывает, что к 1939 г. Русская Православная Церковь как организационная структура в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. «Из примерно 37 тыс. православных храмов всех течений, действовавших на начало 1930 г., в 1938 г. оставалось формально незакрытыми 8 302 (в том числе 3903 на Украине и 3617 в РСФСР). Однако реально из них действовала лишь небольшая часть, следствием массовых репрессий стала острая нехватка духовенства»⁴⁷¹. Эти цифры, как видим, не согласуются с результатами вычислений Д.В. Поспеловского. Согласно подсчетам американского исследователя Г.Л. Фриза, к началу Второй мировой войны осталось лишь 400 приходов – примерно 1 процент всех церквей в стране в канун Первой мировой войны⁴⁷².

Еще более неожиданные результаты были получены М.И. Одинцовым, согласно которым в 1937 г. в «Комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР» поступило 359 дел о закрытии молитвенных зданий, из которых закрыть было решено всего 253⁴⁷³.

Очевидно, что все приводимые цифры имеют в своей основе различные исходные данные, но даже с этим допущением их сравнение дает совершенно отличные друг от друга результаты, что лишний раз подчеркивает сложность такого рода вычислений и неопределенные критерии оценки.

---

⁴⁶⁸ Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 277.

⁴⁶⁹ Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990 гг. М., 1994. С. 106.

⁴⁷⁰ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах М., 1999. С. 92.

⁴⁷¹ Там же. С. 98.

⁴⁷² Фриз Г.Л. Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940. Фрагмент 27.

⁴⁷³ Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953. М., 2014. С. 212.

Кроме того, как было показано выше, само понятие «закрытый храм», если его рассматривать в официальном смысле, то есть, закрытый соответствующим постановлением местного городского или областного совета, предполагало получение одного результата. Если же закрытым считать храм, в котором после ареста духовенства прекращались богослужения, результат будет иным. Что же касается попытки определения числа прекративших существование приходов, то эта задача может быть решена с еще большими допущениями.

Рассматривая обстоятельства закрытия храмов в первой половине 1930-х гг., мы отмечали, что временной лаг между прекращением богослужений в храме и его официальным закрытием мог составлять период от нескольких месяцев до двух и даже трех лет. Для храмов, закрывавшихся в период Большого террора, этот временной промежуток иногда увеличивался еще больше и в ряде случаев достигал десяти и даже пятнадцати лет, что являлось следствием специфики администрирования приходской жизни в 1937–1938 гг.

Если до июля 1937 г. (принятой даты начала периода Большого террора) основанием для закрытия храмов являлась воля группы граждан, выраженная в виде коллективных писем или протоколов заседаний трудовых коллективов, то начиная с лета 1937 г. таким основанием становится, как правило, фактическое прекращение богослужений, обусловленное физическим отсутствием духовенства. Логика властей была простой: поскольку богослужения в храме не проводятся, верующим он не нужен, что, в свою очередь, является вполне достаточной причиной для его закрытия. Вопрос о том, что духовенство не по своей воле оставило служение, а было арестовано, часто в полном составе вместе с церковнослужителями и даже членами церковных советов, по понятным причинам не поднимался⁴⁷⁴.

Представляется уместным допустить, что одной из причин активизации усилий, предпринимаемых властями в направлении прекращения деятельности церковных приходов в 1937–1938 гг., стали периодически появлявшиеся сведения

---

⁴⁷⁴ В настоящем параграфе мы не будем касаться обстоятельств репрессий в отношении приходского духовенства. Этому посвящена глава III.

об объединении в условиях нараставших антирелигиозных гонений религиозных обществ и групп некоторых христианских конфессий и даже различных вероисповеданий, таких как, например, православие и ислам⁴⁷⁵.

Сближение несколько иного рода, но, несомненно, произошедшее ввиду опасности, исходившей от общего врага, которым для Церкви являлась советская власть с ее антирелигиозной политикой, имело место в Георгиевском приходе села Игнатьева Раменского района Московской области. Здесь располагались сразу два храма, оба освященные во имя великомученика Георгия Победоносца, – поздний каменный и старый деревянный. Каменный храм был построен в 1863 г. по причине того, что для стремительно увеличивавшегося прихода прежний деревянный, выстроенный еще в XVIII в., стал недостаточно просторным. Богослужения в старом храме прекратились, но до его разборки дело не дошло, и он простоял вплоть до 1950-х гг. Восточная часть Подмосковья издавна была плотно заселена старообрядцами, которые также страдали от гонений со стороны властей. В середине 1930-х гг. местные древлеправославные христиане были лишены своих моленных, и прихожане нового Георгиевского храма предоставили им возможность молиться в старом⁴⁷⁶. Официальной причиной называлось то, что для игнатьевских прихожан было слишком обременительным содержать оба храма, а при передаче деревянного старообрядцам, обязанность по его содержанию перекладывалась на них. Возможно, такие соображения имели под собой некоторые основания, но это не уменьшает значения описанного события, не имевшего аналогов за долгую историю сосуществования обоих православных церквей на территории Подмосковья. Этот факт, разумеется, властям был известен, но решительных мер сразу принято не было, и столь необычное сближение имело место в течение нескольких лет.

---

⁴⁷⁵ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 227–228.

⁴⁷⁶ Толмачева И.А. Храм великомученика Георгия Победоносца села Игнатьева. Исторический очерк. Гжель., 2017. С. 169–170.

Приведенные факты, относящиеся к различным регионам СССР, позволяют говорить об имевшей место тенденции консолидации верующих, которая не могла оставаться без внимания властей, всеми силами стремившихся создать раскол в их среде.

Говорить о сколь-нибудь достоверном числе расформированных приходов в период Большого террора в СССР в целом или в каком-то отдельном регионе (Москва и Московская область) не приходится, так как даже если бы исследователи располагали точными данными о числе закрытых официально храмов, то и эта цифра не дала бы ответа на поставленный вопрос.

Механизм закрытия храмов на территории Московской области в период Большого террора рассмотрим на некоторых типичных примерах.

Наиболее характерным для 1937–1938 гг. способом закрытия храма был способ, реализованный при закрытии Владимирской церкви в подмосковном селе Быкове⁴⁷⁷. Формально, в соответствии с Постановлением Президиума Мособлисполкома «О закрытии церкви в селе Быкове», храм был закрыт 13 мая 1938 г.⁴⁷⁸ Между тем службы здесь прекратились с ноября 1937 г., когда в течение нескольких дней были арестованы все причетники, староста и некоторые члены церковного совета – всего восемь человек.

Быковский храм, таким образом, остался не просто лишенным священнослужителей, которые могли бы продолжить служение, но и актива прихожан, ответственных за его имущество. Несмотря на попытки автора путем архивных изысканий и интервьюирования местных жителей выяснить состояние храма в период между арестами духовенства и официальным закрытием, до сих пор остается неизвестным, был ли он физически закрыт или все это время простоял с незапертыми дверями.

Впоследствии, уже после 1943 г., верующие села Быкова обращались с просьбами об открытии Владимирской церкви: в 1944 г. четыре раза, в 1945 г. один

---

⁴⁷⁷ Никонов В.В., Толмачева И.А. Владимирская церковь в Быкове. В 2 томах. Т. 2. М., 2018. С. 37–41.

⁴⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1716. Л. 117.

раз, в 1946 г. три раза⁴⁷⁹, но все они отклонялись, и храм был передан Церкви лишь в конце 1980-х гг.

Такой же сценарий был реализован со многими храмами Московской области: Вознесенским в селе Теряеве⁴⁸⁰, Ильинским в селе Ильинском⁴⁸¹, Троицким села Новлянского⁴⁸² Волоколамского района; Михаило-Архангельским в селе Константинове⁴⁸³ и Троицким в городе Раменском Раменского района; Никольским в селе Никульском⁴⁸⁴ и Сретенском села Константинова⁴⁸⁵ Константиновского (позже – Загорского) района и пр.

В некоторых случаях после ареста причта в храме богослужения полностью не прекращались, а проводились священнослужителями соседних приходов. Отметим, что для такого служения требовалось незаурядное мужество. Нечастые службы проводились духовенством Вознесенского храма села Речицы в соседнем Успенском храме села Гжель, последнего священника которого, протоиерея Леонтия Гримальского, арестовали в самом начале 1938 г. Редкие богослужения в Успенском храме продолжались почти три года⁴⁸⁶. Только в 1940 г. под предлогом того, что церковь находилась без надзора, а община верующих распалась, ее разрешили закрыть, а здание использовать под культурные цели⁴⁸⁷. При этом властям, несомненно, было известно, что община верующих не распадалась, а продолжала следить за храмом, обслуживать его и даже платить налоги.

Сельские храмы в большинстве своем были однокомплектными. Арест

⁴⁷⁹ Сведения о поступивших ходатайствах об открытии церковей на территории Московской области за 1943, 1944, 1945 и 1946 гг. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 73. об.

⁴⁸⁰ Пенэжко О.Г., прот. Город Волоколамск и храмы Волоколамского, Лотошинского и Шаховского районов. Владимир, 2008. С. 233.

⁴⁸¹ Там же. С. 330.

⁴⁸² Там же. С. 409.

⁴⁸³ Никонов В.В., Новак В.Н., иер. История храма во имя Архистратига Михаила и села Константиново Раменского района Московской области. М., 2014. С. 220.

⁴⁸⁴ Пенэжко О.Г., прот. Храмы Сергиево-Посадского благочиния. Владимир, 2007. С. 255

⁴⁸⁵ Там же. С. 253

⁴⁸⁶ Никонов В.В., Толмачева И.А. Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. Гжель, 2011. С. 127, 128.

⁴⁸⁷ Постановление Президиума Мособлисполкома о закрытии церкви в с. Гжель. 1940 г. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2014. Л. 109.

настоятеля почти наверняка означал прекращение храмовой молитвы. Далеко не всегда находилась возможность приглашать для устройства богослужений священников соседних храмов, как это удалось в гжельском Успенском приходе. Но и здесь были исключения. Документы свидетельствуют, что в тех приходах, где имелась сплоченная община и церковный совет, во главе которого стояли мужественные люди, храм достаточно долго не закрывался, а прихожане сами проводили богослужения так называемым «мирянским чином». Иногда, если храм не передавался государству какое-то время, это оказывалось возможным, так как ключи от храма оставались у старосты, а если он подвергался аресту, то у кого-то из членов приходского совета, и доступ в церковное здание у прихожан имелся. Они в храме убирались, производили необходимый ремонт и исправно платили за него налоги, то есть делали все, чтобы в случае, если власти позволят церковноначалию определить к ним священника, никаких нарушений законодательства, препятствовавших регистрации прихода, выявить было невозможно.

Такая ситуация сложилась в Покровском приходе села Осеченки, где после ареста настоятеля община не только взяла на себя содержание церковного здания, но даже проводила в нем молебны. Старостой храма была Екатерина Сергеевна Бузинова, с сыном которой – Василием Павловичем – автор беседовал в 2012 г. По его словам, Е.С. Бузинова насколько могла поддерживала духовную жизнь в Осеченках. Она все время была при храме, ключи от которого хранила у себя. Прекрасно зная богослужебный устав, она «организовывала молебны и, – утверждал В.П. Бузинов, – сама была как бы в роли священника, хотя и говорила, что в алтарь ей входить не положено. Тем не менее, в храме собирались верующие, очень хорошо пели»⁴⁸⁸. Несколько неправдоподобным представляется свидетельство В.П. Бузинова о том, что, когда власти решили закрыть храм официально и потребовали от Е.С. Бузиновой передать им ключи, она якобы сказала, что их потеряла, и храм закрывать не стали. Разумеется, что это скорее

---

⁴⁸⁸ Интервью с В.П. Бузиновым 18 июня 2012 г.

всего легенда, но с легендами такого рода, связанными с историей других храмов, автору при интервьюировании местных жителей доводилось встречаться неоднократно.

Еще дальше, не будучи закрытым, находился без духовенства Воскресенский храм села Ашиткова Виноградовского района Московской области. Богослужения здесь прекратились с 1 января 1938 г. Известно имя последнего настоятеля, служение которого завершилось 31 декабря 1937 г. Им был протоиерей Леонид Николаевич Ржецкий⁴⁸⁹. Дата окончания его служения позволяет предполагать арест, однако, насколько можно судить по архивным документам и базам данных, репрессирован он не был. Кто сменил его на должности настоятеля Воскресенского храма, неизвестно. Это дает определенные основания для того, чтобы предположить, что власти имели намерение закрыть храм именно в 1938 г., но по каким-то причинам оформлять этот факт соответствующим постановлением Мособлсовета не стали. Таким образом, богослужения в Воскресенском храме фактически прекратились с 1938 г., но формальное закрытие, если оно вообще было оформлено официально, состоялось позднее, причем не ранее 1953 г.

Основание для такого заключения дают сведения о прошениях верующих села Ашиткова об открытии храма. Оказалось, что в 1945 г. таких прошений было подано 4 и еще одно – в 1946 г. Всего под этими пятью ходатайствами подписалось 120 чел⁴⁹⁰. После сводной, по всей Московской области, таблицы в очередном отчете уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина содержались более или менее подробные справки о том, как ситуация развивалась в тех приходах, где просители проявляли особенную настойчивость. К таковым относились и жители села Ашиткова и окрестных деревень, которые настойчиво продолжали возбуждать ходатайства об открытии их храма⁴⁹¹.

---

⁴⁸⁹ Суслов А.А., Фролов А.Н. Очерки истории Воскресенского края. М., 2014. С. 354.

⁴⁹⁰ Сведения о поступивших ходатайствах об открытии церквей на территории Московской области за 1943, 1944, 1945 и 1946 гг. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 66 об.

⁴⁹¹ Там же. Л. 84.

Согласно сохранившимся документам, в 1947 г. Воскресенский храм в Ашиткове официально закрыт не был, ключи по-прежнему находились у приходского актива, а прихожане имели возможность в храме убираться и даже производить мелкий ремонт. Но и эта дата не была окончательной в затянувшемся периоде неопределенного положения ашитковской церкви. Храм оставался незакрытым еще не менее пяти лет, о чем имеются свидетельства⁴⁹². То есть храм хотя и не имел священника, находился в распоряжении прихода в течение 15 лет после ареста последнего настоятеля.

Этот пример, являясь иллюстрацией функционирования приходов после ареста всех священнослужителей, отличается от прочих лишь продолжительностью периода между прекращением богослужений и официальным закрытием храма и в этом смысле может считаться случаем уникальным.

Несмотря на то что после окончания периода Большого террора наступает ослабление политических гонений на Церковь и количество фактических закрытий храмов сокращается, число официально закрываемых храмов по Московской области, напротив, увеличивается. Ниже приведены таблица 11 и график 1, на котором это хорошо видно. Такой на первый взгляд парадокс и является следствием наличия временного лага между моментом прекращения богослужений в храме и датой принятия постановления о его закрытии. Вследствие указанной причины годом, когда в Московской области было официально закрыто наибольшее число храмов, стал 1941 г. В этом году было вынесено 241 постановление о закрытиях. Это самый высокий показатель за всю историю антицерковной политики в СССР. Предыдущий «рекорд» был поставлен в 1934 г., когда было закрыто 224 храма.

Как было показано выше на примере ряда подмосковных храмов (Преображенский в Белоомуте, Борисоглебский в Раменском, Успенский в Гжели, Михаило-Архангельский в Бронницах и др.), фактическое прекращение

---

⁴⁹² Письмо А.М. Шкуренкова К.Е. Ворошилову об открытии Воскресенского храма в с. Ашиткове. 9 мая 1953 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Л. 3. Д. 8. Л. 148.

богослужений не всегда совпадало по времени с датой официального закрытия того или иного храма. В ряде случаев разрыв между этими двумя событиями составлял несколько лет. Это обстоятельство необходимо учитывать при интерпретации статистических данных о распределении по годам постановлений Мособлсовета о закрытии храмов. Иными словами, приводимые сведения не показывают, что, например, в 1934 г. на территории Московской области было закрыто 224 храма. Они показывают, что в 1934 г. Президиум Мособлсовета утвердил 224 таких решения, а сколько из них стали недействующими в этом году – неизвестно.

Таблица 11

Статистика закрытия храмов Московской области по датам решений Мособлсовета приведена в таблице 12⁴⁹³.

Год	Число закрытых храмов
1929	57
1930	118
1931	130
1932	91
1933	202
1934	224
1935	155
1936	131
1937	37
1938	114
1939	69
1940	165
1941	241
1949	1
1953	1

⁴⁹³ Подчитано автором на основании «Перечня решений Мособлисполкома за 1929–1991 гг. о закрытии церквей Московской области», составленного зав. отделом ЦГАМО И.В. Рыжовой и научным сотрудником ЦГАМО Т.И. Черешневой по материалам Ф. 2157 (Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, г. Москва 01.10.1929–15.12. 1993).

Статистика закрытия храмов Московской области по датам решений Мособлсовета

После встречи И.В. Сталина с тремя митрополитами Православной российской церкви в сентябре 1943 г. государственно-церковные отношения в СССР подверглись изменениям. Относительно причин, по которым И.В. Сталин принял решение об этом, у историков нет однозначного мнения, но почти все сходятся в том, что одной из них стало массовое открытие немцами церквей на оккупированных территориях. Разумеется, возобновляя богослужения в закрытых перед войной храмах, нацисты преследовали цели, далекие от идей восстановления социальной справедливости и возвращения Церкви подобающего ей места в обществе, но факт остается фактом: храмы немцы открывали повсеместно. О том, какого масштаба достигало это явление, свидетельствует секретная справка Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР «О действующих и недействующих храмах по областям и республикам СССР и об открытии новых церквей» от 31 октября 1945 г. В ней отмечалось: «На октябрь месяц 1943 г. ко дню образования Совета по делам русской православной церкви⁴⁹⁴ действующих православных церквей на территории Союза было — 9 829. Из них открыто

⁴⁹⁴ Здесь и далее: в большинстве официальных документов 1943–1945 гг. Совета по делам Русской Православной Церкви полное ее наименование указано со строчных букв. Периодическое написание с прописных наблюдается лишь с 1946 г.

немцами в период оккупации нашей территории примерно 6500 церквей»⁴⁹⁵. Иными словами, немцы на оккупированной территории открыли в два раза больше храмов, чем их было на всей территории СССР к началу войны.

Таким образом, организация Совета по делам РПЦ была обусловлена в том числе необходимостью решать вопрос с действовавшими на недавно освобожденных территориях храмами. Эта задача возлагалась на руководство Совета, которое действовало через своих уполномоченных на местах. Очевидно, что храмы вновь закрывать было невозможно, следовательно, требовалось их фактический статус закрепить официально⁴⁹⁶. В марте 1944 г. всем уполномоченным Совета было разослано письмо, в котором содержалась инструкция, где говорилось, что в районах, освобожденных от немецкой оккупации, где имеются незарегистрированные церкви и молитвенные дома, открытые в период оккупации, уполномоченному необходимо приступить к постепенной регистрации таких «фактически существующих церквей и молитвенных домов, а также духовенства, причем функционирование их в период регистрации прекращаться не должно»⁴⁹⁷. Инструкция была секретной, и ее содержание должно было сохраняться в тайне от духовенства и верующих⁴⁹⁸. Следует отметить, что факт подтверждения статуса действующих для храмов, открытых немцами, после освобождения оккупированных территорий, несомненно, стал достоянием общественности и, как будет показано ниже, в значительной степени давал надежду на открытие храмов вообще.

---

⁴⁹⁵ Справка Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР «О действующих и недействующих храмах по областям и республикам СССР и об открытии новых церквей». 31 октября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 499. Л. 37–41.

⁴⁹⁶ Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник ЧелГУ. 2008. № 15. С. 138–149.

⁴⁹⁷ Сопроводительное письмо к Инструкции Совета для уполномоченных по делам церкви при СНК республик и обл(край)исполкомах. 4 марта 1944 г. // Государственный архив Сумской области. Ф. Р-2196. Оп. 12. Д. 1. Л. 7. Цит. по: Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов. М., 2019. – С. 254–255.

⁴⁹⁸ Там же.

Согласно внутренним документам Совета по делам Русской православной церкви, процесс открытия храмов в Москве и Московской области начался уже в первые годы войны, то есть еще до образования Совета осенью 1943 г., причем не только на оккупированных и освобожденных территориях. В докладной записке «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области», составленной уполномоченным Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушиным 1 августа 1944 г., сообщается, что до начала Великой Отечественной войны в г. Москве и области действовало 136 церквей. Увеличение действующих церквей произошло еще до 8 октября 1943 года, когда исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся по ходатайству групп верующих разрешили открывать недействующие церкви. Так, например, в Михневском⁴⁹⁹ районе открыто 3 церкви, в Павлово-Посадском – 3, в Михайловском⁵⁰⁰ – 3, Дмитровском – 2, Раменском – 3 и т.д., а всего в области за период войны открыто 44 церкви⁵⁰¹.

Интересным представляется распределение незакрытых храмов между районами Подмосковья. Согласно отчету А.А. Трушина 1944 г., наибольшее число действовавших храмов – четырнадцать – оказалось в Раменском районе⁵⁰². Вторым по численности открытых храмов после Раменского района стал Щелковский, где действовало 9 приходов. В остальных районах храмов было значительно меньше, а в 23 подмосковных районах церквей не осталось совсем. Следовательно, в

---

⁴⁹⁹ В 1959 г. Михневский район был упразднен, а его территория была разделена между Ступинским и Подольским районами Московской области. См.: Справочник по административно-территориальному делению Московской области. 1929–2004 гг. М., 2011 (далее: Справочник). С. 346.

⁵⁰⁰ В 1946 г. Михайловский район Московской области был переведен в состав Рязанской области. См.: Справочник С. 340.

⁵⁰¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.

⁵⁰² Эти храмы, согласно перечню Совета по делам РПЦ 1945 г., располагались в селах: Игумнове, Удельной, Малышеве, Строкине, Красной слободе (Зеленая слобода), Жилине (село входило в состав Раменского района), Мячкове, Михайловской слободе, Малахове, Кривцах, Речицах, Игнатъеве, Загорнове и Петровском (ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 16).

Раменском районе было открыто около 10% всех действовавших храмов Подмосковья, что выделяло его среди остальных⁵⁰³. В том же отчете указывалось, что в Раменском районе находится 21 недействующий храм и все эти церкви заняты под хозяйственные и культурные нужды.

Помимо количества храмов, в которых в начале 1944 г. продолжались богослужения, представляет интерес соотношение числа действовавших церквей и закрытых, а также отношение числа последних к числу «занятых под хозяйственные и культурные цели». В апрельском отчете 1944 г. такие данные имеются только по Московской области: в соответствующих столбцах по г. Москве указано: «нет сведений»⁵⁰⁴. Эти цифры наиболее выразительно свидетельствуют об антицерковной политике советской власти, проводившейся с 1918 по 1943 г. Приведем некоторые данные:

Бронницкий район – действующих храмов нет, закрытых – 32, из которых заняты под хозяйственные и культурные нужды – 26.

Дмитровский район – действующих храмов 7, закрытых – 44, занятых – 26.

Загорский (Сергиево-Посадский) – действующих храмов 1, закрытых – 47, занятых – 41.

Зарайский – действующих храмов 2, закрытых – 43, занятых – 43.

Куровской – действующих храмов 1, закрытых – 54, занятых – 53.

Михневский – действующих храмов 2, закрытых – 40, занятых – 25.

Подольский – действующих храмов 1, закрытых – 28, занятых – 20⁵⁰⁵.

⁵⁰³ Никонов В.В., Новак В.Н., иер. История храма во имя архистратига Михаила и села Константиново Раменского района Московской области. М., 2014. С. 239.

⁵⁰⁴ Сведения о числе закрытых храмов в г. Москве впервые в отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области появляются 16 апреля 1945 г. В отчете отмечено, что при 30 действующих храмах в Москве число закрытых составляет 134. (Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также недействующих церковных зданиях русской православной церкви по гор. Москве на 1-е апреля 1945 года // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 7, 7 об.)

⁵⁰⁵ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области. 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 13.

Следует отметить, что размещение в здании закрытого храма каких-либо советских учреждений в ряде случаев может рассматриваться как обстоятельство, положительно сказавшееся на судьбе строения. Не подвергая сомнению, что использование храмового здания для любых целей, исключая молитвенные, является недопустимым святотатством, однако, прослеживая истории ряда храмов Подмосковья, закрытых в довоенный период и не занятых под «хозяйственные и культурные нужды», приходится признать, что многие из них дошли до начала 1990-х гг., когда начался процесс массовой передачи их Церкви, в руинированном состоянии, а некоторые к тому времени не сохранились даже в руинах. Что же касается оскверненных, но не брошенных советской властью церковных зданий, то они в большинстве своем пусть в изуродованном виде, но сохранились и после значительных реставрационных работ вновь приняли прежний облик.

Весть о том, что общий вектор церковно-государственных отношений изменился, распространилась молниеносно, и верующие, долгие годы тосковавшие по своим храмам, обрели надежду, что и их приходы вскоре будут восстановлены. Однако, несмотря на то что в ноябре 1943 г. Совнарком СССР принял постановление № 1325 «О порядке открытия церквей»⁵⁰⁶, определявшее порядок возвращения храмов Церкви, открывать их на территориях, которые не были оккупированы, власти готовности не проявляли. Незадолго до этого в личной беседе с Г.Г. Карповым В.М. Молотов признал, что открывать церкви придется, но без спешки. Его практические указания свелись к тому, что не следует пока давать никаких разрешений на открытие церквей, а по имеющимся в Совете заявлениям все подробно выяснить, «узнать мнение патриарха и затем представить правительству письмо, в котором показать обстановку и свои предложения». В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы⁵⁰⁷.

---

⁵⁰⁶ Постановление СНК СССР № 1325 «О порядке открытия церквей». 28 ноября 1943 г. // ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25–26.

⁵⁰⁷ Одинцов М.И. Патриарх Сергей. М., 2013. С. 365.

Но в многочисленных закрытых приходах этого не знали, и во вновь образованный Совет по делам РПЦ потоком пошли ходатайства с просьбой об открытии храмов, причем в значительной части эти ходатайства не доверяли почте, а привозили самостоятельно. Сведения о том, насколько массовым стал этот процесс в Москве и Московской области уже в первые месяцы 1944 г., содержатся в докладной А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову. Он отмечал, что по состоянию на 1 апреля 1944 г., в Мосгорисполком и Исполком Мособлсовета поступило 208 заявлений об открытии церквей, в числе которых 201 заявление было по районам Московской области и 7 по городу Москве. Рассмотрено 115 заявлений, из них по 112 заявлениям ходатайство верующих решением Исполкома Мособлсовета отклонено, а по 3 заявлениям были написаны заключения на открытие и направлены в Совет, который постановлением от 28/II-44 г. разрешил открыть храмы. Решение Совета об открытии трех церквей в Московской области было одобрено СНК СССР⁵⁰⁸.

В этом же документе имеются важные сведения о ряде случаев самовольного проведения богослужений в некоторых храмах Подмосковья: «В сентябре месяце 1943 года группа верующих незаконно открыла церковь в с. Киясове Михневского района, а со стороны Исполкома Райсовета своевременно не были приняты необходимые меры, таким образом, недействующая церковь с 1939 г., вновь стала функционировать»⁵⁰⁹. Следует обратить внимание на дату самовольного «незаконного открытия» церкви – сентябрь 1943 г. Вполне уместным будет предположить, что эта дата неслучайна и причиной такого самоволия стало известие о встрече И.В. Сталина с митрополитами, своеобразно понятое киясовскими верующими.

Наше предположение подтверждается еще одним случаем, нашедшим отражение в докладной записке А.А. Трушина, связанным с не просто

---

⁵⁰⁸ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 9.

самовольным открытием храма в селе Селенском Высоковского района⁵¹⁰ бывшим председателем церковного совета, но и приглашением им для богослужений незарегистрированного священника. При регистрации священника было установлено, что данная церковь значится недействующей, а группа верующих только еще ходатайствует о ее открытии⁵¹¹. Здесь мы уже имеем дело с очевидной попыткой оформить статус действующего храма по факту его состоявшегося прежде открытия, подобно тому как предполагалось поступать с храмами, открывавшимися немцами на оккупированных территориях. Схема действий местного церковного Совета практически не допускает возможности иного толкования. Кроме того, обращает на себя внимание время фактического возобновления богослужений – это вновь сентябрь 1943 г.

Отмечает в своей докладной записке А.А. Трушин и факты прямого нарушения законов и постановлений Правительства СССР. Эти факты можно условно разделить на две категории. К первой относились разрешения местных властей на проведение богослужений в официально закрытых храмах, как это произошло, например, в селе Иванисове, где в недействующей церкви Ногинский райисполком разрешил проводить службу на Рождество 1944 г. Такая же недопустимая поправка была зафиксирована и в селе Язвищи Волоколамского района. Ко второй категории можно отнести нарушения иного рода, когда местные власти позволяли себе излишне открытые и деловые формы общения с верующими. Так, Виноградовский районный исполком, отклонив на законных основаниях ходатайство прихожан села Ванилова об открытии церкви, выдал представителям верующих на руки подробную выписку о своем решении. Между тем инструкции запрещали вступать в подобные отношения с верующими, следовало лишь ограничиться короткой констатацией отказа в просимом. Еще более серьезным нарушением, по мнению А.А. Трушина, являлись неоднократно зафиксированные

---

⁵¹⁰ В 1957 г. Высоковский район был упразднен, а его территория передана Клинскому району Московской области. См.: Справочник. С. 100.

⁵¹¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

факты предложений верующим со стороны местных властей в ответ на ходатайства об открытии храмов осуществить в церковных зданиях необходимый ремонт. Так, например, произошло в селе Плетениха Раменского района и в селе Махра⁵¹² Константиновского района⁵¹³. Получив такое предложение, несмотря на тяжелейшее материальное положение, прихожане полностью отремонтировали храмы и на этом основании вполне законно требовали их открытия. Местные органы власти благодаря самоуправству попадали в неловкое положение, тем более что для открытия храма одного ремонта было недостаточно.

Докладную записку в качестве приложения сопровождала таблица, содержащая статистические сведения о действовавших храмах в Москве и области. Согласно этим данным, всего в регионе действовало 177 храмов, из которых 30 находилось в Москве и 147 – в области. В таблице упоминались и те три храма, которые, согласно записке, были открыты в самом начале 1944 г. Они располагались в Виноградовском (ныне – Воскресенский), Коломенском и Малинском (ныне – в основном Ступинский) районах. При этом закрытых храмов в Москве и области насчитывалось 1326, из которых 994 были заняты для хозяйственных и культурных целей⁵¹⁴.

Начиная с апреля 1944 г. докладные записки всех уполномоченных Совета по делам РПЦ становятся ежеквартальными, благодаря чему можно наблюдать процессы, происходившие в сфере противостояния властей настойчивым прошениям верующих об открытии храмов.

В июльской 1944 г. Докладной записке Г.Г. Карпову уполномоченный Совета по Москве и Московской области А.А. Трушин писал, что с 1 апреля по 1 июня в Мосгорисполком и Исполком Мособлсовета поступило 40 новых заявлений об открытии церквей, из которых 38 заявлений по районам Московской области и 2 –

---

⁵¹² Там же. Л. 11.

⁵¹³ В 1957 г. Константиновский район был упразднен, а его территория была передана Загорскому району Московской области. См.: Справочник. С. 251.

⁵¹⁴ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также недействующих церковных зданиях русской православной церкви по г. Москве и Московской области на 1 апреля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

по г. Москве⁵¹⁵. За этот же период Советом было рассмотрено 60 заявлений (с учетом поступивших прежде), 56 из которых было отклонено. По оставшимся четырем были составлены заключения на возможное открытие. Однако согласия вышестоящих инстанций получено не было.

В отличие от второй половины 1943 г., в очередной отчетный период ни одного случая самовольного открытия храмов зафиксировано не было, что, несомненно, говорит о твердой позиции Совета, которая, очевидно, быстро стала понятна всем, надеявшимся на быстрое возобновление приходской жизни. Но активизация религиозной жизни продолжалась. В Докладной записке А.А. Трушина описаны случаи, когда духовенство по просьбе отдельных лиц совершает религиозные обряды в общественных местах. Примечательным является список «общественных мест», где совершались обряды: в Дмитровском районе таким местом стал скотный двор в селе Орудьево, а в селе Акулове Кунцевского района (ныне – территория Москвы) – поле и река.

Статистика по ходатайствам об открытии церквей в Москве и области по состоянию на 1 июля 1944 г. выглядела так: всего за период работы Совета по делам РПЦ, то есть с 8 октября 1943 г., в Мосгорисполком и Мособлсовет поступило 245 заявлений, причем подавляющее большинство из них – 236 – от групп верующих Московской области, и только 9 – от верующих г. Москвы⁵¹⁶. Подобное соотношение будет сохраняться в течение длительного времени, что на первый взгляд может показаться неожиданным, так как в Москве жителей было больше, чем в области, а действующих храмов, как показано выше, – примерно в пять раз меньше. До революции церквей в Москве было также меньше, чем в Московской губернии, но соотношение было иным. По состоянию на 1913 г. в

---

⁵¹⁵ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю Совета Г.Г. Карпову от 20 июля 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17.

⁵¹⁶ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

Москве насчитывалось примерно⁵¹⁷ 450 храмов, а в губернии – 1059⁵¹⁸. Реальная пропорция будет еще меньше, так как некоторая часть Московского уезда, учтенного как территория губернии, в период с 1913 по 1944 г. вошла в состав г. Москвы. Сделав соответствующее допущение, можно предположить, что на территории Москвы располагалось примерно в два раза меньше храмов, чем в губернии/области. Вследствие репрессивной политики советского государства число городских храмов уменьшилось не менее чем в 15 раз, а областных – «всего» в 6. Но число ходатайств об открытии храмов, поступивших из области, превышало число тех, которые поступили из Москвы, более чем в 26(!) раз. Делая попытку объяснить этот феномен, можно лишь предположить, что городское (столичное) население, с одной стороны, оказалось более восприимчивым к массивной антирелигиозной пропаганде, а с другой – продемонстрировало значительную оторванность от традиционных жизненных устоев, продолжавших сохраняться и оказывать консолидирующее влияние на религиозное чувство жителей сельских районов и небольших городов, расположенных в Подмосковье.

В записке от 1 августа 1944 г. впервые появляются сведения от том, из каких именно районов поступало наибольшее число ходатайств: из Коломенского – 10; Михневского – 9; Орехово-Зуевского – 8; Талдомского – 8; Дмитровского – 7; Ленинского – 7 и т. д.⁵¹⁹.

Выразительно интерпретирует А.А. Трушин причины, по которым, с его точки зрения, разумеется, составляются ходатайства об открытии храмов в тех или иных районах Подмосковья. Анализируя районы, из которых поступило и поступает большое количество заявлений, он делает вывод об оживлении работы

⁵¹⁷ Число приходских храмов составляло 371, но к ним необходимо прибавить монастырские (не менее 60) и 10 кафедральных соборов.

⁵¹⁸ Список церквей Московской епархии с обозначением купленных ими в 1913 г. свеч, масла, вина на Моск. Епарх. заводе и доставленных туда же огарков // Московские церковные ведомости. 1914. № 41. С. 13–60.

⁵¹⁹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

церковников с целью возобновления служб в ранее закрытых и недействующих церквей. Так, например, проживавший в Михневском районе архитектор Битте Яков Яковлевич, пенсионер, через бывших церковных старост организовал группы верующих, разъяснив, чтобы последние требовали перед Советскими органами открытия их церквей, предложив им за определенную плату составить проект зданий бывших церквей, объясняя, что при таком положении ходатайство будет полностью удовлетворено⁵²⁰. Подобные примеры приводит А.А. Трушин и по другим районам, где выразителями позиций групп верующих выступали образованные специалисты. В Коломенском районе – бывший юрист И.П. Волков, в Ленинском и Звенигородском – архитектор-художник А.П. Константинов-Волков. Все эти люди (об этом особо упоминается в тексте) происходили из духовного сословия, а некоторые, как, например, священник Кедров из Ногинского района и безымянный дьячок из Дмитровского, продолжали оставаться служителями культа. Кроме того, большинство из названных инициаторов открытия храмов агитировали среди местных верующих небескорыстно. Таким образом, напрашивался вывод, что простых советских граждан по-прежнему отвлекают от построения коммунизма «попы и интеллигенция».

Очередная Докладная записка А.А. Трушина о положении дел на вверенной ему территории в III квартале 1944 г. фиксирует всего 138 действующих церквей, из которых 31 (вместе с единственной обновленческой) по-прежнему находилась в Москве, а в области осталось всего 107. Связано это было с очередной административно-территориальной реформой, в соответствии с которой из Московской области несколько районов было переведено в состав Калужской и Владимирской областей⁵²¹.

Весьма важной в смысле интерпретации автором Записки представляется содержащаяся в ней информация относительно числа закрытых в период с 1918 по

---

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–31.

1941 г. храмов, расположенных в Московской области, и причин, по которым они перестали действовать. «Из 1252-х недействующих церквей Московской области, – читаем в документе, – 965 церквей закрыто решением Исполкома Мособлсовета, а остальные 237 церквей перестали функционировать из-за неимения священнослужителей, распада церковных общин и пр.»⁵²². Несмотря на то что указанные в Записке цифры не соотносятся с дореволюционной статистикой, в том числе и потому, что, как выше отмечалось, территория Московской губернии не в полной мере соответствовала территории Московской области, отметим: приведенные сведения в документах Совета по делам РПЦ встречаются нечасто и уже поэтому представляют ценность. Но главное, что обращает на себя внимание, – это то, как чиновник Совета формулирует причину прекращения богослужений в «остальных 237 церквях», которые «перестали функционировать из-за неимения священнослужителей, распада церковных общин и пр.». Ответ на вполне естественный вопрос, почему вдруг в предвоенные годы Церковь столкнулась с «неимением священнослужителей», прост: все они были репрессированы. Общины предпринимали отчаянные попытки сохранить храм действующим, для чего обращались к священноначалию с просьбой определить к ним настоятеля, но результата это не давало. Богослужения в храмах прекращались – это правда, но общины в большинстве случаев не распадались – это ложь. В некоторых случаях местные власти оформляли соответствующее постановление лишь после нескольких лет отсутствия богослужений (как было, например, с Успенским храмом в Гжели⁵²³), в некоторых – о храме не вспоминали, и он стоял запертым, причем ключи хранились в якобы распавшейся общине (пример – Покровский храм в с. Осеченки⁵²⁴), а иногда храм использовали под зернохранилище, никак не

---

⁵²² Там же. Л. 26.

⁵²³ Решение Исполнительного комитета Мособлсовета депутатов трудящихся № 27 от 16 января 1940 г. «О закрытии церкви в с. Гжель Раменского района» // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп.1. Д. 2014. Л.109.

⁵²⁴ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4. Быковская волость. Гжель, 2019. С. 130–132.

оформляя закрытие (такое произошло, например, с Михаило-Архангельским храмом в Константинове⁵²⁵). Понятно, что реальный механизм фактического прекращения богослужений в подмосковных храмах уполномоченным Советом по делам РПЦ по Москве и Московской области А.А. Трушиным не мог быть раскрыт даже во внутренней секретной переписке, но этого и не требовалось, ибо адресату Записки – Г.Г. Карпову он, несомненно, был известен.

Из 260 заявлений об открытии храмов из Московской области и 10 из Москвы в III квартале 1944 г. Советом по делам РПЦ было рассмотрено 206, причем по семи из них было принято первичное положительное решение. Речь шла о храмах в Малинском, Виноградовском, Коломенском, Ногинском, Михневском, Красно-Пахорском⁵²⁶ и Орехово-Зуевском районах⁵²⁷.

Еще одним качественным изменением в деле открытия храмов в Подмоскovie в III квартале 1944 г. стало массовое поступление жалоб от групп верующих⁵²⁸ на отклонение их прежних ходатайств. Иными словами, можно констатировать образование своеобразной «обратной связи» между религиозными общинами и Советом по делам РПЦ. В дальнейшем эта переписка будет все более активизироваться, но и осенью 1944 г. она уже приняла вполне массовый характер. Так, к 1 октября 1944 г. было зафиксировано около 250 новых жалоб по 81 отклоненной. Цифры показательные: число жалоб в три раза превышает число первичных ходатайств. Кроме того, просители все более активно стремятся передать свои жалобы лично, чтобы иметь отметки о вручении письма. В сентябре

---

⁵²⁵ Никонов В.В., Новак В.Н., иер. Очерки истории Михаило-Архангельского храма села Константиново Бронницкого благочиния Московской епархии. М., 2013. С. 139–142.

⁵²⁶ В 1946 г. Краснопахорский район Московской области был переименован в Калининский, а в 1957 г. упразднен, а его территория разделена между Подольским и Ленинским районами Московской области.

⁵²⁷ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

⁵²⁸ Мы вынуждены употреблять это характерное для внутренней переписки Совета по делам РПЦ выражение для обозначения религиозных общин, имевших место фактически, но формально, при официально закрытом храме, не существовавших.

1944 г. канцелярию Уполномоченного Совета посетило 120–150 чел. с просьбой об ускорении пересмотра их дел⁵²⁹. Таким образом, из 250 жалоб более половины были переданы в Совет через канцелярию.

Также впервые в отчетах А.А. Трушина в октябрьской Записке 1944 г. появляются относительно подробные описания некоторых групп верующих, проявлявших особенную настойчивость в своих требованиях об открытии храмов. В качестве примера приведем одно, с нашей точки зрения, наиболее типичное из шести таких описаний, имеющихся в рассматриваемом документе. Группа верующих в количестве 60 человек села Туголес, Кривандинского района⁵³⁰, колхозники, преимущественно женского пола, в возрасте от 40 до 60 лет в ноябре 1943 г. возбудила ходатайство об открытии церкви, которая не функционировала с 1937 г. По заключению Райсовета о том, что здание церкви находилось в аварийном состоянии, а помещение используется под овощехранилище, Исполком Мособлсовета ходатайство прихожан отклонил, но позже выяснилось, что здание церкви исправно и требует мелкого ремонта, помещение ничем не занято, ключи от церкви находятся у церковного совета, имущество и церковный инвентарь весь в сохранности и помещается в церкви. В районе действует одна церковь, которая от села Туголес находится в 20 км. После отказа от вышеуказанной группы поступило 5 жалоб с просьбой о пересмотре дела⁵³¹. В приведенном фрагменте приводятся многие факты, характерные для того состояния, в котором находились закрытые (относительно недавно для 1944 г.) храмы Московской области. Это и хорошая сохранность здания и имущества, и наличие не просто религиозной

---

⁵²⁹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

⁵³⁰ В 1957 г. Кривандинский район был упразднен, а его территория вошла в состав восстановленного Шатурского района Московской области. См.: Справочник. С. 275.

⁵³¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области в третьем квартале 1944 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 13 октября 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

общины, но церковного Совета, у членов которого хранились ключи от храма, и несоответствие реального положения дел изложенному в документации местных властей и пр. Кроме того, обратим внимание на дату первого ходатайства туголесовских верующих – ноябрь 1943 г., то есть почти сразу после образования Совета по делам РПЦ, а также на то, что менее чем за год ими было направлено в Совет 5 жалоб на отказ в открытии храма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к осени 1944 г. активность верующих, ходатайствующих об открытии храмов, резко возросла. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по г. Москве и области А.А. Трушин, несомненно, понимая необходимость как-то реагировать на создавшуюся ситуацию, предложил Г.Г. Карпову «для разрядки потока верующих» открыть ряд церквей. Далее приводился список из 21 храма в различных районах Московской области⁵³².

В следующем году этот процесс продолжился, и в I квартале 1945 г. число заявлений по отклоненным ходатайствам достигло 400, причем свои жалобы заявители теперь отправляли уже не только в Совет по делам РПЦ, но и в Президиум Верховного Совета СССР, в УК ВКП(б) и т.д., вплоть до иностранных миссий⁵³³. В какие именно иностранные миссии обращались верующие Московской области, в документе не указывалось, но сам факт подобных обращений в СССР был явлением экстраординарным. Ситуация представлялась тем более невероятной, что государство в начале 1945 г. находилось в состоянии войны.

В этом смысле озабоченность А.А. Трушина, которую он высказывал в конце 1944 г., в апреле 1945 г. приобретает сходство с паникой: он понимает, что воздвигнутые формальные барьеры для открытия церквей на деле таковыми не являются и отказы, которые сотнями отправляются ходатаям, выглядят

---

⁵³² Там же. Л. 31.

⁵³³ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области в 1-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 16 апреля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–6.

совершенно неубедительно. «Вышеуказанное количество заявлений (жалоб), – пишет он Г.Г. Карпову 16 апреля 1945 г., – не пересмотрены потому, что для отказа нет основательных мотивов, так как ходатайства в основном возбуждаются об открытии церквей, не закрытых решениями Советских органов, а здания церквей свободны»⁵³⁴. И далее идет длинный список храмов, которые соответствуют всем формальным требованиям, необходимым для того, чтобы быть открытыми. Проблема для уполномоченного Совета по делам РПЦ усугублялась еще и тем, что после состоявшегося в январе 1945 г. Собора Русской Православной Церкви⁵³⁵ произошло еще большее «оживление церковников, выражаемое в требовании открытия церквей»⁵³⁶.

Однако несмотря на предложения А.А. Трушина, высказанные им по итогам IV квартала 1944 г., и тревожные сигналы, посланные по итогам I квартала 1945 г., в первые месяцы 1945 г. в Московской области было открыто всего 7 храмов в Высоковском, Коммунистическом⁵³⁷, Луховицком, Орехово-Зуевском, Серебряно-Прудском, Скопинском⁵³⁸ и Чапаевском⁵³⁹ районах⁵⁴⁰.

Середина победного 1945 г. стала временем наиболее массового открытия храмов в Московской области. В период с апреля по июнь богослужения были

---

⁵³⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵³⁵ Марченко А.Н., Чумаченко Т.А. Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров СССР и его уполномоченными по Молотовской области // *ARS ADMINISTRANDI*. 2017. № 4. С. 531–549.

⁵³⁶ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области в 1-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 16 апреля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

⁵³⁷ В 1957 г. Коммунистический район был упразднен, а основная часть его территории вошла в состав Дмитровского района Московской области. См.: Справочник. С. 247.

⁵³⁸ В 1946 г. Скопинский район был передан Рязанской области. См.: Справочник. С. 517.

⁵³⁹ В 1946 г. Чапаевский район был передан Рязанской области. См.: Справочник. С. 595.

⁵⁴⁰ Сведения о действующих церквях, молитвенных домах и монастырях, а также и недействующих церковных зданиях русской православной церкви по Московской области на 1 апреля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–11.

разрешены еще в 12 храмах⁵⁴¹. И в этот же период наблюдается спад числа новых ходатайств и жалоб по прежнему отклоненным. В III квартале 1945 г. было открыто еще 3 храма, а число поданных ходатайств продолжало сокращаться и составило всего 27 заявлений⁵⁴².

Таким образом, можно констатировать, что в период 1944–1945 гг. Совету по делам РПЦ путем частичных уступок удалось справиться с лавинообразно увеличившимся потоком ходатайств, повторных заявлений и жалоб от верующих.

Подводя итоги процесса открытия церквей в Московской области за время Великой Отечественной войны, следует отметить, что, несмотря на выраженную репрессивную направленность действий в этом направлении со стороны государства, можно утверждать: по данным документации Совета по делам РПЦ, в период с 1941 по 1945 г. включительно (то есть по 31 декабря 1945 г.) в регионе было открыто 99 храмов (44⁵⁴³ – до образования Совета в 1943 г. и 45⁵⁴⁴ – в 1944–1945 г.), что по состоянию на 15 июня 1946 г. составляло больше половины всех 169 действовавших храмов Московской области (после перевода ряда районов в состав Владимирской, Калужской и Рязанской областей)⁵⁴⁵.

Статистические данные о числе храмов на территории Московской области с 1917 по 1945 гг. содержатся в материалах ЦГАМО в фонде Уполномоченного

---

⁵⁴¹ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области во II-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 7 июля 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 30–33 об.

⁵⁴² Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности Русской Православной церкви гор. Москвы и Московской области в III-м квартале 1945 г.» председателю Совета Г.Г. Карпову от 9 октября 1945 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 35–38 об.

⁵⁴³ Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина «О состоянии, положении и деятельности русской православной церкви гор. Москвы и Московской области» председателю Совета Г.Г. Карпову от 1 августа 1944 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.

⁵⁴⁴ Список действующих Русско-Православных церквей на территории Московской области на 15 июня 1946 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 39–41 об.

⁵⁴⁵ Никонов В.В. Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО // История и архивы. 2022. № 4. С. 45–62.

Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области за 1957 г. В одном из докладов председателю Совета Г.Г. Карпову А.А. Трушин приводит следующие данные, сведенные нами для удобства восприятия в таблицу 12.

Таблица 12

Число церквей и молитвенных домов в г. Москве и Московской области⁵⁴⁶

Период	Москва	Московская губерния/область	Всего (Москва + область)	Примечания
До революции			4 282 (Православных 3922 Старообрядческих 228 Инославных 62)	
01.01.1938			971 (Православных 869 Старообрядческих 95 Инославных 7)	Общее число храмов сократилось в том числе и по причине отделения от Московской области Тульской и Рязанской
01.01.1941	41	185	226	
Июнь 1941	31	105	136	
01.07.1944	31	156	187	7 церквей открыты Советом по делам РПЦ; 44 – самовольно
01.01.1945			169	Уменьшение числа храмов произошло по причине отделения 5 районов в состав Калужской и Владимирской областей
09.05.1945	31	153	184	Увеличение числа церквей произошло за счет открытия 15 храмов Советом по делам РПЦ

Окончание короткого периода, когда на территории Московской области храмы открывались, нами было определено как 1948 г. При этом в литературе можно встретить указание на то, что храмы в Московском регионе прекратили открываться в 1946 г. Противоречия здесь нет, так как после 1946 г. Совет по делам РПЦ прекратил удовлетворять ходатайства об открытии храмов (продолжавшие поступать в течение многих лет и позже этой даты). Но некоторые знаковые храмы были открыты Советом министров СССР, минуя Совет по делам РПЦ. Последний раз это произошло в 1948 г. Эти сведения содержатся в сводном отчете А.А. Трушина, который он подготовил в 1959 г.

⁵⁴⁶ Составлено по: ЦГАМО. Ф, 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 97, 98.

Так, по материалам фонда Уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области ЦГАМО, всего в период с 1944 по 1946 г. Советом по делам РПЦ на территории г. Москвы с Московской области был открыт 51 храм: в 1944 г. – 6 храмов; в 1945 г. – 18; в 1946 г – 27. Кроме того, еще 6 храмов были открыты непосредственно Советом Министров СССР: в 1945 г. – 1 (в бывшем Новодевичьем монастыре); в 1947 г. – 2 (на трассе в Загорск); в 1948 г – 3 (в бывшем Донском монастыре и два для иностранных подворий). С 1948 г. открытий церквей в г. Москве и Московской области не производилось⁵⁴⁷.

В 1950-х гг. Московская область переживала период административного переустройства. Возникали новые районы, старые исчезали, а ряд населенных пунктов меняли свой статус и районную принадлежность. В рамках этих изменений в конце 1950-х гг. местные власти сделали очередную попытку грубого вмешательства в приходскую жизнь, что подтверждается документом, сохранившимся в ЦГАМО. Это – ныне рассекреченное, а прежде секретное письмо уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина заместителю председателя Совета С.К. Бельшеву, в котором говорится о планах сноса 26 сел Московской области по причине нахождения там действующих храмов⁵⁴⁸, в котором описываются планы по упразднению (в письме употреблен термин «снос») ряда крупных сел Московской области, в которых имелись действовавшие храмы, и присоединению их к близлежащим селениям и деревням, храмов не имевших.

11 апреля 1951 г. С.К. Бельшеву был отправлен документ, который предварял следующий текст: «На Ваш запрос от 17.02.1951 года сообщаю, что в связи с объединением колхозов и предстоящим сселением некоторых населенных пунктов на центральные усадьбы установлено, что по предварительным и еще не утвержденным планам, по всей области намечено к сносу 26 селений, в которых

⁵⁴⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 120.

⁵⁴⁸ Никонов В.В. Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 546–556.

имеются действующие церкви»⁵⁴⁹. Далее шел список двадцати шести намеченных к сносу сел, в которых были действующие церкви, а вот центральные усадьбы, куда предполагалось их «сселить», церквей не имели и являлись зачастую населенными пунктами, меньшими, чем присоединяемые к ним села. Цель такого объединения была прозрачна: присоединенные селения, очевидно, теряли свои наименования, ведь если одно село присоединяется к другому, то за объединенным населенным пунктом, скорее всего, сохраняется название того, к которому присоединяют, но не того, которое присоединяется. Следовательно, с карты области навсегда исчезали села, прочно ассоциировавшиеся с храмами, расположенными на их территории. И наоборот, укрупнялись бывшие деревни, в которых церквей никогда не было. Надо полагать, что, по мнению властей, это позволило бы с меньшим общественным резонансом оставшиеся храмы закрыть, уничтожив приход как основной структурный церковный элемент.

Число селений, намеченных к сносу, по районам Московской области разнилось и было прямо пропорционально числу действовавших в них церквей. В Московской области по этому показателю Раменский район занимал лидирующее положение⁵⁵⁰, так что неудивительно, что число уничтожавшихся приходских сел в Раменском районе также было максимальным. Если в большинстве районов «сносилось» по одному селу (исключение делалось для Дмитровского с двумя селами и для Пушкинского с тремя), то в Раменском прекратить свое существование должны были сразу шесть сел, и потому только, что в них оставались незакрытыми православные храмы.

Итак, по мысли чиновников, село Речицы (Вознесенский храм) присоединялось к деревне Турыгино, Строкино (Никитский храм) – к деревне Власовой, Игумново (Покровский храм) – к деревне Дементьевой⁵⁵¹, Игнатьево⁵⁵² (Георгиевский храм) – к деревне Кузьевой, Малышево (Никольский храм) – к

⁵⁴⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7.

⁵⁵⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 12–13.

⁵⁵¹ В документе – «Демьяново», очевидная описка.

⁵⁵² В документе – «Игнатово», очевидная описка.

деревне Кузнецовой и, наконец, село Петровское с храмом становилось частью деревни Васильевой.

По селениям других районов Московской области, согласно документу, планировалась следующая реорганизация. Село Фенино Балашихинского района, в котором располагался действовавший храм, планировалось присоединить к селу Савино, в котором прежде также имелась церковь, но в начале 1950-х гг. она уже долгое время не действовала. Село Спирово с действовавшим Введенским храмом должно было войти в состав села Теряево (Теряевой Слободы), в котором до 1930-х гг. действовал Ильинский храм, до сих пор не восстановленный. В Высоковском (ныне Клинском) районе село Селинское, в котором продолжал действовать Преображенский храм, присоединялось к селению Некрасину, где храма не было.

В городе Пушкино сегодня имеются четыре храма: Троицкий, Боголюбский, Никольский и Пантелеимоновский⁵⁵³, а согласно материалам Совета по делам Русской православной церкви, в 1950-х гг. не было ни одного. Единственным действующим храмом в те годы был Сретенский, расположенный в Новой деревне, которую и планировали присоединить к городу Пушкино. Это единственный пример в списке, когда меньший населенный пункт собирались присоединить к большему, причем имевшему статус города и районного центра. Случай примечательный, который, если рассматривать его в логике чиновников Совета по делам Русской православной церкви, позволяет предположить, что вероятность того, что в Пушкине когда-либо появится действующий храм, ими вообще не рассматривалась, ибо в противном случае терялся смысл задуманной реорганизации.

Обращают на себя внимание еще некоторые сведения, содержащиеся в документе. Так, в таблице имеется столбец с названием: «Состоит ли на государственной охране здание». Имеется в виду церковное здание, разумеется, хотя прямо об этом не говорится. Согласно документу, большинство храмов в 1951 г. на государственной охране не состояло. Таким статусом пользовались 8 храмов из 26:

---

⁵⁵³ Храмы Пушкинского благочиния Сергиево-Посадской епархии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pushkino-blago.ru/hramy> (дата обращения: 11.11.2021)

в Фенине Балашихинского района; в Спинове Волоколамского района; в Юдине Звенигородского района; в Воронове Калининского района (ныне – территория Подольского района⁵⁵⁴); в Акулове Кунцевского района (ныне – территория г. Москвы); в селе Холм Можайского района; в Заозерье Павлово-Посадского и в Осташкове Пушкинского. Отдельный столбец в таблице именовался: «даты переселения». Против каждого села в нем указано: «не известно», что свидетельствовало о том, что до реализации проекта было еще далеко.

Судя по всему, это предложение так и осталось на бумаге, и все перечисленные села с их многовековой историей сохранили свои названия, некоторые из которых упоминаются в документах 500-летней давности и более ранних (например, Заозерье, Игнатьево, Спиново). Во всяком случае, никаких иных сведений по этому вопросу в процессе настоящего исследования в архивах обнаружено не было. В 2010–2012 гг. автор интервьюировал старейших жителей ряда упомянутых в списке сел, но никто из них не смог припомнить о подобных планах, даже на уровне слухов⁵⁵⁵.

Таким образом, кажущееся потепление в отношениях государства и Церкви, наметившееся на рубеже 1940–1950-х гг., не отменяло общее разрушительное направление антицерковной политики в СССР. Описанный нереализованный проект сноса селений на основании того, что в них располагались православные храмы, выразительно демонстрирует политику властей, целью которой было разрушение Церкви через уничтожение ее базового элемента – прихода.

Подводя итоги использования такого радикального метода администрирования церковной приходской жизни на территории Московской

---

⁵⁵⁴ Справочник по административно-территориальному делению Московской области. 1929–2004 гг. М., 2011. С. 195.

⁵⁵⁵ Никонов, В. В., Ушатова, Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 164.

области, как закрытие храмов, следует отметить особенности этого процесса в различные временные периоды. Период до 1929 г. характеризовался отсутствием сформированной политики в отношении закрытия храмов. После утверждения Постановления «О религиозных объединениях» в апреле 1929 г. и последовавших законодательных и подзаконных актов, регулирующих государственно-церковные отношения, был выработан строгий порядок закрытия храмов и сформирован перечень оснований, по которым это закрытие могло состояться. Начало третьего периода закрытия храмов совпадает с началом периода Большого террора, который в значительной степени повлиял на механизм лишения Церкви храмов. В 1937–1938 гг. храмы в абсолютном большинстве закрывались после ареста духовенства и приходского актива, как не проводящие богослужений и, как следствие, не используемые общиной по назначению. Многие храмы, в которых богослужения прекратились в 1937–1938 гг., оставались формально не закрытыми в течение нескольких лет, что привело к искажению в статистических материалах.

Необходимо отметить, что, какими бы ни были механизмы закрытия храмов в разные временные периоды, цель у такого метода администрирования была одной – уничтожение приходов, как главного структурного элемента церковного организма.

Что же касается короткого периода, когда небольшое число храмов в Московской области было открыто, то это кажущееся отступление от общего курса советской антицерковной политики следует рассматривать как эксцесс, вызванный совокупностью определенных внешне- и внутривнутриполитических причин, но никак не изменением антицерковной и антирелигиозной политики в целом.

К радикальным методам регулирования приходской жизнедеятельности, используемым в форме репрессирования, относится *снятие с регистрации служителей культа*. Влияние государства на состав приходского духовенства и исполнительных органов приобрело после 1943 г. более структурированный характер, что было связано с образованием Совета по делам РПЦ с его строгой системой мониторинга и отчетности. Несмотря на демонстрируемые изменения в

государственно-церковных отношениях, произошедшие после встречи И.В. Сталина с митрополитами Православной российской церкви, общий вектор советской антицерковной и антирелигиозной политики оставался прежним. Следовательно, главные функции администрирования – регулирование и контроль – оставались актуальными.

Аккуратная и регулярная отчетность уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области позволяет реконструировать методы администрирования приходской жизни в части влияния на состав духовенства и исполнительных органов.

Уже в первом своем отчете на имя председателя Совета по делам РПЦ в мае 1944 г.⁵⁵⁶ А.А. Трушин подробно, с указанием имен, возрастов, мест работы описывает состав церковных советов и ревизионных комиссий тех храмов, где ему удалось побывать с проверкой. Таких храмов было семь, из них пять располагались в Москве, а два – в Подмосковье, в Серпуховском и Звенигородском районах. В некоторых приходах Трушин обнаружил слаженную работу и наличие подробной отчетности, в других отметил недостатки, но в целом его отчет носит исключительно наблюдательный характер.

Иной тон имеет его докладная на имя Г.Г. Карпова, написанная в тот же период. Здесь А.А. Трушин сразу переходит к фактам нарушения законодательства, допущенных на различных приходах. Диапазон нарушений, выявленных уполномоченным, широк, но значительную долю в них занимают факты служения в тех или иных храмах Московской области либо вообще незарегистрированными священниками, либо, по различным причинам, снятыми с регистрации⁵⁵⁷. Служение без регистрации считалось серьезным правонарушением.

Данные о числе зарегистрированных служителей культа в Москве и Московской области в 1944 г., представленные Трушиным, сведены в таблицу 13.

---

⁵⁵⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5.

⁵⁵⁷ Там же. Л. 9–10.

Сведения о духовенстве по городу Москве и Московской области⁵⁵⁸

№	Церковные ориентации	Служители культа, зарегистрированные при действующих церквях			
		Епископы	Священники	Диаконь	Псаломщики
1	Русская православная (патриаршья) церковь	3	241	39	7
2	Обновленцы	1	3	3	–
3	Автокефалисты	–	–	–	–
Всего		4	244	42	7

В 1945 г. Поместный Собор Русской православной церкви принял новое Положение об управлении РПЦ. Это Положение, утвержденное Совнаркомом, предполагало некоторые изменения в приходском устройстве. Так, в частности, церковные советы, состоявшие, согласно прежнему порядку, из трех человек, теперь должны были дополниться четвертым – настоятелем приходского храма⁵⁵⁹. Согласно этому нововведению, Московская патриархия разослала по храмам епархии указания, которыми предписывалось распределить обязанности членов церковных советов следующим образом: председателем становился настоятель, а три члена должны были занять должности помощника председателя совета, приходского старосты и казначея. В своей Докладной записке от 29 апреля 1945 г. А.А. Трушин отмечает, что в большинстве приходов реорганизация церковных советов прошла безболезненно и не потребовала организации дополнительных выборов. Однако в некоторых приходах наблюдался конфликт между старым составом совета и настоятелем, который прежде не имел ныне предоставляемой ему возможности влияния на хозяйственную жизнь прихода. В церквях, где на священника смотрели как на наемное лицо и проводили политику «твой алтарь, а наш ящик», возникали большие ссоры, порой доходившие до драки и преследования⁵⁶⁰. Далее Трушин приводит список храмов, в приходах которых введение нового Положения стало причиной для переизбрания исполнительного

⁵⁵⁸ Там же. Л. 19.

⁵⁵⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

⁵⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об.

органа и ревизионной комиссии, что встретило ожесточенное сопротивление членов старых приходских органов управления, «не желающих расстаться с церковным ящиком». В списке лишь один московский храм, все остальные располагались на территории Московской области.

В течение некоторого времени (примерно 2 года) содержание и тон отчетов и докладных уполномоченного по Москве и области был относительно нейтральным. А.А. Трушин действует строго в соответствии с секретной инструкцией⁵⁶¹, разосланной Советом по делам РПЦ всем уполномоченным в январе 1944 г.⁵⁶², то есть отслеживает ситуацию, отмечает недостатки и даже, в некоторых случаях, незаконные действия священнослужителей и членов приходских органов, приводит многочисленные (и весьма содержательные) статистические сведения, но не делает конкретных предложений по регулированию состава духовенства и членов церковных советов и тем более не предпринимает самостоятельных шагов в этом направлении.

Однако начиная с середины 1946 г. тональность докладных уполномоченного по Москве и Московской области меняется. Описывая разного рода нестроения на приходах, он периодически сообщает председателю Совета Г.Г. Карпову о недостойном поведении священнослужителей и о его (Трушина) реакции на эти факты⁵⁶³. В некоторых случаях священников, проявивших себя неподобающим образом, Патриархия до решения Совета переводила на другие приходы. Примечательным является то, что прихожане ряда приходов, где настоятель был уличен в пьянстве и моральном разложении, не дожидаясь решения священноначалия, сразу обращались к А.А. Трушину с просьбой снять священника с регистрации, очевидно предполагая, что, во-первых, это в его власти, а во-вторых, аппарат уполномоченного может предпринять меры быстрее, чем Патриархия.

---

⁵⁶¹ В сопроводительном письме к рассылаемой инструкции говорилось: «Инструкцией бывшей Постоянной Комиссии по делам культов при ВЦИК РСФСР от 16/1-31 г. с получением сего, не руководствоваться (в отношении православной церкви)». См.: ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.

⁵⁶² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 2 об.

⁵⁶³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об. 22 об.

Трушин, судя по всему, довольно глубоко вникал в такого рода обстоятельства, предполагая, очевидно, что недостойное поведение духовенства, будучи порицаемо чиновниками Совета по делам РПЦ, окажет влияние на доверие верующих к своему батюшке. Однако его активность в этом вопросе и попытки влияния на положение дел на приходах не вызвали положительного отклика у руководства Советом. В январе 1947 г. всем уполномоченным был разослано циркулярное письмо, в котором в разделе «Об ошибках в работе уполномоченных» говорилось, что одной из основных грубых ошибок является то, что уполномоченные допускают излишне глубокое вмешательство во внутренние дела церковных приходов, формально заботясь о нравственности духовенства, об их пьяных загулах пр., делая из этого вывод, что такой-то священник на приходе нежелателен и его следует убрать. «Если верующие и епископ не ставят вопроса о таком священнослужителе, не дело уполномоченного заботиться о его замене»⁵⁶⁴, — гласил циркуляр. Такие указания Совет объяснял просто: Церковь отделена от государства, следовательно, вмешиваться в ее внутренние дела не следует. А если священник роняет авторитет в глазах прихожан и это приводит к внутриприходским конфликтам, то уполномоченному вовсе не нужно торопиться с их устранением. По тексту можно было сделать вывод о том, что такое положение дел само по себе работало против Церкви, то есть на руку советской власти.

После получения этого письма тема недостойного поведения священников в докладах А.А. Трушина временно исчезает, и заявления с такого рода информацией не афишируются. Однако, если тот или иной священнослужитель оказывался уличенным в более серьезных проступках, ему вспоминались и иные его пороки. К более серьезным проступкам относились такие, которые в той или иной степени нарушали законодательство: служение без регистрации, уход от налогов, сокрытие экономической, хозяйственной деятельности, а также произнесение проповедей сомнительного с политической точки зрения содержания. Такие факты без должной оценки Совета по делам РПЦ оставаться не могли.

---

⁵⁶⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

В качестве примера можно привести фактический донос двоих командировочных из г. Жданова⁵⁶⁵ на имя Г.Г. Карпова, в котором они сообщали, что, проживая в районе станции метро Новослободская, увидели, как много народу идет на службу в находившийся неподалеку храм⁵⁶⁶. Зайдя туда якобы из любопытства, они стали свидетелями недопустимой, с их точки зрения, сцены. Посреди храма стоял священник и говорил такую проповедь, что среди богомольцев был плач и истерические рыдания. Он призывал народ: покайтесь, говейте, конец приближается, иначе не наследуете царствие небесное⁵⁶⁷. Выяснилось, что зовут священника Николай Павлович Бажанов. «В нашем городе, – продолжали внимательные командировочные, – тоже есть церковь, но мы пока агитации не слышим от священника, которые направленные к возбуждению религиозной вражды или розни (так в тексте. – *В.Н.*). За такое преступление его надо судить по ст. 59-7. Просим Вас заинтересоваться этим делом»⁵⁶⁸.

Текст доноса позволяет предположить, что командировочные из г. Жданова были людьми, имеющими отношение к НКВД. В пользу такого предположения, прежде всего, говорит то, что они обнаружили в безобидной, в общем, проповеди сомнительные мотивы. Ведь если не пытаться уловить в словах священника что-то предосудительное, то приведенная в письме цитата покажется совершенно безобидной. Кроме того, по их же словам, они (командировочные) в своем городе храм посещали, причем, судя по тексту доноса, неоднократно, однако, ни разу не слышали там подобных проповедей. Испытывая очевидные затруднения с формулированием своих мыслей, они при этом не допускают ни одной ошибки ни в церковных терминах, ни в цитировании уголовного кодекса новейшей редакции, в котором не только точно указывают номер и пункт статьи – 59-7, но также знают и ее содержание: «Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению

---

⁵⁶⁵ Ныне – Мариуполь.

⁵⁶⁶ Имеется в виду храм преп. Пимена в Новых Воротниках.

⁵⁶⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 7. Л. 197.

⁵⁶⁸ Там же.

национальной или религиозной вражды или розни»⁵⁶⁹. Все перечисленное не могло ввести в заблуждение бывших штатных сотрудников НКВД Карпова и Трушина относительно того, в какое ведомство в г. Москве были командированы ждановские коллеги.

Следовало срочно принимать решение о дальнейшей судьбе священника Николая Бажанова, на которого А.А. Трушиным вскоре была составлена подробная справка. Оказалось, что это был уже немолодой, вполне заслуженный священник, рукоположенный в 1917 г.⁵⁷⁰. В этой же справке отмечалось, что священник Николай Бажанов якобы имеет большое пристрастие к спиртным напиткам и женскому полу, что будто бы были случаи, когда он совершал богослужения в пьяном виде, а во время попок в узком кругу высказывает антисоветские настроения, в настоящее время с женой живет в разводе, а окружающие его женщины устраивают ему семейные скандалы⁵⁷¹. Между тем обвинения в легкомысленном поведении священника, которому в описываемое время шел седьмой десяток, скорее всего, оснований под собой не имели. Налицо было желание чиновника очернить протоиерея Николая Бажанова, с тем чтобы удалить его с прихода. Однако, как показывают дальнейшие события, сделать ему этого не удалось, и отец Николай служил в Пименовском храме еще несколько лет, вплоть до своей кончины, последовавшей в 1957 г. Таким образом, усилия, предпринимавшиеся чиновниками Совета по делам РПЦ по регулированию состава причта, оказались успешными.

Эпизод с попыткой снятия с регистрации священника Николая Бажанова, после того как донос на него написали посторонние люди, пусть даже и имевшие отношение к контролю за церковной жизнью, нельзя назвать типичным. Значительно чаще жалобы в форме доносов на духовенство и членов приходских

---

⁵⁶⁹ Уголовный кодекс РСФСР. Утвержден Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июля 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения: 12.07.2023).

⁵⁷⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 7. Л. 199.

⁵⁷¹ Там же.

органов управления поступали в канцелярию уполномоченного от лиц, имевших непосредственное отношение к приходу. Как правило, это являлось формой сведения счетов во внутрприходских конфликтах, и дело даже не в том, как именно эти конфликты разрешались, а в том, что право их разрешения делегировалось советскому чиновнику, преследовавшему цели, уже в силу занимаемой им должности принципиально отличавшиеся от экзистенциальных целей церковного прихода. Между тем все поступавшие заявления аппаратом уполномоченного по г. Москве и Московской области рассматривались внимательно и почти всегда их суть доводилась до сведения председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова. В ряде случаев такая получаемая «снизу» информация становилась причиной снятия с регистрации тех или иных клириков или членов исполнительного органа и ревизионной комиссии и, как следствие, назначения новых, устраивавших администрацию Совета⁵⁷².

С 1947 г. доклады уполномоченных стали составляться по еще более строгой форме. В них появляются новые разделы, например, такой: «О приеме посетителей и о поступлении разных заявлений и жалоб», где подробно перечислялись вопросы, по которым производился прием. В этом разделе третьим пунктом значится: «По вопросу снятия и регистрации членов церковных советов (старост и казначеев) и духовенства»⁵⁷³.

Совет по делам РПЦ через своих уполномоченных действовал в тесном сотрудничестве не только с местными советскими органами, но и с силовыми структурами, в частности – с МВД. Давление на неугодного по каким-либо причинам священнослужителя могло оказываться как со стороны Совета, так и со стороны милиции. Ниже приводится пример, иллюстрирующий механизм такого «сотрудничества».

---

⁵⁷² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 10. Л. 69.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 10а. Л. 77–81., 109.; Там же. Л. 82.; Там же. Л. 83, 83 об.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 13. Л. 48, 48 об.; Там же. Л. 97, 98 об.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 15. Л. 91, 91 об.; Там же. Л. 145–146., 148.; Там же. Л. 196–197 об.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 15а. Л. 40, 40 об.; Там же. Л. 62–63 об.; ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 17 Л. 67, 68.; Там же. Л. 140–141 об.

⁵⁷³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 10. Л. 143.

Священник Федор Федорович Борзенков служил в храмах Московской губернии/области и дважды арестовывался в довоенный период по ст. 58 УК сначала в Серпуховском округе (позже – Михневский район), а затем в Люберецком районе. После Великой Отечественной войны он, несмотря на преклонный возраст, продолжил служение и был зачислен сверхштатным священником в штат сразу (по некоторым сведениям – последовательно) двух расположенных неподалеку друг от друга храмов – Ризоположенского на Донской ул. и Иоанна Воина на Якиманке. Имея паспортные ограничения для проживания в Москве, он, тем не менее, проживал в городе на ул. Коровий брод, примерно посередине между обоими храмами.

По невыясненным обстоятельствам на пожилого священника обратили внимание в аппарате уполномоченного по Москве и области Совета по делам РПЦ А.А. Трушина, который в 1949 г. обратился в милицию г. Москвы с просьбой о снятии с прописки священника Ф.Ф. Борзенкова, как прежде судимого по ст. 58⁵⁷⁴.

Судя по всему, просьба Трушина милицейским начальником не была выполнена, и вскоре он пишет письмо непосредственно председателю Совета Г.Г. Карпову,⁵⁷⁵ где излагает ту же просьбу. Наконец, после очередного письма, в МВД⁵⁷⁶ в начале 1950 г. 76-летнего Ф.Ф. Борзенкова лишили права проживания в Москве и, как следствие, возможности служения.

Как следует из приводимого ниже документа, целью А.А. Трушина в этом деле не было лишение престарелого священника московской прописки, ибо такие вопросы лежали вне сферы его компетенции. Он стремился к тому, чтобы на этом основании лишить его регистрации как представителя духовенства.

В отчетно-информационном докладе А.А. Трушина за 2-й квартал 1950 г. «О положении и деятельности русской православной церкви на территории гор. Москвы и Московской области» указано: *«Снято с регистрации лично по моей*

⁵⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁵⁷⁵ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 18. Л. 38, 39.

⁵⁷⁶ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

линии (курсив мой. – В.Н.) священник церкви Иоанна-Воина гор. Москвы – Борзенков Ф.Ф., как имеющий паспортное ограничение»⁵⁷⁷.

Помимо священника Федора Борзенкова, в список на снятие с регистрации⁵⁷⁸, составленный в ноябре 1949 г. А.А. Трушиным, попало 13 священнослужителей, причем только четверо из них проживало в г. Москве, а восемь человек – в Подмосковье. Такие списки составлялись уполномоченным по г. Москве и Московской области регулярно, при этом причины снятия с регистрации могли быть самыми разными, вплоть до арестов, высылки и даже смерти⁵⁷⁹.

Снятие с регистрации священнослужителей относилось к репрессивным методам администрирования церковной приходской жизнедеятельности, так как ставило приход в положение, при котором он мог прекратить свое существование, особенно если храм был однокомплектным. Ситуация усугублялась в первые послевоенные годы, когда наблюдался выраженный дефицит духовенства. Этот метод был не только действенным, но и востребованным, так как позволял точно изолировать из церковной среды священников, по тем или иным причинам, представлявшихся чиновникам Совета по делам РПЦ не соответствующими нормам существования Церкви в СССР, установленным с момента образования Совета. Не будучи строго прописанными, эти нормы в значительной степени зависели от текущих соображений чиновников Совета, что создавало поле для самоуправства. Следует отметить, однако, что применительно к деятельности уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина нельзя утверждать, что он стремился к снятию священников с регистрации по любому поводу. Скорее наоборот: снятие с регистрации он осуществлял в тех случаях, когда обстоятельства требовали принятия столь решительных мер, и, кроме того, он всегда согласовывал этот вопрос с председателем Совета Г.Г. Карповым. Таким образом, рассматривая снятие с регистрации священнослужителей как административный метод влияния на

⁵⁷⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 20. Л. 93.

⁵⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 18. Л. 38, 39.

⁵⁷⁹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 3. Л. 7.

приходскую жизнедеятельность применительно к Московской области, мы можем говорить, скорее, о том, что он имелся в арсенале советских органов, нежели о его частом применении.

***

Каждый из трех указанных периодов определялся соответствующими задачами и характеризовался своими формами администрирования церковной и приходской жизни, в значительной степени различавшимися между собой, и реализовывался под общим руководством трех основных государственных органов, осуществлявших это администрирование. В течение первого периода эта функция связывается с деятельностью Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б)⁵⁸⁰, в течение второго – с деятельностью Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, а начало третьего периода соответствует моменту создания Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, который через систему своих уполномоченных курировал и регулировал жизнедеятельность Церкви вплоть до конца 1980-х гг.⁵⁸¹

Функция администрирования приходской жизни рассматривалась большевиками в числе важнейших с самых первых месяцев их прихода к власти. Варьируя по форме, она всегда являлась доминирующей в формировании государственно-церковных отношений на всем протяжении советского периода отечественной истории.

Формы и методы администрирования церковно-приходской жизнедеятельности, соответствующие выделенным периодам, представлены в таблице 14.

⁵⁸⁰ На момент создания – РКП(б).

⁵⁸¹ В 1965 г. Совет по делам РПЦ вошел в состав созданного Совета по делам религий.

**Формы и методы администрирования
церковно-приходской жизнедеятельности. 1918–1958 гг.**

Периоды	Задачи воздействия на приходскую жизнедеятельность	Формы администрирования		
		Принуждение и контроль	Манипулирование	Административные репрессии
I (1918–1929 гг.)	Выработка стратегии	Ежегодная регистрация религиозных обществ	Манипулирование угрозами лишения избирательных прав и раскулачивания Манипулирование возможностью организации и участия верующих в традиционных религиозных манифестациях Манипулирование угрозами закрытия храмов Создание условий раскола внутри церкви и поддержка обновленческого движения	Закрытия храмов
II (1929–1943 гг.)	Подавление	Регистрация на новых условиях Разрешительный характер собраний Ограничения в формах хозяйственной деятельности Введение пяти- и шестидневной рабочей недели	Влияние на состав приходских советов Поддержка обновленчества	Закрытия храмов
III (1943–1958 гг.)	Подчинение	Контроль за хозяйственной и внебогослужебной деятельностью церковных приходов Обязательная регистрация духовенства	Вмешательство во внутрицерковную и приходскую жизнь с целью создания положительного имиджа о церковно-государственных отношениях в СССР	Снятие с должности и культуры с регистрации и по ряду оснований

Анализ форм администрирования приходской жизни позволяет сделать вывод о том, что на протяжении рассмотренного периода она имела устойчивую

тенденцию к упорядочению отчетности и документооборота и усложнению своей структуры. Это выразилось не только в увеличении числа отчетных документов, но также и в их содержании.

Уже в 1918 г. была законодательно введена норма, согласно которой религиозная община могла пользоваться церковным имуществом, заключив типовой договор. Вскоре администрирование приходской деятельности нашло свое отражение в форме обязательной регистрации религиозных общин в местных органах власти. Дела о перерегистрации становятся больше по объему и содержат утвержденный перечень документов, заполнявшихся по единому стандарту. Эта тенденция сохраняется в течение всех 1930-х гг., чтобы достичь всей своей полноты после учреждения Совета по делам РПЦ.

В целом, можно констатировать, что с учреждением Совета по делам РПЦ администрирование церковно-приходской деятельности со стороны государственных органов перешло на новый уровень. Благодаря институту уполномоченных и его слаженной работе стали более эффективными не только методы получения объективной информации, но и возможности влияния на внутрприходскую жизнь, так как все ключевые составляющие прихода – назначение и удаление священно- и церковнослужителей, состав исполнительного органа, финансовое положение, наличие или отсутствие молитвенного здания и много другое – находились в сфере влияния Совета по делам РПЦ.

Результатом многолетней политики государственного регулирования жизнедеятельности церковных приходов на территории Московской губернии/области к 1958 г. стало практически полное ее подчинение действующей власти, что явилось следствием выстроенной после учреждения в 1943 г. Совета по делам РПЦ системы жесткого и тотального контроля за любыми событиями, происходившими за церковной оградой. Государство получило возможность регулировать и контролировать все сферы деятельности приходов и Церкви в целом, от регистрации священнослужителей и членов исполнительных органов до приходской бухгалтерии и числа исполняемых треб. Церковь, несмотря на то что в послевоенные годы обрела некоторую относительную экономическую

самостоятельность, получив в 1946 г. «ограниченное право юридического лица», что позволило ей даже открывать небольшие производства по изготовлению предметов культа⁵⁸², а приходам – приобретать имущество, находилась под постоянным контролем со стороны государственных структур. Одновременно с этим с конца 1940-х гг. государство активно транслирует на запад свидетельства якобы свободного и независимого положения Церкви в СССР, участвующей в пропаганде мирного сосуществования и поддерживающей советскую модель развития общества, что было бы невозможно без полного государственного подчинения.

Через три десятилетия поисков наиболее эффективной с государственной точки зрения модели взаимодействия с Церковью был найден «оптимальный» вариант, заключавшийся в полном подчинении Церкви интересам государства с активным использованием ее в своих целях. Принуждение и подавление, как показала практика, не привели к желаемому результату. В конце 1930-х гг., когда встал вопрос о полном уничтожении Церкви или радикальном изменении ее положения в СССР, был выбран второй путь, через несколько лет приведший к созданию Совета по делам РПЦ.

Церковь продолжала оставаться гонимой, а верующие – оттесняемыми на социальную обочину, но при тотальном контроле за деятельностью, происходившей внутри церковной ограды, Церковь в глазах советской власти переставала представляться опасным сообществом, способным поколебать ее устои. Одновременно Церковь, главным образом в лице ее епископата, с готовностью представляла СССР на международных форумах, демонстрируя, с одной стороны, единение с государственной политикой, а с другой – отсутствие гонений. Подчиненная Церковь оказалась не только наиболее эффективной моделью ее существования внутри атеистического государства, но и самой устойчивой, ибо в таком состоянии она пребывала по меньшей мере до конца 1980-х гг.

---

⁵⁸² Гераськин Ю.В. Русская Православная Церковь, общество и власть в 1945–1958 гг. // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. С. 137–143.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРИХОДСКОМ УРОВНЕ АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ И АНТИЦЕРКОВНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЗАДАЧ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1918–1941 гг.

Начиная с 1917 г. антирелигиозная и антицерковная риторика становится частью государственной программы. Советская власть безошибочно определила Церковь как одного из своих врагов и все долгие десятилетия своего существования с переменным успехом с ней боролась. Обработка общественного мнения в антирелигиозном направлении после 1917 г. резко усилилась и приняла новые формы прежде всего благодаря тому, что стала одним из инструментов насаждения новой идеологии.

Хронологически антирелигиозная пропаганда в СССР в той или иной форме и степени продолжалась с первых послереволюционных месяцев вплоть до 1980-х гг., но в этом периоде был значительный перерыв – с 1941 по 1958 г., обусловленный изменением государственного курса в отношении Церкви в связи с Великой Отечественной войной и ее последствиями. Сказанное не означает, что в указанный временной промежуток сложилось некое подобие церковно-государственной симфонии – политика государственного атеизма своего магистрального вектора не меняла, – но антирелигиозная пропаганда в тех формах, в которых она практиковалась в довоенные годы, во время и после войны свое действие приостановила. При этом еще до осени 1958 г., когда один за другим были приняты два документа, положившие начало новой волне антицерковной и антирелигиозной государственной политики (Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»⁵⁸³ и последовавшее за ней секретное Постановление

---

⁵⁸³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 5–13.

ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г.), выходили постановления⁵⁸⁴, направленные на усиление антирелигиозной пропаганды, которые, однако, не повлекли за собой активизации пропагандистских мероприятий, что будет наблюдаться с конца 1958 г.

Период с 1941 по 1958 г. разделил антицерковную политику СССР на два различных с пропагандистской точки зрения этапа. Если в 1920–1930-х гг. гонения на Церковь можно условно назвать «воинствующим атеизмом», когда основной формой воздействия на верующих был страх разного рода репрессий (экономических, политических, уголовных) и прямое уничтожение, то начиная с конца 1950-х гг. эти гонения приобретают форму атеизма «научного», для которого характерными становятся такие формы, как «перевоспитание» и формирование образа верующего-маргинала⁵⁸⁵.

В настоящей главе будет рассмотрена реализация антирелигиозных и антицерковных идеологических и пропагандистских задач органов советской власти на приходском уровне в период с 1918 по 1941 г. Верхняя граница этого промежутка совпадает не только с началом Великой Отечественной войны, но и с окончанием работы главного печатного органа в области антирелигиозной пропаганды – газеты «Безбожник», что представляется вполне логичным.

Исследовательской задачей, решение которой представляется необходимым для достижения поставленной цели, является рассмотрение и анализ антирелигиозной пропаганды, проводившейся властями на территории Московской губернии/области в предвоенные десятилетия.

Антирелигиозная и антицерковная государственная пропагандистская деятельность на уровне церковного прихода осуществлялась по широкому спектру

---

⁵⁸⁴ Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» 7 июля 1954 г. и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» 10 ноября 1954 г. // Спутник атеиста. / Отв. ред. С.И. Ковалев. М., 1959. С. 459–478.

⁵⁸⁵ Митрохин. Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб., 1997. С. 42–62.

взаимосвязанных направлений, но всегда в русле общегосударственной антицерковной политики и определялась ее актуальными направлениями. Главным идеологическим инструментом в этой деятельности начиная с середины 1920-х гг. становится общественное движение, вошедшее в историю под названием Союз воинствующих безбожников, с широким набором различного рода изданий, наиболее массовым и долгоживущим из которых стала газета «Безбожник». Рассмотрение деятельности СБ и СВБ на территории Московской губернии/области является второй задачей настоящей главы.

Одним из методов разрушительного воздействия на Церковь в 1920-х гг. стало инспирирование ряда раскольнических движений. Наиболее «идеологическим» в своей основе был обновленческий раскол, который создавался в 1922 г. как альтернативная «красная церковь», в период, последовавший за изъятием церковных ценностей. С первых дней создания обновленчества большевики не скрывали его цели: разложение Церкви. В декабрьском 1922 г. отчетном докладе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) прямо говорится: «В области *разложения церкви* (курсив мой. – В.Н.): в Москве и особенно в Петербурге деятельность В.Ц.У. и объединенных в нем обновленческих групп на каждом шагу продолжает наткаться на ожесточенное противодействие сплоченных контрреволюционных сил, продолжающих держать в своих руках большинство приходов. Гораздо успешнее дела обновленцев в провинции»⁵⁸⁶.

Будучи с церковной точки зрения еретическим и имея главной целью разрушение Церкви, обновленческое движение использовало различные методы для ее достижения, вплоть до объявления «тихоновцев» в 1934 г. «еретическим расколом» с предупреждением верующих от том, чтобы они избегали принимать таинства у «староцерковников» и посещать их храмы⁵⁸⁷. Если бы не массовое (как, например, в Московской губернии/области) неприятие

⁵⁸⁶ Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) о проделанной работе. 12 декабря 1922 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 48–50. Цит. по: Архивы Кремля. в 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997. С. 347–348.

⁵⁸⁷ Лавринов В.В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 27.

обновленческого движения, такая установка могла бы стать мощным идеологическим рычагом, с одной стороны, отвращавшим верующих от религии, а с другой – не привлекавшим их в обновленчество. Таким образом, поддержка «красной церкви», полностью подконтрольной действующей власти и транслировавшей необходимые ей установки, становилась заметной частью государственной антицерковной и, в конечном итоге, антирелигиозной пропаганды. Анализ задач, форм, методов и результатов деятельности обновленцев на территории Московской губернии/области является третьей задачей.

2.1. Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в 1918–1941 гг.: цель, формы и содержание

Одним из мощнейших инструментов антицерковной государственной политики являлась советская антирелигиозная пропаганда. Ее целью было формирование общественного мнения таким образом, чтобы постепенная и в конечном итоге полная ликвидация Церкви воспринималась обществом как естественный и закономерный процесс, пусть и не всеми поддерживаемый.

Цель определяла задачи, среди которых можно выделить:

- Распространение антирелигиозной идеологии.
- Снижение авторитета Церкви и священнослужителей.
- Формирование представлений о духовенстве как о туеядцах и эксплуататорах.
- Создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви.
- Формирование негативного отношения к религии и Церкви на бытовом уровне.

Каждая из этих задач распадалась на множественные составляющие. Так, например, образ церковника-врага включал множество характеристик: враг советского государства вообще, противник помощи голодающим, кулацкий приспешник, противник колхозного строительства, противник мероприятий советской власти на селе, распространитель контрреволюционной идеологии и т.д. Каждая из них предполагала применение определенного набора антирелигиозных пропагандистских практик, направленных на решение какой-то отдельной или нескольких задач.

К отмеченным пяти основным задачам антирелигиозной пропаганды можно добавить еще одну. Условно ее можно назвать контрпропагандой, если предположить, что в СССР в противовес антирелигиозной существовала «прорелигиозная» пропаганда, на борьбу с которой и была направлена эта шестая задача. Однако такая пропаганда в СССР была невозможна законодательно, так как если первая советская Конституция 1918 г. гарантировала всем гражданам РСФСР свободу как антирелигиозной, так и религиозной пропаганды, то уже в 1929 г. в Основной закон были внесены поправки, допускавшие исключительно антирелигиозную пропаганду. Конституция 1936 г. закрепила окончательно такое положение дел и создала нормативно-правовую базу этого направления государственной деятельности. Следует отметить, что в рассматриваемый период в советской России не осуществлялось атеистического образования и воспитания в буквальном, «классическом» смысле этого слова⁵⁸⁸. Атеизм был «воинствующим», а антирелигиозную и антицерковную пропаганду часто, и не без основания, называли борьбой, что подразумевало жесткие и агрессивные формы воздействия.

Перечисленные задачи решались в рамках определенных форм антирелигиозной пропаганды, которые можно разделить на три основные группы:

– Встречи с пропагандистами (лекции, диспуты, митинги, конференции).

---

⁵⁸⁸ Сосковец Л.И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа. //Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 189–199.

– Создание и публикация антирелигиозных текстов (книги, брошюры, статьи в периодических изданиях и некоторые периодические издания целиком) и наглядная агитация (лозунги и плакаты, карикатуры).

– Организация антирелигиозных мероприятий, направленных на десакрализацию церковной жизни (общественное порицание участия в церковной жизни, вмешательство в личную жизнь, организация представлений карнавального типа, высмеивавших духовенство и пародировавших церковные таинства и обряды).

На первом этапе (до 1922 г.) у большевиков не было стратегически выработанного плана идеологической войны против Церкви, и все их действия на этом направлении носили характер спонтанных атак на ее служителей и наиболее активных верующих мирян. В местной прессе Московской губернии публиковались многочисленные заметки антирелигиозной направленности с более или менее агрессивными заголовками, но системной эту деятельность назвать нельзя. В 1921–1922 гг. в преддверии и в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей антирелигиозная пропаганда становится более упорядоченной и стройной. Происходит выраженное формирование конкретной задачи: представить Церковь в качестве противника помощи голодающим. В дальнейшем такая схема станет использоваться постоянно, когда внутривнутриполитические цели актуализировали те или иные задачи антирелигиозной пропаганды. При этом на каждом этапе борьба за настроения населения методами пропаганды не отменяла и не заменяла устрашение и террор, которые на многие годы останутся основными инструментами управления «народной массой»⁵⁸⁹.

О том, что идеологическая борьба с Церковью не может ограничиться исключительно пропагандистскими усилиями, но непременно потребует поддержки силовых ведомств, говорит тот факт, что систематическая деятельность в этом направлении с начала 1920-х гг. осуществлялась VI секретным отделением

---

⁵⁸⁹ См. § 3.3. Специфика и тенденции репрессивной политики советской власти в отношении церковных приходов в 1918–1958 гг.

ГПУ во главе с Е.А. Тучковым⁵⁹⁰, человеком, оставившим глубокий след в истории советских спецслужб и одновременно в судьбах многих священнослужителей, Православной российской церкви.

Антирелигиозная пропаганда являлась делом общегосударственным, развивать которое должны были далеко не только «профильные» комиссии, такие как Антираиогиозная или Комиссия по вопросам культов, совместно с общественными организациями типа Союза воинствующих безбожников и близких к нему образований. В эту деятельность был вовлечен целый ряд наркоматов и их структурных подразделений: Наркомпрос, Наркоминдел, Наркомтруд, не говоря уже об НКВД.

На рубеже 1917–1918 гг. антирелигиозная пропаганда не выделялась в самостоятельную работу, а велась в рамках общей политической обработки, когда наскоро обученный лектор направлялся на заводы, фабрики, в деревни, где разъяснял рабочим и крестьянам ценности завоеванной для них свободы и распространял соответствующую литературу, в том числе и антирелигиозную. Местом таких встреч в городах были, как правило, заводские цеха, а на селе часто вообще приходилось пропагандировать под открытым небом⁵⁹¹.

Личные встречи с пропагандистами начали практиковаться в Московской губернии не позднее февраля–марта 1918 г., то есть практически сразу после опубликования Декрета «Об отделении церкви от государства»⁵⁹². К таким самым ранним по времени проведения мероприятиям следует отнести выезд представителей уездных отделений Наркомпроса в крупные села именно для разъяснения норм Декрета⁵⁹³.

---

⁵⁹⁰ Тучков Евгений Александрович (1892–1957), сотрудник ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1918 г., в 1922–1929 гг. – начальник 6-го отделения СО ОГПУ, майор государственной безопасности (1935).

⁵⁹¹ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 93.

⁵⁹² ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311. Л. 9, 9 об.

⁵⁹³ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300-в. Л. 3.

Для верующих, духовенства и тем более епископата антицерковная и антирелигиозная сущность Декрета не могла укрыться за его внешне «демократическими» формулировками, о чем свидетельствуют оценки и предостережения, которые высказывал в своем письме в Совнарком⁵⁹⁴ еще в декабре 1917 г., то есть за месяц до вступления Декрета в силу, митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Таким образом, выезды пропагандистов на приходы Московской губернии сразу после выхода Декрета для разъяснения его норм имели целью решение *пропагандистской задачи распространения антирелигиозной идеологии.*

Необходимо выделить сильные и слабые стороны этой формы антирелигиозной пропаганды. К сильным можно отнести такой важный фактор, как личный контакт пропагандиста с аудиторией. Если лектор хорошо владел приемами ведения дискуссии, иногда с большим числом слушателей, среди которых далеко не все были настроены положительно по отношению к теме выступления, и, кроме того, если выступающий обладал необходимыми знаниями и подготовкой, то такая форма работы могла иметь успех. Отсутствие указанных навыков неминуемо превращало все положительные стороны работы в отрицательные. В ряде случаев неумение вести диалог со слушателями приводило к физической расправе с пропагандистом⁵⁹⁵. К «слабой» стороне антирелигиозной пропаганды в форме диспутов, лекций и митингов, помимо необходимости подготовки лекторов, можно отнести ограниченное число слушателей проводившихся встреч, тем более что житель сельских районов Московской губернии зачастую не стремился принять в них участие. В протоколе заседаний бюро Павлово-Посадского РК РКП (б) в 1919 г. читаем о том, что лекции в антирелигиозных кружках начались, но слушателей нет, поэтому необходимо привлечение слушателей из Союза коммунистической молодежи, красноармейцев

---

⁵⁹⁴ Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 617–623.

⁵⁹⁵ Никонов В.В. Особенности вынесения приговоров Московским революционным трибуналом по делам духовенства и верующих в 1918–1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 74–87.

и рабочих⁵⁹⁶, и такие заключения встречаются в протоколах заседаний уездных партийцев повсеместно. Местные крестьяне добровольно лекции не посещают, приходится набирать слушателей по разнарядке.

Это было (и будет в дальнейшем) проблемой, для решения которой властям приходилось изыскивать различные способы, в том числе довольно неожиданные. Например, для обеспечения массовости встречи с пропагандистами приурочить лекции к церковным праздникам, народным гуляньям или просто воскресным дням, когда верующие собирались в храме⁵⁹⁷.

Другим способом увеличения посещаемости подобных мероприятий в Московской губернии стала оригинальная идея перенести их в чайные. Такие заведения были распространены повсеместно и располагались, как правило, в крупных селах на центральных улицах и перекрестках, то есть в непосредственном соседстве с приходскими храмами. В этом смысле, с точки зрения антирелигиозных идеологов, локация была выбрана безупречно. Идея сразу стала воплощаться в жизнь во многих уездах Московской губернии. В Наро-Фоминске пошли дальше: здесь в чайных не просто стали организовывать разовые встречи с пропагандистами, а сразу устраивать красные уголки⁵⁹⁸.

При таком новаторском взгляде на функцию чайных стало понятно, что их число, и без того в Московской губернии не малое, следует увеличить. В сентябре 1918 г. состоялось очередное заседание Бронницкого уездного районного комитета РКП(б), на котором в преддверии наступления холодного сезона обсуждался вопрос о необходимости открытия в деревнях на месте «бывших кулацких – советских чайных», где будет возможно вести работу среди несознательных граждан и распространять политическую литературу. Было принято решение: везде, где имеется техническая возможность, открывать «советские» чайные и клубы, а Совнархозу «озаботиться посодействовать в средствах»⁵⁹⁹. В протоколе не

---

⁵⁹⁶ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ.Ф. П-140. Оп.1. Д. 5. Л. 3, 4.

⁵⁹⁷ Отчет Можайского уездного комитета Российской Коммунистической партии. (С 1-го января по 1-е ноября 1924 г.). Можайск, 1925. С. 20.

⁵⁹⁸ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.

⁵⁹⁹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 2. Л. 18. об.

указывалось, чем «бывшие кулацкие» чайные принципиально отличались от «новых советских», но в свете сказанного выше все объяснялось просто. На том же заседании был составлен список «товарищей, умеющих выступать на митингах». Надо полагать, что число пропагандистов, регулярно присылаемых из Москвы в губернию, уже в 1918 г. было признано недостаточным.

15 августа 1919 г. на очередном заседании районного комитета РКП(б) был заслушан доклад представителя Московского губкома, целиком посвященный «вопросам религии»⁶⁰⁰. По итогам обсуждения доклада в уездах Московской губернии впервые принимается решение о том, чтобы вменить в обязанность всем коммунистам вести антирелигиозную пропаганду среди населения. При этом в протоколе не разъяснялось, как и где проводить такую работу, но из контекста можно сделать вывод, что коммунистам она предписывалась не только на собраниях, но и в быту. Через несколько дней – 28 августа – в Бронницах был заслушан доклад «О дне советской пропаганды», после чего состоялся митинг под названием «Культурная задача коммунистической партии», в рамках которого было принято решение о создании местного Комитета по устройству дня советской пропаганды. Таким днем решили сделать воскресенье, когда верующие традиционно посещают храмы. Сделано это было, разумеется, не случайно, так как воскресный день, именно в силу своего религиозного значения, представлял определенную проблему для советских идеологов⁶⁰¹, состоявшую в том, что традиция совместной молитвы именно в воскресенье являлась фактором, объединявшим верующих. Вновь созданному комитету было поручено войти в контакт с культурно-просветительскими организациями и написать статью в газету «Известия»⁶⁰². Таким образом, можно говорить о том, что в Бронницком уезде пропагандистская работа официально началась уже с августа 1919 г. Неслучайным

---

⁶⁰⁰ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁶⁰¹ Уфимцева Е.И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология, политология, 2018. №2. С. 133–139.

⁶⁰² Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. 20 февр. 1920 г. Заседание 28 августа 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.

представляется, что именно в этот период на одном из июльских собраний Бронницкой уездной парторганизации единогласно было принято решение о выделении 30 000 руб. на приобретение бюстов В.И. Ленина и К. Маркса для последующей установки их на улицах⁶⁰³.

С августа 1919 г., согласно партийной дисциплине, коммунисты Бронницкого уезда приступили к антирелигиозной работе, однако уже в начале октября в местном Совдепе поняли, что своими силами им не справиться. Местные жители, поколениями воспитывавшиеся в православной традиции, не желали менять свои убеждения в угоду настроениям новой власти. Тогда было принято решение просить вышестоящее руководство о командировании в Бронницы лектора по религиозному вопросу, с тем чтобы члены ячейки хорошо ознакомились с этим вопросом и могли вести антирелигиозную пропаганду среди населения Бронницкого уезда⁶⁰⁴.

Летом 1921 г. в уездах Московской губернии были организованы уездные партийные конференции РКП(б), на которых выступали руководители волостных ячеек. Все они касались политико-просветительской и антирелигиозной деятельности, которая, по их общему мнению, была развита в уезде недостаточно. Местным партийным ячейкам вменялось в обязанность на каждом собрании ставить в повестку дня антирелигиозные вопросы. По итогам работы конференций принималась резолюция, в которой, в частности, говорилось о том, что каждый член партии обязан воспитывать своих детей в духе коммунизма и вести неустанную борьбу с религиозными предрассудками как в своей семье, так и «в окружающей его среде»⁶⁰⁵.

Хотя до кампании по изъятию церковных ценностей было еще более полугода, на конференциях обсуждался также вопрос помощи голодающим, ибо голод в Поволжье уже начался. Сквозь тексты резолюций явственно проступают

---

⁶⁰³ Протокол заседания Бронницкого УКОМа. 18 июля 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

⁶⁰⁴ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП/б/ 15 августа 1919 г. 20 февр. 1920 г. Заседание 4 октября 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

⁶⁰⁵ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

истинные цели большевиков в этой трагедии. Примечателен также способ в деле помощи голодающим. Было решено сделать один день в неделю – воскресенье – днем помощи голодающим и в этот день проводить митинги, беседы, собрания, делать сборы, устраивать спектакли, концерты, а также организовывать воскресники в пользу голодающих⁶⁰⁶. Таким образом, задолго до изъятия церковных ценностей власти начали приучать население к тому, что в воскресенье – то есть тогда, когда верующие привыкли идти в храм, – будут организованы еженедельные пропагандистские мероприятия: спектакли, концерты, беседы. И все это под вполне понятным лозунгом помощи голодающим. За несколько месяцев такая практика войдет в привычку, и когда весной следующего, 1922 г., в приходские церкви войдут уполномоченные Помгола под защитой вооруженных красноармейцев, граждане в абсолютном большинстве случаев безропотно отдадут накопленное столетиями церковное имущество. Следует отметить, что идея изменения привычного для верующих представления о том, что воскресенье – это день молитвы, после изъятия церковных ценностей была уже не нова: совсем недавно, в 1919 г., этот день хотели сделать «днем советской пропаганды». Через несколько лет, в 1929 г., она трансформировалась в организацию непрерывной рабочей недели – сначала пяти-, а затем и шестидневной, при которой воскресенье переставало быть единственным выходным днем.

Весной 1922 г. производилось изъятие церковных ценностей⁶⁰⁷. Однако подготовку общественного мнения к намеченной акции власти начали раньше – еще в 1921 г. В данный период все ораторы так часто старались включить в свои выступления пассажи об антирелигиозной работе, что это постепенно становилось

---

⁶⁰⁶ Там же. Л. 5 об.

⁶⁰⁷ Необходимо отметить принципиальное отличие предпринятого большевиками изъятия церковных ценностей в 1922 гг. с целью нанести максимально ощутимый в экономическом и пропагандистском смысле удар по Церкви, от секуляризаций церковных имуществ, имевших место в императорской России, направленных исключительно на пополнение казны с гарантированным государственным выделением необходимых средств для существования Церкви.

общим местом. Чему бы ни была посвящена речь очередного трибуна, в ней всегда содержались пассажи о необходимости усиления борьбы с «религиозным дурманом» и «поповским мракобесием». С этого времени можно говорить о появлении в антирелигиозной пропаганде *задачи, направленной на снижение авторитета Церкви и священнослужителей*. В той или иной степени в антирелигиозной пропаганде эта тема присутствовала и раньше, но именно в связи с изъятием церковных ценностей она стала актуальной. Кроме того, решение этой пропагандистской задачи весной 1922 г. подготавливало общество к Петроградскому и двум Московским и другим процессам, на которых должны были быть осуждены лица, оказавшие сопротивление изъятию церковных ценностей.

Вопросы антирелигиозной пропаганды поднимались практически на всех официальных партийных уездных форумах (конференциях, пленумах) Московской губернии (области). Они в значительном количестве сохранились не только в виде архивных документов, но и в виде отдельных брошюр, отпечатанных полиграфическим способом⁶⁰⁸.

В антирелигиозной работе вместе с партией участвовал комсомол. В историческом архиве г. Москвы сохранились тезисы к докладу безымянного оратора на 17-й Бронницкой уездной конференции РКСМ под названием «Задачи комсомола в деревне». Доклад строился не просто на противопоставлении старых форм труда и отдыха и новых, советских, но на отрицании их духовного и религиозного содержания. Например, касаясь вопросов отдыха молодежи, докладчик говорил, что опыт массовых гуляний, имеющийся в уезде, должен активно развиваться, но такие гулянья должны организовываться «на здоровых

---

⁶⁰⁸ Решения IX-ой Можайской уездной конференции РКП(б.) и план работы УКОМа РКП(б.) на ноябрь - апрель 1925-26 года. Можайск, 1926.; Постановления объединенного пленума РК и РКК(б) Можайской организации. 28-29 августа 1931 г. Можайск, 1931.; Резолюции пленума Ногинского районного комитета ВКП(б) от 10 июля 1933 года. Ногинск, 1933.; Резолюции Пленума Ногинского райкома ВКП(б) от 29 марта 1934 г. Ногинск, 1934.; Сборник обязательных постановлений Президиума Звенигородского уездного исполнительного комитета советов р. к. и к. д. действующих на 1927-28 года. Звенигород, 1929.; Резолюции XV-го Богородского уездного съезда советов 26-28 февраля 1927 года. Богородск, 1928.

видах развлечений», отвлекающих молодежь от старых бытовых привычек, которыми было заполнено содержание гуляний в «старые бытовые праздники». При этом, антирелигиозная пропаганда должна принять систематический характер. Религиозным праздникам и сопровождающему их пьяному разгулу необходимо противопоставить трудовые и антирелигиозные праздники. Также антирелигиозная работа должна быть направлена «против сектантского движения»⁶⁰⁹.

Как уже отмечалось выше, успешность решения антирелигиозных пропагандистских задач в форме личного общения с пропагандистами определялась в том числе местом проведения таких встреч. В уездах Московской губернии (Можайском, Богородском, Звенигородском и пр.) антирелигиозные мероприятия проводились в местах традиционных гуляний, посвященных церковным праздникам, где пропагандисты делали сообщения и постановки антирелигиозного характера⁶¹⁰. Правда, такие встречи носили нерегулярный характер.

Местом проведения антирелигиозной пропаганды на постоянной основе стали избы-читальни. Как просветительские учреждения, избы-читальни существовали еще в дореволюционное время, но в советский период они начали выполнять еще и пропагандистские функции, которые постепенно стали преобладающими.

В 1925 г., когда создавался Союз воинствующих безбожников, волостные избы-читальни рассматривались как учреждения, где, как на фабриках, в отдельных цехах, сельских советах, должны были организовываться первичные ячейки СВБ. Однако эта идея не была реализована, так как избы-читальни не обладали постоянным составом посетителей⁶¹¹.

---

⁶⁰⁹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

⁶¹⁰ Отчет Можайского уездного комитета Российской Коммунистической партии. (С 1-го января по 1-е ноября 1924 г.). Можайск, 1925.; Краткий отчет о работе Богородского уездного комитета ВКП(б), ноябрь 1926 г. октябрь 1927 г.: к 27-й уездной партконференции. Богородск, 1927.

⁶¹¹ ЦГА. Москвы. Ф. 1581. Оп.1. Д. 124. Л. 9.

Специальным постановлением ЦК ВКП(б) «Об избах-читальнях» 1929 г. утверждалось, что изба-читальня должна стать организующим центром культурной и политической активности бедняцких и середняцких масс⁶¹². К середине 1930-х гг. советские избы-читальни были распространены на всей территории СССР. В Московской области в рассматриваемый период они имелись почти в каждом крупном селе, но их число никогда не признавалось достаточным, а качество работы – удовлетворительным. Эта проблема нашла отражение в Постановлении 1929 г., где прямо отмечалась «слабость кадров избачей», для чего предлагалось уже к осени 1930 г. подготовить и направить на работу избачами не менее 10 тысяч коммунистов и комсомольцев из числа окончивших совпартшколы, закрепив их на этой работе не менее, чем на 3 года⁶¹³. Была утверждена также и структура деятельности изб-читален, для чего в каждом районе создавался «политпросветцентр», в задачи которого входило инструктирование работников изб-читален и обеспечение их необходимыми пропагандистскими материалами.

О том, как эти задачи реализовывались в районах Московской области, свидетельствуют многочисленные публикации в местной прессе. По мнению областных коммунистов и пропагандистов, избы-читальни должны были покрывать сельскую местность густой сетью, но далеко не везде эта инициатива встречала сочувственное отношение. Следует отметить, что указанная проблема находила отражение в прессе задолго до выхода в свет Постановления 1929 г.⁶¹⁴

Изба-читальня имела две штатные единицы: избач – руководитель заведения, который имелся в любой избе-читальне, и беседчик, имевшийся далеко не везде и

---

⁶¹² Об избах-читальнях (Постановление ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1929. № 2.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Изба-читальня // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 7.; На всероссийском съезде избачей в Москве. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927. № 19.; Пьют и гуляют, а про избу-читальню забывают. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 4.; Нужны избы-читальни. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 5.; Избы-читальни. Брошенное семя не должно погибнуть. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 10.

иногда обслуживавший сразу несколько соседних учреждений. В обязанности беседчика входило разъяснение местным жителям политики новой власти и одновременно антирелигиозная пропаганда. Беседчик, таким образом, был более квалифицированным работником и фактически профессиональным пропагандистом.

Вопреки распространенному мнению, обучение грамоте в задачи изб-читален не входило. Эту функцию выполняли специальные школы грамоты и ликпункты. Избы-читальни являлись инструментом идеологического воздействия и, за редким исключением⁶¹⁵, популярностью у местного населения не пользовались. С одной стороны, в делопроизводственной документации уездных и волостных советов указывалось на недостаточное число таких учреждений⁶¹⁶, с другой – на нехватку средств для их функционирования⁶¹⁷. Анализ укомплектованности изб-читален Московской губернии кадрами позволяет говорить о том, что только в 10% случаев обе штатные единицы – избач и беседчик – были задействованы. В абсолютном большинстве сотрудником избы-читальни был один избач. При этом в губернии имелись избы-читальни, где не было и избачей. Иногда из положения выходили, организуя обслуживание одним избачом нескольких изб-читален, расположенных по соседству, а в тех случаях, когда это сделать было невозможно, избы-читальни бездействовали⁶¹⁸.

Но даже тогда, когда сотрудники изб-читален имелись в наличии, они не всегда проявляли ответственное отношение к работе, из-за чего, многие избы-читальни часто стояли запертыми. Многочисленные публикации в районных газетах позволяют говорить о наличии общей проблемы⁶¹⁹. С таким положением

---

⁶¹⁵ Никонов В.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. Анализ архивных документов 1917–1924 гг. Гжель, 2016. С. 166–168.

⁶¹⁶ ЦГА. Москвы. Ф. 145. Оп.1. Д. 62. Л. 8.

⁶¹⁷ ЦГА. Москвы. Ф. П-152. Оп.1. Д. 23. Л. 5, 6 об.

⁶¹⁸ ЦГА. Москвы. Ф. 145. Оп.1. Д. 57. Л. 78.

⁶¹⁹ Избач развалил работу // Подольский рабочий Орган Подольского РК ВКП(б), РИКа, Горсовета и РСФС. 1932. № 77.; Избач Петров снят с работы // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1933. № 5.; Избач развалил культработу // Серп и

дел пытались бороться, но не всегда результативно, в том числе и потому, что политическая направленность этих заведений была для всех слишком очевидной.

Нерегулярная работа изб-читален преподносилась как фактор, способствовавший активизации религиозной активности духовенства. «Изба-читальня на замке, а церковники действуют» – такого рода заголовки часто встречались в прессе рассматриваемого периода. Следует помнить, что выражение «церковники действуют» не означало, разумеется, наличия какой-либо религиозной пропаганды, тем более что ее проведение было запрещено законодательно. Максимум, что мог себе позволить священнослужитель в начале 1930-х гг., – это на проповеди в храме призвать прихожан не забывать Церковь и регулярно посещать богослужения (уже один этот призыв, являющийся прямой обязанностью православного священника, становился одним из пунктов обвинения по ст. 58 УК). Иными словами, использование таких заголовков можно расценивать как попытку решения *шестой пропагандистской задачи*, которую мы условно назвали *контрпропагандой*.

Корреспондент раменской районной газеты «Авангард» с выразительным псевдонимом Дятел писал, что отсутствие культмассовой работы привело к тому, что церковники и сектанты свили себе прочное гнездо и держат жителей в цепях предрассудков и старины. И далее: «В дни церковных праздников, так называемых «покрова», «николы мученика» и «ивана постного» колхозники предпочли праздновать, а не работать в поле»⁶²⁰. Подчеркнуто пренебрежительное отношение к христианским праздникам, допущенное Дятлом в статье, было направлено на унижение всех православных читателей, но главным образом – прихожан местного Михаило-Архангельского храма, который вскоре будет закрыт. Статьи подобного содержания встречаются повсеместно⁶²¹.

молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1933. № 117.; Чем занят избач? // Коммунист. Орган Серпуховского Горкома ВКП(б) и Райисполкома. 1938. № 5.

⁶²⁰ Изба-читальня на замке, а церковники действуют. //Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. 1931. № 16.

⁶²¹ Изба-читальня на замке // Волоколамский колхозник. Газета колхозов Волоколамского района. 1930. № 6.; В поход за организацию изб-читален в деревне! // Набат. Орган Оргбюро

Темы, которые должны были поднимать в своей работе с населением избачи и беседчики, в виде циркуляров регулярно высылались из Московского обкома ВКП(б) и всегда соответствовали тем актуальным задачам, которые в определенный момент ставились перед пропагандистами. Например, весной 1938 г. такими темами были: «Шпионы и диверсанты в рясах», «Союз церкви и фашизма», «Борьба за урожай и религия», «Происхождение и классовая сущность пасхи», «2 мира – 2 праздника»⁶²². Как становится ясным из программы, набор тем антирелигиозной направленности полностью соответствовал представлениям, которые следовало транслировать в период Большого террора.

Серьезной проблемой, часто отмечавшейся на различных конференциях и съездах, посвященных вопросам антирелигиозной пропаганды в 1920-х гг., была острая *нехватка профессиональных работников*. Местные кадры не имели ни достаточного опыта, ни знаний для обсуждения такого рода вопросов, а тем более – для участия в диспутах. Профессиональных пропагандистов, присылаемых из Москвы, не хватало, а тем, кому удавалось провести занятия в уездах для местных активистов, было очевидно, что культурный уровень и кругозор последних не позволял надеяться, что они смогут успешно использовать полученные навыки выступления перед аудиторией и адекватно транслировать новую для них информацию. Столичные специалисты уезжали, и антирелигиозная работа вновь начинала буксовать.

Ответственные работники на местах, отмечая провалы на антирелигиозном фронте, часто сетовали на то, что и рядовые партийцы, привлекаемые к этой работе,

---

Серпуховского Горрайкома ВКП(б).1931. № 34.; В избе-читальне – ремонтная мастерская // Подольский рабочий Орган Подольского РК ВКП(б), РИКа, Горсовета и РСФС. 1932. № 77.; Изба-читальня должна стать центром культурной работы на селе // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1933. № 5. Снять замок с избы-читальни, сделать ее органом массовой агитации и пропаганды, центром политико-просветительной работы на селе // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1933. № 42.; О плохой работе избы-читальни // Волоколамский колхозник. Орган РК ВКП(б), Райисполкома и РСФС Волоколамского района Московской области. 1934. № 6.; Гуляют в крестьянской хате, а изба-читальня на заперти // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1933. № 123.

⁶²² ЦГА. Москвы. Ф. 145. Оп.1. Д. 98. Л. 17.

своими обязанностями манкировали. Выступая на XVII Ухтомской волостной конференции ВКП(б), член Люберецкого горкома, некто Сурнин, сообщил, что при обследовании политшкол оказалось, что в начале занятий посещаемость составила не более 50%, а в дальнейшем еще снизилась. Признавая это явлением ненормальным, Сурнин призвал посещаемость всемерно повысить и «возможно больше втянуть слушателя», одновременно обратив внимание на качество агитпропработы. И далее следовала дежурная фраза, что успехи на антирелигиозном фронте есть, но они незначительны⁶²³.

Неудовлетворительную антирелигиозную работу в прямую зависимость от неподготовленности пропагандистов ставят коммунисты Можайского уезда: «Антирелигиозная пропаганда поставлена слабо, поскольку не имеется еще подготовки у ее руководителей»⁶²⁴.

Кадровые вопросы при организации пропагандистской работы были одними из главных. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы»⁶²⁵ этому было уделено много внимания. Так, в документе отмечалось, что время нейтрального отношения школы к религии прошло и учителя должны стать проводниками антирелигиозных идей в системе Наркомпроса. Пропагандистами, по мнению секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, чья подпись стоит под Постановлением, должны стать работники искусства, авторы и постановщики пьес на антицерковные темы, писатели и журналисты. Отдельным образом подчеркивалось, что пропагандистами могут и должны быть красноармейцы, получившие необходимую подготовку во время службы и возвращающиеся в села и деревни, где им может быть поручено вести антирелигиозные беседы, увязывая их с хозяйственными вопросами.

Повсеместно в Московской губернии, а затем – области создавались специальные курсы для избачей и пропагандистов. Судя по объему (в 1935 г. курс

⁶²³ Протокол XVII Ухтомской волостной конференции ВКП(б). 9 октября 1927 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. П-152. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4 об.

⁶²⁴ Отчет Можайского уездного комитета Российской Коммунистической партии. (С 1-го января по 1-е ноября 1924 г.). Можайск, 1925. С. 34.

⁶²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1, 2.

состоял из 50 часов)⁶²⁶, они не были краткими поверхностными занятиями, а носили характер основательного обучения.

Личные встречи с пропагандистами, выступавшими с антирелигиозными лекциями и участвовавшими в диспутах соответствующей направленности, были ориентированы главным образом на распространение антирелигиозной идеологии и снижение авторитета Церкви и священнослужителей. В 1930-х гг. к решению двух указанных пропагандистских задач добавилась еще одна: создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви. Выделенные три главные задачи антирелигиозной пропаганды, решение которых возлагалось на личные встречи с пропагандистами, не означает, что в процессе работы они не касались смежных тем.

Успех такой пропагандистской работы в значительной степени зависел от уровня подготовленности выступающего и от его личных качеств: способности ясно излагать свои мысли, уверенности, харизмы, а также мужества, что было особенно актуально в первые послереволюционные годы. Важность такой формы антирелигиозной пропаганды в полной мере осознавалась властями, что подтверждается тем, какое значение придавалось подготовке кадров пропагандистов – сначала лекторов, а затем сотрудников изб-читален.

Второй формой антирелигиозной пропаганды следует считать изготовление печатной тиражной продукции: прессы, литературы, плакатов и т.п. Она имела ряд преимуществ перед личными встречами с пропагандистами. Прежде всего потому, что печатная продукция предполагала выверенное содержание материала. Статья в газете, текст антирелигиозной брошюры и тем более плаката и лозунга – все готовилось заранее и в той или иной форме подвергалось проверкам, а при необходимости – редактуре. Печатные материалы не зависели от компетентности пропагандиста, его кругозора и навыков общения со слушателями. Еще одним преимуществом был охват аудитории. Даже уездные газеты в Московской губернии начала 1920-х гг. печатались тиражами в несколько сотен, а позже – до

---

⁶²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 145. Оп. 1. Д. 59. Л. 25.

тысячи экземпляров. Что же касается всесоюзных газет, то в 1931 г. газета «Безбожник», например, выходила тиражом 500 тыс. экз.⁶²⁷ Тиражи антирелигиозных брошюр исчислялись, как минимум, тысячами, а часто – десятками и сотнями тысяч экземпляров⁶²⁸, что позволяло распространять необходимые установки на значительные массы читающего (или слушающего, например, в избах-читальнях) населения. Фактически единственным моментом, в чем такая форма антирелигиозной пропаганды уступала лекциям и диспутам, было отсутствие личного контакта и возможности оперативно реагировать на вопросы и соображения слушателей.

Печатная продукция, в силу широкого спектра действия и наиболее массового охвата аудитории, была направлена на решение всех *пяти основных задач антирелигиозной пропаганды*, делая в различные периоды упор на какой-то одной или нескольких, в соответствии с актуальной политической повесткой. При этом генезис антирелигиозной пропагандистской риторики от неопределенной на рубеже 1910–1920-х гг. до угрожающей и, в конечном итоге, клеймящей церковников как врагов во второй половине 1930-х гг. наиболее заметен именно в рассматриваемой форме.

О том, каким неопределенным изначально был язык антирелигиозной пропаганды на самом раннем этапе ее становления, свидетельствует заметка, опубликованная в газете «Крестьянин и рабочий», издававшейся в подмосковном Талдоме и являвшейся официальным органом местного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Материал был приурочен к первой годовщине победы революции и назывался «Светлый день». Радость, которую, по мысли редакции, должны были в этот день испытывать все граждане РСФСР, в праздничном тексте прямо сравнивается с радостью пасхальной: «Настал великий день торжества пролетариата. Этот день знаменателен, как Воскресение Христово, которое

---

⁶²⁷ Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-Религия. 30.10.2002.

⁶²⁸ Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931. (20 тыс. экз.); Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М., 1932. (7 тыс. экз.); Князев И. Как попы и кулаки боролись с колхозом. М., Л., 1930. (250 тыс. экз.); Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 1925. (5 тыс. экз).

верующие встречают с благоговением, торжеством и такой радостью на душе. Сегодня праздник рабочего, праздник бедняка-крестьянина, праздник тех, кого вчера обижали, не считали за людей, кто вчера еще был оскорблен и унижен. И я знаю, что у этих людей сегодня будет на душе так же тихо и радостно, как у верующего в день Воскресения Христова. Светло и радостно будет тем, кто верит в нашу окончательную победу, кто верит в Воскресение пролетариата, пришедшего обновить мир... Все выйдем на улицу под одно знамя рабочих и крестьян, покажем нашу организованность, силу и мощь и скажем: «Смерть вам, сгиньте, уйдите, враги и разрушители строительства светлорадостной жизни»⁶²⁹. Разумеется, то, что вся заметка написана с использованием церковной риторики, произошло в силу желания автора получить отклик у читателя, привычного к такому стилю при описании религиозных торжеств. Однако в контексте настоящего исследования обращает на себя внимание полное несоответствие такого рода текстов антирелигиозной государственной политике, вполне определенно обозначенной Декретом «Об отделении церкви от государства» за 10 месяцев до выхода процитированного материала.

Отсутствие агрессивного тона в антирелигиозных публикациях является довольно типичным для уездных газет Московской губернии в 1918–1920 гг. Даже касаясь довольно острых тем, таких как, например, наличие икон в школах, в заметке 1919 г. «Почему не должны быть в школах иконы?» автор вполне тактично отмечает: «Напрасно некоторые думают, что удаление икон из школ есть зло и гонение на религию. Если бы Христос мог снова явиться народу, то он сказал бы: Важно не то, что висит или не висит в школе, а важно то, чтобы у христианина было сердце доброе, дух правый, ум свободный, чтобы христианин, совершенствуясь социально, возвышался духовно, приближаясь к божеству»⁶³⁰. Заметка опубликована в официальном органе Совета РК и КД г. Егорьевска

---

⁶²⁹ Крестьянин и рабочий. Талдомская газета. Орган Талдомского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. 1918. № 27.

⁶³⁰ Почему не должны быть иконы в школах? // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 7.

корреспондентом по фамилии Мухин, который о себе заявляет как о «сознательном христианине». Примечателен, таким образом, не только материал, но и сама возможность для христианина Мухина вообще сотрудничать с официальным советским изданием в 1919 г.

Некоторые публикации, имевшие на первый взгляд антирелигиозную направленность, в действительности свидетельствуют об отсутствии сформированной пропагандистской стратегии. Так, в газете «Каширские известия» в 1920 г. в статье «Венчальный бред», уже из названия которой следует, что ее темой была избрана регистрация браков в ЗАГСе в противовес венчанию в храме, описывается вполне курьезный случай, который при внимательном рассмотрении высмеивает не верующих и духовенство, а советских работников, то есть действует не против Церкви, а против советских учреждений. Смысл произошедшего заключался в том, что некая пара, зарегистрировав брак в ЗАГСе, решила после этого обвенчаться. Однако священник венчать отказался, так как по церковным правилам требовались дополнительные документы, которых у пары не оказалось. Молодожены подали жалобу в местный Волсовет, который официальным письмом предписал таинство совершить, пригрозив священнику, если тот продолжит упорствовать, судом⁶³¹. Вероятно, осознав двусмысленность описанной ситуации, в мартовском номере Каширских известий вышла статья «Брак в Советской России», где оплошность постарались исправить, изложив все преимущества гражданского брака перед церковным⁶³². Следует отметить, что уже через несколько лет, когда актуальной задачей антирелигиозной пропаганды станет десакрализация церковных таинств, такой случай будет невозможен.

Приведенные примеры иллюстрируют тезис о неразработанности комплексной антирелигиозной пропагандистской стратегии в первые годы советской власти. Между тем первые попытки организации информационных атак

---

⁶³¹ Венчальный бред. // Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (большеви́ков). 1920. № 2.

⁶³² Брак в Советской России // Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (больш.). 1920. № 11

на Церковь наблюдаются уже с 1919 г. Так, начавшаяся в 1919 г. кампания по вскрытию мощей стала причиной появления в уездных изданиях материалов, перепечатанных из центральных газет. Таким примером может послужить заметка «Попы и кости», появившаяся сразу в нескольких местных газетах одновременно⁶³³. Отметим, что эта заметка содержала уже довольно резкие выпады в адрес верующих и традиции почитания мощей. Другим материалом, перепечатанным в уездной прессе по теме вскрытия мощей⁶³⁴. Надо сказать, что кампания по вскрытию мощей вызвала отрицательное отношение, причем не только среди верующего населения. В дневниковых записях П.Е. Мельгуновой-Степановой читаем, что по поводу вскрытия мощей ей приходилось слышать, что «мощи ушли... все жида, своих синагог не трогают, а все наши храмы»⁶³⁵.

В новейших исследованиях встречается заключение о том, что 1919 год можно назвать годом рождения советской антирелигиозной периодической печати⁶³⁶. Этот вывод делается на том основании, что именно тогда вышел в свет первый в РСФСР журнал – «Революция и церковь» с П.А. Красиковым в качестве главного редактора, – полностью посвященный антицерковным вопросам. Журнал, однако, просуществовал недолго, в том числе и по причине неудачной редакционной политики.

Начавшаяся вскоре информационная пропагандистская кампания в связи с голодом в Поволжье и изъятием церковных ценностей, будучи по своей сути тактической, стала поворотным моментом в развитии антирелигиозной пропаганды на последующие десятилетия.

---

⁶³³ Попы и кости. // Каширские известия. Орган Уездного Исполкома Советов Крестьянских и рабочих депутатов и Уездного Комитета Российск. Коммун. Партии. 1919. № 4.; Попы и кости. // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 19.; Попы и кости. // Крестьянин и рабочий. Орган Ленинского Совета Рабоч. и Крестьян. Д-в. и райкома Р.К.П.– 1919. № 2.

⁶³⁴ Антон и Онуфрий. // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 10.; На Антона и Онуфрия. // Голос батрака. Голос батрака. Известия Можайского Укома С.Р. и К.Д. и Уездкома Р.К.П. (б-ков). 1919. № 12.

⁶³⁵ Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914–1920. М., 2014. С. 233.

⁶³⁶ Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.). Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 43–47.

Первые публикации на тему искусственно создаваемых представлений о якобы имевшем место противостоянии государства, которое прилагает все усилия для помощи голодающим, и Церкви, которая, имея возможность помочь, от помощи уклоняется, обнаруживаются задолго до начала изъятия церковных ценностей. Еще в ноябре 1921 г. появляется заметка «Голод и библия», в которой некто Минин, подробно и тенденциозно пересказав библейскую историю Иосифа Прекрасного, «неожиданно» делает вывод о том, что боги, цари, спекулянты, попы – это единая сплоченная компания для эксплуатации и обмана трудящихся⁶³⁷. Цель заметки была очевидной – подготовить общественное мнение к пока еще не высказанной позиции Церкви по отношению к проблеме голода, которую Церковь озвучит несколькими месяцами позже. Якобы существовавшее противостояние государства и Церкви становится в 1922 г. предметом целого ряда газетных публикаций⁶³⁸.

После 1922 г. антирелигиозная пропаганда в местной прессе приобретает системный характер. Публикации реже основываются на конкретных событиях, произошедших на местах, их тематика становится все более обобщенной, а магистральное направление вполне можно назвать пропагандистским, нацеленным на *решение задачи распространения антирелигиозной идеологии*. В газетах уже в 1923 г., то есть еще за два года до образования СВБ, появляется рубрика «Уголок безбожника»⁶³⁹, в которой на постоянной основе публикуются статьи

⁶³⁷ Голод и библия // Власть труда. Еженедельный орган Зарайского уездного комитет Р.К.П. (б.) и Уездного Исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. 1921. № 31.

⁶³⁸ Суеверие. Истомкинская мануфактура // Богородский рабочий. Еженедельный орган Богородского Укома РКП (б-ков). 1922. № 6.; К перевыборам Советов. Просвещение. Кулак Андрон с попом Егором пошли Советы выбирать.... // Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. 1922. № 8.; Октябрь и церковь. // Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. 1922. № 9.; О темном царстве. // Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. 1922. № 11.

⁶³⁹ Богородский рабочий. Еженедельный орган Богородского Укома РКП (б.), Уисполкома Р.К. и К.Д. и Упрофбюро. 1923. № 25.; Красный луч. Орган Звенигородского Укома Р.К.П. (б.), Уисполкома и Упрофбюро. 1923. № 13.

соответствующего содержания. Заголовки материалов антирелигиозной направленности становятся все более броскими и агрессивными⁶⁴⁰.

Исследователи отмечают появление ряда публикаций, посвященных теме ухода православного духовенства из Церкви вообще или, во всяком случае, об уклонении в обновленческий раскол⁶⁴¹. Однако в прессе Московской губернии/области эта тема сколь-нибудь значительно не отразилась.

Очередным этапом в развитии антирелигиозной пропаганды в прессе стал 1929 год, когда вышло в свет Постановление ВЦИК «О религиозных объединениях»⁶⁴², определившее на значительный промежуток времени новый порядок церковно-государственных отношений. Начиная с этого момента публикации в прессе приобретают угрожающий характер. Отныне Церковь, духовенство и верующие представляются как классовые враги⁶⁴³.

Документы, раскрывающие механизм антирелигиозной кампании, перманентно проводившейся в сельских местностях Московской губернии, свидетельствуют, что, хотя антирелигиозная политика властей становилась все более агрессивной и репрессивной по своей сути, в целом сельское население продолжало сохранять привычный жизненный уклад, глубоко проникнутый православной традицией. Можно утверждать, что усилия, направленные на

---

⁶⁴⁰ Религия – опиум для народа. Всякий сознательный рабочий и крестьянин должны быть активными борцами с духовным гнетом, стоящим на пути социалистического строительства. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927. № 25.; Илья пророк нам больше не нужен. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927. № 42.; Бога нет и Христа не было // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 3.; Поповские проделки // Богородский рабочий. Еженедельный орган Богородского Укома РКП (б), Уисполкома Р.К. и К.Д. и Упрофбюро. 1928. № 5.

⁶⁴¹ Дорош А.А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3 (68). С. 57–63.

⁶⁴² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

⁶⁴³ Поп работает: Два раза сорвал собрание. Бьет крестом по шее // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 19.; Классовый враг под личиной благочестия // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 6.; Вырвем с корнем поповский чертополох // Волоколамский колхозник. Газета колхозов Волоколамского района. 1930. № 1.

отвращение верующих от Церкви, в полной мере своей цели не достигали. Об этом прямо говорилось в Постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы»⁶⁴⁴.

После 1929 г. новой темой становится не просто борьба с «религиозными пережитками» и «церковниками» как классовыми врагами, но сопротивление «поповской» или «поповско-кулацкой» агитации. Иными словами, отдельным направлением антирелигиозной пропаганды становится *контрпропаганда*⁶⁴⁵. При этом тот факт, что никакой «поповской» агитации на рубеже 1920–1930-х гг. ни в прессе, ни где бы то ни было еще, появиться не могло, советских пропагандистов не смущал. Публикуя материалы агрессивного-полемического характера, они использовали выдуманный предлог как информационный повод, тем более что создание образа врага, особенно врага опасного, – прием, который использовался в СССР практически непрерывно.

Одна из важнейших задач антирелигиозной пропаганды состояла в постепенном формировании образа священнослужителя как мракобеса, паразитирующего на несознательном населении и одновременно готового на прямое сотрудничество с контрреволюционными элементами. В 1930-х гг. основная нагрузка по ее решению ложилась на прессу – центральную, но в значительной степени и на местную, пользовавшуюся в приходских селах и деревнях наибольшим интересом, тем более что именно в местной прессе, как отмечалось выше, в обязательном порядке перепечатывались многие редакционные материалы центральных газет, а также все наиболее значимые законодательные акты и правительственные постановления. Местные газеты в 1930-х гг. выпускались в подавляющем большинстве районов СССР и строго

⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2, Д. 7. Л. 1, 2.

⁶⁴⁵ Положить конец антисоветской агитации церковников. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 18.; Церковники зашевелились, развернем широкую антирелигиозную работу. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 19.; Мобилизуем художественные силы против поповско-кулацкого агитпропа. // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 6.; Против поповско-кулацкого «РАБИСа». // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 6.

контролировались вышестоящими инстанциями. Таким образом, все материалы, в них публикуемые, можно считать вполне адекватными политике, проводившейся властями в данный момент. Сказанное относится и к задачам создания актуальных представлений в общественном сознании, связанных с образом священнослужителя, верующих и Церкви в целом. Анализ публикаций местных газет позволяет проследить трансформацию этого образа на протяжении последнего предвоенного десятилетия⁶⁴⁶.

Для начала рассматриваемого периода характерны материалы, представляющие священнослужителей обманщиками, а верующих – обманутыми. При этом если последних следует просвещать, то первых – изобличать.

В 1930 г. раменская газета «Авангард» публикует заметку «Икона «св. Никифора». В ней говорилось, что в Егорьевском музее, открытом в бывшей церкви, имеется икона св. Никифора (патриарха Константинопольского. – *В.Н.*), написанная якобы с бывшего Егорьевского головы и одновременно крупного промышленника Никифора Бардыгина, портретно с ним весьма схожая. Далее шел текст о том, как Н.М. Бардыгин «грабил рабочих», с предложением местному районному совету воинствующих безбожников приобрести этот «образчик тесного единения религии и капитала, наглого обмана рабочих и затемнения их сознания религиозным дурманом в грубейшей форме». Если же это сделать не удастся, то автор заметки предлагал икону сфотографировать, а фотографию выставить в двух видах: в одежде святого и в одежде фабриканта для обозрения всем рабочим,

---

⁶⁴⁶ Дома мракобесия – церкви – превратим в очаги науки и культуры. // Волоколамский колхозник. Газета колхозов Волоколамского района. 1930. № 1.; Собрать все силы для сокрушительного удара по мракобесию культорганизации, будьте во всеоружии! // Набат. Орган Оргбюро Серпуховского Горрайкома ВКП(б). 1931. № 5.; Развратник священник Недумов получил по заслугам. // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1931. № 2.; В ответ на контрреволюционную работу церковников усиливается борьба за выполнение и перевыполнение промфинплана, новые сотни трудящихся вступают в ряды безбожников. // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 11 января 1931 г. № 4.; Против рождества, пьянки и прогулов. // На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. Обл. 1932. № 39.; О христианской пасхе. // Подольский рабочий. Ежедневная газета Подольского Горкома ВКП(б), РИКа, Горсовета. 1937. № 92.

которых он «грабил и обманывал, как один, так и совместно с церковью»⁶⁴⁷. Следует отметить, что в Егорьевске до сих пор с благодарностью вспоминают Н.М. Бардыгина, который благоустроил город в конце XIX в. Это был человек верующий, работавший в тесном контакте с местным и епархиальным духовенством. Разумеется, в 1930 г., когда была опубликована заметка, были живы многие из тех, кто знал его и наблюдал воочию его вклад в развитие города. Несмотря на это, пропаганда, используя образ уважаемого в городе человека, решает одну из своих задач формирования представлений о духовенстве как о тунеядцах и эксплуататорах.

В газете «Волоколамский колхозник» в 1930 г. публикуется материал «Колхоз и пасха», где говорится, что колхоз крестьянина просвещает, а «кулак и поп», напротив, знают, что колхоз – их могила⁶⁴⁸.

В том же году в заметке «Митрев день» описывается то, как отмечали храмовый праздник в приходе Димитрие-Солунского храма подмосковного села Пласкинина, где гуляли три дня, избивли члена сельсовета, поломали скамейки и заборы. Примечательно, что в 1930 г. поломка скамеек стоит в одном ряду с избиванием члена сельского совета. Вскоре эти проступки перестанут восприниматься как нечто равноценное, но пока делается вполне миролюбивый вывод, что в Пласкинине культработы не ведется⁶⁴⁹.

В этот период публикуемые в прессе материалы пока еще нацелены на то, чтобы вызвать в читателе не возмущение и желание «покарать попов», а, скорее, насмешку над нелепыми заблуждениями их темных односельчан. К таким публикациям относится, например, заметка «Орловский огнетушитель», где говорилось о том, как некий пожарник Орлов, прибыв на пожар, вместо того чтобы руководить его тушением, взял икону и стал ходить с ней вокруг горевшего дома.

---

⁶⁴⁷ Икона «св. Никифора» //Авангард. Орган Раменского Райкома ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета. 1930. № 5.

⁶⁴⁸ Колхоз и пасха. // Волоколамский колхозник. Газета колхозов Волоколамского района. 1930. № 1

⁶⁴⁹ Митрев день //Авангард. Орган Раменского Райкома ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета. 1930. № 18.

Рабочие фабрики «Вперед», расположенной в селе Виноградове Московской области, обратились к своему руководству с просьбой спасти фабрику от таких пожарных⁶⁵⁰. Заметку сопровождала забавная картинка, изображавшая в гротескной форме незадачливого пожарного с иконой.

Однако к концу 1931 г. тон газетных публикаций постепенно меняется. В заголовках начинают появляться суровые нотки: «Церковники за «работой», – озаглавливает свою статью некто с псевдонимом «Крестьянин». Под таким названием могло скрываться все, что угодно: от «работы» по «одурманиванию» населения до прямой контрреволюции. Речь, однако, шла о том, что в то время, как массы рабочих и крестьян-колхозников усиленно готовятся к 4-му году пятилетки, в деревне Синькове звонят колокола, «как звонили они три века назад, и попы стригут помаленьку темный люд, и церковный ящик считают своей кормушкой»⁶⁵¹. Далее следует пассаж о том, как священник и члены церковного совета пропивают деньги прихожан. Очевидно, что статья была направлена в том числе и на прихожан местного Михаило-Архангельского храма.

В Клинском районе некоего священника по фамилии Недумов обвинили в неблаговидном поступке. Этот факт незамедлительно попал на страницы местной прессы, причем сразу в несколько номеров⁶⁵². В заметках прямо утверждалось, что «суд над Недумовым – суд над религией». Одновременно были опубликованы материалы антирелигиозного содержания⁶⁵³. И это лишь в одном номере. Следует отметить, что даже если то, в чем обвинялся священник Недумов, было правдой, его действия лежали в плоскости уголовного права и не имели никакого отношения

⁶⁵⁰ Орловский огнетушитель // Станок и трактор. Орган Виноградовского РК ВКП(б), РИКа и РПС Московской области. 1931. № 4.

⁶⁵¹ Церковники «за работой» //Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета. 1931. № 34 (129).

⁶⁵² Развратник священник Недумов получил по заслугам. // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1931 г. №№ 2, 3, 4.

⁶⁵³ Классовый враг не дремлет; Антирелигиозная работа – важнейший фронт классовой борьбы; Антирелигиозная выставка и 16 новых безбожников. // Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1931 г. № 3.

к религии и Церкви. *Подобные публикации, очевидно, были нацелены на снижение авторитета Церкви и священнослужителей.*

В уже упоминавшемся декабрьском 1931 г. номере раменского «Авангарда» содержится несколько статей под общим заголовком: «Кулацкому рождеству противопоставить массовую культработу». В декабре 1931 г. в ряде школ Раменского района прошли собрания педагогов с учащимися, на которых принимались решения о том, чтобы объявить «день 7 января – первый день церковного праздника «рождества», совпадающего с выходным днем фабрики и школы, днем учебы». Также на школьных собраниях дети призывали всех рабочих этот день превратить в коммунистический день труда путем организации субботников и улучшением работы в школе⁶⁵⁴. В своем обращении к рабочим пионеры и школьники подчеркивали, что они не хотят религиозных праздников, а в дни «поповского рождества» примут участие в субботнике⁶⁵⁵. Все перечисленное было объединено лозунгом, выделенным жирным шрифтом: «Пионеры на борьбу с религией».

Начало 1930-х гг. ознаменовалось массовой фабрикацией уголовных дел по 58-й «политической» статье УК, обусловленных проблемами с колхозным строительством. Антисоветские группы, якобы возглавлявшиеся духовенством и проникавшие в колхозы, следственные органы дополняли кулаками. Часто в эту категорию попадали бывшие фабриканты и члены их семей. Цели такого выбора жертв были понятными: создать негативный образ приходского священника, который вкупе с зажиточными крестьянами вел борьбу против советской власти. Кроме того, это было формой давления на самих зажиточных крестьян. Важной особенностью сельских приходов было то, что те самые зажиточные крестьяне, «кулаки», кем пропаганда стремилась их выставить, часто являлись членами церковных советов, то есть людьми, с одной стороны, уважаемыми на приходе, а с другой бывшими в весьма уязвимой позиции с точки зрения возможных

---

⁶⁵⁴ Пионеры на борьбу с религией. //Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. 1931. № 34 (129).

⁶⁵⁵ Там же.

политических преследований. К середине 1920-х гг. почти все они были лишены избирательных прав, а в начале 1930-х многие отправлены в ссылку. Задача пропаганды заключалась в том, чтобы представить высылаемых в максимально неблагоприятном свете. Формирование такого отрицательного образа опиралось на естественную неприязнь, испытываемую бедными к богатым, особенно при наличии представлений о том, что богатство нажито несправедливым путем.

Логика, настойчиво транслируемая властями, выглядела так: кулак наживает состояние, используя наемный труд и давая в долг деньги, зерно и прочие товары; поп – обманывая доверчивых крестьян и т.п. Бывший фабрикант, на фабриках которого в недавнем прошлом работали многие из прихожан, теперь был представлен мироедом, обкрадывавшим своих работников. Необходимо отметить, что приходские храмы в абсолютном большинстве случаев строились и в значительной степени содержались на средства именно местных «кулаков» и фабрикантов. Пропаганда же объединяла этих последних и местное духовенство в обобщенный образ противника мероприятий советской власти и врага трудового крестьянства. В ряде случаев в эту группу добавлялись лица, служившие до революции в полиции и якобы скрывавшие это.

«Религия тесно связана с капиталистическим строем, – говорится в статье «Антирелигиозную работу на службу социалистическому строительству», – ликвидация кулачества как класса вполне естественно вызывает антисоветскую деятельность религии». Последнее утверждение, как минимум, спорно. Даже если методы борьбы с теми, кого советская власть назвала кулаками, противоречили христианской морали и церковным принципам, из этого вовсе не следует, что это каким-то образом повлияло на активизацию церковной контрреволюционной деятельности, ибо именно это, вероятно, имелось в виду, когда говорилось об «антисоветской деятельности религии». Но возможности задуматься читателю не дают. Плакатным языком ему сообщают о необходимости жестоко ударить по «оппортунистической недооценке» антирелигиозной работы⁶⁵⁶.

---

⁶⁵⁶ Антирелигиозную работу на службу социалистическому строительству // Станок и трактор. Орган Виноградского РК ВКП(б), РИКа и РПС Московской области». 1931. № 5.

Таким образом, к концу 1931 г. в заголовках статей читается магистральное направление удара: соединить в массовом сознании образ «попа» и кулака, объявленного главным врагом советской власти. 1931 год стал временем начала массовых депортаций кулаков, а также всех, кого власть считала возможным с ними объединить. Именно в этом году высылке на стандартные три года подверглось значительное число представителей духовенства и членов церковных советов, которым инкриминировалось наличие у них «кулацкого» хозяйства. С самого начала 1930-х гг. актуальной становится одна из главных задач антирелигиозной пропаганды, заключающаяся в создании из церковников, в широком смысле слова, образа врага.

Указанная тенденция становится все более выраженной в следующем, 1932 г. Почти во всех районных газетах Московской области выходят материалы, где кулаки и церковники якобы объединяются в совместной антисоветской деятельности: «Религия – опора кулаков»⁶⁵⁷; «Кулакам и церковникам не сорвать колхозный прилив»⁶⁵⁸; «Кулацкому «Рождеству» не место в рабочей среде»;⁶⁵⁹ «Против кулацкого рождества»⁶⁶⁰ и т.д.

«Пасха – кулацкий праздник», – читаем в одном из номеров газеты «Авангард» за 1932 г. В заметке говорится о том, что «Пасха – наследство царизма, когда мракобесы-попы наживали капитал на темноте и религиозности широких масс». И далее следует описание того, как праздновали Пасху в одном из подмосковных сел: «Хулиганы в первый день «святой пасхи» напились, как свиньи, и устроили форменную резню и побоище». Описание произошедшего «гулянья» существенно отличается от аналогичного, описанного в заметке «Митрев день» в 1930 г. Далее в заметке повествуется о том, что председатель Софьинского сельсовета выдал местному священнику разрешение на организацию пасхального крестного хода. Это полностью соответствовало государственным установлениям,

⁶⁵⁷ Набат. Орган Оргбюро Серпуховского Горрайкома ВКП(б). 1932. № 7.

⁶⁵⁸ Серп и молот. Орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. обл. 1932. № 35.

⁶⁵⁹ На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета Моск. Обл. 1932. № 39.

⁶⁶⁰ Волоколамский колхозник. Газета Волоколамского района Московской области. 1932. № 3.

действовавшим в рассматриваемый период. Автор заметки, несомненно, знавший об этом, патетически восклицает: «К чему это? Кому от этого польза?» И заключает, что так нас классовый враг бьет, когда мы невнимательны⁶⁶¹.

Очевидно, что безымянный автор заметки – это был редакционный материал – выбирал формулировки в соответствии с общим курсом отношения к Церкви и религии, актуальным на момент публикации. Поэтому выражения «классовый враг», «прихожане напились, как свиньи» и пр. находились в полном соответствии с теми представлениями, которые следовало внушать читателю, проживавшему в том же районе и в тех же селах, где происходили описываемые события. Следовательно, рассуждая в одном с газетой направлении, читатель невольно задавался вопросом: зачем попам разрешают крестные ходы на Пасху? Кому от этого польза? На момент выхода статьи в с. Софьине действовал приход Никитского храма. В середине 1930-х гг. его закроют.

Начиная с 1933–1934 гг. содержание и регулярность антирелигиозной пропаганды на страницах районной прессы претерпевает очередные изменения. Если в 1920-х и начале 1930-х гг. материалы такого рода были распределены по номерам местных газет в течение одного года примерно равномерно, то с середины 1930-х гг. наблюдается выраженная тенденция к тому, что все антирелигиозные материалы публикуются либо в первых числах января (непосредственно перед Рождеством или сразу после), либо в апреле, когда чаще всего празднуется Пасха⁶⁶². В ряде районных газет Московской области начиная с 1934 г. в иные периоды в течение года не встречается ни одной антирелигиозной публикации. Анализ производился по газетам Виноградовского, Волоколамского, Дмитровского, Зарайского, Егорьевского, Каширского, Клинского, Коломенского, Ленинского, Можайского, Ногинского, Подольского, Раменского, Рузского, Серпуховского районов⁶⁶³.

⁶⁶¹ Пасха – кулацкий праздник // Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. 1932. № 113 (208).

⁶⁶² Пасха – переходящий праздник, который отмечается в период с 4 апреля по 8 мая по Григорианскому календарю.

⁶⁶³ Полный перечень газет содержится в библиографическом списке.

Отдельную группу публикаций антирелигиозного характера составляют не только прямые высказывания, выражавшие отношение власти к «поповскому дурману», но и газетные заметки, напрямую к Церкви и верующим не относящиеся, но использующие лексику с очевидными отрицательными коннотациями. В качестве примера можно привести материал газеты «Станок и трактор» Виноградовского районного комитета ВКП(б) Московской области. В молодежном приложении этой газеты под названием «Комсомольское племя» в январе 1934 г. была напечатана заметка «Типичный аллилуйщик»⁶⁶⁴. В ней говорилось о некоем комсомольце Светлове, секретаре первичной комсомольской ячейки фабрики им. Цюрупы, расположенной в одноименном селе. Местный Георгиевский храм в советское время оставался одним из немногих действовавших в округе, благодаря чему число прихожан, значительное само по себе, еще и росло по мере закрытия соседних храмов. Это обстоятельство делало духовенство и прихожан храма предметом частых нападков и преследований со стороны властей⁶⁶⁵. Светлова сняли с секретарской должности за развал комсомольской работы на фабрике, выразившийся в том, что «комсомольцы политзанятий не посещали, на собрания многие не ходили». Светлов же лишь «забирался на трибуну и произносил клятвы и многообещающие речи». Казалось бы, ничем не примечательный случай, произошедший с очередным демагогом на освобожденной должности. Однако автор заметки, некто М-в, не только выносит в заголовок странное понятие «аллилуйщик», но и в самом тексте дважды его употребляет, поясняя, что «аллилуйщина – это болезнь многих комсомольцев... которые много говорят, дают обязательства, а на деле их не выполняют»⁶⁶⁶. Очевидная отсылка к возгласу,

---

⁶⁶⁴ Типичный аллилуйщик. // «Комсомольское племя». Молодежно-комсомольское приложение к газете «Станок и трактор. Орган Виноградовского РК ВКП(б), РИКа и РПС Московской области». 1934. № 2.

⁶⁶⁵ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 7. Ашитковская волость. Гжель, 2024. С. 173–405.

⁶⁶⁶ Там же.

произносимому на богослужениях многократно, имела выраженный антирелигиозный посыл.

Очередная трансформация происходит в 1934–1935 гг., когда в газетных заголовках слова «духовенство», а также «попы» и «церковники» все чаще заменяются словом «враги». Теперь священнослужитель и сотрудник церковного прихода представляется чуждым элементом не только потому, что он является распространителем «предрассудков старины», «пособничает кулакам», «отвлекает колхозников от работы в поле» и «наживается на мракобесных верованиях». Отныне он просто враг. Между тем, как именно следует поступать с врагом, пролетарский писатель Максим Горький сказал еще в 1930 г.: «Если враг не сдается, его уничтожают»⁶⁶⁷. Эта фраза, как и ее вариация: «Если враг не сдается, его истребляют» (под таким заголовком статья была опубликована в «Известиях»), стала широко известной. Совокупный тираж двух центральных газет в 1930 г. составлял более 4 млн. экземпляров⁶⁶⁸. В статье с таким броским названием указывалось в том числе на необходимость «разоблачить ядовитую ложь религиозных... предрассудков», что дает основание для предположения о том, что общество готовили к очередному усилению гонений на Церковь.

В качестве примера можно привести заметку в раменском «Авангарде» «Враг использует спячку безбожников в своих целях». Сегодня у читателя может возникнуть вопросы: какой враг? Кто он? В 1935 г., когда эта заметка была напечатана, предполагалось, что этот вопрос возникнет и у читателя. Заметка давала на него ответ: конечно, попы и церковники. Можно с уверенностью утверждать, что провокационный заголовок был нацелен на то, чтобы в сознании читателя эти последние прочно ассоциировались с врагами. При этом сам материал был куда менее агрессивным. В заметке говорилось о том, что при попустительстве партийных и профсоюзных фабричных организаций в связи «с так называемой

---

⁶⁶⁷ Если враг не сдается, его уничтожают // Правда. Орган ЦК ВКП(б). 1935. № 314.

⁶⁶⁸ Издательство Известия [Электронный ресурс]. URL: [https://www.litpedia.ru/Известия_\(издательство\)](https://www.litpedia.ru/Известия_(издательство)); Газета Правда [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta-pravda.ru> (дата обращения: 14.05.2023).

пасхой» у некоторых рабочих начинают снова появляться горящие лампадки перед иконами⁶⁶⁹. Хотя, конечно, в заметке и имеется грозное предостережение, что «этим пользуется классовый враг и разного рода антисоветские элементы», но выглядит оно, скорее, как необходимое дополнение. Главное заключалось в броском заголовке.

В «условиях классовой борьбы» под постоянным идеологическим влиянием, часто выходящим за рамки морали, находились школьники. В качестве примера можно привести случай, произошедший в сельской школе подмосковного села Игнатьева, который попал в газету, то есть намеренно был предан широкой огласке. Сын диакона местного храма Сергей Смиренский повздорил (в заметке было сказано «избил») с сыном некоей колхозницы Сапожниковой. Потасовка произошла якобы из-за того, что последний проник в сад диакона. Мать потерпевшего, как указывалось в заметке, – ударница в колхозе, а отец – рабочий на производстве. Заканчивался газетный материал требованием к прокурору привлечь «чужака» и «поповского сынка» к ответственности, а авторами значились пионеры⁶⁷⁰.

В Игнатьеве, где произошел инцидент, все, несомненно, знали диакона Смиренского, так как священнослужители были всегда на виду, тем более в большом селе со старейшим в округе Георгиевским храмом. Скорее всего, диакона знали и в соседних селах, где в 1935 г. храмы еще действовали. Властям огласка была выгодна, так как выставляла сына священнослужителя в неприглядном свете, и упустить случай прославить «попа» на всю округу они не могли.

Данный случай использовали, чтобы лишний раз объяснить школьникам, кто друг, а кто враг и что род занятий родителей (классовая принадлежность) имеет первостепенное значение в этом вопросе. Слова «требуем привлечения чужака к суровой ответственности» в середине 1930-х гг. ни у кого не вызывали удивления,

---

⁶⁶⁹ Враг использует спячку безбожников в своих целях. // Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. 1932. № 84 (2833).

⁶⁷⁰ Сын дьякона избил ребенка колхозницы. // Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. 1935. № 145 (2894).

а, напротив, представлялись вполне уместными в ситуации, когда власти были заняты борьбой с религией и не задумывались о том, какую морально-психологическую травму наносят 11–12-летним детям.

Приведем еще один пример нетерпимого отношения к детям из религиозных семей, поведение которых не соответствовало нормам пролетарского государства. В средней школе села Речицы, в котором располагался многочисленный приход храма Вознесения Господня, обнаружилось, что пионер по имени Шура Липкин не носит пионерский галстук. В материале не указано, кем были родители Шуры. Очевидно, что они не являлись служителями Церкви, так как в противном случае этот факт отметили бы непременно. Вероятнее всего, они были обычными верующими гжельским мастерами, ведь село Речицы находится в центре Гжельского промысла. Пионеры спрашивали у Шуры, почему он не носит галстук, но он уклонялся от ответа⁶⁷¹. Заметка в газете была подписана учеником той же речицкой школы Колей Власовым, которого также можно считать пострадавшим в этой истории.

Приведенные примеры, будучи не единичными, представляли собой антирелигиозный тренд, направленный на решение очередной пропагандистской задачи формирования негативного отношения к религии и Церкви на бытовом уровне.

В разгар репрессий, в 1937–1938 гг., заголовки районных газет напоминают сводки с театра боевых действий⁶⁷², но уже начиная с 1939 г. и далее образ церковника как непримиримого врага постепенно уходит на второй план, а

---

⁶⁷¹ Почему Липкин Шура не носит галстук? //Авангард. Орган Раменского Горкома ВКП(б) и РИКа. 1939. № 53 (5005).

⁶⁷² Трусливое отступление вместо воинствующей борьбы с поповщиной. //Авангард. Орган Раменского Горкома ВКП(б) и РИКа. 1937. № 213 (4452).; Разоблачить поповские махинации. // На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б) и Московской Области. 1938. № 94.; Разоблачить до конца поповских мракобесов. // На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б) и Московской Области. 1938. № 133.; Неустанно разоблачать контрреволюционных святош, творящих черные дела под прикрытием религии // Подольский рабочий. Ежедневная газета Подольского Горкома ВКП(б), РИКа, Горсовета. 1938. № 6.; Сектантские вожаки защищают подлых троцкистских диверсантов // Подольский рабочий. Ежедневная газета Подольского Горкома ВКП(б), РИКа, Горсовета. 1938. № 6.

антирелигиозная пропаганда приобретает формы просветительской работы. Газетные публикации становятся все менее агрессивными, а их заголовки начинают напоминать темы лекций в красных уголках⁶⁷³.

Несмотря на то что на партийных собраниях вопросы антирелигиозной пропаганды по-прежнему отмечались как одни из важных, в протоколах они фигурировали далеко не на первых местах и носили, скорее, характер символический. Так, в резолюции очередной Ногинской районной партконференции 1940 г. в п. 19 предлагалось улучшить работу организаций МОПР, СВБ, особенно обратить внимание на улучшение антирелигиозной пропаганды как на предприятиях, так и среди населения района⁶⁷⁴. Предложение носило выраженный формальный характер, не предполагавший каких-либо конкретных действий.

Намеченная тенденция сохранялась вплоть до начала Великой Отечественной войны, после чего антирелигиозная пропаганда практически исчезает со страниц периодической печати.

Анализ антирелигиозных и антицерковных пропагандистской книг и брошюр рассматриваемого периода позволяет говорить о наличии тех же тенденций, которые были отмечены при рассмотрении антирелигиозной пропаганды в прессе, с некоторыми временными поправками, связанными с особенностями издания книг и брошюр. Основанная масса антирелигиозной пропагандистской литературы появляется начиная с 1922 г. и имеет своим предметом как конкретные внутри- и внешнеполитические события, так и антицерковную политику государства в целом, решая задачи распространения антирелигиозной идеологии и снижения

---

⁶⁷³ Религиозные чудеса и как они делались //Авангард. Орган Раменского Горкома ВКП(б) и РИКа. 1938. № 356 (4933).; Пасха – вредный реакционный праздник // На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б) и Московской Области. 1939. № 58.; В чем нелепость идеи бога //Авангард. Орган Раменского Горкома ВКП(б) и РИКа. 1939. № 141 (5091).; Лживая поповская сказка о рождестве // На боевом посту. Орган Рузского РК ВКП(б) и Московской Области. 1939. № 4.; Почему я ушел из церкви //Авангард. Орган Раменского Горкома ВКП(б) и РИКа. 1938. № 89 (4726).; Классовая сущность рождественской легенды // Подольский рабочий. Ежедневная газета Подольского Горкома ВКП(б), РИКа, Горсовета. 1939. № 5.

⁶⁷⁴ Резолюция Ногинской районной партийной конференции 1940 г. Ногинск, 1940. С. 22–23.

авторитета Церкви и священнослужителей. К такого рода публикациям можно отнести работы обновленческого митрополита А.И. Введенского⁶⁷⁵, М.В. Горева⁶⁷⁶, Д. Зорина⁶⁷⁷, Б.П. Кандидова⁶⁷⁸ и пр.

Антирелигиозная литература издавалась массовыми тиражами, но, несмотря на это, судя по документам тех лет, в 1920-х гг. ощущалась ее нехватка. В качестве примера того, насколько важной представлялась проблема отсутствия антирелигиозной литературы, можно привести протоколы 1-й Бронницкой конференции общества безбожников, прошедшей в 1925 г. Причем в некоторых случаях речь шла не только об отсутствии литературы как таковой, но и о ее ненадлежащем качестве. Утверждалось, что антирелигиозная литература не годится для крестьянина, в ней нет адекватного подхода к условиям крестьянского быта, и пропагандисты испытывают трудности, когда приходится отвечать на простые вопросы крестьян. Самой литературы недостаточно, нет плакатов, журналов и книг⁶⁷⁹. В Богородском уезде отмечался не только недостаток литературы, но одновременно отсутствие спроса на нее (распространение печати в уезде очень неудовлетворительное, партийные журналы расходятся слабо)⁶⁸⁰. На эту проблему указывают источники из разных уездов Московской губернии (Можайского⁶⁸¹, Звенигородского⁶⁸² и пр.).

---

⁶⁷⁵ Введенский А.И. Церковь и голод. М., 1922; Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923; Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства. М., 1923

⁶⁷⁶ Горев М.В. Голод. Ново-Николаевск, 1922; Горев М.В. Церковные богатства и голод в России. М., 1922.

⁶⁷⁷ Зорин Д. Князья церкви и голод. Революция и церковь. Ростов н/Д, 1922.

⁶⁷⁸ Кандидов Б.П. Вредительство, интервенция и церковь. М., 1931; Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918-20 гг. и интервенция. М., 1930; Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М., 1932; Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931; Кандидов Б.П. Церковь и контрразведка. М., 1930.

⁶⁷⁹ ЦГА. Москвы. Ф. 1581. Оп.124. Д. 8. Л. 1–9.

⁶⁸⁰ Краткий отчет о работе Богородского уездного комитета ВКП(б), ноябрь 1926 г. октябрь 1927 г.: к 27-й уездной партконференции. Богородск, 1927. С. 46.

⁶⁸¹ Решения XII-й уездной Можайской партконференции: (13-16 декабря 1928 г.). Можайск, 1929.

⁶⁸² Сборник обязательных постановлений Президиума Звенигородского уездного исполнительного комитета советов р. к. и к. д. действующих на 1927-28 года. Звенигород, 1929.

Проблемы с антицерковной литературой обсуждались и на заседании уездного Бронницкого совета СВБ, где к вопросу решили подойти «творчески». Здесь предложили президиуму совета СВБ изыскать средства на снабжение уездной ячейки общества «безбожными песенниками»⁶⁸³. Информации о том, существовал ли в 1925 г. отпечатанный Безбожный песенник, обнаружить не удалось, но в 1930 г. таковой был выпущен издательством «Безбожник» тиражом 500 экз.⁶⁸⁴

В 1932 г. в свет выходит сборник «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет»⁶⁸⁵. Учитывая его очевидную пропагандистскую направленность, можно было ожидать, что он станет характерным юбилейным изданием, не ориентированным на вдумчивого читателя и состоящим из формальных рапортов об эффективно проводимой работе на антирелигиозном фронте. Некоторые материалы сборника такими и были, но несколько статей мало того, что опирались на множество выразительных фактов, претендовали также и на анализ положения дел в антицерковной политике, проводившейся большевиками в течение 15 лет своего пребывания у власти.

В статьях, составивших сборник, приводится ряд примеров вредительской деятельности священнослужителей совместно с кулаками. Так, в селе Гари «контрреволюционная» группа духовенства и кулаков якобы использовала то обстоятельство, что старое сельское кладбище отходило под пашню, собрала группу отсталых крестьян, вооружила ее и двинула громить комсомольцев, коммунистов и их семьи⁶⁸⁶. Вполне естественное сопротивление верующих распахиванию приходского кладбища представляется в виде вооруженного выступления, угрожавшего не просто коммунистам и комсомольцам, но и их

---

⁶⁸³ Протокол Заседания уездного Бронницкого Совета безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА. Москвы. Ф. 1581. Оп.124. Д. 8. Л. 11.

⁶⁸⁴ Безбожный песенник. Сост. Гр. Градов. М., 1930. 60 с.

⁶⁸⁵ Название не совсем корректное, ибо «воинствующим» безбожие в СССР стало лишь за три года до выхода сборника – в 1929 г., когда был образован Союз воинствующих безбожников.

⁶⁸⁶ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 129.

семьям. По приговору коллегии ОГПУ местный священник, диакон и кулаки были расстреляны⁶⁸⁷.

Согласно тиражировавшимся представлениям, «попы-вредители» совместно с кулаками стремились войти в колхозы с единственной целью их разложения и разорения. Став членами колхозов, они якобы переходили к агитации за уничтожение скота, резку молодняка, агитировали за отказ от приобретения облигаций займов и других мероприятий советской власти⁶⁸⁸. В 1930 г. во время очередной «чистки» выяснилось, что колхозниками в самом деле было некоторое число священно- и церковнослужителей, но доказать, что они вели подрывную работу, судя по имеющимся в распоряжении автора многочисленным следственным делам, так и не удалось. Отметим, что формулировка «противодействуют мероприятиям советской власти на селе» прочно войдет в большинство обвинительных заключений первой половины 1930-х гг.

Тенденции, характерные для публикаций в прессе, явно прослеживаются и в антирелигиозной литературе, которая начиная с 1930 г. направлена на решение *задач создания представлений о духовенстве как о тунеядцах и эксплуататорах и формирования из них образа врага.*

К антирелигиозной пропагандисткой литературе следует отнести также выпускавшиеся большими тиражами и часто с последующими переизданиями антирелигиозные сборники и учебники⁶⁸⁹. Эти издания были выдержаны в научно-популярном жанре и не отличались резкостью оценок, хотя и содержали разделы, прямо противопоставлявшие Церковь и государственные интересы («Оборона

---

⁶⁸⁷ Маяк коммуны. Орган Севастопольского горкома ВКП(б), – № 25–2 ноября 1929 г. Цит. по: Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 130.

⁶⁸⁸ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 130.

⁶⁸⁹ Николин А. Блокнот антирелигиозника. М., 1931.; Шнейман М.М. Антирелигиозный учебник. М., 1938.; Родионов Ф. Красноармейский антирелигиозный учебник. М., 1931.; Крестьянский антирелигиозный учебник. М., 1930.; Лукачевский А.Т. Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. М., 1929.

СССР и религия», «Православие на службе капитализма», «Сектантство и социалистическое строительство» и пр.). Содержательно они повторяли друг друга, и сделать вывод о том, чем принципиально отличался «Антирелигиозный учебник», предназначенный крестьянину, от такого же, адресованного красноармейцу или рабочему, невозможно, если не брать в расчет незначительные моменты. Сведений о том, как к этим изданиям относились те, кому они были адресованы, не сохранилось, но с позиций сегодняшнего дня назвать их занимательными трудно.

Помимо сухих научно-популярных текстов, советские идеологи искали иные формы антирелигиозной пропаганды, которые, по их мнению, могли быть легче воспринимаемы массой, маскируя написанные тексты под народный фольклор. Принцип создания таких материалов типологически повторял способ внедрения обновленческого движения в среду верующих, когда под якобы привычной формой скрывается нужное властям содержание. Начиная с 1930-х гг. массовыми тиражами издаются сборники «русских народных» пословиц и поговорок, где иногда отдельными блоками, а иногда и вперемешку с созданными уже в советский период литераторами-пропагандистами публиковались подлинные произведения народного творчества.

Появляются такие тексты: «Образа да молебны нам больше не потребны»; «Чем к попу идти, лучше в клуб зайти»; «Для попа темнота народа – источник дохода»; «Что сивуха для брюха, то религия для духа»; «Раньше церковь да вино, а теперь клуб да кино»; «Не Микола да Илья-пророк, а косилка, да тракторок»⁶⁹⁰; «Не страшен мороз, когда за спиной колхоз»; «Не боится дед, что захиреет, колхоз его накормит и согреет»⁶⁹¹. Такие «новоделы» перемежались действительно народными или, во всяком случае, известными пословицами и поговорками, примерно соответствовавшими по тематике. Доходило до курьезов. В одном из сборников⁶⁹² сразу после поговорки про колхоз неожиданно можно встретить

⁶⁹⁰ Русские народные пословицы и поговорки. / Сост. Жигулев А. М., 1958. С. 167– 69, 187, 237.

⁶⁹¹ Народные пословицы и поговорки. / Сост. Соболев А.И. М., 1956. С. 107.

⁶⁹² Мк. 2:27 / Народные пословицы и поговорки. / Сост. Соболев А.И. М., 1956. С. 107.

евангельский текст: «Не человек для субботы, а суббота для человека». Каким образом он туда попал – по некомпетентности составителя или с какой-то конкретной целью, – непонятно.

Не обошли стороной пропагандисты и такой популярный жанр народного творчества, как частушка. Трудно предположить, что приведенное ниже в качестве примера четверостишие⁶⁹³, что называется, пошло в народ, но и отрицать полностью это невозможно: Если любишь, милый, – сватай, // Но я тебя предупрежу: // Я сознательная стала, // В церковь носа не кажу.

К пропагандистским материалам такого рода можно отнести не только псевдонародные пословицы и частушки, но и более значительные по объему тексты, созданные в традициях народной литературы,⁶⁹⁴ – плачи, сказания, былины и пр., среди которых имеются, например: «Плач о Ленине», «Плач о Кирове», «Плач о Крупской» и даже «Плач об экипаже дирижабля «СССР–В-6», а также «новины» (по аналогии с былинами) «О строительстве колхозов», «О военных конфликтах на Дальнем Востоке», «О XVIII съезде партии» и «О героях Арктики». Сведения о том, пользовались ли эти литературные поделки популярностью в народе, отсутствуют, и сегодня они представляют интерес лишь как курьезный образчик пропагандистских тестов 1930-х гг. Однако само наличие такой литературы свидетельствует о том, что усилия в насаждении новой идеологии были весьма значительными⁶⁹⁵.

Говоря о тиражной антирелигиозной пропагандистской продукции, необходимо упомянуть плакаты, целевым образом распространявшиеся по уездам Московской губернии. Плакаты печатались массовыми тиражами и размещались в сельсоветах, на стенах кооперативных учреждений, в избах-читальнях, за

⁶⁹³ Русская частушка. Л., 1950. С. 284.

⁶⁹⁴ Топорков А.Л., Иванова Т.Г., Лаптева Л.П. Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 968.

⁶⁹⁵ Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса. // Топорков А.Л., Иванова Т.Г., Лаптева Л.П. Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431.

развитием сети которых пристально следили на губернском уровне⁶⁹⁶. Анализ плакатных текстов – особого жанра литературного творчества, где каждое слово подбиралось весьма тщательно и должно было «работать» на эмоциональном уровне, – позволяет говорить о том, что и эта продукция была нацелена на решение выделенных нами задач и эволюционировала в рамках тех же тенденций, которые были характерны для прессы и для книжной продукции⁶⁹⁷.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что такая форма антирелигиозной пропаганды, как производство печатной тиражной продукции, была направлена на решение всех ее задач. Печатная продукция может считаться наиболее эффективным средством пропаганды из-за ее высоких тиражей и профессиональной подготовки текстов.

С начала 1920-х гг. одной из форм антирелигиозной пропаганды стали *мероприятия, направленные на десакрализацию церковной жизни* (организация представлений карнавального типа, высмеивавших духовенство и пародировавших церковные таинства и обряды, общественное порицание участия в церковной жизни, вмешательство в личную жизнь и т.п.). *Эта форма пропаганды* имела определенное преимущество перед рассмотренными выше, так как ее специфика позволяла проникать в сферы бытовой религиозности.

Практика организации карнавальных мероприятий, в кощунственной форме пародировавших духовенство, церковные таинства и обряды, имела двойную цель. С одной стороны, высмеивание всего, что так или иначе было связано с религией,

---

⁶⁹⁶ Федосов Е.А. Диалектика сакрального в советской визуальной пропаганде 1920–1960-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ, 2018. № 81. С. 91–104.

⁶⁹⁷ «Царь, поп и богач на плечах трудового народа» (1918 г.), «Все люди братья – люблю с них братья я» (1920 г.), «Попы помогают капиталу и мешают рабочему» (1920 г.), «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна (Бедного)» (1924 г.), «... поп оголтелым воет воем» (1929 г.), «Пером рабкора и светом науки разоблачайте сектансткие штуки» (1929 г.), «Религия – опиум народа» (1932 г.), «Понятно для всякого: где дело строится, вредят одинаково поп и пропойца» (1930 г.), «Духовная свора – кулакам опора» (1930 г.), «Борьба против религии – борьба за социализм» (1930 г.), «Религия яд – береги ребят» (1930 г.), «Долой попа и знахаря!» (1933 г.), «Не поддавайся поповскому обману – освобождайся от религиозного дурмана» (1931 г.), «Тянет поп к прежнему, да где ж ему» (1939 г.), «У церковного порога ждешь, поп, напрасно! Без икон и бога мы живем прекрасно!» (1939 г.).

само по себе работало в русле насаждаемых советских представлений о мироустройстве. С другой стороны, большевики с первых дней прихода к власти начали выстраивать свой годовой праздничный конструкт, связанный с событиями и датами, соответствовавшими их пониманию истории. Новыми праздниками становились не только очередная годовщина революции, но, например, годовщина январских событий 1905 г., день Парижской коммуны и пр. Сказанное наглядно подтверждается календарями 1918–1929 гг., где революционные праздники соседствовали с церковными. Очевидно, что новые праздники, заменявшие религиозные или наполнявшие их новым, «революционным» содержанием, требовали популяризации⁶⁹⁸.

Пародии на главные христианские праздники – Пасху и Рождество Христово – особенно активно насаждались там, где более традиционные формы антирелигиозной пропаганды, рассмотренные выше, не давали ожидаемых результатов. К таким местностям в первую очередь относились волости Московской губернии, отличавшиеся, с одной стороны, зажиточностью жителей, а с другой – их выраженным благочестием. Статистика показывает, что чаще всего эти два качества соседствовали. К такому региону, например, относились Гжельская и Карповская волости Бронницкого и Богородского уездов соответственно, знаменитые своим народным промыслом и входившие в состав так называемого Гжельского керамического района. На территории бытования Гжельского промысла располагалось пять храмов, и они не пустовали, о чем свидетельствуют в значительном объеме сохранившиеся дореволюционные метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости этой местности.

Уже в советское время, в 1918 г., была открыта Гжельская керамическая школа для обучения мастерству детей местных кустарей⁶⁹⁹. Сведения о ее работе сохранились в многочисленных отчетах, которые отправляла своему руководству

---

⁶⁹⁸ Катаев Е.А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской духовной семинарии, 2017. № 6. С. 149–156.

⁶⁹⁹ Никонов В.В., Илькевич Б.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель, 2014. С. 179–185.

директор Гжельской школы П.Г. Алешина. В отчете за 1924 г.⁷⁰⁰ она упоминает «комсомольское рождество», которое устраивалось с попустительством властей с начала 1920-х гг. и представляло собой пародийные представления, грубо высмеивавшие один из главных христианских праздников. Анализ фактов показывает, что такие формы антирелигиозной кампании организовывались «в ходе тесного взаимодействия РКП(б) и РКСМ и проходили под их непосредственным руководством»⁷⁰¹.

Выглядело это следующим образом: комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсомольских святок» в первый день Рождества, то есть 7 января, которое было объявлено нерабочим днем. Мероприятия начинались чтением докладов и речей, разоблачавших «экономические корни» рождественских праздников. Потом шли спектакли и инсценировки, показывались политические сатиры, «живые картины». На второй день праздника организовывались уличные шествия, на третий в клубах устраивались маскарады и елка, получившая название «комсомольская елка». Участники елочных карнавалов (в основном из комсомольцев-пропагандистов) рядились в сатирические костюмы Антанты, Колчака, Деникина, кулака, нэпмана, языческих богов и даже в рождественского гуся и поросенка. Проводились шествия с факелами и сожжением «божественных изображений» (т.е. икон. – *В.Н.*). Подобные мероприятия организовывались и в других волостях Московской губернии, но пример с Гжелью наиболее показателен, так как здесь в качестве исполнителей и участников кощунственного действия по распоряжению свыше выступали пользовавшиеся большим авторитетом местных жителей преподаватели наиболее крупного просветительского центра округа – Гжельской керамической школы⁷⁰². Следует отметить, что, несмотря на то что такие акции оскорбляли чувства верующих,

---

⁷⁰⁰ Доклад об общественной работе педагогов Гжельской Керамической школы от 22.12.1924 г. // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883.

⁷⁰¹ Шмелев С.А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН, 2015. № 3. С. 92–99.

⁷⁰² Никонов В.В., Ильквевич Б.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель, 2014. С. 179–185.

сведений о конфликтах, которые бы возникали на этой почве в Московской губернии, автору обнаружить не удалось. Подобная тенденция отмечается и в других регионах⁷⁰³.

При этом такого рода антирелигиозные мероприятия не пользовались успехом и, скорее, достигали целей, обратных поставленным. Не только верующие, но и те, кто по разным причинам отошел от Церкви, не поддерживали такого откровенного глумления над религиозными праздниками. Комсомольские пасха и рождество проходили в атмосфере натянутости, по сценариям, присланным «из губернии», и привлекали в основном люмпенизированную, опустившуюся часть жителей уезда, падкую на примитивные зрелища и всегда ищущую возможности развлечься. Тем не менее ежегодно уездные парткомы требовали от волостных проведения очередных мероприятий подобного рода, и это продолжалось до 1930-х гг. Как отмечали уездные активисты, «компасху» и «комрождество» следовало проводить максимально красочно, «так как это привлекает население», а если «проведение кампании лишено красочности» и тем более «кампании проходят с запозданиями»⁷⁰⁴, то это не имеет должного эффекта. С последним заключением трудно спорить, ибо вся идея пародий на христианские праздники заключалась в том, чтобы подменить их именно в дни празднования. Необходимо отметить, что еще в 1923 г. Антирелигиозной комиссией на уровне ЦК РКП(б) был осознан тот факт, что излишняя карнавальность комсомольских пародий не дает желаемого результата⁷⁰⁵.

Но, судя по всему, позиция Антирелигиозной комиссии до уездов Московской губернии не доводилась, так как даже во второй половине 1920-х гг., когда уже становилось понятным, что такие мероприятия вызывают негативную

---

⁷⁰³ Табунщикова Л.В. «Комсомольское рождество» 1923 года в Донской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3. ч. 2. С. 176–179.

⁷⁰⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 1581. Оп.124. Д. 8. Л. 6 об.

⁷⁰⁵ Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) о проделанной работе. 16 февраля 1923 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 58–60. Цит. по: Архивы Кремля. в 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997. С. 360.

реакцию не только среди верующих, но и среди населения, индифферентно относившегося к религии, и не достигают целей отвращения от Церкви, а создают лишь ненужную дополнительную напряженность, раменские совработники по инерции устраивают антирождественскую кампанию в дни празднования православного Рождества. В протоколе заседания Бюро городской советской ячейки от 28 декабря 1928 г. по вопросу о проведении антирождественского вечера под «старое рождество» постановили «антирелигиозное рождество» провести, для чего пригласить лектора из областного политпросвета⁷⁰⁶. В протоколах зачастую важными являются формулировки, так как те, кто их составлял, пользовались, как правило, устоявшимися речевыми формами, характерными для данного периода. В этом фрагменте обращает на себя внимание выражение «старое рождество». Подразумевается, вероятно, что в представлении советских чиновников 1928 г. празднование Рождества в церковном смысле этого слова осталось в прошлом, а просто «рождество» – новое, «советское» или «комсомольское».

Следует отметить, что не только Пасха и Рождество были периодами, когда в 1920–1930-х гг. устраивались антирелигиозные представления. Пропагандистские мероприятия могли быть приурочены и к другим церковным праздникам. Так, например, в Отчете Можайского УКОМа за 1924 г. содержатся сведения о том, что 16 мая, в «так называемый Троицын день», было проведено открытое гулянье за городом с антирелигиозным докладом «о происхождении Троицы» и научным докладом о сельском хозяйстве. Кроме того, была поставлена антирелигиозная инсценировка «Суд над Троицей» (рассказы, хор и декламация антирелигиозного характера). По приблизительному подсчету, сделанному редакцией, присутствовавших было 2000–2500 чел.⁷⁰⁷.

В том же году в Можайске был организован День урожая. Его приурочили к празднуемому Церковью в октябре празднику Покрова Божией Матери, сделав

---

⁷⁰⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 145. Оп.1. Д. 13. Л. 18.

⁷⁰⁷ Отчет Можайского уездного комитета Российской Коммунистической партии. (С 1-го января по 1-е ноября 1924 г.). Можайск, 1925. С. 20.

доклад «О Покрове и задачах сельского хозяйства», сопроводив его антирелигиозными декламациями и пением⁷⁰⁸.

Очередным этапом антицерковной политики стало принятие президиумом ВЦИК в апреле 1929 г. Постановления «О религиозных объединениях», усилившего прессинг на верующих. Публикация документа породила новый всплеск активности в антирелигиозной работе⁷⁰⁹. Кроме того, в июле 1929 г. прошел II съезд СВБ, определивший дальнейшие действия. Так, осенью 1929 г. в который уже раз усилия большевистских идеологов были направлены на организацию антирождественской кампании, на сей раз существенно отличавшейся от прежних карнавальных акций. В рамках «нового антирелигиозного наступления» 17 ноября 1929 г. Культотдел Московского губернского Совета Профсоюзов разослал по всем областным и окружным отделениям документ, в котором перечислялись обязательные мероприятия по проведению антирождественской кампании⁷¹⁰.

Документ обнаруживает существенное отличие антирождественской кампании 1929–1930 гг. от издевательски-карнавальных мероприятий, которые рекомендовалось проводить в праздничные дни церковного календаря. Ушли в прошлое шутовские пародии на крестные ходы, церковные таинства и обряды⁷¹¹. Теперь антирелигиозная работа становится более упорядоченной, систематической и суровой. Борьба с религией переносится в плоскость политическую, а деятельность всех священников и верующих прямо называется контрреволюционной. Согласно документу, «попы не только тормозят развитие народного хозяйства во всех сферах, но и представляют прямую угрозу обороноспособности страны», то есть всем ее жителям. Таким образом, обществу

---

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М., 2021. С. 368.

⁷¹⁰ Вайнтрауб Л.Р. Собор святого Архангела Михаила в Бронницах. Бронницы, 2005. С. 159.

⁷¹¹ Барышева Е.В. Мифологизация истории в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 180–193; Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 92–99.

дается недвусмысленный сигнал: Церковь опасна; время, когда церковников высмеивали, прошло; настало время активной борьбы. Именно эту, главную мысль директивы и следовало донести «в рабочих поселках, спальнях, общежитиях, столовых, чайных и т. п.» до граждан СССР⁷¹².

После 1929 г. подъем антицерковной пропаганды приходился на дни празднования главных христианских праздников чаще всего в тех случаях, когда они совпадали с советскими. Так случилось, например, в 1932 г. В этот год православная Пасха праздновалась 1 мая, и Раменский горком принимает специальный «План по проведению 1-го мая в 1932 году», в котором отмечается необходимость «Путем массовой агитационно-разъяснительной работы среди трудящихся, особенно среди женщин, комсомола и беспартийной молодежи, учащихся школ и пионеров, добиться полных выходов на работу рабочих предприятий и совхозов и единоличников во время пасхальных религиозных праздников. Развернуть антирелигиозную и интернациональную работу среди населения, завербовать новый актив в ряды добровольных обществ»⁷¹³. Как видим, здесь речь идет уже не о пародии на Пасху. Это лишь призыв-указание обеспечить своевременный выход на работу, так как в начале 1930-х гг. многие верующие крестьяне считали грехом трудиться всю Светлую седмицу – неделю, следующую за Пасхой.

Говоря о мероприятиях, направленных на десакрализацию церковной жизни, следует упомянуть еще одно. Это организация так называемых «безбожных игр», в которых предлагалось участвовать молодым людям обоего пола. Их возможные сценарии публиковались в районной прессе. Апеллируя к традициям коллективных молодежных игр, некто Дорофеев предложил свое видение нового советского досуга. Он разработал, а газета Можайского уездного комитета ВКП(б)

---

⁷¹² Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–130-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3 (96). С. 61–68.

⁷¹³ План по проведению 1-го мая в 1932 году // ЦГА г. Москвы. Ф. 145. Оп. 1. Д. 44. Л. 63.

напечатала⁷¹⁴ сценарии трех игр с характерными названиями: «Монахи», «Раздуй кадило» и «Толстопузые попы». В первой играющим одной команды предлагалось сочинять небылицы якобы от имени монахов, пытаясь насмешить членов другой. Центром второй игры была повторяющаяся речь водящего: «Я поп Гаврило, // свиное рыло, // просфорками питаюсь, // с кулаками обнимаюсь, // пионеров в церковь зазываю, // враньем угощаю». В третьей использовался такой текст: «Эх вы, попки-попы толстопузые, // Отрастили животы очень грузные, // Много спите, много жрете, не работаете, // Уходите, мироеды беззаботные». Правила игр не оставляют сомнения в том, что главное в них заключалось именно в постоянном повторении приведенных текстов. Примеров того, что в эти игры где-либо на территории Московской области играли, автору встречать не приходилось. Таким образом, скорее всего, здесь мы имеем дело с очередной пропагандистской инициативой, направленной на решение задачи *формирования представлений о духовенстве как о тунеядцах и эксплуататорах*, не получившей поддержки у населения.

Организация карнавальных мероприятий, грубо высмеивавших Церковь, духовенство и верующих, была направлена на решение таких *пропагандистских задач, как распространение антирелигиозной идеологии и снижение авторитета Церкви и священнослужителей*. Логика пропагандистов была понятна: объект насмешек неизбежно теряет авторитет.

Между тем к началу 1930-х гг. практика пародирования Пасхи и Рождества Христова практически прекратилась. Думается, что большевистскими идеологами она была признана малоэффективной, так как, даже абстрагируясь от сакрального смысла христианских праздников, само по себе грубое нарушение традиционного уклада, связанного с почитанием определенных дней в годовом цикле, оказалось слишком травмирующим для православного населения, чтобы вызывать сочувствие. «Комсомольские пасхи» оказывались привлекательными лишь для далекой от христианской традиции части населения, но не она являлась целевой

---

⁷¹⁴ Безбожные игры // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927. № 25.

аудиторией советской антирелигиозной пропаганды. Целевой аудиторией были именно стойкие верующие, составлявшие приходы многочисленных еще храмов, но именно в этой среде любая инициатива властей, направленная на отвращение населения от Церкви, встречала глухое неповиновение⁷¹⁵.

Трудно предположить, чтобы такое положение дел оставалось тайной для советских идеологов, поэтому важной задачей пропагандистской работы было целенаправленное *формирование негативного отношения к религии и Церкви на бытовом уровне*, о чем свидетельствуют протоколы заседаний УКОМов Московской губернии и публикации в периодической печати. Для решения этой задачи антирелигиозная пропаганда не могла ограничиваться митингами, беседами и заметками в прессе. Она должна была проникать в жилища, чтобы заменить привычный, устоявшийся семейный уклад, который предполагал освящение Церковью по меньшей мере трех главных событий в человеческой жизни – рождения, венчания, смерти. Отметим, что метрические книги, которые велись Церковью в течение всего Синодального периода, переданные после революции 1917 г. советским ЗАГСам⁷¹⁶, состояли именно из этих трех разделов. Теперь задачей властей было десакрализировать в первую очередь эти, а в дальнейшем – все прочие таинства и обряды (эти два термина, обозначающие различные понятия в советских документах начинают смешивать или употреблять заведомо неправильно с первых лет советской власти)⁷¹⁷, сопровождавшие жизнь христианина, заменив их на новые, советские, зачастую оскорблявшие религиозное чувство верующих.

---

⁷¹⁵ Никонов В.В. Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2022. – № 1. – С. 62–72.

⁷¹⁶ Декларативно это было закреплено нормой Декрета Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, процедурно - Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве в 1918 г.

⁷¹⁷ Левшенко Б.Т., иер. Догматическое богословие. Курс лекций. Отличие таинства от обрядов // Азбука веры [Электронный ресурс.] URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticheskoe-bogoslovie-kurs-leksij/5_46 (дата обращения: 16.01.2023).

С развитием антирелигиозной кампании в Московской губернии в протоколах уездных партийных комитетов начинают появляться сведения о наказаниях членов партии, участвовавших в религиозных таинствах и обрядах или просто допустивших участие в них членов своей семьи. Так, в феврале 1920 г. обсуждалось недопустимое поведение народного судьи одного из уездов Московской губернии Смирнова, ребенка которого незадолго до этого крестили. Руководствуясь насаждаемыми сверху настроениями, партийные товарищи вынесли решение не только сместить Смирнова с занимаемой должности, но и исключить его из партии, переведя в кандидаты⁷¹⁸.

Примечательна реакция самого Смирнова, выразительно характеризующая логику представителя нарождавшегося класса советского чиновничества. Вызванный 6 февраля 1920 г. на заседание УКОМа, Смирнов рассказал, что у него действительно родился сын и его в самом деле крестили в церкви. Но произошло это, по словам Смирнова, в его отсутствие, без его согласия и вопреки его желанию, а исключительно по инициативе жены. В качестве оправдания Смирнов поведал про договоренность, которая якобы была у них с женой, что если родится мальчик, то крестить его не будут, а если девочка, то решение предоставляется «на расположение жены». Однако жена его обманула, а «насилие применять» он не мог⁷¹⁹. Несмотря на то, что объяснение Смирнова было признано Бюро удовлетворительным, его все-таки отстранили от должности, а из членов партии перевели в кандидаты⁷²⁰. Случай с судьей Смирновым стал одним из первых в длинном ряду подобных, зафиксированных в Московской губернии. В дальнейшем такие показательные проработки устраивались все чаще и, как правило, заканчивались исключением из партии. Этим власть достигала одновременно двух целей: во-первых, устрашения тех, кто смел публично исповедовать свои

---

⁷¹⁸ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.

⁷¹⁹ Там же.

⁷²⁰ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП/б/ 15 августа 1919 г. 20 февр. 1920 г. Заседание 6 февраля 1920 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.

религиозные убеждения, а во-вторых, формирования отношения к таким людям как к изгоям, отвергнутым обществом.

В январе 1921 г. состоялось очередное общее собрание членов и кандидатов РКП Запасного пулеметного батальона Московской губернии, на котором слушалось «дело о венчании в церкви члена партии тов. Хлебалина». Недолго думая, партийцы исключили Хлебалина из своих рядов, даже не внося его объяснения в протокол. Уже собирались переходить к следующему пункту повестки дня, как вдруг слово попросил принципиальный коммунист Морозов, объявивший, что среди участников собрания присутствует коммунист Кашеев, в отношении которого «циркулируют слухи» о том, что он, подобно исключенному Хлебалину, тоже венчался церковным браком. Обращаясь к Кашееву, Морозов потребовал ответить, оправданны ли эти слухи, и тот вынужден был их подтвердить. После этого собрание единодушно постановило исключить из партии и Кашеева, хотя изначально его дела даже не было в повестке дня⁷²¹. Такого рода партийные проработки в начале 1920-х гг. фиксируются на страницах протоколов неоднократно, причем санкции к коммунистам применялись в том числе и за «проступки», совершенные ими не только после, но и до вступления в партию.

В рассматриваемый период исключение из партии с последующим восстановлением в ее рядах практиковалось часто. Существовал обширный список проступков, за которые партийцы могли лишиться билета. В их числе в протоколах фигурируют чаще всего пьянство, рукоприкладство, мародерство, воровство и даже насилие. Но если провинившийся каялся, в партии его чаще всего восстанавливали довольно быстро, так как эти проступки не считались несовместимыми с членством в партии.

Иные последствия имели факты участия члена РКП в религиозных обрядах. Для исключенных по этой причине процесс восстановления был значительно усложнен. Типичную для того времени ситуацию можно увидеть в протоколе

---

⁷²¹ Протокол № 4 Общего собрания членов и кандидатов Р.К.П. батальонного объединения отдельного Запасного Пулеметного Батальона. 26 января 1921 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

заседания Президиума Бронницкого уездного партийного комитета от 26 июля 1922 г., на котором заявление некоего Пичина о повторном принятии его в кандидаты в члены РКП(б), как прежде исключенного за религиозный обряд, было отклонено⁷²². Следует иметь в виду, что в начале 1920-х гг. членство в партии постепенно становилось своего рода «охранной грамотой», и исключенные стремились как можно скорее восстановиться в ее рядах.

К действиям, направленным на десакрализацию различных аспектов жизни православных христиан, традиционно освящаемых Церковью, следует отнести намеренную подмену церковных таинств и обрядов советскими эрзацами. Если властям представлялась возможность заменить православное таинство революционной постановкой, они не сомневались и не скупались. Так, собрание Троицко-Лобановской ячейки Московской губернии постановило выделить на коммунистические крестины одного из местных жителей из средств УКОМа 10 рублей золотом⁷²³. Сумма для 1924 г. внушительная, выделенная, вероятно, для того чтобы полностью лишенное смысла словосочетание «коммунистические крестины» не так резало слух родителям.

Дело иногда доходило до абсурда. В мае 1925 г. заседала ячейка РКП(б) Усмерской волости Бронницкого уезда, на котором рассматривалось заявление некоего Булдина С.Т. с просьбой после его смерти похоронить его «гражданскими (революционными) похоронами». Прежде чем принять окончательное решение, ячейка поручила своим членам Сорокину С. Я. и Теренину договориться с семьей Булдина, чтобы она не настаивала на церковных похоронах⁷²⁴. Очевидно, что из этих похорон планировали сделать показательный акт.

Происходили и вполне драматичные события, показывающие, насколько травмирующим и разлагающим оказывалось влияние антирелигиозной пропаганды. В 1928 г. на заседании пленума Раменского волостного комитета обсуждалось поведение некоей Шевальяновой, которая, по свидетельству

---

⁷²² ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 46.

⁷²³ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

⁷²⁴ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

очевидцев, совершила «религиозный обряд похорон матери» и участвовала в нем. Шевальянова от прямого ответа на вопрос об этом уклонилась, и пленум постановил, что, поскольку факт участия Шевальяновой в похоронах не подтвердился, вопрос считать исчерпанным⁷²⁵. Сегодня трудно установить, что же именно произошло на этом заседании и как могло случиться, что Шевальянова не понесла наказания. Она и в самом деле не стала хоронить по-христиански свою мать? Или же, похоронив ее, как и следовало, потом вынуждена была публично отказаться от сделанного?

По мнению некоторых исследователей, постепенное вытеснение религиозных принципов мироустройства из общественного сознания в значительной степени повлияло на лавинообразный рост в 1920-е гг. числа рождений детей в семьях без отцов⁷²⁶. В феврале 1924 г. некая гражданка Генслер, работница Московской Казанской железной дороги, проживавшая в Ухтомской волости Московского уезда, родила ребенка от неустановленного отца. Местная партийная организация приняла в случившемся деятельное участие. По заявлению гражданки Генслер с просьбой произвести крестины ее новорожденного сына на общем партсобрании членов и кандидатов Ухтомской организации по предложению волкома приемным отцом был предложен некто Алексеев. Было решено с предложением волостного комитета согласиться, новорожденного назвать Владимиром в честь В.И. Ленина и считать «приемышем» волсовета⁷²⁷. Дата заседания волкома позволяет предположить, что решение назвать ребенка Владимиром было продиктовано недавней кончиной В.И. Ленина. Следует отметить, что «советские крестины» были произведены по желанию самой

---

⁷²⁵ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

⁷²⁶ Митрофанов Г.Н., прот. История Русской Православной Церкви. В 2 ч. // Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-mitrofanov/2_5 (дата обращения: 15.01.2023).

⁷²⁷ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-152. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 5 об.–6.

гражданки Генслер, при этом в селе Краскове, где разворачивались описанные события, имелся действовавший на тот момент православный храм⁷²⁸.

Характерный для рассматриваемого периода случай, связанный с рождением ребенка и попавший на страницы местной газеты⁷²⁹, произошел в с. Озеры Коломенского округа в 1929 г. Некто, скрывший свое имя под псевдонимом Возмущенный, поведал, что в общежитии местной отделочной фабрики «прошли Октябрины» ребенка, которого назвали «именем МЮД'а». Надо полагать, что младенец был мальчиком, хотя имя Мюд (международный юношеский день) имело и женскую форму: Мюда. Но не всем состоявшимся «октябрины» пришлось по душе, и некая О.Я. Макурова – соседка молодой матери по общежитию – стала «всячески травить мать, отказавшуюся от поповских крестин». Травля выражалась в том, что Макурова стала коверкать имя ребенка до неузнаваемости и «извращать имя, данное при Октябринах, научая этому своих детей». Заканчивалась заметка призывом к коммунистам этого общежития, «а также честным и сознательным рабочим» дать этой травле решительный отпор⁷³⁰.

Все приведенные примеры формирования негативного отношения к религии и Церкви на бытовом уровне, включая и случаи наказания ответственных работников за участие в религиозных обрядах, и факты насильственного внедрения в частную жизнь новых мировоззренческих установок, объединяет общая пропагандистская составляющая. Она заключалась в запланированной публичности всех мероприятий, связанных с установлением новых бытовых норм. Отныне всякий, кто пожелал бы участвовать в церковных таинствах и обрядах, понимал, что он не просто будет подвергнут порицанию, что это порицание и, возможно, осмеяние станет всеобщим достоянием. Антирелигиозная пропаганда, таким образом, получала дополнительный рычаг, связанный с естественным

---

⁷²⁸ Никонов В.В., иерей Илия Семенов. Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренево и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. М., 2017. С. 447–454.

⁷²⁹ Травят новый быт // Красные Озеры. Орган Озерского волкома ВКП(б), РИКа м РСФСР. 1929. № 73 (419).

⁷³⁰ Там же.

нежеланием и опасением любого человека предстать перед общественностью в неприглядном с точки зрения общественности виде.

Целью такого рода мероприятий было формирование и внедрение в повседневность новых норм личной жизни. Для этого была необходима нарочитая демонстративность. Интимность человеческой жизни, грубо и сознательно нарушавшаяся новым бытом, становилась инструментом в идеологической обработке советского человека. В частной жизни практически не оставалось сторон, скрытых от всеобщего обозрения. Что же касается таких традиционно личных форм частного семейного уклада, как крещение, брак, смерть, не говоря уже о менее фундаментальных, но от этого не менее значимых, таких как одежда, прием пищи, устройство домашнего быта и дома в целом и пр., то новая власть стремилась внедриться и в эти области человеческого существования, обычно скрываемые от посторонних глаз.

Советский гражданин не мог торжественно и сосредоточенно проводить в последний путь своего родителя. Он должен был делать это с оглядкой на то, как на это посмотрят всезнающие советские и партийные органы. Атаки на вполне законопослушных трудящихся, осуществляемые лишь за то, что те принимали участие в «религиозных обрядах»⁷³¹, отраженные в местной прессе⁷³², имели целью

---

⁷³¹ Взято в кавычки, ибо крещение и венчание являются таинствами, но не обрядами.

⁷³² Венчальный бред. // Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (большевиков). 1920. № 2.; Религиозный дурман перестает действовать. // Власть труда. Еженедельный орган Зарайского уездного комитет Р.К.П. (б.) и Уездного Исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. 1921. № 35.; О темном царстве. // Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. 1922.11.; Кто получит явную пользу от веры в бога. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 22 апреля 1927 г. № 25.; Дубовым колом выбьем старый гнилой быт, а на развалинах гнилова прошлого – строим культурную жизнь. // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 4.; Искусство на службе церковников. Возмутительное попустительство. // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 6.; Попы и кости. // Каширские известия. Орган Уездного Исполкома Советов Крестьянских и рабочих депутатов и Уездного Комитета Российск. Коммун. Партии. 1919. № 4.; О святых отцах. // Крестьянин и рабочий. Орган Ленинского Совета Рабоч. и Крестьян. Д-в. и райкома Р.К.П.–1920. № 16.; О темном царстве. // Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета

не только наказать «виновных», но и напугать многочисленных читателей. Фактически такие атаки, заканчивавшиеся понижением в должности, партийными взысканиями и даже не заканчивавшиеся ничем, кроме самого факта освещения в прессе, уже работали как действенный инструмент антирелигиозной пропаганды. Предполагалось, что выставленные на всеобщее обозрение «изгои» – а именно так власти желали бы представить всех, имевших отношение к Церкви, в глазах советского общества – в следующий раз не станут венчаться и отпевать своих покойников, а те, кто пожелает поддержать своих родственников или друзей в горе и в радости, сначала хорошо подумают.

Несмотря на активную антирелигиозную пропаганду, документы УКОМов Московской губернии показывают, что желаемой цели эта работа не достигала. Такой вывод можно сделать, с одной стороны, исходя из прямых свидетельств, когда в отчетах и справках прямо говорится, что «уровень религиозности» снижается медленно или не снижается вовсе, и, с другой, исходя из того, что одни и те же указания о формах и методах антирелигиозной работы повторяются в них из года в год. Кроме того, анализ аналогичных материалов разных уездов Московской губернии позволяет говорить, что такое положение дел было повсеместным.

Например, в протоколах заседаний Ухтомского волостного комитета ВКП(б) Московской губернии за 1927 г. читаем текст, почти дословно повторяющий аналогичный, написанный в Бронницком уезде несколькими годами ранее⁷³³. Как и прежде, члены Ухтомского волкома констатируют, что за последнее время значительно усилилось «религиозное движение», а также активность духовенства. В документе говорится, что в своей работе церковники стремятся вовлечь в свою среду всю неустойчивую часть населения, особенно женщин и даже часть рабочих завода и близлежащих предприятий, а также и детей, стараясь противопоставить

Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. 1922. № 11.

⁷³³ ЦГА г. Москвы. Ф. П-152. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 11.

«свою идеологию пролетарской», тем самым ведя контрреволюционную работу против завоеваний Октябрьской революции и отвлекая от общественной работы⁷³⁴.

В 1927 г. тезис о том, что любая деятельность церковников по своей сути является контрреволюционной, уже не воспринимался как новость. Единственной новацией отчасти могло быть словосочетание «церковники и сектанты», что, учитывая дату цитируемого документа – декабрь 1927 г., – можно связать с выходом летом этого же года Декларации митрополита Сергия, явившейся причиной одного из церковных расколов. Если же рассматривать «церковников и сектантов» в контексте иных расколов, инспирированных большевиками в начале 1920-х гг., и в первую очередь – обновленческого, то к 1927 г. это также уже становилось фигурой речи, повторявшейся многократно и от этого постепенно терявшей смысл.

Такие же формальные указания давал пленум Ухтомского волкома, чтобы «срочно со всей серьезностью и более энергично» провести очередные антирелигиозные мероприятия. По мысли местных коммунистов, они должны были выразиться в том, чтобы на всех предприятиях, в клубах, учреждениях, в поселках и деревнях организовать ячейки безбожников и путем кружковой работы повести антирелигиозную пропаганду с участием членов ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ и широких слоев рабочих и крестьян. В основу работы следовало положить борьбу за всемерное разоблачение перед рабоче-крестьянской массой классовой сущности религии, раскрывая пути и средства, которыми религиозные служители стремятся угасить революционную энергию рабочих и крестьян. Антирелигиозная пропаганда должна была стать неотъемлемой частью общей культурной идеологической работы ячеек ВКП(б), ВЛКСМ, клубов, изб-читален и красных уголков. Все ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ и их агитпропкомиссии должны были в ближайшее время проработать вопрос об антирелигиозной пропаганде и выделить для этой работы наиболее выдержанных товарищей, а уже через два месяца предполагалось созвать волостное «совещание выделенных» по антирелигиозной

---

⁷³⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. П-152. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 12.

пропаганде⁷³⁵. Собранные через некоторое время волостные совещание констатировало наличие очередных трудностей в работе с верующими и «поповским дурманом», до сих пор не преодоленным.

По своему содержанию многие антирелигиозные пропагандистские материалы были одновременно оскорбительными для верующих и довольно примитивными по содержанию. Это не удивительно, ибо в дело борьбы с религией были втянуты люди часто малообразованные и имевшие скудные представления не только о религии, но и культуре в целом⁷³⁶. Нельзя сказать, что такого рода пропаганда не была действенной. Она увлекала в основном люмпенизированную часть населения, которую составляли люди малоразвитые и не имевшие устойчивой связи с православной традицией, и была поддерживаема этими людьми. Для идеологической обработки стойких в своих убеждениях верующих, а также людей образованных и склонных к критическому восприятию получаемой информации⁷³⁷ требовались иные методы. Они также использовались. К ним можно отнести все церковные расколы, инспирированные ГПУ (позже – ОГПУ). В случае же, когда пропагандистские методы отторжения от Церкви не действовали, использовался репрессивный аппарат.

***

Антирелигиозная пропаганда, являясь неотъемлемой составной частью общей антирелигиозной и антицерковной советской политики, сознавалась советским руководством как важнейшая функция насаждения государственной идеологии. Борьба с Церковью и «религиозными предрассудками» никогда не скрывалась большевиками, и, будучи совершенно определенно и недвусмысленно задекларированной в Декрете «Об отделении церкви от государства», она

---

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ Цыремпилова И.С. Антирелигиозная агитация и пропаганда в 1920-е годы: форма, опыт и эффективность. // Власть. 2020. № 5. С. 208–214.

⁷³⁷ Речь идет не об интеллектуалах, а о широком слое людей, имевших среднее образование в пределах гимназического курса и бывших как до революции, так и после нее служащими. Характерный пример: Окунев. Н.П. Дневник московского обывателя. М., 2020.

последовательно фиксировалась во всех последующих законодательных актах. Эта борьба проводилась при помощи различных инструментов – от экономических до репрессивных, но антирелигиозная пропаганда сопровождала ее на каждом этапе. Единственным временным промежутком, когда борьба с религией на идеологическом фронте была приостановлена, стали военные годы и несколько лет после Великой Отечественной войны. В это время СССР активно участвовал в послевоенном мироустройстве, и взаимоотношения с Церковью, перешедшие после 1943 г. на новый уровень, не должны были отрицательно отражаться на его репутации. Сказанное не означает, что в эти годы советское государство рассматривало Церковь как своего союзника, но активная антирелигиозная риторика, во всяком случае в медийном пространстве, почти отсутствовала. Отдельные материалы, появившиеся в периодической печати в конце 1940-х – начале 1950-х гг., как, например, «Саратовская купель», связанные с конкретными событиями, не могут рассматриваться как систематическая антирелигиозная пропаганда⁷³⁸, в отличие от довоенного периода.

В 1918–1941 гг. антирелигиозная пропаганда реализовывалась в трех основных формах. Во-первых, это были лекции, диспуты, митинги с участием пропагандистов, присылаемых из Москвы или подготовленных на местах. Однако уровень подготовки таких пропагандистов чаще всего был низким, что сводило на нет предполагаемый эффект от их работы. Во-вторых, это были статьи в газетах, антирелигиозные брошюры и прочие печатные материалы. Третью группу представляли антирелигиозные мероприятия, направленные на десакрализацию церковной жизни. К этой же группе можно отнести публичные обсуждения и осуждения участия граждан в церковных таинствах и обрядах.

Все эти формы антирелигиозной пропаганды активно использовались на приходском уровне на территории Московской губернии/области. Однако на

---

⁷³⁸ Шкаровский М.В. Сталинская религиозная политика и Русская православная Церковь в 1943–1953 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/stalinskaja-religioznaja-politika-i-russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-1943-1953-godah/ (дата обращения: 13.05.2023)

состояние религиозности населения они не оказали ожидаемого влияния. С одной стороны, это подтверждается периодически повторяющимися в протоколах заседаний районных партийных и советских органов указаниями на то, что «уровень религиозности» снижается медленно или не снижается вовсе⁷³⁹. С другой стороны, это наглядно продемонстрировали результаты Переписи населения СССР, произведенной в начале 1937 г., согласно которым по состоянию на январь 1937 г. более 50 % взрослого населения СССР объявили себя верующими⁷⁴⁰.

Однако говорить о том, что антирелигиозная пропаганда не возымела никакого действия или ее влияние было незначительным, также невозможно. Несомненно, что определенное воздействие она оказывала, так как число верующих неуклонно сокращалось, хотя и не такими темпами, которые были бы желательны властям. Следует иметь в виду, что на уровень религиозности влияла не только антирелигиозная пропаганда, но и ряд других факторов, в числе которых были и репрессивные. Что же касается вопроса о том, насколько именно антирелигиозная пропаганда повлияла на изменение уровня религиозности населения Московской губернии/области, то в такой форме он не ставился ни на областном, ни на общесоюзном уровне, и замеры общественного мнения в сегодняшнем понимании этого слова в 1930-х гг. не проводились.

---

⁷³⁹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 2.; Ф. 117. Оп. 1. Д. 6.; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2.; Ф. 129. Оп. 1. Д. 53.; Ф. 137. Оп. 1. Д. 3.; Ф. 140. Оп. 1. Д. 59.

⁷⁴⁰ Подробнее о результатах переписи 1937 г. в части отношения населения к религии будет сказано в главе 3.

2.2 Деятельность Союза воинствующих безбожников на церковно-приходском уровне

В течение 1920-х гг. в СССР происходило формирование добровольного антирелигиозного движения, результатом которого стало учреждение Союза воинствующих безбожников (СВБ). Такое название движение получило лишь в 1929 г. С 1925 г. оно называлось Союзом безбожников (СБ), а еще ранее, с 1924 г., именовалось Обществом друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Главным принципом, положенным в основу движения, предполагалось сделать добровольное участие в нем.

СВБ (этим обобщенным именованием будем называть не только собственно Союз воинствующих безбожников, но и все добровольные антирелигиозные общества, ему предшествовавшие) стало организацией, которая, по замыслу инициаторов ее создания, должна была сосредоточить в своих руках основную часть антирелигиозной пропагандистской работы. Будучи одним из инструментов советской антицерковной и антирелигиозной политики, СВБ в течение двух десятков лет своего существования персонифицировал и реализовывал все государственные установки антирелигиозного направления. Иными словами, деятельность СВБ заключалась в наполнении различных форм антирелигиозной пропаганды идеологически выверенным и актуальным содержанием. Это не означает, что сам СВБ не принимал никакого участия в формировании этого содержания – напротив, известны аналитические работы его функционеров, претендовавшие на научную разработку направлений работы Союза, но не это являлось его главной задачей. Основная функция СВБ заключалась в том, чтобы, находясь на переднем крае борьбы с «поповским мракобесием», влиять на умонастроения граждан СССР, с одной стороны, транслируя утвержденные

антирелигиозные идеологические установки непосредственно адресату, а с другой – вовлекая в эту деятельность насколько возможно широкие массы верующего и неверующего населения. Однако с течением времени СВБ из организации, созданной и поддерживаемой государством, с начала 1930-х гг. под влиянием ряда факторов эту поддержку постепенно утрачивает, хотя и продолжает в течение последнего предвоенного десятилетия сохранять свои позиции.

Представляется необходимым подчеркнуть, что СВБ создавался для борьбы с религией вообще, а не только с православием. СВБ, будучи организацией всесоюзной, мыслился как идеологический инструмент, направленный против всех религий, имевших место на территории СССР: христианства, ислама, буддизма и пр. со всеми их конфессиональными направлениями. Таким образом, приоритетными задачами СВБ следует считать задачи антирелигиозные, антицерковные же задачи – вторичными.

Феномен СВБ привлекал внимание исследователей как в советский период отечественной истории, так и в постсоветский, но рассматривался он чаще всего на республиканском и областных уровнях⁷⁴¹. Между тем анализ практических мероприятий, проводившихся СВБ на территории Московской губернии (области) и уездов (районов), входивших в ее состав, не нашел достаточного освещения в научной литературе. СВБ, несмотря на свою кажущуюся декоративность, продолжает оцениваться как вполне действенный инструмент борьбы официальной советской идеологии на «антирелигиозном фронте», не потерявший значения и после своего закрытия в 1947 г., когда он, будучи распущенным официально, по сути составил костяк вполне уважаемого в СССР Всесоюзного общества «Знание», весьма популярного 1960–1980-е гг.

---

⁷⁴¹ Брадилова Ю.П. Антирелигиозная пропаганда на Европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 3. С. 42–49; Новоселов А.Л., Сальникова А.А. «Поп с кулаком сварганил чудо»: Антирелигиозная пропаганда на страницах журнала «Юные безбожники» // Современная научная мысль. 2020. № 2. С. 80–86; Стрелец Н.Ю. Возникновение и деятельность Союза воинствующих безбожников в 1920–1940 годы в Оренбургской области // Вестник ОГУ. 2012. № 7. С. 164–170; Яшина М.А. Роль «Союза безбожников в антирелигиозной политике советского государства в 1920–1930-е гг.» // Известия АлтГУ. 2013. № 4. С. 104–108.

Сказанное дает основания выделить рассмотрение деятельности Союза воинствующих безбожников на приходском уровне в отдельный параграф, задачами которого являются:

- предложить периодизацию деятельности СВБ
- проанализировать направления и формы деятельности СВБ в различные периоды его существования
- рассмотреть результаты деятельности СВБ в контексте генезиса его взаимоотношений с государственными структурами СССР.

Деятельность СВБ в Московской губернии (области) распадется на три периода, различных по длительности и выразительно отличавшихся друг от друга.

Первый период можно назвать «подготовительным». Он продолжался с начала 1920-х гг., когда «безбожное» движение проходило стадию формирования, до 1925 г., когда был образован Союз безбожников.

В ноябре 1924 г. по инициативе Ем. Ярославского в ЦК ВКП(б) рассматривался и был решен положительно вопрос о реорганизации ОДГБ во всесоюзное общество «Союз безбожников». СБ был образован на I Всесоюзном съезде корреспондентов ОДГБ в апреле 1925 г.⁷⁴² Эту дату следует считать началом *второго периода* движения безбожников в СССР. Он характеризовался директивным вовлечением – вербовкой, как тогда выражались, – в члены Союза всех желающих, а также массовым открытием ячеек во всех относительно крупных населенных пунктах. В областных и уездных центрах отделения СБ должны были иметься в определенном количестве, исходя из численности населения. Кроме того, первичные ячейки лавинообразно открывались в селах и даже деревнях. Характерной чертой второго периода деятельности Союза безбожников стало его агрессивное продвижение в общественную жизнь. Уже весной 1925 г. в уездах Московской губернии были созваны первые конференции СБ, где одной из главных задач, помимо собственно антирелигиозной пропаганды, выдвигалась

---

⁷⁴² Краткий научно-атеистический словарь. Под ред. И.П. Цамарян. М., 1964. С. 51.

необходимость самого широкого рекрутинга населения в ряды безбожников. Местные власти были обязаны регулярно отчитываться о том, как работают местные ячейки Союза, сколько в них членов и не наблюдается ли отток записавшихся. Выдвигались лозунги, что все партийцы обязаны вступать в ряды СБ, подписываться на газету «Безбожник» и прочие издания Союза. Однако протоколы конференций СБ, заседаний уездных советов, материалы периодической печати свидетельствуют о том, что население Московской губернии деятельность Союза не поддерживало, а те, кто по разным причинам в СБ записался, вскоре стали в массовом порядке выходить из ячеек или, что происходило чаще, просто переставали принимать какое-либо участие в их деятельности.

Третий период деятельности Союза безбожников начался в июне 1929 г., когда на II съезде СБ безбожное движение получило новое название – Союз воинствующих безбожников. Этому предшествовало несколько важных событий на антирелигиозном пропагандистском фронте. Следует отметить два из них. Во-первых, это появление секретного январского 1929 г. циркуляра «О мерах по усилению антирелигиозной работы»⁷⁴³, и, во-вторых, это принятие апрельского Постановления «О религиозных объединениях»⁷⁴⁴, определившее новые отношения между Церковью и советским государством на последующие десятилетия. Оба документа были направлены на усиление как антирелигиозной пропаганды, так и общего давления на Церковь и верующих, что в полной мере актуализировало изменение названия Союза безбожников путем добавления в него слова «воинствующих».

---

⁷⁴³ «О мерах по усилению антирелигиозной работы». (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). Приложение № 1 к п. 4 пр. ПБ № 61. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–11. // Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/59437> (дата обращения: 27.05.2023).

⁷⁴⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. <https://istmat.org/node/22769> (дата обращения: 27.05.2023).

Переход антирелигиозной пропаганды в 1929 г. на новый уровень явился причиной особенной востребованности СВБ как главного пропагандистского инструмента. 1929 год стал моментом наибольшей государственной поддержки СВБ и, как следствие, высшей точкой развития последнего.

Уже начиная с 1930–1931 гг. деятельность СВБ постепенно начинает терять государственную поддержку, что подтвердил даже его председатель Ем. Ярославский в своем докладе об антирелигиозной работе⁷⁴⁵. Этот процесс неуклонно продолжался все предвоенное десятилетие, что выражалось в сокращении и числа отделений, и численности Союза⁷⁴⁶. Единственным периодом, когда СВБ ненадолго вновь оказывается востребованным, стал период Большого террора, но и здесь говорить о полноценной государственной поддержке, какой она была во второй половине 1920-х гг., не приходится. К началу войны деятельность СВБ продолжается по инерции, но власти не проявляют к ней никакого заметного интереса. Во время войны и сразу после нее, когда антирелигиозная пропаганда вообще уходит из актуальной повестки, о безбожном движении речи не идет. Поэтому, когда в 1947 г. СВБ официально был распущен, это не оказало никакого влияния на взаимоотношения государства и Церкви. Документация и отчасти функции Союза воинствующих безбожников формально перешли к образованному тогда же Всесоюзному обществу «Знание».

Первый – подготовительный – период безбожного движения характеризовался отсутствием единого плана антирелигиозной деятельности. Объект идеологической атаки – религиозное мировоззрение – был определен, но решения о том, в каких формах ее осуществлять, принимались на местах, в зависимости от представлений уездных и губернских пропагандистов и партработников. О том, как это происходило в уездах Московской губернии, красноречиво свидетельствуют публикации в прессе, приведенные в предыдущем параграфе настоящей главы.

---

⁷⁴⁵ Ярославский Ем. Об антирелигиозной работе // Бронницкий колхозник. Орган Бронницкого РК ВКП(б) и Райисполкома Моск. обл. 1937. № 107.

⁷⁴⁶ Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 114.

Отдельные группы антирелигиозной направленности образовывались на местах начиная с 1920 г., но предшественником будущего СБ и СВБ стала группа корреспондентов и читателей газеты «Безбожник», первый номер которой вышел в свет в декабре 1921 г. Вскоре вокруг газеты образовался своеобразный пул изданий соответствующего направления: «Безбожный крокодил», «Безбожник у станка» и пр. Через год ответственный редактор «Безбожника» Ем. Ярославский выдвинул идею организации кружков безбожников, и 7 октября 1923 г. в газете «Безбожник» этот вопрос был поставлен уже официально. Власти инициативу не отвергли, и 27 августа 1924 г. в Москве созвали первое учредительное собрание Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Общество всемерно укреплялось и поддерживалось «сверху»⁷⁴⁷. Тиражи газеты росли быстрыми темпами. Если первые номера вышли тиражом 15 тыс. экз., то вскоре он увеличился до 200 тыс., а в 1931 г. газета выходила тиражом 500 тыс. экз.⁷⁴⁸ Антирелигиозные и антицерковные издания, образованные вокруг газеты «Безбожник», были направлены на решение пропагандистских задач. В них публиковались материалы, тщательно выверенные с политической точки зрения, которые затем часто перепечатывались в местной прессе. Этими материалами пользовались уездные пропагандисты, их зачитывали в Красных уголках и избах-читальнях. Однако ОДГБ не имело сети своих отделений в масштабах страны, в которые бы рекрутировались рядовые граждане. Этим «безбожное движение» первого периода принципиально отличалось от того же движения второго периода.

Рассмотрим особенности работы СБ в 1925–1929 гг., отнесенных нами ко *второму периоду*. Деятельность СБ и СВБ в 1920-х гг. в уездах Московской губернии реконструируется по обширному корпусу сохранившихся архивных материалов и газетных публикаций, судя по которым отношение к Союзу здесь было неоднозначным⁷⁴⁹. Это хорошо иллюстрируют обстоятельства работы

---

⁷⁴⁷ Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-Религия. 30.10.2002.

⁷⁴⁸ Там же.

⁷⁴⁹ Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–130-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3 (96). С. 61–68.

Бронницкого уездного отделения СБ, при этом тенденции развития «безбожного движения» (термин, неоднократно встречающийся в ряде документов тех лет), проявившиеся при организации ячеек Общества безбожников в Бронницком уезде, были характерны и для других уездов Московской губернии, о чем прямо заявлял местный функционер СББ. Создание уездных ячеек Союза безбожников началось в 1925 г. сразу после учреждения этой общественной организации. Но еще в 1924 г. местными активистами делались попытки развить «безбожное движение» в рамках существовавшего Общества друзей газеты «Безбожник». В некоторых приводимых ниже высказываниях уездных функционеров содержится информация об этом. К периоду, предшествовавшему формальному образованию СБ в 1925 г., относится также и практика назначения одного дня в неделю «днем безбожника».

Наиболее ранним свидетельством о деятельности СБ на территории уездов Московской губернии является план работы Бронницкого УКОМа на февраль–май 1925 г.⁷⁵⁰, где в числе прочих пунктов есть требования организовать во всех волостях и на фабриках через уполномоченных организаторов ячейки безбожников, доведя численность организации до 1000 человек, создавая при них антирелигиозные кружки; обеспечить регулярный инструктаж руководителей кружков; устроить регулярные антирелигиозные докладов во всех волостях уезда и др.

Первый же пункт определял главное: повсеместно организовать ячейки безбожников с заявленным общим числом членов, однако механизма решения поставленной задачи план не содержал. Это стало одной из главных причин того, что деятельность СБ, а в будущем и СББ в уездах Московской губернии часто будет оцениваться как неудовлетворительная.

К марту 1925 г. во всех волостях Бронницкого уезда, а также и на Раменской фабрике «Красное Знамя», которая по числу работавших на ней была сопоставима с населением волости и часто выделялась в особую административную единицу, ячейки безбожников были сформированы.

---

⁷⁵⁰ План работы Бронницкого УКОМа на февраль–май 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

Весной и летом 1925 г. во многих уездах Московской губернии прошли собрания под типовым названием «1-я конференция Общества безбожников». 24 мая 1925 г. такая конференция состоялась в Бронницах. Логично было бы предположить, что первая конференция должна была продемонстрировать уверенный рост авторитета безбожного движения среди населения. Даже если энтузиазм масс на деле оказывался недостаточным, умелые секретари всегда могли отразить в протоколах необходимый уровень поддержки решений начальства. Протокол же 1-й конференции Общества безбожников Бронницкого уезда стал в этом отношении полной неожиданностью. Если даже после редактирования он отражал фактический провал антирелигиозной работы в уезде, то остается только догадываться, как все обстояло на самом деле⁷⁵¹.

Конференция началась с доклада руководителя Бронницкого отделения Совета общества безбожников, уездного уполномоченного, члена РКП, политработника Смирнова, на котором следует остановиться подробно, так как он выражал общее положение дел в СБ, характерное для большинства уездов Московской губернии, нашедшее отражение в аналогичных докладах таких же конференций. Выступление Смирнова состояло из двух частей, первая из которых – «Цели и задачи общества Безбожников» – была короткой и довольно формальной⁷⁵². Докладчик отметил, что цели Общества – насадить в народе понимание вредности религии и Бога, научить народ «правильно понимать и точно осознавать все жизненные проявления». Общество безбожников должно стать рассадником нового быта, основанного на марксистском материалистическом сознании. Подобные рассуждения в те годы звучали постоянно со всех трибун, и, таким образом, в первой части своего доклада ничего нового политработник Смирнов не сообщал. Более содержательной оказалась вторая часть его

---

⁷⁵¹ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 110.

⁷⁵² Цели и задачи общества Безбожников. Доклад уполномоченного по Бронницкому уезду на 1-й Бронницкой уездной конференции общества безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124. Л. 8.

выступления, в которой он рассказал собравшимся о том, как идет антирелигиозная работа в уезде. Выяснилось, что идея организации Общества была выдвинута Московским комитетом партии в начале 1924 г., и тогда же по уездам были созданы институты уполномоченных Общества безбожников. Руководить Бронницким отделением назначили его, Смирнова. Можно было бы предположить, что доклад руководителя Общества безбожников станет перечислением достигнутых за полтора года успехов, однако тон сообщения политработника был далек от оптимизма, однако на деле доклад оказался попыткой оправдать срыв порученной работы. По логике Смирнова виноватыми были все: партийцы, комсомольцы, пропагандисты, даже его переезд из Бронниц в Раменское – только не он сам и, разумеется, не основания, на которых создавался СБ. Значительная часть сообщения Смирнова была посвящена трудностям, с которыми ему приходилось сталкиваться при работе на селе, то есть там, где процент фабричного религиозно индифферентного населения, был заведомо ниже, а вовлеченность в церковную жизнь, напротив, значительно выше. Например, в селе Синьково Софьинской волости была организована первичная ячейка СББ, но затем работа замерла и вскоре совсем остановилась. Причиной остановки работы ячейки, по мнению уполномоченного, стало то, что в Обществе безбожников был один учитель, который считал себя безбожником, но одновременно по воскресеньям алтарничал в церкви. Разумеется, односельчане понимали, что его работа в Обществе безбожников – это вынужденная мера, а участие в богослужении – естественное желание послужить Богу. Учитывая также и то, что этот человек был учителем, то есть образованным, а значит, уважаемым на селе, можно представить себе, насколько его формальное членство в союзе безбожников дискредитировало все движение.

В селе Загорнове ячейка изначально насчитывала 15 человек и существовала всего несколько месяцев. Там ставились антирелигиозные доклады, выступали докладчики из Бронниц и из Москвы, но в конце концов ячейка развалилась.

Организовать ячейки Общества безбожников попытались учителя Рождественской и Ашитковской волостей, но у них ничего не вышло⁷⁵³.

Перечисляя волости, в которых по различным и не зависящим от него причинам антирелигиозная работа не принесла ожидаемых результатов, уполномоченный Смирнов фактически раскрывает главную причину своей неудачи, заключающуюся в традиционно крепких религиозных традициях сельских жителей. Софьинская, Ашитковская, Рождественская и Загорновская волости Бронницкого уезда были неоднородны по ряду признаков: по численности населения, по количеству храмов, по расположению относительно крупнейших населенных пунктов уезда, по достатку жителей и даже по конфессиональному составу – в некоторых из перечисленных волостей существовали тайные и явные старообрядческие моленные. Единственное, что их объединяло, – это сформированное в веках религиозное мировоззрение. Как видно из доклада уполномоченного, селяне, главным образом местная интеллигенция (учителя) участвовали в создании ячеек СБ, но воспринимали это как внешнюю форму проявления лояльности властям.

Обрисовав такую «безрадостную» картину, уполномоченный Смирнов перешел к положению дел в настоящее время и сообщил, что к маю 1925 г. в Бронницком уездном отделении СБ имеется 6 ячеек, из которых 3 существуют юридически, а еще 3 находятся в стадии организации, и, хотя работы их пока не видно, результаты должны начать проявляться летом и осенью⁷⁵⁴. Дальнейшее развитие событий также нашло отражение в архивных документах, из которых можно заключить, что летние праздники, на которые Смирнов возлагал надежды в смысле развития «безбожного движения», отразились на последнем прямо противоположным образом, и все они отмечались сельским населением с обыкновенным благоговением и широтой.

---

⁷⁵³ Там же.

⁷⁵⁴ Цели и задачи общества Безбожников. Доклад уполномоченного по Бронницкому уезду на 1-й Бронницкой уездной конференции общества безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124. Л. 9.

Проблема вовлечения населения в состав низовых ячеек СБ стояла остро с момента образования Союза. В безбожники записываться не стремились, а те, кого по разным причинам удавалось завербовать, либо не проявляли никакой активности, либо просто прекращали участвовать в мероприятиях СБ. Помимо того что населению Московской губернии, главным образом сельскому, в середине 1920-х гг. «безбожные идеи» были чужды, формы, с помощью которых его пытались втянуть в ряды безбожников, не были привлекательными. Это отвращало граждан от участия в СБ, что нарушало главный принцип его организации – принцип добровольности. Для вербовки в члены Союза партийные активисты придумывали разные способы.

Например, в Можайском уезде создание новых ячеек СБ и пополнение существовавших предлагалось проводить на организуемых волками «художественных вечерах». Примерный сценарий такого вечера был опубликован в уездной газете «Красный пахарь». «Товарищи безбожники, – призывала статья, – идите все, как один, в клуб»⁷⁵⁵. Несмотря на то, что в клубах предполагалась программа с приезжими артистами, в газетной публикации об этом практически ничего не говорилось, а весь материал был посвящен тому, как вовлечь собравшихся крестьян в «безбожное движение». По мысли Можайского уездного СБ, все безбожники уезда должны явиться в клубы на представления, заранее разучив «антирелигиозные песни, рассказы, декламацию или фокусы, основанные на физике». Интеллигенция – учителя, агрономы, врачи, техники – должны были подготовить рассказы о том, как их работе мешает религия, «подчеркнув это яркими примерами». После такой разминки по сценарию следовал 40-минутный доклад, доказывавший реакционную суть религии и необходимость борьбы с ней. Кто именно должен был читать доклад, сценарием вечера не оговаривалось, но его структура была прописана довольно подробно. Он должен был состоять из трех обязательных частей. В первой требовалось выяснить общий политический смысл

---

⁷⁵⁵ Как провести антирелигиозный вечер // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927 г. № 25.

религии во всех буржуазных странах и то, как она приспосабливается к новым условиям классовой борьбы. Во второй части следовало рассказать о религиозных праздниках вообще и о празднике Пасхи как «центральном пункте религиозной пропаганды идей, выгодных буржуазии». Третья часть доклада должна была выявить реакционную роль религии в СССР. В заключение докладчик должен был указать на ближайшие цели Союза безбожников, призвав записываться в ячейку, а если ячейки нет, то организовать инициативную группу для ее создания, ознакомить присутствующих с уставом Союза безбожников и уже потом приступить к записи в члены Союза. На этом обязательная часть сценария заканчивалась, и можно было приступать к художественной. Оценив по достоинству творческий подход Можайских безбожников к проблеме вербовки новых членов, выразим сомнение в том, что такая форма вовлечения населения в ряды Союза безбожников могла быть эффективной.

Между тем в Центральном совете СБ со всей серьезностью относились к пропагандистским материалам, публиковавшимся от имени Союза. В фонде Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР ГА РФ хранятся редакционные документы газеты «Безбожник» – главного печатного органа «безбожного движения» в 1922–1931 гг. Значительные по объему дела содержат материалы, не допущенные к публикации по разным основаниям. Иногда на них имеется краткое объяснение редактора, почему именно данный материал не мог быть опубликован, иногда просто стоит отметка: «не пойдет». Знакомство с отклоненными материалами позволяет говорить о высоком уровне редактуры газеты «Безбожник»: эти тексты и в самом деле представляются неудачными, если, конечно, встать на позиции политики издания. Причем редакторов невозможно упрекнуть в лицепрятии: среди авторов отклоненных публикаций есть довольно известные или, во всяком случае, представлявшие вполне весомые организации. Так, например, статью о вреде религии некоего Гарри Свободина, сотрудника коммуниверситета им. Сталина, редактор не пропустил с пометкой: «Старо, наивно

и пр.»⁷⁵⁶, а на стенограмме выступления тульского обновленческого «архиепископа» Виталия написал коротко: «Не пойдет»⁷⁵⁷.

Тем более досадными с точки зрения «безбожного движения», разумеется, должны были представляться такие способы вербовки в ряды СБ, какие использовались в Можайском уезде, куда, вероятно, газета «Безбожник» не доходила. Между тем в ней печатались призывы: «От пустых слов призываю к делу: все коммунисты должны быть членами СБ и подписчиками газеты «Безбожник»⁷⁵⁸.

Протоколы заседаний партийных и советских органов в уездах Московской губернии второй половины 1920-х гг., наряду с бодрыми лозунгами, констатируют фактический провал работы Союза безбожников по всем направлениям.

В протоколе заседания агитколлегии при Наро-Фоминском районном комитете ВКП(б) в первом же пункте прямо говорится, что местным отделением СБ директивы агитколлегии по антирелигиозной пропаганде полностью не выполнены⁷⁵⁹. Далее следует подробный план работы, начинавшийся с предложения «в кратчайший срок приступить к выполнению директив агитколлегии РК, проведя эту работу в плановом порядке». При этом никаких новых форм не прилагалось, что обрекало работу на провал. Все сводилось к вербовке членов в уездное отделение СБ, где, судя по содержанию документа, помимо руководства, вообще никого не оставалось. Это не помешало наро-фоминским коммунистам требовать увеличения численного состава ячеек СБ, для чего им представлялось необходимым в красных уголках, избах-читальнях выделить инициативные группы и приступить к вербовке и организации ячеек СБ, в первую очередь там, где имеются ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ, «увязывая с ними эту работу и привлекая культсилы /агрономов, врачей, учителей/», а также поручить агитпропкомиссиям ячеек ВКП(б) выделить товарищей для ведения

---

⁷⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп.2. Д. 53. Л. 1–3.

⁷⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп.2. Д. 10. Л. 10–14 об.

⁷⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп.1. Д. 14. Л. 9.

⁷⁵⁹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

антирелигиозной работы⁷⁶⁰. Очевидную нехватку антирелигиозных пропагандистов в Наро-Фоминске было решено восполнять путем организации специального курса просвещения, где преподавать должны были члены уездного СБ. Таким образом, напрашивается вывод, что даже те антирелигиозные работники, которых уездный комитет ВКП(б) рассылал для работы по селам для пропагандистской работы, в СБ не состояли.

Пасха в 1926 г. праздновалась 2 мая, что практически совпадало с Днем Интернационала, отмечавшимся 1 мая. Это повлекло за собой необходимость усиления антирелигиозной пропаганды таким образом, чтобы отвлечь верующих и главным образом сомневавшихся от религиозного праздника. Сохранились сведения о том, как майские праздники проходили в 1926 г. в Рузском уезде Московской губернии. Здесь члены немногочисленного отделения СБ выехали в деревни, где агитировали за выход на первомайскую демонстрацию. Согласно протоколу заседания пленума Рузского волостного комитета ВКП(б)⁷⁶¹, им это отчасти удалось: деревенская молодежь 1 мая была на демонстрации, и взрослые крестьяне шли под своим знаменем. 2 мая «обслужили» 21 деревню с населением 1035 чел., из них взрослого населения 405 человек. Крестьяне по деревням приняли активное участие в праздновании 1 мая, задавали вопросы по международной политике, высказывались против войны, пели «Интернационал». Однако к празднованию Пасхи из Москвы приехали в отпуск рабочие, которые не стали принимать участие в праздновании Дня Интернационала, до некоторой степени испортив работу, проведенную пропагандистами. Примечательно решение, принятое Рузским волкомом, выразившееся в предложении к УК и МК ВКП(б), отпуская рабочих в отпуска в деревни, инструктировать их, так как они вносят разложение среди крестьян, а не помощь в деревню⁷⁶². Иными словами, либо у пропагандистов местного отделения СБ не хватило компетентности, чтобы противопоставить «разлагающему влиянию» приезжих рабочих аргументы в

---

⁷⁶⁰ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

⁷⁶¹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-144. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 6 об.

⁷⁶² Там же.

пользу отказа от празднования Пасхи, либо не хватило самих пропагандистов. В любом случае произошедшее оценивалось русскими большевикам как недостаток в работе.

Оригинальное решение в попытке отвращения верующих от религиозных праздников предложили в Можайском УКОМе. Упрекая членов отделений СБ в том, что они не вносят своевременно членские взносы, уездный Совет СБ разместил в прессе заметку: «Всем товарищам, не внесшим по вызову СВБ», в которой говорилось: «Многие думают про себя: «Ну что из того, что я один не внесу, от этого не обеднеет молодая организация». В том-то и дело, что в голову не одного, а многих такая мысль приходит. Помогая безбожной работе, быстрее наладим свое хозяйство, так как от неба оторвавшийся человек, крепко оседает на земле и подчиняет себе природу. Говорят верующие: «Дорого яичко к великому дню», а мы скажем: «Дорога помощь в борьбе с великим днем!»⁷⁶³ При этом сам факт членского взноса трактовался СБ как подтверждение участия в «безбожном движении».

Возвращаясь к 1-й Бронницкой уездной конференции, можно заключить, что всем ее делегатам стало очевидно: работа по организации Общества безбожников в Бронницком уезде провалена. В прениях активно выступали представители волостных ячеек, причем тон их выступлений явно диссонировал с содержанием. С одной стороны, ораторы заявляли о важности борьбы с религией, с другой же – отмечали отсутствие всякой поддержки со стороны населения. Не было ни одного человека, отрапортовавшего бы о росте антирелигиозных настроений в своей волости. Например, некто Гордынский из Быкова – административного центра Быковской волости – сообщил, что у них воспитательная работа начала вестись с осени 1924 г., а днем безбожника определена пятница. Работа с населением затруднена тем, что в их волости население по своему складу «мещанское и мелкобуржуазное (дачевладельцы и т. п.)», антирелигиозные кампании лишены

---

⁷⁶³ «Уголок безбожника. Всем товарищам, не внесшим по вызову СВБ» // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927 г. № 25.

красочности и проводятся с запозданиями⁷⁶⁴. Не лучше дело обстояло и на фабрике «Красное Знамя», расположенной в самом крупном селе уезда – Раменском, где был констатирован постепенный распад ОБ. На фабрике им. Октябрьской революции, как отметил секретарь местной партийной ячейки Автократов, антирелигиозные силы есть, но нет правильной регулярной работы. А некто Марков признал, что «без научных книжек» очень трудно отвечать на вопросы крестьян⁷⁶⁵. По итогам работы Конференции была принята резолюция (приведена в приложениях), характерная как своей победной риторикой, так и невнятным содержанием.

Уездные конференции СБ в Московской губернии проходили почти каждый год. Если первые состоялись в 1925 г., то в 1928 г. во всех уездах были организованы уже третьи. Протоколы конференций разных уездов похожи один на другой иногда дословно. Итоги, с точки зрения «безбожного движения», конечно, везде признавались неутешительными. При этом схема отчетов и протоколов также везде была одинаковой: сначала рапорт об успехах, затем констатация факта проваленной работы.

В числе итогов 3-й антирелигиозной конференции в Можайском уезде⁷⁶⁶ значатся выводы о том, что антирелигиозная работа сравнительно с прошлыми годами значительно улучшилась, но работа иностранной буржуазии по поддержке религии в СССР значительно усилилась, а религиозные секты получают помощь из-за границы деньгами и литературой. Церковными советами руководят «настоящие и бывшие» из купцов, чиновников, полиции и кулаков. Ячеек безбожников в уезде, которые мало-мальски дают о себе знать, всего восемь. Во всех волостях работа антирелигиозников ведется, но отчеты о ней в уездный совет не поступают. При этом деятельность церковников и «напор буржуазии на

---

⁷⁶⁴ Протоколы заседаний 1-й Бронницкой уездной конференции общества безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124. Л. 9.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 9 об.

⁷⁶⁶ Итоги 3-й антирелигиозной уездной конференции // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928 г. № 46.

антирелигиозников», доходящая до убийств и покушений на безбожников, напротив, имеют место.

При этом в центральных периодических изданиях СБ необходимость борьбы с религиозными пережитками подчеркивается во все более агрессивной форме: «Религия – мощное орудие в руках буржуазии для натравливания пролетарских масс друг против друга. В Московской губернии, в Богородском уезде был убит по наущению попов и кулаков комсомолец»⁷⁶⁷. Заключение о том, на каком основании автор заметки делает вывод о причастности богородского духовенства к убийству комсомольца, из текста заметки сделать нельзя, но не это является ее целью. В редакционной подборке материалов по теме содержится такой пассаж: «Справка: сколько церквей в Московской губернии: 1791 церковь. Попов и диаконов – 3582 трутня. Справка: сколько церквей в Москве: 334 церкви, 20 /двадцать/ монастырей и 10 000 служителей культа. Вот, сколько мы содержим дармоедов»⁷⁶⁸. Откуда автор взял приводимые им цифры и имеют ли они отношение к действительному положению дел, непонятно – никаких ссылок нет. При этом очевидно, что главное в этом материале не статистика, а ключевые слова «трутни» и «дармоеды».

В том же 1928 г. «Безбожник» публикует ряд материалов с претензией на «научный подход» к проблеме веры и религии. Эти заметки публикуются в общей подборке статей об успехах антирелигиозной пропаганды. Отметим, что такого рода материалы, размещаемые в центральном органе СБ, имели целью помощь пропагандистам на местах. «Агитаторы в рясах твердят в городах и селах, будто все великие люди и выдающиеся умы верили в Господа и ипостась его исповедовали... Ньютон, Галилей, Коперник и другие были глубоко религиозными... Не правда, что все великие верили в бога, и до, и после них люди великие и величайшие умы были материалистами. Гераклит, Демокрит, Тит Лукреций Кар, Фейербах, Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин и... довольно. Что

---

⁷⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 39, 40.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 41.

больше доказывать?»⁷⁶⁹ Казалось бы, это можно считать началом, завязкой полемики. Но статья на этом завершается.

Такого же уровня логику демонстрирует заметка «Загнали или нет?», в которой описывался случай, произошедший (или якобы произошедший) в одном из московских ВУЗов. Студенты, узнав, «что их профессор по химии верит в Бога, всей группой решили загнать его в моральный тупик». Они спросили у него, все ли может Бог. Профессор ответил утвердительно. Тогда они поинтересовались, может ли Бог изменить химическую формулу. Профессор ответил, что не может. Студенты обрадовались: они смогли поставить верующего профессора в «моральный тупик». Однако профессор объяснил, что Бог потому не может изменить химические формулы, потому что сам же их и создал⁷⁷⁰. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что с антирелигиозной пропагандой дело обстояло плохо не только в уездах Московской губернии, но и на уровне общесоюзном уровне.

В дальнейшем деятельность Союза безбожников в Московской губернии представляет собой череду пленумов, конференций, заседаний и собраний, на которых произносились стандартные речи о религиозном дурмане и необходимости борьбы с ним. Безбожники уверяли слушателей в важности своей миссии, но тут же сетовали на непреодолимые трудности, возникающие на их пути. Жители городов и деревень не спешили записываться в безбожники, а если оказывались среди них, не проявляли никакой инициативы, а при малейшей возможности переставали появляться на собраниях Общества, что отрицательным образом сказывалось на отчетах, которые регулярно должны были отсылаться в вышестоящие инстанции.

Районным коммунистам оставалось повторять на каждом собрании: «В части антирелигиозной пропаганды и агитационной работы необходимо усилить антирелигиозную работу, оживляя деятельность Союза безбожников, использовать летние религиозные праздники для усиления антирелигиозной работы в

---

⁷⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 31. Л. 38.

⁷⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 149. Л. 25.

деревне»⁷⁷¹. Этот текст 1926 г., а вот выдержка из протокола партийной конференции 1928 г.: «Сделать решительный сдвиг в антирелигиозной пропаганде, как наиболее легальной области работы анти-советских элементов, в связи с усилением деятельности религиозников и сектантов с общим оживлением кулачества, отметив общее ослабление этой работы»⁷⁷².

Таким образом, можно констатировать, что в период с 1925 по 1929 г. деятельность СБ в уездах Московской губернии, с точки зрения идеологов безбожного движения, не могла считаться удовлетворительной. Мало того, что процесс образования новых ячеек Союза шел медленнее, чем предполагалось на этапе его создания, но и в тех ячейках, которые все-таки удалось образовать, практических результатов работы не было: на добровольных началах в ячейки местное население не записывалось, планы по членству в СБ срывались, отношение местных жителей к СБ было в лучшем случае индифферентным, а чаще – враждебным, многочисленные конференции и собрания заканчивались постоянно повторявшимися лозунгами, и, главное, общий уровень бытовой религиозности если и падал, то незначительными темпами. Отчеты уездных функционеров СБ с первых дней его создания представляли собой список причин, по которым им не удалось достичь ожидаемых результатов, что фактически констатировало провал работы.

Третий, заключительный период в истории СВБ начался в 1929 г., когда государственная поддержка недавно образованного Союза воинствующих безбожников была на самом высоком уровне за всю историю движения. Это находит отражение в протоколах заседаний и решениях районных партийных и советских органов⁷⁷³, а местные и центральные газеты, причем далеко не только антирелигиозной направленности, публикуют статьи с призывами вливаться в

---

⁷⁷¹ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 135. Л. 51.

⁷⁷² Протокол XXI-й Бронницкой Уездной Партийной конференции, состоявшейся 15-го, 16-го и 17-го декабря 1928 года. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

⁷⁷³ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 2.; Ф. 117. Оп. 1. Д. 6.; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2.; Ф. 129. Оп. 1. Д. 53.; Ф. 137. Оп. 1. Д. 3.; Ф. 140. Оп. 1. Д. 59.

ряды СВБ или активно с ним сотрудничать. Кроме того, 1929 год – это время очередного подъема антирелигиозной пропаганды и наступления на Церковь, для чего идет поиск новых форм.

«Церковники и сектанты всех мастей давно уже поняли значение художественной работы для привлечения верующих, – читаем в общественной газете «Рабочий и искусство». – Они бешено развивают все виды художественной работы: используют клубные хоркружки во время церковных служений, ведут эти служения под аккомпанемент скрипки, изловчатся применять даже в церкви радио»⁷⁷⁴. При этом, по мнению автора статьи, прежний Союз безбожников (пенять на его неактивность в 1929 г. становится трендом) не использовал в своей работе художественные силы и искусство в целом. Только теперь, после создания Союза воинствующих безбожников, антирелигиозные пропагандисты начали строить свою работу не на «ударных кампаниях», а на плановой основе. Летом 1929 г. состоялось совместное заседание Совета СВБ и Главискусства, на котором было принято решение предложить всем театрам «ставить раз в год хотя бы по одной антирелигиозной постановке». Но театры откликнулись на призыв вяло: «Авторы текстов вообще относятся с прохладцей к заказам безбожников. Московский Совет безбожников пытался пригласить представителей Модпика⁷⁷⁵ и Драмсоюза⁷⁷⁶ для репертуарных заказов, но представитель Драмсоюза вообще не отозвался на эти приглашения, а представитель Модпика на заседаниях побывал, но конкретных результатов это не дало». Постановки не выдерживают критики: пьесы часто направлены не против религии как таковой, а против пьянства на церковных праздниках, против невыходов на работу и пр. Заканчивается статья призывом, который свидетельствует о таком накале антирелигиозного пафоса, которого не было ни до, ни после: «Еще и теперь не поздно устроить смычку безбожников с

---

⁷⁷⁴ Союз безбожников не сумел раскачать художественные и производственные организации // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 7.

⁷⁷⁵ МОДПиК – Московское общество драматических писателей и композиторов. Существовало с 1904 по 1930 г.

⁷⁷⁶ Драмсоюз (Драматический союз) – общество драматических и музыкальных писателей и композиторов. Существовало с 1904 по 1930 г.

актерскими организациями. Беседы безбожников с актерами помогут отобрать нужный репертуар... Надо добиться, чтобы всякие «Пиковые дамы» и «Варяжские гости» были изъяты из репертуара 1929 года»⁷⁷⁷. Эпитет «всякие» по отношению к операм «Пиковая дама» и «Садко» (надо полагать, что именно это произведение имел в виду автор статьи, говоря о «варяжских гостях») в контексте антирелигиозной пропаганды автору прежде встречать не доводилось.

Антирелигиозные публикации в прессе второй половины 1929 г. отличает выраженный агрессивный стиль подачи материала, а заголовки становятся все более разнузданными⁷⁷⁸: «Засилье церковников в Егорьевском уезде», «Поповско-кулацкие штучки», «Разоблачения попов как мародеров и врагов советской власти», «В позорных сетях», «Церковь стоит, как бельмо на глазу»⁷⁷⁹ и пр. Мода на псевдонимы у корреспондентов районных газет была и прежде («Дятел», «Возмущенный», «Прохожий»), но только в 1929 г. встречаются заметки, подписанные «Антихристом».

Однако все усилия, предпринятые для активизации «безбожного движения» в 1929 г., результатов, во всяком случае ожидаемых, не дали. Такой вывод можно сделать из текстов протоколов заседаний районных отделений СВБ и публикаций в местной прессе. Все проблемы, главной из которых было полное игнорирование населением призывов к работе в ячейках СВБ, остались прежними. Как и до 1929 г., на местах не хватает квалифицированных пропагандистов, у них не имеется необходимой литературы и методических пособий, население не только не желает участвовать в «безбожном движении», но даже не посещает собрания, митинги и лекции, устраиваемые в селах и деревнях. В стенограмме II районной партийной конференции Егорьевского района 1930 г. говорится, что работа на антирелигиозном фронте не ведется, а «безбожные организации» никакого

⁷⁷⁷ Союз безбожников не сумел раскатать художественные и производственные организации // Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 7.

⁷⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 2. Д. 176. Л. 1.; ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 2. Д. 190. Л. 3.; ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 2. Д. 174. Л. 1.; ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 17. Л. 56.; ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 2. Д. 176. Л. 3.

⁷⁷⁹ Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 18.

руководства со стороны Окружкома не имеют⁷⁸⁰. Именно в этот период среди заголовков статей все чаще встречаются однотипные⁷⁸¹: «Безбожники спят», «Что бывает, когда спят безбожники» и т.д.

О нехватке пропагандистов говорят протоколы августовских 1929 г. заседаний Наро-Фоминского ГК ВКП(б), где отмечается необходимость изыскать возможность использования на постоянной культурно-пропагандистской работе хотя бы одной платной единицы⁷⁸², так как местное отделение СВБ на общественных началах эту проблему решить не в состоянии. Осенью в Наро-Фоминск присылают требуемых специалистов. Скольких именно, по тексту протоколов сказать невозможно, но, во всяком случае, не одного. И то, что прислали так быстро, и то, что прислали не одного, – особенности 1929 г., когда Союз поддерживали, как никогда. 22 ноября 1929 г. на заседании оргбюро Наро-Фоминского ГК ВКП(б) принимается решение утвердить состав пропагандистов, закрепить их за соответствующей сетью и не допускать освобождения таковых без особого постановления бюро РК⁷⁸³. Приведенная цитата показывает, насколько ценными были пропагандистские кадры.

1930-е годы характеризуются осознанием и фактическим признанием властями малоэффективности деятельности Союза воинствующих безбожников. Оценка эффективности антирелигиозной пропаганды, поиск новых направлений ее работы и обзор положения дел на антирелигиозном фронте содержатся в обширном 23-страничном докладе, сделанном Центральным советом Союза воинствующих безбожников СССР для ЦК ВКП(б) в декабре 1934 г.⁷⁸⁴ Мы рассмотрим этот документ исключительно в рамках темы антирелигиозной работы на уровне православных приходов, опуская общие соображения, а также вопросы,

---

⁷⁸⁰ ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-97. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

⁷⁸¹ Волоколамский колхозник. Газета колхозов Волоколамского района. 1930. № 8.; Набат. Орган Оргбюро Серпуховского Горрайкома ВКП(б). 1931. № 3.

⁷⁸² ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 59. Л. 9.

⁷⁸³ Там же. Л. 60.

⁷⁸⁴ Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 106–118.

касающиеся богоборческой деятельности на территориях распространения иных религиозных конфессий.

В преамбуле документа указывалась его цель, состоявшая в необходимости довести до сведения ЦК ВКП(б) тот факт, что антирелигиозная работа в СССР в начале 1930-х гг. постоянно ослабевала и теперь находится в исключительно тяжелом положении. Одновременно отмечалась значительная активизация «классового врага, маскирующегося религией и прилагающего исключительные усилия к использованию еще неизжитых значительной частью трудящихся религиозных пережитков». Попытка представить использование «классовым врагом» религиозных пережитков трудящихся в своих контрреволюционных целях новой не была. Уже 1920-х гг. постепенно выстраивалась идеологическая конструкция, с помощью которой населению транслировалась логическая связка: несмотря на то, что советским законодательством гражданам СССР дается право исповедовать какую-либо религию или не исповедовать никакой, любой верующий в лучшем случае может являться пособником классового врага, а в худшем – сам стать таковым.

В документе цитировалась резолюция XVII партконференции, в которой говорилось о неизбежности еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату религиозных пережитков, влияние которых на общественное сознание признавалось «весьма и весьма ощутимым». Указывалось на исключительную живучесть религиозных пережитков и имеющиеся «рецидивы их проявлений там, где, казалось бы, влияние религии уже ликвидировано».

На приходском уровне отмеченные тенденции, по мнению авторов доклада, проявлялись в том, например, что засуха 1934 г. в некоторых районах была якобы использована «поповщиной» для распространения вредительских слухов о «наказании Божиим» за колхозы. Организовывались многочисленные «сборища отсталых трудящихся» с молениями о ниспослании дождя, о чем имеются сведения по Московской области.

«Десятки тысяч трудодней, – цитирует автор доклада газету «Знамя колхоза», – отняла от колхозного и государственного производства

контрреволюционная церковь, возглавляемая обнаглевшим духовенством и остатками кулацких элементов»⁷⁸⁵. Как видно из текста, автор заметки не стесняется в выражениях и смело называет Церковь контрреволюционной, а духовенство – обнаглевшим.

Традиция невыхода на работу в религиозные праздники по-прежнему оставалась, особенно в сельской местности, довольно крепкой, но обвинение в этом исключительно духовенства и прихожан означало сознательное упрощение понимания причин произошедшего, что, несомненно, делалось вполне сознательно. Автор доклада сетует, что кроме «пасхи», «николы» и других больших праздников в очень многих местах празднуются «разные мелкие» праздники: «Иван богослов», «ануфриев день», «нилов день», «заговенье», «переплавная среда» (надо полагать, имеется в виду Преполование Пятидесятницы – 25-й день после начала Пасхи. – *В.Н.*), «девятая пятница». СВБ отмечает «крайнюю живучесть пережитков» в части начала сенокоса и уборки: «петров», «иванов», «ильин» и другие дни сплошь и рядом определяют сельскохозяйственный календарь в этом отношении не только для единоличников, но и для очень многих колхозов⁷⁸⁶. Последнее замечание представляется важным особенно в связи с голодом начала 1930-х гг., произошедшим исключительно по причинам внутривластным, но никак не потому, что единоличники и колхозники пользовались различными календарями для полевых работ.

Между тем именно недавним голодом в докладе объясняются периодические поездки по различным приходам епархиальных начальников, названных в документе «высшими религиозными верховодами». Несомненно, на приходах их ждали и устраивали радушный прием и праздничные богослужения, что, по мнению воинствующих безбожников, способствовало усилению вредительской агитации. При этом в храмы приглашались епархиальные хоры, а церковные здания богато иллюминировались. Епископы, разъезжая по приходам своих районов, якобы делали это в том числе с целью подыскания кандидатов на священнические

⁷⁸⁵ Знамя колхоза. Орган Подосиновского РК ВКП(б). 27 апреля 1934.

⁷⁸⁶ Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 107.

вакансии из крестьян, которые, будучи рукоположены, стали бы, по мнению авторов доклада, «всячески подчеркивать свое положение выходцев из крестьян и среды трудящихся». Такой случай имел место в Малинском приходе Московской области, где к священнической хиротонии подготавливался бывший комсомолец, работавший колхозным пастухом. Очевидно, что такой факт, свидетельствовавший о глубоко укоренном религиозном сознании сельских жителей, значительно снижал эффективность антицерковных пропагандистских усилий, предпринимавшихся властями.

Антирелигиозная работа на приходском уровне признавалась чрезвычайно важной, так как при ее ослаблении «поповское влияние» моментально возрастало, и в докладе этому имеется множество примеров. Так, в Покровском приходе Огибаловского сельсовета Михайловского района Московской области⁷⁸⁷ священник Амелин объявил все гражданские браки незаконными, стал требовать от всех взрослых венчаться, а от детей – чтобы те просили у Бога прощения за то, что учатся в советской школе. Его проповеди нашли сочувствие среди местных крестьян, которые стали венчаться, зачастую после нескольких лет брака, и выходить из колхоза. Особым образом отмечалось, что жена священника имела высшее образование. Это замечание представляется весьма важным, так как в первой половине 1930-х гг. высшее образование у женщины, тем более в сельской местности, было явлением исключительной редкости.

1934 год ознаменовался первыми возвращениями из мест заключения священников и архиереев, осужденных в 1931 г. на стандартные тогда три года ссылки. В дальнейшем этот процесс продолжился, достигнув максимума в 1935–1936 гг., но уже сейчас он не остался без внимания автора доклада, в котором прямо говорится о появлениях в районных приходах «попов-тихоновцев».

Как на опасную тенденцию, ставшую прямым следствием отсутствия антирелигиозной работы на местах, в Центральном совете Союза воинствующих безбожников обратили внимание ЦК ВКП(б) на появление в ряде приходов

---

⁷⁸⁷ Ныне – с. Огибалово Михайловского р-на Рязанской обл.

Московской области так называемых «писем от бога». В качестве примера в докладе приведено одно такое письмо, напечатанное на машинке и распространявшееся в Загорском районе⁷⁸⁸: «Я буду наказывать грешников огнем, черной птицей, громом и молнией. Приказываю молиться и праздновать каждый праздник. Если будете делать так, я дам вам царство небесное. Это письмо читать всем. Если кто не умеет читать, пусть внимательно слушает. У кого в кармане это письмо, тот будет спасен. А скоро будет летать на высоте двух метров черная птица и убивать тех, кто не имеет этого письма. Спасайтесь! Идет конец света»⁷⁸⁹.

Текст письма, прежде всего, свидетельствует о невежестве его автора. Очевидно, что к православному вероучению оно никакого отношения иметь не может. Это письмо если и имело кого-либо своим адресатом, то уж точно не христианина, а, скорее, последователя шаманизма. Однако не само письмо обращает на себя внимание, а то, что оно было избрано Центральным советом СВБ в качестве иллюстрации необходимости усиления антирелигиозной работы. Имеется в виду, очевидно, деятельность, направленную на искоренение пресловутого «поповского дурмана», что свидетельствует об уровне понимания членами СБ проблемы религиозности среди сельского населения Московской области.

В областных отделениях Союза воинствующих безбожников к 1934 г. характерной признается такое положение дел, когда руководители этих организаций на словах признают необходимость антирелигиозной работы, а на деле ей не занимаются⁷⁹⁰. Не только требования местных отделений СВБ, но даже постановления партийных органов игнорируются, и антирелигиозная работа характеризуется как «слабая, неудовлетворительная и заброшенная». Примеры такого отношения к антирелигиозной работе отмечались в Московской и в целом ряде других областей.

---

⁷⁸⁸ Ныне – Сергиево-Посадский р-н Московской обл.

⁷⁸⁹ Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 109.

⁷⁹⁰ Там же. Л. 110.

Попытки организации правильного образования для будущих специалистов-антирелигиозников по линии Наркомпроса также признавались неудовлетворительными. За исключением единственного ВУЗа – Ленинградского Политико-Просветительского института им. Крупской, во всех высших учебных заведениях к 1934 г. были ликвидированы антирелигиозные отделения. Прежде СВБ удалось добиться открытия двух антирелигиозных техникумов в Нерехте и Усмани, но в 1932 г. они были ликвидированы. Между тем необходимость обучения по такому направлению, причем именно в тех областях, где церковная деятельность особенно активна, представлялась автору доклада несомненной. Даже единственный Заочный антирелигиозный институт, открытый в 1933 г., был исключен из системы Наркомпроса, что вскоре привело к его закрытию.

Отдельное внимание уделялось в докладе работе ячеек СВБ в районах и подрайонах, то есть в местах расположения церковных приходов. Для работы на этом, низовом и, возможно, самом главном, уровне у СВБ не было ни людей, ни средств. Работнику местного райсовета, в чьи обязанности, как правило, входила также организация антирелигиозной работы, было «не на что обычно жить». В 1933 г. Центральный совет СВБ получил около 20% намеченных отчислений от членских взносов, а в 1934 г. поступления еще ослабли, так как члены СВБ взносы платить не желали⁷⁹¹.

В докладе имеется статистика по ячейкам и членам СВБ по Москве и Московской области. Если в конце 1920-х гг. в Московском регионе числилось 600 000 членов СВБ, то по состоянию на 1 июня 1934 г. это число сократилось до 75 000⁷⁹² (60 000 в г. Москве и 15 000 в Московской области), то есть, в 8 раз. Подобная, хотя и не такая плачевная, ситуация наблюдалась в ряде областей и краев.

В разделе «выводы» автор доклада утверждал, что оставлять положение в нынешнем виде, когда работу по борьбе с религией на свой страх и риск проводит

---

⁷⁹¹ Там же. Л. 114.

⁷⁹² Там же.

только СВБ, значит ухудшить и без того скверное положение⁷⁹³. Такая постановка вопроса, если учесть, что декларативно ВКП(б) ни разу не давала повода сомневаться в своей решимости в деле борьбы с Церковью и религией, выглядела непозволительно резкой. Копия доклада, которой мы располагаем, не содержит имени автора, но можно с большой долей вероятности предположить, что им был председатель Центрального совета СВБ Емельян Ярославский, понимавший, что интерес властей к СВБ стремительно падает, и выбравший такой способ напомнить о себе.

Как показало дальнейшее развитие событий, прямого ответа на поставленный вопрос СВБ не получил. Общий курс антицерковной политики в середине 1930-х гг. изменен не был, и градус антирелигиозной пропаганды не снизился. При этом говорить о том, что власти изменили свое отношение к проблемам, озвученным в докладе, также не приходится. Единственное, что менялось в антирелигиозной пропаганде, – это направления удара. Для рассматриваемого периода таким направлением стала якобы имевшая место подрывная деятельность духовенства, направленная на сопротивление колхозному строительству.

Если рассматривать антирелигиозную деятельность СВБ на территории Московской области, то ни в одном из делопроизводственных документов 1930-х гг. не удалось обнаружить текста, который бы свидетельствовал о том, что в Подмоскovie таковая признавалась удовлетворительной. Напротив, даже если для того, чтобы как-то сгладить ее неутешительные результаты, местным коммунистам приходилось включать в отчеты и протоколы бодрые формулировки, за ними непременно следовала констатация почти полной беспомощности властей в борьбе за настроения масс.

В 1935 г. на заседании Раменского бюро ВКП(б)⁷⁹⁴ антирелигиозную работу СВБ оценивают, уже не сглаживая острых углов, отмечая, что антирелигиозная

---

⁷⁹³ Там же. Л. 115 об.

⁷⁹⁴ Протокол № 26 заседания Бюро Раменского райкома ВКП(б). 7 августа 1935 г. // ЦГА г. Москвы ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 61. Л. 37.

работа в районе поставлена неудовлетворительно в результате отсутствия внимания к ней со стороны партийных, комсомольских и профессиональных организаций, как низовых, так и районных, в результате чего районный Совет Союза воинствующих безбожников распался.

В том же 1935 г. Раменский районный Совет СВБ был упразднен, но уже в феврале 1937 г. вместо Совета СВБ создается Оргбюро СВБ. Однако «безбожному движению» это не помогло, свидетельством чему является протокол майского 1937 г. заседания Раменского РК ВКП(б). В нем констатировалось, что решения райпартконференции в области антирелигиозной работы не выполняются, новые ячейки Союза воинствующих безбожников не создаются, систематические антирелигиозные беседы, доклады и лекции не проводятся⁷⁹⁵. При этом никаких принципиально новых мер для исправления ситуации не предлагалось.

Проблемы были налицо не только в городе Раменском, такая же безрадостная для властей картина наблюдалась по всему району. Например, в Гжельской округе, где к 1937 г. оставались действовавшими три храма из пяти, что делало этот промышленный подрайон одним из самых обеспеченных церквами во всей Московской области. На заседании бюро Раменского райкома о положении дел на промысле говорится, что, несмотря на специальные указания бюро Райкома, вопросам антирелигиозной работы достаточного внимания не уделялось, ячейка СВБ до сих пор не организована и никакая воспитательная антирелигиозная работа не ведется⁷⁹⁶. Следует отметить, что приходы гжельских храмов охватывали совокупно около 15 тыс. жителей, среди которых, согласно статистике⁷⁹⁷, более половины причисляли себя к православным верующим.

---

⁷⁹⁵ Протокол № 3 заседания бюро Раменского РК ВКП(б) от 25 мая 1937 г. // ЦГА г. Москвы ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 84. Л. 124.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 125.

⁷⁹⁷ Справка ЦСУ о численности верующих в СССР и их распределении по религиям по переписи 1937 г. 20 декабря 1955 г. // РГАЭ Ф.1562, Оп.33, Д.2990, Л.71-74. // Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/39592> (дата обращения: 19.01.2023).

Районные партконференции проводились в Раменском ежегодно, как правило, в мае. Почти на каждой из них раздавались голоса, свидетельствовавшие о провале антирелигиозной работы. В 1939 г. перед Раменским горкомом отчитывался председатель районного Союза воинствующих безбожников. Можно предположить, что отчет был настолько формальным, что его даже не подшили к протоколу. Сохранилось лишь решение, принятое в связи фактами, в нем изложенными, где отмечалось полное бездействие Райсовета СВБ в деле организации ячеек СВБ и развертывания антирелигиозной пропаганды в районе. За 1938 г. и 6 мес. 1939 г. СВБ ни разу не собрался. За 1939 г. не поступило от первичных организаций СВБ ни одной копейки членских взносов. Райсовет СВБ не имеет связи с первичными организациями, в результате не знает точно, где есть ячейки и сколько в них членов. Делопроизводство не ведется, учет отсутствует⁷⁹⁸. Здесь уже нечего критиковать – организации просто не существует. Горком снимает руководителя местной ячейки СВБ с должности и постановляет усилить меры, привлечь лучших агитаторов, провести с ними инструктаж, обращать внимание на организацию и улучшение ячеек СВБ, разоблачать враждебную работу церковно-сектантской агентуры⁷⁹⁹. То есть все, как и прежде, только в контексте внутривластной повестки появляется пассаж о церковно-сектантской агентуре.

Показательными являются отчеты Виноградовского районного отделения СВБ Московской области. В отчете 1939 г. хотя и отмечалось, что местная организация СВБ выросла за год с 270 до 481 члена, состоявших в 15 ячейках, но религиозные пережитки в районе по-прежнему сильны и пропагандисты с ними не справляются. В течение года было проведено 39 антирелигиозных лекций с охватом 4697 человек, к пропагандистам СВБ привлекались представители интеллигенции, «которые могли вести антирелигиозную пропаганду». Виноградовский Райком ВКП(б) трижды в 1939 г. собирал инструктивные

---

⁷⁹⁸ Протокол № 21 заседания Раменского ГК ВКП(б) от 15 июня 39 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 110. Л. 158.

⁷⁹⁹ Там же.

совещания антирелигиозного актива со специальной повесткой «О работе с организацией СВБ», а Бюро РК ВКП (б) дважды «слушало Райсовет СВБ». Однако, несмотря на все усилия, выводы, зафиксированные в отчете, говорят о том, что все они были тщетными: антирелигиозная пропаганда проводится неудовлетворительно; партийный и беспартийный актив привлекается недостаточно: ячеек СВБ мало, взносы не собираются⁸⁰⁰.

Через год состоялось собрание Конобеевского отделения СВБ Московской области. Весь протокол состоит из взаимоисключающих утверждений: «...работа безбожников среди верующих была поставлена хорошо, а теперь она стоит не на должной высоте»; «...через клуб было много охвачено верующих, лекциями, беседами, которые проводились специалистами из Москвы и силами учителей конобеевской школы и членами СВБ, но... за последнее время работа верующих активизировалась»; «... признать работу организации СВБ удовлетворительной, но недостаточной». Выводы, которые делают конобеевские безбожники, стандартны: повысить активность антирелигиозной работы, систематически ставить вопросы антирелигиозной пропаганды, поставить вопрос об участии учителей в антирелигиозной работе, просить помощи со стороны руководства района и пр. Из общего списка выделяются такие пункты: «всем членам СВБ следить за деятельностью религиозников и об этом ставить в известность Бюро РК», а также «обязать членов СВБ каждому вести индивидуальную работу с верующими»⁸⁰¹.

Приведенные документы показывают полную непродуктивность деятельности районного отделения СВБ в предвоенный период и одновременно отсутствие поддержки со стороны районных властей. Отчеты носят формальный характер и не содержат никакой информации, которая свидетельствовала бы о заинтересованности членов местного отделения СВБ в эффективности своей работы и ее перспективах.

---

⁸⁰⁰ ЦГАМО. Ф. 375. Оп. 1. Ф. 84. Л. 1–9.

⁸⁰¹ ЦГАМО. Ф. 375 М Оп. 1 Д. 90. Л. 8–9.

Анализ документов второй половины 1930-х гг. позволяет сделать вывод, что в партийном руководстве Московской области не рассматривали Союз воинствующих безбожников как действенный инструмент в антирелигиозной борьбе. Скорее он представлял собой некое декоративное учреждение, о котором вспоминали раз в год. Его показательно ругали, давали ему новые поручения, после чего о нем опять забывали. А через год или полтора все повторялось снова. При этом борьба с Церковью никогда не прекращалась, просто функции СВБ на территории Московской области брала на себя куда более эффективно действовавшая организация – Московский обком с его строгой дисциплиной и профессионально подобранными кадрами. В Обкоме был организован специальный отдел пропаганды и агитации, который поставил антирелигиозную работу на научную основу с конкретными планами. Так, в декабре 1939 г. в Раменском был проведен «однодневный семинар докладчиков-антирелигиозников на тему «Классовая сущность легенды о «Христе». Затем хорошо подготовленная лекторская группа провела 20 лекций на антирелигиозные темы по предприятиям и сельским советам района⁸⁰². С отчетностью на областном уровне было строго. В декабре начальник отдела пропаганды доложил⁸⁰³, что лекция на тему «Классовая сущность Рождества» прочитана «разными докладчиками» в селах Софьино, Чулково, Мячково, Пласкинино, Дергаево, Кузнецово, Хрипань, Рыбаки, Карпово, Трошково, Жилино, Шилово, Дурниха, Становое, Кривцах, Удельной, Речицах, Новом селе и парткабинете ГК ВКП(б). Далекое не во всех перечисленных селениях к 1939 г. сохранились действующие приходы.

При этом Раменскому районному Союзу воинствующих безбожников отчитываться было не о чем. Последний протокол заседания Раменского Бюро горкома, в котором в очередной раз отмечается неудовлетворительная работа СВБ на антирелигиозной стезе, датирован ноябрем 1940 г.⁸⁰⁴.

---

⁸⁰² План работы отдела пропаганды и агитации Раменского ГК ВКП(б) с 15 ноября по 31 декабря 1939 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 113. Л. 38.

⁸⁰³ Там же. Л. 64.

⁸⁰⁴ Протокол № 44 заседания Бюро Раменского ГК ВКП(б) от 12.11.40 г. // ЦГА г. Москвы ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 124. Л. 85 об.

Бюро Раменского горкома ВКП(б) постановило: предложить отделу агитации и пропаганды горкома и Райсовету СВБ составить план антирелигиозной работы на зимний период и в ближайшее время обеспечить плановое проведение антирелигиозной пропаганды в районе; обязать секретаря парторганизации обсудить состояние антирелигиозной работы и принять необходимые меры к организации ячеек СВБ, особенно на селе, создав на крупных предприятиях Советы СВБ; предложить горкому ВЛКСМ обсудить вопрос об антирелигиозной работе и участии в ней комсомольских организаций на местах, а редакции газеты «Авангард» и многотиражкам шире освещать вопросы антирелигиозной пропаганды, разоблачая антинародную роль церковников.

Редакция «Авангарда», как могла, старалась исполнить распоряжения Раменского горкома, но, кроме малоинформативных заметок с избитыми заголовками, публиковать было нечего. В одной из статей 1940 г. говорилось, что 15-летие Союза воинствующих безбожников СССР обязывает все организации, «всех партийных и непартийных большевиков», работающих на этом участке, не забывать, а повсеместно проводить антирелигиозную работу, воспитывать трудящихся в духе коммунизма⁸⁰⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на массивную антирелигиозную пропаганду, преследования священников, служивших в храмах, и простых верующих, закрытие и снос храмов и массовый отход советских граждан от Церкви, членство в Союзе воинствующих безбожников и участие в его мероприятиях вызывали внутреннее отторжение у самых разных людей, вне зависимости от их религиозных убеждений⁸⁰⁶.

Приведенные документы свидетельствуют, как напряженно в течение более чем пятнадцати лет власть организовывала антирелигиозную работу среди

---

⁸⁰⁵ Крепить антирелигиозную работу. // Авангард. Ежедневная газета Раменского горкома ВКП(б) и Исполнительного комитета Райсовета депутатов трудящихся Московской области. 1940. № 120 (5369).

⁸⁰⁶ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 129.

населения, часто – силами самого населения, но раз за разом терпела поражение, о чем свидетельствуют протоколы конференций и съездов представителей антирелигиозных активистов и добровольных обществ. Через полгода начнется война, и деятельность СВБ сойдет на нет сначала сама собой, а в 1947 г. – официально, после чего он войдет в состав Всесоюзного общества «Знание»⁸⁰⁷.

Три периода деятельности Союза воинствующих безбожников иллюстрируют представления большевиков о необходимости создания эффективного пропагандистского инструмента в деле антирелигиозной пропаганды. Важной особенностью этого инструмента должен был стать принцип добровольного участия. Эта добровольность предполагала постепенное вовлечение в «безбожное движение» всего населения СССР. На первом, подготовительном этапе группы безбожников создавались бессистемно, но вскоре у них появился «центр кристаллизации» – газета «Безбожник». С этого момента безбожники страны получили структуру и сформировались в единое общество. После активизации государственной антирелигиозной политики СВБ ненадолго становится востребованным и получает активную поддержку со стороны властей. Однако, не будучи поддержан населением, которое, несмотря на все усилия пропагандистов, не увлекают идеи безбожия, СВБ становится полностью декоративной структурой, что вскоре осознается на государственном уровне. Главный принцип, на котором предполагалось его создание – добровольность участия – ни на одном этапе не был реализован. Вся историю «безбожного движения» можно рассматривать в том числе и как историю вовлечения (вербовки, как тогда говорили) в него рядовых членов. У Союза в разное время возникали различные проблемы, но лишь одна из них была актуальной в течение всех трех периодов: это была проблема членства в СБ и, позже, в СВБ. Даже те, кто в результате уговоров или угроз соглашался записаться в ряды безбожников, в будущем массово из него выходили или просто переставали посещать собрания.

---

⁸⁰⁷ Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–130-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3 (96). С. 61–68.

Таким образом, СВБ стал искусственно созданным образованием, не имевшим никакой связи с теми, на чье мировоззрение должен был влиять.

Оценка его деятельности в 1920–1930-х гг. может быть лишь качественной, так как имеющиеся статистические сведения (число членов, число ячеек, количественные результаты работы) трудно считать достоверными, ибо, как было показано, цифры, приводимые в отчетах уездных и районных отделений, зачастую выражали желаемые, но не реальные показатели. Таким образом, главным результатом движения безбожников в СССР можно считать обширный корпус текстов антирелигиозной направленности, представляющий сегодня главным образом историографический интерес.

Понимание бесперспективности деятельности СВБ, сформировавшееся уже в самом начале 1930-х гг., привело к тому, что он неуклонно терял государственную поддержку, без которой в течение последнего предвоенного десятилетия постепенно утрачивал свои позиции и в конечном итоге прекратил свое существование.

2.3. Обновленческий раскол на приходском уровне как инструмент государственной антицерковной политики

Обновленческий раскол можно считать главным и наиболее разрушительным расколом в Православной российской церкви в ряду инспирированных большевиками в 1920-х гг. Рассмотрение общих вопросов, связанных с историей его возникновения и дальнейшего развития в течение нескольких десятилетий, вплоть до смерти в 1946 г. главного его деятеля и идеолога А.И. Введенского, выходит за рамки настоящего исследования, поэтому мы сосредоточимся на том,

как насаждение обновленческого движения проявило себя и отразилось на положении церковных приходов Московской области.

Относительно исторических корней советского обновленчества у исследователей сегодня нет единого мнения. Ряд авторов⁸⁰⁸ считают, что искать корни обновленческого раскола следует в попытках реформирования Церкви, наметившихся в самом начале XX в. в рамках подготовки к Поместному Собору. Некоторые⁸⁰⁹ предлагают отнести истоки возникновения идей обновленчества к еще более раннему периоду отечественной истории. Другие историки не считают возможным связывать причины возникновения советского обновленчества с дореволюционными исканиями идеологов церковной модернизации, ибо цели и основания у этих двух движений, несмотря на схожесть именовании, являются противоположными по сути. Наиболее полно эта позиция отражена в работе священника Илии Соловьева «Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики)»⁸¹⁰. Последние соображения представляются автору наиболее убедительными, и в дальнейшем мы будем исходить именно из них.

В настоящем исследовании автор предлагает рассматривать обновленчество как попытку атаки на церковные приходы главным образом с антицерковных идеологических позиций, так как именно идеологическая составляющая нового псевдорелигиозного движения являлась определяющей в стремлении большевиков подчинить себе православных верующих, создав в лице обновленческой иерархии церковный эрзац. Предпринимая усилия в этом направлении, советская антирелигиозная и антицерковная пропаганда действовала через формирование новой обновленческой идеологии, главной чертой которой являлся религиозный и общественный конформизм, выразившийся в готовности подчинения советской

---

⁸⁰⁸ Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 18, 19.

⁸⁰⁹ Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1. (1917–1970). М., 1992. С. 224.

⁸¹⁰ Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 19–21.

власти⁸¹¹. Предлагая верующим вместо Церкви Христовой «церковь красную», выдаваемую за якобы истинную и прогрессивную, советская антирелигиозная пропаганда, через отвращение населения от религии вообще, преследовала свою главную цель, сформулированную нами в предыдущем параграфе: формирование общественного мнения таким образом, чтобы постепенная и, в конечном итоге, полная ликвидация Церкви воспринималась обществом как естественный и закономерный процесс.

Антицерковная составляющая обновленческого раскола проявилась также и в попытках его пропагандистов представить раскольниками и, более того, – ересиархами последователей патриаршей Церкви. В Резолюции обновленческого синода по докладу Особой комиссии «О природе староцерковничества и мерах церковной борьбы с ним» от 19 сентября 1934 г.⁸¹² говорится, что «староцерковничество» следует «признать как еретический раскол и явное противление заветам Христа Спасителя». Далее в документе говорилось, что «клириков, получивших православное рукоположение и уклонившихся в староцерковничество, принимать... после исповедания ими верности» обновленческих соборов 1923 и 1925 гг. Что же касается священников, рукоположенных патриаршей Церковью после 1923 г., если таковые пожелали бы примкнуть к обновленчеству, то их, «как не получивших благодатно-канонического рукоположения», следовало принимать «по надлежащем испытании». Резолюция предписывала всем верующим избегать принятия таинств у староцерковников и посещать староцерковнические храмы «во имя спасения своей души». Тех, кто дерзнул бы не подчиниться Резолюции, с точки зрения обновленцев, следовало считать еретиком. Иными словами, обновленчество,

---

⁸¹¹ Пантюхин А.М. Формирование обновленческой идеологии на Северном Кавказе в первой четверти XX века // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 44–48.

⁸¹² Резолюция обновленческого синода по докладу Особой комиссии «О природе староцерковничества и мерах церковной борьбы с ним» от 19 сентября 1934 г. // Оригинал. Собрание ФГБУК «Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник (Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»).

будучи еретическим по сути, стремилось представить еретической патриаршую Церковь, используя при этом привычную для православного верующего святоотеческую терминологию. Следует иметь в виду, что патриаршая Церковь весьма жестко выразила свое отношение к обновленчеству как к «безблагодатной общине, лишившей себя духовных дарований священства и разорвавшей единение с Православной Русской Церковью, а через это — и со всей Вселенской Церковью Христовой»⁸¹³.

Таким образом, задачи организации обновленческого движения лежали преимущественно в плоскости антицерковной и уже во вторую очередь – в антирелигиозной, в отличие от задач СВБ, которые прежде всего были направлены на борьбу с религией вообще, а уже затем – против Церкви.

В настоящем параграфе рассматриваются следующие вопросы:

- Систематизация прошений духовенства и церковных советов о возвращении в патриаршую Церковь по степени вовлечения в обновленческий раскол.
- Выявление методов вовлечения в обновленческий раскол приходов Православной российской церкви Московской губернии.
- Анализ внутрприходских конфликтов в связи с уклонением в обновленческий раскол духовенства.
- Рассмотрение манипулятивных практик при регистрации религиозных объединений патриаршей Церкви и обновленческой иерархии.
- Анализ результатов обновленческого движения (масштабы распространения, отношение верующих к обновленческому духовенству, взаимоотношения с государственными структурами).

После освобождения патриарха Тихона в 1923 г. из-под ареста началось массовое возвращение в лоно Церкви духовенства, которое по тем или иным

---

⁸¹³ Мазырин А.В., иер., Николаев С.К. Чины приема в Православную Церковь из обновленческого раскола // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 85. С. 133–149.

причинам оказалось вовлеченным в обновленческое движение. В контексте настоящего исследования обстоятельства вовлечения в обновленчество приходского духовенства, а также реакция приходских советов и отдельных прихожан на факты уклонения в раскол священнослужителей имеют первостепенное значение. Эта информация отразилась в фонде 831 (Канцелярия патриарха Тихона и священного Синода) РГИА в составе прошений приходов, отпавших в обновленчество.

Прошения о принятии в каноническое общение содержат описание причин, по которым происходило отпадение в раскол. Кроме того, в прошениях часто содержится информация о позиции, которую занимали церковные советы и прихожане в отношении обновленчества, и как эта позиция проявлялась в случаях, если настоятель и клирики храма принимали новый церковный порядок.

Заметную долю в общем числе всех обращений к церковноначалию занимают прошения, состоящие из нескольких документов: прошение священнослужителей, прошение церковного совета и иногда отдельное прошение от прихожан, что позволяет составить более полное представление об обстоятельствах приходской жизни в период с весны 1922 г. по лето 1923 г., когда обновленческое движение насаждалось наиболее агрессивно.

Большинство обращений, отложившихся в двух делах упомянутого фонда, имеют своими авторами духовенство и прихожан Московской губернии и примерно 30–40 % из других регионов. Ниже будет показано, что именно г. Москва и Московская губерния, а в дальнейшем – Московская область были территорией, на которой приходов обновленческой ориентации утвердилось относительно, а в некоторых случаях и в абсолютных цифрах меньше, чем в иных краях и областях, среди которых были такие, где приходов, как упоминалось в документах тех лет, «тихоновской», или «староцерковной», ориентации не оставалось вовсе. Выражение «утвердилось» нами употреблено не случайно, ибо первоначальное массовое вовлечение приходов в обновленческий раскол вскоре после освобождения патриарха Тихона прекратилось, и многие уклонившиеся священнослужители поспешили вернуться в юрисдикцию патриаршей Церкви.

Если исходить из предположения о том, что именно в Московском регионе этот процесс происходил наиболее активно, то относительно малое число обновленческих приходов, зафиксированное здесь в середине 1930-х гг., вполне объяснимо. То, что большинство прошений были составлены на приходах Московской области, определило их второго адресата. Примерно в половине случаев прошения написаны не на имя Патриарха, а на имя управляющего Московской епархией епископа Вереяского Илариона (Троицкого), будущего священномученика, который во второй половине 1923 г. ненадолго оказался на свободе и смог принять деятельное участие в процессе возвращения отпавших священников и приходов в церковную юрисдикцию.

В чем конкретно выражался факт отпадения от Церкви в обновленчество *и каковы были методы вовлечения в него духовенства и прихожан?* Помимо фактического признания самопровозглашенной церковной власти и отхода от законно избранного Патриарха Всея России, отпадение сопровождалось рядом действий, формально его утверждавших. Прежде всего речь шла о прекращении поминовения на богослужении имени патриарха Тихона и возглашении (в некоторых случаях) имен обновленческих лжеархиереев. Кроме того, в 1923 г. обновленческим духовенством при поддержке гражданских властей готовился обновленческий собор, в процесс подготовки к которому власти стремились вовлечь максимальное число духовенства и верующих, так как участие в подготовительных мероприятиях, по представлениям властей и обновленцев, делало собор полномочным. Для участия в мероприятии по приходам рассылались бланки специальных анкет, после заполнения которых их следовало отсылать в обновленческий синод. Очевидно, что сам факт заполнения анкет делал священников и прихожан соучастниками обновленческого собора⁸¹⁴. Одновременно с заполнением анкет происходил фактический выбор делегатов на собор. Требуемыми покаяния признавались также факты сослужения

---

⁸¹⁴ Чернова Е.Л. На пути к обновленческому поместному собору 1923 г.: к истории подчинения Московских приходов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 135–144.

православного духовенства вместе с обновленцами, прием от обновленческого епископата наград, чинов и назначений на приходы и кафедры. Перечисленные признаки были формальными, по которым определялось отношение прихода к обновленческому движению и делался вывод о его лояльности.

Обновленцы, одним из нововведений которых была возможность для белого духовенства возводиться в епископское достоинство, активно этим пользовались. Ниже будут приведены примеры того, как такие поставления производились и какие повышения предлагались нестойким священникам для склонения их в раскол. Одновременно с этим обновленцами практиковались совместные службы в храмах с участием архиереев или духовенства, примкнувшего к обновленческому движению, что для духовенства Патриаршей Церкви было недопустимым и требовало покаяния.

В обращениях на имя Патриарха Всея России и управляющего Московской епархией упоминались и иные факты, свидетельствовавшие о формальном признании обновленчества на православных приходах, но главное, что объединяет не менее 80% всех прошений, – это уверения в том, что обновленцам удалось склонить на свою сторону священнослужителей и прихожан угрозами, а чаще всего – обманом. Обман состоял в убеждении верующих и духовенства, что патриарх Тихон от церковной власти отрекся и именно обновленцы сосредоточили в своих руках всю ее полноту.

Таким образом, основными *методами вовлечения в обновленчество* были следующие: прямой обман, заключавшийся в распространении ложной информации о положении Церкви и патриарха; угрозы преследованием, в том числе уголовным, за отказ от участия в расколе; прельщение наградами, чинами и назначениями. Все перечисленные методы активно практиковались, а возможность и необходимость уголовного преследования в самом начале 1923 г. (т.е. еще до массового выхода из раскола) декларировалась на уровне ЦК РКП (б): «В области борьбы с церковной контр-революцией... рассмотрен ряд дел о представителях духовенства и мирянства, уличенных в активной борьбе с церковно-обновленческим движением под тихоновскими лозунгами, и дано

соответствующее заключение о них на предмет ссылки или заключения в тюрьму»⁸¹⁵.

Анализ прошений 1923–1924 гг. духовенства и церковных советов о возвращении в патриаршую Церковь из обновленческого раскола позволяет разбить их на четыре категории.

К первой можно отнести пространные прошения священнослужителей, подробно изложивших обстоятельства их уклонения в обновленчество, раскаявшихся и покорнейше просивших о прощении и о принятии в церковное общение. Среди прошений, относимых к первой категории, особое место занимают такие, где описываются попытки подкупа обновленцами священнослужителей внеочередными награждениями или рукоположениями в архиереи.

Вторая категория прошений в контексте настоящего исследования представляет наибольший интерес. Это обращения к церковноначалию, в которых отражен *конфликт духовенства, поддержавшего обновленчество, с приходом, который эту поддержку отверг*. Подобные случаи не были частыми, но и единичными их назвать нельзя. Некоторое число таких прошений можно одновременно отнести к первой и второй группам.

Третью категорию составляют краткие прошения, в которых члены причта иногда совместно с приходским советом, иногда без него просят патриарха или управляющего Московской епархией принять их под свое окормление, упомянув, что причиной прошения является временное уклонение в обновленческий раскол, но не сообщая, в чем именно заключалось это уклонение и какими причинами оно было вызвано. Такие прошения встречаются наиболее часто.

И наконец, к четвертой категории отнесем прошения, где духовенство и прихожане свидетельствовали перед патриархом, что, несмотря на давление со стороны властей, в раскол они не уклонились и новую церковную власть не

---

⁸¹⁵ Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РПК(б) в Политбюро ЦК РПК(б) о проделанной работе. 1 января 1923 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 51–53. Цит. по: Архивы Кремля. в 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997. С. 350.

признали. Доля таких прошений составляет по нашим оценкам около 10–15% от общего числа попавших в поле нашего рассмотрения.

Рассмотрим некоторые наиболее показательные случаи вовлечения церковных приходов и духовенства в обновленчество, отнесенные нами к *первой категории*.

В ряде случаев причинами уклонения православного духовенства в обновленческий раскол становились декларируемые идеологами обновленчества идеи реформирования и модернизации церковного устройства, показавшиеся привлекательными для некоторых священнослужителей. В конце 1922 г. один из лидеров обновленческого движения В. Красницкий, выступая на собрании духовенства 4-го отделения Замоскворецкого сорока г. Москвы и призывая принять участие в выборах на обновленческий собор, обрисовал задачи обновленческого движения так: аполитичность церкви, восстановление белого епископата из вдовых священников, уничтожение якобы существовавшего произвола приходских советов, освобождение духовенства от экономической зависимости прихода. Так как эти задачи, по уверению обновленческого деятеля, «церковным канонам не противоречили», некоторые представители духовенства согласились на предложенных условиях производить выборы⁸¹⁶. Новая программа встретила поддержку, и многие священнослужители примкнули к живоцерковникам. В числе благосклонно воспринявших идеи обновленцев оказался настоятель московской Троицкой на Шаболовке церкви протоиерей Константин Скворцов. В дальнейшем, когда, по его словам, «среди обновленцев произошел распад, и единство церкви и мира было разрушено», он изменил свою позицию и даже уверял, что предпринимал все возможные меры к тому, чтобы или свести на нет, или ослабить те постановления ВЦУ⁸¹⁷ и МЕУ⁸¹⁸, которые «больно отражались» на приходской

---

⁸¹⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 29–30.

⁸¹⁷ Высшее церковное управление – высший управленческий орган обновленческой иерархии

⁸¹⁸ Московское епархиальное управление – епархиальный управленческий орган обновленческой иерархии.

жизни, но это не отменяло его первоначального увлечения обновленческой программой.

Подобная аргументация присутствует в прошении о приеме в каноническое общение с патриархом соборного протоиерея города Дмитрова Московской губернии Георгия Богословского, который пишет, что обновленческое движение, как оно протекало за первое время своего существования, казалось ему приемлемым, ибо задачи «живой церкви» представлялись ему «не противоречащими канонам церковным»⁸¹⁹. На этом основании он считал для себя возможным «взойти во внешнее общение» с ВЦУ и МЕУ. Однако вскоре, как это произошло и в случае с настоятелем Троицкого храма на Шаболовке, он вынужден был пересмотреть свою позицию, особенно после решений обновленческого собора 1923 г., когда он «отмежевался в душе» от этого движения, обнаружив, что «народная масса не разделяет» этого движения и видит в нем опасность для Церкви. В его прошении упомянута одна из причин, по которой он отмежевался от обновленчества: неприемлемость его для «народной массы», то есть прихожан.

Примером давления на приход со стороны властей являются события, произошедшие в московском Сергиевском храме в Пушкинских Горах. Здесь, по словам его настоятеля протоиерея Николая Толгского, потомственного священнослужителя и будущего священномученика⁸²⁰, обновленцам дважды удавалось организовать богослужения с участием своих епископов, что, как будет показано в дальнейшем, в рассматриваемый период становилось их постоянной практикой. В первый раз это произошло в 1922 г. на храмовый праздник 25 сентября/8 октября, в день памяти преп. Сергия Радонежского. Служил обновленческий епископ Иван Альбинский – фигура, заметная в истории обновленческого раскола, член ВЦУ и будущий обновленческий архиепископ Нижегородский и Владимирский. В это время оба клирика храма – и протоиерей Николай Толгский, и второй священник Сергей Лебедев – находились в Бутырской тюрьме, и, таким образом, в том, что в

⁸¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 20–21.

⁸²⁰ Никонов В.В., Шабанова И.Е. Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. Гжель, 2015. С. 356–382.

Сергиевском храме служил обновленческий епископ, настоятель виновен не был, но, тем не менее, отец Николай Толгский этот факт счел необходимым отметить в своем докладе на имя епископа Илариона. Вскоре после инцидента протоиерей Николай Толгский был освобожден. Приближался еще один престольный праздник Сергиевского храма – день памяти святителя Митрофана Воронежского (23 ноября/6 декабря), и в этот день приходской совет предложил пригласить для возглавления богослужения епископа Уральского (в дальнейшем митрополита) Тихона (Оболенского), известного своим отрицательным отношением к обновленчеству. МЦУ это, разумеется, не устраивало, и оно всячески стремилось организовать приезд своего «архиерея». Однако, понимая, что настоятель может воспротивиться, к нему подослали прихожанина его же прихода, некоего Гаврилу Бутыгина, который, когда понял, что отец Николай не желает приезда обновленцев, стал ему угрожать, заявляя, что священника, состоявшего под судом и следствием «за контрреволюцию», он, Бутыгин, вновь упрячет в тюрьму и на его место при содействии ВЦУ устроит «другого попа, уже нашего». Бутыгин настаивал на том, что в храме будет служить «митрополит» Антонин (Грановский⁸²¹. – *В.Н.*), и угрожал настоятелю в случае, если тот будет противиться⁸²². Однако, отец Николай Толгский проявил твердость. При этом усилия обновленцев не прекращались, ибо, как пишет настоятель, в дальнейшем ему удавалось несколько раз отклонить от своего храма служение лжемитрополита Антонина. Этим не исчерпывались проступки, в которых настоятель каялся перед священноначалием. Оказывается, в то время, когда в Сергиевском храме служил лжемитрополит Антонин, к нему обратилась делегация из местных прихожан, которая поднесла ему наперсный крест, попросив Антонина возложить его на отца Николая. По его словам, он всячески противился этому и сдался только после долгих убеждений со стороны

---

⁸²¹ Антонин (Грановский Александр Андреевич, 1865–1927). Потомственный священнослужитель, епископ Православной Российской Церкви с 1903 г. В 1921 г. был запрещен в служении патриархом Тихоном. Один из основателей обновленческого движения, в 1922–1923 гг. «митрополит Московский», с 1923 г. «митрополит Московский и всея Руси». От возвращения в лоно Церкви через покаяние отказался.

⁸²² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 6, 6 об.

прихожан. Этот крест «жег ему совесть», и он его вскоре продал, почему и просил епископа Илариона снять с его совести «тяжесть малодушия»⁸²³.

Приведенные сведения содержат два важных момента. Во-первых, отсюда следует, что обновленческий митрополит Антонин (Грановский) все-таки служил в Сергиевском храме, несмотря на сопротивление причта. И, во-вторых, что он возложил на настоятеля наперсный крест, символизируя, таким образом, признание последним обновленческой иерархии и своего места в ней (подчиненного положения пресвитера по отношению к епископу). И, что представляется особенно важным, этот крест поднесли ему прихожане. Следовательно, приход целиком или, во всяком случае, значительная его часть обновленцев поддержали.

В некоторых случаях попытка подкупа священнослужителей наградами предпринималась обновленцами в отсутствие награждаемых. Видимо, сам факт награждения рассматривался ими как согласие последних на уклонение в раскол. Настоятель Николаевской в Кошелях церкви священник Михаил Смирнов обратился к управляющему Московской епархией с раскаянием за допущенную во время заключения патриарха и правящих законных епископов видимую подчиненность самозваному обновленческому церковному управлению. Возвращая полученные без его личного участия награды, он, не признавая их каноничности, просил благословения на дальнейшее служение без таковых⁸²⁴. Прощение поддержали и прихожане, которые, надо полагать, и приняли награду за настоятеля⁸²⁵.

В деле имеются документы, свидетельствующие о том, с каким размахом вручались такие награды⁸²⁶. Письмо о награждении священника Михаила Смирнова саном протоиерея отпечатано на бланке обновленческого Московского епархиального управления, на котором указана дата: 25 мая 1923 г. Само награждение состоялось в храме Христа Спасителя⁸²⁷, за год до этого переданного

---

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 8.

⁸²⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

⁸²⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 9.

⁸²⁷ Там же. Л. 9. об.

обновленцам, причем рапорт о награждении отца Михаила Смирнова входит в противоречие с его собственным свидетельством о том, что награда не была получена им лично. Между тем на документе имеется пометка, что указ о награждении, в соответствии с действовавшими делопроизводственными нормами, 28 мая 1923 г. был получен благочинным церковного округа, к которому относился Никольский в Кошелях храм. Отметим, что описанные события происходили всего за месяц до освобождения патриарха Тихона.

Для обновленцев был важен сам факт награждения священнослужителей «тихоновской» ориентации, для чего они шли на различные ухищрения, иногда вводя в заблуждение награждаемых. Так, священник Богородице-Рождественского храма г. Коломны отец Николай Канардов был представлен к очередному награждению набедренником епископом Коломенским Феодосием (Ганицким). В 1922 г. владыка Феодосий был арестован по делу об изъятии церковных ценностей, и награждение не состоялось. Зная об этом, коломенские обновленцы решили сами наградить отца Канардова, причем не только набедренником, но сразу и скуфьей, хотя между этими двумя наградами по церковным правилам должно пройти определенное время. Здесь в полной мере отразилась характерная для обновленцев «щедрость» на награждения, к сожалению, рассчитанная, и не безосновательно, на готовность некоторых священнослужителей к принятию таковых. Между тем священник Николай Канардов не мог не знать, что единовременное награждение двумя символами священнического служения не практикуется, но не устоял. Местный благочинный, по его словам, представил его, наравне с прочими живоцерковниками, к награждению набедренником и скуфьей на основании того, что он был представлен к таковой награде епископом Феодосием Коломенским еще прежде, но в связи с его «отозванием из Коломны группой ВЦУ» дело осталось неоконченным, а поэтому и представили его уже живоцерковники, которые и наградили к празднику Святой Пасхи. Он же согрешил по незнанию и принял награду, «даже дерзнул надевать набедренник и скуфию», в чем и приносил

раскаяние⁸²⁸. Необходимо отметить, что в своем прошении арест коломенского епископа, о котором он, также как настоятель городского храма, не зная не мог, священник называет «отозванием из Коломны», что говорит о роли обновленцев в репрессиях против духовенства.

Для принуждения к общению с ними обновленцы не гнушались никакими средствами и зачастую использовали в своих целях тяжкие жизненные обстоятельства, в которых по разным причинам оказывались священники. Так, пожилой протоиерей Александр Крылов, бывший священником на протяжении 30 лет, последние годы служил в Скорбященской при больнице братьев Бахрушиных церкви Сретенского сорока города Москвы. Однако, согласно постановлению о ликвидации домовых церквей, храм был упразднен, и он остался без места. Будучи обременен большим семейством, отец Александр вынужден был обратиться с просьбой о месте к обновленческому церковному управлению. Начались принуждения вступить в партию ЖЦ или СОДАЦ⁸²⁹, обещания наградить митрой. Затем ему предложили на выбор два прихода на совершенно неподходящие священнические места, так как предполагалось «брать их захватом», чего он, по его собственным словам, не хотел и не умел делать⁸³⁰.

В документе отражены два характерных приема, которыми пользовались обновленцы. Во-первых, это «польщение митрой», то есть обещанием даровать митру и получить право называться митрофорным протоиереем, и, во-вторых, прямо указывается, что одной из форм перехода православного храма в обновленчество был захват, который, согласно новейшим исследованиям, использовался при постоянной поддержке властей⁸³¹. Отказавшись от обоих предложений, священник немедленно получил третье, заключавшееся в том, чтобы

⁸²⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 95.

⁸²⁹ ЖЦ (живая церковь), СОДАЦ (союз общин древлеапостольской церкви) – названия обновленческих структур 1920-х гг.

⁸³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

⁸³¹ Чернова Е.Л. Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 121–133.

поехать в качестве уполномоченного обновленческого епископа в Нижний Новгород. Правда, для этого требовалось фиктивно развестись с женой и оставить семью. Отвергнув и это, отец Александр, по его словам, остался ежедневно сидеть на табурете в Сергиевской часовне и ждать, когда кто-либо по ошибке зайдет в «красную часовню» и попросит молебен⁸³². В приведенном фрагменте, помимо того, что в нем описывается отношение обновленцев к тем, кто не пожелал воспользоваться их предложениями, содержится выразительное свидетельство о том, как на самом деле рядовые верующие относились к обновленческим храмам и часовням. Протоиерей Крылов, указывая, что в «красную» часовню если кто-то и зайдет, то только «по ошибке», фиксирует это отношение.

В прошениях, отнесенных нами ко второй категории, содержатся описания внутрприходских конфликтов в связи с уклонением в обновленческий раскол духовенства. К этой категории следует отнести ситуацию, сложившуюся в подмосковном Николо-Перервинском монастыре, один или несколько храмов которого имели статус приходских и имели церковный совет. Прихожане в обновленчество не уклонялись, а духовенству пришлось каяться. В деле сохранилось прошение на имя патриарха Тихона от иеромонаха Сергия и иеродиакона Макария, в котором они просили принять их в церковное общение, сознавая свою вину в том, что однажды приняли участие в богослужении составленным «живой церкви»⁸³³. Игумен монастыря Варнава отдельным прошением к просьбе священнослужителей присоединился, но про себя ничего не написал⁸³⁴.

Члены церковного совета 1-го состава Елизаветинского на Дорогомиловском кладбище храма рапортовали, что они, вступив в управление церковью в 1918 г. не уклоняясь шли за патриархом вплоть до «вторжения ВЦУ», и когда последнее стало требовать от них признания, то они, все 20 человек, категорически отказались

---

⁸³² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

⁸³³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 44.

⁸³⁴ Там же. Л. 45.

и за это особым приказом ВЦУ были отстранены от членства в совете⁸³⁵. Однако после освобождения патриарха, когда настало время всеобщего покаяния за уклонение в обновленческий раскол, священнослужители Елизаветинского храма также «потянулись в Донской монастырь», где размещалась патриаршая резиденция и куда отправлялись покаянные письма с просьбой допустить до церковного общения. Но церковный совет воспротивился этому, отправив на имя патриарха фактический донос на собственное духовенство, о чем подробнее будет сказано ниже.

В ряде приходов дело доходило до прямой конфронтации между причтом и прихожанами. Такие случаи фиксируются в виде многочисленных жалоб на духовенство, уклонившееся в раскол. Противостоянием между приходским советом и причтом закончилось признание настоятелем Воскресенской села Карпова церкви Дмитровского уезда Московской губернии Иваном Федоровичем Лавровым обновленческого епископата, что отразилось в прошении прихожан о его удалении. Прихожане докладывали, что священник Иоанн Лавров проявил себя защитником и исполнителем еретического учения, чем произвел раскол в приходе. Когда же члены совета стали обличать его в ереси, то оказались «оплеванными от еретика». Он, Лавров, не поминал православных архиереев, говорил соседним священникам, чтобы те признали ВЦУ, обещал ссылку церковному старосте своего прихода и, будучи «еретическим благочинным», срочно требовал заполнения обновленческих анкет⁸³⁶. На прошении отсутствует резолюция епископа Илариона (Троицкого), на имя кого оно было адресовано, и остается неизвестной дальнейшая судьба священника Лаврова, однако его угрозы ссылкой церковному старосте говорят о том, насколько глубоким было противостояние.

Обращают на себя внимание случаи, когда духовенство, уклонившееся в раскол, под влиянием более стойких в вере прихожан и прислушавшись к их мнению, меняло свои взгляды и находило в себе силы не только вернуться в лоно патриаршей Церкви, но и публично раскаяться в своих заблуждениях. Так,

---

⁸³⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 59, 59 об.

⁸³⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 38.

настоятель Предтеченского храма села Фрянова Богородского уезда Московской губернии священник Николай Кудрявцев сетовал, что, не бывая по нескольку лет в Москве и не получая никаких духовных журналов, подчинился обновленцам и принял собор 1923 г., о деяниях которого благочиние информировал уполномоченный от ВЦУ по Богородскому уезду священник Евгений Афанасьевич Уберский(?), убедивший его примкнуть к обновленческой «живой церкви»⁸³⁷. Вскоре состоялось приходское собрание, на котором отец Николай сделал попытку вовлечь прихожан в обновленческое движение, однако поддержки не нашел. Более того, приходской совет выразил свою позицию настолько твердо, что священник вынужден был отправиться в Москву, где имел беседу с одним из епископов патриаршей Церкви, который и убедил его в правоте прихожан.

Описанный случай не был единственным. В Дмитровском уезде духовенство одного из благочиний в полном составе не только обратилось из раскола по настоянию прихожан, но и публично покаялось перед своими пасомыми⁸³⁸.

Факты покаяния перед прихожанами фиксируются во многих прошениях. В ряде случаев они становятся основанием для того, чтобы приходские советы выходили с прошениями на имя патриарха или управляющего Московской епархией с просьбой о возвращении в лоно Церкви уклонившихся в раскол священнослужителей. Так, не само духовенство за себя, а приходской совет московского Петропавловского храма на Солдатской улице в Лефортове просил принять настоятеля Николая Скворцова, протоиерея Александра Озерецковского и других членов причта, а через них и весь приход Петропавловской церкви в церковное общение, свидетельствуя, что как священник Николай Скворцов, так и протоиерей Александр Озерецковский 17/30 июня за церковной службой перед народом церковным раскаялись в своем подчинении распоряжениям ВЦУ и дали обещание ни в каком общении с таковым не состоять⁸³⁹. При этом в деле присутствует и прошение самих священнослужителей, но оно содержит лишь

---

⁸³⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 41.

⁸³⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 54–55.

⁸³⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 4.

утверждение о том, что в глубине души они обновленческому движению не сочувствовали, а теперь и вовсе порывали с ним всякую связь.

За своего диакона и псаломщика просят прихожане и церковный совет Спасского храма села Ведерницы Дмитровского уезда Московской губернии, уверяя, что те искренно раскаиваются. Кроме того, просят простить их весь приход за то, что имели молитвенное общение с уклонившимися⁸⁴⁰.

В тех случаях, когда, несмотря на увещевания со стороны прихожан, духовенство продолжало упорствовать в своих заблуждениях, приходские советы порывали с ними общение. Так произошло в Николо-Голутвинском приходе в Москве, где 27 июня 1923 г. члены приходского совета, а также прихожане, собравшись, обсудили вопрос «о неканоничности нового церковного управления», постановили порвать духовную связь с настоятелем храма Г.И. Добронравовым, как членом этого управления⁸⁴¹.

Стандартной формой покаяния в уклонении в обновленческий раскол без упоминания обстоятельств произошедшего (эти прошения отнесены нами к *третьей группе*) можно считать такие заявления, как, например, прошение причта Троицкого собора г. Клина, где кратко отмечалось, что они искренне раскаивались в том, что подчинялись распоряжениям так называемого ВЦУ⁸⁴². Или причта Ильинской села Левтова церкви Московской губернии и уезда, который, не имея возможности вследствие отдаленности от станции, а также необходимости сельских работ следить за ходом церковных событий, «слепо подчинился» распоряжениям новой церковной власти⁸⁴³.

Члены церковного совета московского Софийского храма в Миусах раскаивались за то, что подписали документ о своем признании «живой церкви», но сделали это лишь формально, и просили принять их в церковное общение⁸⁴⁴. Между тем вскоре, уже в 1924 г., в этом храме была вновь сформирована

---

⁸⁴⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 90.

⁸⁴¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 56, 56 об.

⁸⁴² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

⁸⁴³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 79.

⁸⁴⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 38.

обновленческая община, на сей раз зарегистрированная официально. Верующие обратились в Наркомат юстиции с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса о возвращении им отобранного у них незаконно храма. При регистрации собственной общины обновленцы нашли среди мирян сторонников, что позволило им оформить религиозную общину, наделявшуюся правом пользования зданием храма в богослужебных целях. Храм при Миусском кладбище оставался в ведении обновленцев еще несколько лет⁸⁴⁵. Следует отметить, что, несмотря на фактический провал обновленческого движения на территории города Москвы и ближайших уездов Московской губернии, именно кладбищенские храмы – традиционно более состоятельные в сравнении с обычными приходскими – в значительном своем числе принадлежали обновленцам.

В ряде случаев прошения о принятии в каноническое общение с патриаршей Церковью подписывались каким-либо священнослужителем единолично. Тогда аргументом часто выдвигалось то, что автор прошения в душе никогда не сочувствовал идеям обновленчества. Настоятель Покровской села Покровского-Брехова Московского уезда священник Александр Богословский сообщал, что под давлением обстоятельств и под влиянием благочинного 3-го округа Московского уезда Николая Цветкова некогда признал внешне за церковную власть ВЦУ, оставаясь при этом по убеждению на стороне власти патриаршей⁸⁴⁶.

Были и прошения, которые можно отнести к категории курьезных. Так, диакон Иоанно-Богословского храма на Большой Бронной улице в Москве Николай Добролюбов просил патриарха простить его за уклонение в раскол, оставаясь при этом в расколе. Он продолжал состоять в причте обновленческого течения, по его уверению, «никогда не сочувствуя оному»⁸⁴⁷.

По своему курьезным можно считать бесхитростное прошение приходского собрания и членов причта Троицкого храма в подмосковном Раменском. 16 июля

---

⁸⁴⁵ Чернова Е.Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.

⁸⁴⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 43.

⁸⁴⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 48.

1923 г. состоялось общее благочинническое собрание, которое постановило выразить перед патриархом свое искреннее раскаяние в том, что раменские прихожане и духовенство в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были войти в административное общение с ВЦУ и МЕУ. Теперь, когда во главе Православной российской церкви вновь встал патриарх, они декларировали разрыв с ВЦУ как организованным незаконно⁸⁴⁸. Еще более простодушно выглядит прошение настоятеля Троицкого храма, написанное им на имя патриарха, в котором указывалось, что прежде по предложению настоятеля храма протоиерея Р.И. Смирнова прихожане и приходской совет постановил признать, что раменский приход независим от Высшего церковного совета, но теперь, так как освобожден и вступил в управление Русской Церковью патриарх Тихон, то по предложению того же настоятеля протоиерея Смирнова те же верующие выразили желание находиться под верховным управлением патриарха⁸⁴⁹.

В числе характерных прошений от духовенства и верующих приходов, устоявших перед обновленческим натиском и отнесенных нами к *четвертой группе*, следует упомянуть прошение московского Христорождественского храма в Палашевском переулке, написанное на имя патриарха Тихона одним из первых – 15 июля 1923 г., вскоре после его освобождения. В нем обращает на себя внимание порядок, в котором перечислены авторы: сначала приходской совет, а уже затем церковный клир и община московской Христорождественской церкви в Палашевском переулке. Церковный совет, судя по всему, ставился на первое место не случайно. Несмотря на то что в 1920-х гг. церковный совет обладал значительными правами в приходском устройстве, такая последовательность встречается нечасто. В прошении свидетельствовалось, что духовенство и верующие Христорождественского прихода «ни на одну минуту не порывали канонической связи» с патриархом и стояли «на страже истинного Православия».

---

⁸⁴⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 33.

⁸⁴⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 29–32.

Храм сохранился неповрежденным и чистым, а ВЦУ и ВЦС не поминались на богослужениях⁸⁵⁰.

От прихода московского Успенского храма на Покровке прошение было подписано исключительно членами церковного совета – причт и прихожане лишь упоминаются в тексте. Приходский совет докладывал, что в их храме служения *красного священства* (курсив мой. – В.Н.) не было⁸⁵¹.

Подобное обращение к патриарху было отправлено от имени приходского совета Тихвинской церкви села Бурцева Звенигородского уезда, где утверждалось, что прихожане членами вновь образовавшейся церкви не состояли и не состоят⁸⁵².

Столь же лаконичным было прошение причта и прихожан Спасской церкви села Косякова Бронницкого уезда, которые никогда не склонялись в сторону обновленческих церковных органов⁸⁵³.

Часто авторами прошений выступали и настоятели. Протоиерей Николай Лавров, настоятель Николаевской церкви села Орлова Московской губернии и уезда, писал на имя епископа Илариона, что причт и церковный совет вверенного ему храма всегда оставались верными и преданными чадами Его Святейшества Патриарха Московского и всея России Тихона и никогда не имели никакого общения с «живой церковью»⁸⁵⁴.

Храмам Николо-Перервинского монастыря также удалось противостоять обновленческому движению. В прошении от приходского совета указывалось, что их община не имела ни молитвенного, ни благодатного общения ни с одной из обновленческих групп⁸⁵⁵. Чего нельзя было сказать про монастырское духовенство, прошение которого мы рассматривали ранее.

В другом подмосковном монастыре – Николо-Пешношском, расположенном в Дмитровском уезде Московской губернии, к обновленчеству не присоединилось

---

⁸⁵⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 19.

⁸⁵¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 38.

⁸⁵² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 80.

⁸⁵³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 82.

⁸⁵⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 182, 182 об.

⁸⁵⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 42.

и духовенство. Настоятель монастыря игумен Варнава докладывал, что возглавляемая им обитель чудесным образом устояла в тяжкие дни испытаний и ни в каком смысле не уклонилась от истинного пути в угоду новых еретических течений, созданных живоцерковниками⁸⁵⁶. Отметим, что отношение к обновленчеству, как к еретическому течению, было нормой среди православного духовенства и мирян с первых дней его образования.

Относительно подробный рапорт на имя епископа Илариона (Троицкого) об отношении прихожан и причта церкви св. Алексия митрополита Московского в Глинищевском переулке (на Глинищах) составил его настоятель, будущий священноисповедник протоиерей Роман Медведь, который от своего имени и от всего состава причта свидетельствовал, что ко всему обновленческому движению – «живой церкви», союзу общин древлеапостольской церкви, церкви возрождения и пр. – они относятся отрицательно и непримиримо от начала и до конца, ни в какие сношения с ВЦУ, ВЦС и его органами – МЕУ и благочинными не входили, ни от себя, ни от членов причта, ни от храма и общины верующих на нужды ВЦУ, МЕУ ни одной копейки не давали, ни одной бумаги не посылали, анкеты ВЦУ не заполняли, ни в храмах, ни на дому с членами обновленческого движения ни разу молитвенного общения не имели, выборов на «беззаконный собор (сатанинское сборище)» не производили, на новый стиль не переходили, Патриарха Тихона поминали до момента, когда он сам благословил перестать возносить его имя, а теперь за богослужениями стали вновь возносить⁸⁵⁷.

Текст рапорта представляется важным историческим свидетельством того, как в 1923 г. духовенством и верующими понималось уклонение в обновленческий раскол. В нем перечислены практически все возможные формы соучастия в обновленческом расколе, которые активно пропагандировались на приходах. Важной представляется и дата рапорта – 26 июня 1923 г. – одна из самых ранних в подобных документах.

---

⁸⁵⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 78.

⁸⁵⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 19–20.

Очевидно, что деятельность обновленцев, направленная на то, чтобы склонить к своему движению максимальное число приходов, была всем известна и широко обсуждалась в среде верующих и духовенства. В ряде прошений сохранились отголоски этих событий. О том, насколько сложно было оставаться верным патриаршей Церкви, свидетельствует рапорт настоятеля Петропавловского храма у Яузских ворот в Москве священника Василия Судницына на имя архиепископа Илариона (Троицкого), в котором говорилось, что ни он, ни приход, состоя на почве «строгого отделения Божия от кесарева, настолько были тверды и решительны, что, *не в пример большинству приходов* (курсив мой. – В.Н.)», официально заявляли о неприятии ВЦУ⁸⁵⁸. Сложно оценивать, насколько точно отец Василий оценивал число приходов, где обновленцам удалось установить свое влияние, – достоверная статистика числа обновленческих приходов в Москве на начало 1923 г. отсутствует, но если рассматривать эту оценку как качественную, каковой она и воспринималась заинтересованным наблюдателем, то, вероятно, можно говорить о том, что обновленческих приходов было, во всяком случае, более половины.

О том, насколько твердой была позиция священника Василия Судницына, свидетельствует прошение церковного совета и прихожан Петропавловской церкви, где он являлся настоятелем. Они составили свое прошение, причем, в отличие от отца Василия, который писал управляющему Московской епархией, адресовали его патриарху Тихону. Прихожане отмечали, что настоятель действовал независимо от прихода и вполне самостоятельно, заявив в официальной форме в МКУ, что он не только не признает ВЦУ и все подчинившиеся ему органы церковного управления, но совершенно выходит из состава «официальной церкви, лживой и политиканствующей»⁸⁵⁹. Иными словами, отец Василий не просто не принимал обновленчество, но был готов оставить Церковь в случае окончательной победы обновленцев. Это весьма резкое заявление было сделано не им лично, но

---

⁸⁵⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 32–33 об.

⁸⁵⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 31, 31 об.

трудно предположить, чтобы члены приходского совета написали свое прошение на имя патриарха без ведома настоятеля.

Иллюстрацией того, что обновленческое движение было раскольническим в буквальном смысле этого слова, может служить ситуация, сложившаяся в селе Алешине Бронницкого уезда Московской губернии. Село было большим, и в нем имелось два храма: Космодемьянский и Иоанно-Богословский. Приход Космодемьянского храма не поддавался давлению со стороны обновленцев и сохранил верность патриаршей Церкви. В прошении настоятеля храма священника Вячеслава Муравьева на имя патриарха говорилось, что со времени управления церковными делами обновленцами он и приходская община активного действия в делах обновленцев не принимали и всегда признавали «главою Церкви только Его Святейшество»⁸⁶⁰.

В это же самое время в соседнем с Космодемьянским Иоанно-Богословском храме обновленцы добились успеха, что следует из аналогичного прошения его настоятеля, который каялся перед патриархом в том, что он совместно со всем приходом, «как и большинство духовенства», лишь внешним образом подчинился образовавшейся группе «живой церкви» и выполнял ее распоряжения, хотя и не проявляя активного участия в обновленческом движении⁸⁶¹. Несмотря на целенаправленные попытки автора (архивные изыскания и интервьюирование местных жителей) выяснить, в каких отношениях в 1922–1923 гг. находились оба прихода, прямых свидетельств обнаружить не удалось, но, ориентируясь на аналогичные коллизии в иных населенных пунктах, можно сделать вывод о том, что принадлежность близко расположенных приходов к обновленчеству и патриаршей Церкви зачастую создавала почву для конфликтов.

Анализ рассмотренных документов позволяет сделать ряд выводов об отношении верующих патриаршей Церкви к новому для них обновленческому течению.

---

⁸⁶⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 85.

⁸⁶¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 92.

Прежде всего обращает на себя внимание, что значительная (если не бóльшая) часть уклонившихся в раскол священнослужителей объясняют это неосведомленностью – полной или частичной – о целях обновленчества и его отношении к существовавшему до ареста патриарха Тихона церковному устройству. Более того, в ряде прошений прямо говорится, что решение о подчинении обновленческой иерархии зачастую принималось в силу укоренившихся представлений о церковной дисциплине, а обновленцы, сознательно вводя в заблуждение плохо информированных сельских священников, представляли себя как вполне легитимное церковноначалие после «отречения» патриарха. Именно на привычку к подчинению церковноначалию, выработанную в течение столетий, делали ставку обновленцы, привлекая к себе духовенство. Имелись, разумеется, и иные рычаги давления, включая прямые угрозы арестом за неподчинение.

Следствием уклонения духовенства в обновленческий раскол, в силу привычного подчинения новой иерархии, стали множественные конфликты причта с прихожанами, позицию которых озвучивал и персонифицировал церковный приходской совет. Необходимо иметь в виду, что в рассматриваемый период роль приходского совета была довольно велика и именно от его решения зависели многие обстоятельства жизни прихода, не говоря уже об определенной зависимости от совета положения приходского духовенства. В ряде прошений, приводимых в настоящем параграфе, в числе причин уклонения духовенства в раскол эта зависимость священнослужителей от приходских советов отмечалась как фактор, повлиявший на их решение.

Приходские советы, в отличие от духовенства, не имели сформировавшейся привычки беспрекословной покорности церковноначалию, поэтому в решении вопроса о подчинении или неподчинении обновленческой иерархии руководствовались соображениями, лежавшими в иной плоскости. Эти соображения в значительной степени базировались на тяготении к традиции, а обновленчество воспринималось как сила, направленная на ее разрушение.

Сказанное не означает наличие такой позиции у всех приходов и приходских советов, но лишь определяет выраженную тенденцию.

Кроме того, в ряде рассмотренных документов явно прослеживается бытующее в народе и, судя по всему, характерное для большинства верующих отношение к обновленчеству как к странному новому церковному движению, обслуживавшему интересы большевиков, которые с первых дней прихода к власти никогда не скрывали своего отношения к религии и Церкви. Не случайно в прошениях постоянно встречаются выражения «красное священство», «красная церковь», содержащие явные отрицательные коннотации. По мнению просителей, зайти в «красную часовню» заказать молебен может кто-то лишь «по ошибке», обновленческий собор 1923 г. называют «беззаконным сатанинским сборищем», а обновленческую иерархию – «официальной церковью – лживой и политиканствующей»⁸⁶², и с такими оценками трудно не согласиться. Таким образом, раскольническая и провластная суть обновленчества, несмотря на все попытки представить его как прогрессивное православное обновление, была понятна всем, не исключая и само духовенство, ибо странно было бы ожидать каких-либо иллюзий у образованных священнослужителей, когда простым и часто малограмотным верующим, это было очевидно. Это дает основание для утверждения, что идеологическая составляющая обновленческого раскола была очевидна для верующих и духовенства с первых месяцев его организации.

Такое положение дел неизбежно приводило к *внутриприходским конфликтам*, в которых провластную сторону зачастую занимало духовенство, а церковный совет стоял на позициях верности патриаршей Церкви.

В контексте анализа антицерковной направленности обновленческого движения представляет интерес то, каким образом приходская жизнь налаживалась после массового возвращения в лоно Церкви духовенства и приходов, уклонившихся в обновленчество, а сама Церковь восстанавливалась после первой

---

⁸⁶² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 81, 81 об.

пропагандистской атаки, имевшей целью ее раскол. Уклонение в обновленчество церковных приходов целиком, а иногда только духовенства, но не прихожан часто объяснялось тем, что в силу ряда причин (отсутствия надежной связи, отдаленности от центра, неполной информации и пр.) они не имели надежных сведений о происходивших в Церкви процессах, а также отсутствием внятных инструкций, как именно следует поступать и чьего мнения придерживаться. Насколько обоснованными были такие объяснения в каждом конкретном случае, сказать трудно, но можно утверждать, что в некоторых прошениях, отправленных, правда, уже после июня 1923 г., то есть после освобождения патриарха Тихона, содержались конкретные вопросы, связанные с тем, как организовывать церковную жизнь в новых условиях. Почти на всех прошениях, в которых встречаются такого рода вопросы, имеется резолюция управляющего Московской епархией епископа Илариона (Троицкого).

Подробно описывая положение дел в благочинии одного из церковных округов Дмитровского уезда Московской губернии, протоиерей Сергей Уклонский сообщает, что большинство священников вверенных ему церковью выразили желание покаяться в поддержке обновленческого движения (к его прошению приложены их заявления). Однако остались и такие, которые продолжали упорствовать в своем отпадении от единой православной Церкви и пребывали в единении с новой церковной властью, несмотря на письменные предложения им принести покаяние в своем отпадении, при том, что он, протоиерей Уклонский, их увещевал. Между тем прихожане храмов, в которых служили обновленцы, не желали обращаться к ним для исправления треб. Донося о таком положении в подведомственном ему благочинии, отец Сергей Уклонский просил указаний, каким должно быть отношение членов причта и прихожан к тем священноцерковнослужителям, которые нарушили единение и мир и не стремятся к его восстановлению, а также как должны поступать те священно- и церковнослужители, к которым обращаются прихожане с просьбами об удовлетворении своих религиозных нужд, не желающие обращаться с этим к

обновленцам⁸⁶³. 30 августа 1923 г. епископ Иларион наложил резолюцию, которой распорядился всем православным священникам и церковнослужителям воздерживаться от совместного богослужения с пребывающими в расколе. В части исполнения треб велел удовлетворять прошения прихожан другими священниками незамедлительно.

Соседняя с Московской Тульская губерния была поражена обновленческим движением в большей степени по сравнению с первой, но оперативной связи с Донским монастырем, ставшим резиденцией патриарха, была лишена. Это, а также и то, что в Тульской епархии «не было установлено каноничного церковного управления», заставило настоятеля Преображенского храма города Епифани протоиерея Евсевия Гастева обратиться с целым списком вопросов к управляющему Московской епархией. Во-первых, можно и должно ли при церковном богослужении впредь до особых распоряжений поминать Святейшего Патриарха Тихона? Поставленный вопрос был продиктован запрещением обновленческого Тульского епархиального управления (ТЕУ) поминать патриарха под угрозой суровой кары. Во-вторых, какие шаги предпринимать в случае увольнения ТЕУ за штат непокорных ему священников, не вошедших в группу «живой церкви», «виновных лишь за свою верность православию и канонам церкви»? Решение этого вопроса не терпело отлагательства, так как в июне 1923 г. ТЕУ предъявило всем, еще не вступившим в группу «живой церкви», ультимативное требование войти в таковую в 14-дневный срок под угрозой увольнения за штат в случае несогласия. При этом только отец Евсевий и один еще один тульский протоиерей заявили решительный отказ от сотрудничества с обновленцами. И, наконец, в-третьих, можно ли отдельным пастырям и приходам в создавшейся обстановке, временно прекратив общение с Епархиальным управлением, вступить в общение с православными епископами другой епархии, например Московской? И можно ли ожидать в самом ближайшем времени организации епископального управления в Тульской области?⁸⁶⁴

---

⁸⁶³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 65–66 об.

⁸⁶⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 8–9 об.

Список вопросов выразительно рисует картину церковной жизни в Тульской епархии и губернии, часть которой вскоре войдет в состав Московской, вместе с городом Епифанью, будущим центром Епифанского района Московской области.

Своей резолюцией епископ Иларион определил, что имя патриарха Тихона следует возносить во всех православных храмах, как это происходит в Москве. Однако, учитывая, что церковная власть в Тульской епархии принадлежит местному самозваному ТЕУ – органу обновленческому, постановления которого не имеют никакой силы для православного духовенства, возношение имени патриарха обязательно и в православных храмах Тульской епархии, тем более что «последний декрет Совет. власти» гласит, что никакие церковные управления не имеют права вмешиваться в дела общин⁸⁶⁵. Заканчивалась резолюция обещанием назначения в Тулу епископа.

Приведенные вопросы православного духовенства свидетельствуют о серьезных нарушениях в системе церковного устройства, вызванных внедрением в церковную среду обновленческих порядков. Всего за один год был нарушен не только стройный церковный порядок, но также и богослужebная практика претерпевала изменения, зачастую остававшиеся непонятными для духовенства и верующих. По причине определенной инертности церковного механизма и одновременно ненадежности средств коммуникации приходское духовенство оказывалось в информационном вакууме, когда известия о переменах в высшем церковном руководстве до него доходили, но как конкретно следует на них реагировать, оставалось непонятным.

Осенью 1923 г. тематика прошений на имя патриарха и управляющего Московской епархией постепенно меняется, и заметное место в общем числе обращений начинают занимать фактические *доносы на священнослужителей*, уклонившихся в обновленческий раскол. Сохранился подробный доклад управляющему Московской епархией некоего диакона Виктора Беляева, в котором

---

⁸⁶⁵ Там же.

он подробно перечисляет известных ему отступников с краткими характеристиками, в чем именно это отступничество выражалось:

«Довожу до вашего сведения случай с Василием Скворцовым: 22 июня... служил у них бывш. протодиакон Морозов, который хотел помянуть Святейшего. Василий же заявил ему, что если он помянет б. патриарха, то он (Василий) уйдет сейчас же из храма. Позволю себе сделать сообщение об окрестных церквах, что знаю, и о которых знаю, не с целью их наказания, но с целью назидания, чтобы впредь не повадно было.

Иоанна Предтечи на <неразб.> у Чугунного моста. Поминали Антонина, Высшее Ц.У. и все распоряжения его. Покрова в Чашках – прот. Скворцов был членом М.Е.В., благочинным, грозил всем за неподчинение В.Ц.У. Троицы-Вешняки – Страхов получил литературу от М.Е.В. Михаила-Архангела в Овчинниках. Выполняли все распоряжения М.Е.В. и заполняли все анкеты. Космы и Дамиана в Садовниках священник Знаменский был благочинным, грозил меня выслать из Москвы, лишить сана за непризнание В.Ц.У., но он не на того напал, меня не сослал, а сам по второму <неразб.> в Сокольниках <неразб.> ярый живоцерковник. Николо-Кузнецкий – прот. Померанцев, подчинявшийся ВЦУ, шкурник низкой пробы.

Еще раз говорю, что пишу все это не для зла (я уверен, что за малым исключением все будут прощены), а, чтобы им впредь не повадно было. Но Василия Скворцова, как злостного обновленца, откровенно говорю, хотел бы отнести к «малому исключению». Сегодня (в субботу) он сказал, что святейший для него – <просто> Василий Белавин⁸⁶⁶.

Перед поздней обедней представители от прихожан вошли в алтарь и заявили Василию Скворцову, что желают поминать Святейшего, а он ответил: «Не позволю. Он должен быть восстановлен собором». Тогда один прихожанин говорит протодиакону Морозову (приглашенному): «На мою ответственность поминайте»,

---

⁸⁶⁶ Мирское имя патриарха Тихона – Василий Иванович Белавин.

но Василий Скворцов, снимая облачение, заявил, что в таком случае служить не будет. Мирянам пока пришлось уйти ни с чем.

Все это мне передало лицо, имевшее этот разговор с Василием Скворцовым, которое просило у меня совета, как быть, на что, конечно, мною дан был совет: «Гнать в шею всех общим собранием»⁸⁶⁷.

Донос диакона Виктора Беляева, сделанный им «не для зла», является одним из самых ранних и одновременно выразительных последствий фактического раскола в Церкви, произведенного обновленческим движением. Тот факт, что священнослужитель требует у церковноначалия наказания для уклонившихся в раскол, сам по себе свидетельствует об успехе антирелигиозной пропаганды, насаждавшейся через обновленчество. Автор доноса понимает, что все перечисленные им лица будут прощены, о чем он пишет с очевидным неудовольствием. Не касаясь особенностей личности диакона, следует отметить, что в Церкви, как в любом сообществе, есть и будут люди, внутренне готовые к такого рода поступкам. Но в здоровом коллективе их деятельность не поощряется или, во всяком случае, ограничивается, а в больном – проявляется ярко и носит разрушительный характер. Обновленческий раскол ослабил Церковь, и доносы на священников на некоторое время стали системой.

Церковный совет Елизаветинского кладбищенского храма в Дорогомилове, о котором говорилось выше, пишет прошение на имя патриарха с просьбой не верить в покаяние клириков храма. Это еще одна степень разлагающего влияния обновленческого движения. Духовенство раскаивается перед церковноначалием, но прихожане не считают это достаточным. Они требуют всенародного покаяния, что вскоре станет сложившейся формой отхода от обновленчества, а до тех пор прихожане предлагают считать раскаяние духовенства «ложью и обманом»⁸⁶⁸.

Церковный совет Параскевиевской церкви у речки Березовки Богородского уезда Московской губернии докладывал епископу Илариону (Троицкому), что настоятель их храма протоиерей Михаил Воронцов, поняв, что приходской совет

⁸⁶⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 2–3.

⁸⁶⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 59, 59 об.

выразил нежелание уклоняться в обновленчество, предпринял попытку расформировать прежний совет и зарегистрировать новый, обновленческий. Для этого он, собрав своих последователей, представил протокол учредителей, засвидетельствованный Владимиром Красницким⁸⁶⁹ вместе с мандатом «живой церкви», выданным 2 февраля 1923 г. По свидетельству прихожан, протоиерей Воронцов в речах, докладах и беседах с прихожанами поносил имя патриарха, утверждал, что патриарх якобы «залил кровью всю Русскую Церковь». В связи с этим церковный совет Параскевиевского храма просил управляющего Московской епархией воздержаться от принятия его в общение⁸⁷⁰.

Приведенные документы позволяют *подвести первые итоги обновленческого раскола на приходском уровне в Московской области*. Они свидетельствуют о том, что обновленческое движение, направленное на раскол Церкви, начало давать плоды уже через год после своего образования. Ничем иным, кроме желания отомстить примкнувшему к обновленцам духовенству, объяснить такие заявления невозможно. Важным моментом представляется то, что описанные случаи имели место на волне массового покаяния за уклонение в раскол, причины для которого были разными и не всегда зависевшими от воли уклонившихся. Следует обратить внимание и на то, что прихожане в лице членов церковных советов выступали в роли обличителей своих нестойких священнослужителей, что свидетельствовало, с одной стороны, об образовавшемся глубоком кризисе доверия к духовенству на приходском уровне, а с другой – о том, что приходы во главе с приходскими советами оказывались силой, способной противостоять идеологическим нападкам новой власти более эффективно, нежели духовенство. Последнее обстоятельство делало приходы и главным образом их целостность, монолитность главной целью большевиков в деле разрушения Церкви.

Массовый выход приходов из обновленческой юрисдикции в начале 1920-х гг. не стал причиной для ослабления поддержки властями обновленчества как идеологического оружия против их целостности. Напротив, те храмы, приходы

---

⁸⁶⁹ Красницкий В.Д. (1881–1936) – один из видных деятелей обновленчества.

⁸⁷⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 77, 77 об.

которых так и не вернулись в лоно патриаршей Церкви, не испытывали нарастающего давления, характерного для 1920-х гг. Более того, даже приходы, которые объявили о своем разрыве с обновленцами, но среди членов которых не было единства, через некоторое время вновь оказались присоединенными к расколу. Примером такого полунасильственного присоединения стал Софийский храм на Миусском кладбище в Москве⁸⁷¹.

Обреченность обновленческого движения стала осознаваться властями уже в начале 1923 г., а события, развернувшиеся в приходах, по разным причинам ненадолго перешедших в обновленческую юрисдикцию, после освобождения патриарха Тихона продемонстрировали провал «красной церкви» окончательно. Об этом писал в своем докладе на имя начальника Административного отдела Моссовета инструктор В.В. Фортунатов, отметив, что после освобождения патриарха Тихона обновленчество пошло на убыль. Служители культа, светские верующие люди почти все перешли на его сторону, не веря в его чистосердечное раскаяние перед властью и видя в нем, безусловно, политического вождя в рясе. Обновленческих служителей культа осталось незначительное количество, многие из них были контрреволюционными верующими выгнаны из храмов⁸⁷². Эту оценку положения дел с обновленческим движением В.В. Фортунатов дает 23 декабря 1923 г. – в конце периода, который может считаться временем утверждения обновленчества. От этой точки и до момента окончательного прекращения существования раскола будет наблюдаться его постоянный спад.

Одним из эффективных методов организации внутрприходских расколов и одновременно поддержки обновленческого движения стали *манипуляции с передачей в безвозмездное пользование церковного имущества*⁸⁷³. Механизм передачи храмов обновленцам в Московском регионе в разные периоды

---

⁸⁷¹ Чернова Е.Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.

⁸⁷² ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 31 об.

⁸⁷³ О национализации церковного имущества и порядке предоставления его в пользование религиозным обществам и группам говорится в главе 1.

осуществлялся различными методами. Если для начала 1920-х гг. характерными приемами были введение в заблуждение прихожан, а также запугивание и попытки подкупа духовенства, то в дальнейшем, когда все перечисленное перестало быть действенным, в ход пошли главным образом меры административного характера с использованием особенностей законодательства, когда искусственно созданный конфликт двух религиозных течений – «староцерковного» и обновленческого – разрешался «законным путем» в пользу последних.

В отдельных случаях целью передачи храмов обновленцам было не просто расколоть Церковь, но она имела также показательный характер, подчеркивая якобы уже свершившуюся победу «прогрессивной красной церкви» над «реакционной тихоновской». Наиболее выразительным примером в этом отношении является, разумеется, передача обновленцам Храма Христа Спасителя в Москве летом 1922 г. Целью водворения обновленцев в главном российском храме было создать у верующих представление о якобы полном торжестве обновленческого движения. Произошло, однако, обратное. На отношение «староцерковников» к обновленцам, как было показано выше, такого рода акции существенного влияния не оказывали, зато многочисленная община Храма Христа Спасителя распалась, так как в массе своей не пожелала поддержать обновленческое движение. Оставшиеся в меньшинстве обновленцы не были в состоянии содержать гигантский храм, что привело к рассмотрению Административным отделом Моссовета, курировавшим церковную деятельность, возможности передачи его в ведение Главмузея, который, как выяснилось, обновленцев также не поддерживал⁸⁷⁴.

После выхода в свет в апреле 1929 г. постановления ВЦИК «О религиозных объединениях» и последовавших за ним инструкций механизм передачи православных храмов обновленцам изменился и в определенной степени упростился. 31-я статья Постановления давала право местным жителям, объединившимся по исповедному признаку и образовавшим религиозное

---

⁸⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 30–35.

общество, претендовать на оформление договора о безвозмездном пользовании церковным имуществом, включая само церковное здание. В документе прямо оговаривалось, что такое право вновь образовавшееся общество имеет наравне с прежним, то есть с тем, которое такой договор заключало до него. Следовательно, перезаключение договора и перерегистрация религиозных обществ, производившиеся из года в год, начиная с 1918 г., переставали быть формальностью. Отныне любые 20 человек, сумевшие подать заявление на право пользования храмом раньше, чем это сделают прежние арендаторы или даже одновременно с ними, и собравшие необходимый комплект документов, получали возможность пользования церковным имуществом на следующий год. Упразднив понятие прихода, законодатели сознательно упростили механизм получения арендных прав на храм и имущество. Для этого не требовалось наличие священника, тем более поставленного правящим архиереем. Необходимым было лишь наличие подписи двадцати лиц одного «исповедания, направления и толка».

Обновленцы этим стали широко пользоваться. Объявляя себя по исповеданию православными христианами, они считали себя обновленцами лишь по направлению, то есть имели все основания претендовать на статус самостоятельного религиозного общества. Что касается местных властей, которые от имени государства должны были заключать арендные договоры на храмы и имущество, то здесь открывалось широкое поле для оказания протекций обновленцам. По мнению некоторых исследователей, именно эта правовая коллизия повлияла на то, что живоцерковники и обновленцы быстро захватили почти все храмы г. Москвы⁸⁷⁵. Имеющиеся данные не позволяют поддержать такую оценку, но то, что после 1929 г. наблюдается очередной рост числа храмов, переданных обновленцам, несомненно.

Упростившийся порядок передачи храмов обновленцам не остался без внимания заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В своей «Памятной записке», отправленной им на имя

---

⁸⁷⁵ Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003. С. 154.

председателя комиссии по вопросам культов при ВЦИК П.Г. Смидовича, в числе ряда церковных проблем, решение которых он считал делом безотлагательным, был пункт, посвященный теме регистрации религиозных общин и вытекающего отсюда права пользования храмом. Митрополит Сергей указывал на необходимость признать за правило, чтобы православный храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной же общине⁸⁷⁶. Несмотря на доброжелательный в целом ответ П.Г. Смидовича и даже на некоторые решения, принятые Комиссией, согласно предложениям митрополита, на что были свои причины, власти продолжали пользоваться возможностью вариативного толкования законодательства.

Характерным примером того, как православные храмы в начале 1930-х гг. захватывались обновленцами, может послужить передача и закрепление за ересиархами Владимирского храма в Мытищах. Изъятие храма со всем имуществом из юрисдикции Православной российской церкви произошло в 1935 г. по широко практиковавшейся схеме, когда общине предъявлялись претензии в неудовлетворительном поддержании храмового здания в надлежащем состоянии.

Эту схему довольно подробно описал П.А. Красиков в своей докладной записке во ВЦИК в 1936 г. Она была простой, но весьма действенной. Прежде всего, приходу объявлялось, что их храм находится в ветхом состоянии и грозит обрушением, причем положение оказывалось настолько серьезным, что проведение богослужений в нем признавалось невозможным. Этот факт оформлялся официальным заключением профильных специалистов. Затем общину обязывали в срочном порядке произвести дорогостоящий ремонт, стоимость которого заведомо выходила за рамки финансовых возможностей общины. Дело осложнялось тем, что общине, даже если бы она и попыталась собрать необходимую сумму, ставились ограниченные сроки, чтобы такую возможность

---

⁸⁷⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 691.

исключить. Кроме того, оставался в силе запрет на сбор средств среди верующих. Отведенный срок вскоре истекал, и храм из пользования общины изымался⁸⁷⁷.

Чаще всего такая схема использовалась для закрытия храма, но в ряде случаев это делалось для передачи его обновленцам, особенно если храм был большим, знаковым и располагался в густонаселенной местности. Все эти условия имели место в подмосковных Мытищах, где Владимирский храм был соборным. Первые попытки его закрыть относятся к 1929 г., но тогда храм удалось отстоять, однако его статус и принадлежность к патриаршей Церкви не позволили ему надолго выпасть из сферы внимания властей. В начале 1930-х гг. с колокольни сняли колокола, а в 1935 г. настало время самого храма.

События развивались стремительно. Не позднее 31 мая 1935 г. спешно созданная мытищинская обновленческая религиозная группа (именно так указано в документе) подает заявление с просьбой о своей регистрации в Мытищинский РИК. Под заявлением стоят подписи 27 человек⁸⁷⁸. 2 июня 1935 г. секретарь РИКа Суханов переправляет это заявление в Мытищинский горсовет с предложением заявление обновленцев удовлетворить, отметив, что с церковным советом этот вопрос уже согласован⁸⁷⁹. Какой именно церковный совет имелся в виду – прежний или обновленческий, в документе не указано. До этого момента ни одного документа, свидетельствующего о якобы аварийном состоянии церковного здания, в деле не имеется. Храм принадлежит «староцерковникам» и продолжает оставаться действующим.

2 июня 1935 г., то есть уже после формирования обновленческой группы верующих и одновременно с фактическим утверждением этой группы Мытищинскими РИКом и горсоветом, в храме было произведено обследование на предмет возможности дальнейшего его использования для удовлетворения

---

⁸⁷⁷ Состояние религиозных организаций в СССР, их деятельность, отношение к проекту новой конституции, работа комиссии культов ЦИК СССР и практика проведения в жизнь законодательства о культурах (составлено по материалам Комиссии культов ЦИК СССР на 1/IX 1936 года) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 39–83.

⁸⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 197.

⁸⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 188.

религиозных потребностей населения. Осмотр должен был производиться в присутствии служителя культа и представителя церковного совета Владимирской церкви. Однако в акте, который подписали все члены комиссии, вместо «служителя культа» стоит многоточие.

Комиссия ожидаемо выявила ряд нарушений в состоянии здания, делавших дальнейшую его эксплуатацию невозможной. В заключении комиссии говорилось, что службу в храме в целях «охраны общественной безопасности» следует немедленно прекратить, а само церковное здание находится в «аварийном и бесхозяйственном» состоянии⁸⁸⁰. Подписи представителей прихода под актом отсутствуют: священник, судя по всему, в работе комиссии не участвовал, а председатель церковного совета от подписи отказался, о чем в документе имеется отметка. В другом документе имеются сведения о причинах этого отказа, состоявших в том, что, по словам председателя церковного совета, «в акте написано все несогласно с действительностью»⁸⁸¹.

Через месяц, 15 июля 1935 г., представителями обновленческого течения был составлен акт передачи им храмового имущества и денежных средств общины «староцерковников». Помимо вновь назначенных настоятеля и старосты храма, акт подписал уполномоченный московского обновленческого митрополита протоиерей Павел Горизонтов. Эта же дата – 15 июля 1935 г. – упоминается в ряде документов как день, когда Владимирский храм в Мытищах перешел к обновленцам, что и было зафиксировано соответствующим актом, хотя сам акт в деле не сохранился. Таким образом, с момента принятия решения о передаче храма в обновленческую юрисдикцию до завершения этого процесса прошло полтора месяца, и это фактически стало сроком, за который обновленческой группе верующих удалось выполнить ремонт храма, после которого он вновь стал пригодным для совершения в нем богослужений. Какими силами и на какие средства были проведены работы, в материалах дела не сказано, зато имеется акт, подписанный теми же членами комиссии, в котором говорится, что все не терпящие

---

⁸⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 198–199.

⁸⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 185.

отлагательства разрушения устранены, а прочие, отнесенные ко второй очереди ремонта, будут устранены в ближайшем будущем⁸⁸². В заключении комиссии говорилось, что теперь здание церкви «может быть допущено к эксплуатации». Новый акт был датирован 20 июля 1935 г., то есть он был составлен уже после передачи храма обновленцам.

Разумеется, верующие патриаршей Церкви смириться с таким положением дел не могли и почти сразу после захвата храма властями начали предпринимать попытки вернуть себе право если не пользоваться храмом целиком, то хотя бы иметь возможность молиться в нем совместно с обновленцами⁸⁸³. В течение 1936 г. они написали по крайней мере два заявления о предоставлении им возможности пользования храмом, но ответа не получили (возможно, первое заявление было подано еще в 1935 г., но информации о нем не сохранилось). В последнем по времени заявлении, со ссылкой на ст. 124 «Великой Сталинской Конституции», принятой 5 декабря 1936 г., то есть непосредственно перед составлением заявления, верующие просили предоставить им гарантированную Конституцией возможность свободного отправления религиозного культа. Заявление было написано от «вновь образованного» религиозного общества в числе 25 граждан, следовательно, прежнее общество признавалось прекратившим свое существование самими заявителями.

В январе 1937 г. Мытищинский горсовет направил в Президиум ВЦИК и комиссию по вопросам культов письмо, в котором в довольно грубой форме обосновывалось решение отказать владимирскому религиозному объединению в возможности удовлетворять свои религиозные потребности в некогда принадлежавшем им храме. В документе говорилось, что договор со «староцерковниками» был расторгнут по причине невыполнения ими обязательств по поддержанию храма в надлежащем виде, а обновленцы незамедлительно выполнили необходимый ремонт. При этом утверждалось, что в самом городе

---

⁸⁸² ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 186.

⁸⁸³ Это обстоятельство представляется важным, так как свидетельствует об отсутствии выраженного антагонизма со стороны «староцерковников» по отношению к обновленцам.

Мытищах имеются две церкви «староцерковного уклада», а в расположенном в 3 км от города селе Болшеве еще одна, так что права «староцерковников» ущемленными считаться не могут. Кроме того, в письме содержался пассаж о том, что главные причины, по которым члены расформированной общины стремятся ее возродить, лежат в плоскости материальной. Якобы некоторые из членов расформированного церковного совета, подавшие заявление в Мытищинский горсовет о возможности продолжения пользования Владимирским храмом «староцерковников», прежде распоряжались крупными церковными суммами, которые теперь перешли в управление обновленческой общины, и истинные причины активности «староцерковников» объясняются их притязаниями вторично «пробраться» к церковной кассе⁸⁸⁴.

В апреле 1937 г. состоялось заседание Президиума Мытищинского горсовета, на котором рассматривалось заявление верующих «староцерковников»⁸⁸⁵. Просителям было отказано, но интерес представляет не сам факт отказа, а его мотивировка. Президиум счел, что такого рода заявления должны подписываться не 25 отдельными людьми, а всей общиной, «т.е. общим собранием» (отметим, что аналогичное заявление 27 обновленцев, поданное в Мытищинский РИК в мае 1935 г., было согласовано горсоветом в течение двух дней). Другим аргументом в пользу того, чтобы просителям было отказано, стало утверждение, что в городе Мытищах имеется еще один храм, «где производится отправление религиозных обрядностей старой ориентации», а других обновленческих храмов в округе нет. Это утверждение также выглядело странным, ибо еще три месяца назад, в январе 1937 г., Мытищинский горсовет в своем письме во ВЦИК заявлял, что в Мытищах имеется два староцерковных храма, а в селе Болшеве – еще один.

Последнее заявление верующих патриаршей Церкви о предоставлении им возможности совместного пользования Владимирским храмом было ими отправлено в Президиум ВЦИК 27 мая 1937 г., и в целом оно содержало те же

---

⁸⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 182.

⁸⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 178.

аргументы, что и предыдущее, направленное ими в Мытищинский горсовет. 1 августа 1937 г. в деле была поставлена точка, когда Президиум ВЦИК прошение отклонил, оставив храм в единоличном пользовании обновленческой общины⁸⁸⁶.

Рассмотренные материалы о передаче Владимирского храма в Мытищах обновленцам убедительно свидетельствуют об активной поддержке властями раскольнического движения. Как было показано, процесс перехода храма в обновленческую юрисдикцию занял всего полтора месяца, а все попытки верующих патриаршей Церкви отстоять свое право пользования частью храма совместно с обновленцами, основанное на нормах действующего законодательства, растянувшись на два года, ни к чему не привели. Следует отметить, что описанные события происходили в период, когда обновленческое движение почти перестало представлять интерес для большевиков, и Владимирский храм в Мытищах стал одним из последних, захваченных обновленцами в Московском регионе. В новом статусе он просуществовал недолго, и уже в 1942 г. был закрыт окончательно. Церкви храм был возвращен лишь в 1991 г.⁸⁸⁷

Произошедшее в Мытищах было типичной формой отъема храма у верующих и передачи его обновленцам. По такой же схеме в 1933–1934 гг. у Церкви был отобран Вознесенский храм в Можайске. Сходство с событиями в Мытищах почти полное: центральный храм крупного подмосковного города; многочисленный, состоятельный приход; главный храм благочиния⁸⁸⁸. И такое же спешное создание обновленческой группы верующих, многие из которых, по свидетельству местных прихожан, никакого отношения к Церкви не имели, от имени которой в горсовет подается заявление, которое необычайно быстро

---

⁸⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1157. Л. 177.

⁸⁸⁷ Владимирский храм г. Мытищи Сергиево-Посадкой епархии Московской митрополии Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://mitishi-hram.ru/istoriya-nashego-hrama.html> (дата обращения: 10.04.2023).

⁸⁸⁸ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. С. 188–191.

удовлетворяется⁸⁸⁹. Повторяется и судьба самого храма: в 1934 г. его полностью захватывают обновленцы, а уже в 1939 г. он закрыт властями⁸⁹⁰.

Однако далеко не всегда захват храмов обновленцами воспринимался прихожанами и духовенством как грубое вторжение властей в приходскую духовную и хозяйственную жизнь. Где-то с новым статусом храма и провластной молитвенной направленностью на приходах смирялись, а в некоторых случаях фиксировались антагонистические настроения по отношению к религиозным объединениям, сохранившим верность патриаршей Церкви. Это прямо свидетельствует о формировании *глубокого раскола на приходском уровне*, являвшегося одной из целей государственной антицерковной политики, для реализации которой и создавалось обновленческое движение. Так произошло в подмосковном городе Люберцах (подробно об этом говорилось в § 1.4), где в середине 1930-х гг. действовало два храма: Преображенский, переданный обновленцам, и Троицкий, оставшийся у «староцерковников».

20 октября 1936 г. состоялось заседание Президиума ВЦИК, на котором было вынесено постановление о закрытии Преображенской церкви в Люберцах⁸⁹¹. Это же постановление определяло, что верующие могут удовлетворять свои религиозные потребности в имевшемся неподалеку Троицком храме поселка им. Михельсона, фактически входившего в черту города Люберцы. Вскоре

---

⁸⁸⁹ Максим Максимов, прот. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том 2. Тверь, 2005. С. 219–230.

⁸⁹⁰ Церковь Вознесения была закрыта в советские годы, согласно постановлению Президиума Московского областного исполнительного комитета Совета РК и К.Д. за №1175 от 25.V.1939 г. Простояв со времени своего строительства без малого 140 лет, храм был уничтожен в годы Великой Отечественной войны. В протоколе Государственной комиссии по охране и восстановлению памятников, разрушенных или поврежденных немецкими захватчиками, указывалось, что он взорван миной при отступлении фашистских войск 19 января 1942 г. и превращен в груды развалин. Церковь не была восстановлена, сейчас на ее месте жилая застройка. См.: Вознесенская церковь Можайска – утраченная святыня города. Сайт Можайского благочиния Московской епархии [Электронный ресурс]. URL: <http://mozhblag.prihod.ru/2015/02/20/voznensenskaya-tcerkov-mozhajska-utrachennaya-svyatinya-goroda/> (дата обращения: 20.09.2016).

⁸⁹¹ Протокол заседания Президиума Исполкома РСФСР от 20 октября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 40.

выяснилось, что закрываемый Преображенский храм принадлежал к обновленческому течению⁸⁹², а Троицкий в поселке Михельсона сохранял верность патриаршей Церкви.

20 ноября 1936 г. обновленческая община Преображенского храма обратилась в Люберецкий горсовет с заявлением, в котором просила передать им Троицкий храм. В заявлении они указывали, что община верующих города Люберцы не распущена, а остается функционирующей. При этом, закрытый Преображенский храм был единственным обновленческим храмом не только в Люберцах, но и во всем районе. С его закрытием верующие обновленцы оставались совершенно без молитвенного здания, между тем как все староцерковники «имели свои храмы в достаточном количестве». А поскольку Люберецкая община более многочисленна, то вполне резонно передать ей Троицкий храм, изъяв его у сторонников «тихоновского течения»⁸⁹³. Примечательно, что ни прямых, ни косвенных свидетельств о том, что Троицкая «тихоновская» община выражала бы протест против того, чтобы обновленцы получили возможность совместной молитвы в их храме, в деле не имеется. Тогда же, вслед за рассмотренным выше, в горсовет было послано еще одно заявление «в дополнение к первому», в котором говорилось, что некие граждане города Люберцы для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей решили образовать из своей среды религиозную общину православного вероисповедания обновленческой ориентации⁸⁹⁴. Такая постановка вопроса выглядит несколько странной. Ведь если Преображенский храм города Люберцы был обновленческим, то и община верующих, окормлявшаяся в нем, также была обновленческой. Зачем же тогда, уже после

---

⁸⁹² Материалы следственного дела священника люберецкого храма отца Михаила Покровского и диакона Василия Шаробарова указывают на то, что Преображенский храм стал обновленческим в ноябре или декабре 1935 г.

⁸⁹³ Заявление общины верующих г. Люберцы обновленческой ориентации о передаче Троицкого храма пос. им. Михельсона обновленческой люберецкой общине. 20 ноября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 21.

⁸⁹⁴ Заявление общины верующих г. Люберцы обновленческой ориентации о создании общины и о передаче им Троицкого храма пос. им. Михельсона. 25 ноября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 17.

закрытия храма, понадобилось создавать новую общину? Примечательно, что именовать вновь созданную общину предполагалось «Троицкой православной общиной». Иными словами, самим названием декларировалось то, что «базироваться» община будет в Троицком храме. Заканчивалось заявление просьбой передать просителям Троицкий храм со всем культовым имуществом.

Уже через три дня, 28 ноября 1936 г., оба указанных заявления были рассмотрены на заседании Люберецкого горсовета. Можно предположить, что, если бы дело происходило в первой половине 1920-х гг., когда государство активно поддерживало обновленцев, просьба бывших прихожан Преображенского храма была бы удовлетворена с единственной целью посеять еще больший раскол в рядах верующих. Но была уже середина 1930-х гг., когда власть постепенно прекращала поддержку инспирированного ею обновленческого раскола. Поэтому неудивительно, что ответом на заявления стал отказ, мотивированный тем, что у православной общины поселка Михельсона с местными властями был заключен договор на пользование храмом и имуществом, расторгать который оснований не усматривалось⁸⁹⁵. Власти, таким образом, сделали вид, будто не заметили, что бывшие преображенские прихожане просили зарегистрировать свою общину как обновленческую. И по логике советских чиновников действительно выходило, что обновленцы просят зарегистрировать некое новое православное общество, в то время как оно в Люберцах уже имеется. Очевидно, что власть открыто демонстрировала пренебрежение к просьбам еще недавно поддерживаемых ею обновленцев.

Ответ Люберецких градоначальников не удовлетворил прихожан, и 19 декабря 1936 г. они отправили пространную жалобу на имя М.И. Калинина⁸⁹⁶, а следом – во ВЦИК, в которых подробно описывали суть дела и просили «всесоюзного старосту» о поддержке, отмечая, что обновленцы и

---

⁸⁹⁵ Выписка из протокола заседания Люберецкого горсовета от 28 ноября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 18.

⁸⁹⁶ Жалоба религиозного общества верующих Преображенской церкви села Люберец председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину от 19 декабря 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 24.

«староцерковники», как группы враждебных течений, соединяться для молитвенного общения вместе не могут⁸⁹⁷. Очевидно, что прихожане Преображенского храма, составляя свои жалобы, стремились таким образом особенно подчеркнуть свою приверженность новой провластной церковной юрисдикции, но в 1936 г. это было уже не актуальным, и ответа на заявление не последовало. В результате Преображенский храм был закрыт и вскоре разрушен, а Троицкий храм, куда обновленцы перейти отказались, сохранил верность Церкви и долгое время оставался единственным незакрытым храмом на обширной территории между селом Вешняки и поселком Удельная.

Главный итог искусственно созданного межприходского конфликта в Люберцах заключается в том, что цель большевиков расколоть Церковь изнутри с помощью насаждения обновленчества была достигнута.

В контексте анализа результатов обновленческого раскола представляет интерес оценка практики передачи храмов обновленцам Комиссией по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1936 г. В обширном докладе Комиссии приводилось множество примеров, когда районные и городские органы оказывали предпочтение обновленцам перед «староцерковниками», считая их наиболее «лояльной» по отношению к властям церковной группировкой. По сведениям комиссии, были распространены методы передачи церквей из пользования «староцерковников» обновленцам, а потом закрытие с помощью последних⁸⁹⁸. В ряде случаев дело доходило до прямой сделки.

Храм в селе Сарай Московской области был передан обновленческому священнику, который вскоре оставил место служения, а ключи от храма оставил в местном РИКе, фактически самовольно закрыв его таким неожиданным образом во всех смыслах.

---

⁸⁹⁷ Заявление верующих Преображенской церкви села Люберец во ВЦИК // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1303. Л. 61.

⁸⁹⁸ Состояние религиозных организаций в СССР, их деятельность, отношение к проекту новой конституции, работа комиссии культов ЦИК СССР и практика проведения в жизнь законодательства о культах (составлено по материалам Комиссии культов ЦИК СССР на 1/IX 1936 года) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 39–83.

В храме села Перловка представитель Мытищинского РИКа отобрал ключи у приходского совета и передал их обновленческому священнику, которого никто из верующих не приглашал в качестве служителя культа. Ключи от храма были возвращены «староцерковникам» только после вмешательства Комиссии по вопросам культов. Однако обновленческий священник пояснил Комиссии, что он якобы имел договоренность с Мытищинским горсоветом и РИКом о том, что он должен был «принять» перловковский храм, чтобы затем сдать его горсовету под культурные цели. Более того, он предложил Комиссии свои услуги в подобных махинациях на будущее в качестве «закрывателя церквей».

Комиссия отмечала, что в результате таких эксцессов в массах верующих создаются недопустимые представления о якобы существующей несправедливости религиозной политики, проводимой в СССР. «Староцерковники» лишаются возможности молиться в храмах, а обновленцы пользуются привилегиями. При этом сами обновленцы большинством верующих не признаются и считаются «красными, советскими» попами. Так, благодаря неправильному отношению к ориентациям православной церкви, создается в массах верующих представление о «гонимых» и «красных» попах, первые окружаются ореолом святости⁸⁹⁹. Кроме того, среди верующих бытует мнение, что обновленческие церкви лишены благодати и их посещать не следует.

Таким образом, именование обновленческого духовенства «красными попами», впервые зафиксированное в документах 1923 г., продолжало оставаться актуальным до середины 1930-х гг., что говорит о точности этого определения. Дальнейшая же логическая связка: красный = советский = безблагодатный – довершала общую форму отношения верующего человека ко всему обновленческому движению.

Формально такое положение дел должно было вызывать озабоченность в Комиссии по вопросам культов. Этим объясняется, что приведенные и подобные им факты регулярно фиксировались в ее отчетах. С другой стороны,

---

⁸⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 127, 127 об.

обновленчество как инструмент для создания церковного раскола к середине 1930-х гг. потеряло свою значимость и не находилось на первом месте в антирелигиозной работе. Этим объясняется, что дальше констатации недопустимых с точки зрения законодательства эксцессов дело не шло. После пятнадцати лет активного продвижения обновленчества в качестве альтернативной «церкви» стало очевидным, что основная масса верующего населения не поддавалась на примитивную в целом аргументацию в пользу нового церковного устройства, а способы, которым оно насаждалось, вызывали естественное отторжение. Кроме того, поведение обновленческого духовенства, и особенно епископата, столь разительно отличалось от представлений о том, каким должен быть православный пастырь, что не оставляло оснований для сомнений в его безблагодатности.

О том, насколько низким в 1930-х гг. был среди верующих *авторитет обновленческого духовенства и, в частности, епископата* свидетельствует заявление в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от общины верующих московского Успенского храма на Сретенке⁹⁰⁰. При этом храме находилась резиденция обновленческого «митрополита Московского и Тульского» Тихона Попова. Здесь он появлялся от случая к случаю, так как в основном предпочитал находиться Туле, где обновленческих церквей было значительно больше. Успенский храм был одним из немногих, остававшихся в ведении обновленцев в черте города Москвы. Его настоятелем был протоиерей Павел Горизонтов, а Тихон Попов фактически даже не был в его штате, что, однако, не помешало ему нарушить сложившийся здесь приходской уклад. Деятельность «митрополита Московской и Тульского» была настолько несовместима с православным пониманием положения священнослужителя, что прихожане, находившиеся в обновленческом расколе около полутора десятков лет, вынуждены были обратиться в Комиссию по вопросам культов с просьбой о защите.

В заявлении подробно описывалось, как Тихон Попов, оказавшись на приходе, проявил себя деспотичным начальником, позволявшим грубый тон не

---

⁹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 12. Л. 40, 40 об.

только с клириками и церковнослужителями, но также и с рядовыми прихожанами и членами церковного совета. Кроме того, он вступил в близкие отношения с женой одного из местных священников, которого вскоре перевел на другой приход. Сам Тихон Попов стал вести жизнь, не подобающую священнослужителю, устраивая «вечеринки с вином, гостями и дорогими подарками», нисколько не стесняясь тем, что все происходило на глазах прихожан. В храме начались «реформы», которые выразились в том, что Тихон запретил всякое украшение икон, а также прекратил поддержание огня в неугасимой лампаде перед чтимой Гребневской иконой Божией Матери. Одновременно с этим Тихон Попов усилил и без того смущавшее общину поминовение властей. Заявители писали, что обычное поминовение всегда производилось сердечно, уравновешенно и спокойно, как этого требует религиозная совесть. Тихон Попов потребовал делать это нарочито громко и поминать власти чаще, чем это требуется по богослужебному уставу, подчеркивая фальшь такого поминовения.

Тихон Попов грубо вмешался в экономическую жизнь прихода. Почти сразу после своего появления он поменял церковную двадцатку, собрав в нее неизвестных приходу людей. К свечному ящику также поставил своего человека, сделав всю церковную бухгалтерию полностью закрытой.

Удалив одного священника по причинам, отмеченным выше, он последовательно перевел на другие места сначала диакона, а затем второго священника, которые полностью устраивали прихожан и были ими уважаемы, а ему не угодили. Когда верующие стали роптать, он ответил, что является здесь полноправным хозяином как «митрополит».

Верующие попытались сослаться на Конституцию, которая уравнила в правах всех граждан СССР, но Тихон Попов был неумолим и продолжал бесчинства. Тогда прихожане решили выяснить, кем был «митрополит Московский и Тульский» Тихон, и обнаружили, что прежде он являлся профессором Воронежского сельскохозяйственного института, членом Воронежского отделения Союза русского народа и «правой рукой известного монархиста» Пуришкевича. Из этого был сделан вывод, что Тихон Попов, «чье сердце, обозленное и живущее

прошлым, ущемленное современностью», так как было потеряно профессорское звание, почет и деньги, является по сути «фашистом из союза русского народа». На этом основании прихожане Успенского храма просили Комиссию по вопросам культов снять его с регистрации и выгнать из рядов «нашего духовенства»⁹⁰¹.

Рассмотренное прошение выразительно иллюстрирует ситуацию, сложившуюся с обновленческими приходами и духовенством во второй половине 1930-х гг. в смысле отношения к ним со стороны верующих. Во-первых, мы видим полную деградацию обновленческого епископата в их глазах, когда у всех на виду «митрополит» вступает в свободные отношения с венчанной супругой священника. И это происходит вскоре после утверждения шокировавшей православных христиан новации, связанной с возможностью для архиереев вступать в брак, к которой в середине 1930-х гг. далеко не все православные еще привыкли. Во-вторых, прихожане жалуются на то, что Тихон Попов, фактически узурпировав власть на приходе, устанавливает свои порядки, единолично владеет церковной кассой и распоряжается увольнением священнослужителей. Однако принципиальным моментом является то, что жалуются они в советскую комиссию по вопросам культов, причем на «красного попа», очевидно, поставленного советскими же органами. Логика заявителей понятна: они просят чиновников Комиссии снять Тихона Попова с регистрации и изгнать его из рядов духовенства, ибо в полной мере отдают себе отчет в том, что подобные перемещения во власти Комиссии, но никак не церковных органов. Примечательна аргументация, которой они подкрепляют свою позицию, заключающаяся в том, что Тихон Попов прежде был членом Союза русского народа, черносотенцем и сотрудником Пуришкевича, что в определенной части соответствовало действительности. Иными словами, заявители упрекали гражданские власти в том, что они поставили на митрополичью кафедру духовную особу, чье дореволюционное прошлое не давало для этого никаких оснований. Такого рода логические несоответствия демонстрируют отношение прихожан к обновленческому духовенству и епископату, не говоря уже

---

⁹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 12. Л. 40, 40 об.

о том, что приход Успенского храма на Сретенке в течение долгого времени был обновленческим и священнослужители, которых самовольно уволил Тихон Попов и которых прихожане характеризуют с положительной стороны, также были обновленцами.

Относительно достоверная *статистика о числе храмов, в которых сохранялось подчинение обновленческой иерархии*, содержится в документах Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК 1930-х гг. Согласно ведомости о количестве обновленческих церквей в СССР по митрополиям по состоянию на 1 апреля 1936 г., больше всего таких храмов располагалось на территории Украинского экзархата. Здесь их было 365. На втором месте была Воронежская митрополия с 232 храмами обновленческой ориентации, а затем следовала Московская, где насчитывалось 225 обновленческих храмов. Следует иметь в виду, что речь идет не об административных, а о церковных территориальных образованиях, с административными не всегда совпадавших. При этом в городе Москве под обновленцами оставалось всего 11 храмов. К числу регионов, где обновленчество было распространено, относились: Азово-Черноморская митрополия (210 храмов); Северо-Кавказская (210 храмов); Западная митрополия (195 храмов); Ивановская (185 храмов); Ярославская (170 храмов); Ленинградская (143 храма). Меньше всего обновленческих храмов было в Белоруссии (16), Иркутской митрополии (15) и Оренбургской (6)⁹⁰².

Оценка числа обновленческих храмов на территории Московской области в ее сегодняшних границах затруднена главным образом тем, что статистические сведения, сохранившиеся в фонде Комиссии по вопросам культов в ГА РФ, описывают положение дел по Московской области в административных границах середины 1930-х гг., которые включали в себя части смежных областей – Тульской, Рязанской, Владимирской и пр. До определенной степени положение упрощает деление Московской митрополии на епархии, которые в большей степени соответствовали тем областям, названия которых они носили, – Московская,

---

⁹⁰² ГА РФ. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 192, 192 об.

Калужская, Рязанская и Тульская. Хотя, и это деление не дает точного указания на то, в какой области при современном делении находился тот или иной храм. Например, к Московской епархии в 1936 г. относились храмы города Покрова и сел Петушинского (ныне – Петушкинского) района. Между тем, сегодня они располагаются во Владимирской области.

Таким образом, определить, какое именно число обновленческих храмов, отнесенных статистикой 1930-х гг. к Московской области, располагалось в пределах сегодняшнего Подмосковья, представляется затруднительным. Однако это не отменяет необходимости попыток такую оценку произвести.

Рассмотрим сведения, отнявшиеся к некоторым городам Московской области: Коломне, Сергиевому Посаду (Загорску) и Серпухову, по которым в сводках Комиссии по вопросам культов статистика сохранилась.

В 1937 г., согласно Списку молитвенных зданий, находившихся в городе Загорске, составленному местным горсоветом, из 30 имевшихся до революции церквей (включая монастырские) действовавшими оставалось 6. Из них одна была старообрядческой, две обновленческими и три «староцерковными»⁹⁰³.

По материалам, направленным в Комиссию по вопросам культов из города Серпухова, здесь из 20 прежде существовавших храмов в 1937 г. действовало 9. Среди них были: один старообрядческий, один евангелический, два обновленческих и пять «тихоновской» ориентации⁹⁰⁴.

По одному обновленческому храму (это были городские соборы) в середине 1930-х гг. было в Люберцах, Орехове-Зуеве, Покрове и Можайске.

Аналогичные материалы, сформированные Коломенским горсоветом, свидетельствуют, что здесь из 9 действовавших храмов обновленческого не было ни одного⁹⁰⁵. Также не было обновленческих храмов в таких крупных городах Московской области, как Раменское, Звенигород, Руза, Бронницы, Егорьевск и пр.

---

⁹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1149. Л. 43.

⁹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1149. Л. 45–46.

⁹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1149. Л. 47.

Весьма неравномерно были распределены храмы обновленческой ориентации по районам Подмосковья. Прежде всего, отметим, что в середине 1930-х гг. Московская область насчитывала 132 района, а вместе с городом Москвой таких районов было 133. Из этих районов в 1936 г. обновленческие храмы оставались лишь в Москве и еще в 18 районах, в большинстве которых было по одному обновленческому храму. Однако были районы, где обновленцам удалось сохранить за собой больше церквей. Так, в Орехово-Зуевском районе насчитывалось 5 храмов, а в Заокском – 6⁹⁰⁶. Но в последнем случае мы вновь сталкиваемся с тем, что уже в сентябре следующего, 1937 г. Заокский район будет выведен из состава Московской области и включен в состав Тульской⁹⁰⁷, в которой позиции обновленцев были весьма сильны.

Распределение обновленческих храмов по епархиям Московской митрополии и численность священников просоветской ориентации по состоянию на 1 апреля 1936 г. приводятся в справке, составленной для руководителя Московской областной культурной комиссии А.Н. Новикова обновленческим управляющим Московской митрополией «митрополитом» Тихоном Поповым⁹⁰⁸.

Таблица 15

Епархии	Обновл. церквей	Штатные			Заштатные	
		Архиереи-настоятели	Священники	Диаконь	Священники	Диаконь
Калужская	8	–	8	1	2	–
Московская	38	2	50	10	5	–
Рязанская	67	2	70	4	7	2
Тульская	106	2	119	5	26	4
Всего в митрополии	219	6	247	20	40	6

Сведения, содержащиеся в таблице 15, готовил управляющий Московской обновленческой митрополией, и уже на этом основании вероятность ошибки в

⁹⁰⁶ Р-5263. Оп.1. Д. 1149. Л. 25–26.

⁹⁰⁷ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011. С. 158, 159.

⁹⁰⁸ Р-5263. Оп.1. Д. 1149. Л. 24.

представленной таблице можно оценивать в пределах незначительной погрешности. Однако и здесь можно наблюдать расхождение с материалами, приводимыми нами выше и датированными тем же апрелем 1936 г. Нетрудно заметить, что число обновленческих храмов Московской митрополии, указанных «митрополитом» (219), меньше, чем в общей сводке Комиссии по вопросам культов при ВЦИК (225). Не имея информации для оценки такого расхождения, лишь отметим этот факт в качестве подтверждающего тезис о сложности получения точных статистических сведений о числе обновленческих храмов.

По сведениям о служителях культа обновленческой ориентации города Москвы⁹⁰⁹, составленным для Комиссии по вопросам культов, в 1937 г. в черте города сохранялось 11 церквей обновленческой ориентации, большинство из которых были кладбищенскими. В них служило 20 представителей духовенства. Священнослужители были распределены по храмам неравномерно. В некоторых храмах было по одному служителю, в двух храмах Сокольнического района – шестеро, а в двух храмах недавно образованного Коминтерновского района – ни одного. Все обновленческие служители культа, кроме одного, были лицами старше 40 лет и большинство – выходцами из семей духовенства. Лишь четверо были из служащих.

Примечательна краткая информация о них, приводимая в документе. Так, диакон Воскресенского храма в Сокольниках И.Н. Попов был рукоположен в 1920 г., а до этого времени числился свободным художником, И.М. Смирнов, священник того же храма, стал таковым в 1921 г., будучи до этого служащим. Таким образом, оба обновленца рукополагались в патриаршей Церкви, и только после 1922 г. перешли в раскол. Еще двое обновленческих священников, о которых сообщают Сведения, – клирик храма Всех Святых села Всехсвятского, вошедшего в границы Москвы и составившего часть района Сокол, Л. Машков и Воскресенского храма на Ваганьковском кладбище И.Н. Патокин до рукоположения были учителем и военным соответственно.

---

⁹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 78.

Согласно исследованиям И.В. Соловьева⁹¹⁰, накануне Великой Отечественной войны Московская обновленческая епархия насчитывала 32 храма, а всего в СССР их было не более 200. На состоявшуюся в 1943 г. встречу И.В. Сталина с митрополитами Православной российской церкви представители обновленчества приглашены не были, а уже в 1944 г. большинство обновленческих приходов и духовенства под давлением властей присоединились к Московской Патриархии⁹¹¹. Обновленческое движение, постепенно терявшее в течение 1930-х гг. государственную поддержку, окончательно лишилось ее во время войны, одновременно с прекращением антирелигиозной пропаганды, что неудивительно, так как являлось ее неотъемлемой частью.

Приведенные факты позволяют сделать *ряд выводов*. Прежде всего, можно констатировать, что обновленчество являлось инструментом антирелигиозной и антицерковной пропаганды, своего рода идеологической диверсией, когда привычные для верующего человека евангельские максимы искусственно переплетались с пробольшевистской пропагандой. Обновленцы старались по ряду внешних признаков мимикрировать под патриаршую Церковь⁹¹², но это не мешало верующим видеть в них чуждое православию течение. Однако тот факт, что столь незамысловатые манипуляции не могли остаться незамеченными для духовенства и вообще людей образованных, вовсе не означал, что на них не могли быть уловлены широкие массы верующих, не искушенных в трактовках и интерпретациях библейских текстов. Положение усугублялось, когда приходское духовенство, пользовавшееся в массе своей высоким авторитетом на приходах, по разным причинам уклонялось в обновленчество. В этих случаях вероятность того, что приход последует за своим священником, была очень высока. При этом в статистически значимом числе приходов наблюдалась ситуация, когда приход во

---

⁹¹⁰ Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 697.

⁹¹¹ Там же. С. 32.

⁹¹² Чернова Е.Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.). // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 17 (139). С. 81–89.

главе с приходским советом отказывался следовать за своим настоятелем, уклонившимся в раскол, и, таким образом, именно приход сохранял верность Церкви.

Насаждение и использование обновленчества в пропагандистских целях выражалось в ряде публичных заявлений. Не случайно обновленчество было сформировано на волне лживых обвинений Церкви в отказе от участия в деле помощи голодающим Поволжья. Церкви, обвинявшейся в сопротивлении изъятию церковных ценностей, противопоставлялось «прогрессивное» духовенство. О патриархе, оказавшемся в заключении, говорилось, что он «залил кровью всю Русскую Церковь», а обновленцы сохраняют Церковь и веру, нужно только молиться за большевиков. Лжемитрополит Тихон Попов требовал делать это нарочито громко и поминать власти чаще, чем это требовалось по богослужебному уставу. Разумеется, это вызывало отторжение у православного верующего, но на это и была направлена антирелигиозная пропаганда, избравшая себе такой изощренный инструмент, каким был обновленческий раскол.

Обновленческое движение называют расколом совершенно обоснованно, так как именно раскол Церкви и был его главной целью, сообразно евангельской фразе о том, что «царство, разделившееся в себе, не устоит»⁹¹³. Помимо этой цели были и другие: выявить несогласных и наиболее стойких, использовать обновленчество как повод для репрессий, создать основания для передачи обновленцам храмов и церковного имущества.

В течение десятилетий своего существования обновленческое движение меняло и корректировало методы вовлечения в свои ряды духовенства и мирян. Если прежде, в 1922–1923 гг., главными инструментами были посулы наград и повышений по службе, а также прямое запугивание, то в дальнейшем на первый план выходят методы экономического характера, когда обновленцам предлагались наиболее богатые приходы. Следует отметить, что в Московском регионе все применявшиеся методы не дали ожидаемого результата, и число обновленческих

---

⁹¹³ Мф. 12-25.

храмов к середине 1930-х гг. здесь было относительно невысоким. Однако в некоторых областях, главным образом в южных, храмов, занятых обновленцами, было больше, чем оставшихся за «староцерковниками». В целом, можно констатировать, что ко второй половине 1930-х гг. обновленчество, почти полностью лишенное государственной поддержки, сходит на нет, чтобы окончательно прекратить свое существование сразу после Великой Отечественной войны.

***

Антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР, имевшая своей целью создать идеологические основы для борьбы с Церковью, развивалась по ряду направлений: распространение антирелигиозной идеологии, снижение авторитета Церкви и священнослужителей, формирование представлений о духовенстве как о тунеядцах и эксплуататорах, создание образа врага из активных верующих и служителей Церкви. Если в первые годы после победы социалистической революции у большевиков не было стратегического плана идеологической борьбы с Церковью и все мероприятия носили спонтанный, хотя и выражено агрессивный характер, то с течением времени эта работа становится все более упорядоченной и приобретает определенные формы.

На приходском уровне антирелигиозные и антицерковные пропагандистские задачи решались посредством организации митингов, лекций, диспутов соответствующей направленности. Кроме того, инструментом антирелигиозной пропаганды становятся местные и центральные газеты, а позже – радио и кинематограф. Если центральные (губернские) средства массовой информации публикуют материалы в основном общего характера, то в местных газетах, пользовавшихся большой популярностью, содержатся заметки о реакционной деятельности церковников конкретных деревень и сел, хорошо известных окрестным жителям.

В 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда начинает действовать на бытовом уровне. Высмеиваются не только таинства, освящаемые Церковью, такие как крещение и венчание, но и обиходные события, особенно такие, для благословения

которых традиционно приглашался священнослужитель: пахота, выгон скотины на летние пастбища, сбор урожая, начало учебного года и пр. Но особенно цинично выглядят систематически организуемые пародии на главные христианские праздники, на духовенство и в целом на Церковь, распространенные в 1920-х гг. и получившие названия «комсомольских» Рождества и Пасхи. Дискредитируется образ священника, который в антирелигиозных материалах постепенно трансформируется от мракобеса, наживающегося на темноте верующих, до убежденного и коварного классового врага, чья цель не только набить свой карман, но, при пособничестве кулаков и белогвардейцев, совершить попытку контрреволюционного переворота или, во всяком случае, подготавливать его. Вывод: общение со священником не просто вредно, но и опасно. При этом анализ документов показывает, что значительная часть предпринимавшихся антирелигиозными пропагандистами усилий цели не достигает и большая часть верующих Московской губернии/области на приходском уровне продолжают придерживаться своих сугубо религиозных взглядов и сохраняют общение как с духовенством, так и с церковным активом.

Союз воинствующих безбожников, созданный для консолидации антирелигиозных мероприятий и ставший одним из инструментов советской антицерковной и антирелигиозной политики, оказался малоэффективным. СВБ планировался как добровольное общество, однако стать таковым на деле не смог. Документы свидетельствуют, что в уездах Московской губернии/области верующие и неверующие, кооптированные в члены первичных ячеек, массово манкировали не только работой, но даже пассивным участием в деятельности СВБ, и такие сведения имеются в отчетах Союза по всем уездам без исключения. СВБ существовал исключительно благодаря государственной поддержке, и, когда с окончательным пониманием его нежизнеспособности эта поддержка стала сокращаться, он постепенно прекратил свое существование. Несмотря на обширную номенклатуру и огромные тиражи выпускаемых СВБ изданий, говорить о существенном влиянии его на состояние приходов Московской губернии/области не приходится.

Одной из наиболее действенных антирелигиозных и антицерковных пропагандистских атак на Церковь в 1920-х гг. стала организация раскольнических движений, среди которых обновленческое выделяется своей массовостью, объемами государственной поддержки и, как следствие, разрушительной силой. Эта сила была обусловлена тем, что обновленчество, будучи одним из инструментов антирелигиозной пропаганды, фактически являлось идеологической диверсией, когда привычные для верующего человека евангельские максимы искусственно переплетались с пробольшевистской пропагандой. Обновленчество произвело раскол, прошедший по церковному организму на синодальном, епархиальном и даже приходском уровнях, в ряде случаев разделив по линии поддержки обновленческого движения духовенство и прихожан.

В целом, можно констатировать, что антирелигиозная и антицерковная пропаганда в СССР в рассматриваемый период, меняя формы и направления удара, но никогда не прекращаясь полностью, своей главной цели не достигла, так как несмотря на все пропагандистские усилия, число верующих, составлявших, согласно переписи 1937 г., более половины взрослого населения страны⁹¹⁴, после Великой Отечественной войны еще более увеличилось.

---

⁹¹⁴ Подробнее о результатах переписи 1937 г. в части отношения населения к религии будет сказано в главе 3.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ В 1918–1958 гг.

Администрирование жизнедеятельности церковных приходов и антирелигиозная пропаганда, рассмотренные в предыдущих главах, не дали ощутимых результатов в антицерковной и антирелигиозной политике большевиков. С первых месяцев прихода к власти они начинают использовать самый радикальный инструмент для ее подавления – прямые репрессии против лиц, объединенных вскоре под общим названием «церковников». В число «церковников» в широком смысле этого слова входили представители духовенства и верующие миряне, то есть люди, находившиеся «внутри церковной ограды». Уже осенью 1917 г. против них был начат фактический террор, по временам усиливавшийся или ослабевавший, но не прекращавшийся в течение всего рассматриваемого в настоящем исследовании периода. Преследование своих политических оппонентов являлось характерной чертой большевистского режима, а то, что «церковники» рассматривались советской властью как политические оппоненты, было зафиксировано во всех основополагающих законодательных актах, начиная с Декрета «Об отделении церкви от государства» 1918 г.

Промежуточной целью политических преследований «церковников» с использованием репрессивных методов в полном соответствии с определением террора⁹¹⁵ было устрашение. Через показательную жестокость и массовые репрессии по церковно-религиозному признаку власти стремились достичь

---

⁹¹⁵ Террор – устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения. / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Classes.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-108104.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

подавления Церкви, чтобы у верующих не осталось воли к сопротивлению. В § 1.1. нами были выделены задачи администрирования приходской жизнедеятельности. Эти же задачи, но уже не административными, а силовыми методами, требовалось решить для устрашения «церковников», что должно было привести к подавлению приходской жизни.

Целью настоящей главы является анализ советской государственной политики в отношении приходского духовенства и верующих мирян в период 1918–1958 гг. с использованием методов прямых репрессий. Эта цель достигается решением следующих исследовательских задач: определением периодизации репрессивной политики по церковно-религиозному признаку на приходском уровне; ее динамики в рамках каждого выделенного периода и критериев для определения круга лиц, оказывавшихся в зоне риска политических репрессий по церковно-религиозному признаку, ее масштабов и результатов.

3.1. Репрессии по церковно-религиозному признаку на приходском уровне: периодизация, динамика, критерии

Периодизация политических преследований приходского духовенства и мирян соответствует периодам работы силовых советских органов, в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников». Исходя из этого, можно выделить три основных периода.

Первый период определяется деятельностью таких силовых структур, как Всероссийская чрезвычайная комиссия⁹¹⁶ (ВЧК при СНК РСФСР), Государственное политическое управление (ГПУ при НКВД РСФСР) и

---

⁹¹⁶ Полное название: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ при СНК СССР), и хронологически ограничивается 1917–1934 гг.

Второй период связан с деятельностью Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), в состав которого в 1934 г. вошло ОГПУ, и охватывает временной промежуток до 1946 г., когда НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД).

Нижняя граница третьего периода определяется созданием в марте 1946 г. Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР, функции которого в большинстве своем в начале 1954 г. были переданы Комитету государственной безопасности при Совете Министров (КГБ при СМ) СССР, а верхняя – хронологической границей нашего исследования, то есть 1958 г.

В рамках каждого из выделенных периодов вполне допустимо более мелкое деление. Особенно это характерно для первого периода, охватывающего первые 17 послереволюционных лет. Однако предлагаемое деление на периоды, помимо того, что оно отвечает изменениям в силовых ведомствах, отвечавших за работу с Церковью, в целом соответствует задачам, стоявшим перед советским государством в вопросах политического давления на «церковников».

Первый период, продолжавшийся с 1917 г., когда была создана ВЧК, и до 1934 г., когда ОГПУ вошло в состав НКВД СССР, характеризовался поиском форм силового воздействия на Церковь и ее членов. В первые месяцы после победы революции в стране воцарился хаос, когда бессудные расправы над священнослужителями стали довольно частым явлением. Первым погибшим от рук большевиков священником стал царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров⁹¹⁷. Вскоре, 25 января 1918 г., также без суда и следствия был зверски убит первый священнослужитель в архиерейском сане – сщмч. Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский⁹¹⁸. День его мученической кончины Церковь отмечает как Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

---

⁹¹⁷ Иоанн Александрович Кочуров // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2008. С. 281–284.

⁹¹⁸ Духанин В.Н., иер. Священномученик Владимир (Богоявленский). // Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/90442.html> (дата обращения: 15.08.2023).

Сведения о том, что самовольные расправы над священнослужителями были расследованы новой властью, отсутствуют. Вскоре право на насилие взяла на себя созданная в декабре 1917 г. ВЧК. Полноценных статистических данных о ее работе и о деятельности ее преемников также не существует, что не означает отсутствие попыток такую статистику создать⁹¹⁹.

К задачам первого периода репрессивной политики в отношении «церковников» следует отнести комплекс мер, направленных на исключение возможности с их стороны каких-либо противодействий советской власти, таких как: лишение возможности участия в приходской жизни для духовенства и мирян, нарушение горизонтальных связей между приходами и вертикальных связей в церковном устройстве.

Спектр такого рода противодействий мог быть весьма широким, что объяснялось принадлежностью к Церкви подавляющего большинства населения РСФСР. Несмотря на то что значительная доля православных в начале XX в. имела лишь формальное отношение к Церкви, тем не менее не будет преувеличением утверждать, что авторитет церковных институтов и священнослужителей был по-прежнему велик. Воздействие на верующих производилось по нескольким направлениям, таким как антирелигиозная и антицерковная пропаганда, экономические методы подавления церковной жизнедеятельности, а также прямые репрессии.

Формы репрессивной политики для решения указанных задач в первый период были разнообразными. Так, репрессии, предпринимавшиеся властями через посредство органов ВЧК-ОГПУ, не во всех случаях предполагали лишение свободы. Одной из первых конституционно утвержденных репрессивных мер стало лишение избирательных прав для ряда категорий граждан, в которые попадали все служители культа, а также лица, прибегающие к наемному труду и торговцы, то есть зачастую именно те состоятельные прихожане, которые входили в состав приходских советов. Лишение избирательных прав как репрессивная норма

---

⁹¹⁹ Например: Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М., 2018. 480 с.

просуществовало до отмены в декабре 1936 г. с принятием новой «Сталинской» Конституции.

Еще одной репрессивной мерой, не связанной с лишением свободы, практиковавшейся в первый период, стала обязательная служба в тыловом ополчении, в том числе для лишенцев. Эта репрессивная мера в начале 1920-х гг. часто применялась к священнослужителям, что, с одной стороны, делало невозможным их служение на приходе, а с другой – было направлено на унижение их достоинства как пастырей, ибо служба в тыловом ополчении предполагала самый неквалифицированный труд на конюшне, на строительстве и пр. Однако, главной целью использования священников, в основном сельских, в тыловом ополчении было разрушение приходской молитвенной жизни, так как большинство сельских приходов в Московской губернии и в целом по РСФСР были однокомплектными.

Выразительной иллюстрацией того, как напряженно шел поиск форм и степени суровости репрессивных мер в отношении духовенства и мирян, является практика изменения первоначально вынесенных приговоров по церковным делам Московским и Московским губернским революционными трибуналами в 1918–1922 гг. Анализ приговоров показывает общую тенденцию их постепенного смягчения, в некоторых случаях – от высшей меры наказания до освобождения. При этом приведение в исполнение смертных приговоров обуславливалось не степенью «виновности» того или иного обвиняемого, а его «общественной опасностью» и предполагаемым эффектом, который должна была произвести его казнь. Благодаря такому подходу казни по решениям Революционных трибуналов производились либо сразу по вынесении приговоров, либо не производились вовсе. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в п. 3.2.2.

Репрессии в отношении «церковников», связанные с лишением свободы, в течение рассматриваемого периода претерпевали изменения. Для начала 1920-х гг. характерными были аресты и заключения под стражу священников (главным образом, но иногда и мирян) сроком на несколько недель (часто – на пять недель) с последующим освобождением. Формально это являлось судимостью, которая

впоследствии должна была быть отражена в материалах всех последующих дел. Однако на деле ее часто не упоминали, вероятно, считая малозначимым фактом.

Начиная с лета 1929 г. наблюдается взрывной рост дел, возбуждавшихся ОГПУ в отношении представителей духовенства, церковнослужителей, членов церковных советов и сотрудников приходов по ст. 58 УК РСФСР. Дела второй половины 1929 г. (некоторые заседания ОСО при коллегии ОГПУ по делам, возбужденным в 1929 г. проводились в самом начале 1930 г.) стали последними, в материалах которых главные причины преследований перечисленных категорий лиц если и не назывались открыто, то и не скрывались, что станет нормой уже начиная с 1930 г. В делах 1929 г. прямая связь между отношением обвиняемого к Церкви или членством в приходском совете и его контрреволюционной деятельностью не затушевывается, но и не подчеркивается. Практика по возможности полного исключения из материалов дел церковно-религиозного признака уголовного преследования только начинает формироваться, но сведения, по которым можно было бы связать инкриминируемые обвиняемым деяния с их деятельностью на приходе, начинают исчезать даже из резолютивной части обвинительных заключений. В это время перечень обвинений для священнослужителей, членов церковных советов и приходских работников был стандартным и довольно ограниченным, хотя в отдельных случаях обвинительные заключения и содержат такие экзотические для 1920-х гг. обвинения, как, например, экономический шпионаж⁹²⁰. Однако, как будет показано ниже, все подобные дела были направлены именно на дестабилизацию существования церковного прихода и, по возможности, на прекращение его деятельности с последующим закрытием храма.

Приводимые примеры иллюстрируют сказанное.

Арестованный в октябре 1929 г. диакон Никольского храма с. Жегалова (в материалах дела – Жигалова. – *В.Н.*) Щелковского района Московской области

---

⁹²⁰ Обвинительное заключение по делу № 843 по обвинению гр-н Зенина А.С., Зеленова Н.И., Бардыгина И.С. и Абмосова А.С. по ст. 58 п 6 УК РСФСР. 28 декабря 1929 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 54491. Л. 58, 58 об.

Фома Константинович Долгих был арестован и обвинен в том, что якобы вел среди крестьян антисоветскую агитацию, препятствующую успешному проведению мероприятий советской власти в деревне, затрагивая вопросы налогообложения и хлебозаготовок⁹²¹. В материалах дела его сан и положение на приходе были названы полностью, но в обвинительном заключении эта информация отсутствовала. 23 ноября 1929 г. постановлением ОСО при коллегии ОГПУ его заключили в концлагерь на три года⁹²². Однако арест и последующее осуждение диакона не привели к закрытию храма и распаду прихода. Храм оставался действующим еще 10 лет и был закрыт лишь в 1940 г. (по некоторым сведениям, в начале Великой Отечественной войны)⁹²³.

К числу следственных дел, где фактические причины ареста фигурантов еще назывались, но по обвинительному заключению вывод о них сделать было уже невозможно, относится дело псаломщика и членов церковного совета Воскресенского храма села Воскресенского Коломенского округа Московской губернии. По делу проходило несколько человек, и все они, за исключением псаломщика П.И. Левшина, названы в нем не по своему основному занятию – торговле, а по общественной деятельности в церковном совете местного храма. При этом обвинялись они в том, что, являясь бывшими торговцами и, будучи враждебно настроенными к советской власти, ожидая государственного переворота, агитировали на собраниях и повсюду против проводившихся советской властью мероприятий, как то: общественная косьба, колхозы, самообложение⁹²⁴. И только последним пунктом обвинения значилось, что все перечисленные лица воспрепятствовали передаче церкви государству. Имеются в

⁹²¹ Обвинительное заключение по делу по обвинению Долгих Ф.К. по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. 9 ноября 1929 г. // Г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51862. Л. 16, 16 об.

⁹²² Выписка из протокола Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 23 ноября 1929 г. по делу Долгих Ф.К. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51862. Л. 17.

⁹²³ Никольский храм с. Жегалова. [Электронный ресурс]. URL: <http://svtnik-zhegalovo.cerkov.ru/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения 12.10.2023).

⁹²⁴ Обвинительное заключение о гр-нах Молодкине Василии Прокофьевиче, Левшине Петре Ивановиче, Волкове Иване Михайловиче и Молодкине Николае Васильевиче, обвиняемых по 58-10 ст. УК. 28 декабря 1929 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49460. Л. 85-86 об.

деле сведения о том, что благодаря их агитации общественная косьба не состоялась, беднота, подпав под их влияние, в колхоз записывалась мало, самообложение провели только на 25% и каждое мероприятие Советской власти производилось с трудом⁹²⁵. О закрытии храма, которое состоялось, несмотря на сопротивление церковников, не говорилось ни слова. Показательным был и приговор, согласно которому двое обвиняемых – псаломщик Левшин и председатель церковного совета Василий Молодкин – были высланы на три года, а рядовые члены совета Волков и Николай Молодкин – лишены свободы на три месяца⁹²⁶. Однако главная цель всего дела – закрытие храма и распад прихода – была достигнута.

Укажем на еще одну особенность, характерную для государственной репрессивной политики в отношении «церковников» первого периода. Рост числа следственных дел по церковно-религиозному признаку, возбужденных на рубеже 1920–1930-х гг., стал причиной своеобразной «специализации» сотрудников ОГПУ по конфессиональной принадлежности обвиняемых. Так, например, рассматривая дела священников и начетчиков нескольких старообрядческих общин Подмосковья 1929 г.⁹²⁷, мы неоднократно встречаем имя одного и того же сотрудника «Секретного отделения Московского Окротдела ОГПУ», который в течение нескольких месяцев вел дела представителей окружных и неокружных общин, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. В сентябре 1929 г. он вел дело начетчика чулковской окружной⁹²⁸ общины Дмитрия Григорьевича Титова, рассмотрев материалы которого нашел, что вышеуказанный гр-н Титов Д.Г. замечен в систематической злостной антисоветской агитации и

---

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Выписка из протокола Особого Сопещания при коллегии ОГПУ от 23 февраля 1930 г. по делу Молодкина В.П. и др. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49460. Л. 90.

⁹²⁷ Михайлов С.С. Из истории старообрядцев–неокружников на территории Московской области в 1940–1950-х гг. // Богородское краеведение [Электронный ресурс]. URL: tps://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/33_neokrujniki.html (дата обращения: 10.06.2020).

⁹²⁸ Агеева Е.А. Окружное послание // Всемирная история [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/okruzhoie_poslaniie (дата обращения: 10.06.2020).

призыве к восстанию против Соввласти⁹²⁹. В случае с начетчиком Д.Г. Титовым в материалах дела род его занятий не скрывался, и он назывался то дьячком, то более обтекаемо – служителем культа. В деле имеются показания свидетелей, которые утверждали, что Титов среди крестьян в чайной вел антисоветскую агитацию, чем тормозил дело строительства колхоза и общее развитие, подрывал работу комсомольской организации, «занимался шинкарством» (производством и продажей алкоголя. – *В.Н.*)⁹³⁰. Один из свидетелей показал, что дьячка Титова знает, что он человек антисоветский, в особенности, когда выпьет, конкретных высказываний его не помнит, но утверждает, что Титов действительно мешает делу строительства в деревне, а после его ареста деревня действительно чувствует себя лучше и считает арест правильным⁹³¹. В обвинительном заключении эти показания были обобщены и сформулированы таким образом, что Титов занимался систематической антисоветской агитацией и доходил до призывов к свержению Советской власти, в чем в достаточной степени изобличается⁹³². Особое совещание при коллегии ОГПУ по делу Дмитрия Григорьевича Титова состоялось 23 ноября 1929 г. Он был осужден к типовому для того времени наказанию – высылке в Северный край сроком на три года⁹³³.

Удаление на столь долгий срок начетчика было тяжелым ударом для прихода. В деле о перерегистрации Чулковской Михаило-Архангельской окружнической старообрядческой общины 1926 г., в разделе о священно- и церковнослужителях, указаны всего два имени: священника Зотика Илларионовича Евстигнеева 64 лет и начетчика Дмитрия Григорьевича Титова, которому в ту пору было 42 года⁹³⁴. Понятие «начетчик» в старообрядчестве означало начитанного человека, знатока Священного Писания и чинопоследования древлеправославного богослужения, допущенного к чтению священных текстов в церкви или на дому у верующих.

---

⁹²⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 1.

⁹³⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 9–10.

⁹³¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 9–10.

⁹³² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 22, 23.

⁹³³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 24.

⁹³⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 78. Л. <неразб.>.

Начетчик, как правило мирянин, был, кроме всего прочего, весьма уважаемым человеком. Лишение общины такого члена может рассматриваться как удар по ее дальнейшему существованию.

Тремя месяцами позднее тот же следователь ОГПУ вел дело священноиерея неокружнической старообрядческой общины Евфимия Кононовича Власова, по некоторым сведениям⁹³⁵, на момент ареста служившего в моленной д. Лукерьино Коломенского уезда. 30 декабря 1929 г. уполномоченным Секретного отделения Московского Окротдела ОГПУ был рассмотрен материал на гр-на Власова Евфимия⁹³⁶. Свидетели в своих показаниях ограничивались общими фразами, отзываясь о священноиерее Евфимии как о человеке, настроенном антисоветски, правда, ведущем свою агитацию «при закрытых дверях», который якобы выступал против колхозов и участия в займе⁹³⁷, а также высказывался против посещения избы-читальни⁹³⁸. Примечательно, что показания про избы-читальню принадлежали местному избачу. В обвинительном заключении говорилось, что, хотя сам Е.К. Власов показал, что никогда антисоветской агитации нигде не вел и вообще от разговоров с кем бы то ни было на политические темы воздерживался, факт того, что он отговаривал верующих от вступления в колхоз, «так как там все помрут с голоду и получат антихристову печать», следствием был установлен⁹³⁹.

10 мая 1930 г. состоялось заседание тройки при ПП ОГПУ Московской области, на котором отец Евфимий был приговорен к ссылке в Северный Край сроком на три года⁹⁴⁰, после чего неокружническая община, где он служил, прекратила свое существование.

Рубеж 1920–1930-х гг. стал периодом активного развития колхозного движения, которое не пользовалось поддержкой населения. Обвинения в

---

⁹³⁵ Архив Митрополии РПСЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 686. Л.2.

⁹³⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45678. Л. 1.

⁹³⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45678. Л. 10–11об.

⁹³⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45678. Л. 12–13.

⁹³⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45678. Л. 15.

⁹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45678. Л. 16.

сопротивлении колхозному строительству становятся наиболее частыми в следственных делах служителей культа, приходских работников и членов церковных советов. Одновременно с обвинениями в противодействии колхозному строительству в материалах дел встречаются, хотя и значительно реже, обвинения служителей культа в сопротивлении закрытию храмов и запрещению колокольного звона. Все эти действия квалифицируются как контрреволюционные и рассматриваются в рамках политической 58-й статьи Уголовного кодекса. Стандартное наказание до 1934 г., которое определяла Коллегия ОГПУ, – три года высылки. Для многих «церковников» уголовное преследование начала 1930-х гг. становится вторым и даже третьим по счету, если первым считать лишение избирательных прав, а вторым – кратковременное заключение в начале 1920-х гг.

Своего рода оценка очередного витка гонений на Церковь, начавшегося в 1929 г., дается в 1932 г. в сборнике «Воинствующее безбожие СССР», где декларировалось, что количественно «черная рать православного поповства значительно оскудела», однако это количественное уменьшение не только не ослабило церковной организации, а ожесточило⁹⁴¹. Несмотря на то, что эта характеристика отражала официальную точку зрения, не во всем соответствовавшую реальному положению дел, в целом с ней можно согласиться. Главным образом в той части, где говорилось о том, что именно этот период характеризовался лавинообразным закрытием храмов и прекращением деятельности множества приходов, а также резко возросшим числом арестов среди духовенства и мирян, открыто исповедовавших свои религиозные убеждения.

Подводя итоги первого периода репрессий в отношении приходского духовенства, членов церковных советов, сотрудников приходов и верующих, следует отметить, что он характеризовался поиском форм воздействия на «церковников». Репрессии не всегда были связаны с лишением свободы, но предполагали и иные формы воздействия, такие как лишение избирательных прав

---

⁹⁴¹ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 138.

и обязательность службы в тыловом ополчении. Кроме того, в этот период начинает складываться система репрессивных мер, которая получит развитие в дальнейшем, включавшая в себя такие формы, как тюремное заключение, высылка, ссылка и высшая мера наказания.

Важно подчеркнуть, что начиная с рубежа 1910–1920-х гг. происходит формирование советской репрессивной системы, направленной не только на подавление любой контрреволюционной деятельности и инакомыслия, но и на все более усиливавшийся контроль. При этом гражданин, единожды попавший в поле зрения органов ВЧК-ОГПУ, оставался в нем пожизненно. В это время зарождалась цепь последовательных репрессий, которую можно проследить до 1950-х гг. Для «церковников» она начиналась с лишения избирательных прав и последующих арестов, связанных с различными внутри- или внешнеполитическими событиями.

В 1920-х гг. шел поиск форм организации существования Церкви в советском государстве. Осуществлялись попытки внедрения различных форм и методов подавления Церкви и религиозной жизни. Некоторые из них (практика смягчения первоначально суровых, вплоть до смертной казни, приговоров Революционных трибуналов, кратковременного – на несколько недель – заключения под стражу, рассмотрения ходатайств прихожан и пр.) в правовом поле не приживались, некоторые (практика, при которой подлинные мотивы репрессий в следственных делах скрывались под общими определениями, репрессии против «церковников» в связи с общегосударственными кампаниями и пр.), напротив, становились все более востребованными и применялись в прежних формах, но с ужесточением наказания. К началу второго периода советской репрессивной политики в отношении Церкви и «церковников» основные формы и методы ее реализации были определены, а их номенклатура сократилась.

Второй период репрессивной политики СССР в отношении служителей культа и верующих связан с деятельностью Народного комиссариата внутренних дел 1934–1946 гг., основной задачей которого было обеспечение революционного

порядка и государственной безопасности⁹⁴². Священнослужители, верующие и Церковь в эклисиологическом смысле, понимаемая как собрание, в советском государстве воспринимались как самая многочисленная социально чуждая группа населения. По сути, это мнение не было беспочвенным, ибо коммунистические идеи и, главное, то, как они претворялись в жизнь большевиками, не имеют ничего общего с христианским пониманием мироустройства.

Репрессии в отношении «церковников» второго периода начались с резкого увеличения числа их арестов после убийства в декабре 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова. Начало нового витка репрессий фактически было положено Постановлением ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов»⁹⁴³, принятым в день убийства. Несмотря на то, что обвинять духовенство и верующих в причастности к случившемуся было невозможно, оно прямым образом отразилось на их преследованиях. Находясь в положении социальных изгоев, служители культа и верующие обвинялись во всех неудачах и проблемах, с которыми сталкивались власти. Уже с конца 1934 г. в обвинительных заключениях «церковников» встречаются обвинения в том, что они якобы поддерживали убийц Кирова. Такие обвинения было невозможно доказать, но одновременно трудно их было опровергнуть, так как отличительной чертой следствия, проводившегося сотрудниками НКВД, с этого времени становится использования «дежурных» свидетелей, показывавших то, что требовал от них следователь. В дальнейшем такой прием станет использоваться повсеместно.

Второй период государственной репрессивной политики характеризуется формированием образа «врага народа», которого следует сторониться, опасаться и которому не следует оказывать поддержку. Согласно этим искусственно насаждавшимся представлениям, некто, даже единожды осужденный по

---

⁹⁴² Постановление ЦИК СССР «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних дел». 10 июля 1934 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/39060> (дата обращения: 31.08.2023).

⁹⁴³ Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/60107> (дата обращения: 11.02.2023).

политической статье, не мог считаться полноправным членом общества, которое должно его сторониться. Такие представления не есть продукт периода Большого террора – они создавались за несколько лет до его начала. Выразительным примером является корпус следственных дел, возбужденных НКВД против духовенства и мирян, помогавших возвращавшимся в 1934–1935 гг. из ссылок после отбытия ими стандартного трехлетнего срока. Выявление и репрессии в отношении тех, кто оказывал поддержку ссыльным, – характерная черта деятельности НКВД середины 1930-х гг.

Особое внимание органы НКВД обращали на деятельность так называемых катакомбных церквей, которые имели место по всей территории СССР и в Московской области они тоже присутствовали. Как правило, члены таких религиозных образований, по тем или иным причинам отвергая соглашательскую, в их понимании, позицию господствующей Церкви по отношению к властям, уходили из-под ее окормления. Невозможность контроля таких религиозных групп неизбежно делала их мишенью для репрессий со стороны органов НКВД. Принадлежность к катакомбным религиозным объединениям в рассматриваемый период становится одним из пунктов обвинений.

Период Большого террора 1937–1938 гг. характеризовался лавинообразным ростом репрессий в отношении ряда категорий граждан, в числе которых были «сектантские активисты и церковники»⁹⁴⁴. Очевидно, что такая неопределенная формулировка позволяла распространить действие секретного приказа НКВД СССР № 00762 практически на любого верующего и даже не имевшего никакого отношения к Церкви. В этот период репрессиям по церковно-религиозному признаку было подвергнуто наибольшее число служителей культа и мирян.

Наступившая вслед за Большим террором «бериевская амнистия» не затронула репрессированных «церковников» Московской области, однако

---

⁹⁴⁴ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/36068> (дата обращения: 15.02.2023).

преследования служителей культа и верующих резко сократились. Утверждать, что они прекратились полностью, невозможно, но дел, возбужденных по церковно-религиозному признаку в Московской области после 1938 г., автору встречать не приходилось.

Третий период репрессивной политики СССР против духовенства и верующих связан с деятельностью образованного в 1946 г. Министерства государственной безопасности СССР, а с 1954 г. – Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Уже с момента образования МГБ в 1946 г. в Московской области фиксируется выраженный рост преследований «церковников». Характерными обвинениями арестованных в 1946 г. стали принадлежность к катакомбным религиозным объединениям, главным образом – к «истинно-православной церкви» (ИПЦ), и так называемым «церковно-монархическим центром». Обвиняемые отрицали существование таких центров, что же касается ИПЦ, то никто из обвиняемых не сознался в каком-либо отношении к таковой, но факт ее существования ими не отрицался.

Принципиальным отличием ведения следствия сотрудниками МГБ от деятельности их коллег из НКВД (хотя зачастую это были одни и те же люди) было относительно корректное обращение с подследственными. По многочисленным свидетельствам очевидцев, отразившимся в мемуарной литературе, законодательно запрещенные методы ведения следствия применялись и в послевоенное время⁹⁴⁵, но, судя по протоколам допросов, изменения в работе следователя с арестованным произошли существенные. Прежде всего, допросов стало больше, а протоколы были более подробными. В них появилась внутренняя логика, а в некоторых случаях можно обнаружить даже попытки следователей разобраться в ситуации. При этом общее направление следственных действий продолжало оставаться обвинительным. Примечательно, что возможность (или требование) более подробного ведения протоколов допросов, иногда приводила к

---

⁹⁴⁵ Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! – СПб., 2010. 383 с.; Ремизов В.В. Вечная мерзлота. М., 2021. 848 с.; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 2019. 1280 с.

странным казусам. Так, следователь, проводивший допрос священника Николая Харьюзова в 1949 г., занес в протокол фразу о том, что последний является «повторником» и уже на этом основании все равно будет осужден⁹⁴⁶.

В 1940–1950-х гг. продолжала сохраняться практика репрессирования тех, кто прежде был осужден по политическим статьям. Собственно, термин «повторник», который почти не используется в специальной литературе, но часто встречается в мемуарах, родился именно в те годы. Аресты «повторников», начинаются в 1949 г. и продолжаются до 1951–1953 гг. Среди священнослужителей и мирян они были нередким явлением.

Приговоры продолжают оставаться суровыми. Обычным для лиц, осужденных по церковно-религиозному признаку, остается 10-летний срок заключения в ИТЛ, хотя встречаются и более мягкие приговоры. Выраженной становится тенденция, когда за действительно совершенное преступление приговор выносился более мягкий, нежели по надуманному обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации.

Особенностью репрессивной политики 1946–1958 гг. стала реакция КГБ при СМ СССР на изменения, происходившие в стране в отношении репрессированных и приговоренных к высшей мере наказания. В 1955 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР утвердил директиву «О порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания»⁹⁴⁷, согласно которой родственникам расстрелянных в 1920–1950-х гг. следовало выдавать справки, в которых в качестве причины смерти указывался бы не расстрел, а болезнь, якобы случившаяся с заключенным в лагере или в тюрьме. Директива предписывала отделам ЗАГС составлять ложные свидетельства о смерти, где эта информация была бы указана. Эти справки, как и переписка по вопросам их составления, сохранились в архивно-следственных делах. Указанный

---

⁹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 60 об.

⁹⁴⁷ Директива Председателя КГБ при Совете Министров СССР о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания. 24 августа 1955 г. № 108 сс. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–117. Цит. по: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. С. 254–255.

факт характеризует государственную политику в отношении осужденных по ст. 58 УК как репрессивную даже в период начавшейся «оттепели».

Советское законодательство, определявшее отношения государства и Церкви, строилось на формально декларируемом праве гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Это право, впервые заявленное в Декрете «Об отделении церкви от государства», в дальнейшем было закреплено в ст. 13 первой российской Конституции 1918 г.⁹⁴⁸. На протяжении всего существования СССР оно формально сохранялось за всеми его гражданами. Такое положение дел, очевидно, предполагало отсутствие репрессий по исповедному признаку, но при этом Церковь и верующие начиная с первых послереволюционных лет воспринимались властями как лица, находившиеся в оппозиции к действующему режиму. Это создавало почву для противоречия, когда, с одной стороны, любая оппозиция в советском государстве должна была подавляться, но, с другой, преследования по вероисповедному признаку формально были невозможны, согласно Конституции. Попыткой выхода из этого противоречия и стала использовавшаяся с 1920-х гг. практика искажения оснований преследований по религиозному признаку.

Задачу борьбы с Церковью методами прямых репрессий и поиска их форм, стоявшую перед советским государством с первых лет его существования, можно представить как совокупность усилий по выявлению потенциально опасных «церковников» и одновременно по формированию представлений о том, что репрессиям они подверглись по любым причинам, кроме своей принадлежности к Церкви. При попытке формулирования критериев для определения круга лиц, подвергавшихся репрессиям в 1918–1958 гг. по церковно-религиозному признаку на уровне прихода, исследователь неизбежно сталкивается с трудностями, обусловленными несоответствием норм советского законодательства реальным

---

⁹⁴⁸ Конституция (Основной закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Цит. по: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 244.

практикам уголовного и административного преследования верующих и духовенства.

Это в значительной степени усложняет, а некоторых случаях делает невозможным установление подлинных причин репрессий в отношении того или иного человека, так как в следственных материалах практически не встречается обвинений, напрямую связанных с открытым исповеданием своей веры или защитой Церкви от нападков на нее со стороны большевиков.

Приговоры в отношении духовенства, членов церковных советов и сотрудников приходов по ст. 58 УК практически невозможно отличить от аналогичных приговоров по той же статье другим категориям граждан СССР. Постепенно происходит исключение из материалов дел сведений о связи осужденных с Церковью. Даже если дело возбуждалось в отношении священно- или церковнослужителя, скрыть основную деятельность которого было невозможно, в обвинительных заключениях далеко не всегда удается обнаружить, что инкриминируемые ему преступления он совершал в связи со своим саном или с целью защиты конкретного храма, прихода или Церкви в целом.

Однако совокупность материалов, отложившихся в различных архивах, эту проблему отчасти позволяет решить. Так, сопоставление списков членов церковных советов, «двадцаток», имеющих во всех делах о перерегистрации церковных общин 1920-х гг., с именами осужденных в начале 1930-х гг. обнаруживает устойчивую корреляцию, при том что среди рядовых прихожан, подписывавших заявления общины о продлении очередного срока аренды храма и имущества, такая зависимость практически отсутствует или, во всяком случае, выражена не так сильно. Это же относится к лишенным избирательных прав по церковно-религиозному признаку. Те, кто был лишенцем на этом основании в 1920-х гг., имели большую вероятность оказаться в числе репрессированных в 1930-х гг. При выявлении дел по указанным основаниям, несмотря на то что по обвинительным заключениям сделать вывод о наличии преследований на религиозной почве невозможно, в материалах практически всегда обнаруживаются сведения о работе обвиняемого в церковном приходе или о том, что он был в числе

активных прихожан.

Обвинения «церковников» в абсолютном своем большинстве содержат типовые для различных периодов формулировки, в которых отсутствуют или искажены истинные мотивы административного или уголовного преследования. Так, в период массовой коллективизации в числе репрессированных и высылаемых на стандартные три года на основании обвинений о сопротивлении колхозному строительству определенную долю составляли священно- и церковнослужители, а также члены церковных советов и просто верующие, занимавшие активную процерковную позицию, но выделить их в обособленную группу только по материалам следственного дела часто бывает невозможно. Приблизиться к пониманию того, почему конкретный гражданин оказался в сфере внимания органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ, можно, лишь имея представление о том, кто и по каким причинам входил в ту или иную «группу риска». «Церковники», несомненно, такой группой являлись. Среди двух относительно зажиточных крестьян один мог быть арестован лишь потому, что прежде состоял членом церковного совета, а другой мог ареста избежать, так как в приходской жизни не участвовал. Обвинительные заключения в следственных делах периода Большого террора условных рабочего, крестьянина и инженера могли быть одинаковыми: вел активную контрреволюционную деятельность и высказывал террористические настроения против вождей партии и правительства⁹⁴⁹, но только один из них репрессировался по причине того, что являлся «активным церковником». Выяснить, что именно давало основания советским спецслужбам зачислить его в эту категорию, – задача настоящего параграфа.

Признаки, по которым власти выявляли «церковников» для последующих репрессий, позволяют определить интересующие нас группы:

- Духовенство и церковнослужители
- Сотрудники приходов

---

⁹⁴⁹ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4. Быковская волость. Гжель, 2019. С. 728.

- Члены приходских церковных советов
- Бывшие члены православных объединений
- Активные миряне

Начать следует с духовенства, социальная чуждость которого была официально зафиксирована в первой Конституции РСФСР 1918 г., где оно лишалось избирательного права наряду с лицами, живущими на нетрудовые доходы, бывшими агентами полиции и жандармерии, членами императорской фамилии, душевнобольными и умалишенными⁹⁵⁰. Оказавшись в числе лишенцев, гражданин навсегда попадал в сферу внимания органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ и в дальнейшем, как правило, оказывался репрессированным, часто неоднократно. Наличие духовного сана является критерием настолько очевидным, что, знакомясь практически с любым следственным делом священнослужителей в 1918–1958 гг., за редким исключением⁹⁵¹, можно уверенно говорить о его церковно-религиозной ангажированности, даже если они обвинялись не по 58-й политической статье, а по другим статьям Уголовного кодекса.

Однако не одно только духовенство являлось носителем чуждого советской власти религиозного мировоззрения. Для выявления таких лиц успешно использовалась введенная в 1922 г. обязательная регистрация религиозных обществ⁹⁵². В § 1.2 был описан набор документов, необходимых для этой ежегодно проводившейся процедуры, в числе которых были списки служителей культа, членов церковного совета и наиболее активных прихожан, подписывавших заявление о перерегистрации. Отметим, что, если до революции в официальных документах существовало четкое разграничение понятий «священнослужитель» и «церковнослужитель», то после революции все, относившиеся к этим обеим

---

⁹⁵⁰ Конституция (Основной закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Цит. по: Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 257.

⁹⁵¹ Например: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 41491.

⁹⁵² Никонов В.В. Материалы дел о перерегистрации религиозных обществ как источник по истории приходской жизни 1920-х годов. // Московские епархиальные ведомости. 2020. № 12. С. 104–113.

профессиональным группам лица, то есть духовенство всех трех степеней священства, а также псаломщики и пономари, стали фигурировать под общим именованием «служители культа». Псаломщиками и пономарями являлись миряне, участвовавшие в богослужениях и выполнявшие вспомогательные функции. При этом они могли числиться штатными сотрудниками прихода, а могли по документам оставаться крестьянами. Однако обязательное внесение их имен в списки служителей культа при оформлении дела о регистрации религиозных обществ ставило их в один ряд с духовенством, что влекло за собой автоматическое лишение избирательных прав.

Сотрудники приходов также составляли уязвимую для возможных репрессий группу. В нее входили все, получавшие заработную плату от приходских сумм. Это были просвирни, уборщицы, регенты, сторожа, истопники, дворники и пр. Многие перечисленные обязанности, особенно в небольших сельских приходах, выполняли один или два человека. Очевидно, что репрессировались они не за приходскую деятельность, но именно работа на приходе была главной причиной преследований. Например, в Богоявленском приходе московского района Дорогомилова по надуманным обвинениям в распространении запрещенной литературы были арестованы одновременно регент и певчий церковного хора⁹⁵³.

На селе работу в приходах крестьяне, как правило, совмещали с основной деятельностью. Начальство за этим следило и, пока работник выполнял свои обязанности исправно, на его работу в церкви смотрели «сквозь пальцы». Но стоило допустить какую-либо оплошность или просто войти в конфликт с руководством, дело моментально приобретало политический контекст и нередко заканчивалось уголовным сроком. В материалах следственного дела 1935 г. содержится материал на кладовщика колхоза «Красная Слобода» Чечиленкова, про которого выяснилось, что, помимо работы в колхозе, он регентует в местном храме. Сразу же в его характеристике появляется запись о том, что человек он ехидный, антисоветски настроенный, а 7-го января с/г (Рождество Христово. – В.Н.)

---

⁹⁵³ Дело по обвинению Бойкова А.С., Конорева В.Д. по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009.

«отказался отправлять овес государству в счет натурплаты МТС» и отказался идти в хранилище, где была угроза в замерзании картофеля, а пошел регентовать в церковь⁹⁵⁴. Позже выяснилось, что в этом же колхозе на скотном дворе работает конюхом некто Злодоров, бывший церковный звонарь, вследствие чего скотный двор оказался чрезмерно перегруженным, так как в нем помещаются лошади, коровы, телята и свиньи, а правильной организации расстановки сил нет⁹⁵⁵. Очевидно, что такой информации вполне было достаточно, чтобы организовать полномасштабное дело против «церковников-вредителей», однако именно в данном случае этого сделано не было⁹⁵⁶.

Трагической была судьба церковного регента Тихвинского храма села Саларьева Кунцевского района Московской области Ивана Александровича Потапова. Согласно показаниям свидетеля по его делу, с 1920 по 1930 г. он исполнял обязанности дьячка⁹⁵⁷ саларьевской церкви, причем совмещал эту деятельность с работой на производстве. Был убежденным церковником. В 1925–1926 гг. его просили руководить местным хором, но он категорически отказался по своим религиозным убеждениям⁹⁵⁸. Иными словами, Потапову предлагали принимать участие в советских спевках, но он проявил твердость и не стал поддерживать новое революционное искусство. Примечательно, что сам он описывает эти события так: «В 1921 году я снял в аренду в дер. Саларьево дом 8×8 аршин⁹⁵⁹ и двор 8×7 аршин дер<евянные>. Арендовал <я> этот дом у церковного Совета на условиях, чтобы я управлял церковным хором, где я принимал участие с 1921 по 1926 год. Кроме дома, я имел корову. Др<угой> собственности не имел». Лишался избирательных прав за то, что был руководителем церковного хора. В

⁹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1006. Л. 21–23.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ Никонов В.В., Жданович С.А., иер. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 5. Мячковская и Чулковская волости. Гжель, 2021. С. 157.

⁹⁵⁷ Старое название должности псаломщика.

⁹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-69063. Л. 15–16 об.

⁹⁵⁹ Аршин составляет примерно 0,71 м. Таким образом, дом, который арендовал И.А. Потапов, имел размеры примерно 5,6×5,6 м.

1927 г. в правах голоса был восстановлен, после чего периодически на большие церковные праздники пел в храме⁹⁶⁰. С момента лишения избирательных прав за работу на приходе И.А. Потапов навсегда оказывается под прицелом органов ОГПУ-НКВД, и после серии преследований в декабре 1937 г. тройкой при УНКВД СССР по Московской области он был осужден на 8 лет лагерей. Усилия, предпринятые его родственниками, по выяснению дальнейшей судьбы И.А. Потапова остались безрезультатными⁹⁶¹.

Отдельную группу лиц, находившихся под пристальным вниманием со стороны советских органов, составляли *члены приходских церковных советов*. Поименные списки членов церковного совета были обязательной частью любого дела о регистрации религиозной общины. Часто ими были потомственные фабриканты, торговцы, промышленники, чей капитал сформировался еще до революции. Их членство в приходских советах часто также было потомственным. Иногда сразу несколько представителей одной фамилии оказывалось в церковном совете храма, иногда – двух или трех соседних. Их участие в жизни прихода выражалось не только в прямой экономической поддержке. Востребована была и их хозяйственная хватка, и связи в деловых кругах, и обширные знакомства на уровне уездной и губернской администрации. Разумеется, что после революции многие старые связи были разорваны, но нередкими были случаи, когда и после победы большевиков прежние хозяева вновь становились руководителями своих бывших предприятий, и там, где еще не все оказывалось разрушенным, вновь начинала выстраиваться экономически эффективная деятельность. К руководству возвращались прежние управляющие, а в некоторых случаях и бывшие хозяева. Например, так случилось с С.И. Качинкиным, владельцем гончарного предприятия в гжельской деревне Фенино. Человек он был незаурядный и быстро

---

⁹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-69063. Л. 32, 32 об.

⁹⁶¹ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 6. Рождественская волость. Гжель, 2022. С. 147–189.

сориентировался в новых условиях: в 1919 г. он добровольно передал свое предприятие государству, после чего сразу же был назначен его директором⁹⁶².

Анализ большого массива следственных дел лиц, репрессированных по признаку принадлежности к Церкви и открытого исповедания своей веры, позволяет выявить не только отдельных пострадавших за свои религиозные убеждения, но также целые группы подвергшихся преследованию по религиозному признаку, одной из которых являлись члены церковных советов. Исследование обстоятельств дел, возбуждавшихся в отношении этой категории верующих, позволяет говорить о том, что все они подвергались репрессиям исключительно в силу своей активной процерковной позиции, так как в 1920-х гг. стать членом церковного совета означало поставить себя в весьма уязвимое положение. Рассмотрение материалов следственных дел с учетом сказанного позволяет выявить истинные мотивы репрессий в отношении верующих.

Для историка списки членов церковных советов являются ценным источником информации для понимания особенностей приходской жизни в СССР в довоенный период, так как дальнейшая судьба их членов позволяет рассмотреть механизмы антицерковной государственной политики с точки зрения преследования верующих по признаку их участия в деятельности прихода. Многие из них в 1920–1930-х гг. подвергались арестам, иногда не по одному разу, причем, даже если в большинстве случаев им инкриминировалась антисоветская деятельность или контрреволюционные высказывания, главная причина, несомненно, лежала именно в их членстве в приходских церковных советах.

Типичным для 1929 г. стало дело братьев Трофима и Ильи Погодиных, членов церковного совета Покровского храма села Боршева Бронницкого уезда Московской губернии, обвиняемых в отказе сдавать «излишки» хлеба, агитации за неспасение хлеба среди других единоличников и угрозах председателю сельсовета и члену волостной комиссии по обложению сельхозналогом. Оба брата с дореволюционных времен занимались извозом и имели несколько лошадей. В

---

⁹⁶² Никонов В.В., Илькевич Б.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель, 2014. С. 191.

течение 1920-х гг. дело постепенно сокращалось, но хозяйство братьев по-прежнему оценивалось как крепкое. После выхода Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях» 1929 г. на братьев обратила внимание специально созданная Комиссия по выявлению хлебных излишков, которая установила, что по площади земельного надела и количеству едоков у Погодина Трофима Федоровича имеется излишек ржи в размере сорока пяти пудов, а у его брата Погодина Ильи Федоровича – в размере пятнадцати пудов⁹⁶³. Комиссия, предложив Погодиным в 3-дневный срок сдать излишки ржи, приступила к выяснению социального и материального положения братьев и выяснила, что Трофим Погодин еще до революции состоял церковным старостой местной Воскресенской церкви и к 1929 г. продолжал занимать эту должность, а другие члены семьи входили в состав приходского совета этого храма. Все, что, казалось бы, должно было интересовать налоговую комиссию в первую очередь, сообщается походя и уже после этого факта. Это выразительно показывает, что именно в биографии Трофима Погодина стало определяющим для советских органов. Далее в обвинительном заключении следовал длинный перечень преступлений братьев Погодиных, ни одно из которых к членству в приходском совете отношения не имело. За них они и были осуждены ОСО при Коллегии ОГПУ. Причем Трофим Погодин получил стандартные для того периода три года высылки, а прочие – по четыре месяца⁹⁶⁴. Триггером к возбуждению дела, как видно из материалов его материалов, стало участие Погодиных в работе на приходе.

Не только активное участие в жизни прихода являлось маркером для советских спецслужб при определении очередной жертвы. Гражданин мог не быть церковнослужителем, членом церковного совета и не числиться сотрудником прихода, но находиться в поле зрения советских репрессивных органов как «церковник» по причине *своей приходской деятельности до революции*. Подобно

---

⁹⁶³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-15998. Л. 92–97.

⁹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 46622. Л. 399–399 об

тому, как большевики недоверчиво относились к так называемым «бывшим»⁹⁶⁵, они видели опасность в тех, кто не скрывал свою веру и манифестировал ее, состоя в каких-либо дореволюционных православных объединениях. Такими объединениями были как радикальные Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и Русский монархический союз, так и нейтральные Общества хоругвеносцев и всевозможные братства. Членство в такого рода союзах было дополнительным фактором риска для граждан СССР даже по прошествии десятилетий. В середине 1930-х гг. репрессиям подверглись бывшие члены Общества хоругвеносцев села Загорнова Раменского района Московской области.

В начале XX в. Общества хоругвеносцев стали организовываться повсеместно, и в 1906 г. был даже разработан типовой Устав, в который, чтобы зарегистрировать общество, достаточно было вписать свои координаты. Такие Уставы сохранились в архивах многих храмов, а упоминания о том, что при храме в начале XX в. Общество хоругвеносцев существовало, встречаются в архивных делах повсеместно. Наличие Обществ хоругвеносцев сближало приходы и, по свидетельству очевидцев, консолидировало верующих в каждом отдельном приходе⁹⁶⁶.

Разумеется, после революции все Общества хоругвеносцев прекратили свою деятельность и на этом основании были распущены. По прошествии 15 лет после революции, когда Общества хоругвеносцев были расформированы, память о них как об одном из приходообразующих факторов в Загорнове, несомненно, сохранялась. Это не могло укрыться от местного отделения ОГПУ. Поэтому, когда в 1932 г. власти обратили внимание на многочисленный и сплоченный загорновский приход, тот факт, что его костяком продолжали оставаться бывшие хоругвеносцы, привлек особое внимание.

---

⁹⁶⁵ «Бывшие», или «бывшие люди», – термин, использовавшийся для определения тех, кто после 1917 г. потерял свой социальный статус: аристократия, офицерство, духовенство, купечество и пр.

⁹⁶⁶ Дело по прошению прихожан и старосты Михаило-Архангельской погоста Дорки, Бронницкого уезда, церкви об открытии при оной Общества хоругвеносцев // ЦГА. г. Москвы. Ф. 203. Оп. 548. Д. 30.

В январе 1933 г. за то, что якобы на протяжении ряда лет занимались антисоветской агитацией, направленной на срыв хозяйственных и политических кампаний, проводившихся Соввластью на селе, и готовили совершение террористического акта путем «совершения убийства коммунистов на селе»⁹⁶⁷, к трехлетним срокам высылки и заключения были осуждены представители духовенства и приходского актива Михаило-Архангельского храма. Единственным, кто был осужден на пять лет высылки, стал настоятель этого храма священник Алексей Скворцов. В материалах дела содержится более подробное описание того, чему противодействовала «кулацко-зажиточная часть деревни», действовавшая под руководством «местного попа Скворцова». Помимо антисоветской агитации и террористических планов, их действия были направлены против коллективизации, хлебозаготовок, займов и пр. Все осужденные, кроме священника, оказались кулаками и членами семей кулаков, некоторые входили в состав приходского совета. Однако, помимо этого обстоятельства, был еще один объединяющий фактор: все они до революции состояли членами местного Общества хоругвеносцев. То, что именно этот факт стал одним из решающих при определении причины репрессий, подтверждает наличие в архивно-следственном деле 1932–1933 г. устава Загорновского Общества хоругвеносцев.

Следует отметить, что предпринятая атака на приход с целью его разобщения имела успех лишь отчасти. С одной стороны, некоторые высланные, возвратившись, уже не становились членами приходского совета, а некоторые вообще из ссылки не вернулись. В этом смысле прежде сплоченный приход был существенно ослаблен. Но, несмотря на события 1932–1933 гг., а также на репрессии, которые имели место в Загорнове, в 1937 г. Михаило-Архангельский храм закрыт не был. Таким образом, главная цель репрессивной антиприходской политики в этом приходе достигнута не была.

Другую группу лиц, подвергавшихся разного рода репрессиям по церковно-религиозному признаку, можно определить, как *активных мирян*. Ее составляли

---

⁹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78256. Л. 103–113.

прихожане, не являвшиеся ни членами церковных советов, ни сотрудниками храмов, но составлявшие костяк общины. Наиболее ревностные из них становились членами «двадцаток», то есть группой инициативных граждан, объединившихся для регистрации религиозного общества (или группы в малочисленных приходах). Помимо членов «двадцаток», в группу риска по политическим репрессиям входили также и простые прихожане, занимавшие выраженную процерковную позицию и не скрывавшие ее. И тех и других было легко выявить. В обязательных документах, оформлявшихся после 1922 г. ежегодно для регистрации религиозного общества/группы, эти лица были обязаны указывать не только свои имена, но также возраст и место жительства. В ряде случаев в общих списках прихожан имеются сведения о месте работы и даже о наличии собственности⁹⁶⁸. Члены «двадцаток», которые в обязательном порядке подписывали заявление о регистрации общества/группы и договор, как правило, сообщали свои данные в более развернутом виде. Примечательным является то, что в подавляющем большинстве случаев, касавшихся регистрации религиозных обществ/групп Московской губернии/области, с которыми работал автор, необходимое число «двадцатки» – двадцать человек – было превышено. Очевидно, что в 1920-х гг. граждане вполне понимали отношение властей к Церкви и осознавали все риски, которые были сопряжены с открытым выражением своей позиции по отношению к сохранению прихода. Но, тем не менее, желали быть включенными в состав «двадцаток» даже тогда, когда необходимое число приходских активистов было набрано.

Не только членство в «двадцатках», но и вообще возможность поставить свою подпись в числе «рядовых» прихожан было делом добровольным. Это прекрасно понимали большевики, которые могли с помощью таких списков выявлять потенциальных «контрреволюционеров».

Говоря об «активных мирянах», входивших в «группу риска» в смысле возможных политических репрессий по церковно-религиозному признаку, следует

---

⁹⁶⁸ ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 195. Л. 12–15.

упомянуть о немногочисленных мужественных людях, выступавших защитниками и выразителями интересов православных приходов перед советскими властями в начале 1920-х гг. Прежде всего следует упомянуть руководителей Совета объединенных приходов – бывшего Московского губернского предводителя дворянства и обер-прокурора Священного Синода А.Д. Самарина и профессора-юриста Н.Д. Кузнецова, осужденных в 1919 г., а также некоторых адвокатов, называемых правозаступниками. Однако эта группа лиц подвергалась репрессиям именно по церковно-религиозному признаку в единичных случаях.

Приведенные факты позволяют выявить критерии, по которым репрессии в отношении того или иного гражданина в период 1918–1958 гг. можно квалифицировать как репрессии по церковно-религиозному признаку, что в контексте настоящего исследования представляется принципиально важным, так как в силу законодательно декларировавшегося в СССР принципа свободы совести подлинные причины репрессий тех или иных групп лиц в материалах следственных дел как правило не отражались. Такими критериями, помимо принадлежности гражданина к служителям культа, под которыми в СССР подразумевались все священно- и церковнослужители, являлась деятельность, прямо или косвенно связанная с церковным приходом: членство в церковных приходских советах, работа на приходе с получением жалованья из приходских сумм, участие в церковных «двадцатках», а в некоторых случаях – указание своего имени в документах о перерегистрации церковных общин. Кроме того, причиной репрессий по церковно-религиозному признаку могла стать выраженная публично процерковная позиция. Риску оказаться в поле зрения органов ОГПУ и НКВД подвергались верующие, состоявшие в различных дореволюционных церковных организациях и братствах. Рассмотрение архивно-следственных дел всех перечисленных категорий лиц с целью определения репрессий по церковно-религиозному признаку необходимо производить с учетом всех перечисленных обстоятельств.

3.2. Реализация репрессивной политики в отношении приходского духовенства и мирян органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ (1918–1934 гг.)

Период, связанный с работой таких силовых органов, как ВЧК, ГПУ и ОГПУ, стал временем становления советской репрессивной системы, создававшейся для подавления контрреволюционных настроений и действий в отношении групп граждан, относимых властью к своим фактическим или потенциальным врагам. Репрессивные меры, рассматриваемые в настоящем параграфе, не всегда были сопряжены с лишением обвиняемых свободы или жизни. В РСФСР и СССР существовали формы давления на неугодных, не связанные с уголовным преследованием, но являвшиеся репрессивными по своей сути. Речь главным образом идет о лишении избирательных прав для определенного круга граждан и о последствиях этого ограничения, что в полной мере отражалось на судьбе духовенства и членах приходских советов. Что же касается преследования уголовного, то оно опиралось на динамично менявшееся законодательство и, таким образом, представляло собой разнообразную картину как по следственным действиям, так и по приговорам, выносимым обвиняемым.

Важно подчеркнуть, что советская репрессивная система с первых дней своего образования была настроена на выявление так называемых контрреволюционных проявлений, зачастую даже там, где их не было. При этом гражданин, по какому-либо поводу, включая, например, лишение избирательных прав, однажды попавший в поле зрения советских спецслужб, уже не выходил из него и, как правило, в дальнейшем арестовывался не по одному разу по самым разным поводам, но почти всегда по одной и той же 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

В числе репрессивных мер, применявшихся к духовенству, членам церковных советов, сотрудникам приходов и активным прихожанам начиная с первых послереволюционных лет были две, *не связанные с лишением свободы* в различных практиковавшихся в рассматриваемый период формах (высылка, тюремное заключение, заключение в концлагере). *К таким мерам относятся лишение избирательных прав и обязательность службы в тыловом ополчении, законодательно связанные между собой.* Эта связь заключалась в невозможности службы в Красной армии для граждан РСФСР, по каким-либо причинам лишенных избирательных прав. После введения всеобщей воинской обязанности, закрепленной в Конституции РСФСР 1918 г., армейская служба стала обязательной для всех мужчин определенного возраста. Лишенцы подлежали призыву в тыловое ополчение, занимавшееся обслуживанием армии. Рассмотрим последовательно обе эти формы.

Лишение избирательных прав представителей духовенства, церковнослужителей, сотрудников приходов, членов церковных советов и просто активных прихожан следует рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, такая форма давления на лиц, находившихся «внутри церковной ограды», давала властям, в силу несовершенства законодательства, возможность манипулирования этой угрозой, о чем говорилось в § 1.3. С другой стороны, комплекс ограничений, следовавший за лишением гражданина избирательных прав, дает основания для рассмотрения этой меры ущемления в правах как репрессивной, тем более что следующей формой преследования лиц, по своим убеждениям и способам существования относимых советской властью к чуждым, были формы репрессивные в полной мере (раскулачивание, арест, высылка и пр.).

Лишение избирательных прав приходского духовенства, а также членов церковных советов и сотрудников приходов, нанимаемых для обеспечения их жизнедеятельности, стало одним из эффективных способов давления на церковные приходы. Искусственно создававшиеся жизненные трудности для лишенцев были

направлены на то, чтобы оказавшийся в этой категории гражданин стремился из нее выйти. Для этого требовалось устранение причин, вследствие которых он там оказался и, если эти причины лежали в плоскости материальной (ведение собственного дела, использование наемного труда, относительная зажиточность и пр.), то их, иногда по собственному почину, иногда путем вмешательства властных структур, можно было устранить, но если для этого требовалось изменить веру и Церкви, то такие препятствия для большинства верующих, веками воспитанных в православной традиции, становились почти непреодолимыми. Однако именно мотивацию к такому преодолению и, как следствие, постепенному прекращению приходской жизни можно считать целью политики лишения избирательных прав в отношении приходского духовенства и верующих.

Законодательные ограничения для граждан, которые не могли избирать и быть избранными, впервые были зафиксированы в советской Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. В ст. 64 декларировалось, что избирательными правами обладают все граждане РСФСР, независимо от вероисповедания. При этом следующая 65-я ст. лишала этих прав монахов и «духовных служителей церквей» и религиозных организаций⁹⁶⁹. Помимо духовенства, согласно Конституции, наряду с осужденными за «корыстные и порочащие» преступления и душевнобольными избирательных прав лишались лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы, а также частные торговцы и коммерческие посредники.

Очевидно, что в эти категории можно было включить довольно широкий круг граждан, так как указанные критерии были расплывчатыми. Следовательно, применение или неприменение тех или иных норм основного закона РСФСР в значительной степени отдавалось на усмотрение различных советских органов и отдельных ответственных работников. Отметим, что расплывчатость формулировок была характерным явлением для целого ряда законодательных актов советской России, определявших взаимоотношения государства и Церкви,

---

⁹⁶⁹ Конституция РСФСР 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 10.01.2023).

самым ранним и одновременно наиболее ярким примером чего стал Декрет «Об отделении церкви от государства».

Как и в случае с Декретом, установленное летом 1918 г. избирательное законодательство потребовало выпуска ряда инструкций по претворению его в жизнь. Они регламентировали в том числе и избирательное право. «На протяжении 1920-х годов инструкции по проведению выборов неоднократно пересматривались. Неизменной оставалась практика составления перед каждым выборами «Списка лишенных избирательных прав» и его обнародование, чаще всего путем публикации»⁹⁷⁰. Изменения во внутренней социально-экономической политике, происходившие в 1920-х гг. довольно часто, требовали быстрого реагирования на них в отношении статуса лишенцев. Те требования, которые предъявлялись к полноправному гражданину РСФСР в 1918 г., становились неприемлемыми после установления Новой экономической политики, а после ее свертывания вновь устаревали. При этом организация предприятий, особенно в области сельского хозяйства, предполагала по понятным причинам определенную протяженность во времени и инертность, что не всегда соответствовало скорости изменения законодательства. Особенно драматично это проявилось в середине 1920-х гг., когда частная инициатива, ненадолго допущенная властями и получившая бурное развитие в период НЭПа, стала, по мнению советских функционеров, представлять угрозу развитию страны.

Так, в Декрете ВЦИК «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» от 13 октября 1925 г.⁹⁷¹ были перечислены категории лиц, которые, несмотря на определенную хозяйственную инициативу, избирательных прав не лишались. Но уже Декретом ВЦИК от 26 ноября 1926 г. часть из них могли

---

⁹⁷⁰ Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики – 2007. № 4. С. 483–496.

⁹⁷¹ Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» от 13 октября 1925 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2697.htm (дата обращения: 10.01.2023).

быть объявлены лишенцами⁹⁷². Приведенный пример наглядно показывает, во-первых, скорость принятия законодательных актов, противоречивших один другому, а во-вторых – наличие поля для различных толкований норм последнего. Всего, согласно новейшим исследованиям, в середине 1920-х гг. общее число лишенцев в СССР составляло до 2,5 млн чел⁹⁷³.

Сказанное в полной мере касалось сельских приходов, где среди членов церковных советов значительную долю составляли местные предприниматели.

Лишенный избирательных прав оказывался в тяжелом, иногда – катастрофическом положении. Перечень ограничений, которым он подвергался, позволяет говорить о том, что государство ставило его вне зоны своего покровительства⁹⁷⁴.

Иногда дискредитирование неугодных начиналось с формирования общественного мнения. В качестве примера можно привести случай, произошедший в приходе села Мячково Коломенского района Московской области. 22 июня 1929 г. в местной газете «Коломенский рабочий» была опубликована заметка с выразительным заголовком: «Почему он не лишен». В 1920-х гг. читатели, несомненно, понимали, что речь могла идти только о лишении кого-то избирательных прав. Журналист под броским, как тогда было модно, псевдонимом «Свой» сообщал, что в селе прошло общее собрание крестьян, на котором обсуждали, как лучше разделить землю. Предлагали перейти на многополье и выделить землю для коллектива. Землемер предлагал разделить на 8 полей. Но выступивший на собрании церковный староста Секарев заявил, что не видит смысла делить землю, так как делается это, чтобы «нас после втащить в коллектив к лодырям». Далее Свой ставил главный вопрос, вынесенный в заглавие

---

⁹⁷² Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» от 26 ноября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 75. Отд. 1. С. 889.

⁹⁷³ Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики – 2007. № 4. С. 483–496.

⁹⁷⁴ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920-1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 130.

всего опуса: Мы удивляемся, почему Секарев – церковный староста не лишен избирательных прав? Ведь он – бывший городской⁹⁷⁵. Таким образом, вина Секарева заключалась в том, что он раньше был городовым, а теперь стал церковным старостой. И того и другого, согласно действовавшему законодательству, было достаточно, чтобы лишить его избирательных прав. Поэтому вопрос «Своего» был в известном смысле правомерен, особенно если поставить его таким образом: почему он *до сих пор* не лишен?

Однако теперь одним лишением избирательных прав дело не ограничилось. Вскоре после того, как, благодаря бдительности «Своего», ОГПУ обратило внимание на П.И. Секарева, его вместе с местным священником Евгением Стрельцовым обвинили в том, что они якобы организованно вели борьбу с мероприятиями Советской власти в с. Мячкове, подорвали организацию колхоза путем развала его изнутри, распространением провоцирующих слухов и запугиванием крестьян, а среди населения Мячкова вели контрреволюционную агитацию, подрывая доверие к власти⁹⁷⁶. Приведенный пример выразительно демонстрирует логику принятия решения о лишении избирательных прав. Стоило П.И. Секареву высказать свое несогласие с решением о выделении земли для будущего колхоза, как ему моментально припомнили и службу в полиции до революции и то, что он был церковным старостой. Причем последнее обстоятельство, как видим, стало определяющим, так как вместе с Секаревым обвиненным в сопротивлении мероприятиям, проводившимся советской властью, оказался священник Евгений Стрельцов.

Какой была доля лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку в начале 1920-х гг. среди всех лишенцев в Московской губернии, можно установить по делам уездных избирательных комиссии, в которых часто содержатся списки лиц, лишенных избирательных прав.

---

⁹⁷⁵ Почему он не лишен // Коломенский рабочий. 1929. № 46.

⁹⁷⁶ Обвинительное заключение по делу гр-н села Мячкова Коломенского района Н.А. Асеева, И.И. Мальгина, П.И. Секарева, Е.Р. Стрельцова и И.Н. Филимонова. 16 декабря 1929 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54475. Л. 73, 74.

Приведем их выборочно (таблицы 16, 17, 18) по некоторым уездам Московской губернии за 1923 г.

Таблица 16

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по Богородскому уезду. Ноябрь 1923 г.⁹⁷⁷

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку	Число лишенцев по церковно-религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Аксеновская	130	15	11,5 %
Буньковская	141	14	9,9 %
Васильевская	301	34	11,3 %
Ивановская	75	19	25,3 %
Карповская	116	13	11,2 %
Новинская	64	10	15,6 %
г. Павловский Посад и Павловопосадская волость	420	29	6,9 %
Шаловская	185	18	9,7 %
Ямкинская	46	17	36,9 %
Всего по уезду	1478	169	11,4 %

⁹⁷⁷ Протоколы заседаний Богородской уездной избирательной комиссии. Сводки, сведения о ходе выборов. Списки лиц, лишенных избирательных прав. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 221.

Таблица 17

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по Волоколамскому уезду. Ноябрь 1923 г.⁹⁷⁸

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку	Число лишенцев по церковно-религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Аннинская	130	15	11,5 %
Буйгорская	141	14	9,9 %
Бухоловская	301	34	11,3 %
Каляевская	75	19	25,3 %
Караевская	116	13	11,2 %
Кульпинская	64	10	15,6 %
Лотошинская	420	29	6,9 %
Марковская	185	18	9,7 %
Муриковская	46	17	36,9 %
Осташевская	30	12	40 %
Ошейкинская	30	14	46,6 %
Плосковская	47	8	17 %
Судисловская	63	6	9,5 %
Суриковская	8	5	62,5 %
Серединская	72	8	11 %
Тимошевская	67	15	22,3 %
Яропольская	25	11	44 %
Всего по уезду	1057	147	13,9 %

Таблица 18

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по Воскресенскому уезду. Ноябрь 1923 г.⁹⁷⁹

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку	Число лишенцев по церковно-религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Кремневская	56	14	25 %
Лучинская	111	9	8,1 %
Мамошинская	50	9	18 %

⁹⁷⁸ Протоколы заседаний Волоколамской уездной избирательной комиссии. Списки лиц, лишенных избирательных прав, отчеты и сводки о ходе перевыборов. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 223

⁹⁷⁹ Протоколы заседаний Воскресенской уездной избирательной комиссии. Сводки, сведения о ходе выборов. Списки лиц, лишенных избирательных прав. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 222.

Новопетровская	56	12	21,4 %
Никольская	67	14	20,8 %
Пятницкая	99	22	22,2 %
Павловская	146	22	15 %
г. Воскресенск	90	5	5,5 %
Всего по уезду	676	107	15,8 %

Содержание таблиц показывает, что в среднем по уездам Московской губернии доля лишенцев по церковно-религиозному признаку в общем числе лишенных избирательных прав примерно одинаковая и составляет от 11 до 15%. Более наглядно отмеченные соотношения выглядят на диаграммах 3, 4, 5.

Диаграмма 3

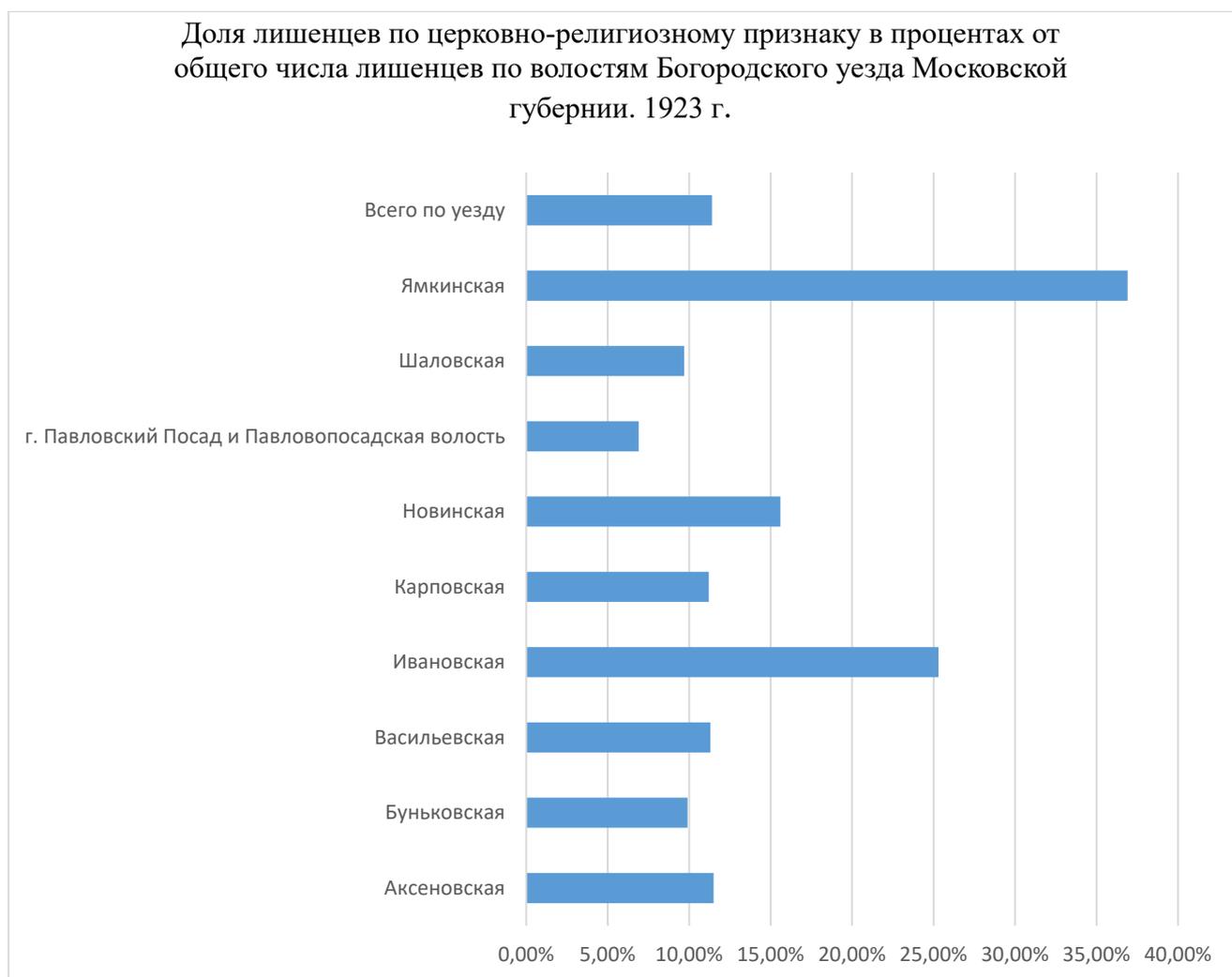

Диаграмма 4

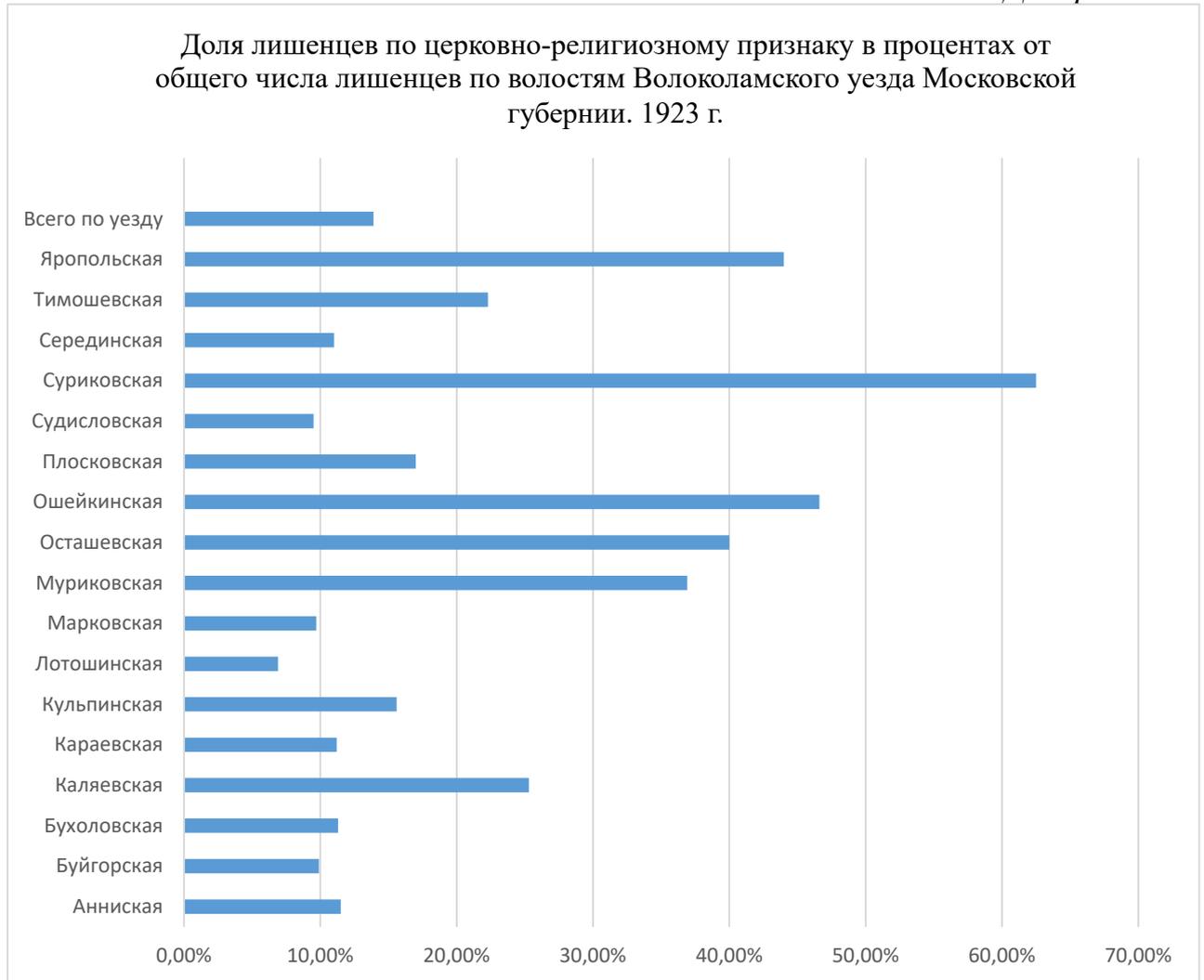

Диаграмма 5

Анализ дел уездных избирательных комиссий Московской губернии показывает, что к 1925 г. доля лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку среди всех лишенцев возрастет, чтобы к 1926–1928 гг. вновь снизиться. Это было связано с тем, что после 1923 г. число лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку стало увеличиваться за счет членов приходских советов.

Число лишенцев по церковно-религиозному признаку от года к году менялось. В 1920-х гг. этот процесс не был линейным, а состоял из периодов активизации и спадов. Один из периодов активизации – 1922–1923 гг. Этот период продолжился в 1924–1925 гг., когда лишению избирательных прав подверглись многие члены церковных советов. Затем последовал относительный спад, связанный с увенчавшимися успехом усилиями по восстановлению в правах. Анализ статистических данных по нескольким волостям Бронницкого уезда Московской губернии наглядно это показывает (таблица 19).

Таблица 19

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по четырем волостям Бронницкого уезда. Ноябрь 1923 г.⁹⁸⁰

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по религиозному признаку	Число лишенцев по религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Ашитковская	124	17	13,7 %
Михалевская	108	10	8 %
Спасская	121	42	34,7 %
Устьмерская	101	21	20,7 %

Каким образом распределялся состав лишенных избирательных прав в отдельной волости, показывают сведения, относящиеся к Спасской волости Бронницкого уезда⁹⁸¹:

⁹⁸⁰ Составлено на основании: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 220.

⁹⁸¹ Протоколы заседаний Бронницкой уездной избирательной комиссии, отчеты Волисполкома о выборах, списки лиц, лишенных избирательных прав // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 220. Л. 23, 72.

БРОННИЦКИЙ УЕЗД

Отчет о выборах в Бронницкий уездный исполнительный комитет.

13 ноября 1923 г.

Спасская волость Бронницкого уезда Московской губернии.

Число жителей волости	8658
Из них старше 18 лет обоего пола	4080
Устранено от выборов	121
Число граждан обоего пола, явившихся на выборы	1379
Список лиц, не имеющих права избирать и быть избранными.	
Священно-церковнослужители	11
Члены их семей	10
Членов церковных советов	21
Итого	42 чел. (34,7%)

В следующем, 1924 г. наблюдается резкий рост доли лишенных избирательных прав по религиозному признаку, основную массу которых составили члены церковных советов (таблица 20).

Таблица 20

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по некоторым волостям Бронницкого уезда. 1924 г.⁹⁸²

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по религиозному признаку	Число лишенцев по религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Ашитковская	127	57	50,1 %
Михалевская	110	27	24,5 %
Спасская	133	54	40,6 %
Устьмерская	79	25	31 %
Чаплыженская	39	19	54 %

⁹⁸² Составлено на основании: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1372.

Документы 1926 г. (таблица 21) фиксируют спад числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку, что явилось следствием активных попыток лишенцев восстановиться в правах. Хотя до уровня 1923 г. снижение доли лишенцев в 1926 г. не дошло.

Таблица 21

Соотношение числа лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку к общему числу лишенцев по четырем волостям Бронницкого уезда. 1926 г.⁹⁸³

Волость	Общее число лишенных избирательных прав	Число лишенных избирательных прав по религиозному признаку	Число лишенцев по религиозному признаку в процентах от общего числа лишенцев
Ашитковская	103	30	29,1 %
Михалевская	46	14	30,4 %
Спасская	53	17	32 %
Устьмерская	136	30	22 %
Ульянинская	41	15	36,5 %

Таблица 22

Процент лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку от всех лишенцев по 4 волостям Бронницкого уезда

Волости	1923 г.	1924 г.	1926 г.
Ашитковская	13,7	50,1	29,1
Михалевская	8	24,5	30,4
Спасская	34,7	40,6	32
Устьмерская	20,7	31	22

Наиболее наглядно этот процесс виден в таблице 22 и на диаграмме 6, где сведены данные о доле лишенных избирательных прав по четырем волостям Бронницкого уезда в период с 1923 по 1926 г. Как видим, единственная волость, в которой доля лишенных избирательных прав по религиозному признаку в 1926 г. снизилась по сравнению с аналогичным показателем 1923 г., – Спасская. Во всех

⁹⁸³ Составлено на основании: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1372.

остальных волостях эта доля, уменьшившись после взлета в 1924 г., продолжала оставаться высокой.

Диаграмма 6

Приведенные данные свидетельствуют о ряде особенностей лишения избирательных прав по церковно-религиозному признаку, характерных для приходов Московской губернии. Прежде всего, можно говорить о достаточно весомой доле таких лиц в общем числе лишенцев (до 15%). Кроме того, статистика фиксирует рост числа лишенцев по церковно-религиозному признаку к середине 1920-х гг., что явилось следствием применения этой меры к членам церковных советов. Относительный спад числа лишенцев во второй половине десятилетия можно объяснить успешными попытками многих лишенцев восстановиться в гражданских правах.

Примечательным является и механизм, использовавшийся в 1920-х гг. для определения лиц, к которым применялось лишение избирательных прав. Несмотря на то, что в Конституции были прописаны категории граждан, не имевших права избирать и быть избранными, и избирательные комиссии на местах с помощью

органов местного самоуправления, милиции и ОГПУ должны были руководствоваться этой нормой, выявление «потенциальных» лишенцев делегировалось в том числе и рядовым обывателям. В делах уездных избирательных комиссий первой половины 1920-х гг. во множестве сохранились воззвания, где об этом прямо говорилось. Например, в Богородском уезде Московской губернии местной Уездной избирательной комиссией распространялась листовка, в которой «всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и др. трудящимся гражданам Богородского уезда» сообщалось о том, что лишенцы (следовало перечисление категорий лиц, лишенных права избирать и быть избранными) не имеют права участия в выборах, и содержался призыв «для производства правильных выборов» немедленно сообщать в уездную комиссию фамилии лишенцев, которые будут стремиться проголосовать⁹⁸⁴. Иными словами, законопослушным гражданам предлагалось выявлять тех, кому удавалось скрыть свою враждебную сущность и доносить на них в избирком.

В этом же воззвании содержалось предупреждение к лишенным избирательных прав, что при обнаружении их участия в выборах они будут не только удалены с участка, но немедленно привлечены к уголовной ответственности по ст. 104 УК⁹⁸⁵. Статья 104 УК РСФСР 1922 г. за участие в выборах лица, не имеющего на это законного права, устанавливала наказание в виде принудительных работ на срок не меньше трех месяцев⁹⁸⁶.

В делах некоторых уездных избирательных комиссий это воззвание отложилось в виде отдельного машинописного текста, в некоторых – как вырезка из местной газеты. Воззвание⁹⁸⁷, напечатанное в газете «Воскресенские известия»,

---

⁹⁸⁴ Обращение Богородской уездной избирательной комиссии «ко всем рабочим, крестьянам, красноармейцам и др. трудящимся гражданам Богородского уезда». 1923 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 221, Л. 5, 6.

⁹⁸⁵ Там же.

⁹⁸⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 31.01.2023).

⁹⁸⁷ Обращение Воскресенской уездной избирательной комиссии. 1923 г. // Воскресенские известия. Орган Воскресенского Укома Р.К.П.(б) Уисполкома и Упрофбюро. № 27. 1923.

заканчивалось призывом: всех мироедов, кулаков, ростовщиков, торговцев, трактирщиков и контрреволюционеров – вон из советских рядов!

Социально активную часть общества, таким образом, пытались вовлечь в работу по сепарированию населения на обладающих всеми правами гражданина СССР и не обладающих таковыми. Лица, лишённые избирательных прав, в том числе и по церковно-религиозному признаку, становились в глазах обывателя людьми второго сорта, виновными перед государством и обществом и за это справедливо наказанными.

Приведенные факты позволяют утверждать, что лишение избирательных прав, будучи мерой репрессивной, было направлено на утяжеление условий существования для представителей неугодных властям категорий граждан. Духовенство, церковнослужители, сотрудники приходов и просто верующие, занимавшие активную процерковную позицию, входили в число неугодных.

Возвратить себе избирательное право, утраченное по церковно-религиозному признаку, можно было, либо исключив причины, повлекшие за собой лишение такового (снятие с себя сана⁹⁸⁸, прекращение работы в приходе и пр.), либо доказав ошибочность решения о лишении. Прекращение работы в приходе или в церковном совете неизбежно сказывалось на их работе, что и являлось целью государственной антицерковной политики.

Формально многие члены приходских церковных советов оказывались лишенцами не по причине членства в этих советах, а по иным признакам (занятие торговлей, владение предприятием, использование наемной рабочей силы и пр.). В действительности именно участие в деятельности приходских советов являлось главной и определяющей причиной лишения их избирательных прав.

---

⁹⁸⁸ Добровольное снятие сана священнослужителями в первые десятилетия советской власти не было массовым явлением. Наиболее известной фигурой в этом смысле можно назвать бывшего Санкт-Петербургского священника М. Галкина, публично, отрекшегося от сана и ставшего антирелигиозным и антицерковным пропагандистом с псевдонимом Горев. Известно, например, что в 1928 г. в г. Воронеже проходил съезд бывших священнослужителей, снявших с себя сан, собравший всего 21 делегата (ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Л. 1–26). Возможность снятия сана, чтобы не стать репрессированным, у священнослужителей была, однако, документальные свидетельства о таких случаях на территории Московской автору не известны.

Лишение избирательных прав влекло за собой поражение в целом ряде прав и часто ставило семью лишенца на грань голодной смерти. Поэтому восстановление в избирательном праве становилось первоочередной жизненной задачей. В ряде случаев после восстановления в правах следовало еще одно лишение. Кроме этого, лишение избирательных прав, как правило, влекло за собой раскулачивание.

В обществе искусственно создавалась обстановка нетерпимости по отношению к лишенным избирательных прав вообще и лишенцам по церковно-религиозному признаку в частности.

Доля лишенных избирательных прав по церковно-религиозному признаку в общей массе лишенцев по различным уездам Московской губернии в начале 1920-х гг. была примерно одинаковой и составляла 11–15%.

Лишение избирательных прав духовенства, членов церковных советов и сотрудников приходов было направлено на дестабилизацию их работы и дальнейшее разрушение.

Безусловно репрессивной мерой в отношении «церковников», широко применявшейся в 1920–1930-х гг., стала *обязательная служба в тыловом ополчении*. Духовенство освобождалось от службы в Красной армии, но не по религиозным соображениям или в силу канонических препятствий, согласно которым православный священник не может проливать кровь. Исходя из существовавших в первые послереволюционные годы представлений о том, что возможность защищать социалистическое отечество с оружием в руках – привилегия граждан, обладающих всеми гражданскими правами, государство не могло доверить оружие тем, кого этих прав по каким-либо причинам лишило. Таким образом, формально все лишенцы в армии служить не могли. Это положение было закреплено в первой советской Конституции 1918 г.⁹⁸⁹

Постановление «Об организации Красной Армии», принятое V Всероссийским съездом Советов, закрепило переход ко всеобщей воинской

---

⁹⁸⁹ Богданович Л.А. Конституция 1918 года о правах священно-церковнослужителей. // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 90–93.

повинности и распространило его на нетрудовые элементы в виде специального рода военных обязанностей – участия в тыловом ополчении. «Изучение личных дел священнослужителей периода 1918–1948 гг. позволяет утверждать, что определенная часть духовенства... состояла в тыловом ополчении»⁹⁹⁰. Имеются, однако, свидетельства о и том, что некоторые священно-церковнослужители проходили действительную службу в Красной армии.

Очевидно, что в общем числе лишенцев (до 2,5 млн чел⁹⁹¹ в сер. 1920-х гг.) несколько сотен тысяч человек были мужчинами призывного возраста, чей мобилизационный потенциал не мог не быть использован государством, и уже в июле 1918 г. СНК РСФСР публикует Декрет «О тыловом ополчении»⁹⁹², где указывалось, на каких работах могли быть задействованы тыловые ополченцы: окопных, строительных, дорожных, складских, ремесленных (сапожных, портняжных, хлебопекарных, мукомольных, сухарных, сено-прессовальных), заготовительных, погрузочно-разгрузочных, «а также иных, вызываемых общегосударственными и местными потребностями». Так, например, многие священнослужители восточных уездов Московской губернии несли службу в Бронницком «губернском конном запасе», то есть на конюшне. Надо сказать, что именно в Бронницах на протяжении столетий располагались государевы конюшни, что нашло отражение даже в гербе города⁹⁹³.

Важную особенность Декрета «О тыловом ополчении» отмечает юрист Ю.А. Крутикина, усматривая в его тексте впервые законодательно оформленную ответственность за недонесение как за самостоятельное преступление⁹⁹⁴.

---

⁹⁹⁰ Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики – 2007. № 4. С. 483–496.

⁹⁹¹ Там же.

⁹⁹² Декрет Совета Народных Комиссаров «О тыловом ополчении». 25 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 720–725. Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/30705> (дата обращения: 09.01.2023).

⁹⁹³ Герб города Бронницы // Герадика.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://geraldika.ru/s/916> (дата обращения 21.08.2023).

⁹⁹⁴ «Первым нормативным правовым актом, – пишет исследователь, – выделившим именно несообщение о преступлении, является декрет СНК «О тыловом ополчении» 1918 г. № 604,

В Приложении к Декрету «О тыловом ополчении» перечислялись категории лиц, на которые распространялись его нормы, в значительной своей части повторявшие категории лиц, лишенных избирательных прав по Конституции 1918 г., и в том числе монахи и духовные служители церквей и религиозных культов (всех вероисповеданий)⁹⁹⁵.

В дальнейшем порядок мобилизации в тыловое ополчение менялся. К 1925 г. перечень категорий граждан, на которых распространялась обязанность такой службы, расширялся, главным образом за счет включения в него высланных в административном порядке на все время высылки⁹⁹⁶, что неудивительно, ибо высылка как репрессивная мера к середине 1920-х гг. становится все более частым наказанием.

Помимо выполнения работ, с 1925 г. граждане, зачисленные в тыловое ополчение⁹⁹⁷, в течение всего времени службы были обязаны выплачивать специальный военный налог⁹⁹⁸.

Среди священников, так или иначе попавших в поле зрения органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, практически не было таких, которые сумели бы избежать службы в

который в п. 9 установил наказание для не сообщившего о лице, виновном в уклонении от призыва в тыловое ополчение. Наказывались недоносители так же, как и основные преступники – лишением свободы на срок не менее двух лет с конфискацией имущества и принудительными работами». См.: Крутикина Ю.А. Теория и история права и государства, конституционное право, обеспечение прав и свобод человека и гражданина // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 13–20.

⁹⁹⁵ Приложение 2 к Декрету «О тыловом ополчении». Положение о правилах регистрации населения на предмет зачисления в тыловое ополчение. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 720–725. Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/30705> (дата обращения: 09.01.2023).

⁹⁹⁶ Закон СССР об обязательной военной службе. 18.09.1925. // Законы о воинской повинности. Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13942> (Дата обращения: 06.01.2023).

⁹⁹⁷ Панга Е.В. Финансово-кредитные мероприятия советских властных структур в отношении нэпманов (1921–1928) в центре и на местах. // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения. вып. 2. С. 75–80.

⁹⁹⁸ Сморчкова Л.Н. Военный налог в России: краткий исторический обзор. // Современная научная мысль. 2022. № 6. С. 278–282.

тыловом ополчении. Как правило, информация об этом сохранилась в анкетах, заполнявшихся при их последующих арестах, чаще всего в графе о службе в Красной армии. В качестве примеров можно привести священномучеников: протоиерея Иоанна Фрязинова, настоятеля Георгиевского храма села Сельвачева, прослужившего в тыловом ополчении в течение года⁹⁹⁹; иерея Петра Косменкова, клирика Владимирского храма села Быкова, который в царской и Белой армиях не служил, а в Красной состоял в тыловом ополчении¹⁰⁰⁰; иерея Алексея Скворцова, настоятеля Михаило-Архангельского храма в Загорнове, прослужившего в тыловом ополчении в 1919 г. три месяца¹⁰⁰¹; протоиерея Петра Озерецковского, настоятеля храма Рождества Иоанна Предтечи в Новорождестве, который служил в тыловом ополчении г. Бронницы в 1919–1920 гг.¹⁰⁰², а также священников Иоанна Цветкова, настоятеля Богородице-Рождественского храма села Зюзина¹⁰⁰³, и Марка Грязнова, священника Никольского храма села Малышева¹⁰⁰⁴.

В ряде случаев архивные документы позволяют выяснить, в чем конкретно заключалась служба в тыловом ополчении для духовенства. Например, священника Троицкого храма в Удельной иерея Алексея Никитского¹⁰⁰⁵ в 1918 г. призвали в тыловое ополчение РККА. Его служба продолжалась три года¹⁰⁰⁶. Первоначально – в Бронницах, при так называемом «губернском конном запасе». В обязанности

---

⁹⁹⁹ Анкета арестованного Фрязинова И.В. 27 января 1938 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 23934. Л. 4, 4 об.

¹⁰⁰⁰ Никонов В.В., Толмачева И.А. Владимирская церковь в Быкове в 2-х т., Т. 2. М., 2018. С. 42–114.

¹⁰⁰¹ Анкета арестованного А. Скворцова. // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 24212. Л. 5, 5 об.

¹⁰⁰² Анкета арестованного П.А. Озерецковского. 5 сентября 1937 г. // ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-67406. Л. 12.

¹⁰⁰³ Анкета арестованного Цветкова И.П. 5 апреля 1936 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45034. Л. 17, 17 об.

¹⁰⁰⁴ Анкета для арестованных или задержанных с зачислением за ОГПУ. Грязнов М.И. 3 июля 1929 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-44529. Л. 13, 13 об.

¹⁰⁰⁵ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4. Быковская волость. Гжель, 2019. С. 407.

¹⁰⁰⁶ Протокол допроса Никитского А.М. 30 января 1938 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54393. Л. 17 об.

священника входила чистка лошадей и уборка конюшен. Как отмечалось выше, призыв в ополчение с прохождением службы в конском запасе был характерным именно для местного духовенства. Затем он был назначен в строительный отряд на должность конторщика, а в конце службы его перевели в Москву, где оставшийся срок он проработал в Управлении по снабжению воздушного флота телефонистом¹⁰⁰⁷.

В ноябре 1918 г. мобилизовали в тыловое ополчение настоятеля Успенского храма села Жилина иерея Иоанна Тузова. Ему также было определено место службы в Бронницком «конском запасе», где в то же время служил отец Алексей Никитский, с которым священник Тузов, вероятнее всего, был знаком. Но если в удельнинском храме, помимо отца Алексея, было еще духовенство, то в Жилине отец Иоанн был единственным священником, и после его мобилизации службы в храме становились очень редкими, так как проводили их по мере возможности соседские священники, а требы и вовсе исполнять было некому.

Такое развитие событий никак не устраивало прихожан, и они написали сразу два заявления, в которых просили оставить им настоятеля. Первое заявление было написано в Бронницкий уездный военный комиссариат, а второе – всесильному в те годы председателю реввоенсовета Л.Д. Троцкому. В заявлении в Бронницкий военкомат прихожане просили освободить священника от военной службы, апеллируя к тому, что приход был большим, а священник и раньше с трудом справлялся со своими обязанностями. Также прихожане отмечали, что священник Иоанн Тузов никогда не принадлежал к паразитическому классу, а, напротив, занимался земледелием и свое поле всегда обрабатывал сам, не прибегая к наемному труду¹⁰⁰⁸.

Заявление на имя Троцкого содержало подробности, характеризовавшие отца Иоанна как подлинного сына трудового народа. В нем, в частности, отмечалось, что священник Иоанн Тузов состоял председателем общества улучшения условий сельского труда, председателем культурно-просветительской комиссии, был

---

¹⁰⁰⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54393. Л. 23 об.

¹⁰⁰⁸ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 77.

зачислен инструктором по школьному образованию и всегда работал для народа¹⁰⁰⁹. Трудно сказать, достигли ли эти прошения цели, но летом 1919 г. отца Иоанна демобилизовали. По некоторым данным, это произошло 10 августа¹⁰¹⁰, но на следующий же день его арестовали и этапировали в Москву. 4 августа 1919 г. состоялось очередное заседание Московского Революционного трибунала по делу Самарина-Кузнецова, в ходе которого было решено освободить из-под стражи мячковского настоятеля отца Василия Смирнова, а священников Иоанна Тузова и Авенира Полозова – арестовать¹⁰¹¹. Если дата демобилизации – 10 августа верна, то вполне уместным будет предположение, что освобождение священника Иоанна Тузова от службы в тыловом ополчении и было связано с тем, что его собирались взять под стражу по делу Совета объединенных приходов¹⁰¹².

Наиболее примечательным в данном случае представляется не только то, что прошение прихожан достигло цели, но самый факт написания такого прошения и, очевидно, наличие сформированного ожидания, что оно может возыметь действие.

Подобная история произошла с настоятелем Никольского храма села Орлова (ныне – территория г. Москвы) протоиерея Николая Лаврова. В 1921 г. его призвали на службу в тыловом ополчении, затем за уклонение от общественных работ он был ненадолго подвергнут аресту, но вскоре, по ходатайству прихожан, получил освобождение¹⁰¹³.

Такие случаи не были единичными, что дает основания говорить о существовавшей практике освобождения священнослужителей от необходимости службы в тыловом ополчении по прошениям прихожан. При этом главным аргументом просителей была невозможность функционирования приходов.

---

¹⁰⁰⁹ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 77.

¹⁰¹⁰ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 201.

¹⁰¹¹ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 180.

¹⁰¹² Дело Совета объединенных приходов рассмотрено ниже.

¹⁰¹³ Вайнтрауб Л.Р. Неизвестные страницы биографии протоиерея Николая Лаврова (1883–1937). // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви 2007. Вып. 1 (22). С. 101–109.

Таким образом, конец 1910-х гг. стал последним периодом, когда такого рода прошения в представлениях прихожан могли возыметь желаемое действие. Позже – к середине 1920-х гг. – с прошениями с подобной мотивацией встречаться не приходится.

Между тем служба в тыловом ополчении для духовенства и, как будет показано ниже, для членов их семей продолжала оставаться обязательной и в дальнейшем. В деле священника Покровского храма Василия Стрючкова, уроженца села Карпова Богородского уезда Московской губернии, сохранилось «Свидетельство обязанного службой в тыловом ополчении», в котором указано, что он «лишен избирательного права 24 марта 1927 г., в связи с чем лишен права защиты СССР с оружием в руках»¹⁰¹⁴.

Рассматриваемая норма распространялась также и на членов семей лишенцев, благодаря чему сын священника Марка Грязнова Владимир, лишенный избирательных прав на основании того, что он сын служителя культа, служил в тыловом ополчении уже в начале 1930-х гг. После окончания срока службы он был демобилизован, и в следственном деле сохранился его военный билет с датой выдачи 17 января 1932 г., конфискованный во время ареста¹⁰¹⁵. Будучи лишенным избирательных прав, Владимир Маркович являлся «белобилетником»¹⁰¹⁶.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось еще одним нормативным актом. В 1931 г. вступили в действие изменения в Уголовный кодекс РСФСР. В числе прочего они коснулись и возможности уклонения от военной службы по религиозным убеждениям. Отныне те, кто в силу своих религиозных убеждений не могли служить в рядах Красной армии (для чего требовалось пройти непростую процедуру согласований, длившуюся не один месяц) и, будучи зачисленными в

---

¹⁰¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39321. Л. б/н.

¹⁰¹⁵ ГАРФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-78657. Л. 1–2.

¹⁰¹⁶ Изначально белый военный билет был документом воинского учета в СССР периода 1918–1936 гг. и выдавался гражданам, лишенным избирательных прав. Они состояли на особом воинском учете и призывались не в боевые части Красной Армии, а в тыловое ополчение. В отличие от обычных военных билетов красного цвета, эти билеты были белыми. См.: Armydocs [Электронный ресурс]. URL: <http://armydocs.ru/belyiy-voennyiy-bilet/> (дата обращения: 28.10.2016).

тыловое ополчение, не исполняли назначенные работы, подвергались уголовному преследованию¹⁰¹⁷.

Познакомившись с практикой применения такой меры, как необходимость службы в тыловом ополчении, распространявшейся в том числе на приходское духовенство и членов приходских советов, прежде всего, можно сделать вывод о ее репрессивном характере. Даже исходя из установок советского законодательства о равенстве всех граждан перед законом, нельзя не отметить исключительную необходимость неприменения призыва в тыловое ополчение если не всех священников вообще, то хотя бы единственного священнослужителя на приходе. Между тем, анализ следственных дел 1920–1930-х гг. показывает, что именно священники, служившие в одиночку, чаще всего оказывались мобилизованными в ряды тыловых ополченцев. Положение усугублялось тем, что во многих сельских приходах церковный штат был не просто однокомплектным, то есть состоявшим из священника, диакона и причетника, а имеющим не полный комплект и состоявшим только из одного священника и причетника. Поэтому мобилизация настоятеля неизбежно останавливала всю приходскую жизнь. В ряде случаев прошения прихожан о возвращении настоятеля достигали цели, но это происходило далеко не всегда, и храм на долгое время оставался без штатного священника. Разумеется, духовенство соседних храмов, насколько позволяло время и силы, старалось заменить отсутствующего настоятеля, но в полной мере наладить молитвенную жизнь, конечно, не удавалось.

Документы свидетельствуют, что никаких поблажек в виде сокращения срока службы в тыловом ополчении духовенству не предоставлялось. Пока срок службы составлял один год, служили год. Когда срок службы увеличился до трех лет, священники отбывали повинность три года.

---

¹⁰¹⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. ст. 59.4, 59.5, 193.10 и о дополнении ст. ст. 69 и 193.10а Уголовного кодекса РСФСР. 10.1.1931 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3689.htm (дата обращения: 09.01.2023).

Службу в тыловом ополчении следует считать репрессивной мерой в отношении приходского духовенства еще и потому, что работы, на которых использовались священники, были самыми тяжелыми и неквалифицированными. Думается, что назначение на них священнослужителей, помимо наказания физическим трудом «чуждого элемента», преследовало еще и цель унижения духовной особы, традиционно пользующейся уважением в православной среде. Священник, чистящий казенные конюшни или занимающийся укладкой шпал, по мнению организаторов работ, вероятно, должен был терять свой авторитет среди прихожан. Следует отметить, что сельские священники никогда не гнушались крестьянским трудом, и видеть батюшку, ухаживающего за своей скотиной или работающего на своем огороде, местным крестьянам приходилось не раз. Но видеть священника, выполнявшего грязную *казенную* работу, находившегося фактически на положении раба, прихожанам доселе не приходилось. Следует иметь в виду также и то, что известия об отправке священников в тыловое ополчение распространялись быстро. Такое положение дел было характерным не только для Московской, но и для других губерний, и не только оказывало травмирующее морально-психологическое воздействие на верующих, но и прерывало регулярную работу приходов¹⁰¹⁸.

Анализ нормативно-правовых актов 1920-х – начала 1930-х гг., относившихся к службе в тыловом ополчении, позволяет говорить о ее постепенном ужесточении: с 1918 г. увеличился срок службы в тыловом ополчении; определяются новые категории граждан, для которых эта служба становится обязательной; перечень работ, на которых предполагалось использовать тыловых ополченцев, расширился, а сами работы становятся все более тяжелыми. При этом указанные изменения коррелируют с ужесточением внутривластного климата и переменами в социальном положении граждан

---

¹⁰¹⁸ Каиль М.В. Управление Смоленской епархией во время Гражданской войны. // Новый исторический вестник. 2009. № 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-smolenskoy-eparhiei-vo-vremya-grazhdanskoj-voyny](http://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-smolenskoy-eparhiei-vo-vremya-grazhdanskoj-voyny) (дата обращения: 09.01.2023).

СССР. Репрессии становятся все более массовыми, резко возрастает число ссыльных, постепенно растет также и число лишенцев.

О том, насколько важным для советских силовых и гражданских органов был факт службы того или иного священнослужителя в тыловом ополчении, говорит и то, что во всех анкетах арестованных, вплоть до конца 1940-х гг., это непременно отмечалось и служило показателем неблагонадежности.

Первыми судебными советскими органами, рассматривавшими в числе прочих дела по обвинению по церковно-религиозному признаку, стали *Революционные трибуналы*. Они выносили приговоры, связанные с лишением свободы, а также смертные. В Московской губернии с 1918 г. действовало два революционных трибунала: Московский и Московский губернский. В 1921 г. произошло их слияние в единый Московский революционный трибунал.

Менее чем через месяц после революции – 22 ноября 1917 г. – СНК РСФСР был принят, а через день опубликован Декрет «О суде»¹⁰¹⁹, которым утверждался новый тип органов защиты завоеваний революции, «а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» – революционные трибуналы¹⁰²⁰. Как и большинство документов, спешно составлявшихся в революционной суматохе, Декрет «О суде» 1917 г. предоставлял широкое поле для трактовки своих норм, что повлекло за собой необходимость принятия поясняющих документов. Таким документом стала инструкция Народного комиссариата юстиции «О порядке деятельности революционных трибуналов», утвержденная уже 17 декабря 1917 г., которая определяла, какие именно дела подлежат рассмотрению в Революционном трибунале. Примечательно, что Инструкция, имевшая своей целью, как можно было бы предположить, максимально точно регламентировать деятельность нового судебного органа, в

---

¹⁰¹⁹ Декрет СНК РСФСР «О суде». 22 ноября (5 декабря) 1917 г. / Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 124–126.

¹⁰²⁰ Шпаковский Ю.Г., Потапчук И.В. Декреты о суде № 1, 2, 3 // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 4(44). – С. 210–223.

качестве принципа, которым должны были руководствоваться члены революционных трибуналов, провозглашала следующее: «Меру наказания Революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»¹⁰²¹.

В числе возможных форм наказания, имевшихся в распоряжении революционных трибуналов в начале 1918 г. (штраф, лишение свободы, удаление из столиц, объявление врагом народа, лишение политических прав и принуждение к обязательным общественным работам), смертной казни не было, так как на момент составления Инструкции действовало решение Второго Всероссийского съезда Советов о ее отмене. Но уже в июне 1918 г. смертная казнь была восстановлена, после чего, согласно постановлению Наркомюста от 16 июля 1918 г., полномочия революционных трибуналов значительно расширились¹⁰²². Возможность выносить смертные приговоры автоматически превращала их в одну из самых страшных карательных организаций по следующим двум причинам. С одной стороны, по установленным нормам, обвиняемому предоставлялось право на защиту, но реализация этого права зависела от членов трибуналов: вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела, зависело от самого трибунала¹⁰²³. С другой стороны, согласно упомянутой выше Инструкции, решения Ревтрибунала считались окончательными¹⁰²⁴, следовательно, обжалованию не подлежали.

Протоколы дел приходских священно- и церковнослужителей, слушавшихся в Московском революционном трибунале, отложились в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) в фондах 4612 и 4613. Насколько можно заключить по результатам анализа этих документов, среди них

---

¹⁰²¹ Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке деятельности революционных трибуналов. 17.12.1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2 об.

¹⁰²² Титков В.И. Революционные трибуналы как органы политической борьбы // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 71–83.

¹⁰²³ Декрет ВЦИК о Революционных трибуналах. 18 марта 1920 г. // Известия ВЦИК. 1920. № 67.

¹⁰²⁴ Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке деятельности революционных трибуналов. 17.12.1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2 об.

нет дел, закончившихся смертными приговорами, что подтверждается также исследованием А.И. Мраморнова, который отмечает, что среди дел нет расстрельных, далеко не все доведены до судебного заседания¹⁰²⁵. Некоторые дела, рассматривавшиеся Московским революционным трибуналом, отложились в фонде Московского губернского суда (ЦГАМО. Ф. 5062). В качестве примера можно привести знаковое дело по обвинению А.Д. Самарина и Н.Д. Кузнецова 1919–1920 гг.¹⁰²⁶, закончившееся первоначально смертным приговором для двоих обвиняемых, который в результате был заменен на заключение в концентрационном лагере вплоть до окончательной победы рабоче-крестьянской власти над мировым капитализмом¹⁰²⁷.

Практика значительного смягчения выносимых приговоров сразу же или через непродолжительное время после их оглашения стала повсеместной для дел, сохранившихся в указанных выше фондах ЦГАМО.

Одним из первых дел, весьма показательных в этом смысле, стало дело о контрреволюционном выступлении 15 мая 1918 г. в г. Звенигороде¹⁰²⁸. События, в эпицентре которых оказался Саввино-Сторожевский монастырь, управлявшийся в первые послереволюционные годы игуменом Макарием (Поповым), подробно описаны сотрудником ЦГАМО С.В. Чирковым¹⁰²⁹, поэтому, опуская опубликованные прежде сведения об обстоятельствах дела, перейдем сразу к приговору. Отметим, однако, что дело было возбуждено не по надуманному

---

¹⁰²⁵ Мраморнов А.И. К истории антицерковной деятельности Московского революционного трибунала (1918–1920 гг.) // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2011. – № 2(55). – С. 100–132.

¹⁰²⁶ Дело по обвинению А.Д. Самарина, Н.Д. Кузнецова и др. по ст. 58 п. 3 УК в организации контрреволюционного общества «Совет объединенных приходов» // ЦГАМО. Ф. 5063. Оп. 3. Д. 6, 7.

¹⁰²⁷ ЦГАМО. Ф. 5063. Оп. 3. Д. 7. Л. 11 об.

¹⁰²⁸ Дело о контрреволюционном выступлении 15 мая 1918 г. Звенигород, Звенигородское восстание в монастыре // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 12, 13, 14.

¹⁰²⁹ Чирков С.В. Документы о роли духовенства в антисоветском народном восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г. // Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. М., 2004. С. 565–573.

предлогу, как это нередко случалось в рассматриваемый период, а по вполне конкретным основаниям, ибо в мае 1918 г. в Звенигороде возмущенными крестьянами было совершено тройное убийство – комиссара Константина Макарова, милиционера Якова Ротнова и секретаря Соколова – трех представителей новой власти. После совершенного преступления возбужденная толпа разгромила склады оружия, разобрала винтовки и патроны, разграбила некоторые уездные учреждения и ряд жилых домов. Но вскоре беспорядки были пресечены, а зачинщики арестованы.

Разумеется, власти предприняли попытку представить дело так, чтобы извлечь из него максимальные политические выгоды, поэтому в числе подследственных оказались представители духовенства старейшего звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. Не имевшие отношения к погромам игумен и монашествующие обвинялись, тем не менее, в подстрекательстве к мятежу и попустительстве и, следовательно, по мнению властей, руководствовавшихся, надо полагать, обстоятельствами дела и велениями революционной совести, должны были понести самое суровое наказание. Сохранившиеся в деле протоколы допросов, демонстрирующие невиновность арестованных игумена Макария, монастырского казначея иеромонаха Феофана, иеродиакона Амвросия и местного священника Василия Державина¹⁰³⁰, в расчет не принимались.

Дело рассматривалось Московским революционным трибуналом с 13 августа по 6 сентября 1918 г., то есть уже после того, как смертная казнь, ненадолго отмененная, была вновь восстановлена как мера наказания. Нельзя исключать и того, что на жестокость приговора оказало влияние Постановление СНК РСФСР «О красном терроре», принятое 5 сентября 1918 г.¹⁰³¹, то есть как раз в дни работы трибунала. Суд постановил главных «виновников

---

¹⁰³⁰ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 6. Рождественская волость. Гжель, 2022. С. 357–373.

¹⁰³¹ Постановление СНК РСФСР «О красном терроре» // РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

контрреволюционного мятежа» – игумена Макария и священника Василия Державина – «подвергнуть бессрочному тюремному заключению с тягчайшими принудительными работами с лишением права на свидание с родными». Непосредственные же участники убийств получили от 3 до 10 лет тюремного заключения. Таким образом, они рассматривались трибуналом не как виновники событий, а, скорее, как жертвы контрреволюционной пропаганды и собственной темноты. Наравне с убийцами три года тюрьмы получил и иеромонах Феофан¹⁰³².

Вскоре почти всем приговоренным сроки заключения были сокращены. В деле сохранились документы об обжаловании приговора трибунала и утверждении его ВЦИКом. Через год ВЦИК проявил гуманность и заменил главным осужденным бессрочную каторгу двадцатью годами. В дальнейшем последовало еще одно смягчение приговора, а к концу 1919 г. все осужденные по делу о контрреволюционном выступлении в Звенигороде были освобождены. В дальнейшем игумен Макарий продолжил служение как священник, но занял значительно менее заметное место настоятеля сельского храма в с. Плетениха Бронницкого уезда Московской губернии¹⁰³³.

Одним из наиболее громких антицерковных процессов первых послереволюционных лет стало упомянутое выше «Дело Самарина–Кузнецова 1919–1920 гг.», которое в отечественную историографию вошло как «Дело Совета объединенных приходов»¹⁰³⁴. Само его название определяло направление удара: церковный приход. В обстановке постоянных нападений и разграблений приходских храмов перед прихожанами встала необходимость защиты их от поруганий. Это обусловило создание Совета объединенных приходов под

¹⁰³² ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 14. Л. 487–490.

¹⁰³³ Чирков С.В. Документы о роли духовенства в антисоветском народном восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г. // Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. М., 2004. С. 565–573.

¹⁰³⁴ Подробно: Никонов В.В., Жданович С.А., иер. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 5. Мячковская и Чулковская волости. – Гжель, 2021. С. 49–81.

председательством А.Д. Самарина и Н.Д. Кузнецова, из которых первый был в недавнем прошлом московским губернским предводителем дворянства и обер-прокурором Святейшего Синода, а второй – известным юристом и специалистом в области церковно-канонического права. Согласно исследованию диакона Сергия Голубцова, Совет был создан 30 января 1918 г. (то есть через несколько дней после опубликования Декрета «Об отделении церкви от государства». – *В.Н.*) на собрании Союза духовенства и мирян. Это не на шутку встревожило власти; они ждали, вероятно, хорошего предложения, чтобы покончить с этим оппозиционным органом, устроив показательную расправу над его составом. Такой предлог был скоро найден, или, точнее говоря, спровоцирован¹⁰³⁵.

«Дело Самарина–Кузнецова» началось с незначительного конфликта в небольшом подмосковном селе Мячкове в ноябре 1918 г. В процессе выяснения обстоятельств дела Бронницкая ЧК произвела обыск у местного священника Василия Ивановича Смирнова и изъяла переписку и «некоторые печатные материалы религиозного и кооперативного характера». Переписка ничего существенного не дала, но среди печатных материалов была обнаружена брошюра под названием «Доклад священника А.А. Полозова»¹⁰³⁶, изданная Советом объединенных приходов г. Москвы. Беглое знакомство с содержанием брошюры

---

¹⁰³⁵ Голубцов С.А., протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. Церковно-общественные движения 1917–1918 гг. (Московская епархия и Синод). Антицерковные судебные процессы 1919–1920 гг. Лидеры и герои, мученики и исповедники. М., 1999. С. 57.

¹⁰³⁶ Полозов Авенир Александрович (1870–1935(1936?)), священник, богослов, духовный писатель. С 1900 по 1915 г. был членом Комиссии по изданию Четых миней. Полозов составил полный чин литургии преждеосвященных даров, утвержденный Святейшим Синодом к напечатанию и включению в Служебник. Был священником церкви в честь Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот в Москве. До 1918 г. был секретарем Совета объединенных приходов. 15 мая 1918 г. отрядом вооруженных латышей и китайцев за протест против закрытия церковно-приходской школы, которой он заведовал, был арестован и отправлен в Таганскую тюрьму, где находился несколько месяцев. 15 января 1920 г. Московским Губернским революционным трибуналом был приговорен к 10 годам тюрьмы за организацию контрреволюционного общества под названием «Совет объединенных приходов» (дело Самарина–Кузнецова). В 1920 г., избежав ареста за брошюры о необходимости преподавания Закона Божия в школах и за пропаганду церковного набатного звона, скрылся. Объявлен в розыск. Дальнейшая судьба неизвестна.

дало чекистам основания полагать, что направлена она была против Декрета «Об отделении церкви от государства», причем не как такового, а только против той его части, где говорилось о запрете преподавания Закона Божия. Однако совершенно очевидно, что, выражая свое несогласие с частью документа, автор брошюры неминуемо отрицал и весь его текст, что делало брошюру в глазах новой власти совершенно контрреволюционной. В Обвинительном заключении прямо утверждалось, что доклад священника А.А. Полозова всецело направлен против Декрета «Об отделении церкви от государства»¹⁰³⁷.

При обыске у отца Авенира Полозова были обнаружены выдержки из Еженедельника Совета объединенных приходов г. Москвы, что и вывело следствие на это общественное объединение, относительно которого был сделан вполне ожидаемый вывод: «Совет объединенных приходов, прикрываясь невинными призывами к «оживлению православной церкви», на самом деле был организацией явно контр-революционного характера, имеющей целью свержение Советской власти, для чего звал к организованному и вооруженному выступлению против населения». В материалах следствия перечислялись лица, составлявшие руководство Совета. Утверждалось, что все они широко известны своими реакционными взглядами, в прошлом всячески поддерживали царский режим и состояли в различных черносотенных организациях. Следствием было установлено, что А.Д. Кузнецов и Н.Д. Самарин с единомышленниками распространяли слухи о якобы имеющих гонениях, воздвигнутых Советом Народных Комиссаров и его агентами на местах «против веры и христовой церкви», в связи с чем предлагали меры, которые должны были принять все приходы на случай покушения со стороны представителей нынешней власти захватить храм. Руководство Совета объединенных приходов требовало от прихожан извещать о случаях нападения на их храмы набатным звоном, чтобы местное население могло воспрепятствовать разграблению.

---

¹⁰³⁷ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 512.

Для Следственной комиссии Московского губернского революционного трибунала опасность набатного звона в антибольшевистских выступлениях, происходивших в Московской губернии в 1918–1919 гг. при непосредственном участии духовенства и верующих, была вполне очевидна.

В Ревтрибунале уже имелся опыт рассмотрения дел такого рода: Звенигородское, Павлово-Посадское и др.¹⁰³⁸ По всем этим делам были вынесены суровые приговоры священникам, монахам и мирянам, встававшим на защиту своих храмов. Существенную роль в большинстве случаев играл набатный звон. Большевики справедливо опасались массовых выступлений и набатного звона, с помощью которого народ мог мгновенно объединиться. 30 июля 1918 г. Совнарком принимает даже специальное постановление «О набатном звоне», в котором грозит трибуналом не только тем, кто станет созывать народ таким образом, но и их пособникам, а также всем, кто только задумает подобное¹⁰³⁹.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод, что Совет объединенных приходов как организация, провозглашавшая идею объединения верующих против посягательств со стороны властей, то есть установления и укреплению горизонтальных связей между приходами, не могла не рассматриваться большевиками как потенциально опасная.

Всего по делу проходило 17 человек. Наиболее тяжкие обвинения: «в организации контрреволюционного общества под названием «Совет объединенных приходов гор. Москвы»¹⁰⁴⁰ предъявлялись руководителям Московского Совета объединенных приходов А.Д. Самарину, Н.Д. Кузнецову, священнику Авениру Полозову, Г.А. Рачинскому и протоиереям Николаю Цветкову и Сергию Успенскому. Судебное заседание продолжалось шесть дней: с 11 по 16 января

---

¹⁰³⁸ Эти выступления произошли в первые послереволюционные годы. События в Шуе, Дорогомилове и пр. произойдут позже.

¹⁰³⁹ Постановление СНК «О набатном звоне». 30 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 764. (Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/30841> (дата обращения: 22.12.2022).).

¹⁰⁴⁰ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 6. Л. 520 об., 521.

1920 г. Учитывая «тяжесть и общественную опасность содеянного всеми обвиняемыми», первоначальный приговор предполагал расстрел двух главных обвиняемых, но уже в процессе заседания, приняв во внимание «мощь и силу внешнего и внутреннего пролетарского фронта, героические победы рабочих и крестьян над мировой буржуазией и амнистию В.Ц.И.К. 5-го ноября 1919 г.», судьи сочли возможным значительно его смягчить. Самарина и Кузнецова приговорили к заключению в концлагере «до окончательной победы Рабоче-Крестьянской власти над мировым империализмом», а прочим сократили сроки заключения с первоначальных десяти до трех лет¹⁰⁴¹. Так проявилась практика смягчения первоначально весьма суровых приговоров Ревтрибуналов.

Построение приговора свидетельствовало, с одной стороны, о попытке устрашения самыми суровыми мерами, с другой – об очевидной снисходительности властей, проявленной по самым разным поводам: с учетом мощи и силы пролетарского фронта, по причине амнистии, преклонного возраста и пр. Причем сокращение первоначальных сроков заключения оказывается весьма существенным – в разы, не говоря уже об отмене смертной казни для А.Д. Самарина и Н.Д. Кузнецова. Ничего подобного мы не увидим уже в процессах конца 1920-х гг., не говоря о более поздних событиях. Не менее характерным моментом для рассматриваемого времени является дальнейшая судьба осужденных, некоторые из которых несмотря на значительные, даже после смягчения приговора, сроки заключения оказались на свободе в том же 1920 г. Неоднократно сокращался и срок заключения для «главных» обвиняемых – А.Д. Самарина и Н.Д. Кузнецова, которые были освобождены в апреле и декабре 1921 г. соответственно¹⁰⁴².

«Дело Самарина–Кузнецова» выразительно продемонстрировало, какую опасность власти видели в объединении церковных приходов. Горизонтальные связи, существовавшие в церковной среде на низовом, приходском уровне еще до

---

¹⁰⁴¹ ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3 Д. 7. Л. 9.

¹⁰⁴² Голубцов С.А., протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М, 1999. С. 84.

создания Совета, после его организации грозили превратиться в устойчивую структуру, способную сплотить вокруг себя приходское духовенство и мирян, что противоречило одной из главных тактических задач всей антицерковной политики, заключавшейся в разобщении верующих.

Одним из самых громких дел Московского революционного трибунала стало, несомненно, дело, вошедшее в историографию как «1-й московский процесс 1922 года по делу церковников». Процесс в Московском революционном трибунале начался 28 апреля, а приговор был вынесен 8 мая 1922 г., когда, напомним, изъятия церковных ценностей в некоторых уездах Московской губернии (например, Богородском¹⁰⁴³ и Бронницком¹⁰⁴⁴) еще продолжались. Последнее замечание представляется нам существенным, так как одной из целей всего процесса (если не главной) было устрашение, и оглашение приговора во время изъятий в этом смысле властям могло быть на руку.

Первоначальный приговор предполагал расстрел одиннадцати человек, лишение свободы на 5 лет шестерых осужденных, лишение свободы на 3 года тринадцати человек, и десятерым срок наказания был определен в один год. Участь осужденных решалась в Политбюро ЦК РКП(б), куда Л.Б. Каменевым было внесено предложение ограничиться расстрелом двух священников¹⁰⁴⁵. О том, насколько важным для большевиков был общественный резонанс от процесса и насколько, одновременно, все происходившее было далеко от любого представления о праве, свидетельствует тот факт, что конкретных фамилий не называлось: просто вместо одиннадцати – двоих. Несколько дней наверху совещались о том, сколько человек казнить, и лишь 14 мая было принято решение: «Идя навстречу ходатайству прогрессивного духовенства», расстрелять пятерых – священников Х.А. Надеждина, В.А. Соколова, А.Н. Заозерского, иеромонаха М.

---

¹⁰⁴³ Протоколы, акты, списки по изъятию церковных ценностей из церквей Богородского уезда // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 302.

¹⁰⁴⁴ Протоколы, акты, списки по изъятию церковных ценностей из церквей Бронницкого уезда // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305.

¹⁰⁴⁵ Голубцов С.А., протоиерей Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999. С. 117.

Телегина и мирянина С.Ф. Тихомирова¹⁰⁴⁶. Под «прогрессивным духовенством», по ходатайству которого якобы и было принято решение о помиловании более половины приговоренных, по мысли Л.Д. Троцкого, общественность должна была понимать иерархов так называемой «живой церкви», то есть обновленцев. Налицо была очередная попытка властей добавить популярности организованному ею раскольническому движению.

И наконец, в ноябре того же 1922 г. начались открытые слушания Московского революционного трибунала по «2-му процессу церковников». Обвиняемым, как и в «1-м процессе», инкриминировалось сопротивление изъятию церковных ценностей, а кроме того: произнесение проповедей, участие в приходских собраниях, на которых обсуждалась политика властей в отношении Церкви, тиражирование патриаршего воззвания и пр. На допросах обвиняемые утверждали, что не видели в своих действиях нарушения закона, однако большинство из них были приговорены к различным срокам заключения (смертных приговоров вынесено не было) – от 10 лет до одного года. 35 человек были оправданы. Однако сразу же по причине амнистии, объявленной по случаю 5-летия революции, трибунал постановил всем, осужденным на срок более одного года, сократить наказание на треть, а осужденных на год – освободить¹⁰⁴⁷. Судя по всему, в дальнейшем сроки заключения продолжали сокращаться, и протоиерей Сергей Голубцов в своем исследовании высказывает предположение, что все осужденные были освобождены не позднее октября 1923 г.¹⁰⁴⁸

Выраженную тенденцию к скорому смягчению приговоров, выносившихся революционным трибуналом, демонстрируют и менее резонансные дела, что лишний раз ее подтверждает. Так, например, в декабре 1918 г. в Московском губернском ревтрибунале рассматривалось дело священника Георгиевского храма села Ванилова Ашитковской волости Бронницкого уезда Михаила Дмитриевича

---

¹⁰⁴⁶ Там же. – С. 119.

¹⁰⁴⁷ Православная энциклопедия. Т. 47. М., 2017. С. 352–358.

¹⁰⁴⁸ Голубцов С.А., протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений. 1917–1922 гг. М., 1999. С. 144.

Сахарова. В приговоре по делу указывается, что священник Сахаров 11 февраля 1918 г., прочитав Декрет «Об отделении церкви от государства», объяснил «смысл Декрета в извращенном виде», чем вызвал волнение несознательных масс¹⁰⁴⁹. В извращенной трактовке Декрета, согласно документу, священника поддержали местные учительницы, «чем в окончательной форме настроили враждебно крестьянские массы против Советской Власти». В дело вмешался уездный комиссар просвещения Попов, который попытался разъяснить крестьянам «истинный смысл Декрета», но высказаться ему не дали и жестоко избили. Преступление было несомненным, совершенным при множестве свидетелей, избивавшие комиссара скрываться от следствия и отрицать свою вину не стали.

Таким образом, дело для следствия проблем не представляло. Не стал неожиданностью и приговор, при вынесении которого члены трибунала очевидно руководствовались «велениями революционной совести», так как ничем иным нельзя объяснить, что те, кто непосредственно избивал комиссара Попова, получили по три года общественных принудительных работ, а священник Михаил Сахаров – пять. Ни жалоба, которую сразу же в кассационный отдел ВЦИК направили осужденные, ни прошение об освобождении священника, составленное прихожанами, результата не дали. Ответы, поступавшие из соответствующих инстанций (в те годы ответы на жалобы и прошения еще практиковались), были категоричны и не оставляли надежды на смягчение приговора.

Тем более удивительным стало неожиданное освобождение всех заключенных в мае 1919 г. Это произошло «на основании декрета Всероссийского Центрального Комитета от 25-го апреля 1919 г. об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных» как лиц, пребывание которых на свободе не опасно для Республики¹⁰⁵⁰. В соответствии с Декретом ВЦИК «Об освобождении из заключения некоторых категорий арестованных и осужденных» от 25 апреля 1919 г. освобождались из заключения все задержанные органами борьбы с контрреволюцией, которым не предъявлено обвинение в

---

¹⁰⁴⁹ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300«В». Л. 3.

¹⁰⁵⁰ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 300«В». Л. 2.

непосредственном участии в заговоре против Советской власти, в подготовке или организации белогвардейских сил, и досрочно освобождались те осужденные, освобождение которых не представляет опасности для государства¹⁰⁵¹.

Не вдаваясь в причины появления такого декрета, отметим, что его формулировка, как и формулировки многих законодательных установлений рассматриваемого периода, допускала возможность различного толкования его норм. На первый взгляд обвинение, по которому был осужден священник Сахаров, – выступление против советской власти – вполне могло стать препятствием для распространения на него действия Декрета от 25 апреля 1919 г. Но при благоприятных для него обстоятельствах могло и не стать. Что и произошло. Так же неоднозначно действие упомянутого Декрета в отношении лиц, избивших комиссара Попова. Неужели они, поднявшие руку на представителя власти, комиссара, то есть лицо, особо охраняемое от посягательств, не представляли опасности для властей? На этот вопрос также можно ответить по-разному, но и здесь трибунал занял сторону осужденных.

Вполне обыкновенным в обширном списке подобных дел можно считать дело священника Владимирского храма подмосковного села Краскова отца Сергия Никитского, которое слушалось в Московском губернском революционном трибунале в апреле 1920 г. Он обвинялся в контрреволюционной агитации и неисполнении распоряжений центральной власти¹⁰⁵². В приговоре утверждалось, что Никитский, «пользуясь доверием как пастор (так в тексте. – *В.Н.*)», использовал это доверие далеко не в пользу бедных и отсталых, а в пользу «сидящих выше в троицких подворьях и прочих уютненьких уголках», до сих пор «к стыду нашему облачившись в саны великих патриархов церкви» и старался использовать его для своего благополучия, благодаря «сделки с жандармами и царскими опричниками и лозунгом их есть затемнение трудящихся». Если абстрагироваться от языка

---

¹⁰⁵¹ Файзуллина Д.Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Russian Journal of Economics and Law. – 2008. – № 2. – С. 151–157.

¹⁰⁵² ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311. Л. 9, 9 об.

документа, как кажется, выделяющегося даже среди безграмотных в массе своей документов первых послереволюционных лет, то в тексте можно разглядеть явные выпады не столько против конкретного священника Сергея Никитского, сколько против Патриарха и Церкви в целом. То есть автор приговора как бы подготавливает читателя (слушателя, если речь идет о судебном процессе) к тому, что трибунал, руководствуясь при вынесении приговора все теми же «велениями революционной совести», будет иметь на это моральное право.

Священника Сергея Никитского обвиняли в том, что он якобы сопротивлялся проведению в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства». Однако из материалов дела следует, что в действительности он лишь отказался сразу подписать договор о принятии прихожанами в безвозмездное пользование церковного здания и богослужебной утвари, мотивируя свой отказ недостаточной конкретностью формулировки 4-го пункта договора, в котором говорилось об обязанности общины выплачивать различные налоги. Его сомнения представляются вполне обоснованными, ибо этот договор он, как и большинство настоятелей, в 1919 г. видел впервые и не мог знать, что отныне он будет заключаться регулярно в течение ближайшего десятилетия. Впоследствии, кстати, отец Сергей Никитский будет подписывать его неоднократно и ни разу не допустит задержек, ибо содержание договора станет типовым.

В приговоре утверждается, что вина священника, заключающаяся в отказе подписать договор, материалами дела доказана, но в действительности это было не так¹⁰⁵³. Напротив, материалы дела свидетельствуют об обратном, ибо содержат вполне убедительные соображения обвиняемого, почему он не рискнул подписать непонятный ему договор, подтвержденные показаниями свидетелей.

Вообще, в довольно объемном Приговоре, плотно напечатанном на большом листе, собственно обвинения занимают одну строчку. Все остальное – общие слова о реакционной сущности духовенства и о том, как оно обманывает темные массы. Текст приговора как бы подготавливает читателя к самому суровому наказанию. И

---

¹⁰⁵³ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311. Л. 36–38 об.

ожидания оправдываются – священник Никитский приговаривается к пяти годам заключения. Срок – минимальный для середины 1930-х гг., но для 1919 г. – огромный. Однако даже без апелляции осужденного это наказание, «применив к нему амнистию В.Ц.И.К. от 5 ноября», заменяют условным с принудительными работами в течение одного года¹⁰⁵⁴. В документе речь шла об амнистии, посвященной 2-й годовщине революции¹⁰⁵⁵. Заметим, что и принудительные работы отцу Сергию в полном объеме выполнить будет не суждено, правда, на сей раз не по причине амнистии, а по куда более печальной – его снова арестуют¹⁰⁵⁶.

В ряде случаев дела духовенства, рассматривавшиеся в Московском революционном трибунале, и вовсе заканчивались оправдательными приговорами. В качестве примеров можно привести дела священника Троицкого храма села Раменского отца Александра Сергеевича Парусникова¹⁰⁵⁷ и настоятеля Никольского храма в Малышеве Бронницкого уезда отца Сергия Сергеевича Лебедева¹⁰⁵⁸.

В первом случае речь шла об отказе священника венчать некоего гражданина Герасимова, однажды венчанного, но расторгшего брак в советском народном суде. Отец Александр отказал Герасимову в просьбе обвенчать его с новой избранницей с мотивировкой: «Мы, священники, советской власти не признаем, и церковь откололась от государства»¹⁰⁵⁹. Такая формулировка была занесена в протокол, что формально могло стать основанием для отдельного обвинения священника, теперь уже в непризнании советской власти, что, несомненно, и произошло бы, если бы

¹⁰⁵⁴ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 311. Л. 9, 9 об.

¹⁰⁵⁵ Постановление ВЦИК об амнистии ко 2-й годовщине Октябрьской революции. 5 ноября 1919 г. // Известия ВЦИК. 1919. № 248.

¹⁰⁵⁶ Дело Московской чрезвычайной комиссии при Московском Совете по обвинению Никитского С.М., Поповского С.П. и Данилина Н.Н. 1920 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851.

¹⁰⁵⁷ Дело Александра Сергеева Парусникова (контр-революция). 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 684.

¹⁰⁵⁸ Дело по обвинению свящ. Лебедева в агитации против отделения церкви от Государства. 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 237.

¹⁰⁵⁹ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 684. Л. 7, 7 об.

дело рассматривалось десятью годами позже. Но в 1919 г. оно было прекращено «за отсутствием состава преступления»¹⁰⁶⁰.

Дело отца Сергея Лебедева во многом напоминает дело красковского священника Никитского, рассмотренное выше, с той разницей, что в мальшевском приходе неподчинение Декрету «Об отделении церкви от государства», с точки зрения властей, проявилось из-за якобы неправильного толкования возможности преподавания Закона Божия. Но и здесь 18 ноября 1918 г. дело священника Сергея Лебедева было прекращено в виду отсутствия состава преступления¹⁰⁶¹.

На примере ряда дел Московского революционного трибунала против приходских священнослужителей в период 1918–1920-х гг. можно проследить определенную тенденцию при вынесении приговоров, выразившуюся в стремлении властей максимально смягчить первоначальные приговоры, а в ряде случаев – вообще прекратить дела. Сказанное вовсе не означает намерение автора представить деятельность Московского революционного трибунала в отношении Церкви в каком-то новом ракурсе. Безусловно, это был репрессивно-карательный орган. Однако приведенные примеры свидетельствуют о необъяснимом на первый взгляд и характерном для разных составов трибунала стремлении либо оправдать, либо, если это представлялось невозможным, амнистировать осужденных по одному из многочисленных поводов. И это при том, что формулировки обвинений, зафиксированные в делах Московского революционного трибунала, вполне могли соответствовать самым суровым приговорам¹⁰⁶².

Таким образом, основной целью работы Московского революционного трибунала было устрашение и демонстрация своей вседозволенности. Именно устрашение было одним из наиболее эффективных методов большевиков в подавлении своих реальных и даже кажущихся противников, что весьма определенно сформулировал один из идеологов антицерковной политики

---

¹⁰⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 684. Л. 1.

¹⁰⁶¹ ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 237. Л. 30.

¹⁰⁶² Никонов В.В. Особенности вынесения приговоров Московским революционным трибуналом по делам духовенства и верующих в 1918–1920-е гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 74–87.

Л.Д. Троцкий, утверждавший, что устрашение – это могущественное средство политики¹⁰⁶³.

Окончательное понимание того, что Церковь быстро сокрушить не получится, пришло к большевикам не ранее конца 1921 г., и отчаянной попыткой нанести решающий удар должно было стать изъятие церковных ценностей, о чем В.И. Ленин высказался совершенно недвусмысленно в знаменитой записке членам Политбюро 19 марта 1922 г. Не случайно сразу же после реквизиций начинается процесс, в результате которого выносятся пять смертных приговоров.

Следует отметить еще одну общую черту дел Московского революционного трибунала. За редким исключением все осужденные, амнистированные и даже оправданные в 1918–1922 гг. приходские священники и миряне оказались арестованными впоследствии, а некоторые, как, например, священники Сергей Никитский, Сергей Лебедев и др., не по одному разу. Для них факт осуждения и даже оправдания Революционным трибуналом стал своего рода маркером, о котором говорилось выше, и в материалах всех последующих следственных дел стояла отметка «осужден Московским революционным трибуналом».

В 1922 г. в системе пресечения правонарушений и преступлений в РСФСР произошли изменения. С этого времени уголовные преследования, в том числе духовенства и мирян по церковно-религиозному признаку, осуществлялись органами ГПУ (с 1923 г. – ОГПУ) в соответствии с нормами Уголовного кодекса, впервые в советской России принятого ВЦИК 22 мая 1922 г. Принципиальная разница заключалась в том, что принятие Уголовного кодекса должно было положить конец практике, существовавшей в период работы революционных трибуналов, выполнявших судебные функции по делам, связанным с контрреволюционными проявлениями, к которым относилось абсолютное большинство дел «церковников», когда при вынесении приговоров их члены руководствовались своим революционным правосознанием.

---

¹⁰⁶³ Троцкий Л.Б. Терроризм и коммунизм. Петроград, 1920. С. 56, 57.

Существенным противоречием УК 1922 г. являлось то, что, устанавливая составы деяний, которые признавались преступными, он одновременно допускал применение аналогии. То есть «судьям предоставлялась возможность правотворчества, и признавать преступным любое деяние, которое можно было усмотреть в поведении классовых противников»¹⁰⁶⁴, что до известной степени роднило первый советский Уголовный кодекс с принципами судопроизводства революционных трибуналов.

Чаще всего на протяжении десятилетий представители приходского духовенства и сотрудники приходов, если преследования имели место по церковно-религиозным основаниям, обвинялись по статье 58 УК. Она появилась уже в его первой редакции, но первоначально описывала состав преступлений, связанных с организацией контрреволюционных восстаний и вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд¹⁰⁶⁵. Такая формулировка 58-й статьи сохранилась во второй редакции Кодекса 1924 г., и только в следующей редакции 1926 г. приобрела более «привычную» для исследователей форму, с незначительными вариациями сохранившуюся до 1950-х гг.

Статья 58 в Кодексе 1926 г. имела 14 пунктов, и в их числе уже имелись те, которые чаще всего будут встречаться в обвинительных заключениях по делам «церковников» последующих лет: 58.8 – Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти; 58.10 – Пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, изготовление или хранение литературы того же содержания; 58.11 – Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений¹⁰⁶⁶. Уголовный кодекс РСФСР,

---

¹⁰⁶⁴ Селивановская И.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты. //Историческое обозрение. 2009. № 10. С. 78–83.

¹⁰⁶⁵ Уголовный кодекс РСФСР. 1922 г. // [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_\(1922\)#1._О_контрреволюционных_преступлениях](https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_(1922)#1._О_контрреволюционных_преступлениях) (дата обращения: 28.08.2023)

¹⁰⁶⁶ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1927. С. 28, 29.

таким образом, рассматривал преступления, по которым обвинялись лица по церковно-религиозному признаку, с точки зрения их социальной опасности для советской власти, не описывая то, как именно эти угрозы осуществлялись. Этим достигалось внешнее соответствие законодательству о религиозных культах, которое запрещало преследования граждан по их религиозным убеждениям. Формально же почти все основания, по которым преследовались «церковники», описывались статьей 58УК.

В рассматриваемый период этими основаниями были:

- Сопротивление закрытию храмов
- Нарушение законодательства в области государственно-церковных отношений (крестные ходы и хождения с иконами, сопротивление снятию колоколов и нарушение запретов на отдельные виды колокольного звона)
- Противодействие (сопротивление) колхозному строительству

Репрессии в отношении приходского духовенства и мирян по перечисленным основаниям объединяет содержание обвинительных заключений, где эти обвинения часто соседствуют. При этом в названиях следственных дел почти никогда не встречается указаний на то, что организованы они по церковно-религиозному признаку. Лишь по отдельным документам, входящим в дело (постановление о принятии дела к производству, справка на арест, протоколы допросов, обвинительное заключение и пр.), можно определить, что именно явилось причиной его возбуждения. Это позволяет довольно наглядно проследить связь между различными антирелигиозными и антицерковными кампаниями, проводившимися в СССР в разное время, и обвинениями, предъявлявшимися арестованным. Поэтому в следственных делах до 1930 г. обвинения в сопротивлении закрытию храмов часто сопровождаются обвинениями в несанкционированных крестных ходах или просто «хождениях с иконами» по селу, а в более поздних делах обвинения в «хождениях» постепенно исчезают, но все чаще появляются упоминания о том, например, что арестованные были противниками запрещения колокольного звона и снятия колоколов. Иногда

нарушением запрета на крестные ходы или хождения по селу с иконами дополнялось не сопротивление закрытию храма, а агитация против хлебозаготовительной кампании, как произошло в деревне Тиликтино Новопетровского (ныне Рузского) района Московской области¹⁰⁶⁷, или призывы не ходить в красную избу-читальню и на просмотр советских пропагандистских фильмов (дело священника Покровского храма села Еганова Николая Успенского)¹⁰⁶⁸. Кроме того, обвинительные заключения следственных дел, возбужденных после 1927 г., содержат обвинения в сопротивлении колхозному строительству, выдвигаемые вкупе с уже перечисленными.

Как пример дела, возбужденного на основании *сопротивления закрытию храма и одновременно нарушения запрета хождений с иконами* по селу, можно привести дело «Белоомутского контрреволюционного выступления церковников» 1929 г. В обвинительном заключении по делу говорилось, что возникло оно в связи с тем, что в селе Нижний Белоомут Коломенского района церковниками с кулацко-зажиточной частью населения на почве использования провокационных слухов 29 июля 1929 г. вызвано контрреволюционное выступление граждан села¹⁰⁶⁹. Далее в Обвинительном заключении сообщалось о нарушении запрета местного ВИКа пройти по селу с молебном на Пасху, о нелегальном собрании церковного совета, об устройстве без разрешения ВИКа собрания верующих и распространении «провокационных слухов» о закрытии церкви. Между тем в Постановлении о принятии дела к производству, составленном в июле 1929 г., утверждалось, что поименованные лица изобличаются в том, что подготавливали массовое выступление населения с протестом против запрета местной власти ходить с молебнами священнослужителям культа по домам и против предполагаемого закрытия Преображенской церкви, предназначенной для передачи фабрике

---

¹⁰⁶⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-20297.

¹⁰⁶⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51813.

¹⁰⁶⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 47390. Т. 2. Л. 282.

«Заготхоз милиции республики», для чего использовали набатный звон¹⁰⁷⁰. Обращает на себя внимание несоответствие между тем, что закрытие Преображенского храма названо «предполагаемым», и тем, что указывается, под какие цели он предназначен. Иными словами, судьба «предполагаемого» к закрытию храма в действительности была уже решена.

Это не единственное несоответствие Обвинительного заключения и Постановления о принятии дела к производству. Молебен на Пасху – не то же самое, что «хождения с молебнами»; собрание церковного совета не могло считаться нелегальным даже по нормам Постановления «О религиозных объединениях», принятого в апреле 1929 г.; о «провокационных слухах» о закрытии храма, которые на деле оказались запланированным решением, было сказано выше; и только несогласованное собрание прихожан могло считаться нарушением законодательства, но именно этот пункт отсутствует в Постановлении, составленном, напомним, на полгода раньше Обвинительного заключения. Кроме того, в Постановлении упоминался набатный звон, которого в Обвинительном заключении не оказалось. Таким образом, в деле прямо или косвенно упоминаются все три характерных для рассматриваемого периода обвинения против приходского духовенства и мирян.

Дело «Белоомутского контрреволюционного выступления церковников» 1930 г. стало одним из самых больших в Московской области по числу арестованных. Всего по нему проходило 120 чел., более половины которых осудили к различным срокам заключения, а троих арестованных: священника В.Е. Головина, члена церковного совета А.И. Радина и приходского казначея И.Н. Горяинова – Коллегия ОГПУ 3 января 1930 г. приговорила к смертной казни¹⁰⁷¹. Большинство обвинений заключалось в сопротивлении закрытию храма самыми разными способами, начиная от организации схода и антисоветских заявлений и заканчивая жертвой 30 руб. на свечи, которые использовались для освещения церкви на благодарственном богослужении по случаю возвращения

---

¹⁰⁷⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 47390. Т. 1. Л. 2.

¹⁰⁷¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 47390. Т. 1. Л. 487.

храма из рук коммунистов¹⁰⁷². В числе осужденных оказался весь причт, приходской совет храма, сотрудники прихода, а также родственники священнослужителей и членов церковного совета. В этом смысле Белоомутский процесс можно считать своего рода предтечей процессов 1937–1938 гг.

Белоомутское дело, если принять во внимание число осужденных и относительно жестокий для 1930 г. приговор по нему, имело две цели: во-первых, устрашение духовенства и верующих и, во-вторых, более утилитарную цель, заключающуюся в уничтожении прихода, что и было достигнуто. Преображенский храм, простояв некоторое время без священнослужителей, был разрушен в 1933 г.¹⁰⁷³

Сходным с Белоомутским, стало дело «Об антисоветской деятельности группы церковников-торговцев и контр-революционном выступлении 6 октября 1929 г. в г. Озерах Коломенского округа». В октябре 1929 г. власти решили закрыть храм в г. Озерах, опубликовав в газете «Красные Озера» протокол собрания рабочих местной фабрики, которые якобы предложили передать церковное здание под столовую. Разумеется, верующие поняли, чем это грозит, и вышли на несанкционированное собрание перед храмом. Оно было разогнано, и в материалах дела его представили как устроенное торговцами-кулаками для дискредитации советской власти. Введя в заблуждение часть верующих, среди которых начался сбор писем об оставлении церкви, торговцы-кулаки якобы стали требовать прекращения травли церковников в газете и на рабочих собраниях, тогда как никаких постановлений о закрытии церкви и использовании ее под столовую не было¹⁰⁷⁴. Следует отметить, что в октябре 1929 г. никаких постановлений о закрытии церкви и в самом деле не принималось, но верующие прекрасно понимали, что вопрос о переоборудовании храма под столовую уже решен, так как

---

¹⁰⁷² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 47390. Т. 2. Л. 282–351.

¹⁰⁷³ Храм в честь Преображения Господня в поселке Белоомут. // Древо. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/7364.html> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁰⁷⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 46622. Л. 1.

подобное после утверждения Постановления «О религиозных объединениях» происходило в Московской области повсеместно.

Для современников событий было очевидным, что под формулировкой «торговцы-кулаки» скрывались члены церковного совета. Это подтверждается документами, входящими в дело. Составу совета в деле придается большое значение. Из его материалов следует, что духовенство храма якобы готовилось к антисоветскому выступлению задолго до его начала и уже с 1928 г. предпринимало усилия для формирования приходского совета из благонадежных людей, для чего из состава совета постепенно были выведены «простые рабочие»,¹⁰⁷⁵ с тем чтобы большинство оказалось состоявшим из кулаков-торговцев.

В результате «поповской антисоветской и контрреволюционной агитации» перед храмом были собраны верующие, благодаря чему и произошли беспорядки. Приговор, как в предыдущем деле, был суровым. Коллегия ОГПУ 29 января 1930 г. приговорила священника Алексея Лихачева, церковного старосту И.Ф. Коренькова и члена приходского совета В.П. Чарухина к смертной казни. Остальные получили длительные сроки пребывания в концлагере и высылки¹⁰⁷⁶. Но даже этим органы ОГПУ не ограничились, распространив наказание на родственников осужденных. Семьи двадцати двух осужденных также подвергались высылке¹⁰⁷⁷. Таким образом, арестованным оказался весь приходской актив, а настоятель и две ключевые фигуры на приходе были приговорены в смерти. Для января 1930 г. это был исключительно жестокий приговор, очевидно, имевший целью устрашение всех, кто мог бы попытаться воспрепятствовать закрытию храма и прекращению действия прихода.

Выразительной иллюстрацией тезиса о том, что гражданин, однажды оказавшийся в поле зрения советских спецслужб, уже не выходил из него и зачастую арестовывался по нескольку раз, можно считать дело, возбужденное в январе 1930 г. против священника старообрядческого храма деревни Хорловой

---

¹⁰⁷⁵ Там же. Л. 382.

¹⁰⁷⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 46622. Л. 399.

¹⁰⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 46622. Л. 399 об.

Воскресенского района Московской области Егора Савельевича Горячева 1886 (1887?) г.р. На момент осуждения Е.С. Горячеву было 43 года, он был грамотным, беспартийным, семья состояла из трех человек. Священник Горячев обвинялся в сопротивлении закрытию церкви, о чем осенью 1929 г. было принято решение на общем собрании колхозников. Согласно материалам дела, отец Егор решил активно воспрепятствовать этому решению, для чего стал обходить дома верующих, призывая их «не отдавать церковь и общими усилиями бороться с Соввластью до конца». Из материалов дела следует, что в том же населенном пункте проживала семья прежнего, в недавнем прошлом расстрелянного священника, по фамилии Рябов¹⁰⁷⁸, которую местные власти одновременно с закрытием храма решили выселить из занимаемого дома. Вероятнее всего, это не было совпадением, так как семья священника Рябова могла после его гибели проживать в доме причта, который после закрытия храма также изымался у Церкви. Таким образом, отец Егор Горячев призывал жителей села не только отстоять храм, но и заступиться за членов семьи убитого прежнего настоятеля. Мало этого, священник Горячев распространял «заведомо ложные сведения о местных активистках-общественницах» – школьных работницах, выступавших свидетелями на суде по делу Рябова¹⁰⁷⁹. Таким образом, отцу Егору вменялась в вину не только защита храма, но и антисоветская агитация и контрреволюционная пропаганда.

Хотя отец Егор с предъявленными ему обвинениями не согласился и свою вину отрицал по всем пунктам, 30 апреля 1930 г. тройка при ПП ОГПУ МО постановила выслать Горячева Егора Савельевича в Северный Край сроком на три года. Отбыв трехлетний срок высылки, он вернулся в Московскую область, но вскоре, в период Большого террора, был в третий раз арестован и 19 ноября 1937 г. тройкой при УНКВД МО приговорен к высшей мере наказания¹⁰⁸⁰.

---

¹⁰⁷⁸ Поиск следственного дела священника Рябова на момент создания настоящего исследования результатов не дал, что может свидетельствовать не о его «расстреле по приговору суда», как это указано в деле Е.С. Горячева, а о бессудном убийстве на рубеже 1910–1920-х гг.

¹⁰⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. п. 1. Д. П-45716. Л. 36.

¹⁰⁸⁰ ГА РФ. Ф. 10035. п. 1. Д. У-191310.

В деле упоминается его прежняя судимость, что делает небезосновательным предположение о том, что в 1930 г. его арестовали не за инкриминируемые ему деяния, а потому, что для органов ОГПУ он уже являлся неблагонадежным. Таким образом, закрытие храма в деревне Хорловой явилось не причиной его ареста в 1930 г., а, возможно, удобным поводом для властей окончательно разрушить приход. В дальнейшем для дважды судимого священника избежать репрессий в период Большого террора было практически невозможно.

Тенденция не афишировать церковно-религиозную составляющую в следственных делах приходского духовенства в полной мере отразилась в деле «Об антисоветской группировке гор. Бронницы из церковников, торгашей и т.п. лиц»¹⁰⁸¹. Примечательно, что уже в названии дела наряду с церковниками фигурируют «торгаши и тому подобные лица», что прямо указывает на их положение в приходе как членов церковного совета. Как было указано в § 1.4, формально суть дела сводилась к тому, что церковники, торгаши и им подобные лица города Бронницы объединились в черносотенную монархическую группировку и стали проводить в публичных местах, с использованием религиозных предрассудков масс, злостную антисоветскую агитацию против налоговой политики, займов, коллективизации, пятилетки, кооперации¹⁰⁸². При этом одной из главных причин возбуждения дела было сопротивление духовенства и прихожан планам властей о закрытии храма. Хотя в справках на арест и Обвинительном заключении об этом не говорилось, но материалы дела свидетельствуют убедительно, что церковники, пользуясь слухами о закрытии церкви-собора, стали возмущать верующих против советской власти, говоря, что если коммунисты вздумают отбирать церковь, то с ними, сволочами, надо расправиться¹⁰⁸³, и что церковь хотят закрыть под производство¹⁰⁸⁴ и т.п. Помимо этих воззваний, арестованным приписывались публичные высказывания

---

¹⁰⁸¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 1.

¹⁰⁸² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 3.

¹⁰⁸³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 4-5.

¹⁰⁸⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 31126. Л. 81.

антисемитского характера¹⁰⁸⁵, что приравнивалось к контрреволюционной агитации.

Всего по делу проходило 33 человека, из которых лишь некоторые свою вину признали частично, а большинство не признали ни в чем. Тем не менее, Коллегия ОГПУ 29 января 1930 г. приговорила восьмерых обвиняемых к пяти годам концлагерей, а остальных 25 человек к трем годам лагерей и высылки в отдаленные области¹⁰⁸⁶.

Аналогичные дела в конце 1920-х – начале 1930-х гг. возбуждались в Московской губернии/области повсеместно, но приговоры по ним постепенно становились менее жесткими. Если в конце 1929 г. и в самом начале 1930 г. некоторых осужденных приговаривали к смертной казни, то уже весной 1930 г. наиболее частым сроком заключения в концлагерь или высылки становятся сначала пять, а затем – три года¹⁰⁸⁷. Кроме того, в решениях Коллегии ОГПУ все чаще встречаются оправдательные приговоры¹⁰⁸⁸.

После того как Постановлением Комиссии по вопросам культов при ВЦИК от 26 января 1930 г. решения о ликвидации молитвенных зданий предоставлялись краевым и областным исполкомам¹⁰⁸⁹, процедура закрытия храмов упростилась. Власти на местах не преминули воспользоваться этой возможностью, что привело, с одной стороны, к увеличению числа закрываемых церквей, а с другой – к росту числа уголовных дел, связанных с попытками сопротивления закрытиям. При этом дел, в которых обвиняемым вменялось в вину исключительно сопротивление закрытию храмов, почти не встречается. На повестке дня актуальными становятся обвинения в абстрактной антисоветской агитации, в ряде случаев конкретизированной в форме сопротивления колхозному строительству. В этот период сохраняется тенденция, когда по заголовкам следственных дел невозможно

---

¹⁰⁸⁵ Там же. Л. 263.

¹⁰⁸⁶ Там же. Л. 285, 285 об.

¹⁰⁸⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49460. Л. 90.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-15998. Л. 103.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-48474. Л. 95.

¹⁰⁸⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-15998. Л. 104.

¹⁰⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

определить, что именно лежало в основе их возбуждения. Однако из содержания дел часто можно сделать вывод о том, что причинами их возбуждения становилось сопротивление закрытию храмов. Более того, в Докладной записке ответственного секретаря Культурной комиссии ВЦИК Воробьева секретарю ВЦИК А.С. Киселеву от 3 марта 1933 г. по этому вопросу говорится: «Благодаря формальному отношению РИКов и ОблИсполкома к рассмотрению жалоб, значительное количество жалобщиков (на незаконное закрытие храмов. – В.Н.) в явное нарушение действующего законодательства были осуждены на разные сроки той или иной меры социальной защиты»¹⁰⁹⁰. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сопротивление закрытию храмов, выраженное даже в форме жалобы, уже в самом начале 1930-х гг. становилось поводом для уголовного преследования.

Ряд дел против приходского духовенства и мирян на рубеже 1920–1930-х гг. возбуждался в связи с очередным витком антиколокольной кампании. Краткая ее история выглядит следующим образом. Сразу после захвата власти большевики повели борьбу с колокольным звоном, консолидирующая составляющая которого для верующего, а следовательно, антибольшевистски настроенного населения была очевидной. Самым ранним из законодательных актов в этой сфере стало Постановление СНК «О набатном звоне»¹⁰⁹¹, принятое в 1918 г. Это Постановление было направлено не против колокольного звона вообще, а против лиц, которые таким образом могли бы созывать прихожан на защиту разграбляемых храмов, что в первые послереволюционные годы стало явлением повсеместным. Примечательно, что, согласно Постановлению, суду Революционного трибунала (в те годы такого рода преступления входили в его юрисдикцию) подлежали не только непосредственные исполнители, но также их «соучастники, пособники и

---

¹⁰⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–4.

¹⁰⁹¹ Постановление СНК РСФСР «О набатном звоне». 2 августа 1918 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/30841> (дата обращения: 24.08.2023).

подстрекатели», а «покушение на совершение означенного деяния» приравнивалось к его совершению.

С середины 1920-х гг. колокола действующих храмов вновь становятся объектом пристального внимания атеистической власти через структуры НКЮ и НКВД. В июне 1926 г. Е.А. Тучков разослал советским чиновникам, курирующим церковные вопросы, – Ярославскому, Попову, Смидовичу, Логинову — для ознакомления проект инструкции о порядке пользования колокольными, в которой утверждалось, что колокольный звон нарушает нормальное отправление общественного правопорядка¹⁰⁹².

В 1927 г. в СССР был взят курс на индустриализацию, что дало властям основания для кампании по продвижению идеи переплавки колокольной бронзы на нужды народного хозяйства.

4 ноября 1929 г. было принято Постановление о запрете колокольного звона, которое запрещало «так называемый трезвон или звон во все колокола», но разрешало использование маленьких колоколов определенного веса¹⁰⁹³. А в декабре того же года Секретариат ВЦИК утвердил постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», которым право запрета колокольного звона и снятия колоколов делегировалось местным властям¹⁰⁹⁴. На практике это стало мотивом для соревнования между областными и районными чиновниками в том, кто более преуспеет в деле ликвидации колокольного звона. Снятие колоколов становится массовым явлением.

30 октября 1930 г. с выходом Постановления СНК СССР «Об изъятии колоколов церквей»¹⁰⁹⁵ борьба с колокольным звоном достигла своего апогея. Этим Постановлением предписывалось «изъять колокола *со всех* (курсив мой. – В.Н.)

¹⁰⁹² Рябоконь В.В., иер. Особенности антиколокольной политики середины 20-х – начала 30-х годов XX века и ее реализация в Смоленске. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 219–237.

¹⁰⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 44.

¹⁰⁹⁴ Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Сов. власти и Рус. Православ. Церкви, 1917–1945 гг. СПб., 1995. С.102.

¹⁰⁹⁵ Постановление СНК СССР «Об изъятии колоколов церквей в целях использования их для снабжения промышленности цветными металлами». 30 октября 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 6. Д. 37. Л. 10-10 об.

церквей в городах, где колокольный звон запрещен», а где не запрещен, «изъять лишние колокола». Кто именно и каким образом будет определять, какие колокола являются «лишними», в Постановлении не указывалось. Таким образом, с октября 1930 г. вопрос колокольного звона был решен радикально и окончательно.

Фактическое сопротивление снятию колоколов наблюдалось в течение всей второй половины 1920-х гг., однако содержанием обвинительных заключений это становится уже на рубеже 1920–1930-х гг.

Колокольный звон для верующего человека имеет сакральное значение. Вполне допустимым будет предположение, что для большевиков этот факт являлся одним из главных аргументов в их борьбе с колоколами.

В ноябре 1929 г. по делу церковного старосты Богородице-Рождественского храма села Верхнее Мячково П.И. Секарева давал показания политпросветработник А.И. Ф-ев, 26-летний мячковский избач с сельским образованием. В обязанности избача входило проведение бесед, в том числе и на антирелигиозные темы. На одном из таких мероприятий довелось побывать и церковному старосте П.И. Секареву, который, по словам Ф-ева, говорил, что верующие должны воспрепятствовать снятию колоколов¹⁰⁹⁶. Его показания подтверждает крестьянин-коллективник¹⁰⁹⁷ Ф.Б. П-н.¹⁰⁹⁸

П.И. Секарев был осужден 18 января 1930 г. к трем годам концлагерей. О его судьбе известно лишь то, что он отбывал наказание в Усть-Вымском лагере ОГПУ, причем скорее всего ни о каком досрочном освобождении для него речи не шло. В следственном деле имеется документ, из которого следует, что по состоянию на 22 марта 1932 г. он еще находился в лагере.

В июле 1929 г. к ответственности привлекается священник Иоанн Романов, который, по версии следствия, узнав, что большинство граждан деревни Осташково Верховской волости Коломенского округа, входившей в его приход, на

---

¹⁰⁹⁶ Протокол допроса свидетеля Ф-ева А.И. 30 ноября 1929 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54475. Л. 36, 36 об.

¹⁰⁹⁷ Коллектив – первоначальное название колхоза.

¹⁰⁹⁸ Протокол допроса свидетеля П-на Ф.Б. 3 декабря 1929 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54475. Л. 40, 40 об.

своем сходе вынесло постановление о снятии колоколов с церкви для промышленности, отправился по домам, не обращая внимания на предостережения со стороны большинства граждан, стал подстрекать всех против большинства, давших свои подписи за изъятие колоколов для промышленности, и призывал к протесту и противодействию власти¹⁰⁹⁹. В Обвинительном заключении указывается, что священник Романов не только подбивал верующих воспротивиться решению прихожан одной деревни, входившей в приход, но и созывал всех на сход набатным звоном¹¹⁰⁰, что являлось нарушением законодательства само по себе. Решением ОСО при Коллегии ОГПУ он был заключен в концлагерь на три года¹¹⁰¹.

Настоятель Успенского храма села Гжель отец Александр Виноградов вместе с церковным старостой Василием Ильичом Московским и наиболее активными прихожанами в январе 1930 г. воспрепятствовали снятию колоколов с храма. В этом священника поддержали женщины из деревни Трошково, а также некоторые жители Гжели. Среди них активную позицию занял член церковного совета А.И. Вьюгин, впоследствии арестованный. Мало того, что он бесстрашно высказывался против осквернения храма, он, по словам свидетелей, даже бил по рукам колхозников, которые собирались голосовать за снятие колоколов¹¹⁰². Разумеется, дело было подано таким образом, что во всем оказывался виноватым священник, и в конце января – начале февраля 1930 г. Александр Алексеевич Виноградов был обвинен в незаконном собрании верующих и приговорен Нарсудом к трем годам высылки, но Губсуд дело прекратил. Можно считать удачей, что ему инкриминировали не «сопротивление распоряжениям советской власти», а всего лишь «организацию незаконных собраний верующих» и вскоре освободили¹¹⁰³.

---

¹⁰⁹⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49047. Л. 8.

¹¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49047. Л. 14, 15.

¹¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49047. Л. 16.

¹¹⁰² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45977. Л. 8, 8 об.

¹¹⁰³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 4.

Однако дела, где обвинение в сопротивлении снятию колоколов было основным или даже единственным, являются скорее редкостью. Как правило, такие обвинения сопутствовали другим и использовались как дополнение к каким-либо более, на взгляд следователя, существенным. Часто в следственных делах встречаются упоминания о том, что такой-то подследственный, обвинявшийся, допустим, в сопротивлении колхозному строительству, в начале 1930-х гг. противодействовал кампании по снятию колоколов.

Так, в упоминавшемся выше гжельском Успенском приходе был арестован церковный староста В.И. Московский. Ему инкриминировали антисоветскую агитацию, но припомнили его протесты против снятия колоколов с Успенского храма¹¹⁰⁴. Цель местных органов ОГПУ была в том, чтобы уничтожить гжельский приход. Для этого последовательно подвергались репрессиям все его священно- и церковнослужители. Когда очередь дошла до церковного старосты В.И. Московского, для следствия не было принципиальной разницы в том, какие именно противоправные деяния ему инкриминировать. Главным обвинением была якобы проводившаяся им антисоветская агитация, которую желательно (но вовсе не обязательно) было подкрепить чем-то конкретным. Так в деле появились указания на то, что в свое время В.И. Московский совместно со священниками, к настоящему времени уже арестованными, сопротивлялся снятию колоколов¹¹⁰⁵.

Обвинения в сопротивлении колхозному строительству появляются в следственных делах «церковников», начиная с 1928 г., а в 1929–1931 гг. дел, где таких обвинений, выраженных прямо или косвенно, не встречается, почти не существует.

Общий курс на коллективизацию в сельском хозяйстве был провозглашен в 1927 г. на XV съезде ВКП(б), а 1929–1930-е годы стали временем сплошной коллективизации. Объединение единоличных хозяйств в коллективные не было встречено с воодушевлением со стороны крестьян. Единоличники не желали

---

¹¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75572. Л. 11.

¹¹⁰⁵ Никонов В.В. Староста Успенского храма с. Гжель В.И. Московский. // Вестник ГГУ. Сетевой электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 53–66.

вступать в колхозы и зачастую только под страхом раскулачивания вынуждены были это делать. Уже с 1928 г. сопротивление колхозному строительству начинает трактоваться как контрреволюционная деятельность, что сразу расширило спектр потенциальных виновников в низком темпе его развития. Прежде всего, речь шла о кулаках и их приспешниках – служителях культа.

Автор одной из многочисленных общественно-политических брошюр начала 1930-х гг. заявлял, что общественная собственность неприкосновенна и покушаться на нее могут только кулаки и другие враждебные нашему делу элементы, которые должны быть рассматриваемы как враги народа, и к ним должна применяться высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества¹¹⁰⁶. «Кулацкие хозяйства – те, которые живут за счет нетрудовых доходов от торговли, ростовщичества, а также служения религиозному культу», – разъяснялось в другом издании¹¹⁰⁷.

Обращает на себя внимание, что материалы следственных дел конца 1920-х гг. фиксируют и обратную тенденцию, когда обвинения в контрреволюционной деятельности сопровождаются обвинениями в сопротивлении коллективизации. Иными словами, не только противники объединения единоличников в колхозы объявлялись контрреволюционерами, но и те, кого по разным причинам власти объявляли контрреволюционерами, неожиданно часто становились противниками коллективизации. Так, по версии следствия, дьячок села Чулково по фамилии Титов среди крестьян в чайной вел антисоветскую агитацию, чем «тормозил дело строительства колхоза и общее развитие своей антисоветской агитацией»¹¹⁰⁸. В чем именно выражалась антисоветская агитация дьячка, в деле не указывается, но утверждается, что она тормозила колхозное строительство.

В Московской области уровень коллективизации только за пять месяцев (октябрь 1929 г. – февраль 1930 г.) поднялся с 3,3 до 73 %, то есть в 22 раза. Здесь еще до принятия январского 1930 г. Постановления Президиума ЦК ВКП(б) «О

---

¹¹⁰⁶ Азиян А. Крепить колхозы. М., 1932. С. 60, 61.

¹¹⁰⁷ Сельхозналог в вопросах и ответах. М., 1932. С. 69.

¹¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-51867. Л. 11–12.

мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»¹¹⁰⁹ бюро Московского обкома приняло свое Постановление «О решительном раскулачивании кулаков в Московской области», в том числе «огородников под Москвой». «А 31 января 1930 г. МК ВКП(б) принимает решение об отнесении к первой категории (концлагерь) 4–6 тыс. и ко второй (выселение) – 9–11 тыс. кулацких семей. Организуется штаб по раскулачиванию, отдается приказ начать аресты кулаков в Московской области. И хотя через несколько дней постановление было отменено, раскулачивание и аресты продолжились. Только через тройки ОГПУ в Московской области прошло свыше 11 тыс. человек»¹¹¹⁰.

Кроме того, в результате раскулачивания в масштабах страны власти экспроприировали имущества на миллионы рублей. Логика коллективизаторов была проста: партия призывает насаждать колхозы, следовательно, кто идет в колхоз, тот за советскую власть, кто не идет – тот против.

В начале 1930 г. обстановка в Московской области накалялась. С учетом того, что точных критериев, кого власти могут счесть кулаками, не существовало, тревожные настроения овладевали самыми широкими массами крестьян. Уже в феврале 1930 г. на брожение среди населения области обратили внимание на самом верху. 17 февраля начальник ИНФО ОГПУ И.В. Запорожец¹¹¹¹ подготовил справку «Об антисоветских проявлениях и ненормальностях при проведении коллективизации и раскулачивания по Московской промышленной области»¹¹¹²,

---

¹¹⁰⁹ Постановление Президиума ЦК и ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 30 января 1930 г. // Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13992> (дата обращения: 28.08.2023).

¹¹¹⁰ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. С. 20.

¹¹¹¹ Запорожец Иван Васильевич (1895–1937), сотрудник НКВД, по одной из версий, считается одним из организаторов убийства С.М. Кирова, помощник начальника Информационного отдела ОГПУ в Москве (1927–1931), с 1931 г. в Управлении НКВД по Ленинградской области. 1 мая 1937 г. был арестован, доставлен в Москву и расстрелян в «особом порядке».

¹¹¹² Справка ИНФО ОГПУ «Об антисоветских проявлениях и ненормальностях при проведении коллективизации и раскулачивания по Московской промышленной области». По материалам с 1 января по 17 февраля 1930 г. Не ранее 17 февраля 1930 г. // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 39. Л. 230–256; Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/26591> (дата обращения: 11.05.2020).

которая выразительно рисовала положение дел в этом вопросе с точки зрения властей. Отмечалось общее неприятие коллективизации, доходившее до открытых актов неповиновения, называемых в Справке террористическими проявлениями, коих с начала 1930 г., то есть за неполные два месяца, насчитывалась 47 только по Московской области.

К фактам террора и вредительства в числе прочих был отнесен массовый, сразу из нескольких селений, увод скота у колхозников Раменского района и сокрытие его в лесу. Отмечено распространение антисоветских листовок и вообще антиколхозной агитации. Особо обращалось внимание на «деятельность церковников», которые якобы повсеместно срывали мероприятия советской власти, направленные на популяризацию коллективизации, проповедуя, что «колхозы – это антихристово гнездо». Вскрывались случаи искривления классовой линии в борьбе с кулаками. Например, в некоторых районах имелись случаи приема в колхозы кулаков, с одной стороны, и объявления кулацкими середняцких хозяйств, а также отнесения к кулакам перестроившихся (прекративших торговлю торговцев, много лет назад снявших с себя сан священников и пр.) – с другой.

Очевидно, что в такой ситуации приходское духовенство не могло не оказаться под ударом, ибо, с одной стороны, в советском государстве с 1918 г. неизменно подчеркивалась чуждость служителей культа идеям революции, а с другой стороны, кто, как не священники, по логике большевиков, должны были бы противиться объединению в колхозы своих главных попечителей–кулаков. Связка «поп и кулак» становится сюжетом многочисленных публикаций, посвященных сопротивлению колхозному движению¹¹¹³.

Анализ следственных дел рассматриваемого периода показывает, что служителей культа в ряде случаев обвиняли в антиколхозной пропаганде, даже если было точно известно, что они не имели к ней никакого отношения.

---

¹¹¹³ Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. С. 17–118.

Рано утром 20 февраля 1932 г. на стене Речицкого сельсовета жители обнаружили листовку с текстом, следующего содержания, написанным карандашом:

Крестьянин.

Требуй отмены нажима.

Ленин не писал, чтобы крестьянин шел под нажимом в колхоз.

Писал Троцкий, что нужно нажать на крестьянство,

за что его и выкинули из партии.

Наши руководители именуют себя ленинцами,

а на деле проводят политику Троцкого.

Нажимают так, что у крестьянина трещит все по швам¹¹¹⁴.

Вскоре выяснилось, что автором листовки был некий 22-летний крестьянин Алексей Михайлович Тимохин, которого сразу же арестовали. Следователь очень быстро понял, что действовал Тимохин в одиночку, а в основе его поступка лежали особенности характера и психики. Суд определил ему три года высылки в Северный Край, и на этом дело можно было бы считать законченным. Но следователь, наверняка зная, что к опрометчивому поступку молодого человека никто более не причастен, решил, тем не менее, дело «раскрутить». Он нашел «свидетеля», который показал, что за последнее время среди церковников в селе началось брожение, в особенности с момента приезда попа Архипова, который создал контрреволюционную группировку из церковников и зажиточно-кулацкой части села¹¹¹⁵. На этом основании было арестовано несколько человек, среди которых оказалось два священника, один диакон, один дьячок, два члена церковного совета и еще несколько прихожан, которые, по словам уже другого свидетеля, занимались контрреволюционной работой и оказывали давление на колхозников, предлагая им выйти из колхоза¹¹¹⁶. На этом основании следователь

---

¹¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49007. Л. 6.

¹¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-15647. Л. 49 об.

¹¹¹⁶ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. С. 266–267.

выстроил схему, в которой поступок Алексея Тимохина стал выглядеть как следствие обработки его «церковниками», при том, что ни один из них к листовке, вывешенной на стене сельсовета, никакого отношения не имел, да и с самим Тимохиным почти никто знаком не был.

Священника Покровского храма села Карпова Богородского уезда Василия Стрючкова свидетель упрекает в том, что он свою антисоветскую агитацию ведет через своих сестру и мать, и в качестве иллюстрации приводит речи обеих женщин. Так, якобы обработанная соответствующим образом своим братом, сестра Стрючкова Екатерина Ивановна в марте 1932 г. на собрании колхозников говорила, что нас загоняют в колхоз насильно и совсем разорили¹¹¹⁷. При этом на вопросы следователя о том, что сам отец Василий говорил про колхозы, свидетель ничего показать не смог.

Частота обвинений в сопротивлении колхозному строительству в следственных делах приходского духовенства была прямо пропорциональна актуальности этой темы во внутривластной повестке СССР. Эта частота постепенно возрастает, начиная с 1928 г., достигает максимума в 1930 г. и идет на спад после 1932–1933 гг. Варьируют лишь формы, в которых эти обвинения выдвигаются. В период сплошной коллективизации любые, даже самые безобидные, слова и действия священнослужителей, совершаемые ими в рамках своих прямых обязанностей, могли быть истолкованы как антиколхозная агитация.

В § 1.2 мы говорили об экспериментах с введением непрерывной пяти- и шестидневной рабочей недели, которые разрушали годовой и седмичный цикл церковного календаря. Следствием нововведения стала невозможность совместной молитвы прихожан в воскресные и праздничные дни, так как выходные у граждан СССР выпадали на разные дни. Отныне священник, которому пастырским долгом предписывается призывать верующих к молитве и посещению храма, не мог делать этого без риска быть обвиненным в нарушении трудового законодательства или, применительно к работе в колхозе, – в попытках ее срыва. Это же в полной мере

---

¹¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39321. Л. 4.

относилось к большим церковным праздникам, когда соборная молитва является особенно важной для христианина. Следует отметить, что здесь мы не рассматриваем ситуации, когда священник прямо призывал не вступать в колхозы или выходить из них тех, кто уже вступил. В призывах посещать богослужения колхозы вообще не упоминались, но, согласно искусственно сформировавшимся представлениям о священнике как о человеке, антисоветски настроенном просто в силу своего положения, ему вменялось в вину пусть и неявное, но противодействие колхозному движению. В протоколах допросов довольно часто можно встретить такой диалог¹¹¹⁸:

– Какую Вы контрреволюционную работу проводили? – спрашивает священника следователь.

– Контрреволюционную работу проводил в церкви после окончания молебствия... В проповеди я призывал верующих колхозников не забывать религии.

Диакону Никольского храма села Малышева Николаю Ремизову свидетель приписал призыв к прихожанам не вступать в колхоз, чтобы не забыть храм и церковные праздники¹¹¹⁹. Вероятнее всего, фраза приведена в искаженном виде, но неизбежность работы в православные праздники для колхозников она отражает и в каком-то ином виде вполне могла прозвучать из уст священнослужителя.

Между тем позиция Церкви вовсе не была враждебной коллективизации и изменениям в календаре, даже если все перечисленное и имело своей целью отвратить верующих от храмовой молитвы. Это вполне конкретно выразил в ответах следователю настоятель Никольского храма села Павшина Красногорского района Московской области протоиерей Сергей Сахаров, говоря, что Церковь всегда благословляла труд и осуждала тунеядство, поэтому может существовать и при коллективизации, а при невозможности верующего колхозника посещать богослужения в воскресные и праздничные дни пастырь не должен его упрекать в этом, так как, работая в колхозе, он работает для блага народа. Помолиться

---

¹¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 24052. Л. 8, 9 об.

¹¹¹⁹ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 32 об.

колхозник, если пожелает, может во всякое свободное от трудов и занятий время¹¹²⁰. Отцу Сергию, однако, противоречит в своих показаниях свидетель, утверждавший, что в церкви Сахаров убеждает колхозников часто посещать храм, следствием чего якобы является дружное сопротивление колхозников планам по закрытию церкви, а летом во время прополочно-уборочной кампании, благодаря проповедям Сахарова, верующие колхозники больше проводили времени в церкви, нежели на работе¹¹²¹.

Своеобразная логика прослеживается в антиколхозной агитации священников, когда они вынуждены были обращаться за помощью к прихожанам для выплаты непомерных налогов¹¹²². Такого рода просьбы сами по себе считались незаконными, ибо вступали в противоречие с действовавшим законодательством, но следственные органы зачастую усматривали в них совершенно необоснованную на первый взгляд попытку дискредитации колхозного строя.

Показательным выглядит случай, произошедший в селе Гжель, где в сентябре 1930 г. состоялось общее собрание членов колхоза «Гжельский ударник», на котором были отмечены проявления недовольства существующим положением дел на селе, которые в последнее время позволяли себе некоторые колхозники. Некто выступил в прениях и сообщил, что в момент работы школьников в колхозе женщина, идя по улице, ругала колхоз. Это, по мнению выступавшего, было следствием церковной пропаганды духовенства¹¹²³. Таким образом, оратор связал абстрактное недовольство колхозом некой безымянной женщины с деятельностью служителей культа. Следовательно, на такое мнение имелся политический запрос. В резолюции собрания говорилось: «На агитацию классового врага следует ответить еще более дружной работой, разоблачая поповско-кулацкую агитацию»¹¹²⁴. Необходимо добавить, что выписка из протокола собрания подшита

---

¹¹²⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1561. Л. 41–42 об.

¹¹²¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-1561. Л. 35–36 об.

¹¹²² Здесь употребим этот термин обобщенно, имея в виду совокупное налогообложение, которым подвергалось и духовенство, и храмы. Подробнее об этом будет сказано в главе 4.

¹¹²³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 1.

¹¹²⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 1, 1 об.

первой в следственном деле сщмч. Иоанна Честнова, осужденного за антиколхозные высказывания, которых он на самом деле себе не позволял.

Особняком стоят дела, в которых духовенство обвинялось в прямых осуждениях коллективизации сельского хозяйства, запретах верующим вступать в колхозы и угрозах вступившим. Мы не можем отрицать, что в отдельных случаях такое могло происходить на самом деле, а не было выдумкой следователя, желавшего преувеличить обвинения арестованному священнику, добавив еще и антиколхозную агитацию, однако считаем, что последнее происходило неизмеримо чаще. Примечательным здесь является то, что арестованным приписывались высказывания, в целом вполне соответствовавшие действительности, о которой всем было известно, но о чем никто, по понятным причинам никогда не говорил вслух, тем более с амвона, во всеуслышание, как это указывалось на страницах следственных дел. Эта практика станет распространенной в середине 1930-х гг., о чем будет сказано в § 3.3. В качестве примеров можно привести следующие высказывания священнослужителей, сохранившиеся в протоколах допросов и обвинительных заключениях.

В феврале 1926 г. власти решили «уплотнить» дом священника Троицкого храма села Раменского сщмч. Александра Парусникова, разделив его на две половины: в одной осталось большое семейство хозяина дома, в другой поселили начальника милиции Раменской волости с супругой. Таким образом, и сам отец Александр, и его родные попали под постоянное, пристальное наблюдение властей. В 1931 г., будучи свидетелем по «Делу монахов и монашек Раменского района»¹¹²⁵, новый жилец дал показания о контрреволюционной деятельности иеромонаха Даниила (Князева), сторожа Троицкой церкви. Он отметил, что отец Даниил частый гость в доме священника Парусникова, где постоянно собираются служители религиозного культа, члены церковного совета и «кулацкие элементы». Собрания их заканчиваются пьянством и шумными разговорами о том, что колхозы

---

¹¹²⁵ Официальное название дела ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76420.

– гибель для крестьянства¹¹²⁶. В другом протоколе его допроса читаем, как тот же милиционер показывал, что иеромонах Даниил (Князев) неоднократно высказывался о принудительном труде крестьян на лесозаготовках, колхозном строительстве, о том, что крестьян насильно заставляют вступать в колхозы, а у тех, кто не хочет идти, отбирают имущество¹¹²⁷. Мы вполне можем поставить под сомнение показания начальника Раменского волостного отделения милиции, так как трудно поверить в то, что священнослужители стали бы говорить нечто подобное, не просто зная, что их подслушивают, но и то, кто именно это делает¹¹²⁸. При этом сказанное не было чем-то неожиданным, так как в 1931 г. крестьянство в массе своей не испытывало никаких иллюзий относительно перспектив работы в колхозах.

В период коллективизации связи и даже простое знакомство духовенства с крестьянами, объявленными властями кулаками, рассматривались исключительно с позиции сговора попов с кулаками. Свидетель по делу арестованного священника Марка Грязнова показал, что в декабре м-це 1932 г. он проповедовал, что скоро настанет света конец, ибо народ совсем замучен и Господь Бог дальше так терпеть не может. Кроме этого отец Марк якобы ходил к кулаку Сысоеву, который в настоящее время сослан, через которого агитировал против организации колхоза с такими словами, что крестьянство надо всемерно удерживать от вступления в колхоз, ибо это есть отказ от Бога и православной веры, за что Бог жестоко народ покарает и будет проклят на всю жизнь, в результате чего в деревне Литвинове до 1933 г. не было возможности организовать колхоз¹¹²⁹. Показания, несомненно, ложные, ибо материалы следственных дел неопровержимо указывают на то, что отец Марк вернулся из предыдущего заключения в мае 1932 г., когда В.П. Сысоев

---

¹¹²⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76420. Л. 37.

¹¹²⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76420. Л. 38 об.

¹¹²⁸ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель., 2016. С. 229.

¹¹²⁹ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-78256. Л. 36 об.–38.

уже был в ссылке¹¹³⁰. Однако заведомая лживость показаний свидетельствует о том, какие именно сведения должен был сообщить «свидетель». От него требовалось дать показания, которые объясняли бы неудачи в колхозном строительстве происками духовенства в союзе с кулаками. Для этого вовсе не обязательно было добиться полного соответствия дат предполагаемого сговора отца Марка с В.П. Сыроевым с периодами их высылки. Вполне достаточным было указать на то, что сговор, благодаря которому в деревне «не было возможности организовать колхоз», в принципе был, а когда именно – неважно.

Дело отца Марка Грязнова 1933 г., до этого арестовывавшегося дважды, судя по всему, должно было стать показательным не только для «церковников», служивших и просто проживавших в округе, но и для районного начальства ОГПУ, так как в протоколах допросов свидетелей присутствуют почти все «антиколхозные» мотивы, приписываемые обыкновенно духовенству в начале 1930-х гг. Так, помимо «сговора с кулаками», священнику Грязнову приписывалось сопротивление сдаче крестьянами семян в соответствии с государственной программой (так называемой ссыпкой семян и контрактацией)¹¹³¹: «Надо активнее действовать против всех видов заготовок и колхозников. Я считаю, что мы свои семена сможем сохранить сами, и предлагаю таковые в общий амбар не ссыпать, а то они могут оставить нас без семян, которые отдадут в свои колхозы и совхозы. Так как мы видим из газет, что у них в колхозах и совхозах нет семян»¹¹³². Приводились и высказывания более «опасного» для колхозного строительства свойства, сводившиеся к простой логике: большевики утверждали, что церковники ведут антиколхозную агитацию. Почему же в тех селах, где арестовали всех

---

¹¹³⁰ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель, 2018. С. 134.

¹¹³¹ Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) об организации весеннего сева и дальнейших мероприятиях по коллективизации и ликвидации кулачества. 25 февраля 1930 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/30996> (дата обращения: 27.08.2023).

¹¹³² ГАРФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-78657. Л. 13–16 об.

священников и членов церковных советов, дела идут по-прежнему плохо?¹¹³³ Это, как представляется, был довольно убедительный аргумент в пользу надуманности преследования «церковников» за якобы оказываемое ими сопротивление развитию колхозного движения, что позволяет предположить, что такое высказывание и в самом деле могло иметь место.

Имеются факты, свидетельствующие о том, что крестьяне, которые не желали вступать в колхоз, якобы даже требовали лишать колхозников права голоса на общих сельских сходах. Такие свидетельства встречаются нечасто, но антагонизм между единоличниками и колхозниками в ряде случаев принимал и такие формы. 14 ноября 1929 г. по делу «Членов бывшего общества хоругвеносцев села Загорнова» давал показания свидетель К., член колхоза «Опыт», который показал, что Степан Вуколович Демидов, бывший член Общества хоругвеносцев, на собраниях сельского совета требовал лишать членов колхоза права голоса, так как они откололись от общества и не имеют никакого права обсуждать и решать дела общества сельского совета¹¹³⁴. При этом сам С.В. Демидов показал, что против мероприятий советской власти и партии никогда не выступал, никакой агитации не вел и никаких угроз в адрес колхозников и комсомольцев никогда не высказывал¹¹³⁵.

Большинство обвиняемых в антиколхозных настроениях и высказываниях свою вину отрицали, утверждая, что свидетели своими показаниями их оклеветали. Это вовсе не означает, что духовенство и крестьяне, причем не только зажиточные, составлявшие, как правило, костяк приходской общины, но и середняки, а часто и бедняки, не осознавали бесперспективность коллективного хозяйствования в советском понимании. Просто они стали осторожными и не позволяли себе открыто выражать свое отношение к колхозам. Однако были и такие, которые не боялись

---

¹¹³³ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель, 2018. С. 156.

¹¹³⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 51 об.

¹¹³⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 42–43 об.

объявлять на допросах о своих взглядах на колхозное движение. Каковы были мотивы такого поведения, сказать трудно. Возможно, кто-то руководствовался религиозными соображениями о том, что христианину не пристало лгать даже в тех случаях, когда правдивый ответ грозит наказанием. Кому-то просто надоело подстраиваться под обстоятельства, а кто-то таким образом выражал свое презрительное отношение к властям в лице сотрудников ОГПУ. Причины могли быть разными, но случаи, когда «церковники» прямо высказывались о колхозах, имели место и исключительно редкостью не были.

Председатель церковного приходского совета Никольского храма села Малышева А.А. Колесников совмещал работу в приходе с членством в местном сельсовете, что также не было уникальным явлением¹¹³⁶. Работая в советском органе, А.А. Колесников в колхоз не вступал и последовательно старался облегчить положение местных крестьян. В августе 1931 г. его вывели из состава сельсовета, объявив классовым врагом. Причиной послужило то, что он выступил против досрочного сбора с крестьян сельхозналога, считая, что налог следует платить согласно заранее установленным срокам. Вскоре он был арестован, а на допросе в числе прочего открыто заявил, что по вопросу коллективизации сельского хозяйства можно сказать одно – сейчас власти стараются сделать все для колхозников, а единоличному крестьянству жить совершенно невозможно. В колхозе творится полнейшее безобразие, бесхозяйственность¹¹³⁷. Протокол допроса подписан самим Колесниковым, и это дает нам некоторые основания считать, что он действительно говорил то, что в нем зафиксировано. Однако в Обвинительном заключении следователь записал, что Аким Акимович Колесников, член церковного Совета, являясь членом антисоветской группировки, действующей на территории деревень Кузнецово и Малышево, срывает все мероприятия, проводимые советской властью, агитировал крестьян за выход из

---

¹¹³⁶ Примеры: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78542. Л. 43.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75392. Л. 83–84.

¹¹³⁷ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 47–48 об.

колхоза и срывал собрания колхозников¹¹³⁸. Таким образом, даже в том случае, когда обвиняемый признал свое отрицательное отношение к колхозному строительству, тенденция к усугублению вины проявилась в том, что в Обвинительном заключении ему инкриминировали антиколхозную агитацию.

Также открыто высказался о колхозах архимандрит Прокопий (Марков), назвавший колхозы новым татарским игом, а Сталина – антихристом¹¹³⁹. Авторитет отца Прокопия среди верующих Егорьевского района Московской области был весьма велик, он слыл за старца-прозорливца¹¹⁴⁰, и про него вполне уместно будет предположить, что его откровенные признания были продиктованы именно религиозными убеждениями.

Что касается сроков и форм наказаний, назначавшихся в рассматриваемый период, то, в отличие от практики скорого смягчения первоначально сурового приговора, характерной для времени работы революционных трибуналов, приговоры, вынесенные коллегией ОГПУ, изменялись в сторону облегчения участи осужденных относительно редко. При этом, однако, в течение второй половины 1920-х гг. имеется выраженная тенденция к смягчению приговоров. Затем, на рубеже 1920–1930-х гг., наступает короткий период, когда вновь начинают выноситься приговоры с пяти- и десятилетними сроками заключения и даже смертные, но вскоре большинство осужденных получают 3-летние сроки высылки, а в некоторых случаях арестованные после нескольких недель, проведенных в тюрьме, и вовсе выпускаются на свободу. Нельзя сказать, что такие случаи были частыми, но и единичными они не были. Приведем некоторые примеры.

В самом начале 1929 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму священник села Вертлины Клинского уезда Иоанн Честнов, будущий священномученик. Однако в протоколе допроса отца Иоанна 1931 г., в графе «Сведения о прежней судимости», содержится запись, которую можно трактовать таким образом, что до судимости 1929 г. он уже привлекался к ответственности:

---

¹¹³⁸ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 51–57.

¹¹³⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 88–89 об.

¹¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37141. Л. 5–6.

«За самоуправство в г. Подольске в 1928 г. В 1929 г. а октябре м-це сидел в Бутырках 5 ½ недель, но потом освобожден»¹¹⁴¹. Означает ли это, что в тюрьму он в 1929 г. попал по делу 1928 г., или это были два разных эпизода – непонятно, однако тот факт, что он арестовывался и провел в тюрьме чуть больше месяца, имеет документальное подтверждение.

В январе 1930 г. Николай Архангельский, будущий настоятель Троицкого храма села Чижи Павлово-Посадского района Московской области и священномученик, был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Что именно под ней скрывалось, в деле не указано, но, с учетом даты ареста, вполне можно предположить, что по крайней мере одним из обвинений было сопротивление колхозному строительству. Как ни странно, но отца Николая через месяц освободили «за недоказанностью вины»¹¹⁴².

Сестры-монахини Андриановы из деревни Губино Воскресенского района Московской области арестовывались в феврале 1930 г., но за недоказанностью вины после пяти недель заключения освобождены¹¹⁴³.

Примечательным является то, что об этих арестах и кратковременных заключениях под стражу сегодня можно узнать исключительно по отметкам в последующих делах. Самих дел по этим эпизодам автору видеть не доводилось. Также обращает на себя внимание, что факт содержания под стражей, продолжавшегося в большинстве случаев, пять недель, в ряде последующих дел отмечается как прежняя судимость, а в ряде – не отмечается.

Период, связанный с деятельностью таких силовых органов, как ВЧК-ГПУ-ОГПУ, был временем поиска форм государственного воздействия на Церковь репрессивными методами. Этот период, в сравнении с последующими, характеризуется относительным разнообразием репрессивных мер, включая такие, которые не были связаны с лишением свободы. На примере дел,

---

¹¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 19 об.

¹¹⁴² Никонов В.В., Новак В.Н., иер. История храма во имя Архистратига Михаила и села Константиново Раменского района Московской области. М., 2014. С. 183.

¹¹⁴³ Дамаскин (Орловский), игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскином (Орловским). Январь. Тверь, 2005. С. 507–518.

рассматривавшихся Революционными трибуналами, очевидны манипулятивные попытки властей оказать давление на Церковь и верующих методами устрашения, когда приговоры, выносившиеся обвиняемым по церковно-религиозному признаку, включая смертные, в течение недолгого времени смягчались вплоть до полного освобождения осужденных. Манипуляции с осуждением или помилованием приговоренных в начале 1920-х гг. просматриваются, например, в первом Московском процессе 1922 г., когда нескольких из одиннадцати приговоренных к высшей мере наказания помиловали с целью представить в выгодном свете готовившееся к развитию обновленческое движение. Практика запугивания «церковников» путем арестов на несколько недель с последующим освобождением сохранялась в течение 1920-х гг., что становилось своеобразным этапом в репрессивной траектории, как правило, вторым после лишения избирательных прав. Однако от методов устрашения, даже таких жестоких, власти вскоре отказываются, и обычными становятся реальные приговоры с минимальным 3-летним сроком.

В 1918–1934 гг. фактически были заложены основания для будущей репрессивной политики, реализуемой органами НКВД и МГБ на новом витке ее развития. Одной из характерных особенностей, сформировавшихся в этот период, стала практика сокрытия истинных причин арестов по церковно-религиозному признаку.

Анализ следственных дел, возбуждаемых против приходского духовенства, членов церковных советов, приходских сотрудников и мирян Московской области в период 1922–1933 гг., позволяет говорить о том, что практически во всех случаях арестованные обвинялись в антисоветской агитации. Под этим в разные годы могли скрываться обвинения в сопротивлении колхозному строительству, закрытию храмов, запретам, связанным с колокольным звоном, а также призывы к соборной молитве, обращения к прихожанам о материальной помощи для выплаты налогов, молебны в дни праздников и пр. Многие из перечисленных обвинений в следственных делах содержатся одновременно. При этом, для того чтобы выяснить, что именно послужило причиной ареста того или иного «церковника»,

необходимо ознакомиться, как минимум, с содержанием Обвинительного заключения, а в ряде случаев – с прочими материалами дела (постановлением о принятии дела к производству, справкой на арест, протоколами допросов свидетелей и арестованных, справками сельсоветов и пр.). Без такого более или менее подробного знакомства с делом выявить истинные мотивы преследований часто бывает невозможно.

Документы, входящие в дела рассматриваемого периода, отличаются относительной подробностью изложения, что позволяет реконструировать события, послужившие основой для их возбуждения с известной степенью достоверности. В подтверждение этого тезиса можно привести, например, тот факт, что обвинительные заключения 1920-х – нач.1930-х гг. занимают, как правило, не менее 3–4 страниц машинописного текста, а ряд дел – особенно таких, по которым проходило несколько человек, – содержат обвинительные заключения объемом в 20, 30 и даже 50 страниц. Показания свидетелей цитируются обильно, ответы обвиняемых – довольно точно (не без редактуры, конечно). Помимо того, что такая форма составления документов позволяет исследователю довольно глубоко вникнуть в обстоятельства дела, она представляет ценность еще и тем, что в материалах дела сохраняются реплики, очевидно, пропущенные следователем, но которые он, казалось бы, должен был сократить. В качестве примера можно привести рассмотренный выше фрагмент допроса священника Марка Грязнова о том, что удаление из селений арестованных «церковников» не помогает колхозному строительству, и предложение С.В. Вуколова лишать членов колхоза права голоса на общих собраниях как отколовшихся от общества, что выразительно характеризует отношение к колхозам среди крестьян, в то время как лейтмотивом процессов против «церковников», связанных с сопротивлением колхозному строительству, была идея, что народ не идет в колхозы, потому что «попы агитируют против». В дальнейшем объемы следственных дел станут уменьшаться, чтобы к периоду Большого террора составлять в некоторых случаях (главным образом в делах, заканчивавшихся решениями троек НКВД о высшей мере наказания) не более 20 листов, что в определенной степени затруднит выяснение

обстоятельств ареста и следствия.

Характерной особенностью первого периода репрессивной политики в отношении «церковников» в первой половине 1930-х гг. стала окончательно оформившаяся тенденция обвинять духовенство и активных прихожан во всех внутриполитических неудачах государственной политики на селе и усматривать во всех действиях «церковников» антисоветскую и контрреволюционную составляющую. Таким образом, к началу второго периода, когда силовое воздействие на Церковь и верующих стало производиться органами НКВД, основные характеристики репрессивной политики были сформированы, но не проявили себя в масштабах второй половины 1930-х гг.

3.3. Репрессии органов НКВД СССР в отношении приходского духовенства и мирян (1934–1946 гг.)

В 1934 г. в системе правоохранительных органов СССР произошли изменения. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в состав которого вошло ОГПУ¹¹⁴⁴. Возглавил вновь созданный комиссариат Г.Г. Ягода.

Согласно Постановлению, НКВД передавался ряд функций, главной из которых (во всяком случае, указанной первой) было обеспечение революционного порядка и государственной безопасности. В составе НКВД создавалось 7 различных управлений, первым из которых значилось Главное управление государственной безопасности. Менялась и судебная система. Так, судебная

---

¹¹⁴⁴ Постановление ЦИК СССР «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних дел». 10 июля 1934 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/39060> (дата обращения: 31.08.2023).

коллегия ОГПУ упраздняялась, а при НКВД организовывалось Особое совещание, которому предоставлялось право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылку за пределы Союза ССР¹¹⁴⁵. Последнее обстоятельство, как будет показано ниже, сыграло существенную роль в сроках наказания, к которым стали приговаривать «церковников». Если до середины 1934 г. наиболее частым сроком высылки для них были три года, то теперь самым распространенным сроком становится пятилетний.

Важной вехой в истории советской судебной системы стало Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов»,¹¹⁴⁶ принятое 1 декабря 1934 г., в день убийства С.М. Кирова. В нем содержалось требование к органам НКВД приводить в исполнение приговоры к высшей мере наказания в отношении террористов немедленно по вынесении. Убийство С.М. Кирова фактически запустило маховик массовых репрессий за несколько лет до июля 1937 г. – неформальной даты начала Большого террора.

В сентябре 1936 г. НКВД СССР возглавил Н.И. Ежов, с именем которого связываются репрессии периода Большого террора. О том, как они отразились на судьбе духовенства и членов приходов, будет сказано ниже. Здесь отметим, что последствия этого периода на территории Московской области сказались самым разрушительным образом. Абсолютное большинство храмов оказались закрытыми, а в оставшихся действующими не хватало священнослужителей.

Относительно того, как на осужденных «церковниках» сказалась недолгая так называемая «бериевская амнистия», ознаменовавшая окончание Большого террора в 1939–1940 гг., единого мнения не существует, но о сколь-нибудь

---

¹¹⁴⁵ Там же.

¹¹⁴⁶ Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/60107> (дата обращения: 11.02.2023).

заметном возвращении из мест заключения священников и мирян, осужденных по церковно-религиозному признаку в Московской области, говорить не приходится.

При анализе репрессий в отношении духовенства и мирян, организованных по церковно-религиозному признаку в рассматриваемый период, исследователь сталкивается с проблемой, заключающейся в том, что при поверхностном взгляде невозможно определить, какие именно причины повлияли на арест того или иного гражданина, так как в выписках из постановлений заседания троек или Особых совещаний указываются самые общие формулировки: «контрреволюционная деятельность»; «антисоветские высказывания и агитация»; «террористические намерения» и пр. Лишь более или менее детальный анализ материалов следственных дел позволяет выявить подлинные мотивы ареста, если речь идет о репрессиях до июля 1937 г., и обстоятельства, по которым гражданин попал в орбиту внимания НКВД, если речь идет о периоде с июля 1937 до ноября 1938 г.

В настоящем параграфе ставится задача анализа исследования репрессивной политики Советского государства в отношении «церковников» в пределах выделенного периода и выявления отличий от ее реализации в предшествовавшем. На этот период приходится пик репрессивной политики в СССР, и в этом смысле задача большевиков в 1930-х гг. – подавление Церкви – сопрягалась с целью подавления общества в целом и вписывалась в общие рамки глобальных репрессией.

Преследования «церковников» Московской области структурированы по поводам для арестов, как они формулировались в следственных делах:

- Поддержка убийства С.М. Кирова
- Поддержка осужденных по церковно-религиозному признаку, возвращавшихся из ссылки
- Принадлежность к катакомбным религиозным объединениям и церковной оппозиции (ИПЦ, непоминающие, иоанниты и пр.)
- Пропаганда деятельности зарубежных сообществ
- Антисемитизм

В отдельную категорию преследований приходского духовенства и верующих следует выделить репрессии периода Большого террора по причине типологически изменившегося в июле 1937 г. принципа определения лиц, подвергавшихся репрессиям.

Кроме того, одной из немаловажных, а в некоторых случаях – определяющей причиной репрессий в период, связанный с деятельностью НКВД, являлось то, что арестовывавшийся гражданин прежде уже подвергался аресту по 58-й статье Уголовного кодекса.

Убийство первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова отразилось на всей репрессивной системе СССР. В день убийства, 1 декабря 1934 г., ЦИК СССР принял Постановление «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов»¹¹⁴⁷, согласно которому, во-первых, в законодательство вводилось понятие «террористическая деятельность», а во-вторых, вносились существенные изменения в порядок ведения следствия обвиняемых в терроризме. Отныне оно должно было производиться в течение 10 дней, без адвоката и при невозможности обжалования. Обвинительное заключение вручалось обвиняемым за сутки до суда, а сам суд проходил без участия сторон. В случае вынесения смертного приговора приводить его в исполнение следовало немедленно. Все эти новации являются характерными для периода Большого террора, разница фактически состоит лишь в методах определения очередных жертв.

Эти события повлияли на содержание обвинительных заключений дел, возбуждаемых по церковно-религиозному признаку. Уже с декабря 1934 г. в материалах дел все чаще встречаются либо отдельные упоминания о том, что арестованный высказывался про убийство С.М. Кирова, либо развернутые показания о том, что он якобы убийство поддерживал, а убийцу хвалил. При этом

---

¹¹⁴⁷ Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/60107> (дата обращения: 11.02.2023).

дел, где бы представителей духовенства или прихожан обвиняли непосредственно в терроризме, автору встречать не приходилось, что позволяет говорить о том, что нормы Постановления от 1 декабря 1934 г. к рассматриваемым категориям лиц не применялись. Исключения составляют дела, содержавшие обвинения в том, что у арестованных якобы имелись террористические намерения в отношении различных лиц – от представителей местного партийного актива до руководителей партии и государства, но такого рода обвинения в следственных делах присутствовали не только после декабря 1934 г., но и раньше.

Убийство советского и партийного руководителя такого уровня произвело огромное впечатление на советских граждан. Одно из первых дел, организованных против священнослужителя по «новым» обвинениям в «террористических настроениях», было возбуждено уже 14 декабря 1934 г. В нем и ряде подобных дел, начатых вскоре после случившегося, убийство даже старались убийством не называть, а прятать его за странными эвфемизмами. «После событий в гор. Ленинграде 1/XII-34 г., – пишет в справке на арест священника Алексия Дмитриевича Беляева начальник Бронницкого райотдела НКВД Кондрашов, – он, Беляев, высказывает среди населения террористические настроения: «Мало их бьют таких как Киров, надо больше бить»¹¹⁴⁸. Позже выяснится, что арестованный настоятель Воскресенского храма села Вишнякова Московской области Алексей Беляев об убийстве Кирова узнал лишь 9 декабря 1934 г., а до этого вообще не знал, кто это такой¹¹⁴⁹, несмотря на то, что село, где он служил, находится примерно в 50 км от Москвы. Показательными являются дальнейшая судьба вишняковского прихода и осужденного на три года ссылки священника. Отбывать срок наказания ему пришлось в Казахстане. 25 января 1935 г. в Учетно-статистическом отделе Главного управления государственной безопасности СССР было составлено и отправлено в УНКВД Московской области и одновременно в УНКВД Казахской ССР предписание, согласно которому Беляева Алексея Дмитриевича надлежало отправить первым отходящим этапом в г. Алма-Ата в распоряжение УНКВД

---

¹¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39972. Л. 2.

¹¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39972. Л. 7–8 об.

КАССР¹¹⁵⁰. Три года ссылки священника истекали 14 декабря 1937 г. Но советская репрессивная система не отпускала из зоны своего внимания тех, кто однажды в ней оказался, и 23 ноября 1937 г., уже в Казахстане, Чуйским районным отделением НКВД¹¹⁵¹ священник вновь был арестован за антисоветскую агитацию, которой он якобы занимался в ссылке, и 10 декабря 1937 г. тройка УНКВД Алма-Атинской области приговаривает его к высшей мере наказания¹¹⁵².

Что же касается прихода Воскресенского храма в Вишнякове, то после ареста священника храм некоторое время стоял без богослужений, а затем был закрыт. Приход распался, и лишь наиболее твердые в вере прихожане пополнили приходы соседних сел, где богослужения еще продолжались. Таким образом, дело, сфабрикованное против священника Алексея Беляева, стало одним из первых, когда убийство С.М. Кирова было использовано органами НКВД как удобный повод для ареста священнослужителя и уничтожения очередного церковного прихода.

Уроженца села Нового Раменского района Московской области И.О. Синикина арестовали в 1935 г. по формальному поводу: он будто бы позволил себе высказаться в том смысле, что Кирова убили за дело¹¹⁵³. Действительно ли этот факт имел место – неизвестно, но уже после ареста выяснилось, что Синикин до революции состоял в Обществе хоругвеносцев, а после нее – в приходском совете Новорождественского храма. Кроме того, и до революции, и после нее был кулаком, торговцем, имел несколько лошадей, коров, свиней и даже использовал наемную рабочую силу. Сам по себе арест человека с такой биографией и

---

¹¹⁵⁰ Предписание Учетно-статистического отдела Главного управления государственной безопасности СССР в УНКВД Московской области и КАССР об отправке Беляева Алексея Дмитриевича первым отходящим этапом в гор. Алма-ата в распоряжение УНКВД КАССР. 25 января 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39972. Л. 34.

¹¹⁵¹ Анкета арестованного Беляева А.Д. 23 ноября 1937 г. // Специальный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области. Ф. 11. Д. 1836. Л. 9, 9 об.

¹¹⁵² Архивная справка Специального государственного архива Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области № 98/76/ 1355-4 от 04.11.2020 г.

¹¹⁵³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44888. Л. 103.

достатком в советских реалиях представлялся вполне закономерным, но обращает на себя внимание то, что он состоялся не в конце 1920-х гг., а в середине 1930-х. ОСО при НКВД СССР осудило Синикина и вместе с ним еще двоих «кулаков», проходивших с ним по одному делу, на 5 лет ИТЛ¹¹⁵⁴, то есть на максимальный возможный для этой структуры срок.

Священника Никольского храма села Плоского Шаховского района Московской области Лавра Николаевича Веселовского осудили в 1935 г. за то, что он якобы произнес во всеуслышание, что Кирова и Сталина хотели убить вместе, но Сталин не попался. Обвинение, очевидно, нелепое, священник его отрицал, но следствие это не смутило, и он был осужден на 3 года ИТЛ. Судя по содержанию Обвинительного заключения, иных обвинений ему не предъявлялось. Он обвинялся в том, что среди граждан проводил а/с агитацию и одобрял совершенное убийство тов. Кирова, высказывая террористические настроения в отношении членов правительства¹¹⁵⁵. После ареста священника Лавра Веселовского Никольский храм был закрыт, а приход расформирован.

Довольно типичным с точки зрения обвинений в поддержке убийства С.М. Кирова представляется дело, возбужденное весной 1935 г. в отношении священника Иоанна Петровича Честнова в г. Талдоме Московской области. В числе предъявленных ему обвинений был террор против вождей партии и правительства, который он расценивал как «проблески сознания русского народа, пропагандируя пораженческие взгляды среди прихожан церкви»¹¹⁵⁶. Таким образом, здесь мы сталкиваемся не просто с якобы проявленным отцом Иоанном одобрением факта террора против вождей партии и правительства (о ком конкретно шла речь – было очевидным), но и с оценкой террористической деятельности вообще как со следствием народного прозрения.

---

¹¹⁵⁴ Выписка из протокола заседания ОСО при НКВД СССР от 3 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-44888. Л. 121–123.

¹¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 26727. Л. 98–105.

¹¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 2.

Примечательным является то, что сам священник заявил, что на тему убийства С.М. Кирова никогда и ничего не говорил¹¹⁵⁷, и этому вполне можно доверять, хотя бы потому, что до этого ареста И.П. Честнов уже дважды арестовывался и, несомненно, представлял себе опасность такого рода высказываний.

Тема отношения к убийству С.М. Кирова как формального основания для ареста продолжала оставаться востребованной следственными органами и после 1935 г. Так, летом следующего, 1936 г. в поле зрения НКВД попали тайные монахини, проживавшие в селе Лужки Раменского района Московской области. В протоколах допроса свидетелей содержатся показания о том, что одна из них, Агрипина Дворядкина, приехав однажды из Москвы, говорила, что в Москве товарищи никак не успокоятся и продолжают сажать духовенство. Другая монахиня, Тришкина, высказывалась по поводу убийства Кирова в том смысле, что таких злодеев надо уничтожать, а сама она власть эту очень ненавидит и часто ее ругает. По поводу убийства тов. Кирова Дворядкина говорила: «Из-за этого ... (многоточие в тексте. – *В.Н*) сейчас много погибло напрасно людей, но еще не всех, наверное, расстреляли, хорошо бы им отомстили»¹¹⁵⁸.

О том, как арестованные священники высказывались по поводу убийства С.М. Кирова, свидетели вспоминали и позже – на допросах 1937–1938 гг., то есть по прошествии нескольких лет, когда, казалось бы, эта тема должна была перестать быть актуальной. Но даже тогда, в период Большого террора, отношение к этому событию воспринималось следствием как отягчающее обстоятельство, свидетельствовавшее о том, что подследственный является не случайно оступившимся человеком, а убежденным антисоветчиком.

В отдельных следственных делах имеются ссылки на слова арестованных, которые не просто высказывались по поводу убийства С.М. Кирова в положительном смысле, но и давали оценку тому, как это убийство может быть использовано властями. К такого рода подследственным относился, например,

---

¹¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 10–10 об.

¹¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45034. Л. 84–85 об.

С.В. Ларин, член церковного совета Иоанно-Златоустовского храма села Новлянского Воскресенского района Московской области, который вполне резонно предположил, что убийцу заставили признать наличие несуществующего заговора, и теперь начнется террор невинных людей¹¹⁵⁹. Такие представления о механизмах работы органов НКВД ни для кого тайной не были, но в материалах следственных дел они фиксировались нечасто.

Приведенные примеры показывают, что убийство С.М. Кирова, не имевшее никакого отношения к преследованиям по церковно-религиозному признаку, стало очередным поводом для развития репрессий в отношении «церковников». Оно фактически создало новые возможности для развития репрессий, которые были активно использованы в советской антицерковной политике. В этом смысле репрессии не были самоцелью, так как их главным итогом стало закрытие храмов и уничтожение приходов. Так, в конце 1934 г. произошел переход от относительно «мягких» репрессий предшествующего периода к масштабным, характерным для рассматриваемого.

В середине 1930-х гг. частым поводом для репрессий в отношении «церковников» становится *поддержка ранее осужденных по церковно-религиозному признаку, возвратившихся из ссылки.*

В начале 1930-х гг. по делам осужденных по церковно-религиозному признаку по 58-й статье УК в подавляющем большинстве случаев приговором было три года ссылки. Таким образом, окончание этого срока приходилось на 1934–1935 гг. В это время еще не сформировалась практика фабрикации нового дела непосредственно перед окончанием предыдущего срока, ставшая характерной чертой советской юстиции в период Большого террора, и по окончании срока ссылные в абсолютном большинстве случаев получали возможность вернуться домой.

Тогда же, в первой половине 1930-х гг., стала оформляться система так называемых «минусов», предполагавшая невозможность определенным группам

---

¹¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 26770. Л. 45–49.

лиц проживать ряде городов и областей СССР. «Минус 1» означало запрещение проживания в местности, откуда репрессированный был выслан, «минус 6» – запрет на проживание в шести крупнейших городах и т. д.¹¹⁶⁰ В выписках из протоколов заседаний судебных органов города и местности, запрещенные к проживанию, как правило, полностью перечислялись. В ряде областей возможное место жительства бывших ссыльных стало определяться запретом селиться в 100-километровой зоне от областных центров. Для Московского региона в зону так называемого 101-го километра попадали такие города Московской области, как Егорьевск, Орехово-Зуево, Можайск, Дубна и Коломна, а также города соседних областей: Владимирской – Александров, Петушки и Киржач; Калужской – Балабаново и т.д. За 101-й километр часто высылали членов семей репрессированных.

Невозможность селиться в Москве и в ближайшем Подмосковье вынуждала репрессированных по церковно-религиозному признаку, чей срок ссылки истекал, искать себе пристанище в городах, расположенных за пределами 100-километровой зоны. Значительная их часть оседала в восточной части Московской области – Егорьевске, Шатуре, Орехове-Зуеве и т.д. Не имея на первых порах средств к существованию, работы, жилья и необходимых вещей, они оказывались в катастрофической ситуации. В особенно тяжелом положении оказывались возвращавшиеся монашествующие, у которых не было семей и возможности быстрого получения необходимой помощи. Все надежды возлагались на местные церковные общины, среди которых были как официально зарегистрированные приходы, так и тайные монашеские группы, связи между которыми были более или менее налаженными.

Из ссылки возвращались люди с искалеченной судьбой, часто с подорванным здоровьем, а иногда и психикой, не имевшие возможности устроиться на достойную работу. Разумеется, им была необходима помощь и поддержка, хотя бы временные. Но даже эта помощь вызывала раздражение у властей. Уже

---

¹¹⁶⁰ Нефедовский Г.В. Высылка и ссылка в правовом механизме государственного принуждения советской России 1920-х гг. // Право и практика. 2022. № 3. С. 18–24.

освободившиеся узники, потерявшие три или даже пять лет жизни в страшных условиях ГУЛАГа, ничем это наказание не заслужившие, должны были, по мнению большевиков, и после отбытия наказания оставаться изгоями, не имея возможности пользоваться какой-либо поддержкой. Те же, кто такую поддержку оказывали, становились в глазах властей контрреволюционерами и должны были отправляться туда, откуда вернулись опекаемые ими.

Возбуждение дел по факту помощи возвращающимся ссыльным преследовало сразу несколько целей. Во-первых, ослабление Церкви путем разрушения приходов. Достигалась эта цель тем, что все помогавшие бывшим ссыльным верующие, будь то приходское духовенство или рядовые прихожане, становились в уязвимую позицию с точки зрения возможных репрессий. Несмотря на то, что в законодательстве статьи за помощь ссыльным не было, одно только общение с ними предполагало возможность предъявить обвинение в антисоветской пропаганде, основанное на том, что бывшие ссыльные являются обиженными на советскую власть и, очевидно станут ее хулить. Таким образом, находилась очередная возможность возбуждения дел по статье 58 УК против приходского духовенства и активных прихожан. Во-вторых, любая поддержка осужденных советской властью предполагала психологическое сближение с ними, а репрессии в своей сути базируются на разобщении между «социально близкими» и «социально чуждыми», что особенно ярко проявлялось в поощряемом государством конфликте между «блатными» и «политическими». И наконец, возвращавшиеся из ссылки духовенство, монашествующие и твердые в вере христиане, своим участием в приходской жизни могли укреплять катакомбные приходы и общины, чего власти старались не допускать. Суммируя озвученные мотивы преследования за помощь, оказываемую возвращавшимся ссыльным, можно говорить о том, что целью властей было разрушение горизонтальных связей между духовенством, отдельными верующими и приходами.

Механизм преследований за поддержку бывших ссыльных можно проследить на примере дела «контрреволюционной группы церковников Казанской церкви г. Егорьевска» 1935 г. Следует отметить, что, помимо Казанского

прихода, упомянутого в его названии, по делу проходили священнослужители еще нескольких храмов Московской области, и прежде всего – Успенского (Белого) егорьевского собора, а также Георгиевского храма села Ванилова Виноградовского района.

Основанием для возбуждения дела стала Справка на арест, составленная 4 апреля 1935 г. начальником 3-го отделения СПО УГБ НКВД МО Викторовым, в которой утверждалось наличие контрреволюционной группы церковников, образовавшейся вокруг Казанского храма г. Егорьевска и состоявшей из семнадцати человек, по мнению Викторова, «подлежавших аресту»¹¹⁶¹. Справка была весьма обширной – 6 листов машинописного текста, но даже такой объем не охватил всех обвиняемых, и вскоре сотрудникам подмосковного НКВД пришлось составить еще одну дополнительную справку, в которой числилось еще три человека, имевших отношение к делу¹¹⁶². Общий объем двух справок составил 8 страниц машинописи, что, даже с учетом числа подлежавших аресту, было явлением нечастым.

Главными подозреваемыми по делу в Справке названы некие схимонахиня Серафима Дуганова и «поп Тихон Калинин». Под этим именем в дальнейших материалах дела фигурировал священник Тихон Калинин, служивший настоятелем Георгиевского храма села Ванилова Воскресенского района. И мать Серафима, и отец Тихон не были людьми заметными, в отличие от некоторых других фигурантов дела, таких, как, например, архимандрит Прокопий (Марков), считавшийся старцем-прозорливцем и пользовавшийся известностью, распространявшейся далеко за пределы Московской области, и архимандрит Неофит (Осипов), бывший секретарь патриарха Тихона, к 1935 г. уже трижды арестовывавшийся. Всего же по делу проходило 17 человек духовенства, монашествующих и мирян, большинство из которых были лишенцами по церковно-религиозному признаку, а некоторые уже попадали в поле зрения ОГПУ-НКВД и имели за плечами отбытые сроки наказания. Так, священник Тихон

---

¹¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 1–6.

¹¹⁶² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 7–8.

Калинкин, служивший до переезда в Московскую область в Гжатском уезде Смоленской губернии¹¹⁶³, арестовывался по обвинению по ст. 58-10 и с 28 января по 14 ноября 1928 г. содержался в Смоленском изоляторе¹¹⁶⁴.

Квалифицировав в Справке на арест деяния членов «группировки» как контрреволюционные, сотрудник Московского областного отделения НКВД Викторов совершает нехарактерную для его коллег оплошность: вместо того, чтобы начать с общих, привычных обвинений, а ключевое спрятать в общем перечне, он с этого ключевого начинается, чем фактически раскрывает главную причину возбуждения дела: помощь и приют возвратившемуся из ссылки духовенству, оседавшему за 100-километровой зоной¹¹⁶⁵. Именно это, по утверждению автора Справки на арест, и стало главной причиной объединения в контрреволюционную группу двадцати человек, далеко не всех из которых, как мы вскоре увидим, были друг с другом знакомы. Кроме того, имелась еще одна существенная причина для начала дела, заключавшаяся в том, что многие из проходивших по нему представителей духовенства и мирян состояли членами или, во всяком случае, имели отношение к «катакомбникам», образующих так называемое течение «непоминающих», о чем будет сказано в следующем пункте настоящего параграфа.

Показания свидетелей подтверждали, что арестованные оказывали помощь ссыльным¹¹⁶⁶. Среди них выделялись показания некоего Г-нова, вероятно, внедренного в «контрреволюционную группировку церковников» агента НКВД¹¹⁶⁷, который показал, что священник Тихон Калинкин, пользуясь большой популярностью среди верующих, считался прозорливцем, творил исцеления, а получаемые средства употреблял исключительно для борьбы с советской властью

---

¹¹⁶³ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 25. Л. 134.

¹¹⁶⁴ Архивная справка УФСБ по Смоленской области № 121/10/8-2540 от 19.05.2022 в отношении Калинкина Т.А.

¹¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 1.

¹¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 197–199 об.

¹¹⁶⁷ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 7. Ашитковская волость. Гжель, 2024. С. 286–294.

и для оказания материальной помощи высланным и вернувшимся из ссылки священникам¹¹⁶⁸.

Результатом этого группового дела стало разрушение одного из центров помощи возвращавшимся из ссылки представителям духовенства, монашествующим и осужденным по церковно-религиозному признаку. Насколько это повлияло на такого рода деятельность в целом, сказать трудно, так как подобные группы, пусть и не такие сплоченные, существовали и в других городах. Что касается разрушения церковных приходов как одной из целей возбужденного дела, то дело «контрреволюционной группы церковников Казанской церкви г. Егорьевска» 1935 г. для разных приходов имело различные последствия. Самым непосредственным образом пострадал приход Казанского храма, который был закрыт уже в мае 1935 г. В том же 1935 г. был разрушен Успенский «Белый» собор г. Егорьевская, но здесь прослеживается не такая прямая связь, так как собор был закрыт еще в 1929 г. и вплоть до 1935 г. прихожане не оставляли усилий по его возвращению верующим. Хотя отрицать всякую связь между делом «контрреволюционной группы церковников» и разрушением храма невозможно. Георгиевский приход храма с. Ванилова после ареста его настоятеля священника Тихона Калининна ненадолго возглавил его сын священник Владимир Калинин, арестованный и расстрелянный в период Большого террора. Но сам храм закрыт не был и в течение всего советского периода оставался единственным действующим в округе. Таким образом, цели, которые ставили перед собой власти, начиная рассмотренное дело, можно считать достигнутыми частично.

Егорьевский район Московской области стал, наряду с некоторыми другими районами Подмоскovie и сопряженных областей, местностью, где на рубеже 1920–1930-х гг. стали образовываться *религиозные группы, вошедшие в историю под именованием катакомбных церквей*. Этот процесс был обусловлен подписанием митрополитом Сергием (Страгородским) своего «послания архипастырям,

---

¹¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 234.

пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви», вошедшего в историографию под названием «Декларации 1927 года», что привело к глубокому церковному расколу. Его следствием стал уход целых групп духовенства, монашествующих и верующих в церковное подполье с образованием тайных, катакомбных церквей, монастырей, скитов и пр. Рассматривая отношение к Декларации 1927 г. в качестве своеобразного «теста на лояльность» по отношению к действующей власти, большевики сначала инспирировали новый раскол, а затем, вполне обоснованно стали предпринимать репрессивные меры против уклонявшихся в него как потенциально отвергавших советское мироустройство. Кроме того, преследование отвергавших Декларацию митрополита Сергия давало властям очередной повод для наступления на Церковь.

Необходимо отметить, что не только Декларация митрополита Сергия, но и его легитимность как архиерея, сосредоточившего в своих руках управление Церковью, воспринималась неоднозначно и епископатом, и приходскими священниками¹¹⁶⁹, что, по свидетельству очевидцев, приводило к конфликтам между «сергианским» и «непоминающим» духовенством, доходившими в отдельных случаях даже до доносов¹¹⁷⁰, однако автору в процессе работы над настоящим исследованием с такими фактами на территории Московской губернии/области встречаться не приходилось.

---

¹¹⁶⁹ Мазырин, А.В., иер. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной Церкви в 1920–1930-х годах / иер. А.В. Мазырин. – М., 2006. – 444 с.

¹¹⁷⁰ Такие факты нашли отражение в мемуарных источниках: «От одного архиерея, имя которого, как и многих других, не называю, ГПУ потребовало подать списки всех монахов и монахинь города и епархии. Он подал такие списки, и тотчас же все они были поголовно арестованы и сосланы в места ссылок. При это само же ГПУ не постеснялось распространить слух, что оно здесь ни причем, а виноват во всем архиерей, который подал на них списки». (Священник Михаил. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. / протопресвитер М. Польский. – Иерусалим., 1931.; СПб., 1995. – С. 52). В другом месте этот же автор пишет, что доносы на своих противников некоторые представители духовенства вынуждены были делать «не ради только борьбы с контрреволюцией, а ради сохранения самих себя» и приводит пример доноса, сделанного на него неким «протоиереем Р.». (Священник Михаил. Указ соч., С. 13, 14)

Следует согласиться с мнением М.В. Шкаровского, утверждавшего, что «катакомбность церкви не означает ее непримиримость. Этот термин охватывает всякую неофициальную и поэтому неконтролируемую государством церковную деятельность»¹¹⁷¹. Более того, зачастую триггером к уходу в катакомбы для верующего становилась невозможность молитвы в закрывшихся храмах.

Исследователь нелегальной церковной жизни советского периода А.Л. Беглов в работе «В поисках безгрешных катакомб» утверждает, что «на протяжении всех 1930-х гг. карательные органы активно использовали церковное подполье как один из главных поводов для уничтожения Церкви – как подпольной, так и легальной ее части, духовенства – как лояльного митр. Сергию, так и оппозиционного по отношению к руководству Московской Патриархии»¹¹⁷², и приводит три примера: почти полное уничтожение в 1932 г. Ставропольской епархии Российской православной церкви на основании существования на ее территории многочисленных тайных церквей и монашеских скитов; дело Высоко-Петровского монастыря в Москве, организованное в 1935 г., и дело братии Троице-Сергиевой Лавры 1937 г., оставшиеся насельники которой обвинялись в создании подпольного монастыря.

Кроме того, в работе А.Л. Беглова в рассматриваемом контексте упоминается епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), разделявший позицию митрополита Кирилла (Смирнова). После освобождения из ссылки в 1933 г. владыка Афанасий выходит из канонического общения с митрополитом Сергием (Страгородским) и становится центральной фигурой «непоминающих», территориально локализованных во Владимирской области и восточных районах Московской. Здесь имелись группы верующих, объединенных самоназванием «истинно-православная церковь» (ИПЦ), представлявшие своего рода катакомбную церковь.

---

¹¹⁷¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах М., 1999. С. 247.

¹¹⁷² Беглов А.Л. В поисках "безгрешных катакомб". Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 26–27.

Группы катакомбников образовывались на рубеже 1920–1930-х гг. по всей территории СССР. Они были широко распространены в Ленинградской, Брянской, Орловской, Воронежской областях, в Белоруссии, на Украине, в Татарской, Мордовской АССР, в Крыму и, конечно, в Московской области, причем главным образом в ее восточных районах. Столь широкое распространение неконтролируемых государством религиозных общин не могло не вызывать озабоченности властей, тем более что катакомбники ставили себя в оппозицию не только Московской Патриархии, которую они полностью отрицали, но и советской власти. Именно среди радикальных катакомбников было принято воспринимать красную пятиконечную звезду как символ и печать антихриста, а сотрудничество с советской властью в любых формах (участие в массовых мероприятиях, получение паспорта, работа в колхозах, служба в Красной армии, участие в выборах и пр.) не допускалось. Примечательным является тот факт, что взгляды катакомбников советская пропаганда зачастую усваивала всем верующим, что нашло свое отражение, в частности, во многих литературных произведениях и фильмах, созданным через несколько десятилетий после описываемых событий¹¹⁷³. С этой точки зрения преследования катакомбников властями были вполне оправданны. Рассмотрим примеры таких преследований на территории Московской области.

Дело «контрреволюционной группы церковников Казанской церкви г. Егорьевска» 1935 г., организованное по причине того, что его участники оказывали помощь возвращавшимся из ссылки осужденным по церковно-религиозному признаку, рассмотренное выше, имело еще одно формальное основание, заключавшееся в том, что большинство арестованных по этому делу составляли тайные общины непоминающих. При этом среди осужденных по делу были также священнослужители, находившиеся в юрисдикции Православной российской церкви, возглавлявшейся заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Практически все представители

---

¹¹⁷³ Например, художественный фильм «Рожденная революцией», снятый в начале 1970-х гг., где в 4-й серии священнику, принадлежавшему, как можно понять по контексту, к официальной церкви, приписываются высказывания, характерные именно для воззрений катакомбников.

духовенства, проходившие по делу, прямо или косвенно имели отношение к истинно-православной церкви.

Иеромонах Арсений (Смирнов), проживавший в Егорьевске без документов и прописки на нелегальном положении, «среди своих почитателей» слыл за «бывшего деятеля ИПЦ». Архимандрит Неофит (Осипов), о котором в материалах дела говорилось, что он «примыкает к деятелям «ИПЦ», проживал в г. Егорьевске без определенных занятий. В деле имеются сведения, что он упрекал митрополита Сергия за то, что тот якобы предал Церковь на поругание советской власти¹¹⁷⁴. Следующим за архимандритом Неофитом в списке «членов контрреволюционной группировки церковников» значился архиепископ (так в документе. Правильно: епископ. – *В.Н.*) Афанасий (Сахаров), человек, вошедший в церковную историю советского периода и в определенном смысле повлиявший на ее ход. О нем в Справке говорилось, что он является активным членом ИПЦ и проживает в г. Егорьевске на нелегальном положении. Владыка Афанасий, по утверждению автора Справки, говорил, что верующим следует повседневно разьяснять предательскую роль самозванного синода митрополита Сергия, который умышленно предает православную церковь в руки большевиков на уничтожение¹¹⁷⁵. К числу лиц, определенных к аресту, относился Петр Бажанов (в ряде документов – Батанов), он же иеродиакон Вениамин, бывший келейник патриарха Тихона, дважды арестовывавшийся, отбывший шесть лет ссылки и проживавший в д. Голубевой неподалеку от Егорьевска. Про него в следственном деле указывалось, что он, будучи членом ИПЦ, имеет большой круг почитателей, на иждивении которых находится и которых «обрабатывает в антисоветском духе».

Показания свидетелей не просто отмечали принадлежность большинства арестованных к ИПЦ, но и приписывали им обоснования такой принадлежности, состоявшие в признании себя истинно верующими, а митрополита Сергия – христопродавцем, вошедшим в лоно антихристов-коммунистов¹¹⁷⁶.

---

¹¹⁷⁴ Там же.

¹¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 1–6.

¹¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 197–199 об.

Свидетель П.А. Г-нов на вопрос о политической деятельности арестованных лиц показал, что к советской власти арестованные настроены враждебно, распускают слухи о ее скорой гибели, являются приверженцами патриарха Тихона, считают, что Церковью управляет ОГПУ, а митрополит Сергей не более, чем «ширма», формируют вокруг себя группу недовольных «простецов», сами же являются ядром ИПЦ, будучи людьми хорошо образованными и целеустремленными. Они якобы прямо противопоставляют себя существующей духовной власти, утверждают, что синод лишен благодати, а истинно православные епископы – только те, которые «пострадали за веру православную со стороны соввласти и большевиков»¹¹⁷⁷. Разумеется, нельзя в полной мере доверять показаниям свидетеля, тем более что материалы указывают, что он являлся внедренным агентом НКВД. Однако в приведенном фрагменте выразительно изложены представления властей о том, какая работа проводится в катакомбных церквях и какова мотивация ее членов.

К преследуемым советскими властями представителям нелегальных катакомбных религиозных течений относились так называемые иоанниты, и рубеж 1920–1930-х гг. стал временем разгрома (или, во всяком случае, очередной попытки разгрома) действительно существовавшей, сначала в России, а затем и в СССР секты – здесь это слово вполне уместно – поклонников отца Иоанна Кронштадтского, в буквальном смысле этого слова обожествлявших его. Примечательно, что сам прот. Иоанн Кронштадтский многократно устно в храмах и печатно разъяснял, что распространяемое сектантами учение неправославно и никакого отношения к его проповедям не имеет.

Выход в 1927 г. Декларации митрополита Сергия (Страгородского) привел к разделению не только в рядах православных верующих вообще, но и внутри иоаннитского движения. Одна их часть продолжала посещать храмы «сергиевского течения». Другая часть иоаннитов влилась в движение «непоминающих», с

---

¹¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 209–214 об.

которыми их сближал отказ от каких бы то ни было форм соглашательства с советской властью.

Иоанниты, что в принципе характерно для сектантов, отличались особенно аскетичным образом жизни, привлекательным для определенных слоев христиан, что делало их, с точки зрения властей, еще более опасными, а, значит, требовало усиления репрессий. Некоторые исследователи считают, что в начале 1930-х гг. секта прекратила свое существование, и общины иоаннитов были подвергнуты жесточайшим репрессиям со стороны советской власти в 1920–1930-е гг.¹¹⁷⁸

По признаку принадлежности к иоаннитам были репрессированы жительницы деревни Губино Виноградовского района Московской области, бывшие монахини, сестры преподобномученица Евдокия¹¹⁷⁹ и Акилина Андриановы-Фомины. В материалах дела 1931 г. содержатся стандартные для того времени обвинения в том, что сестры обе были ярыми противниками всех мероприятий советской власти, проводимым на селе, в частности – коллективизации¹¹⁸⁰, но маловероятно, что одно это могло стать причиной ареста. И главная причина вскоре обнаружилась. Один из свидетелей показал, что в доме Андриановых часто происходят собрания под видом религиозных обрядов и, кроме того, зимой 1930/31 г. к монашкам приезжали посторонние лица, которые агитировали крестьян в сектантство¹¹⁸¹. Словом «сектантство» в 1931 г. могли называть самые разные формы религиозности, но, будучи зафиксированным в протоколе допроса по линии ОГПУ, оно, несомненно, обращало на себя внимание.

---

¹¹⁷⁸ Слесарев А.В. Проблематика внутрицерковного сектантства (на примере секты "иоаннитов") // Антираскол. Информационно-справочный портал по расколоведению. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20140301220417/http://www.anti-raskol.ru/pages/1299> (Дата обращения: 19.08.2022).

¹¹⁷⁹ Дамаскин (Орловский), игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь». Тверь, 2005. // Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <https://fond.ru/userfiles/person/166/1289414832.pdf> (Дата обращения: 16.08.2022).

¹¹⁸⁰ Протокол допроса свидетеля К-цова П.А. 1 июня 1931 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37141. Л. 5–6.

¹¹⁸¹ Там же.

Между тем, с точки зрения православной, сектантками сестры Андриановы, конечно, не были, чему есть подтверждения в деле. Напротив, они утверждали свою стойкость в вере и приверженность избранному церковноначалию: прежде всего – патриарху Тихону, а после его кончины – назначенному им местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). Дело было, очевидно, в неприятии Декларации 1927 г., и сестры Андриановы примкнули к «непоминающим». «Непоминающие», как уже отмечалось, с точки зрения властей, являлись не просто новыми раскольниками, но, в первую очередь, – антисоветски настроенными элементами. Требовалось как-то скомпрометировать их в глазах тех верующих, которые новую церковную политику приняли. Искать форму долго не пришлось. Слово «сектант» всегда имело отрицательные коннотации, и православные исключением не являются (в скобках заметим, что к этому понятию советская власть будет прибегать вплоть до 1970-х гг.). Поэтому в показаниях свидетеля сестры Андриановы и названы сектантками, что совершенно не соответствовало действительному положению дел.

Примечательно, что, к какой именно «секте» принадлежали сестры, свидетели не знали. Один из них показал, что к ним приезжают представители разных сект¹¹⁸². Другая сообщила, что обе принадлежат к секте баптистов, а в доме этих монашек, помимо всех икон, имеется «икона Иоанна Кронштадтского», которая считается у них в большом почете¹¹⁸³. Эти показания стали ключевыми во всем деле, так как позволяли следствию утверждать, что органами ОГПУ была вскрыта сектантская ячейка иоаннитов, для чего и понадобилась столь громоздкая конструкция. Если исходить из предположения, что сестры Андриановы не входили в секту иоаннитов, а продолжали оставаться обычными верующими Православной российской церкви, о чем свидетельствовали и их собственные показания, то цель атаки на них со стороны властей была обычной: с одной стороны, устрашение верующих, а, с другой – дискредитация подвижниц в глазах местного населения. Однако очевидная нацеленность следствия на обнаружение и

---

¹¹⁸² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37141. Л. 7–8.

¹¹⁸³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37141. Л. 11–12 об.

«обезвреживание» ячейки секты иоаннитов свидетельствует о наличии соответствующего заказа, поступившего от руководства ОГПУ областного или даже союзного уровня.

В обвинительном заключении по делу сестер Андриановых-Фоминых говорилось, что они «на протяжении последних двух лет под видом религиозной церемонии собирали у себя в доме крестьян... вели с ними индивидуальную обработку, втягивая женщин в свою секту, скрыто вели антисоветскую агитацию»¹¹⁸⁴. Примечательно, что слово «секта» присутствует в Обвинительном заключении неоднократно, но ни разу она не названа иоаннитской. Собственно, слова «иоанниты» во всем деле 1931 г. не встречается ни разу. Но в следующем деле Е.П. Андриановой-Фоминой 1937 г. она уже прямо названа «монашкой-иоанниткой»¹¹⁸⁵. Обращает на себя внимание, что в обвинительном заключении сестры названы также «руководителями религиозной секты «Православные христиане». Возможно, здесь мы сталкиваемся с зарождавшимся течением истинно-православных христиан, оформившимся уже в 1940-х гг., но имевшим корни в истинно-православной церкви (ИПЦ), о которой говорилось выше¹¹⁸⁶.

Осуждение и высылка сестер Андриановых-Фоминых не повлияли напрямую на приходскую жизнь Воскресенского прихода села Ашиткова (храм был закрыт в 1938 г.), к которому относилась д. Губино, но не могло не отразиться на настроениях односельчан двух бывших монахинь, пострадавших за свою веру. Это подтверждается рядом интервью, которые автор брал у их потомков.

Гонения на «катакомбников», мнимых или истинных, оформившиеся к середине 1930-х гг. в одно из направлений преследований по церковно-религиозному признаку, имели очевидную цель – пресечь религиозную деятельность, неподконтрольную органам НКВД. Кроме того, представители катакомбных религиозных объединений, в большинстве своем относившиеся к «непоминающим», таким своим выбором фактически отвергали установленный

---

¹¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37141. Л. 21–25.

¹¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-18229. Л. 5.

¹¹⁸⁶ Беглов А.Л. В поисках "безгрешных катакомб". Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 14.

советской властью порядок существования Церкви в СССР, что, вкупе с агитацией против Синода митрополита Сергия, рассматривалось как открытая контрреволюционная деятельность

К обвинениям, связанным с пропагандой деятельности зарубежных сообществ, относились все обвинения, так или иначе связанные со всем, что, с точки зрения властей, представляло опасность для советской идеологии, но исходило при этом из-за рубежа. Обвиняя духовенство и мирян в том, что они являлись проводниками такого рода информации, следственные органы не ставили себе задачей объяснить, каким образом сельские священники и прихожане могли в принципе такой информацией обладать. Вопросы о способах и каналах для ее получения в протоколах допросов в абсолютном большинстве случаев не поднимались. Предполагалось, что все то, на основании чего строились соответствующие измышления, в распоряжении арестованных имелось само собой. В редких случаях в обвинительных заключениях содержались ничем не подтвержденные утверждения о том, что у такого-то арестованного якобы имелись связи с заграницей, при этом, что это были за связи и, главное, как именно он пользовался ими для получения антисоветской литературы, ничего не сообщалось.

Наибольшее число дел, в которых наблюдаются обвинения такого рода, относятся к периоду 1933–1935 гг., однако сам процесс начался раньше. В сборнике «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет», вышедшем в свет в 1932 г. приводятся примеры контрреволюционной агитации, предпринимавшейся приходским духовенством с использованием известий, якобы получаемых из-за рубежа. Причем пропагандистов не останавливали очевидные трудности, с которыми столкнулись бы сельские священники, если бы и в самом деле желали добыть эту информацию. Обвинения в антисоветских проявлениях становились своеобразным ответом на те или иные политические события или высказывания зарубежных акторов, о чем на сельских приходах никто, скорее всего, ничего и не знал. Так, в ответ на заявления Папы Римского Пия XI по поводу положения Церкви в СССР один из авторов сборника утверждал, что в сельских приходах церковники распространяли слухи о том, что Папа защищает советских верующих, требуя от

них сопротивления колхозному строительству¹¹⁸⁷. (В другом сборнике, вышедшем в то же время, говорилось, что в танинском приходе, неподалеку от г. Орехово-Зуева в Московской области, местные кулаки совместно с духовенством уверяли, что войска папы римского с барабанным боем двигаются на Москву¹¹⁸⁸.) В целом же, в статье говорилось о том, что церковники ведут целенаправленную работу по подрыву военной мощи СССР путем шпионажа, а также по подготовке «унии православной и католической церкви и воспитанию специальной духовной агентуры при Ватикане»¹¹⁸⁹.

В 1935 г. в городе Талдоме Московской области был арестован священник местного Михаило-Архангельского храма Иоанн Честнов. Важным обстоятельством представляется то, что в конце 1930 г. отец Иоанн арестовывался по ст. 58-10 за то, что «используя свое положение священника и пользуясь религиозными предрассудками несознательного населения, систематически вел агитацию против Советской власти и проводимых ею мероприятий»¹¹⁹⁰. Незадолго до своего назначения в Талдом он вышел на свободу после 3-летней ссылки, к которой его приговорила тройка ОГПУ по МО 22 ноября 1930 г.¹¹⁹¹

Одним из первых документов, предъявленных отцу Иоанну 19 мая 1935 г. (помимо ордера на арест и обыск), было Постановление об избрании меры пресечения, в котором утверждалось, что Честнов Иван Петрович достаточно изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к мероприятиям партии и правительства, служа в местной церкви, вел а/с агитацию среди прихожан. В своей а/с деятельности призывал прихожан к открытым выступлениям против Советской власти, защищая церковь и православную веру от нашествия «Масонов». Террор

---

¹¹⁸⁷ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 135.

¹¹⁸⁸ Блок-нот антирелигиозника. Антипасхальный выпуск. М., 1931. С. 42.

¹¹⁸⁹ Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта. // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. С. 135.

¹¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 35, 35 об.

¹¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-49364. Л. 36.

против вождей партии и Правительства расценивал как «проблески сознания» русского народа, пропагандируя пораженческие взгляды среди прихожан церкви¹¹⁹².

В коротком тексте Постановления легко выделяются три блока обвинений. В первом содержится общий для всех подобных дел набор формулировок, под который при желании можно подвести любые, даже самые невинные, деяния. В последнем – очевидная отсылка к убийству С.М. Кирова, о чем говорилось выше. Второй блок обвинений, как они сформулированы в Постановлении об избрании меры пресечения в отношении священника Честнова, вызывает вопросы. На первый взгляд все понятно: священнику приписываются призывы к открытым выступлениям против советской власти. Но почему необходимость выступлений против советской власти увязывается с защитой Церкви и веры от нашествия неких «Масонов» – не ясно. Из буквального прочтения текста следует, что советская власть и есть носитель или проводник масонской угрозы. В действительности, представить себе, что недавно освободившийся священник станет говорить подобное, совершенно невозможно. Следовательно, однако, фиксирует это на страницах дела, причем выносит в текст Постановления об избрании меры пресечения как одно из наиболее веских обстоятельств, свидетельствующих о якобы преступной деятельности обвиняемого.

Выше неоднократно отмечалось, что все процессы по 58-й статье в СССР чаще всего были обусловлены теми или иными событиями, происходившими в стране и за ее пределами, а также неудачами, временными или постоянными, в решении задач, которые ставила перед советским народом партия. По году, когда велось следствие, часто можно предугадать, какие обвинения были предъявлены арестованному и какой срок он получил. Верно и обратное: по формулировке в обвинительном заключении можно с большой вероятностью определить, в какой период рассматривалось дело, причем в некоторых случаях с точностью до года.

В ряду таких знаковых годов стоит и 1935 год. К этому времени в целом

---

¹¹⁹² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 2.

закончились процессы, связанные с неудачами в колхозном строительстве, и еще не начались массовые расстрельные дела периода Большого террора 1937–1938 гг., но был один признак, по которому можно с большой долей вероятности сказать: это, скорее всего, дело 1935 г. Признак этот и есть упоминание проповеди о масонском заговоре и обо всем, что этому сопутствует: о наличии мирового правительства, протоколах сионских мудрецов или, как в деле отца Иоанна Честнова, о загадочных тридцати трех старцах, о которых будет сказано ниже. Отголоски этой конспирологической теории управления миром иногда всплывают в протоколах 1936, 1937 и даже 1938 гг., но значительно реже, чем в 1935 г. Считаем возможным предположить, что связано это с тем, что именно в 1935 г. в Швейцарии состоялся так называемый Бернский процесс, на котором обсуждались вопросы подлинности «Протоколов сионских мудрецов»¹¹⁹³, текста, впервые изданного в России с самом начале XX в. и впоследствии разошедшегося миллионными тиражами по всему миру. При непропорционально большом числе лиц еврейской национальности в политическом руководстве страны, а также в силовых ведомствах и прежде всего в ОГПУ-НКВД в первые десятилетия советской власти в стране были довольно сильными настроения, а иногда и проявления бытового антисемитизма, с которыми большевистское руководство с переменным успехом боролось¹¹⁹⁴, для чего даже издавалась специальная инструктивная литература¹¹⁹⁵. Но полностью победить антисемитизм, особенно развитый в крестьянской и

---

¹¹⁹³ «Протоколы сионских мудрецов» — считающийся подложным антисемитский документ, в котором излагаются планы евреев по установлению мирового господства и разрушению христианского мира. Впервые опубликован на русском языке в 1903 г. под видом отчета о тайных собраниях сионистов в Базеле. Текст «Протоколов» стал предлогом для антисемитов начала XX в. и сыграл важную роль в обосновании теории иудеомасонского заговора. Подложность «Протоколов» была отмечена в печати и независимых расследованиях уже вскоре после публикации и в современной науке считается доказанной. Вместе с тем и в настоящее время имеются многочисленные сторонники мнения о подлинности текста «Протоколов». За свою историю существования документ переиздавался многомиллионными тиражами и был переведен на многие языки мира //Википедия / [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протоколы_сионских_мудрецов. (дата обращения: 21.09.2016).

¹¹⁹⁴ См., например: Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. Ч. 2. М., 2002.

¹¹⁹⁵ О борьбе с антисемитизмом в школе. Серия инструктивных и методических писем для руководства в работе школ повышенного типа. М., Л., 1929. 40 с.

рабочей среде, не удавалось. «Протоколы сионских мудрецов» в СССР считались литературой запрещенной, за хранение, а в некоторых случаях, и за прочтение которой вполне можно было получить реальный срок. Разумеется, в советской России «Протоколы» не издавались, а дореволюционное издание (значительная часть которого была уничтожена) сразу после 1917 г. стало исключительной редкостью. Тем не менее, отдельные экземпляры периодически появлялись в поле зрения органов власти, и тогда лица, имевшие какое-либо отношение к книге, подвергались репрессиям. Наконец, в 1935 г. Бернский процесс положил, как казалось, конец спорам о подлинности «Протоколов»¹¹⁹⁶, признав их фальсификацией, однако, став довольно широко освещаемым событием, он, вероятно, явился причиной того, что в СССР в состав обвинений по 58-й статье стали добавлять либо чтение и распространение текста «Протоколов», либо, как в деле отца Иоанна, ничем не подтвержденные измышления.

Отец Иоанн с самого начала отверг все возводившиеся на него ложные обвинения и отказался подписывать Постановление¹¹⁹⁷.

Однако в процессе допросов свидетелей следователь неоднократно задавал им вопросы о том, что священник Иоанн Честнов говорил о «Сионском протоколе», 33 старцах и о масонах¹¹⁹⁸. Причем вопрос формулировался именно в указанной форме. То есть, следователя интересовало, что именно говорил священник, но не то, говорил ли он вообще на эти темы.

Свидетели, которые, разумеется, тоже ничего не слышали ни о Протоколах, ни о «массонах», ни тем более о Бернском процессе, не знали, что отвечать, хотя и

---

¹¹⁹⁶ В Швейцарии еврейские организации выступили против публикации «Протоколов» местной организацией нацистов и подали на издателей в суд. На процессе, который проходил в Берне в октябре 1934 г. и в мае 1935 г., было проведено расследование происхождения «Протоколов». Процесс вызвал огромный интерес во всем мире, на нем присутствовали многочисленные журналисты. Суд своим решением признал, что «Протоколы» являются фальсификацией и плагиатом, и, таким образом, это произведение подпадало под действие Бернского закона о «непристойной литературе // Википедия / [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Протоколы_сионских_мудрецов. (дата обращения: 21.09.2016).

¹¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 3.

¹¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 13–14 об.

пытались уловить, какого ответа от них ждет следователь. Их ответы, как правило, демонстрируют полное непонимание того, о чем они показывают. Честнов, по их словам, якобы считал современных правителей партии и правительства шайкой масонов, которые действуют на основе «Сионских протоколов», что «эта шайка имеет 33 старца», через которых современные правители имеют связь с сатаной, от которого через старцев получают задания, что другие страны, такие как Италия, Испания и др., – это «массонское нашествие» пережили, потому что в этих странах силен дух патриотизма. В результате этого «массоны» избрали для своей цели Россию, захватив которую, будут угрожать всему миру. На этом основании Честнов будто бы делал вывод о неизбежности войны, о том, что вся международная политика сейчас сводится к тому, чтобы заставить Германию уничтожить большевизм, ибо Германия, по мнению Честнова, является виновницей большевизма, потому что она привезла в заплombированном вагоне в Россию Ленина. Сейчас Германия под давлением всех держав должна начать войну против СССР, а за ней пойдут все остальные державы, имея одну цель – уничтожить большевизм, который угрожает всему миру, и перед духовенством стоит задача всеми силами и способами разъяснить народу истинную подкладку большевизма¹¹⁹⁹.

Содержание Протокола допроса не выглядит правдоподобным, и, даже если относиться к «масонам, тридцати трем старцам и сионским мудрецам» всерьез, трудно представить, чтобы арестованный священник стал бы об этом говорить, имея за плечами два уголовных срока по политической статье. И уже совершенно невероятной представляется картина самого допроса. Ведь все, приписываемое отцу Иоанну, занесено в Протокол со слов пожилого сторожа хлебозавода с «сельским образованием» (это данные свидетеля, приведенные в том же протоколе). Важными в деле отца Иоанна Честнова являются, разумеется, не рассуждения о масонской угрозе, 33 старцах и пр., а то, что все перечисленное являлось, судя по всему, актуальной повесткой в СССР в 1935 г., благодаря чему и

---

¹¹⁹⁹ Там же. Л. 15–15 об.

отразилось в тематике обвинений против сельского духовенства.

Священник, разумеется, все возводимые на него обвинения отрицал, но это не помешало сослать в его Казахстан на три года¹²⁰⁰.

В ссылке, в Чуйском районе КССР на станции Чу, он продолжал свое пастырское служение, которое власти расценили как антисоветскую агитацию. 23 ноября 1937 г. ссыльный священник был вновь арестован¹²⁰¹. Его обвинили в том, что он нелегально занимался «исполнением религиозных обрядов» и «среди населения вел антисоветскую агитацию». Несмотря на то что отец Иоанн Честнов с обвинениями не согласился, 10 декабря 1937 г. тройка УНКВД Алма-Атинской области вынесла постановление о его расстреле. 13 декабря 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

Обвинения в чтении и распространении сведений из книги «Протоколы сионских мудрецов» в 1935 г. обнаруживаются в ряде следственных дел «церковников». В качестве иллюстрации можно привести групповое дело «церковников» в московском районе Дорогомилово¹²⁰², где, как указывалось в справке на арест, участники группировки, будучи враждебно настроенными к советской власти, среди верующих систематически проводили а/с агитацию, распространяли провокационные слухи о появлении «антихриста» и скорой гибели советской власти¹²⁰³. Участниками «группировки» оказались регент хора (в некоторых материалах дела он назван псаломщиком) Богоявленского храма в Дорогомилове Конорев и певчий этого хора Бойков. Лейтмотивом их антисоветских проявлений стали высказывания антисемитской направленности, выразившиеся главным образом в том, что в правительстве СССР наблюдается «массонско-еврейское засилье». В марте 1935 г., согласно материалам дела, А.С. Бойков принес в церковь книгу «Протоколы сионских мудрецов», которую участники группировки давали для чтения контрреволюционно настроенным

---

¹²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-42124. Л. 42.

¹²⁰¹ ДКНБ по г. Алматы и Акмолинской обл. Д. П-1839.

¹²⁰² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009.

¹²⁰³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009. Л. 1–2.

верующим церкви Богоявления и своим близким знакомым. На приходе происходили обсуждения книги и высказывались мнения, что Россией правит тайное масонско-еврейское правительство, которое устраивает гонения на православную церковь, духовенство и верующих¹²⁰⁴.

Следствие интересовало, откуда А.С. Бойков взял «Протоколы», предполагая, что книга была прислана из-за границы. Однако вскоре выяснилось, что у Бойкова она появилась от некоего Д.И. Муромцева, который в свою очередь получил ее от Д.И. Крылова, работника Центрального телеграфа, который, согласно его, Крылова, показаниям, купил ее у букиниста за 30 руб. Сам прочитал ее два раза, дал прочитать своей жене, а потом «отдал ярому церковнику Муромцеву» в начале 1935 г.¹²⁰⁵ Таким образом, прежде чем оказаться в Богоявленском приходе Дорогомилова, книга побывала в нескольких руках, и все ее читатели оказались в числе обвиняемых по ряду пунктов¹²⁰⁶. 21 мая 1935 г. все обвиняемые были приговорены к трехлетнему сроку. Двое – ИТЛ, двое – ссылки¹²⁰⁷.

Таким образом, все дело «антисоветской группировки контрреволюционно настроенных церковников при церкви Богоявления в Дорогомилове» было создано вокруг того факта, что на этом приходе имелась и, по версии следствия, обсуждалась книга «Протоколы сионских мудрецов». Материалами дела установлено, что приобретена она была совершенно легально в одном из московских букинистических магазинов, что выглядит вполне правдоподобным, так как, несмотря на попытки уничтожения тиражей и запрет книги в СССР, купить ее в 1930-х гг. было возможно, хотя следов активных преследований за это обнаружить не удалось. Между тем именно в 1935 и 1936 гг., помимо приведенных примеров имеется целый ряд свидетельств преследования за хранение, чтение и распространение этого текста.

---

¹²⁰⁴ Там же.

¹²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009. Л. 30.

¹²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009. Л. 55–59.

¹²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77009. Л. 63–66.

Периодом Большого террора называют временной промежуток между июлем 1937 г. и ноябрем 1938 г. Термин впервые был употреблен Р. Конквестом в работе «Большой террор: Сталинские чистки 30-х»¹²⁰⁸. В некоторых случаях датой начала периода Большого террора называют 30 июля 1937 г., когда был подписан оперативный Приказ наркома НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»¹²⁰⁹, а датой окончания – 17 ноября 1938 г., когда вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»¹²¹⁰ и последовавший за ним Приказ НКВД СССР № 00762¹²¹¹, в котором регламентировался порядок осуществления этого постановления. Некоторые исследователи предлагают считать началом и концом периода Большого террора иные события¹²¹², но все они укладываются в указанный интервал.

В Приказе НКВД № 00447 были перечислены «контингенты, подлежащие репрессии», и в п. 6 упоминались «сектантские активисты и церковники». Формулировка не конкретная, под которую можно было подвести любого священника, члена церковного совета и просто верующего. По мнению ряда исследователей, атака на Церковь в период Большого террора была связана с результатами переписи населения, проводившейся в январе 1937 г. и показавшей,

¹²⁰⁸ Конквест Роберт. Большой террор: Сталинские чистки 30-х гг. В 2-х томах. Рига, 1991. 416 + 432 с. (Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties (1968).)

¹²⁰⁹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/36068> (дата обращения: 15.02.2023).

¹²¹⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17 ноября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1204. Л. 108-117. Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/36068> (дата обращения: 15.02.2023).

¹²¹¹ Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». 26 ноября 1938 г. // Сталин. Время, люди, империя. [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/repressii-1937-1938gg/prikaz-nkvd-sssr-00762-o-poryadke-osushchestvleniya-postanovleniya-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-ot-17-noyabrya-1938-g.html> (дата обращения: 15.02.2023).

¹²¹² Например: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 16.

что, несмотря на активную антицерковную и антирелигиозную пропаганду, проводившуюся в СССР в течение двух десятилетий, верующими себя признало более 50% взрослого населения СССР. Обращает на себя внимание, что в тексте Приказа «церковники» оказались в одной группе с бандитами, что позволяет говорить о формировании новой идеологической базы для ужесточения репрессий и расширения их масштаба.

Аресты происходили согласно спускаемым из Москвы «лимитами», где указывалось, сколько человек в определенной области, крае, республике следовало репрессировать. Широко распространенное мнение, что политические репрессии в СССР в значительной, если не в большей своей части, основывались на доносах граждан друг на друга, является ошибочным и опирается главным образом на художественные домыслы, нашедшие свое отражение в популярных фильмах и литературе. Рассуждения о том, почему эти заблуждения настолько завладели умами и произошло ли это само собой или же за подобными вымыслами стояла продуманная политика, имевшая своей целью отвлечь общественное мнение от истинных причин массового террора, выходят за рамки нашей темы. Мы ограничимся только констатацией того факта, что доносы, которые, разумеется, имели место в те годы, составляли лишь малую долю в общем числе формальных причин, приводивших к арестам. Действительными же причинами являлись директивные указания, рассылавшиеся из Москвы, содержавшие лимиты на заключения в лагеря и расстрелы. Опытные аппаратчики на местах прекрасно понимали, чем для них чревато невыполнение спущенных сверху цифр, поэтому обычным делом было перевыполнение плана по расстрелам и заключениям под стражу. Сохранились шифротелеграммы, в которых периферийные обкомы запрашивали увеличение лимитов. Подписывались лимиты на расстрелы лично Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Ждановым. В некоторых случаях – Микояном и Косиором¹²¹³.

---

¹²¹³ Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2011.

Такая система, с одной стороны, делала всех «церковников» полностью беззащитными перед органами НКВД, так как отныне даже самое осторожное поведение и аккуратность в высказываниях не могли гарантировать от ареста. С другой стороны, отсутствие какой-либо связи между деянием и репрессией позволяло в ряде случаев избежать ареста, просто временно исчезнуть с места жительства, службы и пр. Сотрудники органов, не обнаружив конкретного человека по его адресу, не предпринимали усилий к его поиску, так как в ограниченные сроки важно было выполнить спущенные лимиты, а не арестовать именно этого гражданина. Репрессиям подвергался другой, а про скрывшегося забывали¹²¹⁴.

Практически во всех обвинительных заключениях дел «церковников» 1937–1938 гг. обвинения в преступлениях, определяемых их отношением к Церкви вообще, конкретному храму или приходу, отсутствуют. В абсолютном большинстве случаев они обвиняются в антисоветской деятельности и агитации в различных формах. Таким образом, тенденция к постепенному вымыванию обвинений, связанных с работой в храме или приходе, начавшаяся в самом конце 1920-х гг., к периоду Большого террора формируется полностью.

Особенностью репрессивной политики в отношении духовенства и верующих в рассматриваемый период стали массовые случаи ареста сразу всего причта, иногда одновременно с руководством приходского совета. Храм в таком случае оставался без духовенства, а приход – без наиболее активных членов церковного совета, что автоматически делало невозможным не только продолжение богослужений, но и любую приходскую деятельность. Сам храм при этом не закрывался и формально считался действующим. Его закрытие происходило через несколько месяцев, а иногда и лет по причине того, что верующими он фактически не использовался. Это лукавство было очевидным для

---

¹²¹⁴ Таким образом удалось избежать ареста и, возможно, сохранить храм от закрытия священнику Никитского храма в селе Строкине отцу Феодору Вознесенскому. См.: Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4. Быковская волость. Гжель, 2019. С. 144–165.

всех, ибо в ситуации, когда некому проводить богослужения, храм в полной мере использоваться не мог, а поставить нового священника взамен репрессированного церковноначалие по разным причинам возможности не имело. При этом известны случаи, и их было немало, когда верующие, предприняв попытку консолидировать приход, продолжали обслуживать храм, проводя в нем периодические уборки, а в некоторых случаях – мелкий ремонт и выплачивая в необходимом размере налоги. В таких храмах, как будет показано ниже, проводились богослужения так называемым «мирянским чином», то есть такие, которые не требуют обязательного участия священнослужителя. Иногда для служения литургии, для совершения которой священник необходим, его приглашали из соседнего действующего храма, но такие службы были относительно редкими.

Изменения в порядке ведения следствия после вступления в силу Приказа № 00447 предполагали упрощенную схему, когда при аресте не требовалась санкция прокурора, число свидетелей допускалось сократить до трех (на практике в значительном числе следственных дел имеются показания всего двоих свидетелей), обвинительные заключения составлялись следователями, а утверждались руководителями местных областных управлений НКВД. Затем обвинительные заключения отправлялись на рассмотрение областных троек, заседания которых проходили без участия обвиняемых, а вынесенные приговоры не могли быть опротестованы и пересмотрены.

Упрощенный порядок следствия обусловил характерную особенность следственных дел периода Большого террора, выразившуюся в том, что они отличаются от следственных дел любого другого периода политических репрессий, проводившихся в СССР в 1918–1958 гг., своим объемом. В массе своей они существенно тоньше. Исключения могут составлять лишь дела губернских Чрезвычайных комиссий первых послереволюционных лет, что было связано главным образом с еще не сформировавшимся перечнем документов, необходимых для составления следственного дела. Такие дела могли содержать по 10–12 листов, как, например, первое дело священника Владимирского храма села Краскова

Ухтомской волости Московской губернии Сергея Никитского¹²¹⁵. Но уже к середине 1920-х гг. такой необходимый перечень был установлен, и дела стали содержать большее число документов.

Следственные дела 1937–1938 гг. часто могут состоять из 20–22 листов, и это при том, что в их число в обязательном порядке должен был входить целый набор обязательных документов, таких как: справка на арест, постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, ордер на арест, протокол обыска, анкета арестованного, протоколы допросов хотя бы двоих свидетелей и самого арестованного (занимавшие не менее 2 листов каждый), обвинительное заключение, выписка из протокола заседания тройки и, в случае вынесения смертного приговора, выписка из акта о его исполнении. Таким образом, на собственно следствие, предполагавшее сколь-нибудь детальный разбор степени вины арестованного, места почти не оставалось. Самыми тонкими делами являются те, по которым обвиняемый приговаривался к высшей мере наказания. В таких делах число листов могло быть даже меньше двадцати. Например, в расстрельном деле 1937 г. настоятеля Троицкого храма с. Чижи Ногинского района Московской области прот. Николая Архангельского всего 19 листов¹²¹⁶.

Выразительную картину того, насколько массовыми были репрессии, организованные по церковно-религиозному признаку в 1937–1938 гг., дает статистика, приведенная в отчете начальника УНКВД по Ярославской области в январе 1938 г., где из 3253 осужденных 657 (21,3%) составляло духовенство и члены церковных советов¹²¹⁷. Однако есть все основания утверждать, что реальный процент осужденных по церковно-религиозному признаку был выше, так как чаще всего указываемыми двумя категориями (как правило, «духовенство» и

¹²¹⁵ Дело Московской чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Московском совете по обвинению Никитского Сергея Михайловича. 1920 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851.

¹²¹⁶ Дело № 9577 по обвинению Архангельского Николая Александровича. 1937 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 17229.

¹²¹⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 261–262.

«церковный актив») число таких осужденных не исчерпывается. Дело в том, что определенная (в некоторых случаях значительная) часть последних могла входить в категории «бывших кулаков» и «террористов», то есть оказаться осужденными в период Большого террора по этим признакам, но впервые попавшими в поле зрения спецслужб еще в 1920-х гг. в качестве, например, лишенных избирательных прав по причине членства в приходских советах. Кроме того, следуя общей линии, предполагавшей сокращение упоминаний о принадлежности осужденных к Церкви и их деятельности в приходских советах, доля таких «неучтенных» репрессированных исключительно по церковно-религиозному признаку в общем числе осужденных искусственно занижалась.

О том, какой эта доля была в действительности, можно строить лишь более или менее достоверные предположения, основываясь на данных следственных дел. При этом бывает недостаточным простое ознакомление с обвинительными заключениями, так как истинные причины ареста тех или иных лиц в них могли быть не отражены.

Примером, иллюстрирующим сказанное, может быть дело «церковников» села Быкова Раменского района Московской области¹²¹⁸. По нему проходило восемь человек. Это были: священники Иван Никанорович Кесарийский и Петр Васильевич Косменков, диакон Семен Николаевич Кречков, семья местных прихожан – Александр Егорович, Екатерина Васильевна и их сын Дмитрий Чиликины, активный прихожанин и член церковного совета Петр Матвеевич Пискарев-Молоков и староста храма Евдокия Григорьевна Сафронова. Следует отметить, что А.Е. Чиликин, будучи человеком предприимчивым и состоятельным, в течение долгого времени был попечителем церковного прихода, оставаясь при этом законопослушным советским служащим. В Обвинительном заключении все арестованные назывались членами общей контрреволюционной группы церковников. Эта группа тесно связанных между собой людей, согласно материалам дела, вела активную контрреволюционную деятельность среди

---

¹²¹⁸ Дело по обвинению Кесарийского Ивана Никаноровича, Кречкова Семена Николаевича, Чиликина Дмитрия Александровича. 1937 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20591.

жителей села Быкова, распространяла контрреволюционную клевету против советской власти и колхозов, высказывала террористические настроения против вождей партии и правительства, готовила убийство председателя колхоза, основной задачей ставила разложение колхоза, срыв всех важнейших мероприятий партии и советской власти на селе, для чего проводила нелегальные собрания на квартире Сафроновой и в церкви¹²¹⁹.

В заключительной части документа, где формулировалось то, в чем обвинялся каждый из арестованных и содержались краткие биографические сведения, только у пятерых из восьми обвиняемых отмечено их отношение к Церкви и быковскому приходу. Это – трое священнослужителей, церковная староста Е.Г. Сафронова и член приходского совета П.М. Пискарев-Молоков. Члены семейства Чиликиных характеризовались как «торговец», «торговка» и «сын торговца» соответственно. Не зная, какое отношение семья Чиликиных имела к Владимирскому храму в Быкове, только по одному Обвинительному заключению, невозможно понять, каким образом они оказались включенными в «контрреволюционную группу церковников». Эту связь можно выявить, только подробно ознакомившись со всеми документами дела.

В выписках из протоколов заседания тройки, на котором слушалось дело «быковских церковников», связь каждого из семьи Чиликиных с деятельностью на приходе и вообще с Церковью отсутствует. А.Г. Чиликин был осужден на 10 лет за то, что он, бывший крупный торговец, занимался активной контрреволюционной деятельностью и высказывал террористические настроения¹²²⁰, его жена Е.В. Чиликина была осуждена на 8 лет за то, что, будучи в прошлом торговкой, занималась активной контрреволюционной деятельностью¹²²¹. За ту же контрреволюционную деятельность и высказывания террористических настроений был осужден на 10 лет и их сын Дмитрий¹²²².

---

¹²¹⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20591. Л. 107–113.

¹²²⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20591. Л. 190.

¹²²¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20591. Л. 189.

¹²²² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 20591. Л. 191.

В какую категорию попали бы эти трое при составлении отчетных сведений согласно Приказу № 00447 по Московской области? Очевидно, что либо в категорию осужденных террористов, либо – «бывших кулаков», но никак не в число духовенства и членов церковного актива, хотя к последним Чиликины относились, и именно это стало причиной их ареста. Следовательно, трое из восьми (37,5 %) из той категории осужденных, к которой они в действительности принадлежали, были бы исключены. Дело быковских «церковников», разумеется, не претендует на всеобщность, но в целом такие дела влияние на статистику, очевидно, оказывали, искусственно снижая процент репрессированных священнослужителей и членов приходского актива.

Между тем факт включения членов семьи Чиликиных в число осужденных по групповому делу церковников села Быкова свидетельствует, с одной стороны, о цели властей уничтожить конкретный приход, не оставляя на свободе никого, кто мог бы своим влиянием или авторитетом его сохранить, а с другой – о понимании роли таких, как Чиликины, в функционировании прихода, чем и был детерминирован их арест.

Судьба быковского прихода стала типичной для множества подмосковных приходов в 1937–1938 гг. После единовременного ареста всего причта и значительной части приходского совета вместе со старостой в ноябре 1937 г. храм официально закрыт не был и в течение нескольких месяцев стоял без богослужений. Отсутствие на свободе кого-либо из представителей духовенства или приходского актива сделало невозможным сохранение прихода, хотя бы как группы верующих, объединенных вокруг храма, пусть и обезглавленного. Наличие такой консолидации, возможно, позволило бы сохранить приход или, во всяком случае, оттянуть время его окончательного расформирования после официального закрытия храма. Храм простоял без богослужений до мая 1938 г., когда был закрыт по ходатайствам местных рабочих, служащих и колхозников¹²²³ и по причине того, что верующими он по назначению не использовался. Таким образом, можно

---

¹²²³ Постановление Президиума Мособлисполкома о закрытии церкви в с. Быкове. 1938 г. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1716. Л. 119.

констатировать: если арест духовенства и руководства приходского совета Владимирского храма в Быкове считать способом достижения цели по уничтожению быковского прихода, то она была достигнута.

Говоря о храмах, в которых единовременно или в течение ограниченного времени арестовывался весь причт, мы имеем в виду многокомплектные храмы, то есть такие, в которых по штату полагалось два и более священников, или полноштатные, где, помимо священника и алтарника, имелась занятая вакансия диакона. Владимирский храм в с. Быкове, об обстоятельствах разрушения прихода которого говорилось выше, мог считаться одновременно и полноштатным и двухкомплектным и располагался при этом в селе. Однако чаще всего такими были храмы городские, так как в сельских, как правило, служил один священник, которому помогал алтарник. Наличие в штате сельского храма диакона было явлением нечастым, а второго священника – и вовсе редкостью.

В городском Троицком храме г. Раменского, районного центра Московской области, в 1938 г. служили три священника. Все они в течение нескольких месяцев – с февраля по июнь 1938 г. – были арестованы и расстреляны¹²²⁴. Сначала, в феврале 1938 г., арестовали настоятеля храма протоиерея Николая Николаевича Фетисова и клирика иерея Сергея Ивановича Белокурова. Следует отметить, что причетники, служившие в Троицком храме, арестовывались и ранее, и отцу Николаю Фетисову в числе прочих обвинений ставилось в вину то, что он якобы выступал в защиту других священников и сослуживцев. Это было единственным обвинением, которое касалось отношения священника к Церкви и ее служителям, содержащимся в Обвинительном заключении. Собственно обвинения, предъявленные обоим священникам, ничего конкретного в себе не заключали, а представляли собой стандартные формулировки, которые можно обнаружить в абсолютном большинстве дел рассматриваемого периода, независимо от профессиональной принадлежности обвиняемого (распространял активную контрреволюционную агитацию и клевету, высказывал террористические

---

¹²²⁴ Дело № 169 по обвинению Фетисова Николая Николаевича и Белокурова Сергея Ивановича по ст. 58-10 УК РСФСР. 1938 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338.

настроения в отношении руководителей партии и советского правительства и пр.)¹²²⁵. Такие обвинения встречаются в материалах дел колхозников, инженеров, рабочих, служащих, домохозяек, и определить по ним, чем именно занимался обвиняемый, невозможно. Оба священника были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны 7 марта 1938 г. на Бутовском полигоне¹²²⁶.

В храме оставался единственный священник – Александр Сергеевич Парусников. Трудно сказать, почему он не был арестован вместе со своими сослуживцами, но и его арест не заставил себя долго ждать. Он состоялся через несколько дней после гибели отца Николая и отца Сергия – 24 марта 1938 г. Дело отца Александра Парусникова практически ничем не отличается от дела его предшественников. По нему проходили те же свидетели (об этом он сам успел сказать в записке, отправленной им из тюрьмы¹²²⁷), аналогичными были и обвинения¹²²⁸. Священник Александр Парусников был расстрелян в июне 1938 г., и в том же году Троицкий храм в Раменском был закрыт, а приход распался.

Такая же форма разрушения прихода была применена в городе Ногинске, где располагался Богоявленский собор, в штате которого состояло трое священников. Собор являлся главным храмом благочиния, находился в центре города, и его приход был обширным. В церковном совете числилось около 15 человек. Атака на Богоявленский приход со стороны властей была стремительной, хотя и развивалась в несколько этапов в течение 3 месяцев. Прежде всего, в августе 1937 г. были арестованы все члены церковного совета и настоятель протоиерей Сергей Зернов. Такой состав арестованных прямо указывает на главную цель всей операции – уничтожение прихода.

---

¹²²⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 31–36.

¹²²⁶ Выписка из акта об исполнении постановления тройки УНКВД по МО от 27 февраля 1938 г. о расстреле Белокурова Сергея Ивановича. 7 марта 1938 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 40.; Выписка из акта об исполнении постановления тройки УНКВД по МО от 27 февраля 1938 г. о расстреле Фетисова Николая Николаевича. 7 марта 1938 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 41.

¹²²⁷ Записка сохранилась у потомков священника.

¹²²⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 23976. Л. 30–33.

О том, насколько решительными были действия властей, направленные на то, чтобы исключить всякую возможность возобновления приходской деятельности в главном храме Ногинска, говорит тот факт, что одновременно с приходским советом был арестован бывший настоятель Богоявленского собора Николай Александрович Сперанский, прекративший служение за несколько лет до описываемых событий. Он служил здесь с 1918 по 1933 г., когда его арестовали и осудили на 3 года ИТЛ за якобы контрреволюционную деятельность. Отбыв срок, Н.А. Сперанский вернулся в Ногинск, но священническую деятельность не возобновил, а стал работать счетоводом местного аптечного управления. И несмотря на это власти усмотрели опасность в самом присутствии в городе бывшего соборного протоиерея, пусть даже и оставившего служение, и, предъявив ему обвинение в принадлежности и руководству «контрреволюционной террористической организации церковников Ногинского района», приговорили к расстрелу.

После ареста приходского совета вновь назначенный настоятель Богоявленского собора протоиерей Сергей Махаев попытался сформировать новую двадцатку. Но в обстановке массовых арестов некоторые вновь избранные ее члены заявили о своем выходе из нее; впоследствии это дало повод обвинять отца Сергея в том, что, организуя новый церковный актив, он оказывал давление на верующих и, кроме того, ввел в церковный совет «антисоветски настроенных лиц». 22 ноября 1937 г. отец Сергей был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и заключен в городскую Ногинскую тюрьму¹²²⁹. А еще через четыре дня, 26 ноября 1937 г., арестовали последнего остававшегося на свободе клирика Богоявленского собора священника Николая Андреева¹²³⁰.

Таким образом, к концу ноября 1937 г. в Богоявленском соборе г. Ногинска не оставалось ни одного священно- и церковнослужителя, а также отсутствовал

---

¹²²⁹ Максим Максимов, прот. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь. Тверь, 2003. С. 164–172.

¹²³⁰ Дамаскин (Орловский) архим. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии Ноябрь. Тверь, 2003. С. 305–307.

приходской совет. Приход восстановиться не смог, и «по ходатайствам местных рабочих и служащих» в 1938 г. храм, в котором прекратились богослужения, был закрыт, а в его помещении расположились производственные цеха¹²³¹.

По такой же схеме в 1937–1938 гг. были закрыты многие городские храмы Москвы и Московской области, такие как Богоявленский собор в Дорогомилове, Троицкий в Серпухове, Никольский в Зарайске и пр., что повлекло за собой прекращение деятельности наиболее многочисленных и сплоченных приходов. Разрушение больших городских приходов оказывало деморализующее воздействие не только на прихожан закрывавшихся соборов, но и на верующих окрестных сел, в том числе и тех, где храмы еще оставались действующими, а приходы сплоченными. События, происходившие с городскими храмами, расположенными в районных центрах, формировали среди сельских жителей растущую тревогу за свой храм и одновременно представления о бесперспективности усилий по его сохранению, что приводило к отходу от Церкви наименее стойких в вере прихожан.

В ряде приходов репрессии в отношении духовенства и членов церковных советов продолжались непрерывно с рубежа 1920–1930-х гг. Такой длительной атаке был подвергнут причт и приходской совет Успенского храма в подмосковной Гжели. С первой половины XIX в. и до начала 1930-х гг. храм был двухкомплектным¹²³², но в конце 1930 г. оба священника были арестованы и сосланы в Казахстан сроком на три года¹²³³. Через полтора месяца, в начале 1931 г., сюда назначили новых священников – Иоанна Архипова и Алексия Смирнова, но уже весной 1932 г. их также арестовали, причем вместе с диаконом Павлом Зверевым и несколькими членами церковного совета. С 1933 по 1937 г. в гжельском храме постоянного священника не было, но оставался диакон Виктор Алексеевич Воскресенский. В 1937 г. наступило время, когда на гжельский приход обрушилась

---

¹²³¹ Ногинский Богоявленский собор. // Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/3529.html> (дата обращения: 21. 02.2023).

¹²³² Никонов В.В., Толмачева И.А. Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. Гжель, 2011. 176 с.

¹²³³ Дело по обвинению гр. Виноградова Александра Алексеевича и Честнова Ивана Петровича по ст. 58 УК РСФСР. ноябрь 1937 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49364.

новая волна гонений. В ноябре арестовали и осудили на 10 лет ИТЛ диакона Виктора Воскресенского¹²³⁴. Определенный сюда летом 1937 г. священник Николай Харьюзов вскоре также был осужден на 10 лет¹²³⁵. В декабре настоятельское место в Успенском храме занял его тесть – протоиерей Леонтий Степанович (Стефанович) Гримальский. Но и ему не довелось прослужить в Гжели длительное время: в январе 1938 г. он был арестован, а через месяц расстрелян в Бутове¹²³⁶.

Таким образом, к январю 1938 г. все представители духовенства Успенского храма в Гжели были репрессированы, причем окончательная расправа с ними была произведена в течение последних двух месяцев. Примечательна дальнейшая судьба храма. В отличие от часто реализуемой схемы, когда храм закрывался вскоре после ареста причта, гжельский приход сохранился. Вплоть до 1940 г. в Успенском храме продолжались редкие богослужения, для чего прихожане приглашали священника из соседнего Вознесенского храма села Речицы, который закрыт не был. Сведения о этом в интервью в 2010 г. автору сообщили правнучки протоиерея Александра Орлова, служившего здесь до 1929 г., Елена Александровна Борисова и Светлана Александровна Кочунова¹²³⁷. Храм закрыли в 1940 г.¹²³⁸, то есть почти через три года после ареста последнего настоятеля.

Большинство «церковников», подвергшихся репрессиям в период, связанный с деятельностью ВЧК-ГПУ-ОГПУ (1917–1934 гг.), находились в своего рода «резерве» для последующих репрессий. В числе документов, составлявших следственные дела в разное время, непременно имелась анкета арестованного¹²³⁹, куда в обязательно порядке заносились сведения о прежних судимостях. Это дает

---

¹²³⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-18700. Л. 17.

¹²³⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 22897.

¹²³⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78609. Л. 23.

¹²³⁷ Никонов В.В., Толмачева И.А. Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. Гжель, 2011. С. 127, 128.

¹²³⁸ Постановление Президиума Мособлсполкома о закрытии церкви в с. Гжель. 1940 г. // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2014. Л. 109.

¹²³⁹ В 1920-х гг. анкета как отдельный документ могла отсутствовать, но анкетные данные в деле всегда имелись, например, в протоколах допросов.

возможность проследить, как, когда и по каким статьям арестовывался тот или иной гражданин. Кроме того, в протоколах допросов почти всегда имеются сведения о лишении арестованного избирательных прав. При этом не всегда аресты производились по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных статьей 58 УК. В ряде случаев, особенно если дело не касалось священно- и церковнослужителей, «церковники» могли привлекаться к ответственности по экономическим (налоги, растраты, самоуправство) и по иным уголовным статьям (хулиганство, драки, оскорбления и угрозы). Но такие случаи можно считать единичными эксцессами. Обвинения по 58-й политической статье – нормой.

Значительное число арестовывавшихся в 1920-х и начале 1930-х гг. в Московской области приходских священнослужителей и мирян, подвергшихся репрессиям в период Большого террора, были расстреляны. Многие (священники Александр Парусников¹²⁴⁰, Сергей Белокуров¹²⁴¹, Иоанн Фрязинов¹²⁴², Леонтий Гримальский¹²⁴³, Сергей Кедров¹²⁴⁴, Петр Марков¹²⁴⁵ и др.) – на полигоне Бутово под Москвой, многие (священники Алексей Беляев¹²⁴⁶, Николай Скворцов¹²⁴⁷, Иоанн Честнов¹²⁴⁸ и др.) – в Казахстане, в аналогичном подмосковному месте массовых расстрелов – Лисьей балке, некоторые (отец Павел Флоренский) – в Левашовой Пустоши под Ленинградом и пр.

Многие из подвергнувшихся репрессиям в годы Большого террора арестовывались до этого трижды и даже четырежды (бывший член Бронницкого

¹²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 23976. Л. 35.

¹²⁴¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 38.

¹²⁴² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 23934. Л. 17.

¹²⁴³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78609. Л. 23.

¹²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 19143. Л. 16.

¹²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 21162. Л. 20.

¹²⁴⁶ Архивная справка Специального государственного архива Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области № 98/76/ 1355-4 от 04.11.2020 г.

¹²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 24212. Л. 37.

¹²⁴⁸ ДКНБ по г. Аламаты и Акмолинской обл. Д. П-1839.

Общества хоругвеносцев Н.И. Горюхин¹²⁴⁹, священник Владимирского храма села Краскова Сергей Никитский¹²⁵⁰, священноисповедник Димитрий Крючков¹²⁵¹).

После окончания периода Большого террора число арестованных по церковно-религиозному признаку в Московской области резко сокращается до единичных случаев. В качестве примера можно привести арест священника Петра Алексеевича Щипкова в 1943 г. в г. Загорске. О нем известно, что рукоположен он был в 1920 г. в возрасте 32 лет, после чего служил в Москве в храме Димитрия Солунского на Благуше. Затем служил в различных храмах Московской и Калужской областей. Начиная с 1932 г. жил в г. Загорске, где официально работал бухгалтером на фабрике, а фактически продолжал священническое служение. Не приняв Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), сблизился с «непоминающими» и одним из видных деятелей катакомбной церкви архимандритом Серафимом (Биюковым). После смерти отца Серафима окормлял его духовных детей¹²⁵². Отец Петр арестовывался неоднократно. Первый (во всяком случае, сведений о более ранних арестах обнаружить не удалось) раз в – 1922 г. по делу об изъятии церковных ценностей. Арест 1943 г. был произведен на квартире, где он проживал и совершал тайные богослужения. Был приговорен к 5 годам лагерей. Наказание отбывал в Сиблаге в Красноярском крае.

Политические преследования приходского духовенства, сотрудников приходов, членов церковных советов и активных мирян на территории Московской

---

¹²⁴⁹ Ф.10035. Оп. 1. Д. П-57273; Ф.10035. Оп. 1. Д. П-46015; Ф.10035. Оп. 1. Д. П-78684

¹²⁵⁰ Никонов В.В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергия Никитского // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2022. № 3. С. 314–330.

¹²⁵¹ Никонов В.В., Семенов И.А., иер. Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренево и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. М., 2017. С. 289–293.; Максим Максимов свящ. Священноисповедник Димитрий (Крючков) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Июнь-Август. Тверь, 2003. С. 262–267.

¹²⁵² Щипков Петр Алексеевич (1888) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Щипков_Петр_Алексеевич_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Щипков_Петр_Алексеевич_(1888)) (дата обращения: 04.09.2023)

области в период деятельности НКВД (1934–1946 гг.) характеризовались постепенной активизацией репрессий на протяжении первых трех лет с достижением максимума в 1937–1938 гг. и довольно резким спадом, наблюдавшимся уже с конца 1938 г. Усиление репрессий, начиная с декабря 1934 г., когда был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров, отразилось на всех категориях граждан СССР, и «церковники» не были исключением. Обвинения, предъявлявшиеся им, также не отличались от обвинений, предъявлявшихся представителям других социальных групп. Чаще всего это были обвинения в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации, террористических намерениях, что в ряде случаев затрудняет выявление арестовывавшихся по церковно-религиозному признаку. Причины, по которым они подвергались преследованиям, можно обнаружить, лишь изучив материалы дела. До начала периода Большого террора (июль 1937 г.) они представляли собой ограниченный набор обвинений, таких как: поддержка убийства С.М. Кирова; помощь осужденным по церковно-религиозному признаку, возвращавшимся из ссылки; принадлежность к катакомбным религиозным объединениям и церковной оппозиции; пропаганда деятельности зарубежных сообществ; антисемитизм. После того, как в июле 1937 г. советская репрессивная система подверглась качественным изменениям, из обвинений исчезла какая-либо конкретика, и преследования стали проводиться среди заранее определенных групп населения, к которым были отнесены «сектантские активисты и церковники». С этого момента репрессии против приходского духовенства, сотрудников приходов, членов церковных советов и активных мирян резко ужесточились. Следует согласиться с мнением, что в значительной степени это ужесточение было связано с результатами январской 1937 г. переписью населения, показавшей, что в СССР более, чем 50% всего взрослого населения считают себя верующими. Отметим, что результаты переписи повлияли на ужесточение репрессий против «церковников», но не на

включение их в перечень социальных групп, в отношении которых действовал секретный Приказ наркома НКВД СССР № 00447¹²⁵³.

Еще одним фактором, часто становившимся причиной репрессий со стороны органов НКВД в рассматриваемый период, было наличие у гражданина прежних арестов по 58-й статье Уголовного кодекса.

Не существует достоверной точной оценки числа репрессированных «церковников» в период, связанный с деятельностью НКВД, которую бы поддерживало большинство историков. Также нет единой оценки числа пострадавших по церковно-религиозному признаку по отдельным областям, краям и республикам, как и по Московской области. Это связано с рядом обстоятельств, среди которых можно выделить невозможность работы в ряде архивов, а в тех, которые доступны, – в некоторых фондах; конъюнктурные и политически детерминированные соображения; трудности с определением критериев (причины арестов, география) и т.п. Цифры репрессированных «церковников» разными исследователями называются различные, часто отличающиеся друг от друга на значительные величины. Д.В. Поспеловский оценивает число репрессированных священнослужителей в 50 000¹²⁵⁴, а, например, Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий под руководством А.Н. Яковлева – в 200 000 человек. М.В. Шкаровский склонен считать наиболее соответствующими действительности данные Комиссии по реабилитации Московской Патриархии: 350 000 репрессированных за веру (в том числе не менее 140 000 священнослужителей)¹²⁵⁵. Отметим, что формулировка «репрессированные за веру» в целом соответствует предложенной нами – «репрессированные по церковно-религиозному признаку».

---

¹²⁵³ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. // Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/36068> (дата обращения: 15.02.2023).

¹²⁵⁴ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 170.

¹²⁵⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах М., 1999. С. 93.

Наступившая в 1939–1940 гг. так называемая «бериевская амнистия», по которой было освобождено, по некоторым данным, до 350 000 человек¹²⁵⁶, практически не коснулась находившихся в лагерях репрессированных по церковно-религиозному признаку в Московской области. Скорее можно говорить о досрочном выходе на свободу некоторых священнослужителей, получивших 10-летний срок в период Большого террора уже во время Великой Отечественной войны, как это произошло, например, с прот. Николаем Харьюзовым¹²⁵⁷, который был освобожден в 1943 г., пробыв в лагере шесть лет вместо десяти. Но и этот случай можно считать исключением, так как освобождение отца Николая связано исключительно с его стойкостью и непрекращавшейся борьбой за пересмотр дела¹²⁵⁸.

В последние предвоенные годы наблюдается резкий спад репрессий в отношении приходского духовенства и верующих. Наш анализ следственных дел позволяет утверждать, что и во время Великой Отечественной войны репрессии по церковно-религиозному признаку в Московской области находятся на исключительно низком уровне. При этом другие исследователи утверждают обратное. Например, М.В. Шкаровский, соглашаясь с тем, что в 1939 г. государственный курс в отношении церковной политики сменился и после десятилетия открытого наступления пришло время относительного затишья, считает, что в середине 1940 г. «правительство вновь начинает ужесточение антицерковной политики. Продолжаются закрытия храмов, снова растет число арестов священников, в последний раз оживляется деятельность СВБ»¹²⁵⁹. Первый (о закрытии храмов) и последний (о СВБ) тезисы М.В. Шкаровского полностью подтверждаются нашими исследованиями применительно к Московской области,

---

¹²⁵⁶ Как Лаврентий Берия освобождал заключенных // Новые известия. 20 декабря 2017.

¹²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 10035 Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 12.

¹²⁵⁸ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. С. 287–340.

¹²⁵⁹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах М., 1999. С. 93.

с тем дополнением, что после 1940 г. растет не число закрываемых храмов, а число постановлений Мособлсовета об их официальном закрытии. Что же касается роста числа арестов священнослужителей, то наши выводы приходят в противоречие с выводами М.В. Шкаровского, вероятно, потому что он рассматривает положение дел в СССР в целом и, главное, с учетом присоединенных в предвоенные годы новых территорий, где ситуация отличалась от ситуации в Московской области.

В настоящем параграфе ставилась задача анализа репрессивной политики советской власти в отношении Церкви и «церковников» в период 1934–1946 гг. Репрессивная политика в рассмотренный период была вписана в рамки общего репрессивного наступления на общество, при этом задача подавления Церкви не снималась. Она решалась в новых условиях и новыми, значительно более радикальными методами, какими решались задачи подавления всего общества в период пика политических репрессий. Как отдельную задачу, решавшуюся в рассматриваемый период, следует выделить деятельность, направленную на разрыв горизонтальных связей между верующими, духовенством и приходами. Наиболее выразительно это проявлялось в репрессиях в отношении «церковников», оказывавших помощь возвращавшимся из ссылки духовенству и монашествующим в отдаленных районах Московской области.

Особенностями методов воздействия на Церковь и «церковников» в рассматриваемый период стали, в первую очередь масштаб гонений, а также их исключительная жестокость. Кроме того, отличие государственной политики в отношении Церкви в 1934–1946 гг. от политики в первый выделенный нами период 1918–1933 гг. заключалось в том, что до начала 1930-х гг. Церковь воспринималась властями как идеологический противник, принципиально отличавшийся от всех прочих групп населения, записываемых большевиками в разряд своих политических оппонентов, т.е. врагов. В этом смысле Церковь как наиболее многочисленная и устойчивая общность, также воспринимаемая как враг советской идеологии и власти, стояла особняком. В контексте репрессий второй половины 1930-х гг. Церковь утрачивает свою обособленность, и «церковники» становятся в

один ряд с прочими группами населения, признанными властями контрреволюционными элементами, что зафиксировано в секретном приказе по НКВД № 00447.

3.4. Репрессивная политика в отношении приходского духовенства и мирян и органы МГБ СССР-КГБ при СМ СССР (1946–1958 гг.)

Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР было образовано приказом НКГБ СССР № 00107 от 22 марта 1946 г.¹²⁶⁰ Фактически указанная дата определяет не создание МГБ, а лишь переименование существовавшего до этого Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) в связи с переходом аппарата государственного управления от комиссариатов к министерствам. Однако, помимо смены вывески, в системе МГБ произошли изменения, свидетельствующие о том, что проблема взаимоотношений с Церковью воспринималась властями как относящаяся к вопросам государственной безопасности.

Структура МГБ в конце 1940-х гг. состояла из 6 управлений (разведки, контрразведки, военной разведки, розыскное, оперативное и шифровально-дешифровальное) и нескольких отделов, один из которых – «О», выделенный из второго, контрразведывательного управления, ведал вопросами оперативной работы по духовенству всех конфессий.

В 1953–1954 гг. в структуре советских спецслужб вновь произошли изменения. После смерти И.В. Сталина совместным решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР МГБ было объединено с МВД в единое МВД СССР, в каковом

---

¹²⁶⁰ НКГБ-МГБ СССР апрель 1943 г. март 1953 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/38992> (дата обращения: 4 сентября 2023).

качестве оставалось до начала 1954 г., когда большинство его функций было передано вновь создаванному Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Сразу после создания МГБ в 1946 г. возобновились репрессии в отношении духовенства и мирян по церковно-религиозному признаку в Московской области. В § 3.3 мы отмечали почти полное отсутствие арестов среди «церковников» после 1938 г. В 1946 г. на территории Московской области фиксируются сразу несколько арестов. Отметим некоторые из них.

17 мая 1946 г. в поселке Томилино Люберецкого района Московской области был арестован священник Димитрий Иванович Крючков по обвинению в том, что якобы являлся «одним из руководителей церковно-монархического центра». Его приговорили к 5-летней ссылке в Красноярский край, где он и скончался 9 октября 1952 г.¹²⁶¹ Это был его четвертый арест.

Священник Владимир Криволицкий арестовывался трижды. Первый раз в 1927 г., второй – в 1930 г., а третий – 21 апреля 1946 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к 10 годам ИТЛ по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде с созданием группы. Относился к «непоминающим», то есть к духовенству, не признавшему Декларацию митрополита Сергия (Страгородского). На момент третьего ареста проживал в городе Егорьевске – одном из центров катакомбников. Арест произошел во время пасхальной заутрени, которую отец Владимир служил на частной квартире тайным образом¹²⁶². Через месяц после этого, также в Егорьевске, был арестован его сын Илья Владимирович, конструктор по специальности и, по некоторым сведениям¹²⁶³, также рукоположенный во иерея. Он был приговорен к трем годам ИТЛ и последующей бессрочной ссылке.

---

¹²⁶¹ Крючков Дмитрий Иванович (1874) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Крючков_Дмитрий_Иванович_\(1874\)](https://ru.openlist.wiki/Крючков_Дмитрий_Иванович_(1874)). (дата обращения: 04.09.2023).

¹²⁶² Криволицкий Владимир Владимирович (1888) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Криволицкий_Владимир_Владимирович_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Криволицкий_Владимир_Владимирович_(1888)). (дата обращения: 04.09.2023).

¹²⁶³ Криволицкий Илья Владимирович (1924) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Криволицкий_Илья_Владимирович_\(1924\)](https://ru.openlist.wiki/Криволицкий_Илья_Владимирович_(1924)). (дата обращения: 04.09.2023).

В марте 1946 г. в Москве по доносу одной из своих духовных дочерей был арестован священник-катакомбник Алексей Иванович Габрияник. Он, как и почти все вышеперечисленные священнослужители, до этого арестовывался не единожды. Первый арест состоялся в Сергиевом Посаде в 1928 г. по обвинению в антисоветской агитации. Коллегия ОГПУ приговорила его к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. Ссылку он отбывал в кишлаке Гузар Кашкадарьинской области Узбекистана. Всего было арестовано около ста человек по делу о «покушении на зам. агитпропа Костомарова», на самом деле это было следствие против «бывших» людей, которые после революции обосновались в г. Сергиевом Посаде¹²⁶⁴. Вторым раз его арестовали в 1933 г. и вновь приговорили к трем годам ссылки. Принадлежал к «непоминающим», входил в круг архимандрита Серафима (Битюкова). Третий арест оказался последним. Отец Алексей умер во Владимирской тюрьме строгого режима 17 мая 1950 г.

27 апреля 1946 г. по обвинению в участии в антисоветском церковно-монархическом подполье у себя на квартире в поселке Ильинский Раменского района Московской области был арестован священник Исай Иванович Ставров. Редкий, если не сказать – исключительный случай: дело было прекращено через два месяца – 25 июня 1946 г.¹²⁶⁵

Репрессиям МГБ СССР в 1946 г. подвергались не только священнослужители, но и сотрудники приходов. Так, 25 мая 1946 г. за «организацию антисоветских соборщ, клевету на тов. Сталина, высказывания за изменение существующего в СССР строя и клевету на советскую действительность» был приговорен к 10 годам ИТЛ регент Троицкого храма на Пятницком кладбище в Москве Василий Сергеевич Баташев¹²⁶⁶. Он скончался в заключении 16 сентября 1949 г.

---

¹²⁶⁴ Габрияник Алексей Иванович (1895) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Габрияник_Алексей_Иванович_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Габрияник_Алексей_Иванович_(1895)). (дата обращения: 04.09.2023).

¹²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-12303.

¹²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22948.

Также в 1946 г. продолжилась, хотя, конечно, и не в таких масштабах, как это происходило в период Большого террора¹²⁶⁷, практика репрессирования членов семей священнослужителей. В 1946 году в городе Загорске был в третий раз арестован русский религиозный писатель, сын священника храма при Бутырской тюрьме Иосифа Фуделя – Сергей Иосифович Фудель. Не будучи сам священнослужителем, он, однако, был глубоко интегрирован в церковно-религиозную среду. С.И. Фудель был близок к «непоминающим» и неоднократно давал пристанище катакомбным священнослужителям архимандриту Серафиму (Битюкову) и отцу Владимиру Криволицкому. Во время Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г. служил рядовым в железнодорожных войсках. Арестовывался трижды – в 1922 г., в 1933 г. и в 1946 г., когда был приговорен к 5-летней ссылке. Лишь в конце жизни стал церковнослужителем и был псаломщиком в Покровском храме города Покров Владимирской области.

Аресты «церковников» органами МГБ продолжились и после 1946 г. Так, в 1949 г. в третий раз в своей жизни был арестован и осужден архимандрит Исидор (Скачков). Прежние два ареста произошли в 1933 и 1937 гг. соответственно. Это был уже пожилой и очень больной человек. Монахом он стал еще до революции, в 1914 г., после чего поступил насельником в Смоленскую Зосимову пустынь в Александровском уезде Владимирской губернии. В 1928 г. в Волоколамске епископ Питирим (Крылов) рукоположил его во иеромонаха, а в 1937 г. митрополит Сергей (Страгородский) – в архимандрита, что свидетельствует о принятии им Декларации 1927 г. Таким образом, во второй половине 1940-х гг. репрессиям подвергались не только катакомбники. По некоторым сведениям¹²⁶⁸, сохранял верность митрополиту Сергию (Страгородскому) отец Исидор, выполняя

---

¹²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. У-20326.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-56376.; Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 4. Быковская волость. Гжель, 2019. С. 296–316.

¹²⁶⁸ Скачков Иван Герасимович (1883) // Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Скачков_Иван_Герасимович_\(1883\)](https://ru.openlist.wiki/Скачков_Иван_Герасимович_(1883)). (дата обращения: 05.09.2023).

благословение старца Алексия (Соловьева)¹²⁶⁹, у которого в период пребывания в Зосимовой пустыни был келейником. Отец Исидор служил в ряде храмов Москвы и Московской области (в Балашихинском, Волоколамском, Клинском районах). После последнего ареста пробыл в заключении менее года.

Есть все основания полагать, что архимандрит Исидор (Скачков) в 1949 г. был арестован как «повторник», то есть он был репрессирован исключительно по причине прежних арестов по ст. 58 УК.

Термин «повторник» является разговорным и не вошел в глоссарий исторической науки. Попытки обнаружить его в сочинениях таких современных церковных историков, как священники Александр Мазырин, Георгий Митрофанов, А.Л. Беглов, Ю.В. Гераськин, М.И. Одинцов, Д.И. Поспеловский, С.Л. Фирсов, О.В. Хлевнюк, М.В. Шкаровский и др. успехом не увенчались¹²⁷⁰. Между тем, он встречается в мемуарной прозе репрессированных в послевоенное время (например, архимандрит Павел (Груздев)¹²⁷¹, Д.Н. Альшиц¹²⁷², Н.Я. Мандельштам¹²⁷³) и, конечно, в произведении А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»¹²⁷⁴.

Однако, вышедший, судя по всему, из употребления сегодня, на рубеже 1940–1950-х гг. он не только использовался в художественной или в «нон-фикшн» литературе, но и входил в лексикон сотрудников МГБ. Арестованный в 1949 г. протоиерей Николай Харьюзов указывал в своей жалобе на незаконный приговор,

---

¹²⁶⁹ Иеросхимонах Алексий (Соловьев Федор Алексеевич, 1846–1928) – священнослужитель Православной Российской Церкви. Насельник Смоленской Зосимовой пустыни. Член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. 5 ноября 1917 г. вынул жребий, определивший избрание на московский Патриарший престол митрополита Тихона (Белавина).

¹²⁷⁰ Автор не утверждает, что перечисленные авторы не использовали этот термин ни в одном из своих сочинений. Речь идет о тех работах, которые использовались им при написании настоящего исследования.

¹²⁷¹ Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). / Сост. Черных Н.А. Ярославль, 2011. 592 с.

¹²⁷² Альшиц Д. Н. Хорошо посидели! СПб., 2010. 383 с.

¹²⁷³ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 2023. 447 с.

¹²⁷⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. М., 1991. С. 87.

что следователь не раз называл его повторником и утверждал, что его в любом случае обязательно осудят¹²⁷⁵. Имеются и иные свидетельства¹²⁷⁶.

Дело 1949 г. протоиерея Николая Харьюзова является знаковым для процессов рубежа 1940–1950-х гг. еще и по той причине, что оно не просто было сфальсифицировано, как это делалось в 1930-х гг., а заранее планировалось, причем с привлечением секретного сотрудника, специально подосланного к священнику с целью провокации. Такие методы были характерны для начала 1920-х гг. (например, дело священника Владимирского храма села Краскова Сергия Никитского¹²⁷⁷), затем в отношении священнослужителей почти не использовались и вновь были взяты на вооружение в конце 1940-х гг.

Впервые священник Николай Харьюзов был арестован в 1937 г. в селе Зюзине Ленино-Дачного (бывшего Царицынского) района под Москвой¹²⁷⁸, где он служил на месте своего отца, протоиерея Александра Афанасьевича Харьюзова, незадолго перед этим репрессированного и вскоре расстрелянного. 7 декабря 1937 г. тройкой НКВД Н.А. Харьюзов был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, но полностью отбыть все десять лет ему было не суждено, и в 1943 г. его досрочно освободили¹²⁷⁹ (это стало возможным благодаря исключительной стойкости отца Николая в отстаивании своих прав¹²⁸⁰). Второе следственное дело отца Николая начинается с постановления на арест, датированного 10 ноября 1949 г. Ни одного документа, на котором стояла бы более ранняя дата, в деле не содержится; более того, допросы «свидетелей», на основании показаний которых священник был осужден во второй раз, согласно протоколам, проводились также уже после ареста. Первым документом в деле отца Николая Харьюзова стало постановление на арест, в котором отмечалось, что

---

¹²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 60, 60 об.

¹²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 97–97 об.

¹²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34851 (1920 г.)

¹²⁷⁸ Ныне территория г. Москвы.

¹²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 12.

¹²⁸⁰ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. С. 287–341.

Н.А. Харьюзов враждебно настроен к Советской власти, среди своего окружения систематически ведет антисоветскую агитацию, в клеветническом духе отзывается о советском строе, о руководителях ВКП(б) и Советского правительства¹²⁸¹.

После ареста было проведено несколько допросов свидетелей, показывавших то, что требовал от них следователь. Допрашивали и отца Николая, от которого безуспешно пытались получить признание в антисоветской деятельности.

Неожиданно тема допросов изменилась. В списке вещей, изъятых при обыске в доме священника, указана книга Н.А. Бердяева «Под углом вечности. Опыты философские, социальные и литературные» 1907 года издания, и именно она стала объектом пристального внимания следствия. Следует отметить, что протоиерей Николай был очень хорошо образованным человеком (с университетским образованием), много писал, в том числе сотрудничал с возобновившим в 1946 г. выпуск «Журналом Московской Патриархии». Он обладал обширной библиотекой, что неудивительно, учитывая его образованность и литературную работу. Между тем из всех его многочисленных книг МГБ почему-то заинтересовала лишь одна книга Н.А. Бердяева.

Следователь спросил, с какой целью отец Николай хранил у себя эту книгу. Арестованный, очевидно, был готов к такому вопросу, ведь он знал, что книгу изъяли, и наверняка задумывался на тем, почему именно ее. Священник ответил, что хранил ее, чтобы на примере этой книги убедиться в неправильности мировоззрения русской интеллигенции в ее отношении к марксизму-ленинизму¹²⁸².

Затем следователь спросил, давал ли отец Николай эту книгу кому-нибудь, и он был вынужден согласиться с тем, что давал ее своему знакомому, некоему молодому учителю Ш.¹²⁸³, который сам был студентом, изучавшим историю религиозной мысли, в классе которого, кроме того, училась дочь священника. Из показаний арестованного выяснилось, что с учителем Ш. он познакомился случайно, в электричке, когда тот, увидев отца Николая в облачении, читающим

---

¹²⁸¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 2.

¹²⁸² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 20.

¹²⁸³ В материалах дела фамилия свидетеля приводится полностью.

«Журнал Московской Патриархии», подсел к нему и, разговорившись, попросил разрешения бывать у него дома и пользоваться библиотекой, так как сам нужными книгами не обладает. Священник с радостью согласился, вскоре после чего состоялся арест¹²⁸⁴.

Следователь допросил и учителя Ш. При чтении протокола допроса сразу бросается в глаза несоответствие обстоятельств знакомства его со священником в рассказе свидетеля и тем, как это описывал отец Николай. Имеет место и ряд других несостыковок. Наконец, следователь переходит к главному: «Какие же книги он давал Вам?» Очевидно, что его интересуют не книги вообще, а единственная книга. Но свидетель, поддерживая игру, показал, что в основном священник давал ему книги религиозного содержания и в том числе «Под углом вечности» Бердяева. При этом отец Николай якобы добавил, что у нас в России нет настоящих философов-мыслителей, если не считать Бердяева и Бухарина. После такого разговора Харьюзов вручил ему эту книгу, заявляя при этом, что эта книга запрещена и изъята. Поэтому предупредил, чтобы с этой книгой он был осторожен¹²⁸⁵. Таким образом, священник теперь мог быть обвинен не только в распространении запрещенной литературы, но и в восхвалении врагов народа (Бухарин).

В тексте протокола допроса Ш. имеется много фрагментов, свидетельствующих о том, что роль учителя в этом деле не ограничивается ролью обычного свидетеля, и при знакомстве с материалами дела становится ясным, что инициатором всех встреч отца Николая и свидетеля был именно Ш., но не священник.

Следствие вскоре было завершено, книга Бердяева вместе с прочими вещественными доказательствами по делу «как не имеющая ценности для следствия» была уничтожена «путем сожжения»¹²⁸⁶, а ОСО при МГБ СССР на

---

¹²⁸⁴ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель, 2018. С. 486–558.

¹²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 38 об. 39.

¹²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 8.

своем заседании 22 февраля 1950 г. приговорило Харьюзова Николая Александровича за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет¹²⁸⁷.

Сразу после осуждения отец Николай начинает составлять требования о пересмотре своего дела, а после выхода на свободу 25 декабря 1955 г. – о своей реабилитации. Было назначено несколько прокурорских проверок, но лишь одна из них привела к результату. В феврале 1958 г. в Президиум Московского областного суда прокурором Московской области был направлен протест (в порядке надзора) по делу Харьюзова Н.А., в котором среди прочего говорилось, что обвинение Харьюзова по настоящему делу основывалось на показаниях, которые в процессе проверки по делу в 1957 г. своего подтверждения не нашли. Отдельно говорилось о показаниях свидетеля Ш., которые Н.А. Харьюзов (в том числе на очной ставке) категорически отрицал. И далее: «Ш., как это видно из материалов дела, являлся негласным сотрудником органов НКВД», и его показания никак не подтвердились¹²⁸⁸.

Таким образом, было окончательно установлено, что свидетель Ш. являлся секретным сотрудником советских спецслужб (сексотом). Кроме этого важного факта, приведенный текст свидетельствует о том, что вместе с Ш. в окружении отца Николая «работали» и иные сотрудники, на которых Ш. ссылался. Но в материалах дела их донесения отсутствуют, так как они даже не были допрошены. Уместным представляется предположить, что следователь, который вел это дело в 1949 г., счел, что для одного священника достаточно показаний одного Ш., и решил «приберечь» этих возможных свидетелей для другого раза.

7 марта 1958 г. было подписано постановление Президиума Московского областного суда¹²⁸⁹, который постановил протест прокуратуры удовлетворить.

После освобождения протоиерей Николай Харьюзов не имел права селиться в Московской области и получил регистрацию у Уполномоченного по делам

---

¹²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 58.

¹²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 130, 131.

¹²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-22897 (1949 г.). Л. 133, 133 об.

религии по Владимирской области. С этих пор его служение проходило в храмах Владимирской епархии. Несмотря на досрочное освобождение, священник не выходил из поля зрения спецслужб. По запросу уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров по Владимирской области И.И. Мирского¹²⁹⁰ 20 января 1956 г. уполномоченным по городу Москве и Московской области А.А. Трушиным дана была характеристика на отца Николая, в которой говорилось, что Н.А. Харьюзов, неоднократно судимый по ст. 58, очень хитрый человек. Будучи настоятелем церкви села Загорново, старался всеми мерами активизировать церковь и распространить ее влияние на окружающее население, а особенно на молодежь. На селе старался взять под свое влияние председателя колхоза и некоторых работников сельского Совета. Дважды в селе Загорново собирал группу детей и среди них распространял религиозную пропаганду¹²⁹¹.

Последним местом его служения стал Троицкий собор города Александрова. Скончался священник 12 декабря 1963 г.¹²⁹²

В селе Загорнове, где в 1949 г. был арестован отец Николай Харьюзов, его помнят до сих пор. Автор в 2012 г. брал интервью у детей его прихожан¹²⁹³. Про учителя Ш., по понятным причинам, вопросы не задавались.

Дело 1949 г. священника Николая Харьюзова свидетельствует о наличии запроса в системе МГБ на повторное осуждение «церковников», привлекавшихся прежде по ст. 58 УК. При этом, усилия, затрачиваемые на подготовку ареста, оказывались весьма значительными, учитывая необходимость подготовки сексотов и создания «сценариев» для их работы.

Характерным делом «повторников» стал арест 17 декабря 1948 г. диакона Сергия Александровича Зензеева¹²⁹⁴. Он был репрессирован трижды. В 1930 г.

---

¹²⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 45.

¹²⁹¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 44.

¹²⁹² Сергия (Каламкарова), монахиня. Протоиерей Троицкого собора города Александрова Николай Харьюзов. // Дивен Бог во святых Своих. Альманах третий. Владимир., 2013. С. 17–34.

¹²⁹³ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель, 2018. С. 557–558.

¹²⁹⁴ Архив УФСБ по Владимирской области. Д. П-11113, 1949 г. Л. 10, 10 об.

был осужден ОСО при Коллегии ОГПУ сроком на 3 года концлагерей. В 1937 г. заседанием Тройки при УНКВД Московской области – на 10 лет ИТЛ. И наконец, в 1949 г. – к ссылке сроком на 5 лет. Таким образом, отца Сергея репрессировали все три главных карательных советских органа: ОГПУ, НКВД и МГБ. Примечательно, что приговор во всех случаях был одним и тем же: «антисоветская агитация»¹²⁹⁵.

Первые два ареста произошли в Москве. После отбытия срока наказания по приговору 1937 г. С.А. Зензевеев имел намерение продолжить служение диаконом в какой-либо церкви города Москвы. С этой целью в 1946 г. он обратился к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу). Митрополит ответил, что по причине судимости в Москве ему служить нельзя. Тогда диакон Сергей попросил митрополита, чтобы тот направил его в какую-либо епархию, расположенную в непосредственной близости от Московской области, с тем расчетом, чтобы он мог посещать своих родственников, проживавших в Москве. Митрополит Николай адресовал его к епископу Владимирскому и Суздальскому Онисиму (Фестинатову), который определил его на место диакона в храм города Александрова, с таким расчетом, чтобы он и жена могли навещать друг друга.

По версии следствия, Зензевеев по возвращении из заключения в 1946 году, проживая в городе Александрове Владимирской области, вновь установил связь с антисоветской группой из числа церковников. Среди близкого ему окружения высказывал антисоветские настроения¹²⁹⁶.

Несмотря на то что диакон Сергей отрицал все возводимые на него обвинения, ему приписывалась связь с митрополитом Петром (Полянским), совершенно невероятная, так как последний с середины 1920-х гг. находился в заключении, где погиб в 1937 г., и с епископом Афанасием (Сахаровым), «руководителем монархического подполья «Истинно Православная Церковь»¹²⁹⁷.

---

¹²⁹⁵ Там же. Л. 17.

¹²⁹⁶ Там же. Л. 27.

¹²⁹⁷ Там же. Л. 37.

В Обвинительном заключении по делу говорилось о том, что Зензевеев, являясь участником контрреволюционной группы, проводил среди населения антисоветскую агитацию, в предъявленном обвинении виновным себя не признал, но изобличается материалами архивно-следственных дел¹²⁹⁸. Приговор ОСО при МГБ СССР: 5 лет ссылки.

После освобождения С.А. Зензевеев предпринимал попытки к реабилитации. Его заявления в Прокуратуру СССР сохранились, благодаря чему становятся известными некоторые обстоятельства его допросов, не отраженные в материалах дела 1948–1949 гг. Так, например, выясняется, что бóльшая часть вопросов следователя касалась не якобы антисоветской деятельности диакона Сергия в период после его освобождения в 1946 г., а обвинений по делу 1937 г. В своем заявлении в Прокуратуру СССР С.А. Зензевеев указывал, что, когда его допрашивали по делу 1937 г., следователь в ответ на его просьбу ознакомить его с делом назвал его мерзавцем, потому что он упорно не сознается в виновности по делу 1937 г.¹²⁹⁹ Таким образом, особенно если учесть абсурдность одних и беспочвенность других обвинений Зензевеева, которые ему предъявлялись в 1948–1949 гг., можно сделать вывод о том, что главной причиной его преследований являлась кампания по репрессированию «повторников».

Борьба С.А. Зензевеева за снятие с него судимости увенчалась успехом. 30 ноября 1956 г. в Президиум Верховного Совета СССР было направлено заключение о снятии судимости по делу Зензевеева С.А., в котором, однако, причины возможного снятия судимости формулировались так, что из него вовсе не следовало, что диакон Сергей отныне не представляет общественной опасности. Заключение содержало подробное описание всех судимостей С.А. Зензевеева с указанием, что он ни в одном случае с обвинениями не согласился, а про дело 1949 г. отмечалось, что основанием для него явилось «то же преступление». Прокуратура, однако, учитывая, что «с момента совершения Зензевеевым преступления» прошло продолжительное время и после освобождения из

---

¹²⁹⁸ Там же. Л. 53.

¹²⁹⁹ Там же. Л. 35

заклучения компрометирующих материалов на него нет, сочла возможным судимость с него снять¹³⁰⁰. Иными словами, речь шла о снятии лишь последней судимости, а по поводу первых двух было сказано весьма выразительно, что хотя Зензевеев виновным себя не признал, но избличался показаниями свидетелей.

Не только надуманные обвинения в якобы антисоветской деятельности духовенства становились причиной репрессий рубежа 1940–1950-х гг. В некоторых случаях аресты «церковников» производились по иным основаниям. Одним из таких оснований была слишком заметная активность некоторых из них в требованиях об открытии приходских храмов.

В § 1.4 отмечалось, что в 1946 г. завершился короткий период, когда на территории Московской области имели место единичные случаи открытия ранее закрытых храмов¹³⁰¹. Начиная с 1947 г. храмы открывать прекратили, но верующие, не теряя надежду на то, что этот процесс продолжится, постоянно писали заявления на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ А.А. Трушина, в которых просили открыть храм в их селе. В канцелярии уполномоченного эти заявления распределяли по районам и селениям, откуда они поступали, подсчитывали, а затем составляли статистические таблицы для ежеквартальных отчетов, которые А.А. Трушин регулярно представлял председателю Совета Г.Г. Карпову. Прошения удовлетворять перестали, но за активностью просителей следили внимательно и, если число прошений из какого-то села превосходило средние показатели, выясняли, чем это было вызвано.

Иллюстрацией сказанного можно считать дело диакона Георгиевского храма села Ванилова Виноградовского района Московской области. 19 октября 1949 г. председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпов написал письмо не совсем обычного содержания

---

¹³⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д.16975. Л. 42.

¹³⁰¹ Никонов В.В. Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО // История и архивы. 2022. № 4. С. 45–62.

председателю Московского областного исполкома П.Г. Бурлычеву¹³⁰², копия которого была отправлена секретарю Московского областного комитета ВКП(б) С.А. Жолнину¹³⁰³. Предметом письма стала необычайная активность верующих расположенного далеко от Москвы, хотя и не маленького села Хотейчи Куровского района Московской области, с которой они ходатайствовали об открытии в этом селе Троицкого храма, закрытого незадолго до войны.

Вместе с письмом председатель Совета по делам РПЦ отправлял председателю Мособлисполкома заявление «с 55-ю подписями из села Хотейч» об открытии храма. Одновременно он информировал адресата о том, что в течение текущего года подобных заявлений из того же села было получено 5, а всего с момента создания Совета по делам РПЦ – 15. Отметим: это много, хотя и не настолько, чтобы обсуждать на таком высоком уровне. Содержится в письме факт нетипичный: якобы об открытии храма ходатайствовал «сам председатель» местного колхоза, который даже лично приезжал в Совет. И наконец, в последнем абзаце читаем главную мысль. Г.Г. Карпов, напомним – чекист с многолетним стажем, предлагает райкому ВКП(б) с одной стороны и уполномоченному Совету по делам РПЦ по городу Москве и Московской области А.А. Трушину – с другой осторожно изучить обстановку и выяснить состав группы, а также личность автора

---

¹³⁰² Бурлычев Павел Григорьевич (1904–1951), советский хозяйственный, государственный и политический деятель. В 1931–1950 гг. – инспектор Московского областного отдела народного образования по сельскохозяйственному образованию, учитель, директор Кулиновской школы, секретарь комитета ВКП(б), заведующий Ногинским районным отделом народного образования, 1-й секретарь Ногинского, Раменского районного комитета ВКП(б), руководитель участка строительства газопровода Саратов – Москва (1944–1946), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского областного Совета (1946–1947), председатель Исполнительного комитета Московского областного Совета (1947–1951). Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР 2-го созыва. Погиб в автокатастрофе 16 марта 1951 г.

¹³⁰³ Жолнин Сергей Андреевич (1902–1982), советский хозяйственный, государственный и политический деятель. В 1943–1965 гг. – 1-й секретарь Бауманского районного комитета ВКП(б), 1-й секретарь Сталинского районного комитета ВКП(б), секретарь Московского городского комитета ВКП(б), 3-й секретарь Московского областного комитета ВКП(б), 2-й секретарь Московского областного комитета ВКП(б), директор завода, начальник Главного управления Министерства электропромышленности СССР, уполномоченный Министерства внешней торговли СССР в Австрии, торговый представитель СССР в Румынии, в центральном аппарате Министерства внешней торговли СССР.

заявления. Таким образом, не количество поступивших заявлений из села Хотейчи заинтересовало опытного Г.Г. Карпова и не число подписантов, а сами заявления и их автор. И он, имея чекистский опыт, не ошибся.

Проверка была проведена оперативно, и уже 31 октября 1949 г. на столах у председателя Мособлисполкома П.Г. Бурьличева, секретаря МК ВКП(б) С.А. Жолнина и председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова лежала обширная – на восьми листах – секретная «справка с выводами и предложениями» уполномоченного Совета по делам РПЦ по городу Москве и Московской области А.А. Трушина¹³⁰⁴, где содержались ответы на многие вопросы, правда, одновременно ставились новые.

Полностью документ назывался «Справка по ходатайству группы верующих об открытии церкви в селе Хотейчи Куровского района» и содержал довольно подробный анализ ходатайств об открытии Троицкого хотейческого храма с 1944 г. Проверкой было установлено, что уже самое первое прошение, еще даже не в Совет по делам РПЦ, а на имя митрополита Николая (Ярушевича), оказалось составленным не по установленным правилам и фактически имело признаки подлога. Оказалось, что некто Н.С. Жукова, подписавшая прошение в качестве «уполномоченной группы верующих села Хотейчи», в действительности таковой не являлась, никем не уполномочивалась, «а действовала по личной инициативе».

В следующем, 1945 г. теперь уже на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ при Мособлисполкоме из Хотейч было подано 4 заявления, которые в общей сложности подписало около 50 человек. Подписи были признаны достоверными, но заявление было отклонено, в том числе на том формальном основании, что ближайшая действующая церковь располагается на незначительном расстоянии в селе Ванилове Виноградовского района¹³⁰⁵. В последующие годы число заявлений из Хотейч росло.

---

¹³⁰⁴ Справка по ходатайству группы верующих об открытии церкви в селе Хотейчи Куровского района уполномоченного Совета по г. Москве и Московской области А.А. Трушина. 31 октября 1949 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 17. Л. 89–97.

¹³⁰⁵ Там же. Л. 90.

Помимо заявлений, отправлявшихся по почте, некоторые граждане села Хотейчи лично приезжали в Совет по делам РПЦ. Так, по словам Трушина, в течение 1949 г. им было принято «7 человек с общим посещением 12 раз».

26 июля 1949 г. в Совет по делам РПЦ поступило заявление из Хотейчей, в котором содержалась апелляция к Конституции. Следующим стало заявление якобы от имени хотеических прихожан, адресованное самому И.В. Сталину, в котором просители фактически требовали от вождя «дать распоряжение Трушину», чтобы он открыл храм «именно по твоему распоряжению». А если И.В. Сталин не откликнется на их просьбу, они сами придут к нему в Москву.

Получив такое заявление, причем не из своей канцелярии, а, вероятнее всего, из структур госбезопасности, которые, конечно же, его перехватили, Трушин решил выехать на место, чтобы лично разобраться в происходящем. Приехав на место и пообщавшись с жителями, чьи подписи стояли под прошениями, он выяснил, что большинство из них никакого отношения к этим заявлениям не имели. Кроме того, Трушин отмечает, что все они были написаны одной рукой, «одним чернилом», и впервые характеризует содержание заявлений как антисоветское. С этого момента во всех документах, так или иначе касающихся заявлений из Хотейчей, их автор будет упоминаться в единственном числе.

Вскоре выяснилось, что в открытии церкви в селе Хотейчи был заинтересован диакон действующей церкви села Ванилова Виноградовского района Чарский Александр Иванович, который, часто бывая в Хотейчах, при встрече с верующими просит, чтобы последние хлопотали об открытии церкви, так как он при ее открытии может перейти к ним служить священником¹³⁰⁶.

Следствие по делу длилось несколько месяцев. Протоколы допросов фиксируют кропотливую работу по выяснению обстоятельств произошедших событий, чем принципиально отличаются от абсолютного большинства

---

¹³⁰⁶ Справка по ходатайству группы верующих об открытии церкви в селе Хотейчи Куровского района уполномоченного Совета по г. Москве и Московской области А.А. Трушина. 31 октября 1949 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 17. Л. 96.

следственных дел 1940–1950-х гг., не говоря уже о более ранних периодах¹³⁰⁷. В конечном итоге следователь добился признания А.И. Чарского в том, что прошения об открытии Троицкого храма в Хотейчах от имени прихожан, фабрикуя их подписи, писал он с целью занять в нем место настоятеля. Дело представляет интерес еще и потому, что оно не имеет даже намека на давление на арестованного со стороны следователя. При знакомстве с материалами дела возникает ощущение того, что следователь, подобно Порфирию Петровичу из «Преступления и наказания», ставит перед собой задачу добиться признания диакона Александра, что ему и удастся, причем до, а не после появления в деле графологической экспертизы¹³⁰⁸, которая делала это признание излишним.

14 апреля 1950 г. было составлено Обвинительное заключение по обвинению Чарского А.И. в преступлении по ст. 58-10 УК РСФСР¹³⁰⁹. ОСО, рассматривавшее дело А.И. Чарского 24 июня 1950 г. вынесло относительно гуманное постановление, осудив его на пять лет ссылки в Северо-Казахстанскую область, считая срок с 7 декабря 1949 г.¹³¹⁰

Абстрагируясь от того, насколько серьезной была вина священнослужителя, боровшегося за открытие приходского храма, пусть даже и не совсем законными методами, отметим, что приговор диакона А.И. Чарского был точно таким же, как и диакона С.А. Зензевеева и значительно более мягким, чем приговор протоиерея Николая Харьюзова, осужденных одновременно с ним, которые, в отличие от него, не совершали ничего противозаконного, но прежде неоднократно арестовывались и привлекались к ответственности по ст. 58 УК. Дьякон А.С. Чарский, согласно нормам действовавшего законодательства, нарушивший сразу несколько статей УК, не говоря уже о том, что писал заявления на имя некоторых

---

¹³⁰⁷ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 7. Ашитковская волость. Гжель, 2024. С. 813–837.

¹³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 41491. Л. 93–94.

¹³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 41491. Л. 103–105.

¹³¹⁰ Выписка из протокола Особого Совещания при МГБ СССР от 24 июня 1950 г. по делу Чарского А.И. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 41491. Л. 112.

высокопоставленных советских руководителей, включая самого И.В. Сталина, что само по себе было поступком хотя и не запрещенным формально, но не допустимым по сути, прежде судим не был и поэтому не выглядел в глазах советского правосудия опасным антисоветчиком.

Вторая половина 1950-х гг. стала временем резкой смены государственного курса в отношении пострадавших в период политических репрессий. На свободу должны были выйти тысячи заключенных, в отношении которых требовалось выработать механизмы и основания для их освобождения и последующей интеграции в социальную и хозяйственную жизнь. Не менее остро стоял вопрос об информировании родственников о судьбе осужденных к высшей мере наказания. Следует иметь в виду, что в абсолютном большинстве случаев они не знали о смерти своих родных и, несмотря на отсутствие каких-либо известий в течение десятилетий, по-прежнему продолжали надеяться на то, что арестованные в 1930-х гг. живы. Разумеется, уже в 1953 г. стали составляться единичные (а после XX съезда этот процесс приобрел массовый характер) запросы, в которых граждане требовали, чтобы им сообщили о судьбе их родных. Честные ответы об их расстрелах, причем произошедших чаще всего в первые недели после ареста, могли привести к массовым беспорядкам, чего власти допустить не могли. Решили пойти на обман.

24 августа 1955 г. председатель КГБ при Совете министров СССР утвердил Директиву¹³¹¹, в которой устанавливался специальный порядок «рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН быв. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД – УНКВД, Особым Совещанием при НКВД- МГБ СССР». Этой Директивой предписывалось на запросы граждан отвечать, что их родные не были расстреляны, а умерли своей смертью в лагерях в

---

¹³¹¹ Директива Председателя КГБ при Совете Министров СССР о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания. 24 августа 1955 г. № 108 сс. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–117. Цит. по: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. Т. 1. С. 254–255.

1940-х гг. от вполне «мирных» заболеваний – сердечных, желудочных, легочных и пр. Давать ответы разрешалось только самым близким родственникам – «родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам». Директива предписывала ЗАГСам составлять подложные свидетельства о смерти. Что касается переписки по заявлениям граждан о судьбе осужденных к ВМН, то ее следовало приобщать к архивно-следственным делам на осужденных. Все требования Директивы выполнялись неукоснительно, включая последнее, благодаря чему многие следственные дела содержат в себе и акты о приведении приговоров в исполнение, и справки местных ЗАГСов, в которых указаны иные даты и причины смерти¹³¹². Только материалы реабилитации 1980–1990-х гг., также приобщенные к делам, содержат документы, разоблачающие фальсификации 1950-х гг. и дающие точные сведения о судьбах погибших репрессированных.

Приведенные факты позволяют говорить о периоде политических репрессий в отношении приходского духовенства и верующих, связанном с деятельностью МГБ СССР, как о времени, когда их активность, временно снизившаяся в 1938–1945 гг., вновь стала возрастать. Уже с 1946 г., когда НКГБ был преобразован в МГБ, число арестов священнослужителей в Московской области резко возросло. Помимо абстрактных обвинений в антисоветской деятельности, характерным обвинением часто становилось участие в группах истинно-православной церкви, по мнению следствия, широко распространенных в Московском регионе вообще и в отдаленных районах Московской области на границе с Владимирской и Рязанской областями. Говорить о том, насколько обоснованными были эти обвинения, трудно, так как, с одной стороны, все арестованные связь с группами ИПЦ категорически отрицали. С другой стороны, в Егорьевском, Куровском, Шатурском районах Московской области действительно имели место тайные

---

¹³¹² Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 252.; Никонов В.В., Шабанова И.Е. Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. Гжель, 2015. 388 с.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 23934. Материалы о регистрации смерти Фрязинова Ивана Васильевича. Л. 6.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-32110. Л. 46.; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77988. Л. б/н.

общины катакомбников, связанные между собой и устраивавшие тайные богослужения на квартирах и в частных домах.

В более позднее время – в самом конце 1940-х и в начале 1950-х гг. священнослужители, как правило, арестовывались как «повторники», то есть неблагонадежные с точки зрения властей элементы, вернувшиеся после отбытия наказаний по прежним судимостям по ст. 58 УК.

Общая цель проводившихся репрессий в отношении приходского духовенства оставалась прежней – ослабить приходы, устранив из них потенциально опасных священников, поставив на их место лояльных советской власти в русле изменившейся государственной политики, направленной после Великой Отечественной войны на полное подчинение Церкви.

***

Подводя итоги анализа политических преследований приходского духовенства и мирян по церковно-религиозному признаку на территории Московской области, можно утверждать, что они произвели такое сокрушительное воздействие на церковный организм, что говорить о возможности его восстановления в обозримом будущем до состояния, в котором он пребывал до начала гонений, не приходится. Даже если проводить сравнительный анализ по числу священнослужителей (что само по себе не отражает в полной мере катастрофических последствий гонений на Церковь), то по разным оценкам в Российской империи до 1917 г. было до 120 тыс. священнослужителей¹³¹³. По состоянию на 2022 г. их число не превышало 40 тыс. человек¹³¹⁴. Сходная ситуация наблюдается и с числом действующих храмов. Если до революции храмов и

---

¹³¹³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

¹³¹⁴ Патриарх Кирилл назвал точное количество храмов и священников по всей России // Царьград [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/news/patriarh-kirill-nazval-tochnoe-kolichestvo-hramov-i-svjashhennikov-po-vsej-rossii_98133 (дата обращения: 12.09.2023).

часовен было, по оценке М.В. Шкаровского, 78 767¹³¹⁵, то в 2022 гг. – только 36 878¹³¹⁶.

Однако не численность духовенства и количество храмов представляется наиболее важным показателем разрушительного воздействия репрессивной политики советской власти на Церковь. Главным следствием репрессий в отношении священнослужителей и мирян 1918–1950-х гг. является невосполнимая утрата церковной преемственности, не прерывавшейся в истории Русской Церкви за всю ее историю никогда. Гибель, вынужденное прекращение служения и в ряде случаев прямая апостасия лишили Церковь такого огромного числа и, что не менее важно, такого качества священно- и церковнослужителей, которое, как показала практика, оказалось невозможным восполнить за десятилетия, прошедшие со времени изменения государственно-церковного курса на рубеже 1980–1990-х гг.

В свете сказанного количественная оценка священнослужителей, пострадавших в период политических гонений, теряет свою первостепенную значимость, тем более что консенсусного мнения по поводу того, сколько именно представителей духовенства было репрессировано, у исследователей нет до сих пор. Если же задаться целью выяснить число пострадавших «церковников» Московской губернии/области в контексте настоящего исследования, то такая задача представляется и вовсе невыполнимой.

Сказанное не означает того, что попытки предложить свое видение этого вопроса не предпринимались, хотя некоторые авторы (прот. Владислав Цыпин, А.А. Кострюков) в своих работах обходят этот вопрос. Другие исследователи предлагают свои оценки, основанные на различных данных или полученные ими путем авторских вычислений.

А.Л. Беглов приводит следующие цифры¹³¹⁷, сведенные нами в таблицу 23.

---

¹³¹⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.

¹³¹⁶ Патриарх Кирилл назвал точное количество храмов и священников по всей России // Царьград [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/news/patriarh-kirill-nazval-tochnoe-kolichestvo-hramov-i-svjashhennikov-po-vsej-rossii_98133 (дата обращения: 12.09.2023).

¹³¹⁷ Беглов А.Л. Русская православная церковь. XX век. М., 2008. С. 238.

Репрессивная политика советского государства против православного духовенства

Год	Всего репрессировано
1937	136 900
1938	28 300
1939	1 500
1940	5 100
1941	4 000

Эти данные сложно оценивать, тем более вкупе с цифрами, содержащимися в этой же работе, где А.Л. Беглов указывает, что в 1901 г. в России насчитывалось 105 000 представителей белого духовенства¹³¹⁸. Мы не подвергаем сомнению выкладки уважаемого автора, ибо, вероятное всего, здесь мы имеем дело с разными «системами координат», в которых проводились расчеты, ибо как иначе можно объяснить, что в 1937 г. число репрессированных священнослужителей было больше, чем их имелось в 1901 г. Между тем, эти же цифры, но со ссылкой на данные Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, можно встретить в работах и других авторов.

Церковный историк протоиерей Георгий Митрофанов в работе «Церковь в пленении» утверждает, что в период с 1917 по 1941 г. «было убито» не менее 120 000 священнослужителей. При этом, по его же сведениям, к 1916 г. в Российской православной церкви насчитывались 112 629 священников, диаконов и штатных псаломщиков. В 1941 г. на территории страны в границах до 1939 г. действующих храмов оставалось от 100 до 200, в них служило не более 300 священнослужителей¹³¹⁹. Не комментируя точку зрения автора на число расстрелянных священнослужителей, позволим себе, во всяком случае, не согласиться с оценкой числа храмов и духовенства к 1941 г., ибо, согласно документам Совета по делам РПЦ, в январе 1941 г. в Москве и Московской области

¹³¹⁸ Там же. С. 12.

¹³¹⁹ Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М., 2021. С. 391.

действовало 226 храмов, а в июне – 136¹³²⁰. По состоянию на апрель 1944 г. (первые данные после создания Совета по делам РПЦ) в Москве действовало 30 храмов, а в Московской области таковых было 147¹³²¹. Таким образом, только в Московском регионе действовало 177 храмов.

Заслуживающие внимания статистические данные о репрессивной деятельности органов безопасности РСФСР и СССР содержатся в работах полковника ФСБ, кандидата юридических наук О.Б. Мозохина¹³²². Его исследования основаны на архивных материалах АП РФ, ГА РФ, РГАСПИ и ЦА ФСБ. Работы О.Б. Мозохина отличает выделение в общем числе репрессированных в период 1918–1953 гг. арестованных по церковно-религиозному признаку, который, однако, в материалах, использованных автором, менял год от года свое название, что неизбежно приводило к снижению точности оценки. Кроме того, статистические материалы, приведенные О.Б. Мозохиним в своих работах, относятся ко всей территории СССР (до 1922 г. – РСФСР), и выделить из них сведения по Московскому региону невозможно, но общие тенденции они представляют вполне убедительно. На графике 2, составленном автором на основе сведений из работы О.Б. Мозохина, представлены данные по числу арестов по церковно-религиозному признаку в 1923–1953 гг.

---

¹³²⁰ ЦГАМО. Ф, 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 97, 98.

¹³²¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.

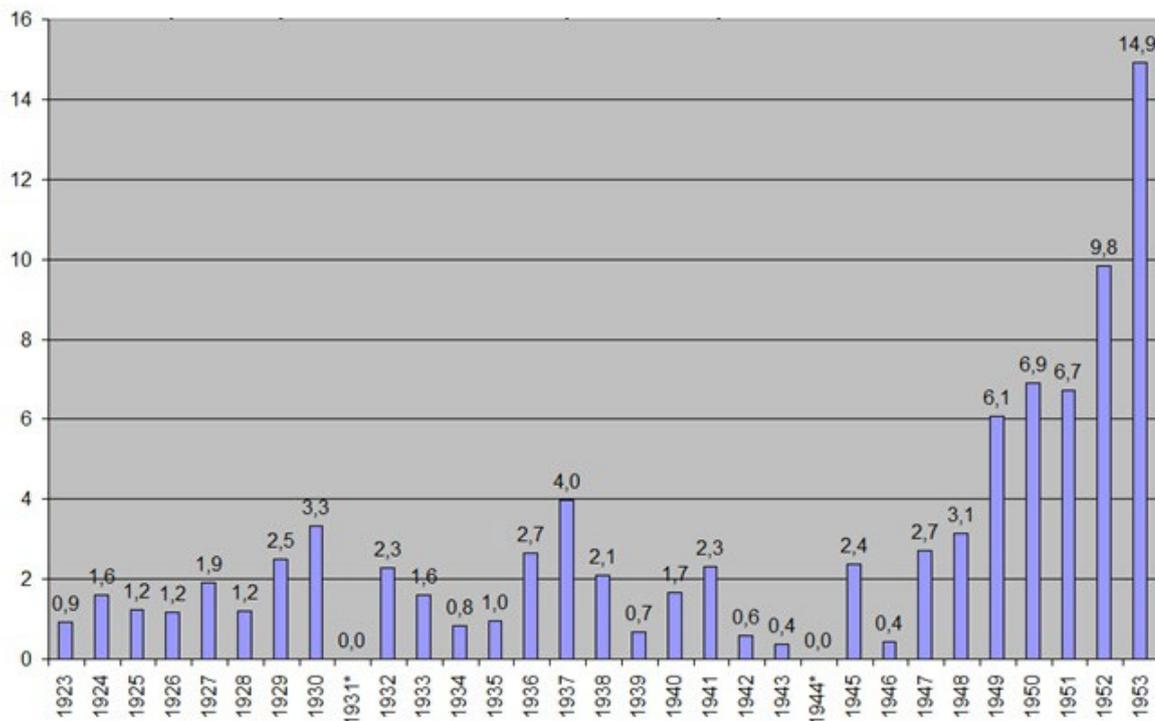
¹³²² Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918—1953 гг.). М., 2018. 480 с.; Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/a/?id=77570> (дата обращения: 31.08.2023).

Как видим, статистика преследований по О.Б. Мозохину, относящаяся ко всему СССР, не вполне соответствует нашим выводам, относящимся к Московской области, но тем эти данные интереснее, так как демонстрируют различия репрессивной политики в центре и на местах. Кроме того, необходимо учитывать различный подход, примененный О.Б. Мозохиним и автором настоящего исследования при выявлении репрессированных по церковно-религиозному признаку.

Не менее интересной представляется интерпретация статистических данных О.Б. Мозохина, сделанная В.А. Синильщиковым¹³²³. Он вычислил процент «церковников» в общем числе арестованных по политическим основаниям с 1923 по 1953 г. (диаграмма 7).

¹³²³ Синильщиков В.А. Статистические данные о гонениях на Церковь и СССР в 1918–1953 гг. // Православный блог [Электронный ресурс]. URL: <https://pravblog.ru/istoriya/statisticheskie-dannye-o-goneniyah-na-tserkov-v-sssr-v-1918-1953-gg/> (дата обращения: 09.09.2023)

Приводимые исследователем сведения показывают выраженный рост удельного веса арестованных по церковно-религиозному признаку в общем числе репрессированных в послевоенное время. Принципиально важным представляется наличие «церковников» среди общего числа репрессированных во все 30 лет выборки (1923–1953 гг.) за исключением 1931 и 1944 годов.

Эта тенденция в полной мере является характерной для временных и географических рамок настоящего исследования, хотя территориальные особенности Московской области позволяют проследить и некоторые, порой значительные, отличия показателей, от приведенных В.А. Синильщиковым. Так, например, в 1931 г. в Московском регионе наблюдается не отсутствие репрессированных по церковно-религиозному признаку, а, напротив, локальный экстремум, связанный, как было показано выше, с вовлечением «церковников» в обширную группу высылаемых по делам о сопротивлении колхозному строительству и борьбе с кулачеством.

Предложенная нами периодизация политических репрессий по «церковно-религиозному признаку» – по времени деятельности силового государственного

органа, их осуществлявшего. Таким образом, первый период связан с деятельностью ВЧК-ГПУ-ОГПУ, второй – с НКВД, а третий – с МГБ-КГБ.

Такое деление определяется, разумеется, не сменой названий спецслужб, а теми структурными и, как следствие, фактическими изменениями в целеполагании и осуществлении репрессий, которые смены названий фиксировали. При этом личный состав указанных органов, в отличие от высшего руководства, оставался прежним. Так, например, Е.А. Тучков, сотрудник ВЧК с 1918 г., курировавший с начала 1920-х гг. вопросы, связанные с религиозными организациями, вышел в отставку из НКВД в звании майора госбезопасности, но продолжал антицерковную деятельность в качестве ответственного секретаря Центрального союза воинствующих безбожников до момента прекращения его работы в 1947 г. Еще более выразительный пример последовательной службы во всех репрессивных советских органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ являл собой Г.Г. Карпов, первый председатель Совета по делам РПЦ.

Репрессивная политика в отношении церковнослужителей и мирян, последовательно проводившаяся в СССР с первых месяцев прихода к власти большевиков, развивалась в русле общей антицерковной и антирелигиозной политики советского государства. В ее арсенале были различные методы, такие как антирелигиозная и антицерковная пропаганда, администрирование приходской жизни, а также методы экономического давления, но прямые репрессии, очевидно, были самыми радикальными из всех. Не случайным представляется, что пик репрессий в отношении «церковников» пришелся на 1937–1938 гг., когда неэффективность иных методов была наглядно продемонстрирована результатами переписи 1937 г.¹³²⁴, согласно которым в целом по СССР верующими себя объявили более 50% взрослого населения. Еще более впечатляющими оказались данные переписи по Московской области. Так, среди 3,82 млн населявших регион неграмотных мужчин неверующих и тех, кто никак не выразил своего отношения к религии, оказалось 0,72 млн (около 19%). Оставшиеся 81% показали себя

---

¹³²⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. 320 с.

относящимися к какой-либо религии. Православных среди них оказался 1 млн чел., что составило 26 % от всего неграмотного мужского населения. Статистика среди грамотных мужчин была несколько иной: из 13,5 млн населения неверующих оказалось 7,9 млн (58%), но доля православных от общего числа верующих составила уже более 30%¹³²⁵. Среди женщин религиозность была традиционно выше и составила для неграмотных около 87%, а среди грамотных – 57%.¹³²⁶ Напомним, что в переписи учитывались ответы лиц старше 16 лет.

Одновременно конец 1930-х гг. становится временем, когда решалась дальнейшая судьба Церкви, которую от окончательного уничтожения спасла меняющаяся внешняя политика СССР. Русская Церковь в этот период продолжала существование как своеобразный конгломерат приходов, так как архиереев на своих кафедрах оставалось всего четверо, и рассматривался вопрос об аресте первенствующего из них – заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского)¹³²⁷, что, вероятно, дезорганизовало бы церковный организм полностью. Следует отметить также атомизированность немногочисленных оставшихся действующими приходов, постепенно усиливавшуюся в условиях разобщенности епархий и слабости общего церковного управления.

Статистические сведения о числе приходов Московской области, прекративших свое существование в период 1936–1941 гг., иллюстрируют масштабы разрушительной репрессивной политики властей в отношении Церкви. Если по состоянию на 1 апреля 1936 г.¹³²⁸ в Московской области имелось 1993

---

¹³²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 53–53 об. // Цит. по Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. 320 с.

¹³²⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 55–55 об. // Цит. по Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / Сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007. 320 с.

¹³²⁷ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 254–255.

¹³²⁸ В это время в составе Московской области входило несколько районов, позже отошедших к Калужской и Тульской областям.

действовавших храма¹³²⁹, в 1938 г. – 869, то в январе 1941 г. – 185¹³³⁰. Аналогичные данные по московским городским приходам выглядят так: 75 и 31 соответственно.

Имеющиеся данные о числе действовавших приходов во время Великой Отечественной войны и сразу после ее окончания позволяют говорить об исключительном положении Московской области в сравнении с другими регионами СССР. Здесь, вместе с Москвой, продолжало действовать около 200 приходских храмов, что предполагает наличие не менее 200 священнослужителей. Это те священники и диаконы, которым либо удалось избежать репрессий, либо, как, например, прот. Николаю Харьюзову, довелось добиться досрочного освобождения и вновь приступить к служению в подмосковном храме. Продолжение репрессивной политики в отношении приходского духовенства в масштабах, сопоставимых с репрессиями 1930-х гг., позволило бы прекратить легальную (мы не говорим о катакомбных церковных объединениях) церковную жизнь в Московском регионе в кратчайший срок. Но сменивший свое направление вектор государственно-церковных отношений повлек за собой тактическое смещение целеполагания антицерковной политики с подавления на подчинение государственным интересам. Репрессии против приходского духовенства и верующих по церковно-религиозному признаку, возобновившись в 1946 г., до второй половины 1950-х гг. продолжают иметь целью устрашение, но носят не массовый, а скорее «точечный» характер. В таком состоянии Церковь переживает смерть И.В. Сталина, XX съезд КПСС, первую волну реабилитации и подходит к периоду хрущевской антирелигиозной кампании.

В состоянии подчиненности государству и при полном контроле за любыми проявлениями самостоятельности со стороны последнего Русская православная церковь пребывает по крайней мере до своего тысячелетия, широко отмечавшегося в 1988 г.

---

¹³²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 10. Л. 84–85.

¹³³⁰ ЦГАМО. Ф, 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 97, 98.

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ В 1918–1958 гг.

Подчинение церковного прихода путем подрыва его экономики являлось одной из главных задач антицерковной политики советской власти.

В Российской империи церковный приход представлял собой сложный хозяйственный механизм, интегрированный не только в общецерковную структуру, но, в известной степени, и в государственную экономику. Помимо того что приходы имели банковские счета и совершали банковские операции, они владели имуществом, которым были в праве распоряжаться по своему усмотрению, хотя и с согласия епархиального начальства. Приходы могли приобретать и продавать имущество, нанимать сотрудников, выплачивать жалованье, пользоваться благотворительными взносами dobroхотов, строить новые, ремонтировать и разбирать старые храмовые постройки, часовни, ограды, дома причта и пр. Приходы могли получать проценты по вкладам, заниматься разнообразной предпринимательской деятельностью, если она, разумеется, не противоречила церковным установлениям, и очень часто источником приходских доходов в течение всего XIX и начала XX в. была сдача причтовой земли в аренду. Напомним, что каждый приход в Московской губернии должен был иметь не менее 33 десятин земли¹³³¹, и далеко не вся она обрабатывалась причетниками самостоятельно. Землю сдавали в аренду большими участками, как правило, сроком на 12 лет, и часто арендные договоры продлевались по 3 и даже 4 раза подряд¹³³².

---

¹³³¹ Более 36 га в сегодняшних мерах.

¹³³² Никонов В.В. Толмачева И.А. Владимирская церковь в Быкове. Т. 1. М., 2018. 214–242.

В приходах, экономическое положение которых признавалось «не достаточным», духовенство и церковнослужители могли получать выплаты из казны. Следует отметить, что государство в Синодальный период заботилось о том, чтобы священник не производил на прихожан неблагоприятного впечатления положением нуждающегося человека. Это не означает, что духовенство, особенно сельское, в Российской империи поголовно было зажиточным, но и бедствующим его назвать было невозможно.

Первым ударом по благосостоянию приходов после прихода к власти большевиков следует считать не Декрет «Об отделении церкви от государства», а принятый на несколько месяцев ранее Декрет «О земле»¹³³³, провозглашавший ее передачу (в том числе церковной) в пользование «всех трудящихся земли»¹³³⁴. Изъятие земли у приходов лишало их важной (в Московской губернии – часто основной) статьи дохода еще до лишения Церкви всей собственности и прав юридического лица. Прошедший в декабре 1917 г. Московский епархиальный съезд уже констатировал участившиеся случаи захвата монастырских и церковных земель¹³³⁵.

Изъятие церковной собственности началось также до принятия Декрета «Об отделении церкви от государства». По мнению А.В. Соколова, в первую очередь новую власть интересовали церковные типографии. Так, например, синодальная типография была национализирована с 1 января 1918 г. Через несколько дней, 19 января была предпринята попытка конфискации имущества Александро-Невской лавры, что послужило основанием для Воззвания патриарха Тихона, в котором он анафематствовал гонителей Церкви. На большевиков он прямо не указывал, но многие современники восприняли его формулировки именно в этом смысле¹³³⁶.

---

¹³³³ Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле. 26 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. С. 17–20.

¹³³⁴ Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2014.

¹³³⁵ Там же.

¹³³⁶ Там же.

И, наконец, 23 января 1918 г. в официальной прессе был опубликован Декрет «Об отделении церкви от государства», который своими пп. 12 и 13 отменял права собственности для всех церковных и религиозных обществ и лишал их прав юридического лица, а любые церковные имущества объявлял народным достоянием. С этого момента Церковь практически лишалась источников существования.

Будущая экономическая (в этой главе мы рассматриваем произошедшие события исключительно с этой точки зрения) катастрофа не могла скрыться от внимательного читателя Декрета за его обтекаемыми формулировками, и первые его последствия не замедлили сказаться на положении церковных приходов и Церкви в целом. Священноначалие Московской епархии своими воззваниями и распоряжениями пыталось смягчить разрушительные последствия нововведений, что позволило сохранить молитвенную жизнь на приходах. Однако дальнейшие события – изъятие церковных ценностей и усиление налогового бремени – поставили их на грань выживания.

Говоря о дискриминационной экономической политике советской власти в отношении церковных приходов в 1918–1958 гг., следует отметить, что развивалась она неравномерно. Так, налоговый прессинг достиг максимума к середине 1930-х гг., затем, после относительно спокойного в рассматриваемом контексте периода во время Великой Отечественной войны, имело место значительное послабление, связанное с выходом Постановления СНК от 22 августа 1945 г., которое, впервые с 1918 г., предоставляло епархиям, приходам и монастырям ограниченное право юридического лица. Это право распространялось на возможность приобретения ими недвижимости, транспорта и прочего имущества. Кроме того, епархиям и приходам разрешалось изготовление церковной утвари, предметов религиозного культа и, может быть, главное – продажа произведенного¹³³⁷, что стало большим подспорьем для их хозяйственной жизни.

---

¹³³⁷ Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1(20). С. 310–322.

Однако послабления в экономическом давлении на приходы в послевоенное время длились недолго, и во второй половине 1950-х гг., после возобновления репрессий в отношении «церковников» и в преддверии очередной волны гонений, вошедших в историографию как «хрущевские», власти, решив, что Церковь за прошедшие годы накопила значительный объем средств, приступили к подготовке дальнейшей эскалации экономического прессинга, проведя инвентаризацию ее имущества.

Целью настоящей главы является анализ форм, методов и результатов экономического воздействия на церковные приходы Московской губернии/области в 1918–1958 гг., а также усилий, прилагавшихся церковноначалием, духовенством и верующими для сохранения приходской жизни в условиях экономического прессинга, осуществлявшегося по трем основным направлениям:

- лишение Церкви собственности и возможности владеть имуществом;
- налогообложение с повышающими коэффициентами;
- контроль за хозяйственной деятельностью приходов.

Задачи, определившие структуру главы, соответствуют указанным направлениям.

4.1. Национализация церковного имущества и ее последствия в 1918–1920-е гг.

4.1.1. Меры, предпринимавшиеся церковноначалием для сохранения прихода как системообразующего элемента церковного организма в 1918–1919 гг. в условиях лишения Церкви имущества

События, последовавшие вслед за захватом власти большевиками, разрушительным образом отразились на всем церковном организме, начиная с

епархиальных органов и заканчивая приходским духовенством. Ряд последовательно принимавшихся законодательных актов лишил церковные приходы и Церковь в целом имущества, прав юридического лица и возможности заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью¹³³⁸. Положение усугублялось наступавшей хозяйственной разрухой, прекращением работы большинства государственных институтов, резкой инфляцией и недостатком самых необходимых вещей, прежде всего продовольствия.

Священноначалие Московской епархии, не имея возможностей для сколько-нибудь перспективного стратегического планирования, спешно предпринимает отчаянные меры по поддержанию не только молитвенной жизни, но и физического существования наименее защищенных представителей духовенства, не имевших средств к существованию, призывая прийти на помощь многочисленные приходы, у которых сохранялись какие-то средства. Первые послереволюционные годы стали, таким образом, уникальными во всей последующей истории Церкви в СССР, когда церковный приход, особенно, расположенный в сельской местности, ненадолго оказался в более устойчивом положении в сравнении с прочими церковными органами, включая даже приходы городские.

Одновременно по приходам рассылается распоряжение Московского епархиального начальства, направленное на поддержку приходов, предоставляющее духовенству возможность в значительной степени снизить требования к употребляемым в священнодействии вину, маслу и муке, которые в состоянии наступавшей разрухи было невозможно достать даже за большие деньги.

---

¹³³⁸ Национализация церковных имуществ 1918 г. принципиальным образом отличалась от секуляризационных церковных реформ, проводимых Петром I и Екатериной II, так как в дореволюционной России секуляризация представляла собой механизм, направленный на реформирование государственно-церковных экономических отношений с сохранением Церкви как важнейшей составляющей всего государственного устройства. Лишение Церкви права владеть любым имуществом и одновременно прав юридического лица при советской власти преследовало цель сделать ее дальнейшее существование невозможным.

В настоящем параграфе рассматриваются документы, свидетельствующие о действиях, предпринимавшихся церковноначалием для смягчения последствий резкого изменения положения Церкви в советском государстве.

Экономическое положение приходского духовенства после 1917 г. ухудшалось с каждым месяцем, и в условиях, когда надежды на государственную поддержку быть не могло, церковное руководство на уровне епископата предпринимает попытки поддержки наиболее уязвимых слоев церковного сообщества. Это подтверждается выявленными автором документами, свидетельствующими об усилиях, предпринимавшихся руководством Московской епархии в этом направлении. Мы не можем утверждать, что приводимые ниже документы сохранились в единственном экземпляре, но ни до, ни после того, как в 2017 г. во втором томе проекта «За Христа претерпевшие...»¹³³⁹ они были впервые введены в научный оборот, встречаться с ними в научной литературе нам не приходилось. Эти документы представляют собой типографские оттиски воззваний Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах, обращенных ко всем верующим губернии. Рассмотрим их на примере храмов Карповской волости Богородского уезда Московской губернии, так как Георгиевский храм села Игнатьева, где рассматриваемые документы были обнаружены, относился именно к ней¹³⁴⁰.

Послевоенная и послереволюционная разруха сказалась на жителях традиционно зажиточного Гжельского промышленного района, известного своими керамическими изделиями, особенным образом. Регион, традиционно существовавший благодаря производству и сбыту самобытной керамики, не был в

---

¹³³⁹ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. 576 с.

¹³⁴⁰ Никонов В.В. Воззвания Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах как реакция на антицерковную государственную политику в 1918 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1 (94). С. 44–49.

состоянии прокормить себя собственной сельскохозяйственной продукцией по причине неплодородных глинистых почв¹³⁴¹.

Во все времена гжельцы отличались трудолюбием и крепкой верой. Многие гжельские заводчики жертвовали значительные суммы на строительство и благоустройство церквей. На небольшом пятачке радиусом менее пяти километров здесь располагалось пять храмов: Успенский в Гжели, Вознесенский в Речицах, Покровский в Карпове и Георгиевский в Игнатьеве. Кроме того, на Гжельской земле в селе Новохаритонове в 1912 г. был освящен еще один храм – во имя святого Великомученика и Победоносца Георгия, выстроенный И.Е. Кузнецовым, двоюродным братом «короля российского фарфора», знаменитого М.С. Кузнецова¹³⁴². Этот храм был древлеправославным, ибо Кузнецовы придерживались старого обряда. Расположенные в знаменитом промышленном районе в восточной части Московской губернии, населенном работающими и состоятельными мастеровыми людьми, гжельские храмы были богато украшены и не испытывали недостатка в жертвователях. Например, доход Успенского храма в Гжели в последние предреволюционные годы был одним из самых высоких в уезде¹³⁴³. Есть все основания полагать, что речицкий, карповский и игнатьевский были не менее богатыми. Революция коренным образом изменила жизнь совсем недавно благоденствовавших соседних приходов, а политика «военного коммунизма» в одночасье поставила на грань выживания всю округу, что не могло не сказаться на положении духовенства и прихожан.

В архиве Георгиевского храма села Игнатьева Богородского уезда сохранились документы, выразительно показывающие, в каком положении оказались пока еще многочисленные сельские приходы Московской губернии.

---

¹³⁴¹ Никонов В.В., Илькевич Б.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель., 2014. С. 118.

¹³⁴² Кузнецов Б.А. Иван Емельянович Кузнецов – новгородский король российского фарфора. М., 2015. С. 509–543.

¹³⁴³ Никонов В.В., Толмачева И.А. Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. Гжель., 2011. С.105.

Сохранность этих документов обусловлена тем, что храм не закрывался в советское время, хотя угроза закрытия неоднократно оказывалась вполне реальной¹³⁴⁴.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению документов, необходимо отметить, что Церковь и прежде проявляла реальную заботу о своих служителях и их семьях, особенно если те по каким-либо причинам не могли продолжать служение, так что идея и практика организации попечительств в послереволюционные годы новацией не была. К этому времени Епархиальные попечительства, согласно утвержденному императором Николаем I положению «О призрении бедных духовного звания» 1823 г., действовали уже почти столетие. Благотворительные учреждения создавались в каждой епархии¹³⁴⁵. В крупных городах, как правило, имелись богоугодные заведения для призрения вышедших за штат священников, прочим же нуждавшимся выделялись необходимые для жизни средства. События, последовавшие за гибелью империи, сокрушительным образом повлияли на проверенную десятилетиями систему социальной помощи, и сотни состарившихся священно- и церковнослужителей были поставлены на грань выживания.

В начале 1918 г. по всем приходам Московской епархии было разослано «Воззвание Епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах». Возможно, единственный сохранившийся до наших дней экземпляр Воззвания с рукописными пометками благочинного священника и адресом: «Гжель Моск. губ. в село Игнатьево, в лавку А.В. Голованова для передачи о. Александру Некрасову» – был обнаружен в архиве Георгиевского храма¹³⁴⁶.

«Воззвание Епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах», распространенное в марте 1918 г., содержит ряд важных сведений.

---

¹³⁴⁴ Толмачева И.А. Храм великомученика Георгия Победоносца села Игнатьева. Исторический очерк. Гжель., 2017. С. 143–172.

¹³⁴⁵ Иконников С.А. Материальное обеспечение заштатных клириков, вдов и сирот духовного звания во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского государственного университета. 2018. № 7. С. 151–157.

¹³⁴⁶ Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 2. Гжельская волость. Гжель, 2017. 54–55.

Прежде всего, Воззвание было распространено от имени «специальной комиссии, образованной на экстренном объединенном Съезде клира и мирян Московской епархии», созданной по благословию Святейшего Патриарха Тихона. В комиссию входили: председатель – протоиерей Василий Филаретович Сергиевский, настоятель церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой ул. в Москве¹³⁴⁷; члены от духовенства – священник Василий Смирнов¹³⁴⁸, диакон Алексей Магницкий¹³⁴⁹ и псаломщик Сергей Вишняков¹³⁵⁰; от мирян – кандидат права Д.С. Баршев и присяжный поверенный М.Е. Смирнов. Существенной представляется сама дата образования комиссии – 23 января 1918 г. В этот день вступил в силу Декрет «Об отделении церкви от государства». Несмотря на то что Декрет был принят на заседании Совнаркома тремя днями ранее, а его нормы обсуждались и в предварительной редакции публиковались в «Правде» еще в декабре 1917 г. и потому новостью не являлись, дата вступления Декрета в силу была моментом знаковым. Связь между вступлением в силу Декрета и составлением Воззвания косвенно подтверждается еще и тем, что созыв Съезда клира и мирян Московской епархии 23 января 1918 г. был экстренным, на что прямо указывалось в документе.

Участникам Съезда предстояло обсудить важный вопрос о дальнейшей судьбе бедных духовного звания, призреваемых в приютах Попечительства, о дальнейшей деятельности учреждений, обслуживающих эту задачу, и об участии детей, обучающихся на стипендии Попечительства¹³⁵¹, то есть фактически стоял вопрос о существовании самого Московского епархиального попечительства. Из доклада отца-попечителя и сообщения попечительского ревизора протоиерея Александра

---

¹³⁴⁷ Священно-церковнослужители и ктиторы Московской епархии первой трети XX столетия / игумен Дамаскин (Орловский), науч. рук. М., 2013. С. 278.

¹³⁴⁸ Смирнов Василий Федорович (1868–1921), священник Георгиевского храма на Лубянке.

¹³⁴⁹ Магницкий Алексей Владимирович, диакон церкви Николая Чудотворца на Мясницкой.

¹³⁵⁰ Вишняков Сергей Михайлович, псаломщик Спиридоньевского храма на Козьем болоте.

¹³⁵¹ Причту, приходскому Совету и всем прихожанам Георгиевской села Игнатьева церкви. Воззвание (первое) Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

Добролюбова¹³⁵² следовало, что дело призрения больных и опекаемых Попечительском лиц переживает «бедственный кризис». Отмечались: резкое подорожание всех необходимых продуктов; разруха, вызванная войной и революционными потрясениями; отсутствие необходимых средств. Прекращение деятельности банков сделало невозможным пользование капиталами, размещавшимися в них церковными учреждениями в течение десятилетий, а именно банковские вклады являлись основным экономическим инструментом деятельности Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания. Кроме того, в докладе прозвучала озабоченность тем, что положение дел особо осложняется постоянным вмешательством в хозяйство и управление учреждений различных самочинных организаций, уничтожающих всякую возможность правильной работы.

Перед Съездом был поставлен вопрос о невозможности продолжения деятельности Попечительства в создавшейся ситуации, если не предпринять незамедлительных мер по сбору средств. В противном случае «все дело, существующее много десятков лет», придется прекратить, а всех, кто до сих пор находился под опекой, оставить без всякой помощи и обречь на неминуемую гибель. Предпринимая отчаянную попытку сохранения возможности оказывать необходимую помощь бедным и немощным, Съезд принял решение избрать специальную комиссию, перед которой поставить две задачи. Во-первых, «изыскать постоянные источники для содержания приютов», и во-вторых, срочно, до мая 1918 г., собрать средства в сумме не менее 250 000 руб.

По каким критериям рассчитывалась указанная цифра, сказать трудно, но с большой долей вероятности можно предположить, что она была определена умозрительно, так как в образовавшемся в революционные годы экономическом хаосе делать сколько-нибудь обоснованные выводы о стоимости тех или иных продуктов и услуг даже на короткую перспективу было невозможно. Современные исследователи определяют рост цен в Москве с июня 1917 г. по апрель 1918 г. как

---

¹³⁵² Добролюбов Александр Федорович (1863–1923), протоиерей, настоятель храма Николы Явленного на Арбате, благочинный 1-го отделения Пречистенского сорока.

девятикратный¹³⁵³. В дальнейшем этот процесс будет только ускоряться, а стоимость денег – стремительно падать. Следовательно, даже если бы сумма, определенная в январе 1918 г., и была собрана, маловероятно, чтобы объем продуктов, которые на нее можно было бы приобрести в мае, соответствовал бы ожиданиям участников Съезда.

Съезд выражал надежду на то, что достать нужные суммы возможно при данном положении только путем займа под обязательства Попечительства на небольшой, не более года, срок¹³⁵⁴. За ссудой предполагалось обратиться «в различные учреждения»: в монастыри, на кладбища, в церкви и часовни, особо почитаемые православным народом, хотя в начале 1918 г., и тем более после опубликования Декрета «Об отделении церкви от государства», надеяться, что упомянутые учреждения обладают свободными средствами, также не приходилось. Несомненно, участники Съезда это понимали, и в Воззвании об этом говорится: «источников этих едва ли будет достаточно, тем более что всюду ныне крайняя нужда стучится в дверь», и поэтому основная надежда возлагалась на приходы.

Следует отметить, что приходы, особенно сельские, в рассматриваемый период и в самом деле могли стать реальным инструментом помощи Епархиальному попечительству. Разумеется, они, как и все церковные учреждения и объединения, испытывали прессинг со стороны новой власти. Но в начале 1918 г. большевики еще не приступили к тем массированным атакам на Церковь, которые начнутся вскоре, и сельские приходы в полной мере испытали на себе их тяжесть лишь после 1921 г.

Разумеется, авторы Воззвания понимали всю репрессивную сущность Декрета «Об отделении церкви от государства», хотя, скорее всего, не могли даже предположить, насколько разрушительными окажутся последствия антицерковной политики пришедших к власти большевиков. При этом, вполне представляя себе

---

¹³⁵³ Ильяхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 23.

¹³⁵⁴ Причту, приходскому Совету и всем прихожанам Георгиевской села Игнатьева церкви. Воззвание (первое) Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

структуру приходских доходов и расходов, они имели основания надеяться на то, что в приходских храмах могли оставаться некоторые суммы. Отмечая, что в сложившихся обстоятельствах распорядиться ими, положив на счет в банк, как это практиковалось (и даже предписывалось) прежде, невозможно, авторы Воззвания просили о передаче этих сумм в фонд Попечительства: «В приходах, – говорилось в документе, – могут быть остатки хозяйственных сумм, которые некуда по обстоятельствам времени и поместить. Дайте же их, убедите приходы предоставить эти суммы заимообразно на столь непродолжительный, как год, срок, на святое дело призрения обездоленных жизнью и сирот. Обратитесь к прихожанам с горячей просьбой прийти на помощь в это безвременье, памятуя, что эта жертва отрет слезы нуждающихся и будет, как нельзя более, угодна Богу, ибо, по слову Св. Писания, «милуяй нища и убога в заем дает Богови»¹³⁵⁵. Этот призыв содержит явную надежду на то, что ситуация непременно выправится, разруха в скором времени прекратится, банковская система будет реанимирована и жизнь постепенно войдет в нормальную колею. Такая надежда в полной мере соответствовала господствовавшим в 1918 г., как, впрочем, и в последующие годы, представлениям, что большевики – это временно, ибо не может их власть продолжаться долго¹³⁵⁶.

Члены комиссии настойчиво просили принять участие в общем деле незамедлительно, призывая жертвователей помнить, что от их участия зависит, будут ли дети продолжать учение, а призираемые иметь уголь и небольшой кусок пропитания, или же всю деятельность Попечительства, столь необходимую в переживаемое время, придется остановить и учреждения закрыть, оставив на улице около 1000 человек¹³⁵⁷.

Привлекавшиеся средства предлагалось отправлять в адрес комиссии, которая должна была выполнять функции посредника между приходами и Московским

---

¹³⁵⁵ Притч. 19:17.

¹³⁵⁶ Окунев Н.П. В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924. М., 2020. С. 251, 309, 312.

¹³⁵⁷ Причту, приходскому Совету и всем прихожанам Георгиевской села Игнатьева церкви. Воззвание (первое) Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

епархиальным попечительством. Надо сказать, что состав комиссии был неслучайным. В нее входили не только известные своим авторитетом пастыри, такие как, например, протоиерей Василий Сергиевский, проповедник и духовный писатель, но также представители «рядового» духовенства – священник, диакон и псаломщик, участие которых в комиссии делало ее вполне представительной и достойной доверия. Присутствие же в комиссии опытных юристов Д.С. Баршева и М.Е. Смирнова обеспечивало профессиональное составление необходимых обязательств Попечительства по всем полученным суммам, которые по окончании своей работы комиссия передаст Попечительству и обо всем представит отчет объединенному Съезду клира и мирян, который должен был состояться феврале 1918 г.¹³⁵⁸. Последнее замечание содержит небезынтересную информацию о планировавшемся очередном Съезде клира и мирян уже через месяц.

Вскоре за первым Воззванием последовало второе, из которого следует, что ситуация нисколько не поправилась, а еще более усложнилась. На втором Воззвании, в отличие от первого, нет никаких указаний на время его написания и отправки по приходам, но из контекста можно сделать вывод, что составлено оно было в сентябре 1918 г. Ниже мы обоснуем это предположение. Таким образом, со времени рассылки по приходам первого Воззвания прошло более полугода. В течение этого времени произошли события, усугубившие положение дел в стране, итогом которых стало Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»¹³⁵⁹. Нельзя исключать, что именно этот факт побудил членов Попечительства обратиться к верующим Московской епархии с новым Воззванием¹³⁶⁰. Как уже говорилось, причиной первого стало опубликование Декрета «Об отделении церкви от государства», и здесь видна аналогия.

---

¹³⁵⁸ Там же.

¹³⁵⁹ Колотков М.Б. Значение Декрета «о красном терроре» от 5 сентября 1918 г. в формировании системы политических репрессий в советской России в 1918–1922 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 94–100.

¹³⁶⁰ Воззвание (второе) Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

Начиналось второе Воззвание суровой констатацией, что условия жизни нашего времени «разрушительно сказались» на положении различных учреждений Православной русской церкви. Одним из таких учреждений являлось Московское епархиальное попечительство о бедных духовного звания. В документе содержатся краткие сведения о масштабах деятельности Попечительства, которое щедрыми жертвами добрых людей составило себе средства, которыми до самого последнего времени содержало более 10 приютов и богаделен, а в них – более 800 призираемых. Кроме того, около 1000 человек ежегодно получали от Попечительства денежные пособия.

Финансовое положение Попечительства было крайне тяжелым. По имеющимся скудным сведениям, мы не можем определить, насколько эффективными оказались призывы о помощи, опубликованные в мартовском Воззвании. Возможно, что, если бы оно не дало вовсе никакого результата, Попечительства уже не существовало бы, а возможно, средства, которые удалось собрать весной, в значительной части просто пропали по причине небывалой инфляции. В любом случае можно говорить о том, что к концу лета Попечительству пришлось сократить число призреваемых, часть из которых была выселена из приютов и распределена по родственникам. При этом призреваемых оставалось еще не менее 400 человек, самых беспомощных, которых некуда было выселять и средств на пропитание которых не было. Во втором Воззвании говорилось, что Епархиальное попечительство поставлено в положение крайне затруднительное: главных источников дохода оно лишено и содержит свои благотворительные учреждения исключительно на добровольные пожертвования. Недостаток денежных средств вынуждает Попечительство сократить число призреваемых в его приютах почти наполовину. Всех, кого было возможно, из приютов уже выселили и разместили по родственникам; выселение продолжается и теперь. Однако оставались такие, которым, кроме приюта и богадельни, идти было некуда.

Московское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, уже более полугодом вынужденное сократить до самых ограниченных размеров свою благотворительную деятельность, вследствие аннулирования его капиталов и

прекращения доходов от кладбищ, а также национализации епархиального свечного завода, лишилось последней прочной опоры и было поставлено в безвыходное положение. Около 400 призираемых, в большинстве больных и престарелых, оказывались обреченными на гибель¹³⁶¹.

Второе воззвание Московского епархиального попечительства содержало обращение к благочинным и настоятелям храмов епархии о конкретных действиях по сбору средств по двум направлениям. Во-первых, указывалось на необходимость «принять все меры к успешному производству тарелочного сбора в пользу Попечительства в праздники 14-го сентября, 1-го и 22-го октября и в другие¹³⁶², по местным условиям, храмовые, престольные и пр.»¹³⁶³. Сбор должен был быть специальным, с упоминанием о его цели и с предварением «живым словом». Для этого предлагалось даже выделить одного из членов причта, которому вменялось это в обязанность. Даты, упомянутые в Воззвании, по церковному календарю соответствуют трем православным праздникам – Крестовоздвижению (27 сентября), Покрову Пресвятой Богородицы (14 октября) и празднованию Казанской иконе Божией Матери (4 ноября). Эти даты с высокой долей вероятности позволяют нам датировать второе Воззвание сентябрем 1918 г., причем скорее всего, второй его половиной. Логика очевидна: ближайшим двенадцатым праздником, отмечаемым до Крестовоздвижения, является Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября по гражданскому календарю). Еще раньше (11 сентября) празднуется Усекновение главы Иоанна Крестителя, но указаний на то, чтобы производить специальный тарелочный сбор в пользу Попечительства в эти дни во втором Воззвании не имеется. Это дает основание для предложенной датировки.

Помимо тарелочного сбора, благочиниям и приходам предлагалось открыть отдельный сбор пожертвований по подписным листам.

---

¹³⁶¹ Воззвание (второе) Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

¹³⁶² В Воззвании даты праздников даются по Юлианскому календарю.

¹³⁶³ Там же.

Рассмотренные Воззвания Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах, оттиски которых сохранились в архиве Георгиевского храма села Игнатьева Московской области, свидетельствуют о непрестанной заботе Церкви о нуждающихся служителях и их детях в тяжелые послереволюционные годы. Несмотря на лавинообразное ухудшение материального положения прихожан, стремительное разрушение экономических связей, массовую безработицу и всеобщую разруху, епархиальное руководство всеми силами стремилось продолжать обеспечивать необходимыми средствами тех, кто по немощи уже не был в состоянии обеспечить себя сам. Судя по всему, 1918 год стал последним годом деятельности Московского попечительства о бедных духовного звания и сиротах, во всяком случае, обнаружить документы, по которым можно было бы проследить деятельность Попечительства в последующие годы, не удалось.

Понимая, в каком состоянии оказались причты приходских храмов, Патриарх и Высшее церковное управление всеми силами пытались упорядочить жизнь Церкви и ее членов в тяжелых условиях разрухи и гнета со стороны властей. Для иллюстрации приведем выдержки из «Распоряжения Московского Епархиального начальства», которое было разослано во все приходы епархии в феврале 1919 г. Документ содержит 7 пунктов, каждый из которых является, по сути, попыткой защитить церковную жизнь от последствий введения Декрета «Об отделении церкви от государства». В первых же строках Распоряжение касается самого насущного: нехватки муки и вина для Евхаристии – ситуации, которая совсем недавно в изобильной Российской империи была совершенно невозможной. Однако реализация п. 12 Декрета, где говорилось о том, что никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью, на фоне общегосударственной разрухи дала свой результат.

1. Московский Епархиальный Совет, заслушав указ Святейшего Патриарха и Священного Синода, постановил: Сообщить руководству епархии:

– во 1-х, в случае недостатка пшеничной муки разрешается совершение Евхаристии на одной пятипечатной просфоре из пшеничной муки, а в случае полного отсутствия пшеничной муки – совершать на просфорах из чисто просеянной ржаной муки,

– во 2-х, в виду недостатка красного вина предлагается употреблять его только для Евхаристии, а во всех других случаях церковной практики (теплота для причастников, при таинстве брака, елеосвящении и пр.) заменять его другими напитками – медом, ягодными и фруктовыми соками и даже простой водой,

– в 3-х, в случае полного отсутствия красного виноградного вина, разрешается для Евхаристии употребление всех сортов сладких виноградных вин, даже и белых,

– в 4-х, в крайнем и исключительном случае полной невозможности добыть какого-либо сорта виноградного вина – разрешается заменять его для Евхаристии сортами ягодных соков или вин, как-то смородинного, черничного, вишневого, или же, что более желательно, виноградного с примесью к последнему (для брожения) толченого в порошок изюма; но о каждом таком исключительном случае замены для Евхаристии виноградного вина соками настоятели храмов должны неотложно уведомлять каждый раз Епархиального Архиерея¹³⁶⁴.

Таким образом, Московское епархиальное начальство своим прямым указанием «упрощает» возможность совершения литургии в храмах епархии. Если со времен патриарха Никона в православном богослужении утвердилось правило совершения литургии на пяти просфорах¹³⁶⁵, для которых использовалась пшеничная мука самого высокого качества, то теперь допускалось использовать всего одну выпеченную, в случае отсутствия пшеничной, из ржаной муки. Кроме того, виноградное вино, имеющее глубокий сакральный смысл в православии, допускалось заменять соками из ягод, произрастающих повсеместно, недостатка в

---

¹³⁶⁴ Распоряжения Московского Епархиального начальства. Февраль 1919 г. // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

¹³⁶⁵ Просфора // Фома. [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/prosfora.html> (дата обращения: 31.12.2022).

которых в Московской губернии быть не могло. Это, очевидно, было непростым решением, ибо в православном богослужении все символично, и самочинно настоятели храмов на такие замены пойти не могли.

Второй пункт касался духовного образования и преподавания Закона Божия. Здесь Распоряжение куда менее категорично, так как Епархиальное начальство не могло не понимать, что, давая указания по этому важному вопросу, в силу расплывчатости формулировки соответствующего пункта Декрета оно могло навлечь неприятности на тот или иной приход, где власть решит предпринять особенно решительные меры. В самом деле, согласно букве Декрета, преподавание Закона Божия полностью запрещалось во всех учебных заведениях. Исключение делалось лишь для обучения частным образом. Но здесь таилась западня, ибо выражение «частным образом» могло трактоваться по-разному. С одной стороны, его можно было понимать как обучение нескольких учеников одним учителем, который за это не получает государственной заработной платы. И тогда весь вопрос состоял лишь в том, какое помещение используется для занятий: если государственное, то обучение незаконно, а если частное, то допустимо. Но были случаи и иной трактовки выражения «частным образом», когда под ним понималось обучение одним учителем одного ученика, и в этом случае сфера применения запретительной части Декрета существенно расширялась. Понимая, что без духовного образования невозможна нормальная церковная жизнь, Распоряжение очень осторожно регламентирует и этот вопрос: «...хотя декретом о свободе Совести и церковных и религиозных Обществ от 23 января 1918 г. преподавание Закона Божия во всех Государственных и общественных, а также в частных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, воспрещено, но подобное распоряжение не может освободить духовенство от лежащей на нем священной обязанности научения подрастающего поколения истинам святой церкви, – а посему, между прочим, поручается Епархиальным Преосвященным сделать распоряжение, чтобы причты Православных церквей обязательно вели обучение Закону Божию детей и желающих взрослых в церквях, если не найдется для сего иных пригодных помещений».

Прочие пункты Распоряжения рисовали не менее драматичную картину церковной жизни в иных аспектах, среди которых были вопросы, связанные с установлением нового гражданского календаря, а также с изменениями в порядке некоторых богослужений.

Отдельный пункт касался позиции Церкви в деле сохранения ее имущества как культурного наследия. Нет никаких сомнений в том, что для священноначалия было совершенно ясным общее направление действий новой власти в отношении Церкви и ее имущества. Перспективы грабежей и уничтожения храмов начали отчетливо просматриваться практически сразу после революции, а к концу 1918 г. это стало обыденной реальностью. Пытаясь сохранить храмы от окончательного разрушения, в январе 1919 г. появляется специальный указ Святейшего Патриарха, Священного синода и Высшего совета Русской Церкви, в котором духовенству Московской епархии предписывалось оказывать всевозможное «содействие Археологическому отделу при Комиссариате по Просвещению в специальных заботах его по сохранению, регистрации и поддержанию памятников церковной старины, имеющим быть командированными отделом для сего специалистам, снабженным в каждом отдельном случае особыми удостоверениями». Таким образом, Церковь выражала готовность сотрудничества с властью, лишь бы не допустить уничтожения веками создававшихся ценностей. Напомним, что процитированный указ был подписан в самом начале 1919 г., когда даже в самых смелых предположениях невозможно было себе представить объем разрушений, который постигнет Церковь в течение ближайших десяти – пятнадцати лет.

Выше отмечалось, что особое внимание патриарх и Высшее церковное управление обращали на необходимость сбора средств на нужды Церкви и для помощи обездоленным ее служителям и их семьям. В Распоряжении этому посвящен отдельный пункт, где, помимо призыва к жертвенной поддержке, содержались конкретные указания по сбору средств. На документе имеется указание, сделанное местным благочинным настоятелю Георгиевской церкви в селе Игнатееве отцу Александру Некрасову. Ему следовало представить сборы по § 7 настоящих распоряжений и на Пасхе доставить главный взнос в размере

222 рублей 35 копеек и по 20 копеек с каждой исповедной свечки. В августе 1919 г. взносы от членов причта за 2-е полугодие 1919 г. на пенсию и в кассу взаимопомощи устанавливались по 7 рублей 50 копеек с каждого из 7 участников. Всего с главным взносом отцу Александру надлежало отправить в благочиние 284 рубля 35 копеек¹³⁶⁶.

Таким образом, в начале 1919 г. в Московской епархии на уровне благочинных действовала система сборов средств в кассу взаимопомощи для неимущих священников и терпящих нужду приходов. Фактически в условиях лишения Церкви статуса юридического лица и возможности обладать имуществом «приходская экономика» с ее разветвленными горизонтальными связями некоторое время оставалась единственным эффективно действовавшим экономическим инструментом сохранения церковного организма. Рассмотренные Воззвания и Распоряжения, выразительно рисуя бедственное положение Церкви в Московской губернии во время Гражданской войны, одновременно свидетельствует о напряженном поиске епархиальным начальством способов облегчения положения духовенства и верующих, возлагая надежду на приходские хозяйства.

4.1.2. Изъятие церковных ценностей в храмах Московской губернии

Изъятие церковных ценностей весной 1922 г. следует рассматривать не только как мощную репрессивную меру, направленную на ослабление Церкви в целом и на подрыв ее хозяйственной деятельности, но и как попытку создания почвы для дестабилизации приходской жизни.

Поводом для проведения кампании по изъятию церковных ценностей весной 1922 г. стал голод, разразившийся в Центральной России, который власти решили использовать для борьбы с верующими. Это подтверждается рядом документов, наиболее выразительным из которых является письмо В.И. Ленина членам

---

¹³⁶⁶ Распоряжения Московского Епархиального начальства. Февраль 1919 г. // Архив Георгиевского храма села Игнатьева Раменского района Московской области.

Политбюро 19 марта 1922 г., где он прямо настаивает на беспощадных и жестоких мерах в отношении духовенства¹³⁶⁷.

Церковь не могла оставаться в стороне в такое время, и по призыву патриарха Тихона по всем приходам страны начинаются сборы средств в пользу голодающих. Однако на первых порах власти отказываются от помощи Церкви и только в конце 1921 г., когда ситуация становится настолько серьезной, что в любой момент может перерасти в социальный взрыв, принимают ее. Церковь добровольно передала государству на оказание помощи голодающим более девяти миллионов рублей¹³⁶⁸, не считая драгоценностей, золотых монет и продовольствия.

Однако цели у большевиков и у Церкви были разные. Церковь вкупе с иностранными благотворителями пыталась на деле помочь голодающим, а власти, которая готовила решительную атаку на Церковь, голод был как раз на руку. Тем более, что истинные причины изъятия церковных ценностей были связаны не только с голодом. Советская власть в те годы испытывала большие финансовые трудности и искала выход из создавшегося положения в пополнении бюджета преимущественно валютой, в том числе за счет вывоза и продажи за границей церковного имущества. Голод в Поволжье являлся возможностью пополнить казну за счет реализации изъятых церковных ценностей¹³⁶⁹.

Высший орган законодательной власти – Президиум ВЦИК – 2 января 1922 г. принял постановление «О ликвидации церковного имущества»¹³⁷⁰, а 23 февраля

---

¹³⁶⁷ Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в Шуе и политике в отношении Церкви. 19 марта 1922 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Цит. по: Истмат: <https://istmat.info/node/27230> (дата обращения: 31.10.2021).

¹³⁶⁸ Никодим (Хмыров), иеромон. Русская Зарубежная Церковь о голоде в России и изъятии церковных ценностей в 1920-х гг. // Христианское чтение, 2018. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-zarubezhnaya-tserkov-o-golode-v-rossii-i-izyatiitserkovnyh-tsennostei-v-1920-h-godah> (дата обращения 31.10.2021).

¹³⁶⁹ Личак Н.А. К истории изъятия церковных ценностей во Владимире // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6(67). С. 78–84.

¹³⁷⁰ Постановление Президиума ВЦИК «о ликвидации церковного имущества». Из протокола заседания Президиума ВЦИК № 1, п. 15 от 2-го января 1922 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 85. Л. 2. (Цит. по: Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс] URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/36837-postanovlenie-prezidiuma>

1922 г. – еще одно – «Об изъятии церковных ценностей»¹³⁷¹, в котором постановил: местным Советам произвести изъятие богослужебных предметов, отсутствие которых не отразится на церковном обиходе. Непосредственному изъятию ценностей предшествовала кампания по формированию общественного мнения в пользу решения властей. Однако религиозное чувство православного человека противилось откровенному святотатству, и агитация не давала ожидаемого эффекта. С мест в Центр шли донесения о том, что общественное мнение не удастся склонить в нужную властям сторону.

В начале 1922 г. в уездах Московской губернии начинают формироваться комиссии помощи голодающим. В феврале 1922 г. такая комиссия была образована в Бронницком уезде, на примере которого мы покажем механизм изъятия ценностей в приходских церквях¹³⁷².

На заседании Президиума Бронницкого УКОМа 20 февраля 1922 г. принимается перечень неотложных мер к оказанию помощи голодающим Поволжья, в числе которых были следующие:

1. Вменить в обязанность ячейкам Р.К.П. развить кампанию среди населения о необходимости непрерывной помощи голодающим.
2. Предложить УПРАВДЕЛЮ усилить надзор за постоянным, непрерывным и своевременным внесением штрафных сумм на помощь голодающим.
3. Предложить Волисполкомам обязать культурно-просветительные организации в волостях ставить спектакли не менее двух раз в неделю для помощи голодающим.

---

vtsik-o-likvidatsii-tserkovnogo-imuschestva-iz-protokola-zasedaniya-prezidiuma-vtsik-1-p-15-ot-2-go-yanvarya-1922-g (дата обращения: 29.12.2022)).

¹³⁷¹ Постановление ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей». 23 февраля 1922 г. // Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: Издательство РАГС, 1999. С. 59–60. (Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/33977> (дата обращения: 29.12.2022)).

¹³⁷² В ЦГАМО в фонде 66 (Административный отдел Моссовета) сохранились документы, относящиеся к кампании по изъятию церковных ценностей по всем уездам Московской губернии, аналогичные тем, которые будут рассмотрены ниже, описывающие события, произошедшие в Бронницком уезде.

4. Предложить Фракции Упрофбюро усилить регулярное своевременное отчисление ежемесячного однодневного заработка членов Профсоюза в помощь голодающим.

5. Вменить в обязанность всем членам Уездной Партийной организации провести широкую агитацию среди населения по подготовке необходимости передачи церковных ценностей голодающим, начав кампанию главным образом в гор. Бронницы, поручив приготовить листовку-воззвание тов. Кудряшову¹³⁷³.

На следующий день, 21 февраля, в Раменском – самом крупном селе уезда – состоялось заседание волкома ВКП(б). В повестку дня был включен пункт «О выработке мер по изъятию золотых и серебряных вещей из церкви села Раменского». В протоколе заседания содержалось указание волисполкому оповестить церковные советы о дне собраний и провести означенное собрание по изъятию золотых и серебряных вещей в пользу голодающих Поволжья¹³⁷⁴.

Реквизиции в храмах Восточного Подмосковья производились в апреле–мае 1922 г., следовательно, можно сделать вывод о том, что подготовка общественного мнения к грядущему изъятию была начата более чем за два месяца до начала реквизиции. В марте 1922 г. секретные предписания по организации изъятия церковных ценностей были получены в Бронницах. 29 марта состоялся Пленум Бронницкого УИКа, где подробно обсуждались вопросы помощи голодающим. К тому времени уже было сформировано общество помощи голодающим – Помгол, которому совместно с Агитотделом и было поручено проведение широкой агитационной работы по подготовке общественного мнения на предмет изъятия церковных ценностей¹³⁷⁵.

---

¹³⁷³ Протокол № 32 заседания Президиума УКОМа Р.К.П и Уисполкома Уездной комиссии помощи голодающим. 20 февраля 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 19.

¹³⁷⁴ Протокол заседания Раменского волкома. 21 февраля 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

¹³⁷⁵ Протокол № 41 заседания Пленума Бронницкого Уездного комитета Р.К.П. 29 марта 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.

Далее события развивались так, что становилось понятно: время уговоров и разъяснений прошло, наступила пора «технических действий». 13 апреля 1922 г. Бронницкая комиссия по изъятию церковных ценностей, состоявшая прежде только из партийных функционеров, пополнилась вооруженными бойцами Красной армии и двумя автомобилями. 21 апреля Бронницким УИКом вводится должность ответственного уполномоченного по изъятию церковных ценностей. На это место назначается местный чекист по фамилии Архипов, которому делегируются «широкие полномочия» с возложением на него ответственности за ход кампании¹³⁷⁶. Сегодня, зная, как именно проводилось изъятие ценностей, вполне возможно реконструировать, что означали эти «широкие полномочия» и как будут пользоваться ими «ответственные уполномоченные».

Однако еще до активных действий по изъятию ценностей из храмов в Бронницком уезде началась кампания по добровольному сбору средств в пользу голодающих. Необходимо отметить, что местные христиане активно откликнулись на призыв патриарха о помощи голодающим. Каждый месяц в Московский финансовый отдел Помгола поступали сведения о собранных ценностях. Так, в марте 1922 г. из Бронницкого уезда был отправлен перечень добровольных пожертвований, включавший:

За март: белаго метала – 20 фун<тов>, 63 золотн<иков>; серебра без пробы – 8 фун<тов>, 19 золотн<иков>; серебра 84 проб. – 7 фун<тов>, 36 золотн<иков>; золота – 5 зол<отников>, 21 д<олей>; бриллиантов 7 шт.; сереб<ряных> манет 20 коп. дост<оинства> 4 шт.¹³⁷⁷.

За последующие два месяца объем добровольно сданных ценностей значительно возрастает. Возможно, это было связано с растущей готовностью населения помочь голодающему Поволжью, а возможно, верующие таким образом пытались сохранить от изъятия предметы церковного богослужения, наивно

¹³⁷⁶ Протокол заседания Президиума Бронницкого УК Р.К.П. 21 апреля 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 30.

¹³⁷⁷ Сведения о поступлении церковных ценностей за март 1922 г. по Бронницкому уезду. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 3.

полагая, что, сдав больше ценностей добровольно, они смогут умерить аппетиты большевиков. За два месяца в Помгол было передано: пуд меди, пуд серебра, 5 золотников золота, 20 шт. бриллиантов, 227 жемчужин, золотой, серебряной и медной монеты почти на 150 рублей и даже 5 орденов и медалей¹³⁷⁸.

Однако надежды благочестивых христиан на то, что их добровольные пожертвования позволят уберечь предметы церковного обихода от изъятия, не оправдались. Яркой и, к сожалению, не единственной иллюстрацией этого, явились события, произошедшие в Загорновской волости Бронницкого уезда. В волость входило три храма: Михаило-Архангельский в селе Загорнове, Никольский в Малышеве и Димитрие-Солунский на погосте Дорки. В ответ на призыв патриарха о помощи голодающим в волости был организован сбор средств, и уже 20 марта в уездную комиссию было отправлено письмо с перечнем собранного:

Сдано в Уфин-отд. церковных ценностей из следующих церквей: Михаило-Архангельской церкви 1 малая сереб. риза, 1 сереб. кадило с мед. цепью, 1 сер. лампада и добровольный сбор денег 1 998 000 руб.¹³⁷⁹ и сер. монет 1 р. 10 к. Из Николаевской церкви 1 сер. кадило, 1 сер. крест и добровольный сбор денег 2 550 000 руб. Из Дмитро-Салынской церкви взамен церковных ценностей собрано добровольно серебряной монеты на сумму 44 руб. 55 коп., в это входят две медали и две иностранные монеты, 20 серег сер. лому, 2 брошки сер. лом., 13 колец, 13 коп. медной монеты, 25 руб. золотой монетой, ржи 11 фунтов¹³⁸⁰.

В документе содержится указание на то, что, хотя пожертвования из Димитрие-Солунской церкви и не содержат церковной утвари, прихожане просят принять их личные сбережения (монеты, медали, украшения) «взамен церковных ценностей». Они, несомненно, знали, что Церковь благословляла отказаться в пользу голодающих от той части утвари, которая не используется непосредственно

¹³⁷⁸ Сведения о поступивших церковных ценностях по изъятию и добровольной сдаче. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 10.

¹³⁷⁹ Речь идет о советских инфляционных рублях, покупательная способность которых была ничтожной.

¹³⁸⁰ Письмо в Бронницкую уездную комиссию помощи голодающим из Загорновского волкома. 20 марта 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 72–72 об.

при богослужениях. Следовательно, если Димитрие-Солунские прихожане не сочли возможным добровольно сдать часть церковной утвари, можно сделать вывод, что приход был настолько бедным, что просто не имел «лишних» богослужебных предметов. Косвенно в пользу такого предположения говорит и последняя позиция в списке пожертвований, где упоминается 11 фунтов ржи. Следует отметить, что в аналогичных списках других храмов продукты питания встречаются крайне редко, это и понятно – большевикам было нужно золото и то, что на него можно обменять. Но простые труженики этого не знали. Им говорили, что где-то в Поволжье голодают их братья-христиане, что от их помощи зависит жизнь сотен тысяч нуждающихся. И они собирали, что могли: трудовые копейки, старые медали и хлеб. При этом необходимо помнить, что голодало не только Поволжье. В центральных областях продовольствия также катастрофически не хватало, и тем не менее прихожане Димитрие-Солунской церкви собрали 11 фунтов ржи – около 5 кг в сегодняшних мерах¹³⁸¹.

Чаяниям сердобольных жертвователей не суждено было сбыться, и, несмотря на добровольную сдачу ценностей, Димитрие-Солунский храм не избежал общей участи. В мае 1922 г. здесь были изъяты:

Чаша с прибором, кроме ковша и ложки. 5 предм.	1 шт. 1 ф. 88 зол.
Крестов 1 выносной, 1 молебный. сер. без пробы.	2 шт. 1 ф. 29 зол.
Наугольники с Евангелия в 1 лист	8 шт. 47 зол. ¹³⁸² .

Этот, самый короткий в ряду подобных перечней по всему Бронницкому уезду, лишний раз подтверждает то, что храм был очень бедным. Общий вес изъятого составил 3 фунта 68 золотников – около полутора килограммов в общей сложности, а стоимость изъятого была оценена всего в 1 рубль.

¹³⁸¹ Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–118.

¹³⁸² Опись изъятого из церкви Дмитро-Салынского при погосте Дорки Загорновской вол. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 109.

Месяц собранные добровольные пожертвования пролежали в Загорновском волостном комитете, а 20 апреля их отправили в Бронницы, сопроводив «описом», где указывался также вес каждой вещи¹³⁸³.

1.	Крест серебряный 84 пробы	1	76 зол.
2.	Риза белого металла	1	1 ф. 90 зол.
3.	Кадило сереб 84 проб. с цепью бел. мет.	1	1 ф. 34 зол.
4.	Кадило белого метала с цепью	1	1 ф. 36 зол.
5.	Лампада белого метала с цепь	1	17 зол.
6.	Кольцо золотое 56 пробы	1	39 дол.
7.	Кольцы желтого метала без пробы	2	84 дол.
8.	Кольцы серебр 84 пробы	5	2 зол. 72 дол.
9.	Кольцы белого метала	5	3 зол. 60 дол.
10.	Серьги лом белого метала	12	4 зол.
11.	Медали серебрян.	3	6 зол.
12.	Серьги серебрян. 84 проб.лом	10	2 зол.

Помимо частных пожертвований, в фонд помощи голодающим на добровольной основе поступали средства и из храмов Раменской земли. Так, 23 марта 1922 г. община Троицкого храма села Раменского добровольно передала в Помгол около 10 кг серебряной церковной утвари, а от Иоанно-Предтеченского храма в селе Новорождествене поступило около 2 кг серебра.

Храмы Рождественской волости Бронницкого уезда сделали коллективное пожертвование, составив Ведомость на принятие добровольного пожертвования церковных ценностей от Церковно-приходских коллективов Рождественской волости в пользу голодающих:

№	Наименование церквей	Кол-во	Наименование предметов	Драгоцен.
---	----------------------	--------	------------------------	-----------

¹³⁸³ Опис вещей, пожертвованных в пользу голодающих гражданами Загорновской волости. 20 апреля 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 71–71 об.

1. Рождественская (Рождеств. Богородицы)	1	Крест	Серебр.
	1	Сосуд с подставкой	Серебр.
	1	Дароносица	Серебр.
	1	Ложечка	Серебр.
2. Воскресенская (Воскресение-Словуще)	1	Крест	Серебр.
	1	Дискос	Серебр.
	1	Тарелка малая	Серебр.
3. Вишняковская (Христо-Рождественская)	2	Тарелка малая	Серебр.
	1	Ложечка	Серебр.
	1	Венок	Серебр.
	1	Кадило	Серебр.
4. Константиновская (Михаило-Архангельская)	1	Лампада	Серебр.
	1	Ковш	Серебр.
5. Георгиевская (Вел. Георгия)	1	Крест	Серебр.
	1	Цепь дутая (бусы)	Серебр.
	5ф. 90з.	Медные монеты	Медь
	1	Венчик <неразб.>	Серебр. ¹³⁸⁴

В Верхнем Мячкове состоялось собрание церковного совета с верующими и церковнослужителями. По результатам собрания было принято решение о добровольном пожертвовании в пользу голодающих значительного количества церковной утвари. Эти решения отразились в протоколе, в котором указывалось, что 24 апреля 1922 г. церковный Совет села Верхнего Мячкова Мячковской волости Бронницкого уезда совместно с верующими и служителями церкви обсуждали вопрос о помощи голодающим крестьянам Поволжья.

Постановили: Принимая во внимание тяжелое положение голодных крестьян Поволжья, и чтобы хотя немного смягчить положение голодных, мы, Церковный

¹³⁸⁴ Ведомость на принятие добровольного пожертвования церковных ценностей от Церковно-приходских коллективов Рождественской волости в пользу голодающих. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 80–80 об.

Совет, группа верующих прихожан и служители церковного культа согласно Декрета Народных комиссаров об изъятии церковных ценностей, добровольно жертвуем нижеследующие церковные предметы:

1. Четыре ризы серебряные 5 фун. 60 зол.
  2. Одна чаша серебряная 1 фун. 15 зол.
  3. Один крест серебряный 1 фун. 27 зол.
  4. Три тарелки серебряных 84 зол.
  5. Одна звезда 27 зол.
  6. Одна ложечка 12 зол.
  7. Один ковш 24 зол.
  8. Одна сковорода серебрян. 31 зол.
  9. Один запорчик от Евангелия 3 золот.
- и денежной суммы 7 250 000 руб.

Тут же поступило от местного священника Николая Миневрина одна серебряная медаль, один серебряный рубль, часть серебряной цепочки и денег один миллион. Все вышеперечисленные вещи постановили сдать в Мячковскую Волостную Комиссию Помгола, что и удостоверили своими подписями¹³⁸⁵.

Практически все храмы Бронницкого уезда самостоятельно или совместно с другими откликнулись на призыв Церкви о помощи голодающим Поволжья. Было собрано значительное количество изделий, общим весом более 50 кг. Сбор добровольных пожертвований продолжался в течение марта и апреля 1922 г. Все это время в Бронницкий уездный Помгол свозились ценности, описывались, сортировались, но никуда не отправлялись. Они были отправлены в Москву лишь в июне, а в мае в Бронницком уезде начались реквизиции.

Первым храмом, куда приехали представители уездного ПОМГОЛа, стал храм в честь Казанской иконы Божией Матери села Маркова Велинской волости. 3 мая 1922 г. здесь было изъято золотых и серебряных изделий общим весом около

---

¹³⁸⁵ Протокол заседания церковного Совета села Верхнего Мячкова Мячковской волости Бронницкого уезда. 24 апреля 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 92–92 об.

16 кг¹³⁸⁶. Для наглядности приведем данные по некоторым храмам, которые уже были упомянуты выше. Так, общий вес ценностей, пожертвованных Троицким храмом села Раменского, составил немногим более 24 фунтов, то есть около 10 кг. А масса изъятого составила 1 пуд, 17 фунтов и 26 золотников, то есть немногим менее 25 кг¹³⁸⁷. Еще более внушительная разница между весом пожертвованного и изъятого в храме Рождества Иоанна Предтечи села Новорождествена. Масса добровольных пожертвований составила менее 2 кг, а изъятого – почти 3 пуда, то есть около 50 кг¹³⁸⁸.

Приведенные цифры показывают, насколько существенной была реквизиция в относительно богатых храмах. Выше приводился список изъятого из Димитрие-Солунской церкви погоста Дорки, где все ценности были оценены в 1 руб. золотом. Стоимость же изъятого в храмах в Раменском и Новорождествене составила, по оценке уполномоченного, по 100 руб. золотом в каждом. Какие иконы находились в Предтеченском храме, можно себе представить по весу их риз. Одна риза с главного храмового образа Рождества Иоанна Предтечи весила 29 фунтов, то есть более 12 кг. Немногим уступала ей риза с образа Богоматери.

Сохранилась сводная ведомость всего изъятого в храмах Бронницкого уезда за период с 3 по 29 мая 1922 г.: 123 пуда серебра, 47 золотников золота, 94 бриллианта, 62 изумруда, 8 рубинов, 123 алмаза, много жемчуга, бирюзы, а также других разноцветных камней неопределенной оценки их. В том же числе несколько драгоценных вещей: колец, брошек, ложек и др., а также ризы, усыпанные жемчугом и другими драгоценными и разноцветными камнями¹³⁸⁹.

---

¹³⁸⁶ Описание изъятого из церкви Казанской в с. Маркове Велинской вол. 3 мая 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 21.

¹³⁸⁷ Описание изъятого из церкви Троицкой с. Раменского той же вол. 27 мая 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 52.

¹³⁸⁸ Описание изъятого из церкви Иоанна Предтечи с. Новорождественского Раменской вол. 27 мая 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 51.

¹³⁸⁹ Сведения о поступивших церковных ценностях по изъятию и добровольной сдаче. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 10.

Вывозили изъятое в Москву в два приема: 8 и 28 июня 1922 г. В первой партии вывезли около 50 пудов, во второй – оставшиеся 73 пуда. Таков был общий итог кампании по изъятию церковных ценностей в Бронницком уезде¹³⁹⁰.

Вывезенное из Бронницкого уезда золото и серебро пополнило общий фонд изъятых ценностей по всей стране. В ноябре ЦК Помгол составил «Ведомость количества собранных церковных ценностей по 1-е ноября 1922 года». Согласно этому документу, всего было изъято: золота более 32 пудов, серебра 23 997 пудов, а также большое количество драгоценных камней, золотой и серебряной монеты, украшений. Общая оценка всего изъятого составила более 4,5 млн золотых рублей¹³⁹¹. Однако вопрос о том, каким образом были использованы столь значительные средства, до сих пор остается открытым. Уже тогда, в 1922 г., получило распространение мнение, что изъятое не пойдет на закупку продовольствия, а будет использовано большевиками в своих политических и конъюнктурных целях. Относительно планов властей по использованию награбленных ценностей не питал никаких иллюзий и патриарх Тихон. В письме от 7 (20) марта 1922 г. митрополиту Евлогию (Георгиевскому) он писал: «Больной вопрос у нас о церковных ценностях, которые власти хотят насильно передать в пользу голодающих, – мало веры сему!» Время показало, что эти опасения не были беспочвенными. По мнению ряда исследователей, выручку за изъятое поглотили расходы на саму кампанию по изъятию, или, точнее говоря, на кампанию по расколу и разгрому Русской православной церкви¹³⁹².

Между тем еще в начале кампании, когда Церковь выражала готовность передать в Помгол церковную утварь, не имевшую ежедневного употребления в богослужениях, вопрос о дальнейшей судьбе ценностей поднимался и даже приводил к конфликтам. Петроградский протоиерей Михаил Чельцов, описывая в

---

¹³⁹⁰ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель, 2016. С. 90.

¹³⁹¹ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 27.

¹³⁹² Там же. С. 28.

своих дневниках события 1922 г., отмечал, что советская власть требовала церковные ценности, а власть епархиальная в лице митрополита Вениамина¹³⁹³ и существовавшего тогда Братства Приходских Советов соглашалась отдать все церковные ценности, но под условием, чтобы этими ценностями распоряжались выборные от Приходских Советов, то есть чтобы именно они собирали ценности, продавали их и на вырученные деньги покупали продукты питания и развозили их в голодающие местности. Советская власть на это условие не соглашалась и требовала передачи их в ее полное и бесконтрольное распоряжение. Шла торговля. Но вдруг советская власть решила, что епархиальное начальство не хочет отдавать ценности, и приступила сама к насильственному отбору их по отдельным церквям, начав с более видных и богатых. Поднялись народные волнения. Советская власть стала забирать и сажать в тюрьмы лиц, показавшихся ей главными возбудителями и смутьянами, а затем приступили к арестам и духовенства, и церковных деятелей из мирян. Главное внимание было обращено на Братство Приходских Советов, откуда, казалось советской власти, исходили главные директивы не отдавать ценности и производить народные возмущения¹³⁹⁴.

Можно констатировать, что цели властей при организации кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. заключались не только и не столько в том, чтобы оказать реальную помощь голодающим, но и в том, чтобы нанести сокрушительный удар по Церкви, подорвав ее экономически. Попытки верующих, откликнувшись на призыв патриарха Тихона, добровольно собрать и сдать в Помгол изделия из драгоценных металлов, монеты и даже хлеб, чтобы сохранить храмовое имущество, не увенчались успехом.

До сих пор не существует единого мнения об экономической эффективности кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. в деле помощи голодающим. Высказываются различные соображения и относительно того, куда пошли

---

¹³⁹³ Вениамин (Казанский Василий Павлович, 1873–1922), митрополит Петроградский и Гдовский, священномученик. Расстрелян в Петрограде 13 августа 1922 г. по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

¹³⁹⁴ Чельцов М.П., прот. Воспоминания «смертника» о пережитом. – М., 1995. С. 72.

вырученные средства и каким именно образом они были реализованы¹³⁹⁵. Убедительными представляются заключения, к которым приходят исследователи, утверждающие, что, проводя изъятие ценностей из храмов, власти преследовали не столько экономические, сколько политические цели¹³⁹⁶. Если исходить из того, что главным направлением удара было инспирирование церковного раскола, то рассматривать кампанию 1922 г. как одну из составляющих такой стратегии вполне уместно, о чем убедительно говорится в статье Ю.В. Гераськина¹³⁹⁷.

Что касается сопротивления верующих при изъятии ценностей, то, несмотря на ряд таких случаев, говорить о массовом неповиновении требованиям властей не приходится.

Разумеется, нельзя не упомянуть наиболее драматичный эпизод, связанный с изъятием церковных ценностей, произошедший в Москве. Имеются в виду события в Богоявленском приходе в Дорогомилове. Здесь, как и в уездах Московской губернии, за несколько дней до изъятия была организована пропагандистская кампания, штабом которой стал агитпункт, расположенный в здании Брянского вокзала¹³⁹⁸. Высказываются мнения, что одной из целей работы агитпункта было получение «откликов трудящихся», одобрявших ограбление церковей¹³⁹⁹.

5 апреля изъятия проходили в нескольких районах Москвы: Замоскворецком, Краснопресненском, Рогожско-Симоновском и Хамовническом, на территории которого и находился Богоявленский собор. Всего в каждом районе церковные ценности изымались в десятках храмов, и только в Дорогомилове произошел инцидент, который позже был представлен как вооруженное сопротивление. В

---

¹³⁹⁵ См., например: Иванов С.Н. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5(66). С. 36–60.

¹³⁹⁶ Захарова Л.Б. Отношения властей и Церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей. // Вестник СамГУ. 2013. № 2(103). С. 64–70.

¹³⁹⁷ Гераськин Ю.В., Федин А.А. Кампания по изъятию церковных ценностей как катализатор обновленческого раскола в Рязанской епархии. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2017. № 2(55). С. 70–77.

¹³⁹⁸ После 1934 г. – Киевский вокзал г. Москвы.

¹³⁹⁹ Крылова Т.О. Дорогомилово. История и память, зовущая в будущее. М., 2014. С. 133.

Хамовническом районе, помимо Богоявленского прихода, изъятия производились в 12 храмах, включая один греческий и синагогу на еврейском кладбище.

Везде изъятия прошли спокойно, а когда комиссия пришла в Богоявленский собор, где «очевидно умышленно затягивалась обедня», произошел заметный инцидент¹⁴⁰⁰. Следует отметить, что события происходили в среду 6-й недели Великого поста, когда продолжительность литургии в самом деле бывает больше обычной¹⁴⁰¹. Таким образом, говорить об умышленном затягивании обедни не приходится. Комиссия ждать не стала и предложила верующим покинуть церковное здание. Между тем на улице стал собираться народ числом до 300 человек, который сделал попытку проникнуть в храм. Однако красноармейцы ЧОНа¹⁴⁰², взявшие храм под охрану, сделать этого не позволили. Началась потасовка, стали раздаваться крики: «Бей жидов, бей коммунистов!» Затем кто-то из молодых людей забрался на колокольню и ударил в набат. Напомним, что, согласно действовавшему законодательству, набатный звон был запрещен. Это привлекло внимание всей округи, и прихожане стали стекаться к храму. По разным оценкам их число варьировалось от 1000¹⁴⁰³ до 2000¹⁴⁰⁴ человек. По сведениям членов комиссии, из толпы было произведено три выстрела, а несколько красноармейцев пострадали от брошенных в них камней. Вызванная кавалерия разогнала толпу, и изъятие продолжилось. Всего в этот день из Богоявленского храма было изъято почти 15 пудов серебра, что оценивалось в 7532 золотые рубля¹⁴⁰⁵. Кроме того, были арестованы зачинщики и активные участники беспорядков, а также члены церковного совета, в противостоянии

---

¹⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 438. Л. 23–23 об. // Цит. по: Мазырин А.В. (диак.), Гончаров В.А., Успенский И.В. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 66–68.

¹⁴⁰¹ В этот день служится литургия Преждеосвященных Даров.

¹⁴⁰² Часть особого назначения.

¹⁴⁰³ Крылова Т.О. Дорогомилowo. История и память, зовущая в будущее. М., 2014. С. 134.

¹⁴⁰⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 438. Л. 23–23 об. // Цит. по: Мазырин А.В. (диак.), Гончаров В.А., Успенский И.В. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 67.

¹⁴⁰⁵ Крылова Т.О. Дорогомилowo. История и память, зовущая в будущее. М., 2014. С. 134.

непосредственного участия не принимавшие, но, по мнению властей, виновные в том, что якобы проводили агитацию против изъятия церковных ценностей.

Фактов, когда в Москве и Московской губернии представителям комиссий ПОМГОЛов оказывалось более или менее жесткое противостояние, было немало, но в целом кампания прошла спокойнее, чем, вероятно, это ожидалось даже ее организаторами. Во всяком случае, показательные процессы над теми, кто якобы противился изъятию, из которых главными стали два московских и один петроградский, носили выражено устрашающий характер и затронули незначительное число принявших участие в сопротивлении изъятию граждан. Те осужденные, которым не был вынесен (и приведен в исполнение) смертный приговор, в течение следующих двух лет были выпущены на свободу¹⁴⁰⁶.

В большинстве уездов Московской губернии изъятие прошло без заметных волнений (сообщения о якобы имевших место в ряде приходов выкриках противников изъятия из толпы к таковым отнести невозможно). Однако именно такое развитие событий и нельзя считать удовлетворительным итогом кампании. Выскажем предположение, что отсутствие массовых эксцессов говорит скорее не о хорошей подготовке кампании по изъятию, а о том, что планируемого успеха кампания как раз и не достигла. Именно силовое подавление сопротивления прихожан и было на руку властям, так как давало им возможность «на законных основаниях» проявить всю свою карающую мощь и продемонстрировать решимость пресекать любые попытки к сопротивлению. В этом смысле более удовлетворительными результатами кампании можно было бы считать не ограниченное число процессов о сопротивлении изъятию ценностей, а, напротив, значительно большее, чтобы количество осужденных из множества приходов было максимальным. При этом советская судебная машина, до сей поры не знавшая массовых репрессивных практик, ограничилась бы минимальными сроками наказания с последующей амнистией (что и произошло), но устрашающий эффект был бы куда более заметным.

---

¹⁴⁰⁶ См. п. 3.2.2.

При относительно небольшом числе процессов властям понадобилось вовлекать в некоторые из них по несколько десятков обвиняемых, среди которых главными стали представители епископата, высшего духовенства и жители крупных городов. Сельские же приходы, против которых не в последнюю очередь и была направлена вся кампания, от репрессий почти не пострадали, следовательно, предполагавшийся устрашающий эффект в полной мере достигнут не был.

4.2. Налогообложение церковных приходов как форма экономического воздействия на их деятельность

Налогообложение церковных приходов и духовенства с первых лет советской власти стало одним из эффективных рычагов давления на Церковь. Налоговая политика развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений и служителей культа¹⁴⁰⁷ и в начале 1920-х гг. подвергалась частым изменениям.

В 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают «Положение о государственном подоходно-имущественном налоге»¹⁴⁰⁸, согласно которому культовые здания подлежали налогообложению (налог со строений). «Размер общесоюзного налога со строений не должен был превышать 0,5% от стоимости храмового здания, а с

---

¹⁴⁰⁷ Цыремпилова И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. // Власть. 2011. № 9. С. 74–77.

¹⁴⁰⁸ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге. 16 ноября 1922 г. Опубликовано в № 262 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 19 ноября 1922 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351761-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-polozhenie-o-gosudarstvennom-podohodno-poimuschestvennom-naloge-16-noyabrya-1922-g> (дата обращения: 10.10.2023).

1924 г. – 1,8% от стоимости культового здания в год. Арендная плата за землю, находящуюся под храмом, была введена в 1923 г. Она исчислялась в соответствии с размером ставки, принятой в данном городском поселении для частновладельческих усадебных земель»¹⁴⁰⁹. Однако циркуляр Наркомюста от 5 сентября 1923 г.¹⁴¹⁰ освобождал приходы от уплаты налога на церковные здания, расположенные в сельской местности. По некоторым сведениям, речь шла также и об отмене арендной платы за земельные участки, находившиеся под зданиями религиозного культа¹⁴¹¹.

Говоря об обязательных платежах за арендуемое культовое имущество, необходимо добавить, что в соответствии с циркулярным письмом Наркомата юстиции РСФСР и Главного управления государственного страхования СССР от 13 марта 1924 г. «храмы всех конфессий подлежали обязательному страхованию, другое богослужбное имущество могло быть застраховано добровольно. Ответственность за неисполнение обязательств по страхованию храмов была аналогична ответственности за неуплату налогов»¹⁴¹².

В начале 1920-х гг. налогообложение духовенства производилось по тем же ставкам, что и всего населения СССР. Эта норма была закреплена в совместном Постановлении НКЮ и НКВД. В п. 14 документа говорилось: «Вследствие отделения церкви от государства и приравнения церковных религиозных обществ к частным обществам, служители культа подлежат общим со всеми гражданами налогам (в том числе и подоходно-имущественному), которые уплачивают по тем

---

¹⁴⁰⁹ Петюкова О.Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг.: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2011, С. 41–42.

¹⁴¹⁰ Циркуляр НКФ РСФСР № 102 «Об обложении местным налогом зданий, предназначенных для богослужбных целей». 3 сентября 1923 г. // Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. М., 1926. С. 200–202.

¹⁴¹¹ Цыремпилова И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. // Власть. 2011. № 9. С. 74–77.

¹⁴¹² Довгяло Н.В. Меры экономического воздействия на конфессии в БССР в 1921–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 1. С. 39–43.

же ставкам и основаниям»¹⁴¹³. Однако на деле представители духовенства выплачивали несколько налогов одновременно: помимо подоходно-имущественного, с них взимался вмененный доход от культовой деятельности, участия в продовольственных поставках и сборах на нужды жилищного строительства¹⁴¹⁴. Имеются свидетельства, что уже в 1928 г. в некоторых приходах индивидуальный налог взysкивался с духовенства в двойном размере¹⁴¹⁵.

Невозможность выплаты налогов к концу 1920-х гг. часто использовалась властями как повод для закрытия храмов.

Говоря о налоговом бремени в 1920-х гг. для «церковников», необходимо упомянуть такую многочисленную группу советских граждан, как лишенцы. В главе 3 говорилось о том, какие именно категории лиц лишались избирательных прав и что в их числе непременно оказывались не только представители духовенства, но и те, кто, с точки зрения государства, существовал на нетрудовые доходы. Такими гражданами становились многие, имевшие прямое отношение к приходской жизни, – члены церковных советов и сотрудники приходов. Помимо социальных ограничений, налагаемых на них, начиная с 1918 г. и до середины 1930-х гг., лишенцы несли также и более тяжелую налоговую повинность.

Формально лишенец платил такие же налоги, как и любой гражданин СССР. В действительности же ему приходилось выплачивать налоги, которые полноправные граждане не платили. Например, лишенец как человек, не имевший в силу своего статуса права держать в руках оружие, не мог служить в Красной

---

¹⁴¹³ Постановление Народных Комиссариатов Юстиции и Внутренних Дел. Инструкция по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства. 19 июня 1923 года. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/359116-postanovlenie-narodnyh-komissariatov-yustitsii-i-vnutrennih-del-instruktsiya-po-voprosam-svyazannym-s-provedeniem-dekreta-ob-otdelenii-tserkvi-ot-gosudarstva-19-iyunya-1923-goda#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁴¹⁴ Довгяло Н.В. Меры экономического воздействия на конфессии в БССР в 1921–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 1. С. 39–43.

¹⁴¹⁵ Цыремпилова И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. // Власть. 2011. № 9. С. 74–77.

армии. Это давало основание государству взимать с него специальный военный налог.

Кроме того, согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 27 марта 1924 г.¹⁴¹⁶, деревенские лишенцы, которым было запрещено занимать должности сельских исполнителей, облагались особым сбором, устанавливаемым губернскими исполнительными комитетами и поступавшим в доход сельских советов для покрытия расходов по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности или по благоустройству селения. Граждане, лишённые избирательных прав, платили его, когда наступал их черед нести обязанности сельского исполнителя¹⁴¹⁷.

В середине 1920-х гг. в высшем руководстве страны обсуждался вопрос о введении специального налога, который должны были платить лишенцы, однако это решение так и не было принято. Однако были значительно увеличены ставки подоходного и промыслового налогов, взимавшихся с торговцев и кустарей, составлявших большинство среди лишенцев. Кроме того, представители нетрудового элемента и так выплачивали повышенную арендную и квартирную плату, а также платили за обучение детей в школе¹⁴¹⁸.

Помимо того что лишенцы были обязаны выплачивать дополнительные налоги по сравнению с полноправными гражданами, им не представлялись некоторые финансовые льготы, которыми пользовались последние. Так, например, Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям», дающее указанным категориям граждан определенные экономические послабления и возможности

---

¹⁴¹⁶ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О сельских исполнителях. Утвержден 27-го марта 1924 г. // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357799-dekret-vsrossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-o-selskih-ispolnitelyah-utverzhdhen-27-go-marta-1924-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴¹⁷ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР). Дисс. канд. ист. наук. Брянск, 2003. 255 с.

¹⁴¹⁸ Там же.

получения ссуд и пособий, специально оговаривало, что «все граждане, лишенные права выбирать... не имеют права на эти льготы»¹⁴¹⁹. Кроме этого, сельские лишенцы не могли быть членами обществ взаимопомощи и потребительских кооперативов¹⁴²⁰.

На рубеже 1920–1930-х гг. в сфере налогообложения граждан СССР произошли изменения, общий вектор которых был направлен на усиление налогового бремени, и основное ужесточение налоговой политики было направлено против чуждых советскому государству категорий населения. Формально к ним относились лица, живущие на нетрудовые доходы, и кулаки. На практике рост налогов затронул значительно более широкие группы населения. В категорию лиц, для которых налоговая ставка в течение первой половины 1930-х гг. неуклонно повышалась, попадали не только кулаки, но и единоличники, для которых, кроме того, устанавливалась повышенная ответственность за неуплату налогов вовремя. Так, если колхозник, уплативший сельхозналог позже положенного времени, выплачивал пени в размере 0,1% от суммы задолженности за каждый день просрочки, то единоличники за то же нарушение – уже 0,2%, а кулаки ежедневно были обязаны платить по 1%¹⁴²¹. Желая искоренить кулачество как класс, власти решили избрать еще и такую форму воздействия на наиболее крепкие крестьянские хозяйства. Однако именно кулаки и единоличники – к середине 1930-х гг. скорее вторые, нежели первые – являлись членами приходских советов и по-прежнему несли бремя содержания прихода.

Схожая в своей дискриминационной составляющей налоговая политика осуществлялась в отношении недвижимого имущества, находившегося в

---

¹⁴¹⁹ (СЗ СССР 1930 г. № 6, ст. 64) О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям. 13 января 1930 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/49336> (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴²⁰ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР): дис. канд. ист. наук. Брянск, 2003. 255 с.

¹⁴²¹ Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

пользовании церковных приходов: храмов и земельных участков, на которых они располагались.

Вместе с тем, помимо общего дискриминационного вектора в государственной налоговой политике в отношении Церкви, в ней (в налоговой политике) присутствовала и экономическая составляющая, естественным образом направленная на пополнение государственного бюджета. Следуя в русле такой логики, государство должно было быть заинтересовано в определении размеров приходских доходов Православной российской церкви. Такие расчеты производились, и, например, по состоянию на 1924 г. в сравнении с 1913 и 1920 гг. выглядели так (таблица 24):

Таблица 24

Расходы деревни СССР на удовлетворение религиозных потребностей¹⁴²²

	Число крестьянских хозяйств в миллионах	Средний расход (натурою в деньгами) одного хозяйства	Расход на церковь по росписи на одно хозяйство	Итого в миллионах рублей
1913 г.	16	7 руб.	1 р. 31 к.	133
1920 г.	18	4 руб.	—	72
1924 г.	20	3 руб.	—	60

Очевидно, что данные, приведенные в таблице, представляются весьма уязвимыми для критики, ибо непонятно, каким образом автор сравнивал дореволюционные и советские рубли, каким образом подсчитывал расход крестьянского хозяйства в 1920 и 1924 гг. и пр. Сам он это объясняет не вполне убедительно¹⁴²³. Однако приведенная таблица позволяет отметить, во-первых, наличие попыток определить расходы крестьян на Церковь и, во-вторых, охарактеризовать признанные официальными представления об этих доходах.

¹⁴²² Большаков А.М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Ленинград, 1925. С. 109.

¹⁴²³ Там же. С. 107, 108.

4.2.1. Налогообложение храмовых зданий и религиозных объединений

Циркуляр НКромфина СССР № 68 от 19 февраля 1931 г.¹⁴²⁴ в 1930-х гг. гласил, что каждый приход был обязан выплачивать в государственную казну следующие налоги и сборы:

- Налог на строение. Он устанавливался в размере 15,5% оценочной стоимости церковного здания в год. Оценка здания проводилась властью в 1929–1930 гг. В 1935 г. была проведена переоценка зданий, и стоимость строений была повышена, несмотря на отсутствие ремонта за этот период времени.

- Рента за землю, на которой находилась церковь, и за землю в церковной ограде. Взималась плата примерно в 70% налога на строение

- Страховой взнос за пользование церковным зданием, составлявший примерно 30% налога на строение¹⁴²⁵.

Согласно исследованиям М.Н. Щепеткова, налог на строение, являвшийся базовым для исчисления прочих сборов, для различных храмов был разным. «Так, например, церковный совет с. Непрядвы Воловского района Московской обл. с 1930 по 1935 г. платил за здание площадью 600 кв. м налог в сумме 2500 руб., а с 1935 – 2800 руб. Оценка здания зависела от его размеров, материала, из которого оно было построено, месторасположения. Особенно высокими налогами облагались церкви в Москве. Религиозная община при Богоявленском соборе в Елохове платила в год 40 000 руб., в то время как приходские общины в сельской местности выплачивали примерно около 1000–3000 руб.»¹⁴²⁶.

Вопросам налогообложения религиозных объединений была посвящена значительная часть «памятной записки» заместителя Патриаршего

¹⁴²⁴ Циркуляр НКФ СССР от 19 февраля 1931 г. № 68 «О порядке обложения молитвенных зданий и служителей культа». // Постановления и распоряжения НКФ СССР. 1931. № 42 (383) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 74

¹⁴²⁵ Щепетков М., свящ. Налогообложение духовенства в 1930-е годы как форма гонения на Православную церковь // XIII Международные рождественские образовательные чтения. М., 2005. // Цит. по: Правовые формы отношений Советского государства и Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <https://isfic.info/sovpop/petova20.htm> (дата обращения: 24.02.2023).

¹⁴²⁶ Там же.

местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) председателю постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу. В ней митрополит писал, что страховое обложение церквей настолько велико, что в некоторых случаях не позволяет религиозным обществам полноценно пользоваться храмом. Кроме того, по мнению владыки, обложение приходов сельхозналогами следует вовсе упразднить. Также следует отменить различные специальные сборы и обязанность приобретения облигаций госзаймов. «За неимением у церквей хозяйства налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом на веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами»¹⁴²⁷. Отметим, что многое из перечисленного митрополитом, и являлось «налогом на веру», ибо учреждалось с вполне понятной целью максимально усложнить существование как отдельным верующим и приходам, так и Церкви в целом.

На основании предложенных митрополитом Сергием мер или вследствие иных причин, но вскоре специальным циркуляром Наркомата финансов № 68 от 19 февраля 1931 г. налоговое законодательство в отношении религиозных организаций было упорядочено. Через некоторое время циркуляр был дополнен приложением, в котором его нормы были еще более конкретизированы.

Стал точно определяться порядок исчисления страховой премии по оценке молитвенного здания. Местный налог с молитвенных зданий отныне исчислялся по ставке, устанавливаемой местным советом или исполкомом для «остальных строений». Рента за землю должна была исчисляться на общих основаниях по ставкам, которые устанавливаются для данной местности под жилыми домами и дворами. При этом оговаривалось, что если в пределах одной местности установлено несколько ставок ренты, то к землям под молитвенными зданиями должна была применяться ставка «не свыше средней из числа установленных

---

¹⁴²⁷ Памятная записка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия [Страгородского] о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР. Для тов. П.Е. Смидовича. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 689, 670.

местным советом». Санкции за неуплату всех налогов и ренты в установленные сроки сохранялись и грозили расторжением договора на пользование храмом и имуществом. Кроме того, Приложение содержало важный пункт, где утверждалось, что взимание с религиозных обществ каких-либо других налогов или обязательных платежей, кроме страховых премий, налога со строений и земельной ренты, не допускается. В частности, религиозные общества не могут быть привлекаемы к обложению ни промысловым, ни подоходным, ни сельскохозяйственным налогом, ни к самообложению¹⁴²⁸. Последний пункт полностью согласуется с мерами по урегулированию налогового законодательства, предложенными митрополитом Сергием (Страгородским) в его «памятной записке».

В натуральном выражении налог на церковь, особенно в сельской местности, ложился весьма тяжелым бременем на религиозное объединение, и необходимость его выплаты становилась одной из главных приходских проблем. Священники и члены приходского совета не делили общую необходимую сумму на ренту, страховку и собственно налог на строение, а называли все перечисленное налогом. В документах, которые будут цитироваться ниже, выражение «налог за церковь» следует понимать именно в этом смысле.

Трудности, с которыми сталкивался приход при выплате налога, создавались властями с очевидной целью ослабить приход, а в случае длительной просрочки – прекратить его деятельность путем расторжения договора на пользование храмом. Кроме того, не только своевременная уплата или неуплата налога на храм использовалась государством в репрессивных по отношению к верующим целях. Местные органы ОГПУ и НКВД следили за тем, каким образом прихожане собирают необходимые средства для уплаты налога, какие высказывания они себе позволяют и вообще какие настроения при этом имеют место. Все перечисленное давало основания для уголовных преследований по 58-й статье УК, и в абсолютном

---

¹⁴²⁸ Приложение № 2 к циркуляру НКФ СССР от 19 февраля 1931 г. № 68 «О порядке обложения молитвенных зданий и служителей культа». // Постановления и распоряжения НКФ СССР. 1931. № 42 (383). С. 10. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 74 об.

большинстве протоколов первой половины 1930-х гг. в той или иной форме присутствуют обвинения, основанные на отношении подследственного к вопросам налогообложения церковного имущества. Это позволяет утверждать, что не только сами налоги на храм, но и возможные репрессии за отрицательное отношение верующих к проблеме их выплаты становились дополнительным инструментом советской антирелигиозной политики.

Уже в марте 1931 г., то есть практически сразу после выхода Циркуляра Наркомфина № 68, в подмосковном селе Гжель был арестован староста местного храма В.И. Московский, которому в числе прочих обвинений было предъявлено и то, что однажды после службы он якобы обратился к верующим с речью, в которой сетовал на то, что власть наложила на храм налог в сумме 2 800 руб. Для того, чтобы это выполнить, требовалось эти деньги собрать «в секретном порядке» среди верующих. Фамилии сборщиков должны были остаться в тайне, так как иначе, по мнению церковного старосты, их могли арестовать. Если этого срочно не сделать, большевики церковь закроют¹⁴²⁹. Существенным в приведенных показаниях свидетеля представляется то, что церковный староста В.И. Московский указывает верующим на необходимость сбора денег «в секретном порядке», то есть он понимает, что интерес государства заключается не в том, чтобы приход сумел оплатить налог, а, скорее, в обратном, с тем чтобы в случае неуплаты иметь формальную возможность закрыть храм. Ну а если средства для погашения задолженности все-таки собраны будут, то наказать тех, кто в этом участвовал. Прихожане единодушно решили храм не отдавать и собирать средства¹⁴³⁰.

Зная, каким болезненным является вопрос об уплате приходами налогов и то, что именно желает услышать по этому поводу следователь, свидетели зачастую стремились построить свои показания таким образом, чтобы выставить духовенство или членов церковных советов как последовательных антисоветчиков. В показаниях свидетеля Б-ва по делу настоятеля Михаило-Архангельского храма в селе Загорнове священника Алексея Скворцова содержится информация о том, как

---

¹⁴²⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75572. Л. 31.

¹⁴³⁰ Там же.

в промежутке с 1 по 15 января 1938 г. он совместно с гражданкой Михеевой Марией Ермолаевной ходил по приходу для сбора денег на уплату налога за церковь и вел антисоветскую агитацию среди колхозников, говоря, что надо как можно скорее собрать деньги для уплаты налога, а если этого не сделать, то «поганый советский народ» закроет нашу святую православную церковь¹⁴³¹.

М.Е. Михеева, о которой упоминает свидетель Б-в, являлась председателем приходского совета загорновского храма. Согласно материалам дела, информация о ней собиралась органами НКВД, но ареста ей удалось избежать. В 2016 г. ее правнук Ю.Г. Спиридонов в интервью сообщил, что М.Е. Михеева, чтобы сохранить храм от закрытия, заняла денег у состоятельного родственника и заплатила необходимую сумму налога. Впоследствии церковный совет в течение двух лет выплачивал долг. Этот случай представляется показательным, так как Михаило-Архангельский храм в Загорнове не закрывался, и, таким образом, активная позиция и быстрая реакция членов церковного совета во главе с его председателем спасли храм и приход¹⁴³².

Дальнейшие показания свидетеля Б-ва по делу священника Алексея Скворцова демонстрируют, что он вполне понимает, как именно ему следует отвечать на вопросы следователя, чтобы через проблему поиска средств для уплаты налога сформировать образ священника – опасного контрреволюционера. Свидетель показывает, что однажды во время случайной совместной поездки в пригородном поезде у него со священником Скворцовым зашел разговор о сборе денег на налог за церковь. Свидетель якобы заметил священнику, что деньги надо собирать не на церковь, а на займы для укрепления нашей социалистической Родины. На что священник ответил Б-ву, что он человек религиозный и должен знать, что займы не в нашу пользу. Они разоряют нашу православную церковь и уничтожают нас. Нам надо удержать православный народ еще немного, ведь мы-то

---

¹⁴³¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 24212. Л. 10–12 об.

¹⁴³² Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 3. Загорновская волость. Гжель, 2018. С. 372.

знаем, что коммунистам и советской власти придет конец, тогда и заживем по-человечески¹⁴³³. Приведенный диалог весьма выразительно демонстрирует истинные цели властей, реализуемые через систему налогообложения храмов.

Тема противопоставления необходимости поиска средств для оплаты налогов за храм и подписки на займы встречается в материалах многих следственных дел. В основе этого искусственно созданного противопоставления лежало то, что настоятель или члены приходского совета пытаются сохранить от закрытия храм и собирают на это деньги, в то время как с государственной точки зрения правильнее потратить их на нечто общественно полезное, например на очередной заем. Но «контрреволюционно настроенные церковники» упорно отстаивают свои интересы в ущерб общему делу. Так, в 1935 г. священника Казанского храма в селе Орлове (ныне – территория Москвы) Николая Лаврова обвиняют в том, что он постоянно ведет агитацию против мероприятий партии и правительства. Оказалось, что его агитация выразилась в том, что во время проведения кампании госзайма священник Лавров постарался «раньше сельсовета провести разъяснительную» работу, с тем чтобы вместо займа заплатили налог за церковь¹⁴³⁴.

Между тем нормы Циркуляра Наркомфина № 68 часто не соблюдались, и налоги на религиозные объединения определялись исходя из предпочтений местных властей. Такие факты, когда их накопилось определенное количество, стали предметом разбирательства в Комиссии по вопросам культов при президиуме ВЦИК. Факты переобложения обнаруживались во многих приходах, и наиболее злостные нарушения попали в докладную записку, которую председатель Комиссии П.А. Красиков отправил на имя М.И. Калинина во ВЦИК¹⁴³⁵.

Известны случаи, когда приходской совет и духовенство обращались напрямую в Комиссию по вопросам культов при президиуме ВЦИК за разрешением на сбор средств для уплаты налогов. В 1936 г. священнику

---

¹⁴³³ Там же.

¹⁴³⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31299. Л. 51–52.

¹⁴³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 85–89.

Богородице-Рождественского храма с. Мещерина Ступинского района Московской области Вениамину Фаминцеву местный сельсовет запретил ходить с молебнами по домам верующих. До этого, чтобы ходить с молебнами, нужно было получить справку из местной амбулатории, что в селе нет эпидемических заболеваний, но в 1936 г. работники амбулатории отказались давать церковному совету такие справки, а без справки сельсовет не давал разрешения на молебны в домах. Приходской совет все же обратился в сельсовет с просьбой: если нельзя ходить с иконами и крестами, к которым прихожане прикладываются, то разрешите ходить хотя бы с кружкой, к которой никто не прикладывается и в которую прихожане могут добродушно опускать деньги на содержание храма, после того как священник поздравит их с праздником. Но и этого сельсовет не разрешил, мотивируя тем, что в селе эпидемия скарлатины, хотя всем было известно, что всего лишь несколько жителей болели ангиной. 7 марта 1936 г. приходской совет храма направил заявление во ВЦИК, в котором прихожане храма писали, что приходской совет постановил обратиться за разрешением этого вопроса ввиду предстоящей Пасхи в постоянную Центральную комиссию при ВЦИКе. Если нельзя ходить с иконами и крестом, к которым прикладываются, то нельзя ли ходить безо всего, поздравляя с праздником и собирая священнику на жизнь и на уплату налогов, а старосте на поддержание церкви и также на уплату налогов. «Внутрицерковные доходы слишком малы, потому что народ, занятый в колхозах, не всегда имеет время ходить в церковь, – следовательно, остается главным доходом требоисправление (крестины, похороны), которых также немного, и хождение в праздники по приходу. Приходской совет просит Культкомиссию дать то или иное разъяснение по этому вопросу»¹⁴³⁶. Ответа на это письмо прихожане не получили, что неудивительно, но факт обращения в столь высокую инстанцию говорит сам за себя: положение в приходе было критическим, и все другие способы решения проблемы были исчерпаны.

---

¹⁴³⁶ Священномученик Вениамин (Фаминцев). Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fond.ru/userfiles/person/289/1293742950.pdf>. Дата обращения: 30.12.2016 г.

Сохранились свидетельства о том, как в тех или иных приходах верующие пытались собирать деньги для уплаты налогов на храм. Старейшие прихожане Покровского храма села Игумнова Раменского района Московской области рассказывали в 2012 г. в интервью автору о некоей монахине Агриппине (Дроздетская Агриппина Степановна, 1870–1959), постриженице неизвестного монастыря, которая в тяжелые для Церкви годы, когда возникла необходимость общине уплатить большой налог, завела в хозяйстве корову и вырученными от продажи молока деньгами его оплачивала¹⁴³⁷.

В начале 1930-х гг. существовала практика взимания пеней с религиозных объединений за просрочку налоговых платежей. Их размер достигал 0,4 % за каждый день просрочки. При этом в отношении физических лиц пени варьировались от 0,1 до 1% за каждый день просрочки, в зависимости от категории граждан, к которой относился должник. В частности, для лиц, живущих на нетрудовые доходы, к которым относились священнослужители, действовала максимальная норма в 1% от суммы задолженности за каждый день просрочки.

20 февраля 1933 г. Наркомфин РСФСР, ссылаясь на Положение № 48-1402 СНК СССР от 17 сентября 1932 г. «О порядке взыскания налоговых платежей», которым и определялся различный размер пени для разных категорий граждан, обратился в Комиссию по вопросам культов с запросом о размере пени по задолженностям религиозных объединений по налогам за строения. В этом запросе говорилось, что со своей стороны Сектор массовых платежей НКФ РСФСР считает, что пеня на религиозные общества должна начисляться в размере 1%, каковую просим согласовать¹⁴³⁸. При этом Наркомфин сообщал, что размер пеней 0,4%, установленный для религиозных объединений в марте 1931 г., ему известен. Фактически, он предлагал Комиссии по вопросам культов поднять пени до 1%

---

¹⁴³⁷ Никонов В.В., Шабанова И.Е. Покровский храм с. Игумнова Раменского района. Исторический очерк. Гжель, 2015. С. 207.

¹⁴³⁸ Запрос Сектора массовых платежей Наркомфина РСФСР в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК о размере пени по за просрочку налоговых платежей религиозных объединений. 20 февраля 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 86.

лишь на том основании, что такой процент пеней установлен для служащих религиозного культа.

Но этим увеличением штрафных санкций предложения Наркомфина РСФСР не исчерпывались. Указанным Положением ЦИК и СНК СССР разрешалось налагать арест на денежные средства и имущество налогоплательщиков за несвоевременный взнос платежей. В том же запросе предлагалось дать разъяснение, можно ли применить это мероприятие к религиозным обществам, уклоняющимся от уплаты премии за страхование молитвенных зданий¹⁴³⁹. Иными словами, Наркомфин РСФСР предлагал Комиссии по вопросам культов союзного уровня не просто согласовать повышение пеней по налоговым платежам, но и дать добро на арест денежных средств и имущество религиозных объединений за несвоевременную выплату страховых взносов, что ставило страховку в ранг дополнительного налога.

Ответ Комиссии по делам культов был кратким. В нем отмечалось, что поскольку НКФ СССР установил за несвоевременную уплату платежей начисление пени на религиозные объединения в размере 0,4%, ваше представление о необходимости установления размера пени Комиссии непонятно. Если у Сектора массовых платежей Наркомфина РСФСР имеются более обоснованные причины, вызывающие пересмотр размера пени, этот вопрос надлежит вначале обсудить совместно с НКФ СССР, а затем уже представлять в Комиссию доклад и проект циркуляра¹⁴⁴⁰.

Таким образом, в начале 1933 г. предлагавшееся ужесточение налоговой политики в отношении религиозных объединений не произошло, но приведенный пример свидетельствует о существовании тенденции к усилению экономического давления на церковные приходы.

К налогообложению приходов следует отнести налог на доходы, получаемые от культовой деятельности. Такие доходы, как правило, завышались местной властью. Налоги, уплачиваемые сельскими приходами, устанавливались исходя из

---

¹⁴³⁹ Там же.

¹⁴⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 85.

дохода в 1000–3000 руб. в год и выше, хотя реальный доход был примерно 400–700 руб. в год. При этом, по мнению сотрудников Комиссии по вопросам культа при ВЦИК, приблизительный доход церкви в 200–300 прихожан в 1933 г. составлял 3000–4000 руб. Вмененный доход от культовой деятельности увеличивали в случае, если закрывался соседний храм¹⁴⁴¹. Последнее замечание является чрезвычайно важным, ибо такая форма налогообложения усиливала налоговое бремя непропорционально увеличению доходности храма. К сожалению, при закрытии храма и прекращении существования прихода далеко не все его члены становились прихожанами соседнего, даже если он располагался неподалеку. Следовательно, число прихожан в действовавшем храме в случае закрытия ближайшего никогда не являлось арифметической суммой числа прихожан, составлявших оба прихода. Следует учитывать также постепенный отход значительного числа бывших верующих от Церкви, характерный для периода с середины 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Антирелигиозная пропаганда, экономический прессинг и политические репрессии свое дело делали. Поэтому закрытие одного храма и увеличение вмененного дохода соседнему утяжеляло экономическое положение последнего.

Помимо прямых налогов, приходы были обязаны выплачивать ряд дополнительных сборов, таких, как, например, сбор в пользу драмсоюза, на том основании, что в храмах за богослужениями исполняются музыкальные произведения и «вокальные номера». В своей «памятной записке» председателю Комиссии по вопросам культов при ВЦИК П.Г. Смидовичу заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) по этому вопросу писал, что сбор авторского гонорара в пользу драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки, то есть чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые или национализированы, или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было при богослужении, в частности,

---

¹⁴⁴¹ Налогообложение православных религиозных организаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://isfic.info/sovprop/petova20.htm> (дата обращения: 26.02.2023).

чтобы исполнение служителем культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений и потому церкви не привлекались бы к уплате 5% сбора со всего дохода, получаемого духовенством храма, т. е. и дохода с треб, совершаемых даже вне храма¹⁴⁴². В отличие от других пунктов записки митрополита Сергия, Циркуляром Наркомата финансов № 68 от 19 февраля 1931 г. по этому вопросу никаких изменений не предусматривалось.

Приведенные факты позволяют говорить о возраставшем в течение 1930-х гг. налоговом прессинге на церковные приходы.

4.2.2. Налогообложение служителей культа и членов церковных советов

Основным законодательным актом, регулировавшим налогообложение духовенства в 1930-х гг., был уже упомянутый Циркуляр Наркомфина СССР № 68 «О порядке обложения молитвенных зданий и служителей культа». Он должен был упорядочить систему налогообложения духовенства на продолжительное время. Об этом даже специально упоминалось на страницах Журнала Московской Патриархии: «В НКФ СССР поступают запросы о том, подлежит ли применению при обложении служителей культа за 1931 год циркуляр НКФ СССР от 19 февраля 1931 года за № 68 о порядке обложения молитвенных зданий и служителей культа. Ввиду этого НКФ СССР разъясняет, что действие означенного циркуляра не ограничено каким-либо сроком. Поэтому циркуляр этот подлежит применению при обложении как за 1931 год, так и в последующие годы впредь до его отмены»¹⁴⁴³. Циркуляром определялось, что размер налогообложения служителей культа не должен был превышать налог с крестьянского хозяйства более, чем вдвое. Всего же объем совокупного налога с духовенства после 1931 г. не должен был

¹⁴⁴² Памятная записка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия [Страгородского] о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР. Для тов. П.Е. Смидовича. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 689, 670.

¹⁴⁴³ Наркомфинам союзных республик. // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 7–8.

увеличиться по сравнению с 1928–1929 гг. более чем на 75%. Однако Циркуляр был составлен таким образом, что некоторые его положения почти сразу после выхода потребовали конкретизации. «6 апреля 1931 г. Комиссия по вопросам культа рассмотрела вопрос «О толковании циркуляра НКФ СССР № 68». Рассмотрение было вызвано запросом Наркомфина, который пытался фактически обойти свой же циркуляр, вызванный к жизни давлением Комиссии ВЦИК»¹⁴⁴⁴.

Этим дело не кончилось, и в начале 1934 г. Коллегия Наркомфина вновь вынуждена была обратиться за разъяснением в Комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. 5 января 1934 г. председателю Комиссии П.Г. Смидовичу был направлен официальный запрос, главной целью которого было получение информации, в каких объемах рассчитывать подоходный налог со служителей культа за прошедший 1933 г. и как рассчитывать планы на налогообложение в 1934 г.¹⁴⁴⁵ В документе содержалось несколько вопросов о порядке применения Циркуляра. Например, как исчислять налог на священнослужителя, приход которого по сравнению с периодом 1928–1929 гг. значительно расширился, что в начале 1930-х гг. из-за начавшегося массового закрытия храмов происходило довольно часто по причине слияния двух и более приходов в один. Или следует ли применять нормы Циркуляра к священникам, начавшим свое служение в 1930-х гг. и, таким образом, не имевшим в 1928–1929 гг. дохода, относительно которого можно было бы установить налогооблагаемый доход. Ответ Комиссии по вопросам культов, составленный 20 января 1934 г., был однозначным: во всех случаях нормы Циркуляра № 68 должны применяться, а в случаях, когда размер дохода священнослужителя в 1928–1929 гг. исчислить невозможно, следует руководствоваться размером дохода его предшественника¹⁴⁴⁶.

---

¹⁴⁴⁴ Сафонов Д.В., иер. Налог на культовую деятельность как способ борьбы с религией при советской власти. // Богословский вестник. – 2015. – № 16–17. – С. 155–192.

¹⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5263. п. 1. Д. 27. Л. 48–50.

¹⁴⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5263. п. 1. Д. 27. Л. 47, 47 об.

Служители культа и сотрудники приходов в рассматриваемый период облагались различными налогами и сборами, многие из которых можно считать скрытой формой налогообложения.

Прежде всего, в 1930-х гг. продолжал действовать единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), введенный в начале 1920-х гг. Этот налог считался основным, и большинство прочих, вводимых позже, высчитывались в процентном отношении от ЕСХН. Расчет сельхозналога в сравнении, например, с подоходным был сложнее. Священнослужители приравнивались к лицам, живущим на нетрудовые доходы, но, кроме того, в сельской местности они могли иметь свое хозяйство, которое также облагалось ЕСХН, и для них начинали действовать нормы исчисления сельхозналога.

«Сельхозналогом облагались доходы крестьян от земледелия и животноводства. Однако определить реальный доход от каждого источника: от лошади, коровы, мелкого скота, от каждого поля, огорода, сада и прочего — в миллионах крестьянских хозяйств, значительная часть продукции которых потреблялась владельцами, а значит, не получала денежного выражения, было практически невозможно. Поэтому облагаемый доход рассчитывался на основании так называемых «норм доходности», устанавливавшихся в законодательном порядке для каждого вида скота и сельскохозяйственных угодий (посевов зерновых, картофеля, для огорода, сада, сенокоса и др.). В ежегодно издававшемся «Положении о сельхозналоге» давались средние нормы доходности для союзных республик. (Например, в 1929 году были установлены следующие нормы доходности: 1 га посевов зерновых — 40 рублей, 1 га огорода — 150, сада — 140, сенокоса — 16 рублей, лошади — 20, коровы — 15,5 рубля)»¹⁴⁴⁷. Однако, изначально равная ставка ЕСХН в 1928 г. была нарушена, и были выделены группы населения, которые должны были платить сельхозналог в индивидуальном порядке. В первую очередь это относилось к тем, кого власти считали кулаками.

---

¹⁴⁴⁷ Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

По этой схеме был исчислен, например, налог на «церковника» С.В. Демидова, арестованного в 1929 г. на том основании, что якобы клеветал на советскую власть и выступал против ее мероприятий. Однако имелся целый ряд причин, по которым он оказался в поле зрения ОГПУ. Во-первых, до революции он был членом Общества хоругвеносцев при своем приходском Михаило-Архангельском храме села Загорнова Бронницкого уезда Московской губернии, во-вторых, некоторое время он состоял членом приходского совета, и, в-третьих, он работал церковным сторожем. Несмотря на то что в своих показаниях он опровергал все возводившиеся на него обвинения (против мероприятий советской власти и партии никогда не выступал и никакой агитации не вел, о том, что партия ведет к гибели и скоро придет крах этой власти, никогда не говорил, что советская власть поощряет в первую очередь бедняка лодыря не утверждал, никаких угроз по адресу колхозников и комсомольцев никогда не делал и пр.¹⁴⁴⁸), его осудили на три года ссылки. К следственному делу была приложена Справка об имущественном положении единоличника Степана Вуколовича Демидова, в которой говорилось, что на момент ареста он имеет дом, двор, корову и лошадь. Из таблицы «Годовой доход и размер налога» следовало, что годовой доход на момент ареста у Демидова составляет: от обработки земли – 380 рублей 50 копеек, от скотоводства – 88 рублей. Сумма налога на момент ареста – 70 рублей. В справке также указывалось, что до 1917 г. он нанимал четырех сезонных батраков. По социальному положению – середняк, лишился избирательных прав как высланный за антисоветскую работу¹⁴⁴⁹. Таким образом, можно посчитать, что, с учетом необлагаемого минимума 150 рублей (5 и более едоков) процентная ставка церковного сторожа сельского храма составляла около 22%. Расчет приведен по состоянию на 1929 г. – год ареста. Со следующего, 1930 г. размер выплаты по ЕСХН еще увеличивался.

Для сравнения приведем сведения по Ф.Д. Рублеву, крестьянину того же села, что и С.В. Демидов, но никогда не состоявшему ни в церковном совете, ни в

---

¹⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 42–43 об.

¹⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 78256. Л. 97, 97 об.

Обществе хоругвеносцев и не работавшему в храме. Согласно Справке, составленной в местном сельсовете, семья Федора Дмитриевича Рублева состояла из 8 человек. Социальное положение – крестьянин-середняк, имущественное положение – имеет одну лошадь, две коровы, жилой дом с надворными постройками, земельный надел. Сельхозналог платит 9 руб. 81 коп. Никаким наемным трудом не пользуется и ранее никогда не пользовался¹⁴⁵⁰. Таким образом, при примерно равном имущественном положении размер сельхозналога у двоих односельчан различался в семь раз. Причина понятна: один был «церковником», а другой – нет.

В 1930 г. ставки индивидуального обложения были резко повышены и, кроме того, было разрешено облагать налогом хозяйства крестьян, лишенных избирательных прав, даже в том случае, если их годовой доход был ниже необлагаемого минимума¹⁴⁵¹. Учитывая, что все священно- и церковнослужители были лишенцам в полном составе, а сотрудники приходов и члены приходских советов – в значительной части, эта норма оказывала прицельное воздействие на финансовое положение всех, кто имел отношение к Церкви и конкретному храму. В § 3.2 говорилось о том, что многие, по тем или иным причинам пораженные в правах, стремились от статуса лишенца избавиться. Для этого следовало устранить причину, по которой гражданина лишили избирательных прав. Для мирянина, участвовавшего в приходской жизни в качестве сотрудника или члена церковного совета, для этого требовалось прекратить эту деятельность. Многие вынуждены были идти на такой шаг, но многие продолжали свою приходскую деятельность. Однако после 1930 г. из-за ужесточившейся налоговой политики это становилось делать все труднее, а в некоторых случаях – невозможно.

Разумеется, при таком тяжелом налоговом бремени многие смекалистые крестьяне предпринимали попытки избежать больших выплат. Так, член церковного совета единоверческого Михаило-Архангельского храма села Михайловская Слобода А.В. Ковылов, арестованный вместе с несколькими

---

¹⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 128.

¹⁴⁵¹ Там же.

членами совета в 1931 г., характеризовался следователем как старик лет 70 (на самом деле – 75. – *В.Н.*), всех мер заядлый противник. Облагался в индивидуальном порядке, никогда и «ни один налог без описи имущества не отдавал». То есть ни разу не платил его добровольно. Общим свойством всех проходивших по делу лиц следователь считал их хитрость. Например, А.В. Ковылов для уклонения от налогов накошенное сено продавал, а потом покупал его частями для прокорма своего скота¹⁴⁵². Смысл этого странного на первый взгляд действия заключался в том, что А.В. Ковылов использовал «дыры в законодательстве». Дело в том, что налог с имущества брался по состоянию на конец года, как раз тогда, когда на хранении у крестьян находилось много сена. А.В. Ковылов, насколько можно понять из протокола, старался к моменту учета объемов сена от него избавиться, чтобы не платить налог, а потом докупать его частями по необходимости. Надо полагать, что неизбежные издержки от такой «коммерции» были меньше, чем налоговая нагрузка. Действие, говорящее об оборотистости хозяина, представлялось властям злостным экономическим и, как следствие, политическим преступлением. И мало того, как указывал следователь в Обвинительном заключении, Ковылов эту схему предлагал использовать и своим «подельникам» – арестованным кулакам¹⁴⁵³.

Для сельского духовенства и членов церковных советов стали постоянными не только трудности с выплатой сельхозналога, но и с тем, как он начислялся. Так, на рубеже 1920–1930-х гг., когда доходы храмов постоянно сокращались, Никольский храм села Малышева Раменского района Московской области находился в бедственном состоянии. При этом налог на его настоятеля священника Сергия Лебедева в 1929 г. составил 600 рублей. Чтобы уплатить его, по церкви пустили кружку для сбора денег. В 1930 г. сумма налога еще выросла и составила уже 1600 рублей. Настоятелю ничего не оставалось, как после службы обратиться за помощью к собравшимся прихожанам со словами, что на него наложили

---

¹⁴⁵² Обвинительное заключение по делу об антисоветской агитации в д. Кулаково. 1931 г. // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76284. Л. 79–88.

¹⁴⁵³ Там же.

непосильный налог, который без помощи прихода ему не выплатить¹⁴⁵⁴. Разумеется, прихожане откликнулись на просьбу священника и общими силами собрали необходимую сумму.

Налоговая политика на рубеже 1920–1930-х гг. по отношению к духовенству носила дискриминационный характер. Размер сельхозналога на священника можно сравнить с цифрами, приведенными выше для церковного сторожа и рядового крестьянина-середняка в 1929 г. Цифры соотносятся как 600/70/10 рублей. То есть налог на священника был выше налога на рядового крестьянина в 60 раз.

Повсеместно властями фиксировались случаи, когда прихожане собирали необходимые средства для того, чтобы священник мог выплатить налог. Часто те, кто участвовал в сборе денег или продуктов с этой целью, сами становились объектом репрессий, а если такие лица оказывались членами церковных советов, то вероятность их ареста возрастала многократно. Так, в селе Николо-Крутины Егорьевского района Московской области в 1931 г., то есть на следующий год после ужесточения налогового гнета, настоятель местного Никольского храма священник Николай Голышев оказался не в состоянии выплатить единый сельхозналог. Прихожане решили помочь священнику, но эта помощь была резко прекращена арестом члена церковного совета И.И. Щелканова. Как антисоветские квалифицировались его высказывания по поводу обложения непосильным налогом Церкви вообще и священника Николая Голышева, когда он якобы позволил себе назвать налог на священника безобразием, а советских работников, пытавшихся таким образом закрыть храм, – мошенниками¹⁴⁵⁵. Неизвестно, говорил ли И.И. Щелканов эти слова на самом деле или они были выдумкой свидетеля, но то, что цель властей в отношении Церкви в них была сформулирована абсолютно верно, сомнений не вызывает. Предосудительными являлись также и попытки И.И. Щелканова помочь священнику расплатиться по налогам. Согласно материалам дела, И.И. Щелканов, будучи членом церковного совета, с монашками,

---

¹⁴⁵⁴ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 46.

¹⁴⁵⁵ Там же.

проживавшими в селе Крутины ходил по деревне Бережки собирать картофель для помощи отцу Николаю и набрал 200 пудов¹⁴⁵⁶.

Примечательно, что сам Щелканов в тот момент, когда собирал средства для священника, был, во-первых, раскулачен, а во-вторых, объявлен должником по ЕСХН. Как лишенца и кулака его обложили по самой высокой ставке, а после того, как расплатиться он не смог, лишили части имущества. Пример И.И. Щелканова показывает, какое давление оказывалось на таких неугодных власти граждан. При этом раскулаченный Щелканов формально не мог облагаться сельхозналогом по повышенной ставке. Об этом он заявил на следствии, сообщив, что 3 января 1931 г. поехал в деревню Бережки к себе в сарай за сеном. Во время увязки возов к нему подошел коммунист Рассохин и запретил ему брать сено, так как за ним был непогашенный налог. Щелканов свое сено увез, сказав Рассохину, что налогов за собой не признает, так как он является раскулаченным, следовательно, имущества не имеет, а если у коммунистов к нему есть вопросы, пусть приходят разбираться в Райфо¹⁴⁵⁷. Между тем в Райфо Щелканов, скорее всего, ничего бы не добился, так как раскулачивание не отменяло налога на него по церковно-религиозному признаку, ибо лишенцем он оставался именно как член церковного совета.

За активную позицию по сбору средств для выплаты ЕСХН, наложенного на священника, пострадал А.А. Колесников, член церковного совета Никольского храма села Малышева. Это был мужественный человек, не побоявшийся, например, выступить в защиту местного священника Сергия Лебедева, когда власти под предлогом эпидемии запретили ему устраивать крестные ходы с иконами и посещать дома прихожан по их просьбам для исполнения треб¹⁴⁵⁸. Когда же в 1930 г. на настоятеля наложили 1600 рублей налога, он попросил прихожан материально помочь ему, и благодаря их пожертвованиям налог был оплачен¹⁴⁵⁹. Тогда же А.А. Колесников был впервые арестован.

---

¹⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75392. Л. 36–37 об.

¹⁴⁵⁷ Районный финансовый отдел.

¹⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 42, 42 об.

¹⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-75431. Л. 47–48 об.

Но далеко не всегда священникам удавалось пользоваться поддержкой прихожан. Частыми были случаи, когда все заканчивалось полным разорением семей духовенства. Так, например, произошло с настоятелем Никольского храма села Малышева священником Иоанном Алешковским, будущим священномучеником, который в 1929 г. подвергся аресту органами НКВД, содержался два месяца под стражей, а в 1930 г. у него был изъят дом за недоплату налогов¹⁴⁶⁰.

В 1935 г. у настоятеля Богородице-Рождественского храма в селе Зюзине Раменского района Московской области за долги по сельхозналогу была изъята единственная корова. Вскоре его арестовали, что привело к закрытию храма и прекращению существования прихода. На следствии свидетель К.С. В-кая, желая подчеркнуть антисоветскую сущность священника Иоанна Цветкова, сообщила, что он был антисоветски настроенным человеком, и привела в качестве примера следующие факты: «Зимой 1935 года, когда у него была изъята корова за неуплату налогов, а по существу, он ее сам продал, после этого случая, Цветков высказывал возмущение и недовольство советской властью, высказываясь в том духе, что ни в одной стране власть коров не отбирает, это только можно при советской власти, меня совершенно раздели, сняли последний крест, детей оставили голодными, разве это власть?»¹⁴⁶¹. Отобрали ли у священника корову или он сам вынужден был ее продать, значения не имеет, но то, что многодетную семью лишили единственной коровы, показывает, насколько тяжелым было налоговое бремя для священнослужителей в 1930-х гг.

Аресты и последующая высылка священнослужителей за неуплату налогов начиная с 1930 г. (года очередного изменения налогового законодательства) становятся частыми явлениями.

Несмотря на трудности, с которыми сталкивались единоличники и приравненные к ним социальные группы населения при выплате единого сельхозналога, власти решили налоговое бремя для отдельных категорий еще

---

¹⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. 50910. Л. 6–8.

¹⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45034. Л. 73–78.

увеличить. В 1934 г. двойным налогом были обложены «лишенцы по прошлой деятельности». Это означало, что отныне все, чья деятельность до революции могла квалифицироваться советскими законами как антинародная, должны были платить повышенный налог. К ним относились, например: «все служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений», «все бывшие служащие тюремного ведомства, члены царствующего дома», а также высшие чиновники царского и белогвардейских правительств. Навлечь на хозяйство двойное обложение мог не только глава семейства, но и любой другой его член, лишенный избирательных прав¹⁴⁶². Формально таким человеком мог оказаться ребенок, усыновленный или просто выросший и воспитанный в новой семье, в том числе священнической.

Для уклонявшихся от уплаты единого сельхозналога или тех, кто не делал этого в положенные сроки, были предусмотрены санкции, вплоть до уголовной ответственности. Статья 62 УК РСФСР редакции 1926 г. предусматривала наказание за данное преступление в виде лишения свободы на срок до одного года с конфискацией части имущества или без таковой. В случае неуплаты налога в сроки, установленные законодательно, у налогоплательщика описывалось имущество и продавалось с публичных торгов. Кроме этого, за каждый день просрочки взимались пени. Как было показано выше, священнослужители штрафовались по максимальной ставке 1% в день. «Налогоплательщик, дважды в течение окладного года нарушавший сроки уплаты налога и если к нему уже применялись вышеуказанные меры, привлекался к уголовной ответственности в виде штрафа в размере неуплаченных платежей. При повторном совершении данного преступления предусматривалось наказание в виде принудительных работ на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере неуплаченных платежей»¹⁴⁶³.

---

¹⁴⁶² Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

¹⁴⁶³ Глебов А.Н. Общая характеристика правового регулирования налогообложения сельскохозяйственным налогом в 1928–1941 годах. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1(11). С. 28–34.

Таким образом, единый сельскохозяйственный налог был мощным инструментом, который использовался в 1930-х гг. для экономического прессинга на неудобные слои населения, к которым принадлежали и те, кого в документах 1930-х гг. называли «церковниками». Варьируя размер ЕСНХ в зависимости от степени близости или удаления тех или иных социальных групп от официальной идеологии власти пытались достичь своих целей, которые в каждом конкретном случае были разными. Применительно к сельскому духовенству, членам церковных советов и приходским сотрудникам этой целью можно считать дестабилизацию работы приходов с их дальнейшим уничтожением.

Однако ЕСНХ не был единственным налогом, с помощью которого власти осуществляли давление на церковные приходы. В 1931 г. правительство, «учитывая рост доходов деревни в 1930 и 1931 гг.» и «принимая во внимание необходимость укрепления районных и сельских бюджетов», постановило провести «единовременный сбор на нужды хозяйственного и культурного строительства в сельских районах», то есть на те же цели, что и самообложение. Речь шла о так называемом культсборе. Но «несмотря на целевой характер, культсбор в процессе его дальнейшего проведения превратился в постоянный источник доходов бюджета без закрепления поступающих по нему средств за определенными видами бюджетных расходов»¹⁴⁶⁴. Иначе говоря, эти средства расходовались, как угодно, без оглядки на «нужды хозяйственного и культурного строительства» деревни.

Ставки культсбора устанавливались в процентном отношении к окладу сельхозналога, но не текущего, а предыдущего года. Для рядовых единоличников они в первой половине 1930-х гг. колебались от 65 до 200 процентов оклада сельхозналога. Кулаки в первые два года проведения культсбора платили его в размере одного, а в последующие годы — двух окладов своего сельхозналога. В среднем за пять лет ставки культсбора для единоличников выросли в семь-восемь

---

¹⁴⁶⁴ Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР». М., 1964. С. 148.

раз¹⁴⁶⁵. Этот фактически новый налог лег тяжелым бременем на духовенство и сотрудников приходов.

В упоминавшемся выше небогатом Никольском приходе села Николо-Крутины Егорьевского района Московской области культхозналог, наложенный на священника Николая Голышева в 1931 г., составил 1171 рубль. Понимая главную цель такой политики, он якобы сказал некоему «уполномоченному д. Бережки» (в материалах дела он назван именно так), который, собрав сельских активистов, явился в дом к священнику требовать уплаты культсбора, что денег у него денег нет, платить нечем и платить он не будет. Если советской власти нужны не деньги, а он сам, то пусть забирают его. Уполномоченный, сказав, что Голышев ему не нужен, описал и вывез имущество¹⁴⁶⁶.

Размер культсбора рассчитывался местными финорганами довольно произвольно. Так, если на священника в Егорьевском районе наложили 1171 рубль, то в то же самое время настоятель Георгиевского храма села Левычина Виноградовского района, граничившего с Егорьевским, должен был заплатить всего 288 рублей¹⁴⁶⁷, а настоятель Богородице-Рождественского храма села Погост у речки Захаровки священник Василий Соболев – и вовсе 202 рубля¹⁴⁶⁸. Примерно такую же сумму – 205–221 рубль – культсбора вынуждены были выплачивать члены церковного совета Михаило-Архангельского храма села Михайловская Слобода, арестованные в 1931 г.¹⁴⁶⁹ Все перечисленные села располагались в Подмоскowie на расстоянии не более 100 км друг от друга.

Начиная с 1927 г. еще одним сбором, фактически имевшим форму налога, стало так называемое самообложение. Первоначально оно было введено Постановлением ЦИК и СНК СССР «О самообложении сельского населения» от

¹⁴⁶⁵ Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

¹⁴⁶⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75392. Л. 14, 14 об.

¹⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75839. Л. 32.

¹⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 119.

¹⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76284. Л. 79–88.

24 августа 1927 г.¹⁴⁷⁰, а в дальнейшем регулировалось Постановлением ЦИК и СНК «О самообложении населения» от 16 августа 1930 г.¹⁴⁷¹ Применительно к налогообложению духовенства это означало добровольно-принудительное взимание дополнительных средств в местный бюджет на «постройку школ, больниц, улучшение дорог и другие культурные и хозяйственные нужды деревни». В самообложении должны были принимать участие единоличные крестьянские хозяйства, а также граждане, постоянно проживавшие в данном селении, хотя бы они и не вели сельского хозяйства.

Решение о самообложении на какие-либо нужды принималось на общем собрании граждан, имевших избирательные права. Собрание считалось кворумным, а решение правомочным, если в нем участвовало не менее 50% таких граждан. В случае если при первом собрании кворум не набирался, назначалось второе, где для принятия решения было достаточным присутствие уже трети законных избирателей. Поскольку решения о самообложении принимались простым большинством голосов, нетрудно подсчитать, что фактически для этого было достаточно незначительной части населения: 25% от имеющих право избирать в первом случае и 17% – во втором. Если же учесть, что среди жителей населенного пункта или местности, где проводилось голосование о самообложении, было определенное число лишенцев, права голоса не имевших, то необходимый процент для принятия решения был еще меньше. Значительную часть лишенцев составляли «церковники», которые по определению участия в голосовании принимать не могли, но решение о самообложении было обязательным для всех граждан, и выплачивать новый сбор были обязаны все без исключения.

---

¹⁴⁷⁰ Околотин В.С. Практика самообложения сельского населения в 1927–1928 годах (на материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний). // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 5. С. 80–84.

¹⁴⁷¹ Постановление ЦИК и СНК «О самообложении населения» от 16 августа 1930 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год, стр. 823–826. Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/50020> (дата обращения: 24.02.2023).

Изначально ставки по самообложению для разных групп населения были равными, но уже через год после принятия Постановления от 16 августа 1930 г. этот порядок было изменен. «С 1931 г. ставки самообложения устанавливаются законом, причем впервые вводятся дифференцированные ставки для разных групп крестьян. Раньше размеры взносов по самообложению у крестьян одной деревни тоже были разными, но принцип определения индивидуальных взносов — процент к сельхозналогу — был для всех один. Чем богаче крестьянин, тем больше сельхозналог с его хозяйства, а следовательно, и взнос по самообложению. Теперь (как это было сделано ранее по отношению к сельхозналогу) крестьян разбивают на неравноправные группы (колхозники, единоличники, «кулаки») и размеры самообложения ставятся в зависимость исключительно от принадлежности к той или иной группе, а не от доходов крестьянина. Для рядовых единоличников размер взноса по самообложению в первой половине тридцатых годов колебался в пределах от 50 до 150 процентов оклада сельхозналога, а для крестьян, облагавшихся в индивидуальном порядке, он почти на протяжении всего этого периода был равен двум окладам сельхозналога»¹⁴⁷².

Таким образом, для служителей культа и сотрудников приходов ставка ЕСХН могла возрастать в три раза. При этом если самообложение имело целью сбор средств на какую-то конкретную надобность с фиксированными затратами, то размер самообложения мог оказаться даже меньше ставки сельхозналога. Например, настоятель Богородице-Рождественского храма села Погост на речке Захаровке священник Василий Соболев в своих показаниях на следствии по делу 1931 г. говорит, что за 1930/31 г. ЕСНХ платил в индивидуальном порядке 202 руб., самообложение 80 руб.¹⁴⁷³, но здесь речь идет о ставке по самообложению за 1930 г., то есть по нормам Постановления от 16 августа 1930 г.

Введение нового сбора, разумеется, не пользовалось поддержкой населения. В 1930 г. в Воскресенском районном отделении ОГПУ Московской области

¹⁴⁷² Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

¹⁴⁷³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 119.

расследовалось дело «антисоветской» группы духовенства и прихожан Георгиевского храма села Ванилова. По нему, помимо священнослужителей, проходило несколько членов церковного совета и простых прихожан. Одним из пунктов обвинения называлась попытка срыва собрания граждан местного сельского общества для принятия решения о самообложении. Так, осенью 1929 г. состоялось собрание крестьян сел Ванилова по вопросу самообложения, на котором было больше 150 крестьян. Кулаки Соломанидин и Емельяновы на собрание сами не пришли, но пришло много их родственников. Когда стали обсуждать предложения о том, чтобы повысить ставку самообложения, то со стороны родственников указанных кулаков и подкулачников раздались возгласы: не надо нам самообложения! А потом они стали выкрикивать уходить с собрания, «пусть они сами его проводят, а нам не нужно». После этих выкриков и возмущения крестьянская масса ушла с собрания, которое оказалось сорванным. Сельсоветом, однако, были тут же приняты разъяснительные меры, что это идеология кулаков, и через полчаса значительное большинство вернулось обратно. Собрание возобновили. Но родственников кулаков большинство ушло¹⁴⁷⁴.

Следует отметить, что факты недовольства или прямого сопротивления самообложению постоянно фигурируют в обвинительных заключениях, начиная с 1930 г., но не как самостоятельное обвинение, а в качестве дополнения к общему портрету антисоветски настроенного гражданина. Например, в Обвинительном заключении по делу церковников села Загорнова Московской области о председателе церковного совета местного Михаило-Архангельского храма А.В. Бардыбахиной говорится, что она вела агитацию против коллективизации и проводимых советской властью политических кампаний, перевыборов сельских советов, ЕСХН и самообложения¹⁴⁷⁵. Формулировка обвинения как бы предполагает, что недовольство мероприятиями, проводившимися советской властью на селе, включает в себя и несогласие с самообложением.

---

¹⁴⁷⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 128–150.

¹⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 118.

В некоторых случаях обвиняемые были вынуждены каяться в своем отношении к самообложению, так как якобы не понимали до конца всей его пользы для социалистического строительства. Так, член церковного совета Успенского храма села Мячкова Коломенского района Московской области Н.А. Асеев публично каялся в том, что все его действия в отношении колхоза и выступления против самообложения оказались «на руку кулацкому элементу», действующему против мероприятий Соввласти¹⁴⁷⁶.

Отношение к самообложению становится своего рода индикатором отношения человека к советской власти в целом.

– Как по-вашему, – спрашивает следователь свидетеля про члена церковного совета Михаило-Архангельского храма села Константинова А.А. Ковалева, – хорошо ли он относился к сов. власти, и не замечали ли Вы за ним какой-либо разговор против налогов, самообложения, колхозов и др.?¹⁴⁷⁷

В целом отношение к самообложению, как, впрочем, и ко всей налоговой системе советской власти, в сельской местности и в церковной среде было негативным, и связано это было главным образом с общим неприятием и непониманием государственной политики. Высказывания отдельных арестованных граждан в той форме, в какой они были зафиксированы в протоколах, возможно, и не имели места, но тот факт, что следователи фиксируют их именно так, свидетельствует об общих настроениях, которые этим следователям были известны и, возможно, близки. Член церковного совета Георгиевского храма села Сельвачева А.А. Жулев якобы говорил, что у крестьян последнее отбирают, раньше никаких заготовок не было и все было, жмут крестьян, крестьяне у них дойная корова, раньше отдашь оброк, больше ничего не знаешь, а теперь: налог, самообложение, культсбор, последнюю шкуру с крестьянина дерут, коммунистам деньги нужны для пятилетки¹⁴⁷⁸.

---

¹⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-54475. Л. 24–27.

¹⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45847. Л. 12–13.

¹⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-12557. Л. 13–15.

Член церковного совета загорновского храма П.М. Писанов якобы выражался еще более решительно, утверждая, что все наши «главки» (так в тексте. – *В.Н.*) роскошно живут, на прожитие им не хватает, они давай выдирать с мужиков либо займом, либо самообложением¹⁴⁷⁹.

В последней цитате имеется указание на еще одну форму добровольно-принудительных сборов, широко практиковавшуюся в 1930-х гг., – государственные займы.

Уже 20 мая 1922 г. в соответствии с Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) в стране был осуществлен выпуск первого советского государственного займа сроком на 8 месяцев. Вследствие широкой натурализации хозяйственных связей, послевоенной разрухи и голода, а также прогрессирующего обесценения бумажных денег заем был выпущен в хлебных единицах – пудах ржи. Непосредственно денежные по форме займы правительство РСФСР стало практиковать с конца октября 1922 г., когда был выпущен «Первый выигрышный заем 1922 года»¹⁴⁸⁰. С этих пор займы стали организовываться почти каждый год, и к октябрю 1929 г. размещенные по коллективной подписке среди трудящихся займы составили уже более одной трети государственного долга. Общая же сумма долга исчислялась в 1,9 миллиарда рублей¹⁴⁸¹.

Участие в займах настойчиво рекламировалось в средствах массовой информации, и постепенно вырабатывались негласные нормы участия населения в подписках на тот или иной заем. Если в 1927–1928 гг. объем неофициально требуемой властями подписки на займы составлял примерно 25% месячного заработка трудящихся промышленных предприятий и работников различных государственных учреждений и организаций, то к 1932 г., когда был выпущен

¹⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 49438. Л. 66 об.

¹⁴⁸⁰ Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 78–99.

¹⁴⁸¹ Там же.

внутренний заем «Четвертого завершающего года пятилетки», те, кто подписывался на него в объеме меньше месячного заработка, подвергался суровой проработке.

К середине 1930-х гг. займы уже воспринимались как дополнительные налоги, по которым формировалась такая же задолженность. Организацией займов занимались специально созданные Комиссии по содействию государственному кредиту и сберегательному делу (Комсоды), которые ведали всеми пропагандистскими кампаниями, продвигавшими идеи государственных займов, и одновременно отчитывались об успехах в обеспечении участия в займах необходимого числа граждан, которые при первой возможности старались саботировать очередные государственные поборы. «Примечательны и использовавшиеся в то время методы уклонения от займов: мнимая болезнь, командировка или отпуск на период проведения подписной кампании. Правда, с 1933–1934 гг. подобные методы уклонения стали активно пресекаться комсодами, профсоюзными и партийными организациями. Найденное решение проблемы было простым, но действенным: за отсутствующего по тем или причинам работника в ведомости по подписке расписывались его сменщик или напарник, реже – председатель профсоюзного комитета или руководитель местного комсода»¹⁴⁸².

Методики организации подписки на займы для отдельных групп населения прописывались в специальных инструкциях, которые рассылались Наркомфинам союзных и автономных республик. Приведем выдержки из такой инструкции о размещении «Займа 2-й Пятилетки среди кулаков, служителей культа и спецпереселенцев»¹⁴⁸³, касающиеся форм принуждения участия в займе служителей культа:

«2. Указанные выше задания доводятся также до служителей культа, занимающихся сельским хозяйством, в размере, не превышающем 150%

---

¹⁴⁸² Там же.

¹⁴⁸³ Разъяснение НКФ СССР местным органам о порядке размещения государственного займа среди «кулаков, служителей культа и спецпереселенцев». 7 мая 1933 г. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2006. Л. 144. Цит. по: Исторические материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/51806> (дата обращения: 24.02.2023).

среднего добровольного участия в займе середняцких хозяйств. Если план реализации займа среди середняцких хозяйств еще не выполнен, то задание доводится до служителей культа в размере, не превышающем 150% среднего добровольного участия в займе середняцких хозяйств, предусмотренного планом размещения займа для данного сельсовета.

При определении заданий по займу указанным служителям культа следует исходить из учета действительного имущественного положения каждого служителя культа, привлекаемого к покупке облигаций.

В отношении служителей культов, не выполнивших задания, принимаются меры общественного воздействия (меры административного порядка не применяются)»¹⁴⁸⁴.

Приходские священники в обязательном порядке подписывались на займы, но не всегда могли их выполнить. Так, настоятель Георгиевского храма в селе Ванилове Виноградовского района Московской области священник Михаил Постников подписался на заем «пяtilетку в четыре года», правда, выплатил лишь половину его стоимости. Что касается собственно займа, то по этому поводу было выпущено специальное Постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому он организовывался «для финансирования социалистического строительства по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР». Заем выпускался в облигациях, достоинством 50 руб.¹⁴⁸⁵ Сумма, на которую священник обязан был подписаться, составляла 250 руб., то есть как служитель культа он должен был выкупить 5 облигаций¹⁴⁸⁶.

Факты действительного или надуманного противодействия подписке на займы со стороны служителей культа среди населения отмечаются в материалах множества следственных дел. В протоколе заседания Орловского сельсовета

---

¹⁴⁸⁴ Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 78–99.

¹⁴⁸⁵ Постановление ЦИК и СНК «О выпуске государственного внутреннего выигрышного займа «Пятилетка и четыре года». 3 июля 1930 г. // Истмат. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/49885> (Дата обращения: 16.05.2022).

¹⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75839. Л. 32.

Кунцевского района Московской области¹⁴⁸⁷ отмечалось, что всякая проводимая на селе кампания стала встречаться с прямыми противодействиями, проводимыми в жизнь попом, дьяконом и всякими разложившимися элементами из колхозников, подпавшими под их влияние. Этим и объясняется невыполнением сельсоветом налогов, а также и невыполнение контрольных цифр по займу. Необходимо по-своему взяться за ликвидацию кулачества и его агентов¹⁴⁸⁸.

Отношение духовенства к государственным внутренним займам в период Большого террора трансформируется в отдельные обвинения, главным образом тогда, когда требуется добавить хоть какие-то «конкретные факты» в обвинительные заключения к «антисоветской агитации» и «контрреволюционной террористической деятельности». В целом такие обвинения выглядят вполне правдоподобными, так как отношение к займам не для кого тайной не было. Настоятель Георгиевского храма погоста Сельвачева священник Иоанн Фрязинов, согласно показаниям свидетеля, позволял себе во всеуслышание утверждать, что советское правительство, выпуская займы, этим самым обдирает колхозников и рабочих, беря налоги больше, чем раньше. При царе платили один налог, и то с рассрочкой, а сейчас несколько. Выдумали выпустить заем на 20 лет, думают этим укрепить свою власть, но все равно скоро придет конец. Скоро война и советской власти не устоять против фашистов. Я и не думаю подписываться на заем¹⁴⁸⁹.

В некоторых случаях следователь сам спрашивает у арестованного о его отношении к займам, как это было на допросе священника Троицкого храма города Раменского Сергия Белокурова:

- Скажите, какое недовольство выразили вы во время подписки на заем?
- На заем я не подписался лишь потому, что у меня и так много сделано подписок на заем. Недовольства не выражал¹⁴⁹⁰.

---

¹⁴⁸⁷ Ныне – территория Москвы.

¹⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-31299. Л. 51 об., 52.

¹⁴⁸⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 23934. Л. 12–13.

¹⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 13–16.

Из текста протокола следует, что священник подписан на несколько займов, что было характерной чертой 1930-х гг., когда росло и число займов, и размер внутреннего государственного долга по обязательствам, что не могло не вызывать соответствующей реакции населения.

Свидетель П-р, судя по всему, сотрудничавшая с органами НКВД, приписывает проходившему по одному делу с отцом Сергием Белокуровым настоятелю Троицкого собора протоиерею Николаю Фетисову высказывания, что лучше отдать деньги Японии и генералу Франко, чтобы они поскорее освободили нас от коммунистов, и тогда мы сами расправимся, сучьев не хватит на деревьях, на которых будем вешать, а на займы подписываться нельзя¹⁴⁹¹. Трудно себе представить, чтобы вменяемый священник с хорошим дореволюционным образованием мог в 1938 г. сказать нечто подобное, но важно здесь то, что показания свидетеля отражают общее отношение к займам, и поэтому следователь, который, возможно, понимает, что свидетель на священника наговаривает, заносит их в протокол.

С учетом невозможности выполнения обязательств по займам по инициативе Народного комиссариата финансов СССР, обеспокоенного ускоренным нарастанием масштабов внутреннего государственного долга и постоянным повышением объемов средств, направляемых на его обслуживание, в 1936 г. властями была проведена унификация условий ранее эмитированных займов путем их конверсии. В результате ее проведения сроки погашения займов были увеличены с 10 до 20 лет, а их официально декларируемая доходность – с 8 до 4 процентов годовых¹⁴⁹², что вполне корреспондировалось с отношением к займам у населения.

Исследователь Е.Ю. Буртина отмечает, что, «помимо налогов, существовали и различные виды неналоговых платежей, например, по обязательному окладному страхованию, что, по сути дела, являлось завуалированной формой налога... За

---

¹⁴⁹¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-77338. Л. 18–19 об.

¹⁴⁹² Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 78–99.

неуплату страховых взносов так же, как и за неуплату налогов, можно было привлечь к уголовной ответственности... При этом в наихудшем положении опять-таки находились «кулаки», то есть крестьяне, облагавшиеся сельхозналогом в индивидуальном порядке. Ставки страховых платежей для них были в три раза выше, чем для единоличников. Если же у такого крестьянина, к примеру, сгорал дом, то ему выплачивали лишь половину страховой оценки сгоревшего имущества, тогда как рядовому единоличнику возмещали 85 %, а колхозам и колхозникам — полностью. Вероятно, это единственный в истории случай социальной дискриминации в области страхования»¹⁴⁹³.

Информация о том, насколько регулярно делал платежи по окладному страхованию тот или иной член церковного совета или сотрудник прихода, в материалах следственных дел встречается, но в сравнении со сведениями о других налогах и сборах — реже. Чаще приходится встречаться с такими формулировками, как в справке об имущественном положении члена церковного совета Георгиевского храма села Ванилова Виноградовского района Московской области М.К. Емельянова, где указывалось, что до ареста ЕСХН и страховку платил исправно¹⁴⁹⁴. Следует отметить, что фактов уклонения от страховых платежей в 1930-х гг., насколько можно судить по имеющимся в распоряжении автора материалам, было относительно немного. Думается, это было связано с тем, что страхование крестьянами воспринималась как действие, способное принести практическую пользу, в отличие, например, от займов и ЕСХН.

Одной из форм экономического давления на крестьян, не желавших вступать в колхозы, стало так называемое *твердое задание*. После того, как сельсовет получал план сдачи государству продовольствия, он раскладывался по зажиточным единоличным хозяйствам. Выполнение этой раскладки называлось твердым заданием, а крестьянин, обязанный его выполнить, — твердозаданцем. Среди членов

---

¹⁴⁹³ Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2. С. 159–174.

¹⁴⁹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 23 об.

церковных советов большинства сельских храмов Подмосковья обнаруживается значительное число твердозаданцев.

После вступления в силу ряда постановлений СНК СССР, вводивших в действие и определявших порядок организации обязательных поставок государству продовольствия, а позже и шерсти, давление на единоличников не ослабло. Так, если для колхозных дворов норма мясопоставок, независимо от наличия скота, составляла 30 кг в год, то для единоличников – 60 кг. Различные нормы поставок существовали по сдаче молока и зерновых. Имевшиеся льготы – по возрасту, по социальному положению, по наличию участков для посевов и пр., на священнослужителей не распространялись. В сельской местности, богатой лесами, план по поставкам мог распространяться на лесо-дровозаготовки. Невыполнение обязательных поставок и твердых заданий грозило штрафами, продажей имущества и уголовным наказанием¹⁴⁹⁵.

Об объемах заготовок, доводимых до дворов членов приходских советов и духовенства, можно судить по следующим примерам.

Член церковного совета Михаило-Архангельского храма села Загорнова области В.П. Сысоев, имевший двух совершеннолетних сыновей, к моменту доведения задания до его двора сосланных и, таким образом, не могущих рассматриваться в качестве работников, согласно материалам дела, имел кулацкое хозяйство, имел 6 лошадей, которые работали в городе Москве, был раскулачен. Несмотря на то что фактически Сысоев оставался единственным работником в своем хозяйстве, до его двора был доведен план: хлебозаготовки – 180 пудов, заготовка дров – 95 куб. метров, мясо – 1 корову¹⁴⁹⁶.

До тех, кто не мог или не желал исполнять наложенные на них обязательства по поставкам, доводились твердые задания. В случае невозможности их выполнить твердозаданцы привлекались к принудительным работам. Не редким, но показательным примером может послужить привлечение к заготовке древесины в зимнее время года двоих немолодых священников соседних храмов

---

¹⁴⁹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39526. Л. 18–21.

¹⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49359. Л. 9.

Виноградовского района Московской области вместе с членами церковных советов.

О работе твердозаданцев подробно сообщается в протоколе допроса М.Ф. М-зова, руководителя работ по лесодровозаготовкам, на которых работали арестованные¹⁴⁹⁷. Его должность называлась «старший производственник в Ашитковском лесничестве». Показания М-зова начинаются с прямого определения классовой сущности твердозаданцев: «В моем участке Ашитковского лесничества работает группа быв. кулаков-торговцев и попов... На работах они больше заняты разговорами и отдыхами, поэтому не только не выполняют к сроку твердого задания, но не вырабатывают и своей ежедневной нормы». Приводит свидетель и расценки, согласно которым твердозаданцы должны вырабатывать 1 рубль 70 копеек в день, а вырабатывают 60 копеек и до 80 копеек в день, то есть выполняют норму на 40–48%, и это при том, что работают они на лесостроезаготовках, что гораздо легче, нежели пила дров¹⁴⁹⁸. Последнее замечание, вероятно, можно истолковать так, что указанная группа должна была валить строевой лес, но не распиливать его на дрова, что считалось более трудоемкой работой.

Одним из твердозаданцев, принудительно направленных на валку леса, был священник Василий Соболев, настоятель Богородице-Рождественского храма Пятницкого Погоста на речке Захаровке. Его личная норма составляла 30 кубометров леса. Прежде у него уже имелся опыт невыполнения твердого задания, за что он был осужден на один год лишения свободы с последующей ссылкой, но в мае 1930 г. по кассации освобожден. Причем, как следует из показаний священника, собственно в заключении он провел не год, а «незначительное время, пока длилось следствие», а основной срок – примерно полгода – ему пришлось отбывать в ссылке на Урале. Всего через несколько лет такой срок будет казаться невероятно кратким, но для немолодого человека – в 1930 г. отцу Василию исполнилось 47 лет – это было серьезным испытанием. Будучи в 1929/30 г. в ссылке на Урале, по его собственным словам, он там много

---

¹⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 50–52 об.

¹⁴⁹⁸ Там же.

перенес лишений на трудных работах, получил сильный ушиб и потерял здоровье¹⁴⁹⁹. Отметим, что твердое задание, которое не смог выполнить священник, за что и оказался в ссылке, составляло 200 пудов (более 3,2 тонны) картофеля. Очевидно, что, определяя такой объем твердого задания, местные власти могли иметь целью исключительно удаление священника из прихода, но никак не заставить его сдать картофель, которого у него в таком количестве быть просто не могло.

При этом некоторым твердозаданцам удавалось сдать государству и большие объемы продукции. Так, член церковного совета Михаило-Архангельского храма села Загорнова М.В. Гурьев доведенное до его двора задание – по хлебозаготовке – 240 пудов картофеля, по мясу – 5 ½ пуда, по дровозаготовке – 110 кубометров – выполнил¹⁵⁰⁰. На этом примере видно, что при отсутствии посевов зерновых единоличники могли в определенной пропорции заменять зерно картофелем.

Духовенство оказывалось в особенно тяжелом положении, так как, не имея возможности полноценно заниматься сельским хозяйством, вынуждено было обеспечивать государственные поставки в повышенном объеме. Имеются многочисленные примеры заявлений священников о снижении им норм поставок. В 1937 г. настоятель Георгиевского храма села Левычино священник Владимир Калинин обращается в Мособлисполком с просьбой разобрать его дело и сократить или снизить мясopоставку как инвалиду 2-й группы, имеющему двоих малолетних детей¹⁵⁰¹.

Сказанное свидетельствует о том, что духовенство, члены церковных советов и сотрудники приходов на протяжении всего рассматриваемого периода находились в положении постоянно усиливавшегося экономического давления со стороны государства, выражавшегося в ужесточении налогового бремени и во

---

¹⁴⁹⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-75839. Л. 119 об.

¹⁵⁰⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49359. Л. 25–26 об.

¹⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 24327. Л. 23.

введении ряда сборов, фактически имевших форму налогов, которые эти группы граждан должны были выплачивать по повышенным ставкам. Поводом для преследования приходского духовенства становится искусственное создание ситуации, когда священно- или церковнослужитель оказывался не в состоянии выплатить налагаемые на его хозяйство налоги. Невыполнение или несвоевременное выполнение налогов и сборов влекло за собой штрафы, распродажу имущества, поражение в правах и уголовное преследование, что в конечном итоге приводило к уничтожению прихода. Анализ приведенных документов позволяет утверждать, что, устанавливая повышенные ставки налогов и сборов для обложения «церковников», основной целью властей было не пополнение государственного бюджета, а создание такой экономической ситуации, когда они не смогут выполнить все наложенные на них обязательства, после чего к ним можно было применять различные санкции. Именно этим объясняется повышенный интерес органов ОГПУ и НКВД к высказываниям, которые позволяли себе служители культа и члены церковных советов по отношению к налоговой политике. Таким образом, разнообразные формы экономического давления на приходы видоизменялись в эффективный репрессивный инструментарий для их уничтожения.

4.3. Инвентаризация имущества церковных приходов Московской области в конце 1950-х гг.: экономический аспект

Масштабная инвентаризация церковных имуществ, предпринятая в конце 1950-х гг., стала одной из мер государственного воздействия, направленных на подрыв экономической устойчивости церковных приходов, осуществленных властями в рамках подготовки очередной антирелигиозной кампании.

Вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась началом нового витка гонений на Русскую православную церковь со стороны государства. Несмотря на продолжавшуюся хрущевскую «оттепель», период 1958–1961 гг. не без основания можно назвать первым этапом антицерковных репрессий Н.С. Хрущева¹⁵⁰². Он начался в октябре 1958 г. с принятием секретного Постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которое обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Государственным учреждениям предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин¹⁵⁰³. Для достижения этой цели властям требовалось решить ряд задач, первой из которых стала инвентаризация приходского хозяйства. Эта работа проводилась аппаратом Совета по делам Русской православной церкви. Ее результатом стал значительный по объему корпус отчетов о состоянии приходов, содержащих важные сведения об их жизни.

В 1945 г. СНК СССР секретным Постановлением предоставил РПЦ «ограниченные права юридического лица», выразившиеся в возможности отныне для приходских общин приобретать транспортные средства, производить и продавать церковную утварь и предметы религиозного культа. Кроме того, разрешалась аренда, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ¹⁵⁰⁴. Обращает на себя внимание, что все перечисленные действия Церковь могла совершать исключительно с разрешения государственных чиновников.

---

¹⁵⁰² Федотов А.А. Первый этап антицерковных репрессий Н.С. Хрущева (1958–1961 гг.) // Богослов.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/article/3698574> (дата обращения: 08.09.2022).

¹⁵⁰³ Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 379.

¹⁵⁰⁴ Постановление СНК СССР 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 153. Л. 249–250.

Наконец, сразу после войны советское правительство своим постановлением утвердило «Положение об управлении Русской православной церковью», которое было принято на Поместном Соборе РПЦ 31 января 1945 г. В принятом документе принципиальным являлся пункт о прерогативах настоятеля прихода. «Положение», вопреки Постановлению 1929 г., утверждало его право на руководство всеми сторонами жизни религиозной общины, в том числе и на распоряжение церковной кассой¹⁵⁰⁵.

Развернувшийся после смерти И.В. Сталина общий процесс частичной либерализации первоначально благотворно сказался на положении РПЦ. Выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей стали выпускать на свободу по амнистии, а затем и реабилитировать. Однако после XX съезда КПСС политическое положение Н.С. Хрущева упрочилось, и в партийных документах вновь появились антицерковные установки¹⁵⁰⁶.

Благоприятной была и общественно-политическая ситуация в стране. Поставленная XX съездом задача по борьбе с культом личности и его последствиями позволяла представить политику Сталина в отношении религиозных организаций как отступление от принципов марксизма («деформация церковной политики социалистического государства») и подвергнуть ревизии сложившиеся в 1940-е гг. взаимоотношения между властью и Церковью. Наступление на религию и Церковь логично вписывалось также и в контекст решения глобальной партийно-государственной задачи – строительства коммунизма, ведь его невозможно было построить без освобождения сознания людей от «религиозных предрассудков и суеверий». Особенностью новой кампании являлось то, что идеологическое наступление на религию было подкреплено законодательными актами, вновь менявшими правовое положение

---

¹⁵⁰⁵ Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник ЧелГУ. 2006. № 5. С. 138–149.

¹⁵⁰⁶ Остроухова Н.В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. № 47(1). С. 160–169.

РПЦ и направленными главным образом на подрыв ее материальной базы¹⁵⁰⁷. Все это послужило для партийных и комсомольских организаций, средств массовой информации своеобразным сигналом к началу нагнетания антирелигиозных настроений в советском обществе¹⁵⁰⁸.

В этих условиях секретное Постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», упоминавшееся выше, лишь констатировало изменение курса церковно-государственных отношений. Через несколько дней, 16 октября 1958 г., Совет Министров СССР принял еще одно секретное Постановление, касавшееся вопросов налогообложения церковных учреждений¹⁵⁰⁹, ужесточившее налоговое бремя монастырей и изменявшее систему налогообложения епархиальных управлений. Кроме того, этим Постановлением вводился налог с церковных строений.

Все перечисленное требовало инвентаризации имущества Церкви, и приходские хозяйства, во-первых, в силу их многочисленности и, во-вторых, в силу их положения основного, базового звена всего церковного механизма оказались в центре внимания чиновников Совета по делам РПЦ. Следует отметить, что церковные приходы, действовавшие в послевоенный период как в целом по европейской части СССР, так и по отдельным областям, были распределены весьма неравномерно. Например, в Московской области сразу после войны насчитывалось, по разным данным, 153 действовавших прихода¹⁵¹⁰. Наибольшее число не закрывавшихся храмов располагалось в Раменском районе. Здесь

---

¹⁵⁰⁷ Чумаченко Т.А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник ЧелГУ. 2006. № 5. С. 138–149.

¹⁵⁰⁸ Кашеваров А.Н. Пропагандистский аспект антицерковной кампании 1958–1964 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 4. С. 86–93.

¹⁵⁰⁹ Постановление СМ СССР 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» // Азбука [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-2/2_105 (дата обращения: 08.09.2022).

¹⁵¹⁰ ЦГАМО. Ф, 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 97, 98.

действовало 14 церквей. Затем следовал Щелковский район с 9 церквами. В некоторых районах имелось по 2–3 храма, а в большинстве районов Подмосковья действовавших храмов не было вовсе¹⁵¹¹.

Ревизии подвергались все действовавшие в Московской области приходы. В целях осуществления этого впечатляющего по своим масштабам предприятия Советом по делам РПЦ были разработаны типовые бланки с вопросами для распространения их через своих уполномоченных по приходам всех областей, краев и автономных республик СССР. Эти бланки составляли так называемые «Наблюдательные дела на культовые здания (помещения), принадлежащие религиозным объединениям (общинам)». Следует отметить, что сотрудники Совета, разрабатывавшие форму бланков, несомненно, брали за основу клировые ведомости, ежегодно заполнявшиеся всеми приходами в Синодальный период и в первые годы после революции. Почти все «Наблюдательные дела» сохранились в архивах. «Наблюдательные дела» по храмам Московской области отложились в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) в фонде 7383 (Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Московской области).

Рассмотрим эти материалы на примере нескольких храмов Подмосковья. Типовое «Наблюдательное дело» состояло из трех обязательных документов: «Единовременный учет религиозного объединения (общества, группы), форма № 1»; «Регистрационная анкета на действующую церковь»; «Сведения о церковной сторожке». Помимо этих документов, в деле должна была присутствовать фотография храма, однако не во всех архивных материалах фотографии сохранились.

Первый документ «Наблюдательного дела» – «Единовременный учет религиозного объединения» – представлял собой двусторонний бланк, в котором отражались сведения о приходе. Здесь, как и в дореволюционных клировых ведомостях, имелись, например, вопросы о составе причта и о недвижимом

---

¹⁵¹¹ Никонов В.В., Новак В.Н., иер. Очерки истории Михаило-Архангельского храма села Константиново Бронницкого благочиния Московской епархии. М., 2013. С. 150.

имуществе, принадлежавшем храму. Были и отличия, главным из которых можно считать такое: если клировые ведомости заполнялись и подписывались всеми членами причта, то «Единовременный учет» вообще не предполагал подписи заполнявшего его лица, но утверждался сотрудником исполкома местного районного Совета депутатов. Надо сказать, что некоторые формулировки советского документа у воцерковленного человека могли вызвать недоумение.

Первый пункт «Единовременного учета» гласил: «Название религиозного культа». Очевидно, что сюда логичным было бы вписать: «Православие» или «Русская православная церковь». Но в этой графе указывалось название храма. Таким образом, к примеру, Покровская¹⁵¹² или Троицкая¹⁵¹³ церковь оказывались не определенными храмами, а символизировали собой всю Церковь.

Так же, не вполне корректно с церковной точки зрения, формулировалась графа «Число служителей культа». В документе имелась сноска, сообщавшая, что к этой категории следовало относить в православных церквах – священников, дьяконов и псаломщиков. Между тем Церковь разделяет понятия «священнослужитель» и «церковнослужитель», относя священников и диаконов к первым, а псаломщиков – ко вторым. Неожиданным выглядит и то, что «органистов, регентов, хористов, церковных старост, казначеев, счетоводов, просвирен, секретарей, сторожей, уборщиц, истопников, слесарей, электриков и дворников» составитель бланка «Единовременного учета» отнес к единой категории обслуживающего персонала.

Важной информацией, содержащейся в документе, представляется дата регистрации храма «в органах власти». Для сельских районов Подмосковья это, как правило, был 1919 г. Дата свидетельствует о том, что именно в этом году был составлен первый договор о регистрации религиозной общины, о котором говорилось выше.

Следующим документом дела была «Регистрационная анкета на действующую церковь». Этот документ имел значительно больше общих черт с

---

¹⁵¹² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.5. Д. 33. Л. 1.

¹⁵¹³ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.5. Д. 33. Л. 163.

дореволюционными клировыми ведомостями. В анкете указывалось полное наименование храма со всеми приделами, его месторасположение, год постройки и «начала действия», материал, из которого он был выстроен, перечень селений, входивших в приход, с указанием расстояний до наиболее дальнего, ближайшие действующие храмы и некоторые другие сведения, всегда присутствовавшие в клировых ведомостях.

Ряд данных, приводимых в анкете, недвусмысленно выражал главные цели оформления всего дела: надзор и контроль. К таким данным можно отнести расписание богослужений, число совершаемых в течение одного года таинств крещения и венчания и максимальное число верующих, посещающих храм по большим праздникам.

Обращает на себя внимание, что при указании названия храма и приделов анкета требовала в каждом случае уточнять дату престольного праздника. Например, в регистрационной анкете Вознесенского храма в селе Речицы это выглядело так:

1) Религиозное название по главному приделу и дата престола: Вознесенская (на 40 день Пасхи).

2) Названия других приделов и дата их престолов: Казанский (21/VII и 4/XI); Георгиевский (6/V и 9/XII); Петро-Павловский (12/VII)¹⁵¹⁴.

Возникает вопрос: зачем понадобилось указывать эти даты в анкете? Небезосновательным представляется предположение, что делалось это для того, чтобы контролирующие органы имели информацию о том, что, во-первых, в эти дни в храме верующих будет больше, чем обычно, и, во-вторых, будет организован крестный ход, разрешение на который в каждом случае требовалось оформлять у местных властей. Проведение же крестного хода без получения соответствующего разрешения грозило приходу различными санкциями, тяжесть которых в разные времена могла быть разной, но в любом случае это давало властям повод для дополнительных нападков. Кроме того, престольные праздники традиционно

---

¹⁵¹⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.5. Д. 33. Л. 83.

собирали в храме наибольшее число верующих, что в сравнении с обычными, в том числе даже с воскресными, днями резко, в разы, повышало церковный доход, контролировать который власти стремились неуклонно.

В анкете в обязательном порядке отмечалось состояние церковного здания, необходимость текущего или капитального ремонта, производился ли таковой и какая сумма была на него потрачена. Кроме того, в анкете имелась информация об инженерном оборудовании храма: системе водоснабжения, отоплении, наличии телефона и пр. Эти сведения, помимо того что имели прямое отношение к инвентаризации приходского хозяйства, могли дать косвенную информацию о благосостоянии прихода и, как следствие, о его численности. Этот вопрос был одним из главных, ибо ответ на него позволял не только определить экономическое состояние прихода, но и составить представление об уровне религиозности общества в целом.

В течение всего советского периода отечественной истории власти стремились иметь актуальную информацию о посещаемости храмов. Для достижения этой цели использовались самые разнообразные инструменты – от прямых опросов до внедрения осведомителей в церковную среду¹⁵¹⁵. В 1920–1930-х гг. эту функцию до известной степени выполняли сведения, ежегодно собиравшиеся в рамках подготовки к заключению договоров о перерегистрации религиозных обществ (объединений). С образованием Совета по делам РПЦ в 1943 г. сбор такой информации стал входить в обязанности уполномоченных Совета, которые ежеквартально составляли соответствующие справки для его председателя¹⁵¹⁶.

Когда при заполнении анкеты в конце 1950-х гг. настоятелям задавался вопрос о посещаемости храмов, то с ответом на него у священников часто

---

¹⁵¹⁵ Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. I. Раменская волость. Гжель, 2016. – С. 156, 157.

¹⁵¹⁶ Никонов В.В. Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозности москвичей в 1944–1946 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3 (59).

возникали определенные трудности, так как невозможно было вывести некое среднее арифметическое из числа прихожан в будни и в праздники. Между тем, в той же регистрационной анкете максимально возможное наполнение храма советскими чиновниками уже было подсчитано. Делалось это так: бралась площадь храма без алтаря в квадратных метрах и умножалась на 4. Например, площадь Никитского храма в селе Строкине составляла 316 кв. м. Из общей площади вычиталась площадь алтаря, и оставшиеся 284 кв. м умножались на 4, так как, по мнению сотрудников Совета по делам РПЦ, четверым верующим для «удовлетворения своих религиозных потребностей» вполне хватало одного квадратного метра площади. Получалось, что храм мог вместить 1144 человека¹⁵¹⁷. Властям не было дела до того, что такая плотность не давала возможности не только встать на колени, но даже спокойно перекреститься, не говоря уже о том, что на упомянутых 284 метрах было необходимо разместить по меньшей мере свечной ящик, подсвечники, канунный стол и самую необходимую мебель. Документы о строительстве этого храма свидетельствуют, что в середине XIX в., когда он проектировался и строился, предполагалось, что его вместимость составит до 390 человек в холодной части и 210 – в теплой¹⁵¹⁸, то есть в три раза меньше летом и в шесть раз меньше зимой, чем через сто лет, когда за подсчеты взялись чиновники Совета по делам РПЦ.

Такая система расчета вместимости храмов применялась повсеместно. Внутренняя площадь Вознесенского храма в Речицах составляла 424 кв. м, что при норме 4 чел. на 1 кв. м, согласно анкетным данным, позволяло оценивать его вместимость в 1696 человек. Никольский храм в Малышеве площадью 256 кв. м должен был вмещать 1024 человека, а Троицкий в Удельной – 940 человек. Разумеется, столько верующих в храме разместить было просто невозможно, но даже при меньшем числе участвующих в богослужениях ряд документов

---

¹⁵¹⁷ Регистрационная анкета на действующую церковь. Православная церковь в селе Строкине. 1959 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 33. Л. 105.

¹⁵¹⁸ Дело о постройке новой каменной церкви в погосте Лужках Бронницкого уезда. 1854–1858 гг. // ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 438. Д. 11. Л. 8.

свидетельствует о многочисленных обмороках, периодически случавшихся от переполненности храмов.

Описанная ситуация помогает понять, почему ответить на вопрос о посещаемости храмов настоятелям было непросто. В самом деле, при такой высокой расчетной вместимости церковного здания уменьшить число прихожан значило дать повод властям задуматься о закрытии храма. Зависеть тоже нельзя: возникнет ненужный интерес к церковным доходам. В анкете Вознесенского храма в Речицах указано, что храм посещают по воскресеньям до 60 чел., по праздникам – до 100 чел. Сегодня трудно оценить, насколько эти цифры соответствовали действительности, но если они даже и отличались от реальных, то ненамного.

Отдельной строкой в регистрационных анкетах шла информация о требах. Надо сказать, что довольно жесткая политика властей в отношении посещаемости храмов была куда сдержанней, нежели в отношении исполнения треб. Логика представлялась следующей: в церковь ходят «темные старухи», которых не переделать и которых скоро не станет. Антирелигиозную работу необходимо сосредоточить на атеистическом воспитании молодежи. Поэтому во всех отчетах, скрупулезно собиравшихся Советом по делам РПЦ, особенное внимание уделялось не только общему числу присутствовавших на том или ином богослужении, но и тому, сколько там было молодежи. Известны случаи, когда перед главными церковными праздниками храмы окружали дружинники, которым давались указания пропускать в церковь людей старшего возраста и не пропускать молодежь¹⁵¹⁹. Очевидно, что «забота» о молодежи заставляла государство особенно пристально присматриваться к числу крещений и венчаний, так как именно эти таинства совершаются над молодыми людьми, вступающими в брак, и над младенцами, родители которых также молоды. Необходимо добавить, что родителей, крестивших своих детей, могли ожидать неприятности на работе. В Московской области, кстати, контроль был еще не таким суровым, как в Москве, где за этим следили строже. Результатом такой политики в 1960–1970-х гг. стало

---

¹⁵¹⁹ Толмачева И.А. Храм святого великомученика Георгия села Игнатьево. Исторический очерк. Гжель., 2016. – С. 194, 195.

то, что многие молодые мамы и папы возили крестить своих детей в соседние области – Рязанскую, Калужскую, Тульскую. В архивах сохранились отчеты Совета по делам РПЦ с данными о таких поездках. Поэтому, чтобы не привлекать внимания властей, цифры этих «молодежных» таинств часто занижали. Согласно анкете, в Троицкой церкви в Удельной совершалось крестин – до 18, свадеб – до 50 в год, в Вознесенской села Речицы – до 4 крещений и до 15 венчаний в год, а в Покровской села Игумново в 1958 г. было всего два венчания и трое крестин. И это при том, что, хотя перечисленные храмы и располагались в сельской местности, общее число жителей населенных пунктов, входивших в территорию, охватывавшуюся приходом каждой, исчислялось десятками тысяч человек.

Третьим документом наблюдательного дела были Сведения о церковной сторожке. Казалось бы, что здесь могло представлять интерес для Совета по делам РПЦ, ведь церковная сторожка, которая к тому же имелась не во всех приходах, представляла собой, как правило, относительно небольшое, отдельно стоящее здание, часто довольно ветхое, так как если у прихода появлялись какие-либо средства, то они расходовались в первую очередь на ремонт храма, а сторожки ремонтировались по остаточному принципу. Между тем для властей сторожки представляли интерес по простой причине: они являлись объектом налогообложения. Какой бы ветхой сторожка ни была, по документам она являлась зданием, принадлежавшим Церкви и расположенным, как правило, внутри церковной ограды, что давало основания брать за ее использование налог. Надо сказать, что в некоторых случаях церковные сторожки и в самом деле представляли собой добротные дома, в которых проживали сотрудники храма. Например, в сторожке при Покровском храме села Игумнова, состоявшей из двух отдельных помещений, проживали настоятель храма и местный учитель со своими семьями¹⁵²⁰. В редких случаях, особенно после выхода Постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям», которое предоставляло приходам некоторую экономическую

---

¹⁵²⁰ Сведения о церковной сторожке. Покровская церковь села Игумново. 22 декабря 1959 г. // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.5. Д. 33. Л. 6.

самостоятельность, церковные сторожки строились вновь. Но чаще это были старые дореволюционные постройки, а иногда – переделанные под жилье сараи. Были и неожиданные решения, такие, как, например, с церковной сторожкой в селе Строкине при Никитском храме. В 1957 г. ее перестроили из закрытой властями часовни¹⁵²¹.

Завершая рассмотрение «Наблюдательных дел» конца 1950-х гг., необходимо отметить, что в их материалах нашли отражение не только церковные здания и сторожки. Учету подлежали все постройки, имевшиеся на приходе. К ним относились гаражи, сараи, хозяйственные помещения и даже уборные. Если какой-либо приход имел автомобиль, что ко второй половине 1950-х гг. уже не было редким явлением, то это также отмечалось. Все приходское имущество в обязательном порядке страховалось. Сумма страховой оценки фиксировалась в регистрационной анкете.

Приведенные факты о масштабной инвентаризации церковных имуществ, предпринятой в конце 1950-х гг., позволяет сделать вывод о том, что она стала частью нового этапа гонений на Церковь. После недолгого периода затишья в церковно-государственных отношениях и относительной их либерализации неизбежно наступали времена реакции, о причинах которой говорилось выше. Репрессивный характер описанной в настоящей статье работы был обусловлен уже тем, что целью проводившейся инвентаризации было усиление экономического давления на Церковь в целом и на первичное и основное ее звено – приход. Кроме того, документы, составившие «Наблюдательные дела», показывают, что одновременно со сбором сведений о материальных ценностях, которыми владели религиозные объединения, власти в очередной раз предприняли попытку мониторинга церковной деятельности на приходском уровне – выяснения масштабов религиозности населения и степени его вовлеченности в церковную жизнь.

---

¹⁵²¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп.5. Д. 33. Л. 108.

В этом смысле инвентаризация церковного имущества конца 1950-х гг. преследовала не только экономические цели. Эту работу вполне можно было рассматривать как основу для обширного социологического исследования. Полученные результаты давали дополнительные основания для очередного витка пропагандистской антирелигиозной работы и усиления политического прессинга на Церковь. С этой точки зрения не случайным представляется принятие уже в январе 1960 г. Постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», призывавшего партийные организации и их руководителей активно бороться с пассивной позицией в рядах коммунистов по отношению к враждебной марксизму-ленинизму религиозной идеологии. Принятие этого документа послужило новым толчком для повсеместного развертывания пропагандистской антирелигиозной кампании, которая проводилась не только в новых политических условиях, но и уже на новой идеологической основе. Если в 1920–1930-е гг. отношение к Церкви определялось на базе видения ее в качестве «классового врага», а борьба с ней рассматривалась как составная часть борьбы за социализм, то в послевоенные годы это отношение к Церкви в основном было преодолено. На рубеже 1950–1960-х гг. ему на смену пришло определение Церкви как реакционного, идеологически чуждого социализму и коммунизму явления¹⁵²².

***

Усилия по подавлению нормального функционирования церковных приходов экономическими методами предпринимались большевиками с первых месяцев после прихода к власти, а если рассматривать Декрет «О земле», принятый 26 октября 1917 г., как меру, направленную в том числе и на лишение Церкви одного из основных источников своего благосостояния, то с первого дня. В дальнейшем Церковь лишалась практически всех средств к существованию и одновременно своего имущества, которое также не могло быть использовано в

---

¹⁵²² Кашеваров А.Н. Пропагандистский аспект антицерковной кампании 1958–1964 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 4. С. 86–93.

качестве инструмента для какой-либо хозяйственной деятельности. Положение усугублялось наступавшей разрухой, отсутствием продовольствия, безработицей и инфляцией.

Первыми пострадали различные церковные попечительства, существовавшие за счет добровольных взносов и поступлений в епархиальную казну от приходов. Священноначалие Московской епархии предпринимало отчаянные попытки продолжить их поддержку, призвав приходы, главным образом сельские, перевести остававшиеся у них средства на помощь нуждающимся, но долгосрочного эффекта эти меры не дали. Этот период стал единственным за весь советский период церковной истории, когда приходы ненадолго оказались в более выигрышном положении в сравнении с центральными органами церковного управления. Одновременно с этим епархиальное начальство своими распоряжениями пыталось облегчить приходам необходимость приобретения некоторых продуктов, используемых при богослужении, ставших недоступными. Эти распоряжения следует считать мерами поддержки приходской жизнедеятельности.

Следующим актом экономической атаки на церковные приходы стало изъятие церковных ценностей весной 1922 г. Помимо того что главной целью этого мероприятия было устрашение, о чем прямо заявлял В.И. Ленин в своем письме членам Политбюро 19 марта 1922 г., изымая церковные ценности, большевики намеревались аккумулировать «несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов)»¹⁵²³. Дальнейшее развитие событий показало, что эти представления оказались в значительной степени преувеличенными, но то, что Церковь лишилась большей части своего имущества в виде изделий из драгоценных металлов и минералов, факт неоспоримый. Что касается приходов Московской области, в первую очередь сельских, то они

---

¹⁵²³ Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви. 19 марта 1922 г. // Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1997. С. 140–144. Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/27230> (дата обращения: 17.09.2023).

пострадали наибольшим образом, так как в некоторых из них не имелось второго комплекта богослужебных предметов, которыми можно было бы заменить изъятые. Приходилось в спешном порядке заменять их менее дорогими, но и на них требовались средства. Попытки «откупиться» от уездных комиссий ПОМГОЛа собираемым прихожанами золотым и серебряным ломом и даже продуктами питания цели не достигали.

Налоговая политика советской власти по отношению к церковным приходам была дискриминационной. Все налоги, налагавшиеся на приходы, можно разделить на две большие группы: налогообложение храмовых зданий и земли, на которой они располагались, и налогообложение духовенства. К последней группе уместно отнести также повышенное налоговое бремя, налагавшееся на крестьян-единоличников, которые, как правило, составляли приходские советы и костяк религиозной общины. О том, насколько непосильными были налоги, которыми облагались церковные здания, писал заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) председателю постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу: «Страховое обложение церквей, особенно в сельских местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковным зданием»¹⁵²⁴. Размер налогового бремени был таким, чтобы создать максимальные трудности для его выплаты. Постепенное экономическое ослабление прихода предполагало в дальнейшем невозможность его существования. Кроме того, неуплата налога на храм использовалась государством в репрессивных по отношению к верующим целях.

Подобная ситуация наблюдалась с налогообложением духовенства и сотрудников приходов, которые, помимо собственно налогов по повышенным ставкам, облагались также различными обязательными сборами, многие из

---

¹⁵²⁴ Памятная записка Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия [Страгородского] о нуждах Православной Патриаршей Церкви в СССР. Для тов. П.Е. Смидовича. // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 689, 670.

которых можно считать скрытой формой налогообложения. Только по размеру ЕСХН (единого сельхозналога) на рубеже 1920–1930-х гг. выплаты священнослужителя превышали выплаты крестьянина в 60 раз.

ЕСХН был не единственным налогом, который обязаны были выплачивать по повышенным ставкам служители культа. На них распространялось обязательное самообложение – особая форма налога для покрытия затрат на постройку школ, больниц, улучшение дорог и другие культурные и хозяйственные нужды деревни. Кроме этого, с них взимался так называемый культсбор (единовременный сбор на нужды хозяйственного и культурного строительства в сельских районах), а также от них требовалось активное участие во всевозможных государственных займах, которые, несмотря на формальную добровольность, к середине 1930-х гг. уже воспринимались как дополнительные налоги, по которым даже формировалась задолженность. В следственных делах начала 1930-х гг. можно встретить обвинение не просто в уклонении от подписки на займы, но якобы имевшую место агитацию против такой подписки. Приходские священники в обязательном порядке подписывались на займы, но не всегда могли их выполнить.

Отдельной формой экономического давления на крестьян, не желавших вступать в колхозы, стало так называемое твердое задание. Среди членов церковных советов большинства сельских храмов Подмосковья обнаруживается значительное число твердозаданцев.

Поводом для преследования приходского духовенства, становится искусственное создание ситуации, когда священно- или церковнослужитель оказывался не в состоянии выплатить налагавшиеся на его хозяйство налоги. Невыполнение или несвоевременно выполнение налогов и сборов влекло за собой штрафы, распродажу имущества, поражение в правах и уголовное преследование, что в конечном итоге приводило к уничтожению прихода.

В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, а в 1945 г. СНК СССР секретным постановлением предоставил РПЦ «ограниченные права юридического лица». Это дало

возможность религиозным объединениям приобретать имущество, в том числе и дорогостоящее, производить и продавать церковную утварь и предметы религиозного культа, разрешалась аренда, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей, хотя и с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ. Во второй половине 1950-х гг. в издательстве Московской Патриархии впервые после 1917 г. большим тиражом печатается Новый Завет, мгновенно разошедшийся по приходам. Эти послабления вскоре привели к налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако на пороге антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., власти проводят инвентаризацию церковного приходского имущества храмов Московской области с целью выявления уровня благосостояния приходов и определения налоговой базы для выстраивания дальнейшей церковно-экономической политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Церковный приход представляет собой базовый структурный элемент церковного устройства, и, несмотря на кардинальные изменения положения Церкви в государстве после 1917 г., сущностное положение прихода осталось прежним. Функции и место прихода в церковном и государственном устройстве подробно обсуждались в период работы предсоборных присутствия и совещания в начале XX в. в рамках подготовки к Поместному собору Русской Церкви. Соборный отдел «О благоустройении прихода» стал одним из самых обширных среди прочих отделов, в которых велась работа Собора. Роль церковного прихода как важнейшего элемента церковного организма осознавалась на государственном уровне и после 1917 г., что подтверждается значительным корпусом декретов и постановлений, регулирующих его положение в советском государстве. Государственное законодательство в церковных вопросах в контексте становления и развития новой советской государственности в большинстве своих нормативных актов прямо или косвенно касалось вопросов регулирования приходской жизни и положения приходов. Несмотря на то, что понятие «церковный приход» исчезло из всех законодательных актов, и было заменено эвфемизмами, такими как религиозные группы, общества, общины и объединения, сущностные свойства прихода изменениям практически не подверглись, и он по-прежнему воспринимался советскими властями как основная мишень в государственной антицерковной политике. В последние предвоенные годы, когда ее дальнейшее существование было вопросом дискутируемым, и на своих кафедрах оставалось всего 4 епископа, Церковь фактически представляла собой конгломерацию немногочисленных и неравномерно распределенных по территории СССР приходов, сохранявших, при этом, практически все элементы канонического церковного устройства. Уничтожение церковного прихода, таким образом, означало бы фактически уничтожение Церкви.

Именно поэтому в фокусе политики советской власти в отношении Церкви оказались именно приходы. В 1918–1958 гг. целенаправленная деятельность по разрушению приходов и горизонтальных связей между ними проводилось одновременно по четырем направлениям: административному, пропагандистско-идеологическому, репрессивному и экономическому.

Административное воздействие на жизнедеятельность церковных приходов Московской губернии/области в 1918–1958 гг. предполагало решение двух основных задач: регулирование церковной жизни и установление постоянного контроля за всеми ее проявлениями. Методы, используемые для решения этих задач, варьировались в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации.

Администрирование церковной приходской жизни в СССР в 1918–1958 гг. разбивается на три периода. Первый период начался в 1918 г. с вступлением в действие Декрета «Об отделении церкви от государства», и закончился в апреле 1929 г. с выходом Постановления ВЦИК «О религиозных объединениях». Большую часть этого времени вопросы государственного администрирования церковной деятельности были возложены на Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б). Вторым периодом, связанным с деятельностью Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, продолжался до осени 1943 г., когда в государственно-церковных отношениях произошли существенные изменения. Третий период начался с образования Совета по делам Русской Православной Церкви (1943 г.) и завершился в 1958 г. с началом нового витка антицерковной политики. Этим периодам соответствовали задачи принуждения, подавления и полного подчинения Церкви государству, которые в целом можно считать решенными.

Администрирование церковно-приходской жизнедеятельности осуществлялось в трех основных формах: принуждения, манипулирования и репрессирования. Эти формы использовались властями в трех выделенных периодах по-разному, в соответствии с задачами каждого из них. Наиболее радикальной формой администрирования приходской жизнедеятельности было административное репрессирование, выразившееся в ее прекращении путем

закрытия храмов. Формальные причины и механизм закрытия храмов с течением времени видоизменялись, но общий тренд в сторону увеличения числа закрываемых храмов прослеживается до последних предвоенных лет. Непосредственно перед началом Великой Отечественной войны, в июне 1941 г., в Подмоскowie оставались действовавшими 105 храмов, что превышало аналогичные показатели по другим административно-территориальным объединениям СССР, включая г. Москву. К маю 1945 г., с учетом вновь открытых, это число достигло 153, что также выделяло Московскую область среди иных городов и областей.

Пропагандистско-идеологическое направление государственной политики в отношении церковных приходов реализовывалось на протяжении всего периода государственного атеизма в форме мощной антирелигиозной и антицерковной пропаганды, с целью воздействия на верующих и их отторжения от Церкви. Воздействие осуществлялось на нескольких уровнях. Прежде всего, следует выделить общегосударственный уровень, на котором, посредством принятия ряда декретов и постановлений, верующим постоянно транслировалось сообщение, что, несмотря на официально декларируемый принцип свободы совести, политика советского государства не предполагает никакой поддержки Церкви, что являлось антицерковной пропагандой само по себе. Следующим уровнем был уровень информационный, включавший в себя создание и тиражирование многочисленных и разнообразных по содержанию антирелигиозных текстов, направленных на изменение представлений о мироустройстве с религиозного на вульгарно-материалистический. Третьим уровнем следует считать уровень эмоциональный, на котором верующих настойчиво убеждали, что Церковь и ее служители представляют собой реакционную паразитическую структуру, враждебную интересам человека труда. В числе инструментов, с помощью которых перечисленные пропагандистские составляющие доводились до верующих на приходах, можно выделить, прежде всего, прессу – центральную и уездную/районную, а также выступления и диспуты с приглашаемыми лекторами

или местными активистами, театрализованные постановки и карнавальные шествия, разнообразную печатную продукцию.

Если в первые годы советской власти антирелигиозная и антицерковная пропаганда носила спонтанный характер, то с сер. 1920-х гг. для ее консолидации и структурирования был образован Союз воинствующих безбожников. Его создание преследовало две цели. Во-первых, разработку и распространение пропагандистских антирелигиозных методик и материалов по всей территории СССР и, во-вторых, вовлечение в свои ряды максимального числа граждан. Проведенный анализ показал, что со второй задачей СВБ на территории Московской губернии/области не справился. Местные жители, независимо от того, были они верующими или нет, в работе ячеек СВБ участия принимать не желали, а те, которых удавалось вовлечь в члены СВБ, массово манкировали своими обязанностями. Говорить о существенном влиянии СВБ на состояние приходов Московской губернии/области, не приходится.

В отличие от методов работы СВБ, в основном довольно прямолинейных, а зачастую – кощунственных и оскорбительных, не только для верующих, но даже и для религиозно-индифферентно настроенных граждан, значительно более изощренной формой пропагандистской атаки на Церковь стала организация нескольких раскольнических движений. Обновленческий раскол среди них оказался самым массовым и разрушительным, так как фактически представлял собой идеологическую диверсию, направленную на подрыв доверия верующих к патриаршей Церкви и переход в искусственно созданное квазицерковное образование с пробольшевистской идеологией – «красную церковь», как его стали называть почти сразу после создания. Первоначальное вовлечение в обновленческий раскол в 1922–1923 гг. значительного числа приходов Московской губернии вскоре сменилось массовым возвращением в патриаршую Церковь. В Московской области наибольшее число обновленческих приходов находилось на присоединенных к ней территориях бывших Тульской и Рязанской губерний.

Антирелигиозная и антицерковная пропаганда не прекращала своего воздействия на верующих в течение всего расстраиваемого периода, однако

эффективной в полной мере ее деятельность признать нельзя. Наиболее выразительным доказательством этому являются данные переписи населения СССР 1937 г., согласно которым более половины всех принявших в ней участие, заявили о своей религиозности.

С первых месяцев прихода к власти большевиков против лиц, объединенных под общим названием «церковников», начинают использоваться репрессивные меры. На приходском уровне репрессии по церковно-религиозному признаку проводились в отношении лиц, соответствовавшим определенным критериям. Ими становились представители духовенства, члены церковных советов, сотрудники приходов, активные прихожане, а также бывшие члены православных объединений.

Периодизация политических преследований приходского духовенства и мирян соответствует периодам работы силовых советских органов, в чьи задачи входило в том числе и подавление деятельности «церковников». Исходя из этого, можно выделить 3 основных периода.

Первый период ограничивается 1917–1934 гг. и характеризуется деятельностью таких силовых структур, как Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК при СНК РСФСР), Государственное политическое управление (ГПУ при НКВД РСФСР) и Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ при СНК СССР). В этот период наблюдается поиск форм воздействия на «церковников», причем перманентного ужесточения репрессий не наблюдается. Напротив, в середине 1920-х гг. даже имеет место некоторое ослабление силового давления. Репрессии в этот период не всегда были связаны с лишением свободы, но предполагали и иные формы принуждения, такие как лишение избирательных прав и обязательность службы в тыловом ополчении. Кроме того, в этот период начинает складываться система репрессивных мер, которая получит развитие в дальнейшем, включавшая в себя такие формы, как тюремное заключение, высылка, ссылка и высшая мера наказания.

Второй период связан с деятельностью Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР, в состав которого в 1934 г. вошло ОГПУ, и охватывает

временной промежуток до 1946 г., когда НКВД был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД). Задачей репрессивной политики этого периода, помимо устрашения, являлось подавление церковной жизни вплоть до ее прекращения через физическое устранение духовенства и верующих. Второй период государственной репрессивной политики характеризуется формированием образа «врага народа», в числе которых оказываются «церковники», а единожды осужденный по церковно-религиозному признаку, становился в разряд потенциальных обвиняемых в контрреволюционной деятельности. В этот период в Московской области было арестовано и расстреляно наибольшее число священнослужителей и мирян и закрыто храмов.

Нижняя граница третьего периода определяется созданием в марте 1946 г. Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР, и с этого же года в Московской области фиксируется выраженный рост преследований «церковников». Характерными обвинениями арестованных в 1946 г. стали принадлежность к катакомбным церковным объединениям, главным образом – к «истинно-православной церкви» (ИПЦ), и так называемым «церковно-монархическим центрам». Многие, репрессированные прежде по церковно-религиозному признаку, оказываются вновь осужденными как «повторники».

Несмотря на непрекращавшиеся с 1917 г. по 1950-е гг. репрессии против «церковников», достигавшие в период Большого террора исключительной массовости и жестокости, можно констатировать, что своей цели – сокращения числа верующих и их разобщения – они не достигли. Об этом свидетельствуют статистические сведения, содержащиеся в отчетах уполномоченных Совета по делам РПЦ и, в частности, уполномоченного по г. Москве и Московской области, фиксирующие рост религиозности как в городских, так и в сельских приходах.

Необходимо отметить, что предложенные в работе периодизации различных аспектов реализации политики советского государства в отношении Церкви в целом и ее приходов на территории Московской области, в частности, не всегда совпадают между собой и с некоторыми историческими вехами советской истории. Эта асинхронность обусловлена спецификой рассматриваемых процессов,

детерминированных рядом внутри- и внешнеполитических факторов. При этом, в ряде случаев границы рассматриваемых периодов совпадают.

Проведенный анализ экономической политики советской власти в направлении разрушения церковного прихода путем подрыва его экономики показал эффективность этого метода в деле борьбы с Церковью. Декрет «О земле», принятый 26 октября 1917 г. (за 3 месяца до Декрета «Об отделении церкви от государства»), лишивший Церковь одного из основных источников благосостояния – земельных угодий, следует считать первой мерой подавления церковных приходов экономическими методами. В дальнейшем Церковь законодательно лишалась практически всех средств к существованию и, одновременно, своего имущества, которое не могло быть использовано в качестве инструмента для какой-либо хозяйственной деятельности.

Налоговую политику советской власти по отношению к церковным приходам следует считать дискриминационной. Трудности, с которыми сталкивался приход при выплате налогов, создавались властями с очевидной целью ослабить приход, а в случае длительной просрочки – прекращения его деятельности путем расторжения договора на пользование храмом и храмовым имуществом. Поводом для преследования приходского духовенства в 1920–1930-х гг. становится искусственное создание ситуации, когда священно- или церковнослужитель оказывался не в состоянии выплатить налагаемые на его хозяйство налоги. Невыполнение или несвоевременно выполнение налогов и сборов влекло за собой штрафы, распродажу имущества, поражение в правах и уголовное преследование, что в конечном итоге приводило к уничтожению прихода.

В последние предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны экономическое давление на немногочисленные оставшиеся действовавшими приходы ослабевает, а в 1945 г. СНК СССР секретным постановлением предоставил РПЦ «ограниченные права юридического лица». Это дало возможность религиозным объединениям приобретать имущество, в том числе и дорогостоящее, производить и продавать церковную утварь и предметы

религиозного культа, разрешалась аренда, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей, хотя и с разрешения уполномоченных Совета по делам РПЦ. Эти послабления вскоре привели к налаживанию приходской хозяйственной жизни. Однако в 1958 г., в преддверии хрущевской антирелигиозной кампании, власти проводят инвентаризацию церковного приходского имущества храмов Московской области с целью выявления уровня благосостояния приходов и определения налоговой базы для выстраивания дальнейшей церковно-экономической политики.

Говоря о разрушении церковного прихода как о промежуточной цели советского государства в деле борьбы с Церковью, можно констатировать, что эта цель не была достигнута, в значительной степени в силу продемонстрированной приходами своей исключительной жизнеспособности. Административные, экономические и даже репрессивные методы воздействия не дали ожидаемого результата, и приходы, сокращаясь количественно, продолжали свое существование даже в самые тяжелые для Церкви годы Большого террора, сохраняя организационно и сущностно полное соответствие нормам, принятым Поместным Собором 1917–1918 гг. Что же касается агитационно-пропагандистских мер по отношению к верующим, то их несостоятельность стала очевидной для властей уже в конце 1920-х гг., когда постепенно стала прекращаться поддержка деятельности Союза воинствующих безбожников. Дальнейшее усиление давления на приходы могло повлечь за собой лишь более массовый переход верующих в катакомбные церкви, то есть в зону, хуже контролируемую властями, по сравнению с Церковью, подчинявшейся митрополиту Сергию (Страгородскому).

В конце 1950-х гг. на территории г. Москвы и Московской области функционировало 211 приходов (36 в Москве и 175 в Московской области). Их богослужebная и хозяйственная деятельность полностью контролировалась аппаратом уполномоченного по г. Москве и Московской области Совета по делам РПЦ. Любые попытки выйти из-под контроля и проявления какой-либо самостоятельности незамедлительно становились известными курирующим

Церковь органам, благодаря постоянному мониторингу ситуации на приходах и ежеквартальной системе отчетности, принятой в Совете по делам РПЦ. Председатель Совета и уполномоченный по Москве и Московской области – выходцы из спецслужб – работали в тесном контакте с органами МГБ, МВД и местными исполкомами. Церковь с 1943 г. находится в фактическом подчинении советского государства.

Несмотря на то, что основные направления воздействия на верующих со стороны государства, рассмотренные выше, оставались прежними, их острота в значительной степени снизилась, а Церковь в лице ее епископата стала активной участницей важных внешнеполитических государственных программ. Десятилетия, прошедшие с учреждения Совета по делам РПЦ в 1943 г., то есть, со времени фактического подчинения Русской Православной Церкви государству, вплоть до изменения государственной политики на рубеже 1980–1990-х гг., продемонстрировали в целом жизнеспособность именно такой формы существования Церкви в советском государстве.

Анализ политики советской власти в отношении церковных приходов Московской области в 1918–1958 гг. позволил сделать вывод о том, что она носила сложный комплексный характер. Будучи разнообразной по направлениям и формам, она на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась антицерковной и антирелигиозной в своей основе и имела неизменной целью борьбу с Церковью. Комплексность антицерковной и антирелигиозной политики обеспечивалась ее основными направлениями. Администрирование приходской жизнедеятельности было направлено на ее жесткое регулирование и максимальный контроль за функционированием приходов с постоянным сокращением их самостоятельности, пропагандистские и агитационные мероприятия должны были отвлечь верующих от Церкви, а экономическое давление должно было сделать невозможным существование прихода и всех его сотрудников, включая, в первую очередь, духовенство. Репрессивные методы воздействия на Церковь и верующих в своих формах в целом совпадали с динамикой массовых репрессий 1920–1950-х гг., что явилось следствием устойчиво враждебного отношения советской власти к

«церковникам», с первых лет ее существования отнесенных ей к чуждым советской идеологии элементам.

При реализации советской государственной политики в отношении церковных приходов использовались инструменты силового давления, такие как администрирование, пропаганда, прямые репрессии и экономическое давление, но для понимания общей направленности этих действий необходимо помнить, что они осуществлялись в особый период развития советского государства, становление которого проходило на фоне острейшей идеологической борьбы, а также необычайных по своим масштабам экономических и социально-политических экспериментов.

Проведенное исследование позволило установить, что в рамках государственной антирелигиозной политики периода 1918–1958 гг. приход Православной церкви оказался в роли ее ключевого объекта и стал одной из главных точек приложения ее усилий. Эти роль и место прихода были определены тем, что даже в условиях глубочайших трансформаций социокультурного характера общества первой половины XX в. он сохранял свое значение базового элемента церковного организма

Тема государственной политики советской власти в отношении Церкви и ее приходов на территории Московской области, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке. Перспективы ее видятся в последующем изучении роли и функционирования прихода как системообразующего элемента церковного устройства в светском государстве в более широких хронологических рамках, включая последние десятилетия СССР и постсоветский период. Основой этих исследований должна и может стать обширная источниковая база, наличие которой не вызывает сомнений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИК – Волостной исполнительный комитет
- ВКВС – Военная коллегия Верховного Суда СССР
- ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков
- ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
- ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет
- ВЦУ – Высшее церковное управление
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГПУ – Государственное политическое управление
- ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
- ЗАГС – Запись актов гражданского состояния
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- ИНФО – Информационный отдел
- ИТЛ – Исправительно-трудовые лагеря
- КГБ – Комитет государственной безопасности
- Комсод – Комиссия по содействию государственному кредиту и сберегательному делу
- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
- МГБ – Министерство государственной безопасности
- МДС – Московская духовная семинария
- МК – Московский комитет
- МО – Московская область
- МОСПО – Московское потребительское общество
- МСПО – Московский союз потребительских обществ
- МТС – Машинно-тракторная станция
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
- ОСО – Особое совещание

ПОСПО – Поселковое потребительское общество

ПП – Полномочное представительство

РАЙФО – Районный финансовый отдел

РИК – Районный исполнительный комитет

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РО – Районное отделение

РПСЦ – Русская православная старообрядческая Церковь

РПЦ – Русская православная церковь

РПЦЗ – Русская православная церковь заграницей

СНК – Совет народных комиссаров

СО – Следственный отдел

СОУ – Секретно-оперативное управление

СПО – Секретно-политический отдел

СС (сексот) – секретный сотрудник

УГБ – Управление государственной безопасности

УК РСФСР – Уголовный Кодекс Российской Советской Федеративной

Социалистической Республики

УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс

УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦЧО (Ц.Ч.О.) – Центральная черноземная область

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации. ГА РФ

1. Ф. А-353. Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР).
2. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК).
3. Ф. Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР).
4. Ф. Р-5263. Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК СССР.
5. Ф. Р-5404. Межведомственная комиссия при Президиуме Всероссийского ЦИКа по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах гражданства
6. Ф. Р-5407-1. Дела Центрального Совета Союза воинствующих безбожников СССР. 1925–1938.
7. Ф. Р-5407-2. Редакция газеты «Безбожник». 1925–1938.
8. Ф. Р-5446. Совет министров СССР.
9. Ф. Р-5556. Военно-продовольственное бюро ВЦСПС (ВОЕНПРОДБЮРО). 1918–1921 гг.
10. Ф. Р-7420. Главное управление местами заключения министерства юстиции временного правительства. 1917–1921 г.
11. Ф. Р-8131. Надзорные производства Отдела по спецделам Прокуратуры СССР, Главной транспортной прокуратуры, Главной прокуратуры морского и речного флота. 1936–1965 гг.
12. Ф. 6991. Совет по делам религий при Совете министров СССР.
13. Ф. 8131. Прокуратура СССР.
14. Ф. 10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области.

Российский государственный архив новейшей истории. РГАНИ.

15. Ф. 4. Секретариат ЦК КПСС (1952–1991 гг.).

16. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.).

Российский государственный архив социально-политической истории. РГАСПИ

17. Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991).

18. Ф. 19. Протоколы Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР, Комиссии при СНК РСФСР (Малого совнаркома), Совета рабоче-крестьянской обороны (СТО) РСФСР (1917–1922).

19. Ф. 82. Молотов (наст. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986).

Российский государственный архив экономики. РГАЭ

20. Ф.1562. ЦСУ СССР.

Российский государственный исторический архив. РГИА

21. Ф. 831. Канцелярия патриарха Тихона и Священного синода.

Государственный архив Владимирской области. ГА ВО

22. Ф. Р-307. Владимирский губадмотдел. 1920–1932 гг.

23. Ф. 556. Владимирская духовная консистория. 1699–1920 гг.

Государственный архив Смоленской области. ГА СО

24. Ф. Р-13. Смоленский губернский исполнительный комитет.

25. Ф. Р-2674. Гжатское уездное управление рабоче-крестьянской милиции.

Центральный государственный архив города Москвы. ЦГА. г. Москвы. ОХД до 1917 г.

26. Ф. 12. Богородская уездная земская управа ведомства Министерства внутренних дел., г. Богородск Богородского уезда Московской губернии.

27. Ф. 54. Московское губернское правление, г. Москва; Московское губернское правление ведомства Министерства внутренних дел, г. Москва.

28. Ф. 66. Московское губернское по крестьянским делам присутствие ведомства Министерства внутренних дел, г. Москва.

29. Ф. 184. Московская губернская земская управа.

30. Ф. 185. Бронницкая уездная земская управа ведомства Министерства внутренних дел, г. Бронницы Бронницкого уезда Московской губернии; Бронницкая уездная

земская управа ведомства Народного комиссариата внутренних дел, г. Бронницы
Бронницкого уезда Московской губернии.

31. Ф. 203. Московская духовная дикастерия, г. Москва; Московская духовная консистория ведомства Святейшего Синода, г. Москва
32. Ф. 1607. Церкви Бронницкого уезда Московской губернии ведомства Московской духовной консистории, 1759–1928 гг.
33. Ф. 2375. Бронницкое уездное отделение Московского епархиального училищного Совета при Синоде.

Центральный государственный архив города Москвы. ЦГА. г. Москвы. ОХД после 1917 г.

34. Ф. 1215. Административный отдел Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Отдел управления Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Административный отдел Московского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1917–1929 гг.

Центральный государственный архив города Москвы. ЦГА. г. Москвы. ОХДОПИМ

35. Ф. П-97. Егорьевский ГК ВКП(б).
36. Ф. 110. Коломенский РК ВКП(б), Коломенский ГК ВКП(б).
37. Ф. 111. Коломенский РК ВКП(б).
38. Ф. 113. Кунцевский ГК ВКП(б).
39. Ф. 116. Клинский ГК ВКП(б).
40. Ф. 117. Ленинский РК ВКП(б).
41. Ф. 118. Люблинский ГК ВКП(б).
42. Ф. 119. Луховицкий РК ВКП(б).
43. Ф. 120. Лопасненский РК ВКП(б).
44. Ф. 121. Лотошинский РК ВКП(б).
45. Ф. 123. Михневский РК ВКП(б).
46. Ф. 124. Мытищинский ГК ВКП(б).
47. Ф. 125. Малинский РК ВКП(б).
48. Ф. 127. Ногинский РК ВКП(б).

49. Ф. 129. Наро-Фоминский РК ВКП(б), Наро-Фоминский ГК ВКП(б).
50. Ф. 132. Озерский РК ВКП(б). Озерский ГК ВКП(б).
51. Ф. 133. Осташевский РК ВКП(б).
52. Ф. 135. Орехово-Зуевский ГК ВКП(б).
53. Ф. 137. Пушкинский ГК ВКП(б).
54. Ф. 138. Перовский ГК ВКП(б).
55. Ф. 140. Павлово-Посадский ГК ВКП(б).
56. Ф. 145. Раменский УИК и РК ВКП(б).
57. Ф. П-152. Ухтомский УИК и РК ВКП(б)
58. Ф. 1581. Бронницкий УИК и РК ВКП(б)

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. ЦГАИДПД СПб.

59. Ф. Р-8749. Штаб частей особого назначения Петрограда и Петроградской губернии (1920–1924), Ленинграда и Ленинградской области (1924–1925).

Центральный государственный архив Московской области. ЦГАМО

60. Ф. 19. Административный отдел Моссовета 1918–1929 гг.
61. Ф. 65. Административный отдел Московского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва. 1918–1929 гг.
62. Ф. 66. Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва 1917–1936 гг.
63. Ф. 261. Московский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Москва 1929–1930 гг.
64. Ф. 966. Московский отдел народного образования (МОНО).
65. Ф. 2157. Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет г. Москва 01.10.1929–15.12. 1993
66. Ф. 2501. Исполнительный комитет Ухтомского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ст. Ухтомская Московской губернии 1922–1929 гг.

67. Ф. 4570. Комиссия по вопросам культа при Московском областном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Москва 1929–1935 гг.
68. Ф. 4612. Московский губернский революционный трибунал г. Москва 1918–1921 гг.
69. Ф. 4613. Московский революционный трибунал г. Москва 1918–1923 гг.
70. Ф. 5062. Московский губернский суд 01.02.1923–1929 г.
71. Ф. 7383. Отдел по связям с религиозными организациями Администрации Московской области. 1923–1999 гг.
72. *Архивное управление администрации Раменского муниципального района*
73. Ф 7. Раменский районный Совет депутатов трудящихся Московской области и его исполнительный комитет.
- Архивный отдел администрации города Бронницы*
74. Ф 1. Бронницкий уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет Московской губернии.
75. Ф 8. Бронницкий районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет Московской области.
76. Ф 9. Бронницкий городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет Московской области.
77. Ф 33. Морозовский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет Бронницкого уезда Московской губернии.
78. Ф 34. Натальинский сельский Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет Бронницкого района Московской области.
79. Ф. 50. Татаринцевский сельский Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет Бронницкого района Московской области
80. Ф 64. Бронницкая уездная милиция. Церковный стол.
81. Ф 106. Бронницкий народный суд Московской области.
82. Ф 172. Бронницкая православно-религиозная община Московской губернии.
83. *Архив Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви. Ф. 1. РПСЦ.*

84. *Архив УФСБ по Смоленской области. Ф. 1. Особосовещание при Коллегии ОГПУ г. Смоленска.*
85. *Текущий архив Синодальной комиссии по канонизации святых. Ф. 1. «Московская епархия».*
86. *Архив УФСБ по Брянской области.*
87. *Архив департамента Комитета национальной безопасности республики Казахстан по г. Аламаты и Акмолинской обл.*
88. *Специальный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции Жамбылской области республики Казахстан.*
89. *Центральный архив Федеральной службы безопасности. ЦА ФСБ.*

1.2. Опубликованные источники

Законодательные, нормативно-правовые документы

90. Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской Революции. С приложением текстов всех ранее объявленных амнистий. – М.: Юридическое издательство наркомюста, 1922. – 42 с.
91. Декреты Советской власти. Т. 1–15. – М.: Госполитиздат, 1957.
92. Декреты Советской власти. Т. 16–18. – М.: Наука, 2004–2009.
93. Законодательство о религиозных культах. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». New York: Chalidze publications, 1981. – 210 с.
94. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – 1483 с.

Документы государственных учреждений, партийных и общественных организаций

95. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в С.С.С.Р.: полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Совета Р.С.Ф.С.Р. и других советских социалистических республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р., Узбекской и Туркменской / П.В. Гидулянов; под ред. П. А. Красикова. – Москва: Юридическое издательство, 1926. – 712 с.
96. Конфессиональная политика советского государства 1917–1991 гг. Документы и материалы. В 6 т. Т. 1 в 4-х книгах. – М.: Политическая энциклопедия, 2017.

97. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 400 с.

Статистические материалы

98. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / [сост. В.Б. Жиромская, Ю. А. Поляков]. – М.: РОССПЭН, 2007. – 318 с.
99. Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник. 1923/24–1927/28. – М.: Московский статистический отдел, 1929. – 568 с.
100. Справочник по населенным местам Московской губернии. По материалам Всесоюзной переписи 1926 года. – М.: Московский статистический комитет, 1929. – 616 с.
101. Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. Центральный комитет РЛКСМ. Статистический подотдел. – М.: Молодая гвардия, 1926. – 116 с.

Сборники документов

102. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. [и авт. примеч.] М.Е. Губонин. – М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилошного Спаса, 1994. – 1063 с.
103. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, Рос. гос. воен. арх.; [сост.: диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский]. – М.: ПСТГУ, 2006. – 303 с.
104. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 296 с.
105. "Обновленческий" раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И.В. Соловьев. – М.: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 2002. – 1062 с.

106. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе в 2 ч. / [редкол.: Валентин Чаплин и др.]. – М.: О-во любителей церковной истории: Изд-во Крутицкого подворья, 2004.
107. Православная Москва в 1917–1921 гг.: сборник документов и материалов / Авторы-составители А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. – М.: Изд-во Главархива, 2004. – 696 с.
108. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2008. – 632 с.
109. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. – М.: Издательство Московской патриархии, 1943. – 99 с.
110. Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. В 2 т. – М.: Всесоюзная книжная палата, 1960–1961.
111. Священно-церковнослужители и ктитеры Московской епархии первой трети XX столетия / игумен Дамаскин (Орловский), науч. рук. – М.: Булат, 2013. – 416 с.
112. Черная книга: («Штурм небес»): Сб. документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А.А. Валентинов; ввод. ст. П.Б. Струве. – Париж: Рус. нац. студенческое объединение, 1925. – 295 с.

Источники личного происхождения

113. Альшиц Д.Н. Хорошо посидели! / Д.Н. Альшиц. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 383 с.
114. Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. На Поместный Собор: 1917–1918 / Митрополит Арсений (Стадницкий) / под ред. Н.А. Кривошеевой. – М.: ПСТГУ, 2021. – 480 с.
115. Виноградов В., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода в жизни и деятельности Св. Патриарха Тихона (1923–1925 гг.). По личным воспоминаниям / Протопресвитер Василий Виноградов. – Мюнхен, 1959. – 72 с.
116. Воробьев В.Н., прот. и др. «Милость Господня да будет с тобою!». Письма священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) исповеднице Ираиде

- (Тиховой) 1934–1937 гг. / прот. В.Н. Воробьев и др. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 2 (63). – С. 143–156.
117. Гиппиус З.Н. Дневники / З.Н. Гиппиус. – М.: Захаров, 2002. – 368 с.
118. Гойченко Д.Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельства очевидца / Д.Д. Гойченко. – М.: Русский путь, 2009. – 376 с.
119. Косик О.В., Хайлова О.И. Письма священноисповедника Афанасия (Сахарова) из архива священномученика Серафима (Самойловича) / О.В. Косик, О.И. Хайлова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 3 (64). – С. 113–123.
120. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.ru/MEMUARY/MALKOW/kreml.txt>
121. Марцинковский В.Ф. Записки верующего: Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923) / В.Ф. Марцинковский. – Прага: Изд. автора, 1929. – 224 с.
122. Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914–1920 / П.Е. Мельгунова-Степанова. – М.: Кучково поле, 2014. – 320 с.
123. Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы 1925–1941. Воспоминания / А.Э. Краснов-Левитин. – Paris: YMKA-PRESS, 1977. – 457 с.
124. Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / сост., предисл., комментарий д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 495 с.
125. Красный террор глазами очевидцев / сост., предисл., комментарий д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2014. – 448 с.
126. Окунев Н.П. В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924 / Н.П. Окунев. – М.: Кучково поле, 2020. – 976 с.
127. Павел (Груздев), архим. Самый счастливый день / архимандрит Павел (Груздев). – М.: Художественная литература, 2022. – 23 с.
128. Письма владыки Германа: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа, епископа Вязниковского / Сост., предисл. и примеч. А.Г. Воробьевой. – М.: ПСТБИ, 2004. – 363 с.

129. Письма патриарха Алексия своему духовнику / Алексей I (Симанский Сергей Владимирович). – М.: Издание Сретенского монастыря, 2000. – 304 с.
130. Поживши в ГУЛАГе. Сборник воспоминаний. Всероссийская мемуарная библиотека. / Под ред. Н.Д. Солженицыной. – М.: Русский путь, 2001. – 408 с.
131. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / П.А. Сорокин. – М.: Московский рабочий, Терра, 1992. – 303 с.
132. Хайлова О.И. «Авво мой родной!» Письма священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) преподобномученику Неофиту (Осипову) 1933–1934 гг. / О.И. Хайлова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 117–142.
133. Хайлова О.И. «В душе – истина и в душе – единение с ревнителями». Письма преподобномученика Неофита (Осипова) священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу) 1927–1928 гг. / О.И. Хайлова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 6 (67). – С. 123–143.
134. Чельцов М.П., прот. Воспоминания «смертника» о пережитом / прот. М.П. Чельцов. – М.: Издательство им. святителя Игнатия Ставропольского, 1995. – 158 с.
135. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым / Ф.И. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 624 с.
136. Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. / Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. – М.: Вагриус, 1998. – 493 с.
137. Шульгин В.В. 1919 год: в 2 т. / В.В. Шульгин. – М.: Кучково поле, 2018. – 496 + 464 с.
138. Шульгин В.В. 1921 год: в 2 т. / В.В. Шульгин. – М.: Кучково поле, 2018. – 608 с.

Справочные материалы

139. Безбожный песенник / Сост. Гр. Градов. – М.: Безбожник, 1930. – 60 с.
140. Блок-нот антирелигиозника. Антипасхальный выпуск. – М.: Московский рабочий, 1931. – 46 с.

141. Блок-нот антирелигиозника № 6. Религия и молодежь. – М., Л. – ОГИЗ Московский рабочий, 1931. – 48 с.
142. За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956 гг.: Биогр. справ. / Под рук. и общ. ред. В. Воробева. – М.: ПСТГУ, 2015 – по н. вр.
143. Краткий справочник продработника Московской губ. – М.: Издание Московск. К-та Р.К.П. (большевиков), 1921. – 86 с.
144. О борьбе с антисемитизмом в школе. Серия инструктивных и методических писем для руководства в работе школ повышенного типа. – М., Л.: Наркомпрос. Государственное издательство, 1929. – 40 с.
145. Политический словарь / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1940. – 673 с.
146. Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. / Жак Росси; текст проверен Натальей Горбаневской. – М.: Просвет, 1991.
147. Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. – М.: Кучково поле, 2011. – 896 с.
148. Толковый словарь языка Совдепии / Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет. Фолио-пресс, 1998. – 700 с.

Периодическая печать

149. Авангард. Орган Раменского РК ВКП(б), РИКа, Райпрофсовета. – 1930–1939 гг.
150. Богородский рабочий. Еженедельный орган Богородского Укома РКП (б), Уисполкома Р.К. и К.Д. и Упрофбюро. – 1922, 1923 гг.
151. Власть труда. Еженедельный орган Зарайского уездного комитет Р.К.П. (б.) и Уездного Исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. – 1921 г.
152. Воскресенские известия. Орган Воскресенского Укома Р.К.П.(б) Уисполкома и Упрофбюро. – 1923 г.
153. Голос батрака. Голос батрака. Известия Можайского Укома С.Р. и К.Д. и Уездкома Р.К.П. (б-ков). – 1920 г.

154. Журнал Московской Патриархии. 1931–1935; 1943–1958 гг.
155. Знамя колхоза. Орган Подосиновского РК ВКП(б). – 27 апреля 1934 г.
156. Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. – 1918, 1919 гг.
157. Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (больш.). – 1919, 1920 гг.
158. Коломенский рабочий. Орган Коломенского ВКП(б) и РИКа – 1929 г.
159. Комсомольское племя. Молодежно-комсомольское приложение к газете «Станок и трактор. Орган Виноградовского РК ВКП(б), РИКа и РПС Московской области». – 1934 г.
160. Красные Озеры. Орган Озерского волсовета ВКП(б), РИКа и РСФС. – 1929 г.
161. Красный луч. Орган Звенигородского Укома Р.К.П. (б.), Уисполкома и Упрофбюро. – 1923 г.
162. Крестьянин и рабочий. Орган Ленинского Совета Рабоч. и Крестьян. Д-в. и райкома Р.К.П. – 1920 г.
163. Крестьянин и рабочий. Талдомская газета. Орган Талдомского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. – 1918, 1919 гг.
164. Маяк коммуны. Орган Севастопольского горкома ВКП(б) – 1929 г.
165. Наша правда. Еженедельная рабоче-крестьянская газета Дмитровского края. Орган Уездного Исполнительного Комитета Уездного К-та Р.К.П., Бюро Профсоюзов и Кооперации. – 1922 г.
166. Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. – 1927–1928 гг.
167. Правда. Орган ЦК ВКП(б). – 1918–1958 гг.
168. Станок и трактор. Орган Виноградовского РК ВКП(б), РИКа и РПС Московской области. – 1931 г.

Источники, опубликованные на электронных ресурсах сети Internet

169. Азбука веры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/cerkov>

170. Антираскол. Информационно-справочный портал по расколоведению. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20140301220417/http://www.anti-raskol.ru/pages/1299>
171. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr
172. Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://istmat.org/>
173. Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drevo-info.ru/articles/3529.html>
174. Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nkvd.memo.ru/index.php/>
175. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>
176. Музей истории Российских реформ им. П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://музейреформ.рф>
177. Налогообложение православных религиозных организаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://isfic.info/sovpor/petova20.htm>
178. Никольский храм с. Озерцкое. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.snhram.ru/ru/o_hrame/istoriya-hrama
179. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/?ysclid=lp336d271f507482655>
180. Фома. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://foma.ru/prosfora.html>
181. Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fond.ru>.
182. Сталин. Время, люди, империя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stalinism.ru>

183. Троицкий храм в Озерах. // Древо. Православный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: drevo-info.ru/articles/13677376.html (дата обращения: 05.02.2023).
184. Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru>

2. Литература (монографии, статьи, диссертационные исследования)

2.1. Монографии

185. Абрамян К.А. 1937 год: Н.С. Хрущев и московская парторганизация / К.А. Абрамян. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 287 с. – (История сталинизма).
186. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / Н. Адлер; [пер. с англ. И.П. Лейко]. – М.: РОССПЭН, 2013. – 263 с. – (История сталинизма).
187. Азарин М., Двинятин, В., Тарасенко, А. Сельхозналог 1932 года в вопросах и ответах / М. Азарин, В. Двинятин, А. Тарасенко. – М., Л.: Партийное издательство, 1932. – 84 с.
188. Азизян А.К. Сокровищница всепобеждающих идей марксизма-ленинизма (К десятилетию выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» / А.К. Азизян. – М.: Правда, 1948. – 28 с.
189. Азизян А.К. Крепить колхозы. Ответы на вопросы колхозницы. – М.: Партийное издательство, 1932. – 72 с.
190. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю.В. Аксютин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 622 с. – (История сталинизма).
191. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
192. Алексеев И., Шишаков, В. Кулацкие окопы (Религия и водка в деревенском быту) / И. Алексеев, В. Шишаков. – М.: Безбожник, 1930. – 86 с.

193. Андреев И.М. Заметки о катакомбной Церкви в СССР / И.М. Андреев. – Джорданвиль, 1947. – 180 с.
194. Андреев И.М. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней / И.М. Андреев. – Джорданвиль. – 1951. – 92 с.
195. Андроник (Трубачев), игум. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. / игум. Андроник (Трубачев). – М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2008. – 432 с.
196. Андроник (Трубачев), игум. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. в 6 т. / игум. Андроник (Трубачев). – М.: Городец, 2012–2017 гг.
197. Бабкин, М.А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): исследования и материалы / М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2011. – 917 с.
198. Баберовски Й. Выжженная земля. Сталинское царство насилия / Й. Баберовски; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 487 с. – (История сталинизма).
199. Баберовски Й. Красный террор / Й. Баберовски; [пер. с нем.]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2007. – 287 с. – (История сталинизма).
200. Бандровский Г.Э., Вильдгрубе А.О., Генкин Е.М. и др. Канал Москва-Волга. 1932–1937 / Г.Э. Бандеровский, А.О. Вильдгрубе, Е.М. Генкин. – М., Л.: Государственное издательство строительной литературы, 1940. – 316 с.
201. Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: Советский праздник в социальном конструировании нового общества / Е.В. Барышева. – М.: РГГУ, 2020. – 192 с.
202. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А.Л. Беглов. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. – 352 с.
203. Беглов А.Л. Русская православная церковь. XX век / А.Л. Беглов. – М.: Сретенский монастырь, 2015. – 792 с.

204. Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М.: Государственное издательство «История фабрик и заводов», 1934. – 616 с.
205. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии) / Ю.И. Белоногова. – М.: Издательство ПСТГУ, 2010. – 177 с.
206. Белых Н.Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.) / Н.Ю. Белых. – М.: Политическая энциклопедия РОССПЭН, 2011. – 293 с. – (История сталинизма).
207. Бернштейн С. Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма / Сет Бернштейн; [пер. с англ. Л.Е. Сидиковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 302 с. – (История сталинизма).
208. Блюм А.В. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929 гг. / А.В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 1994. – 320 с.
209. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953 гг. / А.В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 2000. – 322 с.
210. Бобров Ник. Красный петух / Н. Бобров. – М.: Безбожник, 1929. – 52 с.
211. Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма / А.А. Боголепов. – Мюнхен, 1958. – 204 с.
212. Большаков А.М. Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период / А.М. Большаков. – Ленинград: Рабочее издательство «Прибой», 1925. – 114 с.
213. Борисов Д.А. Колесниковщина. Антисоветское восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. / Д.А. Борисов. – М.: Посев, 2012. – 164 с.
214. Бродский Ю.А. Двадцать лет Особого назначения / Ю.А. Бродский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – 528 с.
215. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия

- (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма).
216. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия 1920–1930 гг. / В.П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с. – (История сталинизма).
217. Вайнтрауб Л.Р. Собор святого Архангела Михаила в Бронницах / Л.Р. Вайнтрауб. – Бронницы, 2005. – 216 с.
218. Вайнштейн, А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования) / А.Л. Вайнштейн. – М.: Экономист Н.К.Ф., 1924. – 172 с.
219. Введенский А.И. Церковь и голод / А.И. Введенский. – М., 1922.
220. Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства / А.И. Введенский. – М., 1923.
221. Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона / А.И. Введенский. – М., 1923.
222. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. / О.В. Великанова; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. – 295 с. – (История сталинизма).
223. Верт Николая. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Николая Верт; [пер. с фр. А.И. Пигалева]. – М.: РОССПЭН, 2010. – 444 с. – (История сталинизма).
224. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола; [пер. с англ. А.В. Бардина]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 367 с. – (История сталинизма).
225. Вострышев М.И. Патриарх Тихон / М.И. Вострышев. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 383 с.
226. Вышинский А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский. – М.: Госюриздат, 1955. – 568 с.

227. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932: сборник / под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. – М.: ОГИЗ: Государственное антирелигиозное издательство, 1932. – 525 с.
228. Гераськин Ю.В. Русская Православная Церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века) / Ю.В. Гераськин. – Рязань: Издательство Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2007. – 272 с.
229. Гераськин Ю.В. Государство и Церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты / Ю.В. Гераськин. – М.: Либроком, 2011. – 464 с.
230. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / Арч Гетти; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: РОССПЭН, 2016. – 374 с. – (История сталинизма).
231. Гидулянов П.В. Загробная жизнь как предмет спекуляции, или индульгенции в римско-католической и греко-православной церкви (фактические материалы) / П.В. Гидулянов. – М.: Атеист, 1930. – 178 с.
232. Голдман Венди З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий / Венди З. Голдман; [пер. с англ. Л.Е. Сидиковой]. – М.: РОССПЭН: Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. – 334 с. – (История сталинизма).
233. Голубцов С.А., протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. / протоиерей С.А. Голубцов. – М.: Издательство Православного братства Споручницы грешных, 1999. – 192 с.
234. Горев М.В. Голод / М.В. Горев. – Ново-Николаевск: Издательство Политуправления Сибири и Политсекретариата войск Г.П.У. Сибири, 1922. – 24 с.
235. Горев М.В. Церковные богатства и голод в России / М.В. Горев. – М.: Главполитпросвет, 1922. – 8 с.
236. Горский Евг. Изуверы в рясах (Ленинградская секта скопцов) Е. Горский. – М.: Безбожник, 1930. – 40 с.

237. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. / Т.М. Горяева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 407 с. – (История сталинизма)
238. Грабко М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. / М.Е. Грабко. – М.: ПСТГУ, 2017. – 216 с.
239. Градобоев Н. Десталинизация. Разоблачения XXII съезда КПСС. / Н. Градобоев. – Мюнхен.: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. – 108 с.
240. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933 гг. / Андреа Грациози; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 136 с. – (История сталинизма)
241. Грекулов Е.Ф. Московские церковники в годы реакции / Е.Ф. Грекулов. – М.: Московский рабочий, 1932. – 48 с.
242. Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства / Е.Ф. Грекулов. – Санкт-Петербург: Nevzorov Haute Ecole, 2011. – 98 с.
243. Грекулов Е.Ф. Православная церковь — враг просвещения / Е.Ф. Грекулов. – М.: Издательство академии наук СССР, 1962. – 192 с.
244. Григорий (Граббе) еп. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом / епископ Григорий (Граббе). – Джорданвилль, 1961. – 216 с.
245. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Бородкин Л.И., Грегори П., Хлевнюк О.В. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 320 с. – (История сталинизма).
246. Дамаскин (Орловский), архим. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь / архим. Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат. – 2003.

247. Дамаскин (Орловский), игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь / игум. Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат, 2005.
248. Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. Книга 1 / иеромон. Дамаскин (Орловский). – Тверь: «Булат», 1992. – 238 с.
249. Даниелс Р.В. Взлет и падение коммунизма в России / Роберт Даниелс; [пер. с англ. И. Кожановской]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 510 с. – (История сталинизма).
250. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008 – 816 с.
251. Дестивель Иоакинф, свящ. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов и принцип соборности / свящ. Иоакинф Дестивель. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2008. – 310 с.
252. Дэвис Р., Уиткрофт, С. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 гг. / Р. Дэвис, С. Уиткрофт; [пер. с англ. О.Ю. Вздорик; под ред. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 543 с. – (История сталинизма)
253. Ермилов В. Культура и быт. Быт рабочей казармы / В. Ермилов. – М., Л.: Государственное издательство, 1930. – 64 с.
254. Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина / Ю.Н. Жуков. – М.: Эксмо, 2009. – 672 с.
255. Жуков Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР / Ю.Н. Жуков. – М.: Аква-терм, 2011. – 672 с.
256. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века / Н. Зернов. – Париж: YMCA-PRESS, 1974. – 382 с.
257. Зорин Д. Князья церкви и голод. Революция и церковь. – Ростов н/Д: Донполитпросвет, 1922. – 68 с.

258. Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне. От Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; [авторизованный пер. с англ. М. Мусиной]. – М.: Росспэн, 2011. – 671 с. – (История сталинизма).
259. Иванов А.П. Соловецкая монастырская тюрьма Краткий историко-революционный очерк. Соловецкое общество краеведения / А.П. Иванов. – Соловки, Издание бюро печати УСЛОН, 1927. – 54 с.
260. Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958 гг. Социально-экономический и правовой аспекты / Г.М. Иванова. – М.: Наука, 2006. – 440 с.
261. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР / Н.А. Ивницкий. – М.: Собрание, 2009. – 288 с.
262. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР / Н.А. Ивницкий. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.
263. Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А.А. Ильюхов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 415 с. – (История сталинизма).
264. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1951. – 352 с.
265. История Гражданской войны в СССР. В 5 т. / под ред. М. Горького, В. Молотова, И. Сталина и др. Т. 1–2. – М.: ОГИЗ, 1935–1943.
266. История Гражданской войны в СССР. В 5 т. / под ред. Найды С.Ф., Обичкина Г.Д., Петрова Ю.П. и др. Т. 3–5. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958–1960.
267. Калыгина А. Крестьянка и 8 марта. Международный женский коммунистический день / А. Калыгина. – М., Л.: Государственное издательство. – 24 с.
268. Кандидов Б.П. Вредительство, интервенция и церковь / Б.П. Кандидов. – М.: Московский рабочий, 1931. – 72 с.
269. Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь / Б.П. Кандидов. – М.: Московский рабочий, 1932. – 96 с.

270. Кандидов Б.П. Обогащение дома Романовых / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1927. – 64 с.
271. Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1930. – 148 с.
272. Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1931. – 298 с.
273. Кандидов Б.П. Церковь и контрразведка / Б.П. Кандидов. – М.: Московский рабочий, 1930. – 96 с.
274. Карр Э. История советской России. В 2 т. / Эдвард Карр; [предисл. А.П. Ненарокова; пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
275. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Сов. власти и Рус. Православ. Церкви, 1917–1945 гг. / А.Н. Кашеваров. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 138 с.
276. Киров 1886–1934. Вождь, учитель, друг. – Л.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 72 с.
277. Князев И. Как попы и кулаки боролись с колхозом / И. Князев. – М., Л.: ГИЗ, 1930. – 32 с.
278. Козлов Ф.Н. Государственно-церковные отношения в 1917– начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) / Ф.Н. Козлов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 335 с. – (История сталинизма).
279. Козырев А.И., прот. Летопись Николо-Архангельской церкви / прот. А.И. Козырев. – М.: Издательство ПСТГУ, 2008. – 368 с.
280. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство / А. Коллонтай. – М.: Коммунист, 1918. – 24 с.
281. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 519 с. – (История сталинизма).

282. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Роберт Конквест; [пер. с англ. И. Кэна, Н. Май]. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. – 620 с.
283. Конквест Р. Большой террор: Сталинские чистки 30-х. В 2 т. / Роберт Конквест; [пер. с англ. Л. Владимировой]. – Рига: Ракстниекс, 1991.
284. Константинов Д.В., прот. Гонимая церковь: (Русская Православная Церковь в СССР) / прот. Д.В. Константинов. – Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1967. – 383 с.
285. Константинов Д.В., прот. Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР / прот. Д.В. Константинов. – Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1956. – 78 с.
286. Константинов Д.В., прот. Русская православная церковь в СССР / прот. Д.В. Константинов. – Мюнхен: Центр. объединение полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. – 244 с.
287. Константинов Д.В., прот. Советская молодежь в борьбе за церковь (1920–1930) / прот. Д.В. Константинов. – Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1955. – 12 с.
288. Кострыченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г.В. Кострыченко. – М.: РОССПЭН, 2010. – 415 с. – (История сталинизма).
289. Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) / А.А. Кострюков. – М.: ПСТГУ, 2018. – 368 с.
290. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. / А.А. Кострюков. – М.: ПСТГУ, 2015. – 488 с.
291. Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа: Возвращение сталинских жертв / Стивен Коэн; [Пер. с англ. И. Давидян]. – М.: АИРО-XXI, 2011.
292. Красиков П.А. Избранные атеистические произведения / П.А. Красиков. – М.: Мысль, 1970. – 272 с.
293. Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты / А.Э. Краснов-Левитин, В. Шавров. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 674 с.

294. Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения в 1937–1945 гг.: масштабы и формы / С.А. Кропачев, Е.Ф. Кринко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 350 с. – (История сталинизма).
295. Крылова Т.О. Дорогомилово. История и память, зовущая в будущее / Т.О. Крылова. – М.: Внутригородское муниципальное образование Дорогомилово в городе Москве, 2014. – 200 с.
296. Кузнецов Б.А. Иван Емельянович Кузнецов – новгородский король российского фарфора / Б.А. Кузнецов. – М.: Галлея-принт, 2015. – 732 с.
297. Кузьмин С.И. Гулаг без ретуши С.И. Кузьмин. – М.: Концептуал, 2018. – 224 с.
298. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 гг. / Катарина Кухер; [пер. с нем. А.И. Симонова; науч. ред. Л.В. Лейтер]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 350 с. – (История сталинизма).
299. Лавринов В.В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей / прот. В.В. Лавринов. – М.: Общество любителей церковной истории, 2016. – 754 с.
300. Левшенко Б.Т., иер. Догматическое богословие. Курс лекций. Отличие таинства от обрядов // Азбука веры [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/dogmaticeskoe-bogoslovie-kurs-lektsij/5_46
301. Лукачевский А. Учебник для антирелигиозных кружков / А. Лукачевский. – М.: Безбожник, 1929. – 338 с.
302. Лукин Е.М. (И. Антонов) Церковь и государство / Е.М. Лукин. – М.: Коммунист, 1918. – 28 с.
303. Луначарский А.В. Христианство или коммунизм. Диспут с митрополитом А. Введенским / А.В. Луначарский. – Ленинград, 1926. – 126 с.
304. Мазырин А.В., иер. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной Церкви в 1920–1930-х годах / иер. А.В. Мазырин. – М.: ПСТГУ, 2006. – 444 с.
305. Мазырин А.В., иер. Ленинские, сталинское и хрущевские гонения на Церковь. Церковный ответ на гонения. // Азбука. православный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/leninskie-stalinskie-i-hrushevskie-gonenija-na-tserkov-tserkovnyj-otvet-na-gonenija/

306. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика / С.М. Майнер; [пер. с англ. В. Артемова]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 455 с. – (История сталинизма).

307. Максимов М.В., прот. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь / прот. М.В. Максимов. – Тверь: Булат, 2003. – 336 с.

308. Мальвер А. Наука и религия / А. Мальвер. – Москва, Петроград: Государственное издательство, 1923. – 176 с.

309. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР / Г.Л. Марьяхин. – М.: Финансы, 1964. С. – 148 с.

310. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.) / М.Г. Меерович. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 303 с. – (История сталинизма).

311. Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923 / С.П. Мельгунов. – Берлин: Ватага, 1924. – 312 с.

312. Милютин В.П. Кондратьевщина. Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве / В.П. Милютин. – М.: Издательство коммунистической академии, 1930. – 128 с.

313. Митрофанов Г.Н., прот. История Русской Православной Церкви. В 2 ч. // Азбука веры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-mitrofanov/2_5

314. Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении / прот. Г.Н. Митрофанов. – М.: Практика, 2021. – 528 с.

315. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л.Н. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 42–62.
316. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О.Б. Мозохин. – М.: Кучково поле, 2006. – 479 с.
317. Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918—1953 гг.) / О.Б. Мозохин. – М.: Вече, 2018. – 480 с.
318. Мосс В.Э. Православная церковь на перепутье 1917–1999 / В.Э. Мосс. – СПб.: Алетейя, 2001. – 405 с.
319. Мраморнов А.И. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. / А.И. Мраморнов. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2013. – 880 с.
320. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941 гг.) / Франсуа-Ксавье Нерар; [пер. с фр. Е.И. Балаховской]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 398 с. – (История сталинизма).
321. Нечкина М.В. Как жили и боролись крестьяне в крепостное время / М.В. Нечкина. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 116 с.
322. Никольский Н.М. Еврейские и христианские праздники, их происхождение и история / Н.М. Никольский. – М.: Безбожник, 1931. – 136 с.
323. Никольский Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1988. – 448 с.
324. Никонов В.В. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. В 7 т. / В.В. Никонов, иер. С.А. Жданович, Н.П. Ушатова. – Гжель: ГГУ, 2016–2024.
325. Никонов В.В. История храма во имя Архистратига Михаила и села Константиново Раменского района Московской области. / В.В. Никонов, иерей Вячеслав Новак. – М.: Высшая школа, 2014. – 330 с.

326. Никонов В.В. Храм Успения Пресвятой Богородицы села Гжель. Исторический очерк. /В.В. Никонов, И.А. Толмачева. – М.: Кунай-колодец, 2011. – 176 с.
327. Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д.С. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 190 с.
328. Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас дух святой...» История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. / М.И. Одинцов. – СПб: Российское объединение исследователей религии, 2012. – 504 с.
329. Одинцов М.И. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / М.И. Одинцов. – М: РОССПЭН, 2014. – 316 с
330. Одинцов М.И. Патриарх Сергей. / М.И. Одинцов. – М: Молодая гвардия, 2013. – 395 с
331. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М.: РОССПЭН, 2014. – 421 с.
332. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». / Е.А. Осокина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 351 с. – (История сталинизма).
333. Остяков С. Что требует комсомол от комсомольца С. Остяков. – М.: Молодая гвардия, 1937. – 128 с.
334. Пенэжко О.Г., прот. Город Волоколамск и храмы Волоколамского, Лотошинского и Шаховского районов / прот. О.Г. Пенэжко. – Владимир, 2008. – 528 с.
335. Пенэжко О.Г., прот. Храмы Сергиево-Посадского благочиния / прот. О.Г. Пенэжко. – Владимир, 2007. – 304 с.
336. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. / Р.Ю. Плаксин. – М.: Наука, 1967. – 193 с.
337. Полозов А.А., иер. Интеллигенция и Церковь / иер. А.А. Полозов. – М.: Типография штаба Московского военного округа, 1905. – 56 с.

338. Польский М., протопресвитер. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей / протопресвитер М. Польский. – Джорданвиль. 1948. – 196 с.
339. Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские / протопресвитер М. Польский. – Джорданвиль, 1957. – 319 с.
340. Польский М., протопресвитер. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. / протопресвитер М. Польский. – Иерусалим: Goldberg's Press, 1931. – 126 с.
341. Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. – 412 с.
342. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 410 с.
343. Правда о религии в России / Ред. коллегия: Николай (Ярушевич), митр., проф. Г.П. Георгиевский, прот. Александр Смирнов. – М.: Моск. патриархия, 1942. – 456 с.
344. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Весь мир, 2011. – 368 с.
345. Приход Русской Православной Церкви. Материалы к изучению приходской жизни. – М.: Издательство ПСТГУ, 2011. – 156 с.
346. Путинцев Ф. Духоборье (Очерк из современной жизни сектантов-духоборов) / Ф. Путинцев. – М.: Безбожник, 1928. – 49 с.
347. Путинцев Ф. Кулацкое светопреставление / Ф. Путинцев. – М.: Безбожник, 1930. – 82 с.
348. Ранович А.Б. Еврейские осенние праздники / А.Б. Ранович. – М.: Московский рабочий, 1931. – 32 с.
349. Ранович А.Б. Как создавались жития святых / А.Б. Ранович. – М.: Госполитиздат, 1960. – 72 с.
350. Ранович А.Б. Происхождение христианских таинств / А.Б. Ранович. – М.: Московский рабочий, 1931. – 216 с.

351. Рар Г.А. Плененная церковь / Г.А. Рар (А. Ветров). – Франкфурт/М: Посев, 1954. – 113 с.
352. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг. / Л.Л. Регельсон. – Париж: ИМКА-пресс, 1977. – 625 с.
353. Родинов Ф. Красноармейский антирелигиозный учебник / Ф. Родинов. – М.: Безбожник, 1931. – 248 с.
354. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Рогозный. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
355. Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции / [сост. и подг. текста, предисл., коммент. Н.Ф. Гриценко]. – М.: Русский путь, 2009. – 488 с.
356. Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. Топорков А.Л., Иванова Т.Г., Лаптева Л.П., Левкиевская Е.Е. – М.: Ладомир, 2002. – 970 с. – (Русская потаенная литература)
357. Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
358. Сергия (Ежикова), игумения. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец / игумения Сергия (Ежикова). – М.: СТСЛ, 2013. – 400 с.
359. Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008) / А.В. Слесарев. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2009. – 554 с.
360. Смыслов О.С. Богоборцы из НКВД / О.С. Смыслов. – М.: Вече, 2012. – 416 с.
361. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2014. – 719 с. – (История сталинизма)
362. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ / А.И. Солженицын. – М.: Альфа-книга, 2019. – 1280 с.
363. Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2002.

364. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках / П.С. Стефанович. – М.: Индрик, 2002. – 350 с.
365. Стратонов И. Русская церковная смута. 1921–1931 / И. Стратонов. – Берлин, 1932. – 205 с.
366. Стучка П.И. Революционная роль советского права / П.И. Стучка. – М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1934. – 162 с.
367. Суслов А.А., Фролов А.Н. Очерки истории Воскресенского края / А.А. Суслов, А.Н. Фролов. – М.: Новалис, 2014. – 752 с.
368. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.) Историкографические и источниковедческие аспекты / А.Г. Тепляков. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 434 с.
369. Тойнби А. Дж. Постыжение истории: Сборник / А. Дж. Тойнби. – М., Прогресс, 1991. – 736 с.
370. Толмачева И.А. Храм великомученика Георгия Победоносца села Игнатьева. Исторический очерк / И.А. Толмачева. – Гжель: Кунай-колодец, 2017. – 500
371. Трубецкой Е.Н. Звериное царство и грядущее возрождение России / Е.Н. Трубецкой. – [б. м.: б. и.], 1919. – 21 с.
372. Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские капании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники / С.Н. Ушакова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 215 с. – (История сталинизма).
373. Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период / М.В. Фаст, Н.П. Фаст. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 560 с.
374. Федотов А.А., иер. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России) / иер. А.А. Федотов. – Иваново: Научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России при

Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии, 2005. – 136 с.

375. Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Г.П. Федотов. – СПб: София, 1992. – 350 с.

376. Фирсов С.Л. Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь / С.Л. Фирсов. – СПб.: Сатись, 2004. – 288 с.

377. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории / С.Л. Фирсов. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014. – 474 с.

378. Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе „сергианства“ в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. – 205 с.

379. Фирсов С.Л. День прошлый, день грядущий. Состояние и развитие Русской Православной Церкви и новейший период. Очерки социально-политической истории / С.Л. Фирсов. – М.: Спасское дело. – 424 с.

380. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Шейла Фицпатрик. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 336 с. – (История сталинизма).

381. Фицпатрик Ш. Русская революция / Шейла Фицпатрик; [пер. с англ. Н. Эдельмана]. – М.: Издательство института Гайдара, 2018. – 320 с.

382. Фицпатрик Ш. Срывайте маски. Идентичность и самозванство в России XX века / Шейла Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 375 с. (История сталинизма).

383. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне / Шейла Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 422 с. –(История сталинизма).

384. Фриз Г.Л. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей / Грегори Л. Фриз; [пер. с англ. А.В. Глебовской, М.Д. Долбилова; под ред. П.Г. Рогозного]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с.
385. Хайлова О.И. Авво мой родной. Жизнеописание, избранные труды и переписка преподобномученика Неофита (Осипова) / О.И. Хайлова. – М.: ПСТГУ, 2019. – 752 с.
386. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций С. Хантингтон. – М. АСТ, 2003 – 603 с.
387. Хаустов В., Самуэльсон, Л. Сталин, НКВД, репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 432 с. – (История сталинизма).
388. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О.В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 1996. – 294 с.
389. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2010. – 478 с. – (История сталинизма).
390. Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви 1917–1997 / прот. В.А. Цыпин. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.
391. Цыпин В.А., прот. Курс церковного права / прот. В.А. Цыпин. – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 704 с.
392. Черных Н.А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева) / Н.А. Черных. – Ярославль: Китеж, 2013. – 592 с.
393. Что дала Великая Октябрьская социалистическая революция рабочим и крестьянам. / под ред. Ворошилина И. – М.: Московский рабочий, 1937. – 48 с.
394. Чугунов Т.К. Деревня на голгофе. Летопись коммунистической эпохи от 1917 до 1967 гг. / Т.К. Чугунов. – Мюнхен: Изд. авт., 1968. – 509 с.
395. Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР / И.Р. Шафаревич. – Париж: YMKA-PRESS, 1973. – 82 с.
396. Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви / О.В. Шведов. – М.: Ковчег, 2003. – 736 с.

397. Шейман М.М. Антирелигиозный учебник. Для кружков и самообраз. / М.М. Шейман. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1938. – 432 с.
398. Шелтон Дж. Русская церковь и Советское государство 1917–1950 / Дж. Шелтон. – Бостон, 1958. – 126 с.
399. Ширер Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. / Дэвид Р. Ширер; [пер. с англ. А.Л. Раскина]. – М.: РОССПЭН, 2014. – 543 с. – (История сталинизма)
400. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви / А.А. Шишкин. – Казань, 1970. – 366 с.
401. Шкаровский М.В. Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита за Христа пострадавшие / М.В. Шваровский. – Рыбинск: Рыбинская епархия, 2020. – 239 с.
402. Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. / М.В. Шваровский. – СПб.: Лики России, 1995. – 207 с.
403. Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне / М.В. Шваровский. – СПб.: Изд. об-ние «ДЕАН+АДИА-М», 1995. – 216 с.
404. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах / М.В. Шваровский. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.
405. Шкаровский М.В. Страдальцы за Веру Христову Санкт-Петербургской земли / М.В. Шваровский. – Санкт-Петербург: Историко-литературный журнал «Странникъ», 2021. – 431 с.
406. Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. / Карл Шлегель; [Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 742 с. – (История сталинизма).
407. Эгге О. Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор / Осмунд Эгге; [авторизованный пер. с англ. А.А. Пешкова, Г.И. Германенко]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2011. – 287 с. (История сталинизма).

408. Эллис Дж. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие / Джейн Эллис; [пер. с англ. Г. Сидоренко]. – London: Overseas publ., 1990. – 308 с.
409. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политка и жизнь школы 1930-х гг. / Е.Томас Юинг; [пер. с англ. Д.А. Благова]– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 359 с. – (История сталинизма).
410. Юкшинский В.И. Советские концентрационные лагеря в 1945–1955 гг./ В.И. Юкшинский – Мюнхен, 1958. – 88 с.
411. Юнге М., Бордюгов, Г., Биннер, Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. – М.: Новый Хронограф, 2008.
412. Юнге М., Биннер, Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ и технология его исполнения / М. Юнге, Р. Биннер. – М.: АИРО-XX, 2003. – 352 с.
413. Юнге М., Бонвеч, Б., Биннер Р. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. (История сталинизма) / М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.
414. Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1990-е гг. / С.В. Яров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 375 с. – (История сталинизма).
415. Ярославский Ем. Агитационно-пропагандистская работа Р. К. П. (между XI-м и XII-м съездами) / Е.М. Ярославский. – М.: Красная новь, 1923.
416. Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих / Е.М. Ярославский. – М.: Гаиз, 1925. – 388 с.
417. Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды / Е.М. Ярославский. – М.: Безбожник, 1925. – 36 с.
418. Ярославский Ем. История ВКП(б). В 2 ч. / Е.М. Ярославский. – М.: Партиздат ВКП(б), 1935.
419. Ярославский Ем. Как рождаются живут и умирают боги и богини / Е.М. Ярославский. – М.: Красная новь, 1923. – 48 с.

420. Ярославский Ем. Новая оппозиция и троцкизм / Е.М. Ярославский. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1926. – 162 с.
421. Curtiss John S. The Russian Church and the Sowiet State / John S. Curtiss. – Boston: Little Brown 1953. – 387 p.
422. Davis N. A Long Walk to Church: A Contemporary History of Russian Orthodoxy / Nathaniel. – Colorado: Westview Press, Boulder, 1995 – 381 p.
423. Ellis J. The Russian Orthodox Church: A Contemporary History / Jane Ellis. – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 531 p.
424. Fletcher W. The Russian Ortodox Church Underground, 1917–1970 / W. Fletcher. – London.etc: Oxford univ. press, 1971. – 314 p.
425. Pospelovsky D. The Russian Church in the Soviet Regime 1917–1982 / D. Pospelovsky. – New-York: St. Vladimirs Seminary Press, 1984. – 248 p.
426. Scarborough D. Russia's Social Gospel the Orthodox Pastoral Movement in Famine, War, and Revolution / Daniel Scarborough. – Madison: University of Wisconsin Press, 2023. – 274 p.

2.2. Статьи

427. Агеева Е.А. Окружное послание / Е.А. Агеева // Всемирная история [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/okruzhnoie_poslaniie
428. Алексеева Н.В. Социальное положение Русской Православной Церкви в СССР в первой половине 1950-х гг. (По материалам Государственного архива Архангельской области) / Н.В. Алексеева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 5. – С. 21–24.
429. Алексей (Годлевский) (иеромон.), Марченко А.А., прот. Управление религиозными объединениями Русской Православной Церкви (на примере приходов в епархиях Восточной Украины в 1958–1964 гг.) / иеромон. Алексей (Годлевский), прот. А.А. Марченко // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2019. – № 1(25). – С. 56–68.

430. Амосова А.А. Реабилитация жертв политических репрессий (на материалах «ленинградского дела») / А.А. Амосова // Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2011. – № 1. – С. 153–159.
431. Анучин И.А. Правовое регулирование ссылки и высылки в начале 1930-х годов в СССР / И.А. Анучин // Марийский юридический вестник. Вопросы теории и истории государства и права. – 2009. – № 7. – С. 66–70.
432. Баймаханов М.Т. Презентация «Книги скорби», содержащей расстрельные списки жертв массовых политических репрессий, захороненных в урочище Жаналык / М.Т. Баймаханов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 2(26). – С. 11–14.
433. Бараненко В.В. Ликвидация Белорусской обновленческой церкви в 1934–1938 гг. / В.В. Бараненко // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2017. – Вып. 76. – С. 67–77.
434. Барышева Е.В. Мифологизация истории в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. / Е.В. Барышева // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 180–193.
435. Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законотворчестве на рубеже 1920–1930-х гг. / В.С. Батченко // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3–4 (47–48). С. 305–331.
436. Беглов А.Л. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или почему митрополит Сергей (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? / А.Л. Беглов // Альфа и Омега. – 2007. – № 49.
437. Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е годы? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств / А.Л. Беглов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 6 (61). – С. 35–57.
438. Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления / А.Л. Беглов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. № 4. – С. 104–129.

439. Беглов А.Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е годы: причины возникновения, типология и направления развития / А.Л. Беглов // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 92–104.
440. Беглов А.Л. Особое совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. / А.Л. Беглов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып. 5 (48). – С. 39–61.
441. Беглов А.Л. От попыток обуздать «приходскую революцию» — к мобилизации прихожан. Приходский вопрос в Российской православной церкви в 1917–1918 годы / А.Л. Беглов // Вестник СФИ. – 2018. – № 25. – С. 11–27.
442. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX–начале XX в. / А.Л. Беглов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 2 (57). – С. 56–81.
443. Беглов А.Л., Токарева Е., Фадеев И. Литургические практики католиков Советской России в 1920–1930-х гг.: нормы и аномалии / А.Л. Беглов, Е. Токарева, И. Фадеев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 4 (38). – С. 265–293.
444. Берковский К. Современное состояние православного церковного фронта / К. Берковский // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. Сборник статей под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. – М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1932.
445. Богданович Л.А. Конституция 1918 года о правах священно-церковнослужителей / Л.А. Богданович // Интеграция образования. – 2001. – № 1. – С. 90–93.
446. Бондарь М.А. Развитие наказаний, связанных с ограничением свободы в советской России / М.А. Бондарь // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 1. – С. 116–123.
447. Борисова Л.В. «Изъятие производится без осложнений»: отношение населения Москвы к кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. / Л.В.

Борисова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2011. – № 2. – С. 35–49.

448. Борисюк А.А. Православные храмы Москвы в 1918-1921 годы. Условия существования и масштабы ликвидации / А.А. Борисюк // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – №4. – С.187–197.

449. Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Формирование законодательства о религиозных организациях в советский период / А.Л. Бредихин, С.Е. Байкеева, Е.Д. Проценко // Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – 2022. – № 9. – С. 17–19.

450. Буртина Е.Ю. Коллективизация без "перегибов": налоговая политика в деревне 1930-1935 гг. / Е.Ю. Буртина // Октябрь. – 1990. – № 2. – С. 159–174.

451. Бутейко Д.А. Память новомучеников: о политических репрессиях в СССР как инструменте общественных изменений / Д.А. Бутейко // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2019. – № 4 (13). – С. 26–36.

452. Рябоконт В.В., иер. Особенности антиколокольной политики середины 20-х – начала 30-х годов XX века и ее реализация в Смоленске / иер. В.В. Рябоконт // Христианское чтение. – 2015. – № 5. – С. 219–237.

453. Рябоконт В.В., прот. Особенности антирелигиозной политики по закрытию храмов на рубеже 1920–1930-х гг. (на примере ликвидации монастырей г. Смоленска) / иер. В.В. Рябоконт // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 3. – С. 121–141.

454. Варакин С.А. Проблема взаимоотношения советской власти и Церкви в 1920–1930-е гг.: современная историография С.А. Варакин // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2016. – № 1. – С. 38–48.

455. Вайнтрауб Л.Р. Неизвестные страницы биографии протоиерея Николая Лаврова (1883–1937) / Л.Р. Вайнтрауб // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2007. – Вып. 1 (22). – С. 101–109.

456. Воробьев С.М. Реабилитация жертв политических репрессий как комплексный уголовно-процессуальный институт / С.М. Воробьев // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 125–132.
457. Гавриленков А.Ф. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Смоленской губернии в 1922 году / А.Ф. Гавриленков // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 4. – С. 198–208.
458. Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями / И.В. Гавриш // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 3 (124). – С. 62–75.
459. Гаман Л.А. И.А. Ильин о революции 1917 года в России / Л.А. Гаман // Вестник ТГПУ. – 2007. – Выпуск 3 (66). – С. 131–136.
460. Гаряева Д.А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) / Д.А. Гаряева // Известия Калмыцкого гуманитарного института РАН. – 2016. – № 2. – С. 19–24.
461. Генина Е.С. Государство и Русская Православная Церковь в середине 1940-х–начале 1950-х годов (по материалам Кемеровской области) / Е.С. Генина // Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 10. – С. 105–111.
462. Гераськин Ю.В. Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948–1970 гг.) / Ю.В. Гераськин // Вопросы истории. – 2008. – № 3. – С. 148–152.
463. Гераськин Ю.В. "Выбирать вашу власть мы не будем". Протестные настроения верующих в Рязанской области. 1937 г. / Ю.В. Гераськин // Исторический архив. – 2006. – № 3. – С. 214–217.
464. Гераськин Ю.В. Из истории ходатайств верующих Ряжского района об открытии православных храмов / Ю.В. Гераськин // Материалы вторых краеведческих чтений памяти В.И. Гаретовского. 28 февраля – 1 марта 2006 г. – Рязань: «Политех», 2006. – С. 81–83.
465. Гераськин Ю.В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания /

Ю.В. Гераськин // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – №1 5. – С. 132–138.

466. Гераськин Ю.В. Православная церковь и рязанская власть в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. / Ю.В. Гераськин // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 г. – Рязань, 2008. – С. 610–617.

467. Гераськин Ю.В. Русская Православная Церковь, общество и власть в 1945–1958 гг. / Ю.В. Гераськин // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 3. – С. 137–143.

468. Гераськин Ю.В. Становление советской парламентской модели и реакция русской православной провинции: анализ настроений (на материалах Рязанской области) / Научное наследие акад. Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном процессе / Ю.В. Гераськин // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня основания и 75-летия со дня воссоздания Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина, 17–19 ноября 2005. – Рязань, 2006. – С. 226–230.

469. Гераськин Ю.В. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви: исторический портрет / Ю.В. Гераськин // Власть и общество в России: традиции и современность (к 35-летию кафедры философии и истории. – Материалы IV Всероссийской научной конференции 12–13 апр. 2008 г. в Академии ФСИН России. – Рязань, 2008. – Т.1. – С. 169–177.

470. Гераськин Ю.В., Федин А.А. Кампания по изъятию церковных ценностей как катализатор обновленческого раскола в Рязанской епархии / Ю.В. Гераськин, А.А. Федин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2017. – № 2(55). – С. 70–77.

471. Глебов А.Н. Общая характеристика правового регулирования налогообложения сельскохозяйственным налогом в 1928–1941 годах / А.Н. Глебов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 1(11). – С. 28–34.

472. Гончарова И.В. «Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е

- гг. На материале Орловской губернии / И.В. Гончарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2010. – № 2. – С. 65–78.
473. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации в СССР (1940-е–1960-е гг.) в трудах эмигрантских и советских исследователей / А.В. Горбатов // Вестник КемГУ. – 2011. – № 2 (46). – С. 10–13.
474. Горбачук Г.Н. Современный приход Русской Православной Церкви и тенденции его функционирования / Г.Н. Горбачук // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 152–156.
475. Гордиенко Н.С. Содержание и объем понятия «русское православие» / Н.С. Гордиенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 2. – С. 28–38.
476. Гостев И.Н. Милиционная система формирования Красной армии в начальный период Гражданской войны (на материале Костромской и Ярославской губерний) / И.Н. Гостев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 42–45.
477. Джейранов С.Н. Власть и Церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) / С.Н. Джейранов // Известия саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 29–33.
478. Доброноженко Г.Ф. Противоречия налоговой политики в деревне 1921–1927 гг.: между классовой справедливостью и экономической целесообразностью / Г.Ф. Доброноженко // Вестник ТГУ. – 2009. – № 3(71). – С. 239–243.
479. Доброноженко Г.Ф. Сельские эксплуататоры как объект налоговой и кредитной политики в 1921–1927 гг.: противоречие теории, политики и права / Г.Ф. Доброноженко // Вестник Сыктывкарского университета, сер. гуманитарных наук. – 2012. – № 1. – С. 108–117.
480. Доброхотов Л.Н. Церковь и общество в России вчера и сегодня / Л.Н. Доброхотов // Берегиня-Сова. – 2010. – № 4 (6). – С. – 70–79.

481. Довгяло Н.В. Меры экономического воздействия на конфессии в БССР в 1921–1939 гг. / Н.В. Довгяло // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 39–43.
482. Дорош А.А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде / А.А. Дорош // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 3 (68). – С. 57–63.
483. Дудина И.С. «Великий перелом» в конфессиональной истории деревни центральной России: 1929–1930 гг. / И.С. Дудина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 63–69.
484. Егоров В.В. Анализ деятельности комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1929–1930 гг. / В.В. Егоров // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 46–56.
485. Емельянов Н.Е., Хайлова О.И. Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е годы) / Н.Е. Емельянов, О.И. Хайлова // Россия и современный мир. – 2008. – № 4. – С. 111–128.
486. Ермаков В.А. Концептуальные подходы к анализу политических репрессий в СССР второй половины 1930-х годов / В.А. Ермаков // Interactive science. – 2021. – № 6 (61). – С. 19–35.
487. Жемкова Е., Рогинский А. Между сочувствием и равнодушием - реабилитация жертв советских репрессий / Е. Жемкова, А. Рогинский [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/mezhdu-sochuvstviem-i-ravnodushuem_reabilitacia-zhertv-sovetskikh-repressiy.pdf
488. Жукова Л.Н. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Л.Н. Жукова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1(30). – С. 412–419.
489. Захарова Л.Б. Отношения властей и Церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей / Л.Б. Захарова // Вестник СамГУ. – 2013. – № 2(103). – С. 64–70.

490. Земсков В.Н. Масштабы политических репрессий в СССР (Против спекулятивных и мифологических построений) / В.Н. Земсков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – т. 14, № 3. – С. 79–88.
491. Зими́на Н.П. К вопросу об иоаннитском движении в Русской православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. Катакомбного течения «Архиепископа» Агафангела (Садовско́ва) / Н.П. Зими́на // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. – 2010. – № 4(37). – С. 28–54.
492. Иванов С.Н. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 3(40). – С. 17–35.
493. Иванов С.Н. Святой Патриарх Тихон и изъятие священных предметов из храмов в 1922 г. / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2017. – Вып. 75. – С. 60–93.
494. Иванов С.Н. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей / С.Н. Иванов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 5(66). – С. 36–60.
495. Иконников С.А. Материальное обеспечение заштатных клириков, вдов и сирот духовного звания во второй половине XIX – начале XX века / С.А. Иконников // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2018. – № 7. – С. 151–157.
496. Казанков А.И. Пастыри и паства: конфликты в провинциальных приходах Западного Урала на рубеже 30-х годов XX века / А.И. Казанков // Технологос. – 2020. – № 1. – С. 32–46.
497. Каиль, М.В. Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы) / М.В. Каиль // Новый исторический вестник. – 2019. – № 62. – С. 22–35.
498. Каиль, М.В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных

познавательных подходов / М.В. Каиль // Новый исторический вестник. – 2021. – № 3(69). – С. 74–86.

499. Каиль, М.В. Советские мероприятия по отделению Церкви от государства и права верующих: правовые реалии 1917– начала 1920-х гг. / М.В. Каиль // На пути к гражданскому обществу. – 2013. – № 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-meropriyatiya-po-otdeleniyu-tserkvi-ot-gosudarstva-i-prava-veruyuschih-pravovye-realii-1917-nachala-1920-h-gg>

500. Каиль, М.В. Управление Смоленской епархией во время Гражданской войны / М.В. Каиль // Новый исторический вестник. – 2009. – № 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-smolenskoj-eparhiey-vo-vremya-grazhdanskoj-voyny](https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-smolenskoj-eparhiey-vo-vremya-grazhdanskoj-voyny)

501. Карлявина А.И. Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов / А.И. Карлявина // Артикульт. – 2019. – № 3(35). – С. 97–104.

502. Катаев Е.А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) / Е.А. Катаев // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2017. – № 6. – С. 149–156.

503. Кириченко О.В. Антиобновленческая деятельность православных монахинь и черничек в 1930-е годы / О.В. Кириченко // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 3–4. – С. 414–418.

504. Климук Я.А. Классификация и динамика развития методов раскулачивания крестьянства / Я.А. Климук // МНКО (Мир науки, культуры, образования). – 2007. – № 2. – С. 36–38.

505. Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири) / А.А. Кожаева // Исторический курьер. – 2021. – № 4 (18). – С. 27–37.

506. Колотков М.Б. Значение Декрета «о красном терроре» от 5 сентября 1918 г. в формировании системы политических репрессий в советской России в 1918–1922 гг. / М.Б. Колотков // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 94–100.

507. Комиссарова Л.В., Яшина С.А. Письмо благочинным Совета объединенных приходов Москвы / Л.В. Комиссарова, С.А. Яшина // Вестник СФИ. – 2018. – № 25. – С. 91–98.
508. Копылова О.Н. Правдивее учебника. Отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ как источник по изучению истории взаимоотношений Церкви и государства во второй половине XX столетия / О.Н. Копылова // Вестник церковной истории. – 2011. – № 3–4. – С. 64–92.
509. Косенков А.Н. Политические репрессии 1918–1953 гг. в отношении тамбовской социальной элиты: характер и структура А.Н. Косенков // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22, вып. 1(165). – С. 100–108.
510. Костякова Ю.Б., Мухина А.А. «Язык вражды» периода массовых политических репрессий 1930-х гг. с позиции современного законодательства / Ю.Б. Костякова, А.А. Мухина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 19. – С. 29–33.
511. Крапивин М.Ю. Главмузей и изъятие церковных ценностей в советской России (весна-лето 1922 года) / М.Ю. Крапивин // Вопросы музеологии. – 2016, № 1(13). – С. 32–51.
512. Кринко Е.Ф. Репрессии «по закону»: лишения избирательных прав советских граждан / Е.Ф. Кринко // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2011. – Выпуск 3(7). – С. 81–85.
513. Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий / С.А. Кропачев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 28–42.
514. Крутикина Ю.А. Теория и история права и государства, конституционное право, обеспечение прав и свобод человека и гражданина / Ю.А. Крутикина // Юрист-Правоведь. – 2019. – № 2 (89). – С. 13–20.

515. Кулачков, В.В. Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг. (Историографический обзор) / В.В. Кулачков // История: Фактор и символы. – 2019. – № 3(20). – С. 15–21.
516. Кульчицкий А.Е. Деятельность Антирелигиозной комиссии – борьба с инакомыслием / А.Е. Кульчицкий // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 143–146.
517. Лановая Г.М. Церковно-государственные отношения: идея и политико-правовая реальность / Г.М. Лановая // Вестник Юридического факультета ЮФУ. – 2019. Т. 6., № 2. – С. 23–29.
518. Леонов С.В. ВЧК и Православная Российская Церковь в 1918 г. / С.В. Леонов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2021. – Вып. 100. – С. 66–79.
519. Личак Н.А. К истории изъятия церковных ценностей во Владимире / Н.А. Личак // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 6(67). – С. 78–84.
520. Мавлютова З.Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) / З.Ш. Мавлютова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 23 (161). История. Вып. 33. – С. 52–57.
521. Мазырин А.В., иер. Вопрос о призвании служителей Церкви в эпоху гонений: два взгляда современников / иер. А.В. Мазырин // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып. 6 (43). – С. 70–82.
522. Мазырин А.В., иер. Проблема легализации Православной Церкви в СССР в середине 1920-х годов / иер. А.В. Мазырин // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 77–91.
523. Мазырин А.В., Николаев С.К. Чины приема в Православную Церковь из обновленческого раскола / А.В. Мазырин, С.К. Николаев // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2018. – Вып. 85. – С. 133–149.

524. Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в советском государстве (1918–1964-е годы) / А.Н. Марченко // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – № 15. – С. 118–132.
525. Марченко А.Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX–начала XXI века / А.Н. Марченко // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – № 5. – С. 164–177.
526. Марченко А.Н. Доходы православного духовенства и налоговая политика власти в период Хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 годов (по материалам Уральского региона) / А.Н. Марченко // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 18. – С. 129–138.
527. Марченко А.Н. Сопротивление епископата Русской православной Церкви «хрущевским» гонениям в 1958–1964 гг. По материалам Совета по делам РПЦ при СМ СССР / А.Н. Марченко // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2015. № 6 (361). История. – Вып. 63. – С. 117–123.
528. Марченко А.Н., Чумаченко Т.А. Управление процессом религиозного возрождения в годы Великой Отечественной войны Советом по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР и его уполномоченными по Молотовской области / А.Н. Марченко, Т.А. Чумаченко // *Ars Administrandi*. – 2017. – № 4. – С. 531–549.
529. Менькова И.Г. «Я – священник Православной Патриаршей Церкви» / И.Г. Менькова // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. – 2008. – Вып. 3 (28). – С. 102–111.
530. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) / А.В. Метель // *Вестник Омского государственного университета*. – 2013. – № 1. – С. 43–47.
531. Михайлов С.С. Из истории старообрядцев–неокружников на территории Московской области в 1940–1950-х гг. / С.С. Михайлов // *Богородское краеведение*

[Электронный ресурс]. Режим доступа: [tps://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/33_neokrujniki.html](https://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/33_neokrujniki.html)

532. Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в России / Н.В. Михайлова // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – 101–104.
533. Михайловский А.Ю. Ходатайства верующих об открытии храмов как канал взаимодействия с властью в сфере религиозной политики (1943–1958 гг., на материалах Рязанской области) / А.Ю. Михайловский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 3. – С. 361–365.
534. Мишин В. Приходское духовенство села Виноградова Московского уезда Московской епархии и крестьянский мир во второй половине XIX в. / В. Мишин // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – Вып. 4 (53). – С. 68–82.
535. Молодов О.Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) / О.Б. Молодов // Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2016. – № 3. – С. 121–137.
536. Нефедовский Г.В. Высылка и ссылка в правовом механизме государственного принуждения советской России 1920-х гг. / Г.В. Нефедовский // Право и практика. – 2022. – № 3. – С. 18–24.
537. Никодим (Хмыров), иеромон. Русская Зарубежная Церковь о голоде в России и изъятии церковных ценностей в 1920-х гг. / иеромон Никодим (Хмыров) // Христианское чтение. – 2018. – № 2. – С. 218–232.
538. Никонов В.В. Антирелигиозная пропаганда среди школьников Гжельского народного художественного промысла в 1920-1930-х гг. / В.В. Никонов, Б.В. Илькевич // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 5.
539. Никонов В.В. Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти / В.В. Никонов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2022. – № 1. – С. 62–72.

540. Никонов В.В. Возвращения Московского епархиального попечительства о бедных духовного звания и сиротах как реакция на антицерковную государственную политику в 1918 г. / В.В. Никонов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 1 (94). – С. 44–49.
541. Никонов В.В. Дело «контрреволюционной группировки церковников г. Егорьевска» 1935 г. как пример преследования органами НКВД движения «непоминающих» в Православной Российской Церкви (по материалам ГА РФ, ГА СО и ЦГА г. Москвы) / В.В. Никонов // История и архивы. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 47–62.
542. Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–1930-х гг. / В.В. Никонов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3 (96). – С. 61–68.
543. Никонов В.В. Домашний архив как источник для исследований по церковной истории / Никонов В.В. // Московские епархиальные ведомости. – 2020. – № 11. – С. 82–91.
544. Никонов В.В. Закрытие приходских храмов в СССР в начале 1930-х годов (на примере Владимирского храма в Краскове Ухтомского района Московской области) / В.В. Никонов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2022. – № 3 (76). – С. 48–57.
545. Никонов В.В. Исследовательский проект «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области». Анализ результатов и перспективы развития / В.В. Никонов // Московские епархиальные ведомости. – 2018. – № 10. – С. 50–54.
546. Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы / В.В. Никонов // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 105–118.
547. Никонов В.В. К вопросу об антицерковных процессах Московского революционного трибунала 1918–1920-х гг. (дело священника Михаила Сахарова) / В.В. Никонов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2022. – № 2. – С. 90–98.

548. Никонов В.В. Крестный ход с Иерусалимской иконой Божией Матери в восточных уездах Московской губернии. Вековая традиция и запрет в 1920-х гг. / В.В. Никонов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 4 (93). – С. 58–63.
549. Никонов В.В. Лишение избирательных прав приходского духовенства и членов церковных советов в 1920-х гг. как мера, направленная на дестабилизацию деятельности приходов и дальнейшее их разрушение / В.В. Никонов // XXIX Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием (Москва, 18 февраля 2023 г.) / Сост. З.М. Дашевская. – М.: Свято-Филаретовский институт, 2023. – С. 9–19.
550. Никонов В.В. Материалы дел о перерегистрации религиозных общин как источник по истории приходской жизни 1920-х годов / В.В. Никонов // Московские епархиальные ведомости. – 2020. – № 12. – С. 104–113.
551. Никонов В.В. На пороге Большого террора: диакон старообрядческих моленных Иван Афанасьевич Власов и дело московского неокружнического старообрядческого духовенства 1937 г. / В.В. Никонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2022. – Т. 22, вып. 2. – С. 179–186.
552. Никонов В.В. Особенности вынесения приговоров Московским революционным трибуналом по делам духовенства и верующих в 1918–1920-е гг. / В.В. Никонов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2022. – Вып. 108. – С. 74–87.
553. Никонов В.В. Особенности подготовки преподавателей для воскресных и церковно-приходских школ в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / В.В. Никонов, М.В. Денисов // Наука и школа. – 2020. – № 6. – С. 97–104.
554. Никонов В.В. Отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области как источник сведений о росте религиозных практик москвичей в 1944–1946 годах / В.В. Никонов // Известия Смоленского государственного университета. – 2022. – № 3 (59). – С. 168–184.

555. Никонов В.В. Первые закрытия храмов в Раменском районе московской области в 1920-х гг. / В.В. Никонов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 1 (61).
556. Никонов В.В. Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. / В.В. Никонов // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 546–556.
557. Никонов В.В. Процесс возвращения закрытых храмов верующим в Московской области во время Великой Отечественной войны: по материалам ЦГАМО / В.В. Никонов // История и архивы. – 2022. – № 4. – С. 45–62.
558. Никонов В.В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. / В.В. Никонов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2023. – № 1. – С. 55–66.
559. Никонов В.В. Староста Успенского храма с. Гжель В.И. Московский / В.В. Никонов // Вестник ГГУ. Сетевой электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 53–66.
560. Никонов В.В. Членство в церковных советах православных приходов в 1920–1930-х гг. как фактор риска политических преследований / В.В. Никонов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 4 (64).
561. Никонов В.В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской епархии священника Сергия Никитского / В.В. Никонов // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. – 2022. – № 3. – С. 314–330.
562. Обозный К.П. К вопросу о церковном управлении православными приходами на Псковщине в годы немецкой оккупации и в период «нового курса» / К.П. Обозный // Вестник СФИ. – 2016. – № 3. – С. 43–77.

563. Околотин В.С. Практика самообложения сельского населения в 1927–1928 годах (на материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) / В.С. Околотин // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 80–84.
564. Околотин В.С. Реализация налоговой политики и специфика политических репрессий в воспоминаниях Н.М. Сиганова / В.С. Околотин // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 2. – С. 88–100.
565. Остроухова Н.В. Идеологические установки советского государства по отношению к Русской православной церкви и их реализация в период подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года / Остроухова // *Via in tempore*. История. Политология. – 2021. – Том 48, № 1. – С. 188–197.
566. Павлов Д.В. «С полуслова понимает нас и откровенно от души все делает в пользу государства...» Несостоявшийся патриарх эпохи Хрущевских гонений / Д.В. Павлов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2020. – № 2(30). – С. 226–265.
567. Панга Е.В. Финансово-кредитные мероприятия советских властных структур в отношении нэпманов (1921–1928) в центре и на местах / Е.В. Панга // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8. Сер. История. Международные отношения. вып. 2. – С. 75–80.
568. Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия / О.Б. Панкратова, С.С. Писанов // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 52–55.
569. Пантюхин А.М. Формирование обновленческой идеологии на Северном Кавказе в первой четверти XX века / А.М. Пантюхин // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 44–48.
570. Папахин С.А. Безгин В.Б. Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия в борьбе с крестьянским протестом (1918-1922 гг.) / С.А. Папахин, В.Б. Безгин // Манускрипт. – 2021. – Том 14. Выпуск 8. – С. 1574–1578.

571. Папилин Г.А., Постников Н.А., Соловьев Д.Н. Проблемы реабилитации жертв политических репрессий в довоенный период СССР (1938–1941 гг.) / Г.А. Папилин, Н.А. Постников, Д.Н. Соловьев // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4(56).
572. Перелыгин А.И. Орловское духовенство в годы политических репрессий / А.И. Перелыгин // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2 (71). – С. 41–47.
573. Петюкова О.Н. Правовая природа государственно-церковных отношений / О.Н. Петюкова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 7–13.
574. Пискунов А.О. К вопросу о периодизации тоталитарного политического режима А.О. Пискунов // Власть. – 2014. – № 10. – С. 104–108.
575. Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) / О.Б. Приказчикова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II, № 2 (31). – С. 41–76.
576. Сафонов Д.В., иер. Налог на культовую деятельность как способ борьбы с религией при советской власти / иер. Д.В. Сафонов // Богословский вестник. – 2015. – № 16–17. – С. 155–192.
577. Селивановская И.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: правовые аспекты / И.А. Селивановская // Историческое обозрение. – 2009. – № 10. – С. 78–83.
578. Семенов К.А. Проблема издания документов закрытых заседаний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / К.А. Семенов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II:2 (31). – С. 20–28.
579. Сергия (Каламкарлова), мон. Протоиерей Троицкого собора города Александра Николая Харьюзов / мон. Сергия (Каламкарлова) // Дивен Бог во святых Своих. Альманах. – Владимир: Издание Судогодского Благодичия и комиссии по канонизации святых Владимирской епархии – 2013. – № 3. – С. 17–34.
580. Сипейкин А.В. Антирелигиозная и антицерковная политика советской власти: 1917–1920 годы / А.В. Сипейкин // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2016. – № 4. – С. 16–38.

581. Сипейкин А.В. Соколов К.И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания в Тверской губернии в конце 1917–1922 гг. / А.В. Сипейкин, К.И. Соколов // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2017. – № 4. – С. 165–171.
582. Сморгцова Л.Н. Военный налог в России: краткий исторический обзор / Л.Н. Сморгцова // Современная научная мысль. – 2022. – № 6. – С. 278–282.
583. Советов И.М. (Одинцов М.И.) Советское законодательство о религиозных культах в 20-30-х гг. XX в.: содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании правовой базы / И.М. Советов // Общероссийская общественная организация «Российское общество исследователей религии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-217/>
584. Соколов А.В. Вопрос о реквизиции военным ведомством духовно-учебных заведений в России в 1917 г. / А.В. Соколов // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 28–33.
585. Сомин Н.В. Использование репрезентативной выборки оценки числа пострадавших за веру в России в XX в. / Н.В. Сомин // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2019. – Вып. 87. – С. 98–107.
586. Сомин Н.В. К вопросу о числе репрессированных за православную веру в России в XX в. / Н.В. Сомин // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 3 (64). – С. 101–110.
587. Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве / Л.И. Сосковец // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. – 2003. – № 1(20). – С. 310–322.
588. Сосковец Л.И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа / Л.И. Сосковец // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С. 189–199.
589. Спасенкова И.В. Приходское храмопечение в 1918–1930-е гг.: пути и формы сохранения православной повседневности/традиции (на материалах г. Вологды) / И.В. Спасенкова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2020. – № 4(32). – С. 182–209.

590. Страдаченков А.С. Законодательство и манипуляция / А.С. Страдаченков // Наука и современность. – 2010. – № . 1–3. – С. 46–50.
591. Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы / В.В. Страхов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2008. – № 19. – С. 78–99.
592. Сухова Н.Ю. Российское «ученое монашество» перед проблемами учености и монашества (1880–1910-е гг.) / Н.Ю. Сухова // Христианское чтение. – 2018. – № 2. – С. 197–208.
593. Табунщикова Л.В. «Комсомольское рождество» 1923 года в Донской области / Л.В. Табунщикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 3. ч. 2. – С. 176–179.
594. Табунщикова Л.В. Советское законодательство по вопросам религии и церкви в контексте церковно-государственных отношений (1917-1943 гг.) / Л.В. Табунщикова // Манускрипт. – 2020. – Том 13. Выпуск 11. С. 67–71.
595. Уйманов В.Н. Кампания массовой реабилитации жертв политических репрессий в Западной Сибири в середине 1950-х–1980-е годы / В.Н. Уйманов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 2(18). – С. 92–99.
596. Уйманов В.Н. Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (к вопросу о реабилитации жертв репрессий) / В.Н. Уйманов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 358. – С. 49–35.
597. Уфимцева Е.И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества / Е.И. Уфимцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология, политология. – 2018. – №2. – С. 133–139.
598. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных / Н.А. Федорова // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – № 4. – С. 483–496.
599. Федосов Е.А. Диалектика сакрального в советской визуальной пропаганде 1920–1960-х гг. / Е.А. Федосов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История РПЦ. – 2018. – № 81. – С. 91–104.

600. Филатов П.В. Труд сельского клирика первой половины XIX века в личном хозяйстве как реальность и ценность / П.В. Филатов // Национальные приоритеты России. – 2013. – № 3 (10). – С. 10–13.
601. Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. / Г.Л. Фриз // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4(30). – С. 86–105.
602. Циткилов П.А. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы / П.А. Циткилов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 203–230.
603. Цыремпилова И.С. Антирелигиозная агитация и пропаганда в 1920-е годы: форма, опыт и эффективность / И.С. Цыремпилова // Власть. – 2020. – № 5. – С. 208–214.
604. Цыремпилова И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. / И.С. Цыремпилова // Власть. – 2011. – № 9. – С. 74–77.
605. Чернова Е.Л. К истории противостояния патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.) / Е.Л. Чернова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2014. – № 17 (139). – С. 81–89.
606. Чернова Е.Л. На пути к обновленческому поместному собору 1923 г.: к истории подчинения Московских приходов / Е.Л. Чернова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2013. – № 9 (110). – С. 135–144.
607. Чернова Е.Л. Распространение обновленчества в Москве в 1920-е годы: топографический аспект / Е.Л. Чернова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – № 6 (86). – С. 121–133.
608. Черверяков Е.Н. Новосибирский архипастырь архиепископ Павел (Голышев) – участник Сопrotивления / Е.Н. Черверяков. // Исторический курьер. – 2021. – № 3(17). – С. 110–116.
609. Чумакова Т.В. «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения / Т.В. Чумакова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3–4(30). – С. 106–133.

610. Чумаченко Т.А. К вопросу об отставке Г.Г. Карпова с должности председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР / Т.А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 18. – С. 138–144.
611. Шилкина М.В. Подходы к изучению «обновленчества» в церковной и светской литературе / М.В. Шилкина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2011. – № 17(79). – С. 174–180.
612. Шкаровский М.В. Актуальные вопросы русской церковной эмиграции в XX веке: Историографические и источниковедческие аспекты / М.В. Шкаровский // Христианское чтение. – 2012. – № 1. – С. 44–97.
613. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и православная Церковь / М.В. Шкаровский // Берегиня.777.Сова. – 2017. – № 2(33). – С. 101–116.
614. Шкаровский М.В. «Покажите народу лицо батюшки-мученика...»: жизненный путь протоиерея Владимира Рыбакова (1869–1934) / М.В. Шкаровский // Вестник Исторического общества. – 2018. – № 1. – С. 66–74.
615. Шмелев С.А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. / С.А. Шмелев // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – № 3. – С. 92–99.
616. Щелкунов А.А. Особенности ведения следствия органами НКВД против священнослужителей во время «Большого террора» 1937–1938 гг. / А.А. Щелкунов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 2 (63). – С. 108–120.
617. Щепетков М., иер. Налогообложение духовенства в 1930-е годы как форма гонения на Православную церковь / иер. М. Щепетков // XIII Международные рождественские образовательные чтения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://isfic.info/sovpop/petova20.htm>
618. Элиашевич И.Я. Чего мы ждем от II Съезда? / И.Я. Элиашевич // Антирелигиозник. – 1929. – № 6. – С. 59.

619. Яшина С.А. Возникновение и деятельность Совета объединенных приходов г. Москвы (1918–1920-е гг.) / С.А. Яшина // Вестник Омской православной духовной семинарии. – 2018. – № 1 (4). – С. 118–123.
620. Freeze G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // *Social Identities in revolutionary Russia* / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave. – 2001. P. 174–208.
621. Freeze G. L. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review*. – 1995. – Vol. 54. – P. 305–339.
622. Freeze G. L. Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg; Neue Wege der Forschung* / ed. M. Hildermeier. Munchen. – 1998. – P. 209–232.
623. Young G. «Into Church Matters»: Lay Identity, Rural Parish Life, And Popular Politics in Late Imperial and Early Soviet Russia, 1864–1928 // *Russian History*. – 1996. – Vol. 23. № 1/4. – Pp. 367–384.

2.1. Диссертационные исследования

624. Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Басова Надежда Александровна. – Петрозаводск, 2006. – 269 с.
625. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Беглов Алексей Львович. – М., 2019. – 1057 с.
626. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Белоногова Юлия Игоревна. – М., 2006. – 203 с.
627. Валуев Д.В. Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Западного региона РСФСР): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Валуев Демьян Валерьевич. – Брянск, 2003. – 255 с.

628. Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Васина Светлана Михайловна. – Йошкар-Ола, 2003. – 361 с.
629. Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Гераськин Юрий Вениаминович. – М., 2009. – 561 с.
630. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.): дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Горбатов Алексей Владимирович. – Кемерово, 2009. – 437 с.
631. Дружинкина Н.Г. Православные приходы Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Дружинкина Наталья Гавриловна. – СПб., 2010. – 783 с.
632. Зин Н.В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Зин Наталья Васильевна. – М., 2010. – 234 с.
633. Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Конюченков Андрей Иванович. – Челябинск, 2006. – 507 с.
634. Марченко А.Н. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона (1958–1964 гг.): дис. ...д-ра. ист. наук: 09.00.13 / Марченко Алексей Николаевич. – М., 2008. – 392 с.
635. Матющенко В.С. Старообрядчество в Приамурье в XIX – начале XXI вв.: философско-религиоведческий анализ: дис. ...канд. философ. наук: 09.00.13 / Матющенко Виктория Сергеевна. – Благовещенск, 2009. – 225 с.
636. Молодов О.Б. Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Молодов Олег Борисович. – Архангельск, 2006. – 303 с.

637. Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Никифорова Ольга Владимировна. – Челябинск, 2006 – 237 с.
638. Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае: 1917–1953 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Перельгин Анатолий Иванович. – Орел, 2009. – 236 с.
639. Петюкова О.Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Петюкова Оксана Николаевна. – М., 2011 – 54 с.
640. Саввотеев, Н.В. Сельский приход Русской Православной Церкви в 1917–1922 годах: по материалам губерний Центральной России: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. / Саввотеева Наталия Викторовна. – Коломна, 2009. – 178 с.
641. Соколов А.В. Государство и Православная Церковь в России. Февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Соколов Арсений Владимирович. – СПб., 2014. – 810 с.
642. Спасенкова С.В. Этноконфессиональные ценности русского населения в многонациональном российском регионе (На примере Оренбургской области): дис. ...канд. социол. наук: 22.00.06 / Спасенкова Светлана Владимировна. – Уфа. 2003. – 192 с.
643. Струполева Н.С. Православные приходы Ставрополя и Кубани в 40-е гг. XIX – начале XX вв.: социальные функции и духовная жизнь: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Струполева Наталья Сергеевна. – Ставрополь, 2007. – 231 с.
644. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России): дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Федотов Алексей Александрович. – Иваново, 2009. – 465 с.
645. Филиппов С.А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков: По материалам Самарской епархии.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Филиппов Сергей Анатольевич. – Самара, 2002. – 254 с.

646. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ...д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Цыремпилова Ирина Семеновна. – Улан-Удэ, 2009. – 491 с.